МЖМП

Московский журнал международного права

Выпуск 2 • 2026

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Московский журнал международного права является профессиональной трибуной, открытой для различных точек зрения по вопросам толкования и применения норм современного международного права. Журнал нацелен на консолидацию творческих усилий юристов, представляющих российскую и зарубежную науку международного права в ее прогрессивном развитии и позитивном воздействии на международно-правовую практику. В журнале публикуются также результаты исследований национального права, в том числе иностранного, в общем контексте действия международного права.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Александр Николаевич ВЫЛЕГЖАНИН
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, руководитель Лаборатории международно-правовых исследований, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дмитрий Владимирович ИВАНОВ
(первый заместитель) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Владимир Алексеевич КАРТАШКИН
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прав человека, Институт государства и права, Российская академия наук *(Москва, Российская Федерация)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Юридического института, заведующий кафедрой международного права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы *(Москва, Российская Федерация)*

Адель Ильсиярович АБДУЛЛИН
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» *(Казань, Российская Федерация)*

Уильям БАТЛЕР
доктор права, заслуженный профессор Школы права и международных отношений им. Джона Эдварда Фоулера, Университет штата Пенсильвания *(Юниверсити-Парк, США)*

Сергей Владимирович БАХИН
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права Юридического факультета, ГАУГН *(Москва, Российская Федерация)*

Пол БЕРКМАН
доктор юридических наук, профессор, ассоциированный член ЮНИТАР, руководитель Арктического проекта Фулбрайт, Арктический университет Норвегии (Университет Тромсё) *(Тромсё, Норвегия)*

Александр ГЕРРЕЙРО
доктор права, ассоциированный член Института политико-правовых наук юридического факультета Лиссабонского университета *(Лиссабон, Португалия)*

Душко ДИМИТРИЕВИЧ
доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт международной политики и экономики *(Белград, Сербия)*

Лотар ДЕТЕРМАН
доктор права, внешний сотрудник кафедры права, Свободный университет Берлина *(Берлин, Федеративная Республика Германия)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Анатолий Васильевич ТОРКУНОВ
Академик Российской Академии наук, член Президиума Российской Академии наук, ректор МГИМО МИД России, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дамир Камильевич БЕКЯШЕВ
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Михаил Михайлович БИРЮКОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного права и прав человека, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Алексей Николаевич БОРИСОВ
кандидат политических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Лариса Владиславовна ВЕРЕИНА
кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Светлана Юрьевна КОЛОСОВА
магистр права, подполковник юстиции в отставке, Государственно-общественное объединение «Московский Дом ветеранов войн и Вооруженных сил» *(Москва, Российская Федерация)*

Александр Игоревич МУРАНОВ
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Людмила Васильевна ПАВЛОВА
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений, Белорусский государственный университет *(Минск, Белоруссия)*

Марат Алдангорович САРСЕМБАЕВ
доктор юридических наук, профессор, Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан *(Астана, Казахстан)*

Геннадий Петрович ТОЛСТОПЯТЕНКО
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, первый проректор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Андрей Адамович ТРЕБКОВ
заслуженный юрист РСФСР, кандидат юридических наук, председатель, Международный союз юристов *(Москва, Российская Федерация)*

Владимир Васильевич УСТИНОВ
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе *(Ростов-на-Дону, Российская Федерация)*

Сергей Алексеевич ЕГОРОВ
доктор юридических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России
(Москва, Российская Федерация)

Анна Ивановна ИВАНЧАК
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного частного
и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный
институт международных отношений (Университет) МИД России
(Москва, Российская Федерация)

Анатолий Яковлевич КАПУСТИН
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заведующий кафедрой международного права, Институт
законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
(Москва, Российская Федерация)

Джон Энтони КАРТИ
доктор права, профессор международного права
Пекинского технологического института, главный редактор
Оксфордской онлайн-библиографии международного права
(Оксфорд, Великобритания)

Рустам Альбертович КАСЬЯНОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России
(Москва, Российская Федерация)

Алексей Александрович КОСТИН
заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук,
Председатель МКАС и МАК при ТПП РФ, профессор, профессор кафедры
международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Цзэнцзюн КУАН
профессор международного права, Китайский институт приграничных и
морских исследований, Уханьский университет *(Ухань, КНР)*

Геннадий Иринархович КУРДЮКОВ
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
международного права, Казанский (Приволжский)
федеральный университет *(Казань, Российская Федерация)*

Дмитрий Константинович ЛАБИН
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного права,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России *(Москва, Российская Федерация)*

Лев Александрович ЛАЗУТИН
заслуженный юрист Российской Федерации, профессор,
профессор кафедры международного права, Уральский государственный
юридический университет имени В.Ф. Яковлева
(Екатеринбург, Российская Федерация)

Евгений Григорьевич ЛЯХОВ
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
конституционного и международного права, Российская таможенная
академия *(Москва, Российская Федерация)*

Алексей Александрович МОИСЕЕВ
доктор юридических наук, вице-президент, Российская ассоциация
международного права *(Москва, Российская Федерация)*

Юрий Эдуардович МОНАСТЫРСКИЙ
доктор юридических наук, партнер, юридическая фирма
«Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры»
(Москва, Российская Федерация)

Рейн МЮЛЛЕРСОН
доктор юридических наук, профессор, президент Академии права,
Таллинский университет *(Таллин, Эстония)*

Борис Иванович НЕФЁДОВ
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры международного права, Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя *(Москва, Российская Федерация)*

Низами Абдулла оглу САФАРОВ
доктор юридических наук, депутат Милли Меджлиса (Парламента)
Азербайджанской республики, Председатель комиссии по социальным
вопросам и правам человека Межпарламентской Ассамблеи
государств-участников СНГ, Руководитель рабочей группы
по межпарламентским связям Азербайджан-Россия *(Баку, Азербайджан)*

Владислав Леонидович ТОЛСТЫХ
доктор юридических наук, профессор кафедры международного права,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА) *(Москва, Российская Федерация)*

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ
заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой международного права,
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития России
(Москва, Российская Федерация)

Марк Львович ЭНТИН
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
интеграционного права и прав человека,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России
(Москва, Российская Федерация)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Анна Ивановна ЕФИМОВА
Ph.D. (политические науки), доцент департамента политической науки,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» *(Москва, Российская Федерация)*

Плата за публикацию

Публикация в журнале для авторов бесплатна.

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Московский журнал международного права зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 09.12.2000, свидетельство о регистрации: № 77-5895

ISSN (print): 0869-0049

ISSN (online): 2619-0893

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал включен в РИНЦ

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 70893

Периодичность: 4 раза в год

Учредители: Международный союз общественных объединений юристов «Международный союз юристов»; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Сайт: http://mjil.ru

Адрес: 119454, Российская Федерация, пр. Вернадского, д. 76, ком. 107

E-mail: mjil@mgimo.ru

Тел.: +7 (495) 229-38-23

Подписано в печать 26.06.2026 г.

Тираж: 1000 экземпляров, 1-й завод ___ экз.

Заказ № ___

Отпечатано в производственном отделе
Издательского дома МГИМО.
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.
mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru

Выпускающий редактор номера – Н.Ю. Молчаков

Корректор – К.Е. Полтевская

Верстка – Д.Е. Волков

© «Московский журнал международного права», 2026

MJIL
Moscow Journal of International Law

Issue 2 · 2026

ABOUT THE JOURNAL

The Moscow Journal of International Law is a professional tribune open for various points of view on the interpretation and application of the norms of modern international law. The Journal is aimed at consolidation of creative efforts by lawyers who represent the Russian and foreign science of international law in its progressive development and positive impact on international legal practice. The journal also publishes the results of studies of national law, including foreign law, in the general context of application of international law.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander N. Vylegzhanin
Doctor of Laws, Professor, Honorable Researcher of the Russian Federation, Head of the Laboratory of International Legal Research, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Dmitry V. Ivanov
Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Vladimir A. Kartashkin
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Human Rights Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences *(Moscow, Russian Federation)*

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aslan Kh. Abashidze
Doctor of Laws, Professor, Honorable Researcher of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Head of the he International Law Department, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba *(Moscow, Russian Federation)*

Adel I. Abdullin
Doctor of Laws, Professor, Head of the International Law Department, Kazan (Volga region) Federal University *(Kazan, Russian Federation)*

William Butler
Doctor of Laws, the John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Pennsylvania State University *(University-Park, USA)*

Sergei V. Bakhin
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Public Law of the Faculty of Law, GAUGN *(Moscow, Russian Federation)*

Paul Berkman
Doctor of Laws, Professor, UNITAR Associated Fellow, Fulbright Arctic Chair in Tromsø with the Arctic University of Norway *(Tromsø, Norway)*

John Anthony Carty
PhD, Professor of International Law at Beijing Instituteof Technology, Editor-in-Chief of the Oxford Bibliographies in International Law *(Oxford, Great Britain)*

Duško Dimitrijević
Dr. Sci. (Law), Principal Research Fellow, Institute of International Politics and Economics *(Belgrade, Serbia)*

Lothar Determann
Doctor of Laws, External Employee of the Department of Law, Free University of Berlin *(Berlin, Federal Republic of Germany)*

Sergey A. Egorov
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

EDITORIAL COUNCIL

PRESIDENT

Anatoly V. Torkunov
Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences *(Moscow, Russian Federation)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL COUNCIL

Damir K. Bekyashev
Doctor of Laws, Professor, Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Mikhail M. Biryukov
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Alexey N. Borisov
Candidate of Political Sciences, Head of the UNESCO Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Svetlana Yu. Kolosova
Master of Laws, Retired Lieutenant Colonel of Justice, Public and Private Partnership Moscow House of Veterans of War and Armed Forces *(Moscow, Russian Federation)*

Alexander I. Muranov
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Ludmila V. Pavlova
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor at the International Law Department of the Faculty of International Relations, Belarusian State University *(Minsk, Belarus)*

Marat A. Sarsembaev
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Central Election Commission of the Republic of Kazakhstan *(Astana, Kazakhstan)*

Gennady P. Tolstopyatenko
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor, Vice-Rector, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Andrey A. Trebkov
Honoured lawyer of the RSFSR, Candidate of Juridical Sciences, Head of the International Union of Lawyers *(Moscow, Russian Federation)*

Larisa V. Vereina
Candidate of Juridical Sciences, Deputy Head of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Vladimir V. Ustinov
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Presidential Envoy to the Southern Federal District *(Rostov-on-Don, Russian Federation)*

Mark L. Entin
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Alexandre Guerreiro
Doctor of Laws, associated member of the Institute of Political-Legal Sciences of the School of Law, University of Lisbon
(Lisbon, Portugal)

Anna I. Ivanchak
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Anatoly Ya. Kapustin
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of International Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)

Rustam A. Kasyanov
Doctor of Laws, professor, professor of the Department of Integration and Human Rights Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(Moscow, Russian Federation)

Alexey A. Kostin
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Laws, Chairman of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Professor, Professor of the Private International and Civil Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Zengjun Kuang
Professor of International Law, China Institute of Boundary and Ocean Studies, Wuhan University *(Peoples Republic of China)*

Gennady I. Kurdyukov
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the International Law Department, Kazan Federal University
(Kazan, Russian Federation)

Dmitry K. Labin
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia *(Moscow, Russian Federation)*

Lev A. Lazutin
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Professor, Professor of the International Law Department, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev *(Yekaterinburg, Russian Federation)*

Eugene G. Lyakhov
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Constitutional and International Law Department, Russian Customs Academy
(Moscow, Russian Federation)

Alexey A. Moiseev
Doctor of Juridical Sciences, Vice-President, Russian International Law Association *(Moscow, Russian Federation)*

Yuri Ed. Monastyrsky
Doctor of Juridical Sciences, Partner, Monastyrsky, Zyuba, Stepanov & Partners Law Firm *(Moscow, Russian Federation)*

Rein Müllerson
Doctor of Laws, Professor, President of Law School, Tallinn University
(Tallinn, Estonia)

Boris I. Nefyodov
Doctor of Laws, Associate Professor, Professor at the International Law Department, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation *(Moscow, Russian Federation)*

Nizami A. oglu Safarov
Doctor of Juridical Sciences, Member of the Milli Majlis (Parliament) of the Republic of Azerbaijan, Chairman of the Commission on Social Issues and Human Rights of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States, Head of the Working Group on Interparliamentary Relations Azerbaijan-Russia *(Baku, Azerbaijan)*

Vladislav L. Tolstykh
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the International Law Department, Kutafin Moscow State Law University
(Moscow, Russian Federation)

Vladimir M. Shumilov
Honoured Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International Law Department, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of Russia
(Moscow, Russian Federation)

ASSISTANT EDITOR

Anna I. Yefimova
Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Political Science Department, National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russian Federation)

Author fees

Publication in **«Moscow Journal of International Law»** is free of charge for all the authors.

The journal doesn't have any Arcticle processing charges.

The journal doesn't have any Article submission charges.

Moscow Journal of International Law was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 9th of December, 2000.
Registration certificate: № 77–5895
ISSN (print): 0869-0049
ISSN (online): 2619-0893
The Journal is on the List of leading peer-reviewed academic journals and editions where key scholarly results of Cand. Sci. and Dr. Sci. theses should be published.
The Journal has been included in the Russian Science Citation Index (RSCI).
Subscription Index: 70893
Publication Frequency: Quarterly
Founders: International Union of Lawyers; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Web-site: http://mjil.ru
Address: 76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: mjil@mgimo.ru
Tel.: +7 (495) 229-38-23
Circulation: 1000 copies

Executive editor – Nikita Yu. Molchakov
Proofreader – Xenia E. Poltevskaya
Typography – Dmitry E. Volkov

© «Moscow Journal of International Law», 2026

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Абашидзе А.Х.
Международным пактам по правам человека – 60 лет! 6

Штодина Д.Д., Штодина И.Ю.
Защита прав несовершеннолетних пользователей в социальных сетях: невозможное возможно? 27

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Сазонова К.Л., Бекяшев Д.К.
Атаки на подводную инфраструктуру: международно-правовые аспекты и проблема ответственности 43

Бегишев И.Р., Кийко Д.С.
Международно-правовое регулирование незаконного оборота военных роботов 59

МЕЖДУНАРОДНОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Юзбашян М.Р.
К гармонизации подходов России, Китая, Соединенных Штатов Америки к международно-правовому режиму космической природоресурсной деятельности 76

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОРСКОЕ ПРАВО

Клюев В.В., Вылегжанина В.А.
Правотворчество Международной морской организации в области охраны человеческой жизни на море: достижения и недочеты 103

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Тюрина Н.Е.
Регионализм в международной экономической системе: вызов международному праву? 120

Завершинская Д.А.
Защита национальной безопасности в международном инвестиционном арбитраже и Органе по разрешению споров Всемирной торговой организации: особенности, сходства и различия правовых подходов 134

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Валиуллина К.Б.
Международно-правовое сотрудничество стран БРИКС в сфере обеспечения экологической безопасности 156

Пономарёва Д.В.
Реализация принципа недискриминации в сфере биотехнологий в рамках Организации американских государств 177

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Клементьев А.П.
Международная унификация и гармонизация частного права в сфере финансовых рынков 190

МИРНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ

Косоруков К.А.
Кризис механизмов разрешения международных споров в контексте «юридической войны»: недействительность арбитражного решения вследствие предвзятости арбитров и нарушения правил процедуры при их назначении (на примере российско-украинского межгосударственного арбитража по «керченскому инциденту») 203

МЕЖДУНАРОДНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

Пинчук И.А., Шумилов В.М.
Сочетание транснационального регулирования и норм международного права в обеспечении режимов морских перевозок грузов 227

Данельян А.А., Канцеров К.В.
Конституционная реформа и международное право в правовой системе Республики Казахстан 239

Зеленцова М.Ю.
Правовая природа алиментного обязательства в праве России, Германии и Австрии 251

CONTENTS

HUMAN RIGHTS

Abashidze A.Kh.
The International Covenants on Human Rights – 60 Years! 6

Shtodina I.Yu., Shtodina D.D.
Protection of the Rights of Underage Users in Social Networks: is the Impossible Possible? 27

RESPONSIBILITY IN INTERNATIONAL LAW

Sazonova K.L., Bekyashev D.K.
Attacks on Underwater Infrastructure: International Legal Aspects and the Problem of Responsibility 43

Begishev I.R., Kiiko D.S.
International Legal Regulation of Illegal Trafficking of Military Robots 59

SPACE LAW

Yuzbashyan M.R.
Regarding Harmonization of the Approaches of Russia, China, The United States on the International Legal Regime on Space Resource Activities 76

LAW OF THE SEA

Klyuev V.V., Vylegzhanina V.V.
Law-Making of the International Maritime Organization in the Field of the Protection of Human Life at Sea: Achievements and Shortcomings 103

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

Tyurina N.E.
Regionalism in International Economic System: a Challenge to International Law? 120

Zavershinskaia D.A.
Protecting National Security in International Investment Arbitration and the World Trade Organization Dispute Settlement Body: Features, Similarities, and Differences of Legal Approaches 134

INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

Valiullina K.B.
International Legal Cooperation of the BRICS Countries in the Field of Environmental Safety 156

Ponomareva D.V.
Implementation of the Principle of Non-Discrimination in the Field of Biotechnology within the Framework of the Organization of American States 177

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Klementiev A.P.
International Unification and Harmonization of Private Law in the Field of Financial Markets 190

PEACEFUL SETTLEMENT OF INTERNATIONAL DISPUTES

Косоруков К.А.
Crisis of International Dispute Resolution Mechanisms in the Context of "Lawfare": Rendering an Arbitral Decision Null and Void as a Consequence of Arbitrator Bias and Breach of Rules of Procedure Regulating Appointment of Arbitrators, by Example of the "Kerch Incident" Inter-State Arbitration between the Russian Federation and Ukraine 203

INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

Pinchuk I.A. Shumilov V.M.
Interaction of Transnational Regulation and Norms of International Law in Ensuring the Regimes of Maritime Carriage of Goods 227

Danelyan A.A., Kantserov K.V.
Constitutional Reform and International Law in the Legal System of the Republic of Kazakhstan 239

Zelentsova M.Yu.
Legal Nature of Alimony Obligation in Russian, German and Austrian Law 251

CC BY

HUMAN RIGHTS

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-6-26

Research article
UDC: 341
Received 4 May 2026
Approved 2 June 2026

Aslan Kh. ABASHIDZE
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198
abashidze-akh@rudn.ru
ORCID 0000-0003-0012-8795

THE INTERNATIONAL COVENANTS ON HUMAN RIGHTS – 60 YEARS!

INTRODUCTION. *The sixtieth anniversary of the adoption of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights and the International Covenant on Civil and Political Rights brings renewed relevance to the question of their place within the universal system for the international protection of human rights. These treaties, which together with the Universal Declaration of Human Rights constitute the International Bill of Human Rights, retain their system-forming significance for the development of international cooperation in the field of human rights and for the determination of the international legal obligations of States in the promotion and protection of human rights. This article is devoted to certain aspects of the evolution of the universal human rights system following the adoption of the International Covenants, the impact of the 1993 Vienna Declaration and Programme of Action on the institutional architecture of the United Nations system, and contemporary trends relating to the activities of the human rights treaty bodies — the Committee on Economic, Social and Cultural Rights and the Human Rights Committee. The article also examines the issue of the relationship between the proclaimed indivisibility of all human rights and a practice in which instances of their institutional and procedural "division" occur.*

MATERIALS AND METHODS. *The study employed general scientific and formal-logical methods, including methods of analysis, synthesis, comparison, analogy, systematization and modelling, as well as special methods: formal legal, historical and comparative legal methods.*

RESEARCH RESULTS. *The study presents an analysis of the state of the International Covenants on Human Rights and their place in the universal human rights system as of 2026, considering the changes that have occurred within the UN system since 1993. The author provides a detailed overview of the outcomes of the 1993 World Conference on Human Rights in terms of their impact on the universal human rights system. The author also analyses crisis trends in the UN human rights system through the example of their impact on the system of human rights treaty bodies, particularly the Committee on Economic, Social and Cultural Rights and the Human Rights Committee, which monitor and supervise the implementation of the provisions of the two International Covenants on Human Rights.*

CONCLUSIONS AND DISCUSSION. *The study makes it possible to conclude that the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights and the International Covenant on Civil and Political Rights retain their system-forming significance for the universal system of human rights protection. The analysis shows that the indivisibility of human rights and freedoms proclaimed within the UN system is not always consistently ensured in the universal human rights system at the level of institutional practice. In this regard, it appears necessary to strengthen the role of treaty bodies established based on the relevant international treaties and to ensure their genuine independence from politicized administrative influence. Of particular importance in this respect is the preservation of the Charter-based role of ECOSOC in international cooperation in the economic and social*

spheres, as well as in the field of human rights. The anniversary of the International Covenants on Human Rights, in turn, should be regarded not as an occasion to revise their significance, but as an opportunity to restore the balance laid down in the UN Charter, without diluting or substituting the conceptual foundations of the International Bill of Human Rights.

KEYWORDS: *human rights, UN, ECOSOC, International Covenants, International Bill of Human Rights, ICESCR, ICCPR, UDHR, treaty bodies, CESCR, Human Rights Committee, OHCHR, universal human rights system, UN system*

FOR CITATION: Abashidze A. Kh. The International Covenants on Human Rights – 60 Years! – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 6–26. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-6-26

The author declares the absence of conflict of interest.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-6-26

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 04.05.2026
Принята к публикации: 02.06.2026

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Миклухо-Маклая ул., 6, Москва, 117198, Российская Федерация
abashidze-akh@rudn.ru
ORCID 0000-0003-0012-8795

МЕЖДУНАРОДНЫМ ПАКТАМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА – 60 ЛЕТ!

ВВЕДЕНИЕ. *Шестидесятилетие принятия Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах актуализирует вопрос об их месте в универсальной системе международной защиты прав человека. Указанные договоры, составляющие вместе со Всеобщей декларацией прав человека Международный билль о правах человека, сохраняют системообразующее значение для развития международного сотрудничества в сфере прав человека и для определения международно-правовых обязательств государств в области поощрения и защиты прав человека. Настоящая статья посвящена некоторым аспектам эволюции универсальной правозащитной системы после принятия Международных пактов, влиянию Венской декларации и Программы действий 1993 г. на институциональное устройство системы Организации Объединенных Наций (далее – ООН), а также современным тенденциям, связанным с деятельностью договорных органов по правам человека – Комитета по экономическим, социальным и культурным правам и Комитета по правам человека. В статье также рассматривается проблема соотношения провозглашенной неделимости всех прав человека с практикой, в рамках которой имеют место случаи их институционального и процедурного «разделения».*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В исследовании использовались общенаучные, формально-логические методы (включая методы анализа, синтеза, сравнения, аналогии, систематизации, моделирования), а также специальные методы (формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой).*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *В исследовании представлен анализ состояния Международных пактов о правах человека и их места*

в универсальной правозащитной системе к 2026 г. с учетом изменений, имевших место с 1993 г. в рамках системы ООН. Автором представлен детальный обзор результатов Всемирной конференции по правам человека 1993 г. в части их влияния на универсальную правозащитную систему. Автор также анализирует кризисные тенденции в правозащитной системе ООН на примере их влияния на систему договорных органов по правам человека, в частности – на примере Комитета по экономическим, социальным и культурным правам и Комитета по правам человека, осуществляющими контроль и наблюдение за исполнением положений двух Международных пактов о правах человека.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Проведенное исследование позволяет сделать вывод о сохраняющемся системообразующем значении Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах для универсальной системы защиты прав человека. Анализ показывает, что провозглашенная в системе ООН неделимость прав и свобод человека не всегда последовательно обеспечивается в универсальной правозащитной системе на уровне институциональной практики. В связи с этим представляется необходимым укреплять роль договорных органов, действующих на основе соответствующих международных договоров, и обеспечивать их реальную независимость от политизированных административных влияний. Особое значение в этом отношении имеет сохранение уставной роли Экономического и Социального Совета ООН (далее – ЭКОСОС) в международном сотрудничестве в экономической и социальной сферах, а также в области прав человека. Юбилей Международных пактов о правах человека, в свою очередь, следует рассматривать как повод не для пересмотра их значения, а для восстановления баланса, заложенного в Уставе ООН, без размывания или подмены концептуальных основ Международного билля о правах человека.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *права человека, ООН, ЭКОСОС, Международные пакты, Международный билль о правах человека, МПЭСКП, МПГПП, ВДПЧ, договорные органы, КЭСКП, КПЧ, УВКПЧ, универсальная правозащитная система, система ООН*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Абашидзе А.Х. 2026. Международным пактам по правам человека – 60 лет! – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 6–26. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-6-26

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

I. Introduction

On the basis of resolution 2200 A (XXI), the United Nations General Assembly (hereinafter – UNGA) adopted, on 16 December 1966, two International Covenants on Human Rights: the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (hereinafter – ICESCR) and the International Covenant on Civil and Political Rights (hereinafter – ICCPR), as well as the Optional Protocol to the ICCPR. Accordingly, on 16 December 2026, these international human rights instruments will mark their 60th anniversary, which will be widely commemorated within the United Nations system and in individual UN Member States, including the Russian Federation.

On 4 December 2026, the Law Institute of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, in cooperation with the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, will host an international scientific and practical conference titled "The International Covenants on Human Rights and the UN Declaration on the Right to Development: Achievements and New Challenges." The conference will commemorate the 60th anniversary of the adoption of the two International Covenants on Human Rights and the 40th anniversary of the adoption of the UN Declaration on the Right to Development. This event is being held pursuant to UN Human Rights Council resolution 61/7, "Sixtieth anniversary of the adoption of the International Covenants on Human Rights", and UNGA resolution 80/207, "The right to development."

Why do these two International Covenants on Human Rights receive such particular attention – unlike other core international human rights treaties that form the basis of the human rights treaty body

system [Hong 2018:671][1] – from the international community as a whole, as well as from individual States and civil society? The answer lies in the unique role they occupy within the universal human rights framework.

II. The Status of the International Covenants on Human Rights in the Universal Human Rights System

It should first be noted that human rights and freedoms were, for the first time in human history, incorporated into the sphere of inter-State cooperation through the adoption of the United Nations Charter on 26 June 1945 in San Francisco by the States of the anti-Hitler coalition. The Charter entered into force on 24 October 1945. Today, 193 States are parties to the UN Charter, including the Russian Federation, which serves as the continuator State of the USSR.

The Preamble to the Charter of the United Nations records the determination of the peoples of the United Nations "to reaffirm faith in fundamental human rights, in the dignity and worth of the human person, in the equal rights of men and women and of nations large and small"[2].

Among the purposes pursued by the United Nations, according to Article 1 of its Charter, is the achievement of international cooperation "in promoting and encouraging respect for human rights and for fundamental freedoms for all without distinction as to race, sex, language, or religion"[3].

Key conceptual and normative provisions relating to human rights are set out in Articles 55 and 56 of the UN Charter.

Pursuant to Article 55(c) of the Charter, the United Nations shall promote universal respect for, and observance of, human rights and fundamental freedoms "with a view to the creation of conditions of stability and well-being which are necessary for peaceful and friendly relations among nations based on respect for the principle of equal rights and self-determination of peoples"[4].

On the basis of Article 56 of the Charter, UN Member States "pledge themselves to take joint and separate action in cooperation with the Organization for the achievement of the purposes set forth in Article 55"[5].

Immediately after the conclusion of the San Francisco Conference — the UN Charter had just been adopted, but had not yet entered into force — the Preparatory Commission of the United Nations, at its meeting, recommended that the Economic and Social Council (hereinafter – ECOSOC), one of the six principal organs of the United Nations, establish a Commission on Human Rights on the basis of Article 68 of the UN Charter, which confers the relevant authority on ECOSOC. Indeed, on 10 December 1946, ECOSOC, by its decision, established the United Nations Commission on Human Rights (hereinafter – the Commission on Human Rights; in 2006, by decision of the UNGA, it was replaced by the UN Human Rights Council).

In the same year, 1946, the UNGA considered and subsequently transmitted the draft declaration of fundamental human rights and freedoms, through ECOSOC, to the Commission on Human Rights for further study "in the preparation of an International Bill of Human Rights"[6].

The draft declaration was considered by the Drafting Committee of the Commission on Human Rights, composed of members of the Commission representing eight States selected with due regard for geographical distribution.

Within the Drafting Committee, there were differing views on the constituent parts of the International Bill of Human Rights. However, this issue was resolved within the Commission on Human Rights itself through the establishment of three working

[1] See: Abashidze A. Koneva A.E. *Human Rights Treaty Bodies.* Textbook. 2nd revised and expanded ed. Moscow: RUDN University, 2015.

[2] Preamble, Charter of the United Nations, San-Francisco. 26 June 1945. URL: https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf (accessed date: 01.05.2026).

[3] Art. 1, Charter of the United Nations, San-Francisco. 26 June 1945. URL: https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf (accessed date: 01.05.2026).

[4] Art. 55, Charter of the United Nations, San-Francisco. 26 June 1945. URL: https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf (accessed date: 01.05.2026).

[5] Art. 56, Charter of the United Nations, San-Francisco. 26 June 1945. URL: https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf (accessed date: 01.05.2026).

[6] History of the Universal Declaration of Human Rights. URL: https://www.un.org/en/about-us/udhr/history-of-the-declaration#:~:text=The%20Universal%20Declaration%20of%20Human,due%20regard%20for%20geographical%20distribution (accessed date: 01.05.2026).

groups tasked with drafting a declaration, a convention – later renamed a "covenant" – and measures of implementation.

In May/June 1948, the Commission on Human Rights prepared a draft declaration taking into account governmental comments; however, within the framework of its current session, it had no time left to consider the covenant or the issue of measures of implementation, which were integral components of the International Bill of Human Rights[7].

The text of the Declaration was submitted, through ECOSOC, to the UNGA at its session held in Paris. Pursuant to resolution 217 A (III), on 10 December 1948 the UNGA adopted the Universal Declaration of Human Rights (hereinafter – UDHR)[8]. Of the 56 United Nations Member States that participated in the session of the UNGA, 48 voted in favour of the resolution, while 8 abstained. None voted against the resolution adopting the UDHR [Hennebel, Tigroudja 2025:93].

On the day of the adoption of the UDHR ‑ 10 December 1948 ‑ the UNGA requested the Commission on Human Rights to prepare, as a matter of priority, a draft covenant on human rights together with draft measures of implementation. Between 1949 and 1951, the Commission worked on the text of the draft covenant. However, following lengthy debates during its sixth session in 1951/1952, the UNGA revised its position and instructed the Commission to draft two Covenants on Human Rights…, one addressing civil and political rights and the other economic, social and cultural rights [Kartashkin 2021:99].

The Commission on Human Rights completed the drafting of the two Covenants at its 9th and 10th sessions, in 1953 and 1954. The article-by-article discussion of these drafts then took place in the Third Committee of the UNGA in 1955–1956. The process of drafting the Covenants was completed in 1966. As noted at the outset, the ICESCR[9] and the ICCPR[10] were approved by the UNGA in its resolution 2200 (XXI) of 16 December 1966.

The First Optional Protocol to the ICCPR[11] was also adopted; it provides for the establishment of an international mechanism for the consideration of communications, or complaints, from individuals claiming to be victims of a violation of any of the rights set forth in the ICCPR.

On 15 December 1989, the UNGA, by its resolution 44/128, adopted the Second Optional Protocol to the ICCPR[12], aiming at the abolition of the death penalty.

On 10 December 2008, the UNGA adopted, by resolution 63/117, the Optional Protocol to the ICESCR[13], providing for the establishment of an international mechanism for the consideration of communications, or complaints, submitted by individuals claiming to be victims of violations of any of the rights set forth in the ICESCR.

---

[7] Universal Declaration of Human Rights (1948), Drafting History. URL: https://research.un.org/en/undhr/ecosoc/4 (accessed date: 01.05.2026).

[8] UN General Assembly resolution "Universal Declaration on Human Rights" (217 (III) A). 10 December 1948. URL: https://digitallibrary.un.org/record/666853?v=pdf (accessed date: 01.05.2026).

[9] International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. 16 December 1966. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights (accessed date: 01.05.2026).

[10] International Covenant on Civil and Political Rights. 16 December 1966. URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights&ved=2ahUKEwiMzejO86aUAxU4LRAIHZ5XJ64QFnoECA4QAQ&usg=AOvVaw2wqcr1OAY-4SY4_DvUGOwOW (accessed date: 01.05.2026).

[11] Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights. 16 December 1966. URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/optional-protocol-international-covenant-civil-and-political&ved=2ahUKEwjoxYPl86aUAxXPhv0HHUMnIkMQFnoECB4QAQ&usg=AOvVaw1sd-zozhnDMGZzgJnOvsGn (accessed date: 01.05.2026).

[12] Second Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights, aiming at the abolition of the death penalty. 15 December 1989. URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/second-optional-protocol-international-covenant-civil-and&ved=2ahUKEwizteb286aUAxXYiP0HHTFaPfsQFnoECBoQAQ&usg=AOvVaw1eB0uKb_NwfPrv7k2Xjf-F (accessed date: 01.05.2026).

[13] Optional Protocol to the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. 10 December 2008. URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/optional-protocol-international-covenant-economic-social-and&ved=2ahUKEwici8CB9KaUAxUXif0HHYMyCwkQFnoECBoQAQ&usg=AOvVaw0UoYrhYz0A5OPBe7dGaw7v (accessed date: 01.05.2026).

Thus, the process of adopting the International Bill of Human Rights, consisting of the Universal Declaration of Human Rights and the two International Covenants on Human Rights – instead of the originally envisaged single covenant – namely, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights and its Optional Protocol, and the International Covenant on Civil and Political Rights with its two Optional Protocols, took almost 65 years, from 1948 to 2013 [Heyns, Viljoen 2001:1-12]. It is precisely the fact that these international human rights instruments together constitute the International Bill of Human Rights that confers upon them their special status and distinguishes them from other core international human rights treaties.

III. The Attitude of the USSR/Russia towards the International Bill of Human Rights

Even at the stage of the emergence of the United Nations, the leadership of the USSR noted that the Organization would be sufficiently effective if the great Powers were henceforth to act in a spirit of unanimity and accord[14]. A year after the establishment of the United Nations, it recognized the Organization's strength as lying in the fact that it was founded on the principle of the sovereign equality of States rather than on domination by some States over others. At the same time, it warned: "If the United Nations succeeds in preserving the principle of equality, it will undoubtedly play a major political role in ensuring universal peace and security"[15].

The attitude of the USSR towards the International Bill of Human Rights, developed on the basis of the provisions of the UN Charter, is clearly reflected in textbooks on international law published in the 1950s, which were used to train Soviet diplomats and specialists in international law. For example, a textbook published in 1957 states, with regard to the UDHR, that it reflected both the human rights and freedoms proclaimed as early as the period of the French bourgeois revolution of the eighteenth century, and such rights as the right to work, education and social security, which were characteristic of the Constitution of the USSR but were unknown to bourgeois constitutions.

It is emphasized that representatives of the Soviet Union took an active part in the drafting of the UDHR, in particular by proposing a number of amendments and new articles. Many of these proposals were rejected, as a result of which the UDHR acquired a number of significant shortcomings. Thus, it contains no reference to:

– specific ways and means by which the human rights enshrined in the UDHR are to be implemented;
– the right of peoples and nations to self-determination, a Charter-based provision;
– the principle of equal rights of all peoples and nations, a Charter-based provision;
– the right of national minorities to use their native language and to have their own national schools, libraries, museums and other cultural and educational institutions;
– an obligation of States to comply with the UDHR[16].

The USSR also proposed including the following article in the UDHR: "The rights and fundamental freedoms of man and citizen enumerated in the present Declaration shall be guaranteed by the laws of States. Any violations or restrictions of these rights, direct or indirect, shall constitute violations of the present Declaration and shall be incompatible with the lofty principles proclaimed in the Charter of the United Nations"[17].

The textbook states that the rejection of this proposal by the Soviet Union "diminished the significance of the Declaration as a document intended to contribute to the real protection of human rights and freedoms in all countries of the world. However, despite this shortcoming, the UDHR is a progressive act. Its significance lies in the proclamation of the human rights and freedoms for which the peoples of capitalist countries are struggling".

With regard to the International Covenants on Human Rights – which had not yet been adopted at

[14] Stalin J.V. *On the Great Patriotic War of the Soviet Union.* Moscow. 1947. P. 168. URL: https://prussia.online/books/o-velikoy-otechestvennoy-voyne-sovetskogo-souza (accessed date: 01.05.2026).
[15] Pravda, 23 March 1946. № 70 (10152). URL: https://electro.nekrasovka.ru/editions/24/1946/2 (accessed date: 02.05.2026).
[16] Note: Such a requirement is not applicable to declarations as such from the standpoint of the law of treaties. However, this provision was subsequently applied in UN practice. All UN Member States undergo the Universal Periodic Review (UPR) in the UN Human Rights Council, and all, without exception, are obliged to report on the implementation of the UDHR.
[17] *International Law.* Textbook. Ed. F.I. Kozhevnikov. Institute of Law of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Yuridicheskaya Literatura Publishing House. 1957.

that time – the textbook notes that, at the initiative of the USSR, an article on the right of peoples and nations to self-determination was included in the draft Covenants. It also emphasizes that "if the General Assembly firmly adheres to the UN Charter, the Covenants on Human Rights will constitute a significant contribution to the cause of ensuring fundamental human rights and freedoms"[18].

Unfortunately, today we have to recall the decisive contribution of the USSR to the victory over fascism and to the formation of the post-war world order, which is based on the peremptory provisions of the UN Charter concerning international cooperation in the field of human rights. Moreover, at the same time, we have to counter the falsification of history, the incitement of hatred towards Russia, and the dissemination of the ideology of neo-Nazism, and to defend the moral, legal and institutional foundations of international relations based "primarily on the universally recognized outcomes of World War II"[19].

In this regard, according to paragraph 19 of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation of 13 March 2023 [Abashidze A., Koneva A., Solntsev A.M. 2024:907], "in order to facilitate the adaptation of the world order to the realities of a multipolar world, the Russian Federation intends to give priority attention to… restoring the role of the United Nations as the central mechanism for coordinating the interests of UN Member States and their actions in achieving the purposes of the UN Charter"20.

Speaking at a meeting of the Valdai Discussion Club on 21 October 2021, President of Russia V.V. Putin characterized the United Nations as "the main international institution", which "remains an enduring value for all, at least today." He believes that "in today's turbulent world, it is precisely the UN that is the bearer of the very sound conservatism in international relations that is so necessary for normalizing the situation." In the opinion of the President of Russia, "our duty is to preserve this asset, of course by reforming the Organization, but in such a way as not to throw the baby out with the bathwater, as the saying goes"[21].

IV. The International Bill of Human Rights in Practice

Within the UN Commission on Human Rights, the working group that drafted the Universal Declaration of Human Rights also worked on the text of an international human rights treaty – an international covenant – based on the provisions of the UDHR, bringing together in a single instrument the principal categories of human rights: civil, political, economic, social and cultural rights.

Western scholars confirm that the United States Department of State exerted pressure on Eleanor Roosevelt, who chaired the Working Group responsible for drafting the text of the UDHR, so that she – and, consequently, the Working Group she chaired – would omit economic, social and cultural rights from the draft text of the UDHR[22]. However, the Working Group resisted this pressure. As a result of the efforts of Soviet diplomats, the UNGA, in its resolution 421 (V), affirmed the need to incorporate into the draft covenant a clear formulation of economic, social and cultural rights, thereby emphasizing their connection with the civil and political rights proclaimed in the draft covenant[23].

However, representatives of Western States, enjoying what was referred to as a "mechanical majority" in the UNGA, managed to disrupt the unified process of drafting a single international covenant on human rights by splitting it into two parallel

[18] *International Law.* Textbook. Ed. F.I. Kozhevnikov. Institute of Law of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Yuridicheskaya Literatura Publishing House. 1957.

[19] Para. 44. Foreign Policy Concept of the Russian Federation, approved by President of the Russian Federation V.V. Putin on 31 March 2023. URL: https://www.google.com/search?client=safari&rls=en&q=Foreign+Policy+Concept+of+the+Russian+Federation%2C+approved+by+President+of+the+Russian+Federation+V.V.+Putin+on+31+March+2023&ie=UTF-8&oe=UTF-8 (accessed date: 02.05.2026).

[20] Para. 19. Foreign Policy Concept of the Russian Federation, approved by President of the Russian Federation V.V. Putin on 31 March 2023. URL: https://www.google.com/search?client=safari&rls=en&q=Foreign+Policy+Concept+of+the+Russian+Federation%2C+approved+by+President+of+the+Russian+Federation+V.V.+Putin+on+31+March+2023&ie=UTF-8&oe=UTF-8 (accessed date: 02.05.2026).

[21] Meeting of the Valdai Discussion Club. 21 October 2021. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/66975 (accessed date: 02.05.2026).

[22] See: Morsink J. *The Universal Declaration of Human Rights.* University of Pennsylvania Press. 1999. 396 p.

[23] Para. 7. UN General Assembly resolution 421 (V) "Draft International Covenant on human Rights and measures of implementation: future work of the Commission on human Rights", 4 December 1950. URL: https://docs.un.org/en/a/res/421(v) (accessed date: 02.05.2026).

drafting processes: the drafting of two international covenants – the International Covenant on Civil and Political Rights and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights – pursuant to UNGA resolution 543 (VI) of 5 February 1952[24]. In doing so, they sought to delay the drafting of the text of the covenant on economic, social and cultural rights.

In response, Soviet diplomats succeeded in ensuring that UNGA resolution 543 (VI) included a provision stipulating that both draft human rights covenants should be submitted to the General Assembly for approval and opened for signature by States simultaneously. Accordingly, both International Covenants were ultimately adopted through a single UNGA resolution – resolution 2200 A (XXI) of 16 December 1966.

The irony for Western States lies in the fact that, despite the same requirement for their entry into force – 35 ratifications – the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights entered into force earlier than the International Covenant on Civil and Political Rights, namely on 3 January 1976, whereas the ICCPR entered into force on 23 March 1976, two and a half months later [Mulesky S., Sandholtz W., Zvobgo K. 2024:15].

Another noteworthy aspect in the context of comparing the two International Covenants on Human Rights concerns the number of States parties to each of them. As of 10 April 2026, there are 173 States parties to the ICESCR[25] and 175 States parties to the ICCPR[26], that is, only two more States parties.

The United States continues to ignore the ICESCR and is not a party to it [US ratification … 2023:356]. However, Palestine, which has not yet acquired the status of a UN Member State, is a party to both Covenants. This negative attitude of the United States towards the ICESCR has led to adverse consequences. In particular, from the very beginning, only the ICCPR was accompanied by an Optional Protocol, which entered into force simultaneously with the ICCPR. The ICESCR received its Optional Protocol 40 years later [Kartashkin 2021:100].

According to the Preamble to the First Optional Protocol to the ICCPR, "it would be appropriate to enable the Human Rights Committee, set up in Part IV of the Covenant… to receive and consider… communications from individuals claiming to be victims of violations of any of the rights set forth in the Covenant"[27].

In 1977, the States parties to the ICCPR established the Human Rights Committee (hereinafter – HRC), composed of 18 independent members, or experts, responsible for considering the initial and periodic reports submitted by the Covenant's now 175 States parties. As of 10 April 2026, 116 of those States parties recognize, pursuant to Article 41 of the Covenant, the competence of the HRC to receive and consider individual communications, or complaints[28].

Monitoring the implementation of the ICESCR by its States parties was entrusted to the Committee on Economic, Social and Cultural Rights (hereinafter – CESCR), established by ECOSOC in 1985 from representatives of governments; two years later, the composition of the Committee began to be formed from independent experts. The CESCR also consists of 18 members, independent experts, elected by ECOSOC on the basis of the principle of equitable geographical distribution. Eastern Europe is represented by three members.

The first independent expert member of the CESCR from the USSR/Russian Federation was Professor V.I. Kuznetsov. He was subsequently succeeded by Professor Yu.M. Kolosov, and from 2010 to the present day Professor A.Kh. Abashidze has served as an expert member of the CESCR.

The CESCR acquired the right to receive and consider individual communications, or complaints, on the basis of the Optional Protocol to the ICESCR,

[24] UN General Assembly resolution 543 (VI) "Preparation of two Draft International Covenants on Human Rights". 5 December 1952. URL: https://digitallibrary.un.org/record/210793 (accessed date: 02.05.2026).

[25] Status of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-3&chapter=4&clang=_en (accessed date: 04.05.2026).

[26] Status of the International Covenant on Civil and Political Rights. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-4&chapter=4&clang=_en (accessed date: 04.05.2026).

[27] Preamble, Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights. 16 December 1966. URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/optional-protocol-international-covenant-civil-and-political&ved=2ahUKEwjoxYPl86aUAxXPhv0HHUMnIkMQFnoECB4QAQ&usg=AOvVaw1sd-zozhnDMGZzgJnOvsGn (accessed date: 04.05.2026).

[28] Status of the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-5&chapter=4&clang=_en (accessed date: 04.05.2026).

adopted by UNGA resolution 63/117 of 10 December 2006 and entered into force on 5 May 2013. As of 10 April 2026, 31 States parties are parties to the Optional Protocol to the ICESCR[29]. The Russian Federation is not a party to the Optional Protocol.

V. Divisible "Indivisible" Human Rights

Attention should also be drawn to a conceptual issue concerning economic, social and cultural rights and their perception within the United Nations system.

The Universal Declaration of Human Rights enshrines civil and political rights in Articles 3–21, while economic, social and cultural rights are set out in Articles 22–27. In this way, the Declaration affirms the indivisible character of civil, political, economic, social and cultural human rights [Elkins, Ginsburg, Simmons 2013:65].

However, since these rights were subsequently divided between two International Covenants on Human Rights, the drafters of those Covenants were compelled to reflect in the preambles of both Covenants identical conceptual provisions indirectly indicating the indivisibility of fundamental human rights and freedoms: "…in accordance with the UDHR, the ideal of free human beings enjoying freedom from fear and want can only be achieved if conditions are created whereby everyone may enjoy his economic, social and cultural rights, as well as his civil and political rights…"[30]

Paragraph 13 of the Proclamation of Teheran, adopted at the first International Conference on Human Rights on 13 May 1968 – twenty years after the adoption of the UDHR – already expressed this principle clearly: "…since human rights and fundamental freedoms are indivisible, the full realization of civil and political rights without the enjoyment of economic, social and cultural rights is impossible..."[31].

Paragraph 5 of the Vienna Declaration and Programme of Action of 28 June 1993, adopted at the World Conference on Human Rights, states as follows: "All human rights are universal, indivisible and interdependent and interrelated. The international community must treat human rights globally, in a fair and equal manner, on the same footing, and with the same emphasis..."[32].

Thus, it may be observed that the conceptual principle of the "indivisibility" of all human rights has not been fully reflected in international law-making practice: in 1966, these rights were divided between two International Covenants on Human Rights, which also differed in terms of the timing and development of mechanisms for monitoring the implementation by States parties of their respective obligations [Joseph 2022:181].

As we have already noted, the United States is not a party to the ICESCR, considering the rights enshrined therein to be "programmatic" and "non-justiciable".

Unfortunately, a similarly selective approach toward the ICESCR may also be observed within the OHCHR. In 2013/2014, the CESCR, the HRC, and other human rights treaty bodies were granted additional sessions in order to address the backlog in the consideration of periodic reports already submitted by States parties under the respective human rights treaties.

The CESCR succeeded in eliminating this backlog, whereas the HRC also used the additional sessions to address other matters. Subsequently, the HRC continued to receive more than an additional week per session to deal with the backlog in the consideration of reports submitted by States parties to the ICCPR, while no comparable opportunity was provided to the CESCR. On the contrary, its already existing time for pre-sessional working groups, during which additional questions on submitted periodic reports were prepared, began to be reduced. The spring session of the CESCR in 2026 already lasted two and a half weeks instead of the previous four weeks.

In the context of the "indivisibility" of human rights, it is appropriate to recall the statement of a former member of the CESCR, Mr. Sadi of Jordan, who referred to the two International Covenants

[29] Status of the Optional Protocol to the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-3-a&chapter=4&clang=_en (accessed date: 04.05.2026).

[30] Preamble, International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, 16 December 1966. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights (accessed date: 04.05.2026).

[31] Para. 13. Proclamation of Teheran. 13 May 1968. URL: https://www.aaas.org/sites/default/files/SRHRL/PDF/IHRDArticle15/Proclamation_of_Teheran_Eng.pdf (accessed date: 04.05.2026).

[32] Para. 5. Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 04.05.2026).

on Human Rights and the two corresponding treaty bodies – the HRC and the CESCR – as "the two wings of a bird." Hence our figurative conclusion: if the economic, social and cultural "wings" are underestimated, the bird will not be able to fly – it will only crawl.

VI. The Vienna Declaration and Programme of Action, or a programme for undermining the universal human rights system?

In June 1993, the World Conference on Human Rights was convened in Vienna. Whereas the first such United Nations international conference, held in Tehran in 1968, was convened to review twenty years of UN human rights activity following the adoption of the Universal Declaration of Human Rights in 1948, the World Conference on Human Rights was not associated with any significant anniversary of either the UDHR or the International Covenants on Human Rights [Kartashkin 2021:99]. As a rule, the rationale for convening an international conference under the auspices of the United Nations is reflected in its outcome document. However, no such explanation appears in the Vienna Declaration and Programme of Action of 25 June 1993. The document merely states: "The Conference provides a unique opportunity to carry out a comprehensive analysis of the international human rights system and of the machinery for the protection of human rights, in order to enhance and thus promote a fuller observance of those rights, in a just and balanced manner"[33]. Or: "The activities of the United Nations in the field of human rights should be rationalized and enhanced in order to strengthen the United Nations machinery in this field and to further the objectives of universal respect for observance of international human rights standards"[34].

These quoted provisions of the Vienna Declaration and Programme of Action do not answer the question we have raised concerning the occasion or reason for convening the World Conference on Human Rights in Vienna in 1993.

Most likely, the reason was the following fact, reflected in the preamble to the Vienna Declaration and Programme of Action: "Considering the major changes taking place on the international scene…"[35]. What kind of changes could have been meant in 1993? Of course, the withdrawal of the USSR from geopolitics, and the dissolution of the Council for Mutual Economic Assistance (CMEA) and the Warsaw Pact. In other words, all conditions were created for the United States and its NATO and European Union allies to act unipolarly and unilaterally in international relations, which has indeed been observed since that period.

The Vienna Declaration and Programme of Action also records the determination "to take new steps forward in the commitment of the international community with a view to achieving substantial progress in human rights endeavours by an increased and sustained effort of international cooperation and solidarity"[36].

It is therefore pertinent to examine what was meant by the "new steps forward in the commitment" in the field of human rights, intended to achieve "substantial progress", and what "increased and sustained efforts" were subsequently undertaken on the basis of the Programme of Action adopted at the World Conference on Human Rights.

The Vienna Declaration and Programme of Action contains numerous references, in different contexts, to the United Nations Centre for Human Rights. For instance, paragraph 34 emphasizes the need to strengthen the programme of advisory services and technical cooperation within the Centre for Human Rights[37].

Section II (A) of the Vienna Declaration and Programme of Action addresses the issue of "increased coordination on human rights within the United Nations system." Within this section, under the subsection on "resources", concern is expressed regarding

[33] Preamble, Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 04.05.2026).
[34] Preamble, Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 04.05.2026).
[35] Preamble, Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 04.05.2026).
[36] Preamble, Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 04.05.2026).
[37] Para. 34. Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 04.05.2026).

"the growing disparity between the activities of the Centre for Human Rights and the human, financial and other resources available to carry them out"[38]. Paragraphs 10 and 11 contain a request addressed to the Secretary-General and the UNGA to address the budgetary funding problems of the United Nations Centre for Human Rights[39].

Section II (A) of the Vienna Declaration and Programme of Action includes a separate subsection entitled "Centre for Human Rights". In its four paragraphs, paragraphs 13–16, it: emphasizes "the importance of strengthening the United Nations Centre for Human Rights"[40]; calls for the Centre for Human Rights to play "an important role in coordinating system-wide attention for human rights"[41]; expresses the wish that the Centre for Human Rights be "provided with adequate means for the system of thematic and country rapporteurs…"[42]; and proposes that the Centre for Human Rights "assume a larger role in the promotion of human rights…"[43].

It would seem that, after the proclamation of such intentions, it would have been logical to preserve the Centre for Human Rights and gradually strengthen its capacity.

Instead, the text of the Vienna Declaration and Programme of Action contains a subsection entitled "Adaptation and strengthening of the United Nations machinery for human rights, including the question of the establishment of a United Nations High Commissioner for Human Rights".

Let us emphasize once again that, up to this point, the Vienna Declaration and Programme of Action says nothing by way of justification for introducing a new post in the form of the United Nations High Commissioner for Human Rights. Moreover, the two paragraphs of this subsection, paragraphs 17 and 18, are formulated in a peculiar manner, not fitting into the logic of the preceding paragraphs of the Vienna Declaration and Programme of Action.

Paragraph 17 reads as follows: "The World Conference on Human Rights recognizes the necessity for a continuing adaptation of the United Nations human rights machinery to the current and future needs in the promotion and protection of human rights, as reflected in the present Declaration, within the framework of a balanced and sustainable development for all people. In particular, the United Nations human rights organs should improve their coordination, efficiency and effectiveness"[44].

With regard to this paragraph, the question arises as to whether all the matters referred to therein could not have been addressed within the framework of the existing human rights structure operating under the authority of ECOSOC, to which, under the United Nations Charter, the Commission on Human Rights and the Centre for Human Rights were subordinate in 1993. This question appears particularly relevant given the considerable emphasis placed in the Vienna Declaration and Programme of Action on strengthening the Centre for Human Rights.

Paragraph 18 is formulated, to put it mildly, in a "recommendatory-imperative" tone and is addressed to the UNGA: "The World Conference on Human Rights recommends to the UNGA that when examining the report of the Conference at its forty-eighth session, it begin, as a matter of priority, consideration of the question of the establishment of a High Commissioner for Human Rights for the promotion and protection of all human rights"[45].

It should be recalled that the Vienna Declaration and Programme of Action was adopted on 26 June 1993. In this context, the recommendation to "begin,

[38] Para. 9. Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 04.05.2026).
[39] Paras. 10–11. Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 04.05.2026).
[40] Para. 13. Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 04.05.2026).
[41] Para. 14,. Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 04.05.2026).
[42] Para. 15. Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 04.05.2026).
[43] Para. 16. Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 04.05.2026).
[44] Para. 17. Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 04.05.2026).
[45] Para. 18. Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 04.05.2026).

as a matter of priority, consideration" of the establishment of a new non-Charter body, or post, within the UN human rights system would appear to have required careful and balanced examination. Indeed, the creation of the proposed new post ultimately resulted not in the strengthening, but rather in the weakening, of ECOSOC – one of the six principal organs of the United Nations – through the abolition of the Centre for Human Rights, to which considerable attention is devoted in the Vienna Declaration and Programme of Action, and the transfer of its functions to the secretariat of the newly established official within the UN human rights system, namely the "Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights".

All of this required considerable time. However, the post of the United Nations High Commissioner for Human Rights was created only six months after the conclusion of the World Conference on Human Rights: on 20 December 1993, at its forty-eighth session, the United Nations UNGA adopted resolution 48/141 without a vote, thereby establishing the post of United Nations High Commissioner for Human Rights[46]. The Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (hereinafter – OHCHR) officially began its work in April 1994. It should be recalled that the former United Nations Centre for Human Rights operated as an expert body under the authority of ECOSOC, preparing reports and providing technical assistance to States in the field of human rights. The Centre was intended to strengthen coordination within the UN human rights system and played an important role in advancing human rights education.

Rather than reinforcing the mandate and institutional capacity of the United Nations Centre for Human Rights, as envisaged throughout the Vienna Declaration and Programme of Action, the United Nations established the new position of United Nations High Commissioner for Human Rights. The High Commissioner is appointed by the UN Secretary-General and supported by the OHCHR, which effectively functions as part of the UN Secretariat under the authority of the Secretary-General.

This is one example of how the powers and Charter-based role of ECOSOC are being hollowed out, despite the fact that ECOSOC constituted an innovation of the UN Charter in comparison with the United Nations' predecessor, the League of Nations, particularly with respect to international economic and social cooperation under Chapter IX, Articles 55–60, and the Economic and Social Council under Chapter X, Articles 61–72[47].

Another example that undermines ECOSOC is paragraph 11 of UNGA resolution 68/268, adopted in 2014, which contains a recommendation that ECOSOC "consider replacing the existing procedure for the election of experts of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights with a meeting of States parties to the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, while preserving the present structure, organization and administrative arrangements of the Committee as set out in Council resolution 1985/17"[48].

This reflects, in essence, a lack of confidence in ECOSOC regarding its ability to determine the composition of the CESCR and to maintain the Committee's accountability to it. ECOSOC is a body established under the United Nations Charter and entrusted with the authority "to make or initiate studies and reports with respect to international economic, social, cultural, educational, health, and related matters and to make recommendations with respect to any such matters to the UNGA, to the Members of the United Nations, and to the specialized agencies concerned"[49].

Moreover, under the Charter, ECOSOC is authorized "to make recommendations for the purpose of promoting respect for, and observance of, human rights and fundamental freedoms for all" and "to prepare draft conventions for submission to the General Assembly, with respect to matters falling within its competence"[50].

[46] UN General Assembly resolution (48/141) "High Commissioner for the promotion and protection of all human rights". 7 January 1994. URL: https://digitallibrary.un.org/record/180226?v=pdf (accessed date: 04.05.2026).

[47] Charter of the United Nations, San-Francisco. 26 June 1945. URL: https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf (accessed date: 05.05.2026).

[48] UN General Assembly resolution (A/RES/68/268) "Strengthening and enhancing the effective functioning of the human rights treaty body system", 9 April 2014. URL: https://docs.un.org/en/a/res/68/268 (accessed date: 01.05.2026).

[49] Art. 62. Charter of the United Nations. San-Francisco. 26 June 1945. URL: https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf (accessed date: 05.05.2026).

[50] Ibidem.

The approach reflected in paragraph 11 of UNGA resolution 68/268 may also be regarded as historically unjustified in relation to ECOSOC, under whose authority the CESCR was established in 1985. Moreover, the CESCR commenced its examination of initial and periodic reports submitted by States parties to the ICESCR at a later stage than the HRC began reviewing reports under the ICCPR.

Attempts to diminish the role and functions of ECOSOC contradict the very concept of the UN Charter concerning social progress and economic development [Hennebel, Tigroudja 2025:166], which is impossible without maintaining a balance between the economic, social and environmental dimensions of sustainable development, as emphasized in the 2030 Agenda [Solntsev A.M. 2024:372].

VII. Results of the Vienna Declaration and Programme of Action

With the creation of this new position within the United Nations system, the universal human rights framework became concentrated to a significant extent in the hands of a single official – the UN High Commissioner for Human Rights – who is appointed by the UN Secretary-General and formally approved by the UNGA. The position of UN High Commissioner for Human Rights carries the rank of Under-Secretary-General of the United Nations.

Under Articles 97–100 of the UN Charter, the Secretary-General is merely the chief administrative officer of the Organization, and his competence does not include any human rights functions. Nor does it include the appointment of anyone as his deputy responsible for international cooperation in the field of human rights.

Over the entire period of the existence of this post, the functions of High Commissioner have been performed by seven persons, three of whom have been representatives of the Western world: Ireland, Canada and Austria. Among these seven were individuals who, during their tenure as United Nations High Commissioner for Human Rights, were not invited to visit the Russian Federation, one of the five permanent members of the United Nations Security Council, which may be regarded as indicative of the politicized character of the activities of the respective High Commissioners.

In this context, it is appropriate to recall the provisions of the United Nations Charter concerning the UN Secretary-General and the UN Secretariat under his authority, including the United Nations High Commissioner for Human Rights, who is appointed by the Secretary-General. In this regard, Article 100, paragraph 1, of the UN Charter provides: "The Secretary-General and the staff shall refrain from any action which might reflect on their position as international officials responsible only to the Organization"[51].

As for the criteria for selecting candidates for the post of United Nations High Commissioner for Human Rights, they are not clearly defined. To a large extent, they are determined at the discretion of the UN Secretary-General himself. For example, the current United Nations High Commissioner for Human Rights, Volker Türk of Austria, worked for a long time in the OHCHR, which from 2005 to 2015 was headed by the current UN Secretary-General, Mr. António Guterres of Portugal[52].

In the activities of the United Nations High Commissioner for Human Rights, one can often observe, so to speak, conduct that is not entirely appropriate for the office.

For example, the United Nations High Commissioner for Human Rights, Ms. Louise Arbour (2004–2008, Canada), who had previously served as Chief Prosecutor of the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (1996–1999), launched an initiative to merge all existing human rights treaty bodies – committees in relation to which, as High Commissioner, she had no authority of such a nature. This peculiar attempt of hers was, under the next High Commissioner for Human Rights, Navi Pillay (2008–2014, South Africa), replaced by the adoption of UNGA resolution 68/268 of 9 April 2014, entitled "Strengthening and enhancing the effective functioning of the human rights treaty body system." Pursuant to paragraph 41 of that resolution, it was proposed that, six years from the date of its adoption, the effectiveness of the measures taken be reviewed in order to ensure their sustainability[53]. This year, in April 2026, the stated six-year period has already ex-

[51] Art. 100. Charter of the United Nations. San-Francisco. 26 June 1945. URL: https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf (accessed date: 05.05.2026).

[52] About the United Nations Secretary-General. URL: https://www.un.org/sg/en/about-secretary-general (accessed date: 01.05.2026).

[53] Para. 41. UN General Assembly resolution (A/RES/68/268) "Strengthening and enhancing the effective functioning of the human rights treaty body system". 9 April 2014. URL: https://docs.un.org/en/a/res/68/268 (accessed date: 04.05.2026).

pired twice, yet no decisions have been adopted on this UNGA resolution.

It therefore appears that the adoption of resolution 68/268 was a tactic employed by those who sought to prevent Western States from destroying the system of human rights treaty bodies and to channel the initiative of the United Nations High Commissioner for Human Rights into an endless intergovernmental discussion.

Another example of this kind may be found in the activities of the current United Nations High Commissioner for Human Rights.

In 2023, OHCHR submitted a report entitled "Human rights challenges in addressing and countering all aspects of the world drug problem"[54].

The report supports a policy of drug decriminalization [Abashidze, Bagdatieva 2024:133]. In paragraph 3 of the report, in particular, it states in this regard that the "initial objective" of the existing conventions – the Single Convention on Narcotic Drugs of 1961, the Convention on Psychotropic Substances of 1971, and the United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of 1988 – was to protect the health and welfare of humankind[55]. "However, drug control policies are currently dominated by punitive approaches aimed at suppressing the illicit drug market, and many countries pursue repressive policies, resulting in adverse consequences for human rights"[56].

The report strongly supports the harm reduction approach, which presupposes, inter alia, the treatment of drug-dependent persons with narcotic drugs – a method that is not approved by many States, including Russia, where such persons are treated not with narcotic drugs but with the appropriate necessary medicines.

The report incorrectly states that "treaty bodies have expressed concern about the absence of harm reduction programmes for people who use drugs and have recommended measures to expand such programmes"[57].

Among the recommendations contained in the report are: to "adopt alternatives to criminalization", to move away from "zero tolerance", to "consider decriminalizing drug use", to "consider developing a regulatory system for legal access to all controlled substances", and the like.

In response to this, we may cite the firm position of the CESCR, which has experience with regard to persons who use drugs in the context of Article 12 of the ICESCR, which enshrines the right of everyone to the highest attainable standard of physical and mental health.

The position of the CESCR is as follows: taking into account the fact that disagreements remain among UN Member States and States parties to the above-mentioned three conventions on key aspects related to drug-related issues, and also taking into account the divergence of views among members of the Committee on the same issues after two years of discussion of the question of drug decriminalization policy as one of the agenda items in the preparation of a General Comment, at its spring session in 2026 the Committee decided to remove this item from the agenda and to return to this topic, together with other topics, when discussing the Committee's future agenda on General Comments.

In this context, we would like once again to emphasize that the United Nations High Commissioner for Human Rights is not only not authorized to submit reports and present his position on topics on which there is no consensus among UN Member

[54] Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights "Human rights challenges in addressing and countering all aspects of the world drug problem" (A/HRC/54/53). 15 August 2023. URL: https://www.ohchr.org/en/documents/thematic-reports/ahrc5453-human-rights-challenges-addressing-and-countering-all-aspects (accessed date: 05.05.2026).

[55] Para. 3. Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights "Human rights challenges in addressing and countering all aspects of the world drug problem" (A/HRC/54/53). 15 August 2023. URL: https://www.ohchr.org/en/documents/thematic-reports/ahrc5453-human-rights-challenges-addressing-and-countering-all-aspects (accessed date: 05.05.2026).

[56] Para. 3. Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights "Human rights challenges in addressing and countering all aspects of the world drug problem" (A/HRC/54/53). 15 August 2023. URL: https://www.ohchr.org/en/documents/thematic-reports/ahrc5453-human-rights-challenges-addressing-and-countering-all-aspects (accessed date: 05.05.2026).

[57] Para. 12. Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights "Human rights challenges in addressing and countering all aspects of the world drug problem" (A/HRC/54/53). 15 August 2023. URL: https://www.ohchr.org/en/documents/thematic-reports/ahrc5453-human-rights-challenges-addressing-and-countering-all-aspects (accessed date: 05.05.2026).

States, but should also refrain from doing so. Such reports strengthen the position of those who seek to impose their vision on other UN Member States. In the present case, this concerns harm reduction programmes.

Returning to the Vienna Declaration and Programme of Action, it is important to note that the document repeatedly emphasizes the need to eliminate duplication of work within the universal human rights protection system.

For instance, paragraph 1 of Section II (A), "Increased coordination on human rights within the United Nations system," recommends strengthening coordination in the field of human rights. In this regard, the World Conference on Human Rights "urges all organs, bodies and the specialized agencies whose activities deal with human rights to cooperate in order to strengthen, rationalize and streamline their activities, taking into account the need to avoid unnecessary duplication"[58].

How is this recommendation implemented by the UN Human Rights Council, which has operated since 2006 as the successor to the UN Commission on Human Rights, particularly in relation to its preservation of the Special Procedures mechanism?

Let us list the currently serving Special Rapporteurs with thematic mandates and compare the subjects they examine with the provisions enshrined in the ICESCR[59]: the Special Rapporteur in the field of cultural rights, corresponding to Article 15 of the ICESCR; the Special Rapporteur on the right to education, corresponding to Articles 13 and 14 of the ICESCR; and the Special Rapporteur on the right to food, corresponding to Article 11 of the ICESCR; the Special Rapporteur on the right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health – Article 12 of the ICESCR; the Special Rapporteur on adequate housing as a component of the right to an adequate standard of living, and on the right to non-discrimination in this context – Article 11 of the ICESCR; and the Special Rapporteur on the human rights to safe drinking water and sanitation, corresponding to Article 11 of the ICESCR.

We also counted seven Special Rapporteurs on topics falling within the competence of the Human Rights Committee.

This is where the financial resources are allocated – to the operation of structures that duplicate the work of the human rights treaty bodies, including the CESCR and the Human Rights Committee, which conduct international monitoring of the implementation by States parties of the ICESCR and the ICCPR, respectively. At the same time, OHCHR does not find the funds to ensure the normal functioning, for example, of the CESCR, which is unable to consider in a timely manner approximately 40 periodic reports of States parties to the ICESCR awaiting consideration by the Committee.

OHCHR also allocates financial resources to the activities of special rapporteurs and independent experts mandated to examine the human rights situation in States selectively designated by the UN Human Rights Council, where the United States holds sway – joining the UN Human Rights Council whenever it wishes and leaving it whenever it wishes.

At present, there are 13 country-specific special rapporteurs and "independent" experts on such countries as, for example, Belarus, Burundi, Colombia, the Central African Republic, the DPRK, Eritrea, Iran, Mali, Myanmar, Syria and others. The paradox is that these country-specific special procedures were established without the consent of the States concerned and, consequently, they cannot visit those countries. Nevertheless, they submit annual reports on the human rights situation in these States, relying on information that gives rise to doubt and distrust.

With regard to the relevant recommendations and appeals contained in the Vienna Declaration and Programme of Action concerning the provision of adequate financial and human resources to the former Centre for Human Rights – now OHCHR – no substantive improvement has occurred in this respect. On the contrary, the situation has worsened.

The total budget of OHCHR in 2024 amounted to approximately USD 439 million. Of this amount, 38.6 per cent came from the UN regular budget and 61.4 per cent from voluntary contributions, mainly from UN Member States. In 2024, these voluntary contributions amounted to USD 269.4 million. Of that amount, USD 175.3 million were unearmarked, meaning that the UN High Commissioner for Human Rights and OHCHR spent them at their own discretion[60].

[58] Para. 1. Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 05.05.2026).

[59] Special Procedures of the Human Rights Council. URL: https://www.ohchr.org/en/special-procedures-human-rights-council (accessed date: 05.05.2026).

[60] OHCHR's Funding and budget. Regular budget. URL: https://www.ohchr.org/en/about-us/funding-and-budget (accessed date: 05.05.2026).

Which States made the largest contributions to these unearmarked voluntary contributions? They were: Norway – 19.6 per cent; the United States – 11.7 per cent; Sweden – 10.6 per cent; Finland – 6.8 per cent; the Netherlands – 5.6 per cent; the European Commission – 5.4 per cent; Germany – 5.2 per cent; and others. The contributions of the abovementioned States and the European Commission accounted for 64.9 per cent of the total amount of unearmarked voluntary contributions[61].

These statistics, together with the unearmarked nature of the funds, provide the United Nations High Commissioner for Human Rights with broader opportunities to pursue his own policy, which, unfortunately, is not always consistent with the provisions of the UN Charter concerning cooperation among Member States of the Organization in the field of human rights.

In this section, we consider it appropriate to touch upon another provision of the Vienna Declaration and Programme of Action, which calls for "maintaining consistency with the high quality of existing international standards and avoiding proliferation of human rights instruments"[62].

The UN Human Rights Council, with the support of OHCHR, has undertaken considerable efforts to elaborate a draft international convention on the right to development, designating it as a "Covenant," with the intention of incorporating it into the International Bill of Human Rights. In practice, this constitutes an arbitrary approach aimed at undermining the high status of the UDHR and the two International Covenants on Human Rights and, ultimately, at replacing them with this new covenant. The "human right to development" is thereby used as a means of encompassing all human rights and demonstrating the further redundancy of the two International Covenants on Human Rights – the ICESCR and the ICCPR. It appears that, after the failure to eliminate the human rights treaty bodies through their merger, this constitutes a new attempt to replace them in the future.

The ongoing dialogue between members of the human rights treaty bodies and representatives of OHCHR concerning the financing of treaty body activities consistently concludes with assurances that efforts will be made to "work hard" on this issue; however, these assurances have produced no tangible results. And even when certain funds are allocated from the UN budget, part of those funds is intended to "strengthen" the OHCHR staff. In other words, it was a major mistake or miscalculation that the human rights treaty bodies became largely dependent on OHCHR, without having their own secretariat to preserve their maximally independent status within the universal human rights system.

VIII. The Degree of Dependence of Human Rights Treaty Bodies on OHCHR

The universal human rights system, operating under the leadership and auspices of the United Nations, is noticeably susceptible to external influence, and this has been confirmed by personal experience as an independent expert within the human rights treaty body system for more than 16 years. This concerns such topics as the "Green Agenda", "LGBT+"[63], and others, which are lobbied by Western European liberal circles, foundations financed by them, and regional parliamentary structures and integration associations such as PACE, the European Parliament, and others [Abashidze 2023:122].

This year, Georgia submitted its report to one of the committees with a delay of more than 15 years. During the meeting with the Georgian delegation and the discussion of the report, some members of the Committee were clearly opposed to Georgia's Law on the Protection of Family Values and Minors[64], demanding its repeal. When asked what exactly in this Law caused their concern, no answer was given.

Having read Article 1 of the Law, the reason for the criticism became clear. The article states: "The purpose of this Law is to strengthen mechanisms for the protection of family values based on the union of a woman and a man, and for the protection of minors"[65]. Under the Law, the concept of "biological sex" means sex identified according to hereditary genetic characteristics. The prohibition of "popularization" is

[61] OHCHR's Funding and budget. Regular budget. URL: https://www.ohchr.org/en/about-us/funding-and-budget (accessed date: 05.05.2026).

[62] Para. 6. Vienna Declaration and Programme of Action. 25 June 1993. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/vienna-declaration-and-programme-action (accessed date: 05.05.2026).

[63] Экстремистская организация, запрещенная в России.

[64] Law of Georgia on the Protection of Family Values and Minors. 17 September 2024. URL: https://matsne.gov.ge/en/document/download/6283110/0/en/pdf (accessed date: 05.05.2026).

[65] Art. 1. Law of Georgia on the Protection of Family Values and Minors. 17 September 2024. URL: https://matsne.gov.ge/en/document/download/6283110/0/en/pdf (accessed date: 05.05.2026)

explained as follows: "Relevant information/actions shall be understood as information/actions aimed at popularizing, in a positive manner, the attribution of a person to neither biological sex, or attribution to a sex different from that person's biological sex, relationships expressed on the basis of sexual orientation between representatives of the same biological sex, or incest"[66].

This case appears to be a continuation of pressure on the Georgian authorities by the EU, which regards Georgia's adoption of such laws as a rejection of the "European path". It is regrettable that similar negative trends are observed in the universal human rights system [Casla, Barker 2024:505], where concern for the family constitutes an international obligation under both International Covenants on Human Rights and the 1989 Convention on the Rights of the Child[67].

Human rights treaty bodies are not formally linked to the United Nations [Abashidze 2018:10]. The Committees are established and operate independently on the basis of the respective international human rights treaties. However, the treaty bodies, including the CESCR and the Human Rights Committee, receive organizational and logistical support from OHCHR; their meetings are held on the premises of the OHCHR at the Palais Wilson in Geneva. In practice, OHCHR possesses considerable opportunities to influence the activities of the human rights treaty bodies, and various mechanisms are used for this purpose, including the Meeting of Chairpersons of the human rights treaty bodies, which is not a Charter-based body. It was established by the treaty bodies themselves to coordinate their work on procedural matters [Hennebel, Tigroudja 2025:184]. Previously, a similar coordinating body also existed in the form of the Inter-Committee Meeting, which included the chairs and two members from each human rights treaty body.

Apparently at the instigation of OHCHR, paragraph 38 of resolution 68/268 contains the following provision: it "also encourages the human rights treaty bodies, with a view to accelerating the process of enhancing the coherence of the treaty body system, to continue to strengthen the role of their Chairs in relation to procedural matters…"[68]

Paragraph 39 of the same resolution refers to "enhanced opportunities for interaction during the annual meetings of the Chairs of the treaty bodies with States parties to all human rights treaties… in order to provide a forum for an open and formal interactive dialogue"[69].

This matter requires closer examination. The Chairs of the Committees are elected from among the members of the respective Committee, on the basis of equitable regional representation, for a two-year term, with the purpose of organizing the work of that Committee. OHCHR staff provide assistance in this process. Decisions concerning organizational and procedural matters are discussed within the bureau of the relevant Committee, which is composed of the Chair, Vice-Chairs and Rapporteur, and are subsequently approved at meetings of the Committees.

The Meeting of Chairpersons of the human rights treaty bodies is a non-conventional, informal formation that has no approved or agreed mandate. It emerged in practice for the purpose of coordinating procedural matters among the treaty bodies. Who draws up the agenda for their annual meetings? No one knows. There are every grounds to believe that its agenda is determined within OHCHR. If such annual meetings are indeed necessary, why not restore the annual Inter-Committee Meetings, composed of the Chairpersons and two members of each Committee, which would be more representative?

The answer is that OHCHR lacks the financial resources for this purpose. Nevertheless, funds are consistently made available for the annual meetings of Chairpersons. Do the Meetings of Chairpersons of the treaty bodies always confine themselves to procedural matters? Unfortunately, they do not. One example may be cited in this regard.

At the annual meeting of Chairpersons of the human rights treaty bodies, held in Addis Ababa in June 2012, a document entitled "Guidelines on

[66] Art. 9. Law of Georgia on the Protection of Family Values and Minors. 17 September 2024. URL: https://matsne.gov.ge/en/document/download/6283110/0/en/pdf (accessed date: 05.05.2026)

[67] Convention on the Rights of the Child. 20 November 1989. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-rights-child (accessed date: 05.05.2026).

[68] Para. 38. UN General Assembly resolution (A/RES/68/268) "Strengthening and enhancing the effective functioning of the human rights treaty body system". 9 April 2014. URL: https://docs.un.org/en/a/res/68/268 (accessed date: 05.05.2026).

[69] Para. 39. UN General Assembly resolution (A/RES/68/268) "Strengthening and enhancing the effective functioning of the human rights treaty body system". 9 April 2014. URL: https://docs.un.org/en/a/res/68/268 (accessed date: 05.05.2026).

the independence and impartiality of members of the human rights treaty bodies" – the Addis Ababa Guidelines – was adopted[70].

The matter did not end there. For example, the agenda of the annual meeting of Chairpersons of the human rights treaty bodies in June 2026 included the item: "Implementation by the treaty bodies of the guidelines on the independence and impartiality of the members of the human rights treaty bodies (the Addis Ababa Guidelines)". Paragraph 7 contains identical wording with respect to another similar document entitled the "San José Guidelines".

This is an example of how a non-conventional formation, lacking any mandate to permit interference by external actors, adopts an unlawful document and then, through its "endorsement" by the Committees, changes conventional rules – in this case, rules concerning the independence and impartiality of members of the human rights treaty bodies.

Against this background, it is appropriate to quote paragraph 37 of resolution 68/268 and draw attention to its implicit implications: it "encourages the human rights treaty bodies to continue their consideration and review of the Addis Ababa guidelines, including by seeking the views of States parties and other stakeholders on their development, and in this regard invites the Chairs of the treaty bodies to keep States parties informed of their implementation"[71].

How can the content of paragraph 37 be reconciled with paragraph 36, in which the Addis Ababa Guidelines are characterized as being "aimed at ensuring objectivity, impartiality and accountability within the treaty body system, with full respect for the independence of the treaty bodies"?

This appears even less consistent with paragraph 35, which refers to "the importance of the independence and impartiality of members of the human rights treaty bodies" and, in particular, emphasizes "the importance of full respect by all stakeholders in the treaty body system, as well as the Secretariat, for the independence of members of the treaty bodies," as well as the need to prevent any action that would "interfere with the exercise of their functions"[72].

Thus, neither the informal annual Meeting of Chairpersons of the human rights treaty bodies, at which only procedural matters should be discussed, nor the Chairs of the Committees, nor OHCHR are authorized to address substantive issues, still less to produce documents that modify important aspects of the work of the treaty bodies falling within the scope of treaty-based regulation and the oath taken by newly elected members of human rights treaty bodies at the first meeting of the relevant Committee.

At the same time, it should be clarified that the rules governing the impartiality of members, or experts, of the Committees are established in the Rules of Procedure of each Committee. Amendments to those Rules of Procedure are, in accordance with the Rules themselves, the exclusive prerogative of each Committee.

IX. Common but Not Identical Provisions of the International Covenants on Human Rights

Despite the division of the rights and freedoms enshrined in the UDHR between the two International Covenants on Human Rights, the texts of these Covenants contain provisions concerning the same rights or spheres [Temirbekov 2024:29; Addo 2010:634-635].

First and foremost, this concerns Article 1, common to both Covenants, which recognizes the right of all peoples to self-determination and to freely dispose of their natural wealth and resources. Further examples include Article 10 of the ICESCR and Article 23 of the ICCPR, concerning the family, as well as Article 8 of the ICESCR and Article 22 of the ICCPR, concerning trade unions.

These and other common provisions do in fact differ in meaning and content [Lesch, Reiners 2023:398]. This became evident at a joint meeting of members of the CESCR and the Human Rights Committee held five years ago and organized with the aim of discussing issues related to trade unions and developing common approaches. In Article 8 of the ICESCR, the right to form trade unions and

[70] Guidelines on the independence and impartiality of members of the human rights treaty bodies ("the Addis Ababa guidelines") (A/67/222). 20 July 2017. URL: https://dcjri.ministeriopublico.pt/sites/default/files/addisabebaguidelines_en.pdf (accessed date: 05.05.2026).

[71] Para. 37. UN General Assembly resolution (A/RES/68/268) "Strengthening and enhancing the effective functioning of the human rights treaty body system". 9 April 2014. URL: https://docs.un.org/en/a/res/68/268 (accessed date: 05.05.2026).

[72] Para. 35. UN General Assembly resolution (A/RES/68/268) "Strengthening and enhancing the effective functioning of the human rights treaty body system". 9 April 2014. URL: https://docs.un.org/en/a/res/68/268 (accessed date: 05.05.2026).

to join the trade union of one's choice is formulated in broader terms, within the framework of ensuring the right to work under Article 6 of the ICESCR and the right of everyone to the enjoyment of just and favourable conditions of work under Article 7 of the ICESCR. The restrictions provided for in Article 8 take these areas of legal relations into account [Runtunuwu, Tjahyadi 2023:164].

As regards Article 22 of the ICCPR, the right to form trade unions and to join them for the protection of one's interests is formulated within the broader context of everyone's right to freedom of association with others. This presupposes consideration of all key aspects of ensuring freedom of association and the legal consequences arising therefrom, particularly derogations from obligations under Article 4 of the ICCPR[73]. The specific character of Article 22 is reflected, in particular, in the article itself, which states: "This article shall not prevent the imposition of lawful restrictions on members of the armed forces and of the police in their exercise of this right"[74]. Article 8 of the ICESCR adds one more category of persons to these, alongside the armed forces and the police: the administration of the State[75].

Therefore, the CESCR and the HRC have the authority to express their views independently on particular provisions of the respective Covenant in their General Comments. There is no provision in either Covenant, nor in any act of the UN system, that would allow both treaty bodies – the CESCR and the HRC – to adopt a joint General Comment on analogous articles of the two Covenants [Runtunuwu, Tjahyadi 2023:162]. Nor are there any such cases in practice. Even the adoption of joint statements on key aspects of human rights is difficult for these two Committees, since such aspects may not always be perceived in the same way by UN Member States that are not parties to both International Covenants, such as, for example, the United States and the People's Republic of China.

In this context, it is also necessary to note the different approaches to limitations. The ICCPR refers both to "limitations" and to "derogations from obligations under the present Covenant" during a state of emergency in a State (Article 4). Article 4 of the ICESCR refers only to such limitations as are determined by law. Hence, different interpretations arise [Lesch, Reiners 2023:399].

For example, members of the CESCR working group developing a draft General Comment on "the implementation of economic, social and cultural rights in situations of armed conflict" argue that, since the ICESCR contains no provisions on derogations during a state of emergency, unlike the ICCPR, it should therefore be asserted that economic, social and cultural rights apply in full in situations of armed conflict. Such an assertion has a weak basis, since it does not take into account the conditions of armed conflict, the rules of international humanitarian law, or the right of States parties to the ICESCR to adopt national laws limiting these rights, including provisions on derogations from obligations under international human rights treaties during armed conflicts, whether international or non-international in character.

X. Conclusion

The inclusion, in the constituent instrument of an international intergovernmental organization possessing universal competence in the field of ensuring and maintaining international peace and security – namely, the UN Charter – of provisions concerning international cooperation in promoting respect for and observance of human rights and fundamental freedoms as one of the conditions of stability and well-being necessary for peaceful and friendly relations among nations under Article 55 of the UN Charter, as well as the establishment, for the achievement of this principal purpose of the United Nations, of one of its six principal organs – ECOSOC – represents an innovative post-war development and a historically significant fact that has not yet been fully appreciated.

This legacy of the States of the anti-Hitler coalition must be defended and protected by all possible means from attempts by all kinds of neo-Nazis and revanchists to substitute and distort the Charter

[73] Art. 22. International Covenant on Civil and Political Rights. 16 December 1966. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-4&chapter=4&clang=_en (accessed date: 05.05.2026).

[74] Art. 22. International Covenant on Civil and Political Rights. 16 December 1966. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-4&chapter=4&clang=_en (accessed date: 05.05.2026).

[75] Art. 8. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. 16 December 1966. URL: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-economic-social-and-cultural-rights (accessed date: 05.05.2026).

provisions concerning the promotion of and respect for human rights and fundamental freedoms [Neumayer 2005:936], and to prevent a situation in which it would once again become necessary to "reaffirm faith in fundamental human rights, in the dignity and worth of the human person"76.

As was the case in 1948, when the UDHR was adopted, the provision reflected in its Preamble remains relevant:

– the UDHR is proclaimed "as a common standard of achievement for all peoples and all nations…";

– "whereas a common understanding of these rights and freedoms is of the greatest importance for the full realization of this pledge"[77].

What has been stated indicates that the task set forth in the UDHR cannot be fulfilled immediately, and that international cooperation must therefore continue in order to achieve it [The Universal Declaration … 2023:10]. It also means that the achievement of these objectives requires the attainment of a "common understanding of the nature of the rights and freedoms" enshrined in the instruments constituting the International Bill of Human Rights. This excludes any unilateral attempts to impose elements that have not been agreed upon within the framework of international humanitarian cooperation.

The approach of the USSR to the realization of human rights and freedoms also retains its relevance. Specifically, the practical implementation of human rights provisions agreed upon within the framework of international cooperation, including within the United Nations, as obligations to be fulfilled in accordance with the constitutional procedure in force in each UN Member State, depends decisively on those sovereign States themselves. It also depends on the extent to which they recognize the role and significance of an effective national system of guarantees for ensuring the rights and freedoms of all citizens and other persons lawfully present in the territory under their jurisdiction.

References

1. Abashidze A. Mezhdunarodnaya universal'naya sistema zashchity prav cheloveka: vyzovy i perspektiva [The International Universal System for the Protection of Human Rights: Challenges and Prospects]. – *Obozrevatel' [Observer].* 2023. № 1 (396). P. 115-136. (In Russ.)
2. Abashidze A. Pravozashchitnaya sistema Organizatsii OON: kakovy puti dal'nejshego razvitiya? [The Human Rights System of the United Nations: What Are the Ways for Further Development?]. – *Obozrevatel' [Observer].* 2018. № 1 (336). P. 5-17. (In Russ.).
3. Abashidze A., Bagdatieva A. Dekriminalizaciya narkopolitiki s pomoshch'yu mezhdunarodnogo pravozashchitnogo izmereniya: progress ili regress? [Decriminalization of Drug Policy Through the International Human Rights Dimension: Advancement or Setback?]. – *Probely v rossijskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian Legislation. Legal Journal].* 2024. Vol. 17. № 8. P. 132-143. (In Russ.).
4. Abashidze A., Koneva A., Solntsev A.M. The impact of the United Nations Human Rights Treaties on the domestic level in the Russian Federation. – *Impact of the United Nations Human Rights Treaties on the Domestic Level: Twenty Years.* Brill pub. 2024. P. 899-1002.
5. Addo M.K. Practice of United Nations human rights treaty bodies in the reconciliation of cultural diversity with universal respect for human rights. – *Human Rights Quarterly.* 2010. Vol. 32. № 3. P. 601-664.
6. Casla K., Barker L. Protection and assistance to the family: Interpreting and applying article 10 of the International covenant on economic, social and cultural rights from learnt and lived experiences. – *Journal of Human Rights Practice.* 2024. Vol. 16. №. 2. P. 489-511.
7. Elkins Z., Ginsburg T., Simmons B. Getting to rights: Treaty ratification, constitutional convergence, and human rights practice. – *Harv. Int'l LJ.* 2013. Vol. 54. P. 61-95.
8. Hennebel L, Tigroudja H. International Human Rights Law: A Treatise. Cambridge University Press. 2025. 1152 p.
9. Heyns C.H., Viljoen F. The impact of the United Nations human rights treaties on the domestic level. – *Human Rights Quarterly.* 2001. Vol. 23. №. 3. P. 483-535.
10. Hong M.H. Legal commitments to United Nations human rights treaties and higher monitoring standards in the Universal Periodic Review. – *Journal of Human Rights.* 2018. Vol. 17. №. 5. P. 660-673.
11. Joseph S. International covenant on civil and political rights (ICCPR). – Elgar Encyclopedia of Human Rights. *Edward Elgar Publishing,* 2022. P. 178-187.
12. Kartashkin V.A. 55-letie Paktov o pravah cheloveka i tendencii razvitiya mezhdunarodnogo mekhanizma zashchity prav cheloveka [The 55th Anniversary of the Human Rights Covenants and Trends in the Development of the International Mechanism for the Protection of Human Rights]. – *Sovremennoe pravo [Modern Law Journal].* 2021. № 3. P. 98-106. (In Russ.).
13. Runtunuwu Y. B., Tjahyadi I. Promoting Economic, Social, and Cultural Rights: Challenges and Opportunities in International Human Rights Law. – *The Easta Journal Law and Human Rights.* 2023. Vol. 1. №. 03. P. 158-165.

[76] Preamble. Charter of the United Nations,. San-Francisco. 26 June 1945. URL: https://treaties.un.org/doc/publication/ctc/uncharter.pdf (accessed date: 05.05.2026).

[77] Preamble. General Assembly resolution "Universal Declaration on Human Rights" (217 (III) A). 10 December 1948. URL: https://digitallibrary.un.org/record/666853?v=pdf (accessed date: 05.05.2026).

14. Lesch M., Reiners N. Informal human rights law-making: How treaty bodies use 'General Comments' to develop international law. – *Global Constitutionalism.* 2023. Vol. 12. №. 2. P. 378-401.
15. Mulesky S., Sandholtz W., Zvobgo K. Do human rights treaty obligations matter for ratification? – *Journal of Human Rights.* 2024. Vol. 23. №. 1. P. 1-18.
16. Neumayer E. Do international human rights treaties improve respect for human rights? – *Journal of conflict resolution.* 2005. Vol. 49. №. 6. P. 925-953.
17. Solntsev A.M. The Growing Importance of Human Rights Treaty Bodies in Environmental Dispute Resolution. Ed. by C. Voigt, C. Foster. – *International courts versus non-compliance mechanisms. Comparative Advantages in Strengthening Treaty Implementation*. Cambridge University Press. 2024. 361-382 p.
18. Temirbekov Zh. International Human Rights: Divisible or Indivisible? International Human Rights: Divisible or Indivisible? – *Law and State.* 2024. № 4 (105). P. 23-34.
19. The Universal Declaration of Human Rights: a common standard of achievement. Ed. Alfredsson G., Eide A. Martinus Nijhoff Publishers. 2023. 775 p.
20. US ratification of the international covenants on human rights. Ed. by D.D. Fischer, H. Hannumю. Brill pub. 2023. 356 p.

About the Author

Aslan Kh. ABASHIDZE
Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of the Law Institute, Head of the Department of International Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, member of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights, Honoured lawyer of the Russian Federation, Honoured scientist of the Russian Federation, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198

abashidze-akh@rudn.ru
ORCID 0000-0003-0012-8795

Информация об авторе

Аслан Хусейнович АБАШИДЗЕ
Доктор юридических наук, профессор, директор юридического института РУДН имени Патриса Лумумбы, заведующий кафедрой международного права ЮИ РУДН, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Миклухо-Маклая ул., 6, Москва, 117198, Российская Федерация

abashidze-akh@rudn.ru
ORCID 0000-0003-0012-8795

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-27-42

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 24.02.2026
Принята к публикации: 27.05.2026

Ирина Юльевна ШТОДИНА
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
Ilc48@mail.ru
ORCID 0000-0003-0522-5324

Дарья Дмитриевна ШТОДИНА
РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина
Ленинский пр-т, 65, Москва, 119991, Российская Федерация
dashashtodina96@gmail.com
ORCID 0000-0003-4730-9614

ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО?

ВВЕДЕНИЕ. *В 2026 г. к одной из основных тенденций регулирования интернета в целом можно отнести попытки различных государств ограничить доступ для несовершеннолетних пользователей с целью их защиты от деструктивного контента, что, на самом деле, может вызвать еще большую правовую неопределенность и привести к попыткам данной категории пользователей получить доступ, обходя блокировки. В статье анализируется отечественная и зарубежная терминология, используемая в соответствующем законодательстве по данной проблематике (например, термины «социальные сети», «деструктивный контент» (CSEA и CSAM), права ребенка по смыслу Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г.) и т.д. Авторы предлагают руководствоваться гибким подходом к защите прав детей и подростков, не ограничиваясь только запретительными мерами.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Авторы приводят примеры зарубежных правовых подходов к защите прав наиболее уязвимой категории пользователей – детей и подростков, приводя актуальные статистические данные и ссылки на ведущих исследователей по данной проблематике. При этом анализируется законодательство и законодательные инициативы таких государств, как США, Австралия, Великобритания, Франция и Бразилия по защите прав детей и подростков от CSAM и CSEA. Особое внимание уделяется статистическим данным о начале использования в детском возрасте социальных сетей; об опасностях, с которыми может столкнуться несовершеннолетний пользователь в интернете в целом, в социальных сетях и на игровых платформах в частности. В исследовании использовались исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы и метод системного анализа.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *В результате проведенного исследования авторы выявили три возможных алгоритма для решения поставленной задачи – защиты прав несовершеннолетних в социальных сетях: 1) правовой метод; 2) технико-правовой метод и 3) психологический. В основу любого национального подхода к решению проблемы должен быть заложен проактивный подход, действующий в рамках приведенных алгоритмов и предполагающий*

сотрудничество государств с технологическими компаниями, а также включение механизма родительского контроля.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *В исследовании показано, что несмотря на потенциальную неэффективность запретительных мер для несовершеннолетних, государства будут стремиться внедрять именно данные меры, поскольку такой подход представляется наиболее «простым». Тем не менее авторы отмечают, что в отсутствие альтернативной точки зрения существует реальный риск того, что возрастет количество киберпреступлений, совершаемых с привлечением детей и подростков в интернете.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *социальная сеть, права ребенка, мессенджеры, кибербезопасность, киберпространство, деструктивный контент, ОЭСР, проактивный подход, свобода слова*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Штодина И.Ю., Штодина Д.Д. 2026. Защита прав несовершеннолетних пользователей в социальных сетях: невозможное возможно? – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 27–42. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-27-42

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-27-42

Research article
UDC: 341
Received 24 February 2026
Approved 27 May 2026

Irina Yu. SHTODINA
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
Ilc48@mail.ru
ORCID 0000-0003-0522-5324

Daria D. SHTODINA
Gubkin University
65, Leninsky Ave., Moscow, Russian Federation, 119991
dashashtodina96@gmail.com
ORCID 0000-0003-4730-9614

PROTECTION OF THE RIGHTS OF UNDERAGE USERS IN SOCIAL NETWORKS: IS THE IMPOSSIBLE POSSIBLE?

INTRODUCTION. *In 2026, one of the main trends in regulating the Internet as a whole can be attributed to attempts by various states to restrict access for underage users in order to protect them from destructive content, which, in fact, may cause even greater legal uncertainty and lead to the attempts of the underage users to gain access by bypassing blocking. The article analyzes both domestic and foreign terminological devices used in the relevant national and international legislation on this issue (for example, the terms "social networks", "destructive content" (CSEA and CSAM), the rights of the child within the meaning of the 1989 UN Convention on the Rights of the Child), etc. The authors give examples of foreign legal approaches to protecting the rights of the most vulnerable category of users - children and adolescents, providing up-to-date statistical data and links to leading researchers on this issue. In conclusion, the*

authors propose to be guided by a flexible approach to the protection of the rights of children and adolescents, not limited only to prohibitive measures.

MATERIALS AND METHODS. *The article provides up-to-date statistical data on attempts by some countries to restrict children's access to social networks. At the same time, the legislation and legislative initiatives of such states as the USA, Australia, Great Britain, France and Brazil on the protection of the rights of children and adolescents from CSAM and CSEA are analyzed. Special attention is paid to the statistical data on the beginning of the use of social networks in childhood; about the dangers that a minor user may face on the Internet in general, on social networks and on gaming platforms. The study is based on the historical, comparative legal methods and the method of system analysis.*

RESEARCH RESULTS. *As a result of the study, the authors identified three possible algorithms for solving the task of protecting the rights of minors in social networks.: 1) the legal method; 2) the technical and legal method; and 3) the psychological method. Any national approach to solving the problem should be based on a proactive approach involving cooperation between States and technology companies and the inclusion of a parental control mechanism.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The study shows that despite the potential ineffectiveness of restrictive measures for minors, states will nevertheless strive to implement these measures, since this approach seems to be the "simplest". However, the authors note that in the absence of an alternative point of view, there is a real risk that the number of cybercrimes committed involving children and adolescents on the Internet will increase.*

KEYWORDS: *social network, the rights of the child, messengers, cybersecurity, cyberspace, destructive content, OECD, proactive approach, freedom of speech*

FOR CITATION: Shtodina I.Yu., Shtodina D.D. Protection of the Rights of Underage Users in Social Networks: is the Impossible Possible? – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 27–42. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-27-42

The authors declare the absence of conflict of interest.

Today, I look at my invention and I am forced to ask: is the web still free today?
No, not all of it. We see a handful of large platforms harvesting users' private data
to share with commercial brokers or even repressive governments. We see ubiquitous algorithms
that are addictive by design and damaging to our teenagers' mental health.
Trading personal data for use certainly does not fit with my vision for a free web.
T. Berners-Lee. Why I gave the world wide web away for free[1]

1. Введение

Согласно положениям ст. 13 Конвенции о правах ребенка 1989 г., «ребенок имеет право свободно выражать свое мнение, это право включает свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода, независимо от границ, в любой устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка»[2]. Далее, в ст. 16 содержится

[1] «Сегодня я смотрю на свое изобретение и вынужден задаться вопросом: по-прежнему ли свободен Интернет? Нет, не полностью. Мы видим, как несколько крупных платформ собирают личные данные пользователей для передачи коммерческим брокерам или даже репрессивным правительствам. Мы видим повсеместное распространение алгоритмов, которые по своей сути вызывают привыкание и наносят ущерб психическому здоровью наших подростков. Обмен личными данными для использования, безусловно, не соответствует моему видению свободного Интернета». См.: Бернерс-Ли Т. *Почему я раздал Всемирную паутину бесплатно.* URL: https://www.theguardian.com/technology/2025/sep/28/why-i-gave-the-world-wide-web-away-for-free (дата обращения: 05.02.2026).

[2] Конвенция о правах ребенка 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 5.02.2026).

запрет на незаконное вмешательство в тайну корреспонденции ребенка, а также закрепляется право на защиту закона от такого вмешательства или посягательства[3].

В соответствии со ст. 17 Конвенции каждый участник признает важную роль средств массовой информации и берет на себя обязательство обеспечивать доступ ребенка к информации и материалов из различных национальных и международных источников, особенно к тем, которые признаны содействовать социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию ребенка[4]. И далее, в указанной статье Конвенции, уточняется, что с этой целью государства-участники: «a) поощряют средства массовой информации к распространению информации и материалов, полезных для ребенка в социальном и культурном отношениях…; b) поощряют международное сотрудничество в области подготовки, обмена и распространения такой информации и материалов из различных культурных, национальных и международных источников; c) поощряют выпуск и распространение детской литературы; d) поощряют средства массовой информации к уделению особого внимания языковым потребностям ребенка, принадлежащего к какой-либо группе меньшинств или коренному населению; e) поощряют разработку надлежащих принципов защиты ребенка от информации и материалов, наносящих вред его благополучию…». Вместе с тем, уважая права ребенка на поиск, получение и передачу информации и идей любого рода, в соответствии с положениями ст. 13 Конвенции, государство может подвергнуть упомянутые свободы ограничениям, предусмотренным законом и необходимым для уважения репутации других лиц или для охраны государственной безопасности, общественного порядка (ordre public) или здоровья или нравственности населения [Рыбаков, Рыбакова 2018:27-31][5].

Со времени принятия указанной конвенции, по словам бывшего Генерального директора ЮНЕСКО О. Азуле, «Цифровые технологии позволили добиться огромного прогресса в области свободы слова. Однако платформы социальных сетей также ускорили и усилили распространение недостоверной информации и языка вражды, создавая серьезные риски для сплоченности общества, мира и стабильности. Чтобы защитить доступ к информации, мы должны регулировать эти платформы, при этом защищая свободу выражения мнений и права человека»[6].

Приведенная выше цитата дает ответ на вопрос о том, чем обусловлено сегодняшнее стремление государств разработать жесткие «правила игры» для защиты прав детей и подростков (так же, как и для всех остальных пользователей) в интернете. Так, в своей работе “The Age of Surveillance Capitalism: the Fight for a Human Future at the New Frontier of Power” («Эпоха надзорного капитализма: борьба за будущее человечества на грани реальности») Ш. Зубофф относит современную эпоху к «надзорному капитализму», при котором IT-компании хотят получить полный доступ к данным и даже мыслям пользователей [Zuboff 2019][7]; в то время как за последними остается только право на цифровую самооборону, в которой им может быть отказано заинтересованной в получении прибыли IT-компанией. Особенно уязвимой категорией пользователей сетей, без сомнения, являются дети.

Очевидно, что развитие технологий- процесс необратимый, при этом запущенный самим человеком, но это процесс, который требует установления четких правовых и технологических рамок [Fedotov 1998:18-26].

Авторы придерживаются проактивного подхода, не предполагающего разработку популистских и малоэффективных норм, а, напротив, выступают за создание нормативного регулирования на основе статистических

---

[3] Конвенция о правах ребенка 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 5.02.2026).

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Дезинформация в Интернете: ЮНЕСКО представила план действий по регулированию платформ социальных сетей. URL: https://www.unesco.org/ru/articles/dezinformaciya-v-internete-yunesko-predstavila-plan-deystviy-po-regulirovaniyu-platform-socialnykh (дата обращения: 05.02.2026).

[7] Здесь было бы уместно процитировать слова сооснователя компании Google Л. Пейджа: «…как Google может следовать законам, которые были приняты до появления сети Интернет?» (The Guardian: Shoshana Zuboff: “Surveillance capitalism is an assault on human autonomy”. URL: https://www.theguardian.com/books/2019/oct/04/shoshana-zuboff-surveillance-capitalism-assault-human-automomy-digital-privacy (дата обращения: 05.02.2026)).

данных и прогнозов профильных специалистов. От государств такой подход потребует не только и не столько принятия мер по блокировке или ограничению доступа, сколько непрерывного анализа возможных рисков и поиска компромиссов с технологическими компаниями. Полагаем, что государству и IT-компаниям необходимо следовать постулату audiatur et altera pars, что предполагает активное включение в диалог несовершеннолетнего пользователя, который на фоне блокировок все чаще сталкивается, во-первых, с ограничениями права на доступ к информации, а, во-вторых, с парадоксальным снижением уровня кибербезопасности, что приводит к стремлению всеми доступными путями изыскать все новые способы для обхода блокировок.

В начале исследования представляется необходимым определиться с терминологическим аппаратом, а затем рассмотреть примеры международно-правовых и внутригосударственных механизмов защиты прав детей и подростков.

Термин «ребенок» в соответствии с положениями процитированной ранее Конвенции о защите прав ребенка подразумевает «…каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее»[8]. В статье обозначено разделение несовершеннолетних пользователей на детей и подростков, используемое в том числе Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ; согласно ВОЗ, детьми признаются лица до 10 лет; подростками – с 10 до 19 лет)[9].

Определение термина «социальная сеть» представлено, например, в п. 1 ч. 1 ст. 10.6 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: «…сайт и (или) страница сайта в сети „Интернет“, и (или) информационная система, и (или) программа для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются их пользователями для предоставления и (или) распространения посредством созданных ими персональных страниц информации на государственном языке Российской Федерации, … на которых может распространяться реклама, направленная на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, и доступ к которым в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети „Интернет“, находящихся на территории Российской Федерации...»[10] Несмотря на наличие упомянутого выше определения в 2026 г. в Российской Федерации не был разработан единый нормативный акт, непосредственно определяющий правовые рамки для функционирования социальных сетей (в том числе для несовершеннолетних пользователей). В федеральном законе 2006 г. речь идет об определении терминов «владелец социальной сети» и «пользователь социальной сети», а не о «социальной сети» как таковой.

В качестве еще одного примера национального определения термина «социальная сеть» (или «платформа социальной сети») можно привести США. В Кодексе США представлено следующее определение термина «платформа социальных сетей»: веб-сайт или интернет-ресурс, который: 1) позволяет лицу стать зарегистрированным пользователем, создать учетную запись или профиль с целью предоставления пользователям возможности создавать, публиковать и просматривать пользовательский контент через такую учетную запись или профиль; 2) дает возможность одному или нескольким пользователям создавать контент, который может просматриваться другими пользователями; 3) служит средством для взаимодействия пользователей с контентом, созданным другими пользователями[11].

Как в таком случае можно охарактеризовать социальную сеть? По сути, социальная сеть – это интернет-ресурс, на котором генерируется (создается) контент, причем преимущественно пользователями, и который распространяется публично (т.е. среди неопределённого круга лиц) [Войниканис 2024:27-36; Жарова 2025:31-41].

В представленном исследовании проанализирован подход государств к ограничительному использованию социальных сетей именно несовершеннолетними.

---

[8] Конвенция о правах ребенка 1989 г.

[9] Глобальная стратегия охраны здоровья женщин, детей и подростков (2016–2030 гг.): развитие детей раннего возраста: доклад Генерального директора. URL: https://iris.who.int/items/c7dd38f8-e0e3-4519-8d91-05e43f3d40af (дата обращения: 5.02.2026).

[10] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с изм. и доп.). URL: https://base.garant.ru/12148555/ (дата обращения: 5.02.2026).

[11] 42 U.S. Code § 1862w – NSF support of research on impacts of social media on human trafficking. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/42/1862w#a_2 (дата обращения: 5.02.2026).

2. Дети и подростки в интернете: некоторые статистические данные

Согласно статистическим данным, полученным компанией Brand Analytics в марте 2025 г., число активных авторов в социальных медиа в России составило 83,8 млн человек[12].

При этом так называемое поколение цифры[13] просматривает новости несколько раз в день (63 %)[14]. По данным компании Mediascope за октябрь 2025 г., 90 % детей от 4 до 5 лет в России имеют все необходимые навыки для активного использования интернета; при этом они не обращаются за помощью к родителям в их использовании. С 9 до 11 лет 99 % подростков используют интернет[15]. Все чаще дети и подростки проводят время в интернете за просмотром социальных медиа, т.е. социальных сетей, блогов, мессенджеров и видеохостингов. Подобные тенденции повсеместного использования социальных сетей и мессенджеров сохраняются в большинстве развитых и развивающихся государств.

В подтверждение отечественной статистики в рамках сравнительно-правового подхода дополнительно приведем данные по США и Франции: в США 43 % детей поколения «альфа» используют впервые интернет до 6 лет; к 10 годам у 58 % детей есть смартфон; в возрасте 8-9 лет дети используют ноутбук в школе и дома для игр. Во Франции дети пользуются Всемирной паутиной с 5 лет 10 месяцев[16]. Однако часть детей в развитых государствах в XXI в. длительное время вообще не имела доступа к любым технологиям (0,4 % детей в Исландии; 20,8 % детей в Болгарии; и 23,1 % детей в Румынии) [Guštin 2022:464-465].

Очевидно, что приведенная статистика, может вызвать обеспокоенность у родителей и государства, поскольку из нее следует, что практически любой ребенок или подросток использует гаджеты с рождения и живет в онлайн-среде.

3. Основные тенденции регулирования использования социальных сетей и угрозы для пользователей

По мнению профессора Л. Лессига, киберпространство может защитить все базовые ценности человека, что, однако, потребует отказаться от вмешательства государств в данное пространство [Lessig 2006]. Если изначально основатели интернета, например, британский ученый Т. Бернерс-Ли, выступали за невозможность введения цензуры в виртуальном пространстве и рассматривали киберпространство как идеальную *terra nullius,* где можно наделить пользователей правами и обязанностями, за соблюдением и реализацией которых они будут следить самостоятельно, то на практике настоящую автономию волю приобрели так называемые посредники между пользователями и интернетом, а именно, IT-компании[17]. Государства, в свою очередь, на протяжении двадцати лет определялись с терминологическим аппаратом возможных конвенций и лишь относительно недавно заявили о необходимости обеспечения безопасности несовершеннолетних пользователей, но посредством блокировок и ограничения доступа [Morehouse 2024:74-126].

Права пользователей в интернете включают, прежде всего, право на доступ и обмен информацией. Одной из ключевых международных организаций, специализирующихся на защите прав пользователей в данном контексте, является Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО). В «Руководящих принципах

[12] Социальные сети в России: цифры и тренды, весна 2025. URL: https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2025 (дата обращения: 5.02.2026).

[13] Термин «поколение цифры» – зонтичный термин, включающий в себя пользователей, рожденных с 1997 г. по 2012 г. (так называемое поколение Z) и после 2010 г. (так называемое поколение альфа).

[14] Информационный марафон: как и зачем россияне читают новости в 2025 году. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/informacionnyi-marafon-kak-i-zachem-rossijane-chitajut-novosti-v-2025-godu (дата обращения: 5.02.2026).

[15] Как дети и подростки в России пользуются интернетом. Инфографика. А также что смотрят, читают, слушают и во что играют. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/03/2025/67c1b67a9a7947a146b068c3 (дата обращения: 5.02.2026).

[16] Age Assurance Practices of 50 Online Services Used by Children. P.7. URL: https://www.oecd.org/en/publications/age-assurance-practices-of-50-online-services-used-by-children_a19853ab-en.html (дата обращения: 5.02.2026).

[17] The Guardian "Why I gave the world wide web away for free". URL: https://www.theguardian.com/technology/2025/sep/28/why-i-gave-the-world-wide-web-away-for-free (дата обращения: 5.02.2026).

регулирования цифровых платформ», принятых в 2023 г. (далее – Руководящие принципы ЮНЕСКО), особое внимание уделяется несовершеннолетним пользователям (детям), а «… правительства и цифровые платформы должны также признать свою особую ответственность перед детьми»[18].

В Руководящих принципах ЮНЕСКО перечислены основные положения о защите прав пользователей в интернете, включая соответствующие обязательства со стороны государств, цифровых платформ, межправительственных организаций и гражданского общества. Например, государство должно стремиться к гарантированию сетевого нейтралитета, обеспечению свободы слова и воздерживаться от «…введения мер, препятствующих или нарушающих общий доступ к распространению информации в режиме онлайн и офлайн, включая отключение интернета». В документе перечислены такие принципы, как транспарентность, использование системы сдержек и противовесов, использование мультистейкхолдерного подхода, сочетание саморегулирования и законодательного регулирования деятельности цифровых платформ.

Важно также отметить, что Руководящие принципы распространяются на цифровые платформы в зависимости от их размера и охвата, определенной доли рынка и функциональных возможностей и особенностей. Также платформы должны проявлять должную осмотрительность в области защиты прав человека, следовать базовым стандартам в области прав человека, модерировать контент как используя автоматические системы, так и используя функцию человеческого модерирования контента, а также быть транспарентными, доступными и подотчетными.

По сути, Руководящие принципы ЮНЕСКО 2023 г. – продолжение многостороннего процесса обеспечения защиты права на доступ к информации, начавшегося в 2021 г. на 41-й Генеральной Конференции ЮНЕСКО и завершившегося принятием Декларации «Виндхук+30»[19]. В данной Декларации подчеркивается, что информация является общественным достоянием, а для обеспечения доступа к ней на недискриминационной основе обозначаются три шага: 1) транспарентность цифровых платформ; 2) расширение прав и возможностей граждан с помощью медийной и информационной грамотности; и 3) обеспечение жизнеспособности СМИ.

Более того, создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям – одна из 17 Целей в области устойчивого развития, обозначенных на 2015–2030 гг. ООН[20].

На наш взгляд, усиление вмешательства государства в работу социальных сетей и мессенджеров началось с 2020-х гг. во время и после эпидемии COVID-19, когда увеличилось количество кибератак и кибермошенничества в интернете. Согласно анализу Cybersecurity Ventures, сумма доходов от киберпреступлений сопоставима с полноценным бюджетом развитого государства[21].

По утверждению Верховного комиссара ООН по правам человека Ф. Тюрка «…называть усилия по созданию безопасного онлайн-пространства цензурой… значит игнорировать тот факт, что нерегулируемое онлайн-пространство лишает некоторых людей возможности высказаться, особенно тех, чьи голоса часто маргинализируются. В то же время допущение ненависти в интернете ограничивает свободу слова и может привести к реальному вреду»[22].

В исследовании 2024 г. «Patterns and trends of global social media censorship: insights from 76 countries» («Паттерны и тренды глобального цензурирования медиа: обзор 76 государств») отмечается, что увеличение государственного

[18] Руководящие принципы регулирования цифровых платформ. Многосторонний подход к обеспечению свободы выражения мнений и доступа к информации. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000387385 (дата обращения: 5.02.2026).

[19] Декларация «Виндхук +30». URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379724_rus (дата обращения: 5.02.2026).

[20] Цели в области устойчивого развития. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (дата обращения: 5.02.2026).

[21] Cybercrime To Cost The World $12.2 Trillion Annually By 2031. URL: https://cybersecurityventures.com/official-cybercrime-report-2025/ (дата обращения: 5.02.2026).

[22] It's not censorship to stop hateful online content, insists UN rights chief. URL: https://news.un.org/en/story/2025/01/1158886 (дата обращения: 5.02.2026).

контроля над социальными сетями осуществляется в основном странами Глобального Юга (например, в Венесуэле) [Al-Zaman 2024:2].

Вместе с тем, опираясь на законодательные инициативы и законодательство в сфере ограничения или запрещения использования социальных сетей детьми и подростками (например, в Австралии, США, Франции и Великобритании) можно поспорить с приведенными в исследовании данными и констатировать, что тенденция постепенного увеличения контроля со стороны не только государств Глобального Юга за деятельностью несовершеннолетних пользователей в сети Интернет сохранится и в 2026 г.

Поскольку тема настоящей статьи так или иначе связана с возможностью цензурирования «во благо подрастающего поколения», то можно выделить два его (цензурирования) вида: 1) интернета в целом (блокировка и торможение работы); и 2) социальных сетей, мессенджеров, онлайн-игровых площадок и т.д.

Формы усиления контроля государства за социальными сетями могут быть следующими:

- фильтрация контента (или борьба с так называемым «деструктивным контентом») [Gorwa, Binns, Katzenbach 2020:1-15];
- разработка отдельных законов, регулирующих доступ к платформам (например, социальным или игровым);
- ограничение (или тотальный запрет) на использование социальных сетей, мессенджеров, игровых платформ и т.д. [Хисамова 2025:106-108]

При этом за необходимость «разумного цензурирования» размещаемого контента может выступать как компания, которой принадлежит социальная сеть, так и государство, стремящееся к защите киберсуверенитета.

Отметим, что практика «внедрения» целевых ограничений (или targeted bans) по использованию той или иной социальной сети – общемировой тренд, отмеченный Cullen International в докладе 2025 г. «Global Trends in social media regulation» («Глобальные тренды в регулировании социальных медиа»)[23].

Согласно статистике Freedom House, в 78 странах мира государственные органы осуществляли попытку «цензурирования» социальных медиа. Данный процесс затронул 37 африканских государств, 30 азиатских государств, 4 европейских государства, 4 североамериканских государства и 4 южноамериканских государства[24].

Введение мер по цензурированию интернета привело к ухудшению ситуации с обеспечением прав пользователя в Киргизстане, Азербайджане, Беларуси, Ираке и Зимбабве [Al-Zaman 2024:5].

4. Современные правовые подходы к защите прав несовершеннолетних

В основе любой меры, связанной с регулированием интернета, должна стоять следующая цель – сделать несовершеннолетних пользователей равными участниками цифрового мира, при этом не блокируя им доступ к медиапространству [Kravchuk 2022:82-87].

На основании многочисленных опросов детей и подростков, Организацией экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) были представлены следующие проблемы, с которыми чаще всего сталкиваются дети в интернете:

- социальная изоляция;
- увеличение недовольства своей жизнью и увеличение количества депрессивных состояний;
- кибернасилие (кибербуллинг);
- педофилия (или «груминг». т.е. создание доверительных отношений с ребенком) в интернете .

Сегодня вопрос защиты прав детей и подростков, на наш взгляд, предполагает участие следующих субъектов: 1) государства, которое зачастую стремиться не сотрудничать, а не подчинять себе крупнейших IT-гигантов; 2) компаний, которым требуется ориентироваться

[23] Scaramuzzi E. Global Trends in social media regulation. URL: https://www.cullen-international.com/news/2025/01/Global-Trends-in-social-media-regulation.html (дата обращения: 5.02.2026).

[24] Internet Censorship: A Map of Internet Censorship and Restrictions. URL: https://www.comparitech.com/blog/vpn-privacy/internet-censorship-map/ (дата обращения: 5.02.2026).

[25] Transparency Reporting on Child Sexual Exploitation and Abuse Online 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/transparency-reporting-on-child-sexual-exploitation-and-abuse-online-2025_a89e3f08-en.html (дата обращения: 5.02.2026); Age Assurance Practices of 50 Online Services Used by Children. URL: https://www.oecd.org/en/publications/age-assurance-practices-of-50-online-services-used-by-children_a19853ab-en.html (дата обращения: 5.02.2026).

не только на прибыль, но и на создание безопасной среды для детей (в том числе посредством создания специализированных органов (или помощников) для рассмотрения обращений от детей и подростков); и 3) родителей, которые должны отслеживать, что смотрит ребенок и каким контентом он интересуется (что в современном мире может рассматриваться, скорее, как некая утопия). Согласно отчету[26] крупнейшей российской социальной сети ВКонтакте, только 37 % родителей сами проявляют интерес к просматриваемому детьми контенту. Жертвами буллинга в РФ стали 56 % детей и подростков[27].

Существуют ли риски дискриминации прав детей и подростков при разработке государствами новых законов, направленных на защиту их прав в интернете?

Во-первых, дети и подростки могут быть полностью исключены из числа полноправных акторов, использующих новые технологии (речь идет не о теоретическом прогнозе, а о практике некоторых государств (например, Австралии[28]); во-вторых, несовершеннолетние могут быть ограничены в доступе к законному контенту в результате чрезмерной фильтрации контента, причем данный список можно продолжить [Morehouse 2024:107-114].

Помимо представленных выше документов ЮНЕСКО, необходимо проанализировать следующие документы Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) – Transparency Reporting on Child Sexual Exploitation and Abuse Online 2025[29] и Age Assurance Practices of 50 Online Services Used by Children[30]. В них приводится актуальная статистика по распространению так называемых материалов, содержащих Child Sexual Abuse Material (далее – CSAM) и Child Sexual Exploitation and Abuse (далее – CSEA)[31], т.е. контента с изображением сексуального насилия над детьми, а также анализируются механизмы реализации отчетности IT-компаний об использовании системы верификации возраста пользователя.

Полагаем, что помимо рисков дискриминации детей и подростков и отсутствия у них права голоса (что корректно с правовой точки зрения, но не сможет привести к принятию действительно эффективных мер), существует ряд основных проблем, с которыми несовершеннолетние пользователи могут столкнуться в онлайн-среде (некоторые риски совпадают с перечисленными в документах ОЭСР):

- кибернасилие, кибербуллинг, груминг;
- проблемы с психическим здоровьем;
- агрессивный маркетинг (навязчивая система рекомендаций в социальных сетях);
- увеличение количества kidfluencers, т.е. «детей-инфлюенсеров», зарабатывающих деньги в интернете и наиболее часто подвергаемых буллингу[32];

[26] Хоть травля не расти. Каждый десятый ребенок в России хотя бы раз сталкивался с буллингом в сети. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6014816 (дата обращения: 5.02.2026).

[27] Там же.

[28] Australia to Ban Social Media for Under-16s in World-First Corporate Liability Law. URL: https://m.dongascience.com/en/news/75205 (дата обращения: 5.02.2026).

[29] Transparency Reporting on Child Sexual Exploitation and Abuse Online 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/transparency-reporting-on-child-sexual-exploitation-and-abuse-online-2025_a89e3f08-en.html (дата обращения: 5.02.2026).

[30] Age Assurance Practices of 50 Online Services Used by Children. URL: https://www.oecd.org/en/publications/age-assurance-practices-of-50-online-services-used-by-children_a19853ab-en.html (дата обращения: 5.02.2026).

[31] Наиболее точное определение терминов CSAM и CSEA: CSAM – это любое визуальное изображение откровенно сексуального поведения с участием лица не достигшего возраста 18 лет; CSEA включает в себя широкий спектр преступных деяний, связанных с преследованием несовершеннолетних ради сексуального удовлетворения или какой-либо другой личной или финансовой выгоды. Онлайн-CSEA может быть в форме создания и распространения материалов о сексуальном насилии над детьми, груминга, сексуальных домогательств и угроз членовредительства. URL: https://www.dhs.gov/know2protect/key-definitions (дата обращения: 5.02.2026).

[32] Стоит отметить, что до появления термина «дети-инфлюенсеры» к таковым можно было отнести известных детей, которые снимались в кино. Так, в Соединенных Штатах Америки в 1938 г. рассматривался иск известного актера Дж. Кугана (на момент предъявления иска актеру было 23 года) к матери о взыскании полученных ею за него гонораров за съемки в фильме «Малыш» с Ч. Чаплином. После того как картина получила всемирную известность, а актер стал узнаваем, мать и отчим приняли решение о самостоятельном регулировании бюджета сына. В неделю актеру выдавалось 6.50 долларов; а с 21 года «пособие» перестало выплачиваться. Суд принял решение в пользу Кугана, но от первоначального состояния осталось только 126 тыс. долларов. В результате рассмотрения дела в штате Калифорния был принят Coogan Law, защищающий права детей-актеров. Начинающим актерам до достижения совершеннолетия могут направить деньги в трастовый фонд или открыть сберегательный (накопительный) счет для управления гонорарами (URL: https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/74384010 (дата обращения: 05.02.2026)).

– использование аддиктивного дизайна, который привлекает детей в компьютерных играх или социальных сетях;

– использование «лутбоксов» в компьютерных играх [Коваленко 2020:26-32].

Ранее были упомянуты понятия CSAM и CSEA, предполагающие размещение в интернете сцен сексуального насилия (эксплуатации) над детьми в публичном доступе.

На национальном уровне государства стали разрабатывать нормы, позволяющие защитить детей и подростков в социальных сетях и интернете от подобного контента, например, во французском Уголовном кодексе содержится ст. 227-23 (ответственность за действия, связанные с противоправным использованием изображений несовершеннолетних)[33]; в Австралии действует Online Safety Act 2021 г. (запрет на использование социальных сетей детям до 15 лет)[34]; в США – Children's Online Privacy Protection Act 2021 г. (COPPA) – защита неприкосновенности частной жизни детей и подростков[35]; в Ирландии – Sexual Offences Act 2017 г. (борьба с сексуальной эксплуатацией и насилием в отношении детей)[36]. В Европейском союзе основным источником по данному вопросу выступает Digital Services Act 2022 г., вступивший в силу на территории всего Европейского союза в 2024 г. [Jones 2025:45-46][37].

В Российской Федерации защита прав детей (и других пользователей) от CSEA и CSAM регулируется УК РФ и отдельными ФЗ – «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» 2010 г.[38]; ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» 2006 г.[39] и т.д. [Монахов 2005:384-392].

Цитируемые авторами статьи статистические данные ОЭСР по данному вопросу впечатляют: совершеннолетние пользователи (от 18–20 лет) сталкивались с подобным контентом в 54 % случаев; а дети и подростки до 18 лет – в 70 % случаев[40].

При этом 50 % детей и подростков наткнулись на такой контент случайно, а в непосредственный «цифровой контакт» с ребенком злоумышленники пытались вступить в 40 % случаев[41].

В докладе ОЭСР также были приведены данные о социальных сетях и мессенджерах, которые регулярно представляют отчеты о данном контенте и его последующем удалении. За несоблюдение правил по модерации контента часто критикуются игровые платформы, платформы по размещению фотографий и lifestyle-контента (например, Pinterest). На многих платформах проверка возраста ограничивается простым проставлением отметки «мне есть 18 лет».

Исходя из этой статистики, можно сделать вывод о том, что необходимо установление сотрудничества государств, международных организаций (например, ООН, ЮНЕСКО, ОЭСР) с цифровыми платформами для защиты прав несовершеннолетних пользователей, что может привести к снижению количества исков пострадавших от «столкновения» с деструктивным контентом детей и подростков.

Для борьбы с подобными угрозами государству и компаниям важно не запрещать весь контент и исключать детей из социальных сетей и мессенджеров, а разрабатывать эффективные механизмы, хотя реализация последних может стать значительно дороже, чем тотальное запрещение.

---

[33] Code pénal. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000043409170 (дата обращения: 05.02.2026).

[34] Online Safety Act. URL: https://classic.austlii.edu.au/au/legis/cth/consol_act/osa2021154/ (дата обращения: 05.02.2026).

[35] Children's Protection Act. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3716 (дата обращения: 05.02.2026).

[36] Sexual Offenders Act. URL: https://revisedacts.lawreform.ie/eli/2017/act/2/revised/en/html (дата обращения: 05.02.2026).

[37] Digital Services Act. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng (дата обращения: 05.02.2026).

[38] О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 05.02.2026).

[39] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 05.02.2026).

[40] Age Assurance Practices of 50 Online Services Used by Children. P. 7-10. URL: https://www.oecd.org/en/publications/age-assurance-practices-of-50-online-services-used-by-children_a19853ab-en.html (дата обращения: 5.02.2026).

[41] Ibid.

5. Законодательный опыт зарубежных государств

Не ставя своей целью изучить многочисленные внутригосударственные правовые источники по защите прав детей и подростков в интернете, можно выделить основные нормативно-правовые источники и подходы следующих государств: США, Австралии, Великобритании, Франции и Бразилии.

Например, с 2023 г. в некоторых штатах США (Юта) было принято законодательство о минимальном возрасте регистрации ребенка и подростка в социальных сетях (Social Media Regulation Act), который был затем заменен в 2024 г. на Minor Protection in Social Media Act, предусматривающий получение обязательного родительского согласия, однако закон не вошел в силу[42]. Судья Р. Шелби по делу с участием компании NetChoice дал следующее толкование данного закона: «…в силу первостепенного значения Первой поправки в нашей демократической системе даже «благонамеренное» законодательство, регулирующее высказывания на основе их содержания (т.е. контента), должно пройти чрезвычайно тщательную правовую проверку…»[43]

Доказательством перехода от либеральной риторики США в пользу решения вопроса об ограничении доступа к социальным сетям служит законопроект Kids Off Social Media Act 2024 г. (KOSMA). Рассмотрение закона в 2025 г. было отложено, однако с января 2026 г. продолжаются дискуссии о возможности введения его в действие[44]. Что предусматривается данным Законом? Во-первых, в нем закреплено определение социальной медиа платформы – это общедоступные сайты, функционирующие в первую очередь как площадки для размещения контента, создаваемого пользователями. Во-вторых, до 13 лет детям и подросткам будет запрещено создавать и вести аккаунты в социальных сетях. В-третьих, устанавливается полный запрет на сбор персональных данных пользователей до 17 лет [Morehouse 2024:96-99].

В США вопрос об ограничении доступа к социальным сетям рассматривается одновременно с решением вопроса о защите прав детей при использовании игровых сервисов. Так, в 2025 г. Генеральный прокурор штата Луизианы обратился в суд с иском против одной из игровых платформ, которую некоторые игроки используют для совершения противоправных действий с участием детей[45]. В связи с увеличением количества исков в США, направленных на защиту прав детей от педофилов и грумеров, свою очередь, одна из американских игровых платформ в 2025 г. приняла решение, что чаты будут открыты только для общения с другими несовершеннолетними. При этом на платформе используется система Facial Age Estimation для сканирования лица ‑ все пользователи платформы разделены на следующие группы: 1) до 9 лет; 2) 9‑12 лет; 3) 13‑15 лет; 4) 18‑20 лет; 5) от 21 лет и более.

Детям до 9 лет не будет предоставлена возможность вести чат с другими пользователями. Если речь идет об игре с родственниками, то можно использовать функцию trusted connection. Для Австралии, Новой Зеландии и Нидерландов правила начали действовать с декабря, а в остальных государствах ‑ с января 2026 г.[46]

Одним из первых государств, решившихся на принятие закона о запрете использования социальных сетей подростками, стала Австралия.

Согласно статистическим данным, предоставленным правительством Австралии, 96 % подростков в возрасте от 10 до 15 лет используют социальные сети и семь из десяти детей и подростков сталкивались с так называемым деструктивным контентом[47].

---

[42] Utah Minor Protection in Social Media Act – S.B.194 / H.B.464. URL: https://www.techpolicy.press/tracker/utah-minor-protection-in-social-media-act-sb194-hb464/ (дата обращения: 5.02.2026).

[43] Judge blocks Utah's social media laws, writing they likely violate the First Amendment. URL: https://utahnewsdispatch.com/2024/09/11/judge-blocks-utah-social-media-law/ (дата обращения: 5.02.2026).

[44] Kids Off Social Media Act. URL: https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/4213 (дата обращения: 5.02.2026).

[45] Sued by State of Louisiana, Which Alleges Platform Facilitates Sexual Exploitation of Kids. URL: https://variety.com/2025/digital/news/roblox-sued-louisiana-attorney-general-sexual-exploitation-1236489936/ (дата обращения: 5.02.2026).

[46] Aggiornamento sul nostro controllo dell'età per la roadmap di Chat Fast-Follow. URL: https://devforum.roblox.com/t/february-6-2026-an-update-on-our-age-check-to-chat-fast-follow-roadmap/4340230 (дата обращения: 5.02.2026).

[47] Australia to Ban Social Media for Under-16s in World-First Corporate Liability Law. URL: https://m.dongascience.com/en/news/75205 (дата обращения: 5.02.2026).

В 2024 г. в Австралии был принят уникальный закон- Online Safety Amendment (Social Media Minimum Age) Act of 2024[48], запрещающий до 16 лет использовать некоторые социальные сети[49]. С декабря 2025 г. компании, владеющие социальными сетями, должны применять разумные меры для обеспечения того, чтобы лица младше 16 лет не могли создавать учетные записи на платформах; в случае обнаружения таковых все они будут немедленно удалены и деактивированы.

Согласно статистике, каждый седьмой ребенок в Австралии становился жертвой груминга, а более 50 % – жертвами кибербуллинга, в том числе от взрослых пользователей. Безусловно, запрет на использование социальных сетей неверно возводить в абсолют, поскольку для детей будут создаваться списки доступных цифровых платформ, а решать, кто войдет в эти списки будет регулятор ESafety Commissioner[50]. Оценка проводится на основе функционального подхода. Например, если первоначальная цель платформы – обмен сообщениями, онлайн-игры, образовательный контент, контент о здоровье и т.д., то он будет доступен для детей. Далее, неверно полагать, что будет оцениваться только детский контент – напротив, будет проведена оценка всего контента и выделен отдельно детский контент.

Итогом принятия данного закона стало закрытие 4,7 млн детских и подростковых аккаунтов на некоторых зарубежных платформах. За несоблюдение закона на IT-компанию может быть возложен штраф до 49,5 млн австралийских долларов.

Вместе с тем ожидаемым результатом принятия подобного закона стало возрастание количества претензий от пользователей к IT-компаниям. Например, Reddit по просьбе несовершеннолетних пользователей обратился к Верховному суду Австралии с просьбой удалить компанию из списка социальных платформ, закрытых для использования лицами до 16 лет. Отметим, что на сайте ESafety Commissioner размещены четкие критерии определения платформы как социальной. Однако представители Reddit сослались на то, что платформа не позволяет постоянно находиться в социальном взаимодействии; более того, пользователи могут взаимодействовать на анонимной основе. В то же время на сайте компании о платформе упоминается следующий слоган: «Сообщества. Беседа. Человеческое взаимодействие», в связи с чем аргументы Reddit не выглядят обоснованными[51].

В Великобритании в июле 2025 г. вступила в силу не менее дискуссионная часть принятого в 2023 г. закона – Online Safety Act, предусматривающая осуществление «должной заботливости» (duty of care) со стороны владельцев социальных сетей. В законе предусматривается разграничение контента на две группы: 1) незаконный контент (illegal content); и 2) контент, способный навредить детям[52]. Выделяются 13 видов незаконного контента (например, CSAM, мошенничество, подстрекательство к совершению насилия, сексуальная эксплуатация и т.д.). Контент, способный навредить детям, может не быть признан незаконным, но на владельцах социальных сетей лежит обязанность отслеживать и удалять его. Способный навредить детям контент, в свою очередь, подразделяется: 1) на первоочередной контент (primary priority content, далее – PPC) – доступ к данному контенту должен быть полностью запрещен; и 2) приоритетный контент (priority content, далее – PC) – доступ к данному контенту будет открыт после прохождения процедуры верификации возраста. PPC контент включает: 1) порнографию; 2) контент, предоставляющий инструкции по самоповреждению, а также рекламирующий расстройства пищевого поведения и суицида. PC контент включает: буллинг, хейт-контент, контент, изображающий причинение вреда лицу или экстремальное насилие, а также поощряющий употребление запрещенных веществ[53]; и 3) неопределенный контент (non-designated content) – контент, вызывающий депрессию у пользователя.

[48] Online Safety Amendment (Social Media Minimum Age) Act 2024

[49] Платформа заблокирована по решению Роскомнадзора, запрещена в РФ.

[50] ESafety Commissioner-независимое агентство Правительства Австралии, специализирующееся на защите прав пользователей в цифровой среде. URL: https://www.esafety.gov.au (дата обращения: 5.02.2026).

[51] Reddit says it's not a social media platform. Australia's High Court is unlikely to agree. URL: https://theconversation.com/reddit-says-its-not-a-social-media-platform-australias-high-court-is-unlikely-to-agree-271938 (дата обращения: 5.02.2026).

[52] Online Safety Act. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/50 (дата обращения: 5.02.2026).

[53] GOV.UK: [сайт]. URL: https://www.gov.uk/government/collections/online-safety-act (дата обращения: 5.02.2026).

На платформах лежит обязанность по ограничению доступа детей к опасному и не соответствующему их возрасту видам контента, а проставление отметки «мне есть 18 лет» более будет недостаточным для просмотра контента. С 2025 г. все пользователи должны подтвердить свой возраст с помощью селфи или скана удостоверения личности, банковской карты или водительских прав. Регулятором в Великобритании выступает агентство ofCom[54]. После введения в действия нового положения на 1000–1800% увеличилось количество скачиваний VPN приложений; а многие опасаются передачи паспортных данных третьим лицам для получения доступа к обычным сайтам. Некоторые «находчивые» дети стали использовать изображения героев компьютерных игр и проходить аутентификацию. Более того, против действия закона была подана петиция, которая собрала более 500 тыс. подписей граждан[55].

В январе 2026 г. Нижняя Палата Парламента Французской Республики большинством голосов одобрила законопроект о защите несовершеннолетних от рисков, которым они подвергаются при использовании социальных сетей[56]. Авторы проекта опирались на положения Конституции (ст. 39 п. 5); ст. 223-14 Уголовного кодекса, положения Закона 2024-449 «Об обеспечении и регулировании цифрового пространства»; а также на опыт законодателей из других европейских государств (Дании, Италии, Испании)[57].

Президенту Франции Э. Макрону был представлен доклад «Дети и монитор», в котором было указано на зависимость современных детей и подростков от интернета. Цель нового закона – запретить детям и подросткам до 15 лет регистрироваться в социальных сетях, поскольку они имеют разрушительное воздействие на психику ребенка и вызывают возникновение зависимости.

С 15 до 18 лет несовершеннолетним предложено ограничить возможность доступа в сеть во временной промежуток между 22 и 8 ч. Поставщики услуг в области социальных сетей будут обязаны контролировать возможность подписки на социальные сети пользователей до 15 лет. Мерами ответственности выступают штраф и уголовное наказание. Запрет предполагает ограничение использования смартфонов в лицеях. Родители, уклоняющиеся от своих обязанностей по обеспечению безопасности ребенка, в том числе его морального (психологического) здоровья, могут быть приговорены к лишению свободы до 2 лет и штрафу в размере 30 тыс. евро (ст. 227-17 Уголовного кодекса Франции)[58]. Предполагается распространить положения приведенной выше статьи УК на игнорирование родителями своих обязанностей по регулированию вопроса доступа своих детей в соцсети[59].

Примером эффективной реализации механизма защиты прав детей и подростков в сети Интернет выступает документ Digital Statute of the Child and Adolescent (далее – ECA), принятый Бразилией в 2025 г.[60], который в том числе направлен на борьбу с использованием манипулятивных техник и лутбоксов в компьютерных играх для детей.[61] Согласно данному закону, все платформы обязаны незамедлительно удалять контент, способный навредить детям без получения судебного постановления; устанавливается полный запрет на использование лутбоксов

[54] Регулятор ofCom – британское агентство, регулирующее коммуникационные сервисы (в том числе цифровые платформы). URL: https://www.ofcom.org.uk/ (дата обращения: 5.02.2026).

[55] Repeal the Online Safety Act. We want the Government to repeal the Online Safety Act. URL:https://petition.parliament.uk/petitions/722903?reveal_response=yes (дата обращения: 5.02.2026).

[56] Avis sur une proposition de loi visant à protéger les mineurs des risques auxquels les expose l'utilisation des réseaux sociaux. URL: https://www.conseil-etat.fr/avis-consultatifs/derniers-avis-rendus/a-l-assemblee-nationale-et-au-senat/avis-sur-une-proposition-de-loi-visant-a-proteger-les-mineurs-des-risques-auxquels-les-expose-l-utilisation-des-reseaux-sociaux (дата обращения: 5.02.2026).

[57] Там же.

[58] Code pénal. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/ (дата обращения: 5.02.2026).

[59] Avis sur une proposition de loi visant à protéger les mineurs des risques auxquels les expose l'utilisation des réseaux sociaux. URL: https://www.conseil-etat.fr/avis-consultatifs/derniers-avis-rendus/a-l-assemblee-nationale-et-au-senat/avis-sur-une-proposition-de-loi-visant-a-proteger-les-mineurs-des-risques-auxquels-les-expose-l-utilisation-des-reseaux-sociaux (дата обращения: 5.02.2026).

[60] Brazil. Digital ECA (Brazil's Child and Adolescent Statute) – A new framework for online protection of children and adolescents. URL: https://insightplus.bakermckenzie.com/bm/data-technology/brazil-digital-eca-brazils-child-and-adolescent-statute-a-new-framework-for-online-protection-of-children-and-adolescents_2 (дата обращения: 5.02.2026).

[61] Термин «лутбокс» обозначает «ящик с добычей», т.е. полезный для прохождения игры внутриигровой предмет

для детей и подростков; запрещены технологии эмоционального вовлечения детей (аддиктивного дизайна); установлены высокие штрафы для компании, которая не исполнила законодательные предписания.

Если с государственными инициативами в отношении социальных сетей и мессенджеров в 2025–2026 гг. все более или менее ясно – «казнить, нельзя помиловать», то на частном уровне (в рамках игровых компаний или компаний, владеющих социальными сетями и мессенджерами) разрабатываются механизмы, позволяющие защищать детей без столь жестких запретов и блокировок.

6. Заключение

Подводя итог изучению вопроса о защите прав несовершеннолетних в социальных сетях, можно сделать вывод о том, что в недалеком будущем перечень государств, выступающих за запрет на их использование, будет постоянно расширяться. Доказательством тому служат данные, поступающие из СМИ, о наличии подобных законодательных инициатив в ряде государств[62]. Данная тенденция объясняется определенной «правовой усталостью»[63] государств в борьбе за кибербезопасность пользователей.

Авторы, в свою очередь, придерживаются точки зрения об отсутствии эффективности в использовании исключительно запретительных мер [Колосов 2014:26-33; Колосов 1983], поскольку инструменты для обхода любой блокировки постоянно обновляются и расширяются, а популярность таких мер у детей и подростков стремится к нулю. Существуют определенные риски того, что дети и подростки обратятся «за помощью» в приобретении аккаунта в Даркнет и в таком случае уровень киберпреступности может вырасти существенным образом. Намного более эффективной мерой представляется координация усилий государств по защите прав ребенка с учетом обмена имеющимся законодательным опытом, в том числе посредством создания Кодекса поведения, дорожной карты или обобщения лучших практик государств по защите прав несовершеннолетних в социальных сетях, игровых сервисах, мессенджерах.

Эффективными и действенными в данном случае механизмами могут стать не призывы владельцев социальных сетей, мессенджеров и игровых платформ «к совести» и не ссылки на то, что дети относятся к наиболее уязвимой категории лиц по международному праву, а установление требований к совершенствованию механизма age verification, проведению расследований, созданию детских омбудсменов, профильных регуляторов и других структур и механизмов, которые потенциально могут способствовать своевременной блокировке деструктивного контента в социальных сетях и мессенджерах без необходимости обращения к судебной процедуре; эффективной мерой является также выплата компаниями штрафов в случае отсутствия механизмов фильтрации контента [Yadav 2025:243-244].

Представляется необходимым разделить все рекомендательные меры по защите несовершеннолетних на правовые, «технико-правовые» и психологические.

Под правовыми мерами могут подразумеваться следующие:

- использование проактивного подхода при пресечении киберпреступности, оценка новых возможностей для пресечения противоправного использования технологий;
- создание «регуляторных песочниц», которые помогут оценить в тестовом режиме эффективность мер на первоначальном этапе;
- разработка специализированных Кодексов поведения, дорожных карт, обобщений лучших практик государств по защите несовершеннолетних в социальных сетях;
- создание должности детского омбудсмена, «группы быстрого реагирования», «цифрового защитника» в каждой социальной сети, который наделялся бы полномочиями по удалению деструктивного контента и передавал обращения профильному регулятору;

К технико-правовым мерам могут относиться следующие:

[62] Greece nears plan to restrict social media for under-15s. URL: https://dig.watch/updates/greece-nears-plan-to-restrict-social-media-for-under-15s (дата обращения: 5.02.2026); Denmark's government aims to ban access to social media for children aged under 15. URL: https://www.pbs.org/newshour/world/denmarks-government-aims-to-ban-access-to-social-media-for-children-aged-under-15 (дата обращения: 5.02.2026).

[63] Под «правовой усталостью» авторы подразумевают исчерпание государствами механизмов воздействия на киберпреступников.

– фильтрация контента для всех пользователей, с тем чтобы не спровоцировать потенциальных преступников (педофилов и грумеров)[64];

– закрытие возможности просмотра аккаунтов детей;

– предварительная блокировка любого подозрительного пользователя;

– запрет делать скриншоты контента или фото детей и подростков;

– создание интересных детских социальных сетей.

К мерам психологическим можно отнести:

– постоянную работу профильных специалистов по информированию детей об их правах в интернете для формирования чувства защищенности;

– подключение родителей к оценке просматриваемого контента (так называемый родительский контроль).

Однако сегодня преобладающей является изоляционистская тенденция, характеризующаяся распадом «глобального «мирового интернет-океана» на локальные «интернет-пруды» [Федотов 2016:175; Федотов 2025], в каждом из которых будут свои правила» при наличии единого курса на ограничение прав несовершеннолетних в интернете.

Список литературы

1. Войниканис Е.А. 2024. Регулирование интернет-контента в контексте правовых и внеправовых глобальных тенденций. – *Труды по интеллектуальной собственности*. Т. 51. № 4. С. 27-36.
2. Жарова А.К. 2025. Защита информационного пространства правовыми средствами от деструктивной информации. – *Труды по интеллектуальной собственности*. Т. 55. № 4. С. 31-41.
3. Коваленко В.И. 2020. Профилактика рисков и угроз жизни и здоровью детей, связанных влиянием сети Интернет. – *Научный портал МВД России*. № 3. С. 26-32.
4. Колосов Ю.М. 2014. *Массовая информация и международное право*. Москва: Статут, 157 с.
5. Колосов Ю.М. 1983. *Новый международный и информационный порядок и проблемы поддержания мира: монография*. М.: Издательство МГИМО. - 69 с.
6. Монахов В.Н. 2005. *Свобода массовой информации в интернете. Правовые условия реализации. Фонд защиты гласности*. Москва: Галерия. 416 с.
7. Рыбаков О. Ю., Рыбакова О. С. 2018. Ребенок и интернет- пространство. Вопросы правового обеспечения безопасности. – *Информационное право*. № 1. С. 27-31.
8. Федотов М.А. 2016. Конституционные ответы на вызовы киберпространства. – *Lex Russica*. № 3 (112). С. 164-182.
9. Федотов М.А. 2025. *Медиаправо: доктрина, законодательство, правоприменение*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 632 с.
10. Хисамова Р.В. 2025. Особенности защиты прав детей в Интернете. – *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия Право. № 2 (61). С. 105-113.
11. Al-Zaman Md. S. 2024. Patterns and Trends of Global Social Media Cencorship: Insights form 76 Countries. – *International Communication Gazette*. P. 1-26.
12. Fedotov M.A. 1998. Cyberspace as an area of law. – *Copyright Bulletin (UNESCO)*. Vol. 32. No. 2. P. 18-26.
13. Gorwa R., Binns R., Katzenbach C. 2020. Algorithmic content moderation: Technical and Political Challenges in the Automation of Platform Governance. – *Big Data & Society*. Vol. 7 (1). P. 1-15.
14. Guštin M. 2022. Challenges of Protecting Children's Rights in the Digital Environment. – *EU and Comparative Law Issues and Challenges Series*. Issue 6. P. 453-486.
15. Jones M.E. 2025. *Digital Media Law: Rights, Rules, and Regulations in the Age of AI*. Bloomsbury Academic. 336 p.
16. Kravchuk N. 2022. Privacy of a Child in the Digital Environment: New Risks Unaddressed. – *Law. Право. Журнал ВШЭ*. Т. 15. №5. С. 162-176.
17. Lessig L. 2006. Code and Other Laws of Cyberspace, version 2.0. Basic Books. 431p.
18. Morehouse L. 2024. The Kids are not Alright: a Look into the Absence of Laws Protecting Children in Social Media. – *Loyola Los Angeles Entertainment Law Review*. Vol. 44. No. 2. P. 74-126.
19. Yadav A. 2025. Children's Rights in the Digital Age: Navigating Opportunities and Risks of ICTs and Social Media. – *Indian Journal of Law and Legal Research*. Vol. 7. Issue 3. P. 234-245.
20. Zuboff Sh. 2019. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Public Affairs. 704 p.

References

1. Al-Zaman Md.S. Patterns and Trends of Global Social Media Cencorship: Insights for 76 Countries. – *International Communication Gazette*. 2024. P. 1-26.
2. Fedotov M.A. Cyberspace as an area of law. – *Copyright Bulletin (UNESCO)*. 1998. Vol. 32. No. 2. P. 18-26.
3. Fedotov M.A. Konstitucionnye otvety na vyzovy kiberprostranstva [Constitutional Answers for the Challenges of Cyberspace.]. – *Lex Russica*. 2016. № 3 (112). S. 164-182. (In Russ.)
4. Fedotov M.A. Mediapravo: doktrina, zakonodatelstvo, pravoprimenenie. Moscow: Izd.dom Vysshej shkoly ekonomiki. 2025. 632 s. (In Russ.)
5. Gorwa R., Binns R., Katzenbach C. Algorithmic content moderation: Technical and Political Challenges in the Automation of Platform Governance. – *Big Data & Society*. 2020. Vol. 7 (1). P. 1-15.

[64] В данном случае имеется в виду улучшение системы рекомендаций и ее разделение для совершеннолетних и несовершеннолетних пользователей.

6. Guštin M. Challenges of Protecting Children's Rights in the Digital Environment. – *EU and Comparative Law Issues and Challenges Series.* 2022. Issue 6. P. 453-486.
7. Jones M.E. Digital Media Law: Rights, Rules, and Regulations in the Age of AI. Bloomsbury Academic. 2025. 336 p.
8. Khisamova R.V. Osobennosti zashchity prav detej v Internete [Features of Protection of Children's Rights on the Internet]. – *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo*. [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law]. 2025. No. 2 (61). S. 105-113. (In Russ.)
9. Kolosov Yu. M. Massovaya informaciya i mezhdunarodnoe pravo [Mass Information and International Law]. Moscow: Statut. 2014. 157 s. (In Russ.)
10. Kolosov Yu.M. Novyj mezhdunarodnyj i informacionnyj poryadok i problemy podderzhaniya mira [The new international and information order and the problems of maintaining peace.]. M.: Izdatel'stvo MGIMO, 1983. - 69 s. (In Russ.).
11. Kovalenko V.I. Profilaktika riskov i ugroz zhizni i zdorov'yu detej, svyazannyh vliyaniem seti Internet [Prevention of risks and threats to the life and health of children associated with the influence of the Internet]. – *Nauchnyj portal MVD Rossii [Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior].* 2020. № 3. C. 26-32.7. (In Russ.).
12. Kravchuk N. Privacy of a Child in the Digital Environment: New Risks Unaddressed. – *Law. Journal of the Higher School of Economics.* 2022. T. 15. №5. C. 162-176.
13. Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace, version 2.0. Basic Books. 2006. 431 p.
14. Monakhov V.N. Svoboda massovoj informacii v internete. Pravovye usloviya realizacii. Fond zashchity glasnosti. Moscow: Galeriya. 2005. 416 s. (In Russ.)
15. Morehouse L. The Kids are not Alright: a Look into the Absence of Laws Protecting Children in Social Media. – Loyola Los Angeles Entertainment Law Review. 2024. Vol. 44. No. 2. P. 74-126.
16. Rybakov O. YU., Rybakova O. S. Rebenok i internet- prostranstvo. Voprosy pravovogo obespecheniya bezopasnosti [The child and the Internet space: issues of legal security]. – *Informacionnoe parvo [Information Law].* 2018. № 1. C. 27-31.5. (In Russ.).
17. Vojnikanis E.A. Regulirovanie internet-kontenta v kontekste pravovyh i vnepravovyh globalnyh tendencij [Content Regulation in the Context of legal and Extra-Legal Global Trends]. – *Trudy po intellektualnoj sobstvennosti [Works on intellectual Property].* 2024. Vol. 51. №4. S. 27-36. (In Russ.)
18. Yadav A. Children's Rights in the Digital Age: Navigating Opportunities and Risks of ICTs and Social Media. – *Indian Journal of Law and Legal Research.* 2025. Vol. 7. Issue 3. P. 234-245.
19. Zharova A.K. Zashchita informacionnogo prostranstva pravovymi sredstvami ot destruktivnoj informacii [Protection of the information Space from Destructive Information by Legal Means]. – *Trudy po intellektualnoi sobstvennosti [Works on intellectual Property].* 2025. Vol. 55. № 4. S. 31-41. (In Russ.)
20. Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. Public Affairs. 2019. 704 p.

Информация об авторах

Ирина Юльевна ШТОДИНА
Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

Ilc48@mail.ru
ORCID 0000-0003-0522-5324

Дарья Дмитриевна ШТОДИНА
Кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности, РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина

Ленинский пр-т., 65, Москва, 119991, Российская Федерация

dashashtodina96@gmail.com
ORCID 0000-0003-4730-9614

About the Authors

Irina Yu. SHTODINA
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

Ilc48@mail.ru
ORCID 0000-0003-0522-5324

Daria D. SHTODINA
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Public and International Legal Support of National Security, Gubkin University

65, Leninsky Ave., Moscow, Russian Federation, 119991

dashashtodina96@gmail.com
ORCID 0000-0003-4730-9614

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-43-58

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 23.03.2026
Принята к публикации: 15.05.2026

Кира Львовна САЗОНОВА
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Вернадского пр-т, 82, Москва, 119571, Российская Федерация
kira_sazonova@mail.ru
ORCID 0000-0001-5486-5817

Дамир Камильевич БЕКЯШЕВ
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
dambek@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4596-7739

АТАКИ НА ПОДВОДНУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ВВЕДЕНИЕ. *Подводная инфраструктура, которая представлена подводными кабелями и трубопроводами, играет критически важную роль в мировой экономике. Подводные кабели обеспечивают бесперебойную передачу информации между странами и континентами, а трубопроводы обеспечивают поставки энергоресурсов. Контролировать подводную инфраструктуру довольно сложно из-за того, что значительная ее часть находится под водой на большой глубине. Кроме того, подводная инфраструктура проходит как по акватории, входящей в состав государственной территории, так и по территориям, которые характеризуются смешанным и международным режимом. Помимо непредумышленного воздействия в результате естественных факторов, в последние годы подводная инфраструктура подвергается целенаправленным атакам. Террористические акты, обрывы, пропажи части кабелей регулярно происходят в последнее время, что актуализирует вопрос о том, как именно должно проводиться расследование произошедшего, и возможно ли привлечь виновную сторону к международной ответственности.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Настоящее исследование основывалось на комплексном анализе как академической литературы, в которой рассматриваются различные политические, правовые и технические аспекты, связанные с подводной инфраструктурой, так и международно-правовых документов, которые регламентируют вопросы прокладки и технического обслуживания подводных кабелей и трубопроводов. Методологическую базу исследования составляют общетеоретические методы, а конкретнее, формально-логический метод, дедукция и индукция, анализ и синтез.*

Помимо всех вышеперечисленных, при работе над статьей также задействовались такие частнонаучные методы, как исторический и сравнительно-правовой.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *В статье анализируются основные этапы развития международно-правового сотрудничества по защите критической подводной инфраструктуры, а также ключевые международно-правовые аспекты, возникающие в процессе ее прокладки и обслуживания. В том числе рассмотрена проблема организации расследований повреждений подводных кабелей и трубопроводов, а также приводится международно-правовая классификация преступлений, совершаемых на объектах подводной инфраструктуры. Также в работе рассмотрены конкретные прецеденты повреждения подводной инфраструктуры в последние годы, произведен анализ правовых и политических последствий совершенных атак, оценены как сами меры реагирования, так и их эффективность.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Констатировано, что подводную арену уже можно считать отдельной сферой межгосударственного противостояния. Интенсификация намеренного воздействия на подводные кабели и трубопроводы в последние несколько лет актуализирует вопрос о новых вызовах, возникающих в связи с терактами на подводных объектах. Международно-правовое регулирование подводной инфраструктуры в большей степени соответствует реалиям XX века, но не XXI, в котором цифровая коммуникация имеет критически важное значение для любого государства. С учетом лакун, существующих в международном праве, вероятность того, что государства будут прибегать к осуществлению подводных диверсий в рамках современного «гибридного» противостояния, можно оценить как весьма высокую.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *подводные кабели, подводные трубопроводы, подводная инфраструктура, международное преступление, международная ответственность, теракт, расследование, территориальное море, исключительная экономическая зона, континентальный шельф, открытое море*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сазонова К.Л., Бекяшев Д.К. 2026. Атаки на подводную инфраструктуру: международно-правовые аспекты и проблема ответственности. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 43–58. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-43-58

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

RESPONSIBILITY IN INTERNATIONAL LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-43-58

Research article
UDC: 341
Received 23 March 2026
Approved 15 May 2026

Kira L. SAZONOVA
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82, Vernadskogo Ave., bld. 1, Moscow, Russian Federation, 119571
kira_sazonova@mail.ru
ORCID 0000-0001-5486-5817

Damir K. BEKYASHEV
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
dambek@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4596-7739

ATTACKS ON UNDERWATER INFRASTRUCTURE: INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS AND THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY

INTRODUCTION. *Underwater infrastructure, which is represented by underwater cables and pipelines, plays a critical role in the global economy. Underwater cables ensure stable transmission of information between countries and continents, and pipelines ensure energy supplies. It is quite difficult to control underwater infrastructure due to the fact that a significant part of it is located underwater at great depths. In addition, underwater infrastructure passes through underwater territory that is a part of the state territory and also through territories that are characterized by mixed and international legal regimes. In addition to unintentional damage as a result of natural factors, in recent years, underwater infrastructure has been subject to some targeted attacks. Sabotage, cable breaks and loss of cables have been regularly occurring, which raises the question of how exactly an investigation of such incidents should be carried out, and whether it is possible to bring the guilty party to international responsibility.*

MATERIALS AND METHODS. *This study was based on a comprehensive analysis of both academic literature examining various political, legal, and technical aspects related to underwater infrastructure, and international legal documents regulating the installation and maintenance of underwater cables and pipelines. The research methodology is based on general theoretical methods, specifically, formal logic, deduction and induction, analysis, and synthesis. In addition to all of the above, specific scientific methods such as historical and comparative legal approaches were also employed in preparing the article.*

RESEARCH RESULTS. *The article analyzes the main stages of the development of international legal cooperation in protection of critical underwater infrastructure, as well as key legal aspects arising from the process of its installation and maintenance. In particular, the article covers the problem of organizing investigations after damage of underwater cables and pipelines and provides the classification of underwater crimes from the point of international law. The work also examines specific cases of damage to underwater infrastructure in recent years, analyzes the legal and political consequences of the committed attacks, and evaluates the response measures and their effectiveness.*

DISCUSSION AND CONCLUSION. *The underwater arena can already be considered a distinct sphere of interstate confrontation. The intensification of deliberate attacks on underwater cables and pipelines in recent years has raised the issue of new challenges arising from terrorist attacks on underwater facilities. International legal regulation of underwater infrastructure is more in line with the realities of the 20th century than the 21st, in which digital communications are critically important for any state. Given the existing gaps in international law, the likelihood that states will resort to underwater sabotage as part of a modern "hybrid" confrontation can be assessed as quite high.*

KEYWORDS. *underwater cables, underwater pipelines, underwater infrastructure, international crime, international responsibility, terrorist attack, investigation, territorial sea, exclusive economic zone, continental shelf, high seas*

FOR CITATION: Sazonova K.L., Bekyashev D.K. Attacks on Underwater Infrastructure: International Legal Aspects and the Problem of Responsibility. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 43–58. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-43-58

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

В последние несколько лет наблюдается резкое увеличение атак на подводную инфраструктуру различных государств. Пропажа нескольких километров подводного кабеля у берегов Норвегии в 2021 году; теракты на российских трубопроводах «Северные потоки» в сентябре 2022 года; повреждения на газопроводе Baltic Connector в 2023 году; обрывы финских интернет-кабелей в Балтийском море в 2023–2024 годах; массовый интернет-сбой 2024 года из-за повреждения интернет-кабелей в Красном море, затронувший 25 % мирового трафика; повреждение оптоволоконного кабеля между Латвией и Швецией в 2025 году, а также между Латвией и Литвой в январе 2026 года – все эти происшествия позволяют сделать вывод о том, что государства столкнулись с новым вызовом, связанным с необходимостью обеспечения дополнительной охраны критической подводной инфраструктуры. Помимо этого, также возникает вопрос об ответственности за совершение терактов и диверсий на уязвимых подводных объектах.

События последних лет существенно актуализировали вопросы о многочисленных международно-правовых и политических составляющих, которые связаны с прокладкой и обслуживанием подводной инфраструктуры, а также обострили вопрос о возможной международной ответственности за ее повреждение.

Тематику, связанную с правовым регулированием критической подводной инфраструктуры, сложно отнести к хорошо изученным, причем как в отечественной правовой доктрине, так и в зарубежной. Связано это с тем, что данная проблематика является довольно специфичной, поэтому гораздо чаще ее рассматривали в прикладном или техническом [Пешков 2013], нежели в международно-правовом [Wrathall 2010; Николаев 2006; Вылегжанин, Москва 2015; Hinck G. 2017] или политическом [Sunak 2017] аспектах. Можно констатировать существенное усиление интереса к тематике подводной инфраструктуры после диверсий 2022 года, совершенных на российских газопроводах «Северный поток» и «Северный поток – 2». В результате стали появляться публикации, посвященные различным аспектам, связанным с подводной инфраструктурой [Pandey, Bhushan 2023; Paik, Counter 2024; McCabe, Flynn 2024, Hai Dang Vu 2024 и др.].

Рассматриваемая в статье проблематика также не является устоявшейся терминологически: для обозначения подводных кабелей и трубопроводов используется в англоязычной профессиональной лексике чаще всего используется устойчивый термин «критическая подводная инфраструктура / critical undersea infrastructure» [Benner 2025], в то время как в отечественной доктрине обычно используют термин «подводная инфраструктура» без дополнительных прилагательных.

Вопросы международно-правовой регламентации функционирования подводных кабелей и трубопроводов, а также вопрос международной ответственности в случае атак на них, крайне мало изучались по причине того, что долгие годы действовал своего рода «мораторий» на подобные действия, совершаемые намеренно. Именно поэтому на заседании Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (далее – ООН), созванном в сентябре 2022 года сразу после терактов на российских «Северных потоках», представитель Франции заявил, что любое нападение на объект транснациональной энергетической инфраструктуры стоимостью в несколько миллиардов долларов «создает экстраординарный прецедент»[1].

Безусловно, повреждения подводных кабелей и трубопроводов неоднократно случались и до 2020-х годов, но обычно они были связаны с естественными факторами – например, подводные кабели нередко повреждаются из-за тяжелых якорей, землетрясений, тектонических процессов. В среднем, основная часть повреждений подводных кабелей происходит из-за неправильного использования коммерческого рыболовного оборудования. Значительная часть повреждений вызвана инцидентами с якорями – в результате якорной стоянки вне разрешенных зон или же аварийного сброса якоря. Также эксперты указывают, что другими причинами повреждения кабелей могут быть дноуглубительные работы, глубоководная добыча нефти

[1] Warning of Its Planet-Warming Impact, Senior Economic, Social Affairs Official Urges Global Action to Address Nord Stream Pipelines' Leaks, in Security Council Briefing. SC/15047.30 September 2022. URL: https://press.un.org/en/2022/sc15047.doc.htm (accessed date: 14.03.2026).

и газа, строительство ветряков в районе континентального шельфа [Bueger, Liebetrau, Franken 2022:12]. Естественно, вопросы международной ответственности в подобных случаях не возникают, поскольку отсутствует целенаправленный умысел. Тем не менее случаи умышленного повреждения подводной инфраструктуры периодически случались. Например, в 1980-х годах ЦРУ США проводили морские террористические атаки против Никарагуа, в рамках которых в том числе был осуществлен подрыв подводного трубопровода в порту Пуэрто-Сандино 14 октября 1983 года.

В 2016 году вице-адмирал американского флота Д. Фогго анонсировал начало «четвертой битвы за Атлантику», подразумевая эволюцию основных этапов морского противостояния крупных держав (подводные лодки – противолодочные комплексы – атомные подводные лодки). Четвертый этап противостояния, по его мнению, включает угрозы подводной инфраструктуре [Foggo, Fritz 2016]. Поворотным моментом в подводном противостоянии держав стали теракты на российских газопроводах «Северный поток – 1» и «Северный поток – 2» в сентябре 2022 года, которые можно охарактеризовать как самое крупное и серьезное повреждение подобного рода за всю историю, совершенным намеренно. Теракты также стали поворотным моментом, актуализировавшим политико-правовое измерение данного вопроса, поскольку наличие умысла и вины позволяют говорить о наличии состава международного преступления, за которое, очевидно, должна наступать международная ответственность.

2. Этапы развития международно-правового сотрудничества по защите подводной инфраструктуры

2.1. Подводные кабели

Первым видом подводных коммуникаций, с которого началась эра подводной инфраструктуры, стали подводные кабели связи, появившиеся в XIX веке. Первый силовой подводный кабель с изоляцией из натурального каучука был проложен в Германии в 1811 году. Чуть позже, кабели начали соединять страны – в 1850 году между французским Кале и британским Дувром был проложен телеграфный кабель, а первый трансатлантический кабель, связавший США с Великобританией, был проложен в 1858 году – с его помощью, сообщение королевы Виктории президенту США Дж. Бьюкенену дошло за семнадцать часов.

Больше века спустя, в 1980-х годах, появились первые межконтинентальные подводные оптоволоконные кабели, которые пролегают как по континентальному шельфу, так и по обширным подводным областям Района морского дна. В XXI веке по подводным кабелям, которых насчитывается уже более 500, проходит, по разным оценкам, от 97 до 99 % всего современного интернет-трафика, а «все телекоммуникации, которыми человечество привыкло пользоваться ежедневно, от утренних теленовостей и интернет-бронирования авиабилетов до международных видеоконференций и многомиллионных банковских транзакций – все это доступно благодаря подводным кабелям, которые через систему наземных кабелей обеспечивают телекоммуникационную поддержку различных территорий» [Рылова, Швец 2019:233]. Подводные кабели обеспечивают высокоскоростную передачу данных, перенося огромные объемы цифровой информации через континенты, которая является основой глобального Интернета. Благодаря им возможно осуществление телекоммуникационных услуг, в том числе голосовых вызовов, видеоконференций и других услуг связи в реальном времени. Подводные кабели облегчают международную торговлю и финансовые транзакции, обеспечивают передачу медиаконтента, включая стриминговые сервисы и прямые трансляции [Pandey, Bhushan 2023:117-132]. Как справедливо отмечают эксперты, «помимо использования в гражданских целях, страны зависят от подводных кабелей для обеспечения национальной безопасности» [Bueger, Liebetrau, Franken 2022:12].

Общая протяженность подводных интернет-кабелей уже превысила 1,3 млн километров. Обычно авария на одном кабеле вызывает перегрузку на других, поскольку трафик пускают в обход. Именно поэтому важным аспектом для обеспечения стабильного соединения является либо подстраховка через спутник, либо наличие дополнительных подводных кабелей, которые можно задействовать.

Наряду с подводными кабелями, развивается спутниковый интернет. Например, тихоокеанское островное государство Тонга с населением около 100 тыс. человек в последние годы неоднократно оставалось без интернета из-за повреждений подводного кабеля Tonga Cable, соединяющего Тонга и Фиджи. В итоге было решено

перейти на спутниковый интернет. Тем не менее для государств с большим населением это довольно сложно, поэтому, несмотря на быстрое развитие спутниковой связи, инфраструктура подводных кабелей продолжает развиваться, так как они имеют гораздо более высокую пропускную способность. Можно констатировать, что, «хотя беспроводные и спутниковые технологии постоянно развиваются и внедряются, подводные кабели остаются самым быстрым, эффективным и наименее затратным способом передачи цифровой информации по всему миру в обозримом будущем» [Bueger, Liebetrau, Franken 2022:12].

Правовое регулирование подводной коммуникации началось еще в XIX веке, когда в 1884 году Российская империя, Османская империя, Австро-Венгрия, Франция, Великобритания, Канада, Италия, Япония, США и ряд других государств подписали Конвенцию по защите подводных телеграфных кабелей[2], которая является бессрочной. Согласно положениям данного документа, повреждение подводных кабелей квалифицируется как наказуемое преступление, а судно, которое случайно зацепило трос и пожертвовало своими рыболовными сетями, чтобы не порвать его, должно получить компенсацию за потерянное оборудование.

Параллельно с развитием индустрии подводных кабелей, возникали определенные проблемы, связанные с их эксплуатацией. Помимо риска физического повреждения кабелей, существует проблема подводного шпионажа с помощью снятия данных с подводных кабелей. Так, в начале 1970-х годов США провели операцию под кодовым названием Ivy Bells по тайному прослушиванию советской подводной линии связи, которая соединяла главную базу Тихоокеанского флота в Петропавловске-Камчатском со штабом во Владивостоке. Линия пролегала по дну Охотского моря в советских территориальных водах. Американские водолазы незаконно проникли в юрисдикцию СССР и закрепили подслушивающее устройство на кабеле, находившемся на глубине 120 метров. Прибор осуществлял запись на магнитные носители, которые водолазы меняли каждый месяц. В 1981 году прослушка была обнаружена и демонтирована советской стороной [Sontag, Drew 2000]. Также в 2013 году, благодаря Эдварду Сноудену, экс-сотруднику Агентства национальной безопасности США, широко распространились сведения о том, что британские и американские спецслужбы незаконно «прослушивали» более 200 кабелей в рамках сделки с американским телекоммуникационным гигантом AT&T[3].

Прокладка подводных кабелей может также затрагивать весьма чувствительные регионы земного шара, где существуют расхождения относительно подходов к делимитации, например, Арктику. Американо-японско-финский консорциум Far North Fiber анонсировал прокладку первого в мире арктический кабель протяженностью почти 17 тыс. километров к 2027 году, который должен соединить Европу, Азию и Северную Америку. Проект изначально предполагал сотрудничество с Россией, однако, из-за политических событий и дистанцирования России и других стран-участниц, российская сторона начала реализацию собственного проекта по прокладке арктического кабеля «Полярный экспресс» протяженностью более 12 тыс. километров, который будет проходить от Мурманска до Владивостока по Северному морскому пути.

На первый взгляд, наиболее уязвимым местом подводных кабелей является место, где они достигают земли на станциях выхода на берег, поскольку в этих местах они доступны без специального оборудования, и потенциально могут стать мишенью, соответственно, именно в этих местах нужно обеспечить особый режим безопасности. Однако на практике видно, что диверсии происходят в самых разных местах. Другой вопрос, что в системе подводных кабелей действительно есть важнейшие «узлы» – места, через которые, в силу их географического положения, одновременно проходит множество кабелей. Например, примерно 75 % всех кабелей в Северном полушарии проходят в непосредственно близости от ирландских вод, «облегчая финансовые транзакции, телекоммуникации и подключение к Интернету, а также деятельность

[2] Международная конвенция по охранению подводных телеграфных кабелей, 1884 г.: принята 14 марта 1884 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/901786544?ysclid=mmyszp0ix405785931 (дата обращения: 07.03.2026)

[3] Angwin J., Savage Ch., Larson J., Moltke H., Poitras L., Risen J. AT&T Helped U.S. Spy on Internet on a Vast Scale. August 15, 2015. New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2015/08/16/us/politics/att-helped-nsa-spy-on-an-array-of-internet-traffic.html (accessed date: 14.03.2026).

офшорных компаний по возобновляемым источникам энергии, военных и научно-исследовательского сообщества» [McCabe, Flynn 2024]. Соответственно, вопрос о защите таких важных «узлов» также стоит довольно остро.

По данным Международного комитета по защите кабелей, в год в мире происходит среднем от 150 до 200 разрывов подводных кабелей, а каждую неделю требуется около трех ремонтов. 80 % сбоев в работе кабелей вызваны случайным вмешательством человека или стихийными бедствиями. Обычно на ремонт уходит несколько недель, но это зависит от различных факторов, таких как тип обрыва, глубина и погодные условия[4].

Проблема повреждений подводных кабелей находится в поле зрения Международного союза электросвязи (далее – МСЭ). Являясь специализированным учреждением ООН, данная международная организация принимает меры по защите подводных кабелей на универсальном уровне. Так, в ноябре 2024 года МСЭ совместно с Международным комитетом по защите кабелей учредили Международный консультативный орган по обеспечению устойчивости подводных кабелей. Его деятельность направлена на повышение устойчивости кабелей путем продвижения передовых практик и принципов для всех правительств и участников отрасли. Перед данным органом стоит задача обеспечить своевременное развертывание и скорейший ремонт подводных кабелей, снизить риски повреждений и улучшить непрерывность коммуникаций. В состав консультативного органа входят 40 членов, в том числе представители государственных органов, промышленности и эксперты в области телекоммуникаций со всего мира.

В феврале 2025 года в г. Абудже (Нигерия) прошел Международный саммит по устойчивости подводных кабелей, организованный правительством Нигерии, МСЭ и Международным комитетом по защите кабелей. В рамках данного мероприятия было проведено первое заседание Международного консультативного органа по обеспечению устойчивости подводных кабелей. Участники приняли Абуджийскую декларацию, в которой отмечена важность повышения устойчивости инфраструктуры подводных кабелей. Данный документ должен способствовать глобальному сотрудничеству по ключевым направлениям, включая усиление защиты кабелей за счет снижения рисков, продвижение разнообразных маршрутов и высадок для повышения устойчивости и непрерывности, а также своевременный ремонт[5].

Второй Международный саммит по устойчивости подводных кабелей (включая заседание Международного консультативного органа по обеспечению устойчивости подводных кабелей) прошел в феврале 2026 года в г. Порту (Португалия) при поддержке правительства Португалии, МСЭ Международного комитета по защите кабелей. Участники приняли Декларацию, которая устанавливает практические рекомендации по укреплению международного сотрудничества и повышению устойчивости и защиты инфраструктуры подводных кабелей по всему миру. В документе подтверждена необходимость усиления поддержки подводных кабелей, лежащих в основе глобальных цифровых коммуникаций[6].

2.2. Подводные трубопроводы

Несмотря на то что некоторые авторы справедливо указывают на то, что еще «пять тысяч лет до нашей эры китайцы уже соорудили приспособления из соединенных стволов бамбука для транспортировки воды, а также для канализации», [Soubeyrol 1958:11], безусловно, подводный трубопровод – это весьма сложное современное техническое сооружение,

Что касается подводных трубопроводов как части глобальной подводной инфраструктуры, то их развитие началось почти на столетие позже, чем развитие кабелей – в XX веке, в годы Второй мировой войны. Первый в мире подводный трубопровод был построен в 1942 году в СССР, и проходил по дну Ладожского озера на тринадцатиметровой глубине. Стальной подводный

[4] На базе ООН создан международный орган для защиты подводных кабелей. Новости ООН. URL: https://news.un.org/ru/story/2024/11/1458881 (дата обращения: 14.03.2026).

[5] International summit outlines steps to improve resilience of submarine telecommunications cables worldwide. Abuja, Nigeria, 27 February 2025. International Telecommunication Union. URL: https://www.itu.int/en/mediacentre/Pages/PR-2025-02-27-submarine-cables-summit-nigeria.aspx (accessed date: 14.03.2026).

[6] Porto Summit drives critical cooperation on submarine cable resilience. Porto, Portugal, 03 February 2026. International Telecommunication Union. URL: https://www.itu.int/en/mediacentre/Pages/PR-2026-02-03-Porto-Submarine-Cable-Resilience-Summit.aspx (accessed date: 14.03.2026).

трубопровод снабжал блокадный Ленинград топливом для автомобилей и бронетехники. В 1944 году британцы реализовали проект «Плуто» (аббревиатура Pipe-Lines Under The Ocean – трубопровод под океаном) по строительству подводного трубопровода между побережьями Англии и Франции под Ла-Маншем, для обеспечения группировки союзных войск в Нормандии.

Со времен Второй мировой войны прошло почти восемь десятилетий, было построено множество подводных трубопроводов, однако комплексной международной конвенции, регулирующей основные международно-правовые аспекты, связанные именно с подводными трубопроводами, так и не было заключено. Отечественные эксперты справедливо отмечают, что «современные масштабы использования трубопроводов – прежде всего при пересечении государственных границ, при прокладке на морском дне – обусловили необходимость уточнения их международно-правового режима» [Николаев 2006:125]. После терактов на российских газопроводах в сентябре 2022 года, сенатор К.И. Косачев отметил, что «закономерным юридическим итогом ситуации с подрывом «Северных потоков» должна стать разработка и принятие международной конвенции по защите подводных трубопроводов»[7]. Тем не менее подобного документа нет и пока не предвидится.

Важно учитывать также то, что трубопроводы, проходящие по территории двух и более государств, а также по Району морского дна, приобретают смешанный правовой статус, являясь одновременно объектами как национального, так и международного права, что требует фактически «двойного» правового регулирования: «На международно-правовом уровне этот режим представлен прежде всего универсальными международными конвенциями, вместе с тем решение ряда вопросов международное право относит к национальному праву» [Николаев 2006:135].

Важной особенностью подводных кабелей и трубопроводов является то, что основная их часть находится на морском дне, «что делает их в значительной степени невидимыми». Эта особенность приводит к тому, что возникает такое любопытное явление, которое отдельные исследователи называют «коллективной морской слепотой / collective seablindness» [Bueger, Edmunds 2017], суть которой сводится к уделению меньшего внимания тому, что невидимо человеческому глазу, и остается незамеченным до тех пор, пока не выйдет из строя.

В то же время «невидимость» подводной инфраструктуры является тем фактором, который ее защищает от внешнего воздействия: «Как это ни парадоксально, невидимость кабелей также защищает их. Хоть они и обозначены на картах, чтобы избежать случайного повреждения, их невидимость подразумевает, что их сложнее использовать в качестве цели преднамеренных атак» [Bueger, Liebetrau, Franken 2022:13]. При этом нахождение трубопроводов на большой глубине делает подобные атаки весьма сложными с технической точки зрения, поскольку подводные трубопроводы являются надежной укрепленной конструкцией, представляющей собой не просто металлическую трубу, а конструкцию, покрытую сверху специальным прочным бетонным покрытием, которое производится из железной руды, смешанной с цементом, которая армирует трубу. Таким образом, целенаправленное повреждение такой конструкции требует не просто привлечения водолазов, которые имеют навыки работы на большой глубине, но и предполагает использование взрывчатых веществ. Совокупность данных факторов уже позволяет говорить о наличии умысла и вины, которые могут в дальнейшем ставить вопрос об ответственности.

3. Ключевые международно-правовые аспекты, возникающие в процессе прокладки и обслуживания подводной инфраструктуры

3.1. Международно-правовое регулирование подводной инфраструктуры

Основные международно-правовые аспекты, связанные с прокладкой и с различными вопросами подводной инфраструктуры, регламентируются современным международным морским правом. Специфика правового регулирования таких отношений состоит в том, что отдельные участки проложенных кабелей и трубопроводов могу выходить за пределы государственной

[7] Косачев предложил принять конвенцию по защите подводных трубопроводов. – *Парламентская газета.* 20.03.2023. URL: https://www.pnp.ru/politics/kosachev-predlozhil-prinyat-konvenciyu-po-zashhite-podvodnykh-truboprovodov.html (дата обращения: 14.03.2026).

территории и за пределы действия национальной юрисдикции.

В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года[8] суверенитет прибрежного государства распространяется на его внутренние воды и территориальное море, в т.ч. на их дно. В связи с этим если подводный трубопровод или кабель проложены исключительно по территории одного государства, то оно посредством национального законодательства определяет их правовой режим. Если же трубопровод и кабель пересекают районы дна внутренних морских вод, или дна территориального моря двух государств, каждое из них вправе определять порядок и условия прокладки участка трубопровода в пределах своей государственной территории.

Статья 58 Конвенции 1982 года устанавливает, что в исключительной экономической зоне все государства как прибрежные, так и не имеющие выхода к морю, пользуются свободой прокладки подводных кабелей и трубопроводов. В свою очередь государства при осуществлении своих прав и выполнении своих обязанностей в исключительной экономической зоне должны должным образом учитывать права и обязанности прибрежного государства и соблюдают законы и правила, принятые прибрежным государством в соответствии с положениями данной Конвенции и другими нормами международного права.

Согласно ст. 79 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года всем государствам, как прибрежным, так и не имеющим выхода к морю, предоставляется право прокладывать подводные кабели и трубопроводы на континентальном шельфе. Прибрежное государство осуществляет суверенные права на всей протяженности континентального шельфа. Трассы для прокладки подводных трубопроводов и кабелей на континентальном шельфе определяются только с согласия прибрежного государства, а также с учетом уже проложенных. Кроме того, часть Конвенции 1982 года посвящена предотвращению загрязнения моря посредством трубопроводов. Основная ответственность за загрязнение водной среды в данном случае возлагается на государство-оператора трубопровода. Конвенция 1982 года повторяет требование Конвенции об открытом море 1958 года о том, что государства должны обеспечить реализацию наказания за повреждение кабелей судами или лицами, принадлежащими к их юрисдикции.

Статья 87 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года среди свобод открытого моря закрепила и свободу прокладывать подводные кабели и трубопроводы. В соответствии со ст. 113 Конвенции 1982 года на государства налагается обязанность принимать законы или правила, предусматривающие наказания за разрыв или повреждение подводных кабелей и трубопроводов, проложенных по дну открытого моря. Кроме того, ст. 114 Конвенции 1982 года предусмотрено обязательство государств принимать необходимые законы и правила, предусматривающие, что, если находящиеся под его юрисдикцией лица, которым принадлежит подводный кабель или трубопровод в открытом море, причиняют при прокладке или ремонте этого кабеля или трубопровода разрыв или повреждение другого кабеля или трубопровода, они несут расходы по ремонту. Примечательно, что в данном случае нет обязательства заменить поврежденный трубопровод, или компенсировать собственнику трубопровода все финансовые потери, обусловленные таким повреждением [Вылегжанин, Москва 2015:66].

В целом, можно констатировать, что основные международно-правовые нормы делают акцент на решении проблемы повреждения таких кабелей и трубопроводов в результате непреднамеренных действий, то есть судоходства и рыболовства. Ситуация, при которой подводная инфраструктура становится объектом целенаправленных диверсий и саботажа, является сравнительно новой.

3.2. Проблема организации расследований повреждений объектов подводной инфраструктуры

В случае эксцесса, связанного с повреждением подводных кабелей или трубопроводов, как правило, наступает реакция на двух уровнях – на уровне государств и на международном уровне, в зависимости от территории, по которой проходит подводная трасса объекта.

Например, трассы трубопроводов «Северные потоки», на которых произошли диверсии 26 сентября 2022 года, проходят через

[8] Конвенция ООН по морскому праву, 1982 г.: принята 10 декабря 1982 г. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf?ysclid=mmyt8pj1h8663152960 (дата обращения: 15.03.2026)

территориальные моря трех государств (России, Дании и Германии), а также через исключительные экономические зоны пяти государств (России, Швеции, Финляндии, Дании и Германии), поэтому вполне логично, что случившееся должно было привести к совместному расследованию этих стран. Но, к сожалению, диверсии продемонстрировали полную неспособность государств к совместному конструктивному взаимодействию, проистекающую из политических противоречий.

В марте 2023 года в Совете Безопасности ООН состоялось голосование по резолюции о необходимости международного расследования диверсий на «Северных потоках», инициаторами которой были Россия и Китай. В поддержку резолюции проголосовали три члена Совета Безопасности (Россия, Китай и Бразилия), остальные двенадцать участников воздержались, поэтому резолюция не была принята. Вице-спикер Совета Федерации К.И. Косачев тогда отметил, что ООН фактически пренебрегла своей обязанностью по созданию комиссии по расследованию фактов, которая проистекает из Декларации об установлении фактов в области поддержания международного мира и безопасности 1991 года: «Совету Безопасности следует всякий раз рассматривать возможность включения в свои резолюции положения об использовании механизма установления фактов (пункт 9)»[9].

В целом, ООН проявила в деле о терактах на «Северных потоках» максимально отстраненную и равнодушную позицию. Весной 2024 года, когда прошло уже полтора года с момента взрывов, высокопоставленные чиновники ООН в один голос заявляли, что «у ООН нет дополнительных сведений, кроме общедоступной информации, о подрыве газопроводов «Северный поток» в сентябре 2022 года, и она не может проверить или подтвердить заявления или сообщения, сделанные по поводу этого инцидента».[10] Представители Контртеррористического управления Организации Объединенных Наций также заявляли, что данное ведомство, «не наделено мандатом расследовать или оценивать поведение государств или других действующих лиц» в контексте взрывов на «Северных потоках»[11].

По сути, вместо международного расследования терактов, были реализованы три отдельных расследования в рамках национальных юрисдикций, никак не связанные между собой. Осенью 2022 года Германия, Дания и Швеция объявили о проведении следственных действий по факту подрыва газопроводов. Россия направила всем трем странам официальные запросы о создании совместных следственных групп, однако получила отказы. 28 сентября 2022 года Генпрокуратура России квалифицировала случившееся на газопроводах «Северный поток» как акт международного терроризма в соответствии с ч. 1 ст. 361 Уголовного кодекса Российской Федерации. В первые недели после терактов, в результате немецкого, шведского и датского расследований, были найдены следы взрывчатого вещества и сделаны идентичные выводы о намеренном подрыве газопроводов. Однако в феврале 2024 года Швеция и Дания объявили о прекращении собственных расследований, сославшись на отсутствие необходимой юрисдикции. Несмотря на разные позиции и мнения государств относительно заказчиков терактов, большинство экспертов из разных стран сходятся в том, что теракты на «Северных потоках» были настолько сложны в организационном и техническом плане, что проводились под эгидой какого-то государства.

В октябре 2023 года в Балтийском море был поврежден газопровод Baltic Connector между Эстонией и Финляндией, запущенный в работу в январе 2020 года. Характерно, что, до диверсии на российских «Северных потоках» в 2022 году, базовой версией повреждений на трубопроводах выступали природные факторы, а, после диверсии, базовой версии стали целенаправленные намеренные действия. Финская сторона выдвигала предположения о том, что к повреждению

[9] Вице-спикер Совфеда Косачев о том, почему должно быть проведено международное расследование диверсии на «Северных потоках» 27.03.2023. URL: https://rg.ru/2023/03/27/vice-spiker-sovfeda-kosachev-o-tom-pochemu-dolzhno-byt-provedeno-mezhdunarodnoe-rassledovanie-diversii-na-severnyh-potokah.html (дата обращения: 14.03.2026).

[10] United Nations Has No Added Details on Nord Stream Explosions, Security Council Hears, as Members Underscore Need to Protect Critical Infrastructure. C/15683. 26 April 2024. URL: https://press.un.org/en/2024/sc15683.doc.htm (accessed date: 14.03.2026).

[11] United Nations Has No Added Details on Nord Stream Explosions, Security Council Hears, as Members Underscore Need to Protect Critical Infrastructure. C/15683. 26 April 2024. URL: https://press.un.org/en/2024/sc15683.doc.htm (accessed date: 14.03.2026).

газопровода имел отношение российский контейнеровоз «Севморпуть», однако Россия полностью исключила свою причастность к инциденту. В итоге выяснилось, что причиной аварии стал огромный якорь китайского контейнеровоза, который в сильный шторм вынужденно протащил его по морскому дну.

Есть немало примеров, когда политическая реакция существенно опережала формальные процедуры, связанные с установлением фактов и процессом доказывания[12]. Так, многочисленные случаи повреждения подводных кабелей в Красном море в 2023–2024 годах обычно приписывались хуситам, военизированному йеменскому военно-политическому движению, хотя формально нет никаких подтверждений данной версии, кроме политизированных комментариев. В свою очередь, представители движения хуситов никакого официального подтверждения по целенаправленному воздействию на кабели не давали, и, более того, возложили ответственность за любые повреждения кабелей на действия американской и британской стороны[13].

3.3. Международно-правовая классификация преступлений, совершаемых на объектах подводной инфраструктуры

Важным юридическим вопросом является международно-правовая характеристика терактов и диверсий, совершенных в отношении подводной инфраструктуры. В целом, комбинация умысла и вины, в сочетании с государственным участием, позволяют отнести данные действия к такой разновидности международно-противоправных деяний, которые в доктрине международного права получили наименование «международные преступления». Это собирательный термин, объединяющий такие явления, как агрессия, геноцид, экоцид, апартеид и «государственный терроризм».

Умышленное повреждение подводных кабелей и трубопроводов по заказу какого-то государства можно отнести к одной из разновидностей «государственного терроризма». Данный вид международных преступлений государств относится к числу наиболее труднодоказуемых, а также является весьма многоаспектным. «Государственный терроризм» представляет собой «зонтичный» термин, объединяющий различные действия, совершаемые под контролем государства или же с привлечением государственных возможностей, и при этом реализуемые секретно[14].

Также необходимо отметить терминологические расхождения в данной тематике. Для обозначения повреждений подводных кабелей и трубопроводов, совершенных намеренно, используются такие термины, как «саботаж», «теракт», «диверсия» и даже довольно туманный термин «преднамеренная человеческая деятельность / intentional human activity» [Bueger, Liebetrau, Franken 2022:13].

В целом, сознательное повреждение частей подводных объектов, находящихся на большой глубине, является крайне сложным процессом, требующим задействования специальных глубоководных аппаратов и особой подготовки водолазов.

3.4. Атаки на уязвимую подводную инфраструктуру и вопросы ответственности

Важным вопросом в контексте привлечения государств к возможной ответственности за намеренное повреждение подводных кабелей и трубопроводов является вопрос о том, является ли атака на подводную инфраструктуру активацией *jus ad bellum,* то есть, является ли диверсия на подводных объектах актом агрессии, дающим пострадавшему государству право на самооборону [Azaria, Ulfstein 2022]. Эксперты задаются вопросом, «могут ли предполагаемые акты саботажа против критически важной морской инфраструктуры рассматриваться как „вооруженное нападение“, которое может послужить поводом для действий, предпринятых в целях самообороны» [Lott 2023].

Важным фактором для определения того, может ли конкретное государство ссылаться на право самообороны, также является регистрация компании, владеющей подводным трубопроводом или кабелем, именно в юрисдикции данного государства. Соответственно, можно

[12] Напр., Robertson J., Bennet D. A Subsea Cable Went Missing. Was Russia to Blame? Bloomberg. 11 July 2024. URL: https://www.bloomberg.com/features/2024-undersea-cable-sabotage-russia-norway/ (accessed date: 14.03.2026).

[13] Хуситы обвинили Великобританию и США в повреждении подводных кабелей. РИА «Новости». 02.03. 2024. URL: https://ria.ru/20240302/khusity-1930760653.html (дата обращения: 14.03.2026).

[14] См., напр., Женевская декларация о терроризме. Документ ООН A/42/307 от 29 мая 1987 г.

предположить, что, если кабели или трубопроводы, проложенные в исключительной экономической зоне или на континентальном шельфе прибрежного государства, не зарегистрированы в его юрисдикции, то незаконное применение силы против этих объектов не prima facie нарушает суверенные интересы прибрежного государства, и не активирует незамедлительно право на самооборону.

Норвежский эксперт А. Лотт отмечает, что взрывы на «Северных потоках» продемонстрировали, насколько непростой задачей является возложение ответственности на государство за преднамеренное тайное применение силы (саботаж) в морской среде [Lott 2023]. При этом как отмечалось в решении МС ООН 1986 года по делу «Никарагуа против США», именно государство-обвинитель несет бремя доказывания: «Именно государство, являющееся жертвой вооруженного нападения, должно сформировать и заявить о том, что оно подверглось таким нападениям»[15]. Также важным вопросом будет вопрос о том, являлся ли исполнитель теракта государственным органом или негосударственным субъектом. В целом, можно согласиться с утверждением, что процесс установки фактов является наиболее слабым местом процедуры доказывания вины конкретного субъекта [Lott 2023]. Это связано как с обособленностью государств в процессе проведения расследований после диверсий на объектах подводной инфраструктуры, так и с политизированностью данной тематики в последние годы, а также с объективной сложностью любой криминологической работы и сбором улик под водой.

Российская сторона неоднократно подчеркивала, что крайне важно «объявить наказуемым преступлением повреждение трубопроводов, предусмотреть нормы о порядке создания и функционирования международной следственной комиссии в случае совершения таких преступлений»[16]. К сожалению, можно констатировать, что в настоящее время не существует эффективного правового режима, позволяющего привлечь к ответственности виновного в нанесении ущерба, нанесенному кабелям и трубопроводам.

4. Правовые и политические последствия атак на критическую подводную инфраструктуру в новейшее время

4.1. Интенсификация международного сотрудничества по защите подводной инфраструктуры

В последнее время многие государства существенно активизировали усилия по защите собственных подводных кабелей и трубопроводов. Данные усилия можно классифицировать по трем уровням: уровень международных межправительственных организаций, уровень двустороннего и многостороннего сотрудничества, а также уровень отдельных государств.

В 2021 году Австралия, Великобритания и США создали трехсторонний оборонный альянс AUKUS, который направлен на противодействие влиянию Китая в акватории Южно-Китайского моря. Одной из задач объединения была объявлена защита подводной инфраструктуры в регионе, а также сотрудничество в области «киберпространства, искусственного интеллекта, квантовых технологий и *дополнительных подводных возможностей*»[17].

В 2023 году Организация Североатлантического договора (далее – НАТО) объявила о создании Морского центра безопасности критически важной подводной инфраструктуры в составе Объединенного морского командования НАТО (MARCOM). Кроме того, с 2023 года в штаб-квартире НАТО в Брюсселе действует Координационная группа по критической подводной инфраструктуре. Также НАТО и Европейский союз создали совместную оперативную группу, которая будет заниматься случаями повреждения подводной инфраструктуры. На саммите в мае 2023 года «Большая семерка» (G7) выпустила коммюнике, в котором обозначено намерение активно сотрудничать в области обеспечения безопасности подводных кабелей[18].

---

[15] International Court of Justice. Reports of Judgments. Case concerning military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). 27 June 1986.

[16] Косачев предложил принять конвенцию по защите подводных трубопроводов. – *Парламентская газета*. 20.03.2023. URL: https://www.pnp.ru/politics/kosachev-predlozhil-prinyat-konvenciyu-po-zashhite-podvodnykh-truboprovodov.html (дата обращения: 14.03.2026).

[17] UK, US AND Australia launch new security partnership. 15 September 2021. URL: https://www.gov.uk/government/news/uk-us-and-australia-launch-new-security-partnership (accessed date: 14.03.2026).

[18] G7 поддержала расширение сети подводных кабелей для связи с развивающимися странами. 30 апреля 2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17649013 (accessed date: 14.03.2026).

В 2023 году было подписано Соглашение между Великобританией и Норвегией о совместной борьбе с подводными угрозами. Также Бельгия, Великобритания, Германия и другие государства, имеющие доступ к Северному морю, договорились о работе над соглашением о совместной деятельности по защите критически важных элементов инфраструктуры моря от саботажа и шпионажа. Речь идет о защите подводных газопроводов, подводных кабелей, телекоммуникационного оборудования и ветряных электростанций[19].

Государства, активно занимающиеся прокладкой подводной инфраструктуры, существенно интенсифицировали усилия по их защите. Так, Франция объявила об увеличении инвестиций для защиты морского дна, а также начала разработку подводных дронов и роботов, которые бы помогали осуществлять мониторинг подводных объектов. Великобритания создает Центр картографирования морского дна и выделила два новых многоцелевых судна наблюдения за океаном.

4.2. Политические последствия атак на подводную инфраструктуру

С точки зрения гибридной войны, повреждение подводных кабелей может стать мощным инструментом воздействия на политические процессы в различных регионах. Например, на поврежденные в Красном море в мае 2024 года четыре подводных линии связи Asia-Africa-Europe 1, Europe India Gateway, Seacom и TGN, приходилось порядка 25 % трафика между Европой, Азией и Африкой, а ликвидация последствий потребовала времени и средств. Также можно отметить, что, поскольку координация военных операций и сбор разведданных также зависят от кабельной сети, «потеря связи на несколько минут или часов может иметь катастрофические последствия и может иметь серьезные финансовые последствия» [Bueger, Liebetrau, Franken 2022:12].

Именно поэтому весьма важным аспектом является способность государств восстанавливать поврежденные или вышедшие из строя кабели, что напрямую связано с их общим количеством и наличием дублирующих мощностей. Соответственно, некоторые государства, в частности, США и Китай, активно занимаются наращиванием количества собственных подводных кабелей, что вызывает у других стран беспокойство относительно монополизации отдельных сегментов подводной инфраструктуры. Например, китайский технологический гигант Huawei, через свое подразделение Huawei Marine, уже проложил десятки кабелей по всему миру. К 2030 году Китай собирается увеличить собственную долю в подводных кабелях до 20 процентов [Paik, Counter 2024]. Из-за напряженных отношений США и Китая американская сторона неоднократно подозревала китайскую компанию во встраивании в кабели лазеек для шпионажа. В июне 2023 года начался проект строительства восточно-микронезийского кабеля, финансируемый Австралией, Японией и Соединенными Штатами, который призван противодействовать китайскому влиянию в регионе.

Еще одним последствием участившихся атак на подводную инфраструктуру является прокладка новых подводных трасс в обход опасных маршрутов. Например, 30 % мирового интернет-трафика идет через Египет, который доминирует в сфере кабельных маршрутов, пролегающих из Европы в сторону Ближнего Востока, Африки и Азии. Многочисленные случаи повреждения кабелей в Красном море привели к тому, что государства озаботились прокладкой трасс в обход проблемного района Красного моря, через арабские страны Персидского залива. Например, Израиль и США начали реализацию проекта по прокладке кабеля TEAS протяженностью 20 тыс. километров совместно с Саудовской Аравией, ОАЭ, Бахрейном, Катаром и Оманом.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, подводную арену уже можно считать отдельной сферой межгосударственного противостояния. Интенсификация намеренного воздействия на подводные кабели и трубопроводы в последние несколько лет актуализирует вопрос о новых вызовах, возникающих в связи с терактами на подводных объектах.

Во-вторых, анализ реакции на подводные диверсии, случившиеся в последние три-четыре

[19] North Sea Nations to Work on Infrastructure Security Pact. 24 April 2023. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-04-24/north-sea-nations-to-work-on-security-pact-for-infrastructure (accessed date: 14.03.2026).

года, позволяет предположить, что диверсии на объектах подводной инфраструктуры будут становиться все более частым явлением. Можно выделить несколько причин того, почему данный прогноз вполне логичен:

- воздействие на критическую подводную инфраструктуру куда менее затратно, чем классическое военное противостояние, но при этом наносит государству-противнику ощутимый ущерб;
- данная деятельность практически недоказуема и, соответственно, ненаказуема;
- прямое участие того или иного государства в подобной деятельности отследить довольно сложно;
- воздействие на подводную инфраструктуру можно замаскировать под естественные повреждения, связанные с рыболовством или с использованием тяжелых якорей.

В-третьих, международно-правовое регулирование подводной инфраструктуры в большей степени соответствует реалиям XX века, но не XXI, в котором цифровая коммуникация имеет критически важное значение для любого государства. С учетом лакун, существующих в международном праве, вероятность того, что государства будут прибегать к осуществлению подводных диверсий в рамках современного «гибридного» противостояния, можно оценить как весьма высокую.

В связи с вышесказанным, полагаем, что с учетом важности подводных кабелей и трубопроводов для многих государств и в целом для мирового сообщества целесообразно поднять вопрос о необходимости разработки проекта универсального международного договора о сотрудничестве по предупреждению повреждений объектов подводной инфраструктуры и ликвидации последствий таких действий. Причем такой договор мог бы предусматривать действия государств как при намеренном повреждении, так и случайном. В нем следовало бы закрепить нормы о правах и обязанностях государств по предупреждению повреждений и порчи подводных кабелей и трубопроводов, а также о сотрудничестве по расследованию совершенных атак и восстановлению нарушенной инфраструктуры. Также в договоре следовало бы предусмотреть ответственность государств за умышленное повреждение подводных кабелей и трубопроводов.

Список литературы

1. Вылегжанин А.Н., Москва У. 2015. Международно-правовые начала управления трансграничными трубопроводами. – *Право и управление.* № 3 (36). С. 62-69.
2. Николаев А.В. 2006. Правовой режим подводных трубопроводов (некоторые аспекты международного и российского права). – *Московский журнал международного права.* №5. С. 123-135.
3. Пешков И.Б. 2013. Подводные кабели: современное состояние и тенденции развития. – *Кабели и провода.* 2013. № 5. С. 9-25.
4. Рылова М.А., Швец Д.А. 2019. Свобода прокладки подводных кабелей и право на разработку минеральных ресурсов: «на перекрестке равнозначных дорог». – *Право. Журнал Высшей школы экономики.* № 1. С. 232-250.
5. Azaria D., Ulfstein G. 2022. Are sabotage of submarine pipelines an 'armed attack' triggering a right to self-defence? – *Blog of the European Journal of International Law.* URL: https://www.ejiltalk.org/are-sabotage-of-submarine-pipelines-an-armed-attack-triggering-a-right-to-self-defence/ (accessed date: 14.03.2026).
6. Foggo J., Fritz A. 2016. The Fourth Battle of the Atlantic. – *Proceedings of US Naval Institute.* Vol. 142 (6).
7. Benner T. 2025. The Underwater Battlefield: Protecting Submarine Critical Infrastructure. – *Internationale Politik Quaterly.* Winter 2025. URL: https://ip-quarterly.com/en/underwater-battlefield-protecting-submarine-critical-infrastructure (accessed date: 14.03.2026).
8. Bueger C., Liebetrau T., Franken J. 2022. *Security threats to undersea communications cables and infrastructure – consequences for the EU*. European Parliament. URL:https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/702557/EXPO_IDA(2022)702557_EN.pdf (accessed date: 14.03.2026).
9. Bueger C., Edmunds T. 2017. Beyond Seablindness: A New Agenda for Maritime Security Studies. – *International Affairs.* Vol. 93 (6). P. 1293-1311.
10. Hai Dang Vu. 2024. State Jurisdiction Over Submarine Pipelines: Southeast Asian Practice from the Relevant Provisions of National Laws. – *Viability of UNCLOS amid Emerging Global Maritime Challenges.* Springer. P. 179-198.
11. Hinck G. 2017. Cutting the Cord: The Legal Regime Protecting Undersea Cables. – *Lawfare*. 21 November 2017. URL: https://www.lawfaremedia.org/article/cutting-cord-legal-regime-protecting-undersea-cables (accessed date: 14.03.2026).
12. Lott A. 2023. Attacks against Europe's Offshore Infrastructure within and beyond the Territorial Sea under Jus ad Bellum. – *Blog of the European Journal of International Law.* October 17, 2023. URL: https://www.ejiltalk.org/attacks-against-europes-offshore-infrastructure-within-and-beyond-the-territorial-sea-under-jus-ad-bellum/ (accessed date: 14.03.2026).
13. McCabe R., Flynn B. 2024. Under the radar: Ireland, maritime security capacity, and the governance of subsea infrastructure. – *European Security.* Vol. 33. Issue 2. P. 324-344.
14. Pandey S.K., Bhushan A. 2023. Submarine Cables: Issues of Maritime Security, Jurisdiction, and Legalities. –

European Journal of Theoretical and Applied Sciences. 2023. Vol. 1 (4). P. 117-132.
15. Paik A., Counter J. 2024. International Law Doesn't Adequately Protect Undersea Cables. That Must Change. – *The Atlantic Council.* January 25, 2024.
16. Sontag Sh., Drew Ch. 2000. *Blind Man's Bluff: The Untold Story of American Submarine Espionage.* Public Affairs. 432 p.
17. Soubeyrol J. 1958. La Condition Juridique des Pipelines en Droit International. – *Annuaire Français de Droit International.*
18. Sunak R. 2017. Undersea Cables: Indispensable, Insecure. *Policy Exchange.* URL: https://policyexchange.org.uk/wp-content/uploads/2017/11/Undersea-Cables.pdf (accessed date: 14.03.2026).
19. Wrathall L.R. 2010. The Vulnerability of Subsea Infrastructure to Underwater Attack: Legal Shortcomings and the Way Forward. – *San Diego International Law Journal.* Vol. 10 (223). (accessed date: 14.03.2026).

References

1. Azaria D., Ulfstein G. Are sabotage of submarine pipelines an 'armed attack' triggering a right to self-defence? – *Blog of the European Journal of International Law.* 2022. URL: https://www.ejiltalk.org/are-sabotage-of-submarine-pipelines-an-armed-attack-triggering-a-right-to-self-defence/ (accessed date: 14.03.2026).
2. Benner T. The Underwater Battlefield: Protecting Submarine Critical Infrastructure. – *Internationale Politik Quaterly.* Winter 2025. URL: https://ip-quarterly.com/en/underwater-battlefield-protecting-submarine-critical-infrastructure (accessed date: 14.03.2026).
3. Bueger C., Liebetrau T., Franken J. *Security threats to undersea communications cables and infrastructure – consequences for the EU.* European Parliament. 2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/702557/EXPO_IDA(2022)702557_EN.pdf (accessed date: 14.03.2026).
4. Bueger C., Edmunds T. Beyond Seablindness: A New Agenda for Maritime Security Studies. – *International Affairs.* 2017. Vol. 93 (6). P. 1293-1311.
5. Foggo J., Fritz A. The Fourth Battle of the Atlantic. – *Proceedings of US Naval Institute.* 2016. Vol. 142 (6).
6. Hai Dang Vu. State Jurisdiction Over Submarine Pipelines: Southeast Asian Practice from the Relevant Provisions of National Laws. – *Viability of UNCLOS amid Emerging Global Maritime Challenges.* 2024. Springer. P. 179-198.
7. Hinck G. Cutting the Cord: The Legal Regime Protecting Undersea Cables. – *Lawfare*. 21 November 2017. URL: https://www.lawfaremedia.org/article/cutting-cord-legal-regime-protecting-undersea-cables (accessed date: 14.03.2026).
8. Lott A. Attacks against Europe's Offshore Infrastructure within and beyond the Territorial Sea under Jus ad Bellum. – *Blog of the European Journal of International Law.* October 17, 2023. URL: https://www.ejiltalk.org/attacks-against-europes-offshore-infrastructure-within-and-beyond-the-territorial-sea-under-jus-ad-bellum/ (accessed date: 14.03.2026).
9. McCabe R., Flynn B. Under the radar: Ireland, maritime security capacity, and the governance of subsea infrastructure. – *European Security.* 2024. Vol. 33. Issue 2. P. 324-344.
10. Nikolaev A.V. Pravovoj rezhim podvodnyh truboprovodov (nekotorye aspekty mezhdunarodnogo i rossijskogo prava) [The legal regime of underwater pipelines (some aspects of international and Russian law)]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law].* 2006. № 5. S. 123-135. (In Russ.)
11. Pandey S.K., Bhushan A. Submarine Cables: Issues of Maritime Security, Jurisdiction, and Legalities. – *European Journal of Theoretical and Applied Sciences.* 2023. Vol. 1 (4). P. 117-132.
12. Paik A., Counter J. International Law Doesn't Adequately Protect Undersea Cables. That Must Change. – *The Atlantic Council.* January 25, 2024.
13. Peshkov I.B. Podvodnye kabeli: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya [Underwater cables: current state and development trends]. – *Kabeli i provoda [Cables and wires].* 2013. № 5. S. 9-25. (In Russ.)
14. Rylova M.A., SHvec D.A. Svoboda prokladki podvodnyh kabelej i pravo na razrabotku mineral'nyh resursov: «na perekrestke ravnoznachnyh dorog» [Freedom to lay underwater cables and the right to exploit mineral resources: "at the intersection of equivalent roads]. – *Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Right. Journal of the Higher School of Economics].* 2019. № 1. S. 232-250. (In Russ.)
15. Sontag Sh., Drew Ch. *Blind Man's Bluff: The Untold Story of American Submarine Espionage.* Public Affairs. 2000. 432 p.
16. Soubeyrol J. La Condition Juridique des Pipelines en Droit International. – *Annuaire Français de Droit International.* 1958.
17. Sunak R. Undersea Cables: Indispensable, Insecure. – *Policy Exchange.* 2017. URL: https://policyexchange.org.uk/wp-content/uploads/2017/11/Undersea-Cables.pdf (accessed date: 14.03.2026).
18. Vylegzhanin A.N., Moskva U. Mezhdunarodno-pravovye nachala upravleniya transgranichnymi truboprovodami [International legal principles of management of cross-border pipelines]. – *Pravo i upravlenie [Law and management].* 2015. № 3 (36). S. 62-69. (In Russ.)
19. Wrathall L.R. The Vulnerability of Subsea Infrastructure to Underwater Attack: Legal Shortcomings and the Way Forward. – *San Diego International Law Journal.* 2010. Vol. 10 (223). (accessed date: 14.03.2026).

Информация об авторах

Кира Львовна САЗОНОВА
Доктор юридических наук, доцент Института права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Вернадского пр-т, 82, Москва, 119571, Российская Федерация

kira_sazonova@mail.ru
ORCID 0000-0001-5486-5817

Дамир Камильевич БЕКЯШЕВ
Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

dambek@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4596-7739

About the Authors

Kira L. SAZONOVA
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor of the Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

82 Vernadskogo Ave., bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 119571

kira_sazonova@mail.ru
ORCID 0000-0001-5486-5817

Damir K. BEKYASHEV
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law,
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

dambek@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4596-7739

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-59-75

Research article
UDC: 341.3
Received 17 January 2026
Approved 27 April 2026

Ildar R. BEGISHEV
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)
42, Moskovskaya St., Kazan, Russian Federation, 420111
begishev@mail.ru
ORCID 0000-0001-5619-4025

Denis S. KIIKO
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)
42, Moskovskaya St., Kazan, Russian Federation, 420111
deniskiiko@yandex.ru
ORCID 0009-0004-5309-6410

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF ILLEGAL TRAFFICKING OF MILITARY ROBOTS

INTRODUCTION. *This article provides a critical analysis of the international legal aspects of regulating illicit trafficking in military robots, which is a new and rapidly growing threat to global stability. The relevance of this research is driven by technological revolution in the military sphere, characterized by autonomous systems capable of identifying targets and using lethal force independently, coupled with a parallel formation of a global black market for their illegal distribution. The authors identify a deep crisis within the current framework of international law to address this challenge. Traditional approaches, including norms of international humanitarian law and the Convention on Certain Conventional Weapons, as well as multilateral export controls, demonstrate systemic weaknesses. Their main shortcomings are their fragmentation and their primary focus on states and conventional weapons. Their chronic failure to keep pace with the rate of technological advancement gives rise to a number of fundamental legal problems. These include the absence of universal legal definitions and classification criteria for autonomous systems, regulatory gaps that allow non-state actors, such as terrorist groups and organized criminal networks, to gain access to critical components and ready-made platforms without consequences, and ultimately, a lack of clarity regarding attribution and enforcement of liability for damage caused by autonomous systems circulating in the black market. As a strategic response, the article argues for the urgent need to develop a new, comprehensive international legal approach that should include the elaboration and adoption of a multilateral treaty establishing clear prohibitions and harmonizing terminology, creating effective control and verification mechanisms. At the same time, a set of complementary measures are proposed, including strengthening national legislation, modernizing customs procedures and financial oversight, fostering enhanced international cooperation in incident investigation and data exchange. The goal of the research is to create a conceptual basis for establishing a strong legal barrier against proliferation of these dangerous technologies and protecting the fundamental principles of international law in the era of autonomous weapons.*

MATERIALS AND METHODS. *This research is based on a comprehensive doctrinal and analytical methodology, which is typical of fundamental legal work in the field of international law. It is both theoretical and applied, and includes an in-depth analysis of existing legal norms, such as international treaties, conventions, charters of international organizations,*

and documents from international conferences. It also includes analysis of theoretical approaches to problem research in scientific monographs, articles published in peer-reviewed academic journals. The research also examines practical approach, such as public reports from States. Finally, the research aims to develop scientifically sound proposals for improving legal regulation in the area under study. The study primarily employs a qualitative approach, which focuses on interpreting legal texts, identifying semantic conflicts, assessing the effectiveness of legal mechanisms, and forecasting the evolution of regulations. The main research methods are both general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction) and private scientific methods (formal legal analysis, risk-based approach).

RESEARCH RESULTS. *The research concludes that existing international law is fundamentally inadequate to address the illicit trafficking of military robots. Key deficiencies include the absence of universally binding definitions, ineffective control over dual-use components and non-state actors, and unworkable accountability mechanisms for autonomous systems. To address this, the study proposes a comprehensive legal framework centered on a new international treaty, supported by enhanced national regulations, modernized monitoring tools, and stronger international cooperation.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *This analysis concludes that the current frameworks of international law are fundamentally unprepared to deal with the distinct and rapidly evolving challenges posed by the illegal spread of military robotics. Traditional arms control and humanitarian law, with their static and state-centric foundations, struggle to accommodate the reality of these rapidly developing, commercially available, software-driven technologies. This gap has led to significant governance deficits, allowing critical vulnerabilities to persist. Therefore, this study advocates for a necessary shift in paradigm towards a more coherent and integrated approach to governance. This new approach should thoughtfully combine several key elements: an international treaty to establish clear legal prohibitions and control measures must be integrated with stronger complementary measures. These key measures include harmonizing national regulatory frameworks, implementing strategic trade controls targeting critical algorithms and supply chain components, and formalizing international forensic and investigative cooperation to ensure credible enforcement and accountability. Developing such a comprehensive and adaptive regime is crucial for the international community to mitigate profound security risks arising from the uncontrolled proliferation of autonomous military capabilities.*

KEYWORDS: *combat robot, military robotics, military robot, humanitarian law, legislation, artificial intelligence, international law, robot, digital technologies*

FOR CITATION: Begishev I.R., Kiiko D.S. International Legal Regulation of Illegal Trafficking of Military Robots. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 59–75. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-59-75

The authors declare the absence of conflict of interest.

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-59-75

Исследовательская статья
УДК: 341.3
Поступила в редакцию: 17.01.2026
Принята к публикации: 27.04.2026

Ильдар Рустамович БЕГИШЕВ
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова (ИЭУП)
Московская ул., 42, Казань, 420111, Российская Федерация
begishev@mail.ru
ORCID 0000-0001-5619-4025

Денис Сергеевич КИЙКО
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова (ИЭУП)
Московская ул., 42, Казань, 420111, Российская Федерация
deniskiiko@yandex.ru
ORCID 0009-0004-5309-6410

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ВОЕННЫХ РОБОТОВ

ВВЕДЕНИЕ. *Данная статья посвящена критическому анализу международно-правовых аспектов регулирования незаконного оборота военных роботов. Актуальность исследования обусловлена технологической революцией в военной сфере, характеризующейся появлением автономных систем, способных самостоятельно идентифицировать цели и применять летальную силу, а также параллельным формированием глобального теневого рынка их незаконного распространения. Авторы констатируют глубокий кризис существующей системы международного права перед лицом новых вызовов в сфере технологий. Традиционные режимы, включая нормы международного гуманитарного права, Конвенцию о конкретных видах обычного оружия и многосторонние договоренности об экспортном контроле, демонстрируют свою системную неэффективность. Их ключевые недостатки заключаются во фрагментарности, ориентации преимущественно на государства и классические виды вооружений, а также в хроническом отставании от темпов технологического развития. Это порождает ряд фундаментальных правовых проблем, среди которых можно выделить отсутствие универсальных юридических дефиниций и критериев классификации автономных систем, правовые пробелы, позволяющие негосударственным акторам (террористическим группам, организованной преступности) беспрепятственно получать доступ к критическим компонентам и готовым платформам, и, наконец, полную неопределенность в вопросах установления и реализации ответственности за ущерб, причиненный в результате действий автономных систем, обращающихся на черном рынке. В качестве стратегического ответа на эти вызовы в статье обосновывается необходимость выработки нового, комплексного международно-правового подхода. Его ядром должна стать разработка и принятие специализированного многостороннего договора, который установил бы четкие запреты, унифицировал терминологию и создал бы действенные механизмы контроля и верификации. Параллельно предлагается комплекс сопутствующих мер по усилению национального законодательства, а также развитию оперативного международного сотрудничества в расследовании инцидентов и обмене данными. Целью работы является формирование концептуальной основы для создания устойчивого правового барьера против распространения опасных технологий и защиты основных принципов международного правопорядка в эпоху развития автономных вооружений.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В основе данного исследования лежит комплексная доктринально-аналитическая методология, которая характерна для фундаментальных юридических работ в области международного права. Исследование носит теоретико-прикладной характер и включает в себя как глубокий анализ уже существующих правовых норм (международные договоры, конвенции, уставы международных организаций, документы международных конференций и др.), теоретических подходов к исследованию проблемы (научные монографии, статьи в рецензируемых академических журналах и др.) и практических подходов (открытые отчеты государств и др.), так и разработку научно обоснованных предложений, направленных на совершенствование правового регулирования. Исследование преимущественно использует качественный подход, который фокусируется на интерпретации правовых текстов, выявлении смысловых коллизий, оценке эффективности правовых механизмов и прогнозировании развития регулирования. Основными методами исследования являются как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и частнонаучные методы (формально-юридический анализ, риск-ориентированный подход).*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Авторы приходят к выводу о системной неэффективности существующих норм международного права в сфере противодействия незаконному обороту военных роботов. К ключевым правовым пробелам относятся: отсутствие универсальных юридически обязательных дефиниций и критериев классификации; неспособность действую-*

щих режимов контролировать оборот компонентов двойного назначения и деятельность негосударственных субъектов; а также неработоспособность традиционных механизмов привлечения к ответственности за действия автономных систем. В целях противодействия этим вызовам научная работа обосновывает необходимость формирования комплексного международно-правового подхода. Его стержнем должно стать заключение нового специализированного международного договора, который дополнится мерами по гармонизации национального законодательства, внедрению современных инструментов мониторинга и укреплению межгосударственного оперативного взаимодействия.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Анализ ситуации позволяет сделать вывод о том, что существующие нормы международного права не могут эффективно решать актуальные проблемы, связанные с незаконным распространением военных роботов. Традиционные механизмы контроля над вооружениями и нормы гуманитарного права, которые были разработаны на основе государство-центричной модели, с трудом адаптируются к новым реалиям, связанным с быстрым развитием технологий и их доступностью на рынке. Это приводит к правовым пробелам и уязвимостям в регулировании. В связи с этим необходимо пересмотреть подходы к управлению и разработать более комплексный и последовательный подход. Он должен включать в себя унификацию национальных законов и правил, внедрение стратегического мониторинга оборота, который будет сосредоточен на критически важных этапах и компонентах логистической цепи; официальное оформление международного взаимодействия в сфере судебных экспертиз и расследований для обеспечения эффективного правоприменения и прозрачности. Создание такого всеобъемлющего и гибкого механизма имеет большое значение для международного сообщества в контексте снижения серьезных угроз безопасности, связанных с неконтролируемым распространением автономных военных технологий.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *боевой робот, военная робототехника, военный робот, гуманитарное право, законодательство, искусственный интеллект, международное право, робот, цифровые технологии*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бегишев И.Р., Кийко Д.С. 2026. Международно-правовое регулирование незаконного оборота военных роботов. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 59–75. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-59-75

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

I. Introduction

Recently, there has been rapid development of autonomous military robots, leading to significant changes in the nature of modern conflicts. This is confirmed by a substantial increase in investments in this field. For instance, over the past decade, U.S. expenditures on the development of autonomous systems have grown more than sixfold. Unmanned aerial vehicles (UAVs) already constitute one-third of the U.S. operational combat aviation fleet and may become the primary means of conducting military operations in the future[1].

A clear trend toward the active integration of unmanned aerial vehicles into the armed forces of various nations is evident. Drones have become not only an effective intelligence-gathering tool but also a strike asset potentially capable of independently identifying targets for destruction and employing various types of weapons, including weapons of mass destruction [Glebov 2018:104-116].

However, this technological revolution is accompanied by the emergence of new challenges, including the appearance of a global market for the illicit trafficking of military robots. For the purposes of this study, a "military robot" shall mean a mobile (ground-based, aerial, maritime, or underwater) sys-

[1] Defense Department. Annual Defense Budget: Defense Department's Annual Performance Plan. 2017. URL: https://comptroller.war.gov/Portals/45/Documents/defbudget/fy2017/fy2017_Budget_Request_Overview_Book.pdf (accessed date: 17.10.2025).

tem that possesses the ability to move autonomously or be remotely controlled and to perform tasks in a combat environment, is equipped with sensors, actuators, and an information processing system enabling it to engage objects or enemy personnel, and is intended or may be used for military purposes. The term "autonomous weapon system" is used herein as a subcategory of military robots, characterized by the ability to independently (without operator intervention) select and engage targets. This article focuses on issues common to all categories of military robots, while paying particular attention to systems with a high degree of autonomy due to their specific risks. By "illicit trafficking", we mean the development, production, transfer, acquisition, or use of such systems in violation of national legislation and international norms. This problem poses a serious threat to international security and stability. The potentially uncontrolled proliferation of autonomous weapon systems could lead to regional destabilization, terrorist acts, and grave human rights violations. At the same time, as will be shown below, the extent of the actual threat and the necessity of prohibitive measures are subjects of lively debate among states. Currently, there are no clear mechanisms establishing responsibility for such actions.

The existing system of international legal norms, including International Humanitarian Law (IHL), arms control regimes such as the Convention on Certain Conventional Weapons (CCW) and its Protocols[2], export controls (the Wassenaar Arrangement[3]), and UN Security Council resolutions, may prove insufficient to combat the illicit trafficking of autonomous robotic systems.

Many researchers consider the autonomy of combat robots (i.e., their ability to act without constant human oversight) to be the primary problem. It is argued that under such conditions, robots cannot change their mission in response to changing situations or humanitarian circumstances, which contravenes the principles of distinction, proportionality, and military necessity enshrined in Additional Protocols I and II to the Geneva Conventions of 1949[4].

Furthermore, there is a regulatory legal problem caused by the absence of universal definitions for autonomous robotic systems, uniform standards for their classification, and special international treaties covering the entire lifecycle of military robots from development to deployment.

The situation is complicated by the lack of a unified approach to studying this problem. While the works of authors such as Paul Scharre [Sharre 2018] and Markus Wagner [Wagner 2014:1371-1422], as well as the scientific project of the Russian Foundation for Basic Research No. 18-29-16129, "Doctrinal and Legal Framework and Moral and Ethical Standards for the Use of Autonomous Robotic Systems in Social and Military Spheres"[5], provide detailed analyses of autonomous systems' compliance with IHL and the ethical aspects of their use, the problem of illicit trafficking in autonomous robotic systems remains relatively underexplored. Existing publications focus primarily on the legality of using combat robots within the framework of state military operations, whereas the issue of illicit robotics trafficking is addressed only fragmentarily.

Among the pressing issues are cross-border supplies of dual-use components; the involvement of non-state actors, such as terrorist groups and organized criminal networks, in the dissemination of technologies; deficiencies in the customs control system; and questions of accountability for incidents occurring beyond national borders.

Initiatives such as Russia's "Concept for the Development of Regulation of Relations in the Field of Artificial Intelligence and Robotics until 2024"[6] are aimed primarily at technological advancement

[2] Convention on Prohibitions or Restrictions on the Use of Certain Conventional Weapons which may be deemed to be Excessively Injurious or to have Indiscriminate Effects (with Protocols I, II, II as amended, III, IV and V). 1980. URL: https://legal.un.org/avl/ha/cprccc/cprccc.html (accessed date: 16.01.2026).

[3] Wassenaar Arrangement. URL: https://www.wassenaar.org/ (accessed date: 16.01.2026).

[4] International Committee of the Red Cross. Protocols Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949. 2010. URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/en/assets/files/other/icrc_002_0321.pdf (accessed date: 16.01.2026).

[5] Doktrinal'no-pravovye osnovy i nravstvenno-eticheskie standarty primeneniya avtonomnyh robotizirovannyh apparatov v social'noj i voennoj sfere [Doctrinal and Legal Framework and Moral and Ethical Standards for the Use of Autonomous Robotic Systems in Social and Military Spheres]. – *Rossijskij fond fundamental'nyh issledovanij* [Russian Foundation for Basic Research]. 2018. Grant No. 18-29-16129. (In Russ.)

[6] Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 19 avgusta 2020 g. № 2129-r [Decree of the Government of the Russian Federation dated August 19, 2020 No. 2129-r]. – *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation]. 2020. No. 35. Art. 5593. (In Russ.)

rather than at creating barriers to the unlawful use of such technologies. This underscores the need for international coordination of national measures in this area.

The scientific novelty of this research lies in its comprehensive analysis of the problems associated with the illicit trafficking of military robots as a distinct legal phenomenon. The study systematizes existing gaps in international control regimes and, considering various state positions, proposes model solutions for their universal regulation. Specifically, the study proposes establishing a convention-based prohibition on the transfer of offensive autonomous systems to non-state actors, as well as creating an international mechanism for monitoring supply chains of robotic components.

The relevance and urgency of conducting such research are driven by technological, humanitarian, and geopolitical factors. The technological factor includes the rapid advancement of artificial intelligence capabilities, which outpaces the adaptation of legal norms. The humanitarian aspect implies that equipping drones with weapons of mass destruction without human involvement could lead to the inability to correct erroneous commands or halt attacks should the situation change. Finally, the geopolitical dimension of the problem lies in the fact that the uncontrolled proliferation of autonomous robotic systems threatens strategic stability and potentially facilitates terrorist organizations' access to modern means of warfare.

Considering these concerns, the purpose of this article is to develop a scientifically grounded concept for international legal countermeasures against the illicit trafficking of military robots. The concept includes: 1) the unification of definitions and criteria that determine which actions are unlawful with respect to autonomous military robots; 2) the modernization of export control and customs monitoring regimes; 3) the introduction of multi-level accountability for violations at the state level as well as at the corporate and individual levels; and 4) the establishment of an international registry of incidents and mechanisms for their investigation.

The main scientific problem is that with technological advancement, non-state actors gain increasing opportunities to acquire and use autonomous offensive systems through shadow channels. Existing international legal norms may prove incapable of effectively responding to these trends, given the absence of specific prohibitions, verification procedures, and enforcement mechanisms that could control such actions.

II. The concept and classification of military robot

An examination of international agreements, national laws, and theoretical works has revealed that there is no single, legally codified definition of the term “military robot”. Instead, three main approaches to its interpretation can be identified.

The functional approach focuses on the system’s ability to perform tasks in combat conditions with a certain degree of autonomy, where human involvement should be minimal or absent altogether [Russell 2022:19-24]. A key aspect of this approach is the system’s level of autonomy, which may range from remotely operated to fully autonomous [Sharre 2018]. This is particularly relevant with respect to critical functions such as target detection, the decision to use force, and direct engagement with a target. This approach is widely used in military doctrines, for example, in documents of NATO and the U.S. Department of Defense, as well as in discussions on lethal autonomous weapons systems (LAWS) under the CCW [Horowitz, Sharre 2015]. However, problems arise since the boundaries of system autonomy are not always clearly defined, as well as the subjectivity involved in determining when a “critical decision” is made.

At the core of the concept of a military robot lies the technological approach, which views it as a combination of physical and software components, including sensors (e.g., detectors, cameras, radars), actuators (e.g., manipulators, weapon systems), information processing systems (including artificial intelligence algorithms), and mobility capabilities (ground, air, sea, underwater) [Krishnan 2016]. This approach is widely used in technical standards and regulations, as well as in export control documents that govern specific technologies and components [Aubin, Idiart 2016]. However, this approach has its drawbacks. It rapidly becomes outdated and may not always encompass all continuously evolving technologies. Furthermore, within the technological approach, it is often difficult to distinguish military systems from commercial drones or dual-use robots.

Under the legal approach, the concept of a “military robot” is defined through characteristics that have direct relevance to the application of existing legal norms or the development of new ones [Boothby 2009]. The primary focus is on the system’s intended purpose [Dinstein 2022]: it may be designed or used exclusively or primarily for military objectives. The

nature of the system's impact on the environment is also considered, its ability to inflict physical damage or disable enemy objects or personnel, either directly or indirectly. The potential for violations of international humanitarian law is analyzed [Anderson 2014:386-411], as the system's design or software code may not comply with the principles of international humanitarian law such as the principles of distinction, proportionality, and military necessity. Specific risks associated with the circulation of such systems such as features that may render them attractive for illicit proliferation or use (e.g., small size, component availability, difficulty of detection) are also examined [Ventura 2018]. This approach is most relevant for the purposes of this study, but it faces the challenge of the lack of consensus on key characteristics and their significance.

The reasons for the absence of a unified definition are not only technical but also political. Many states (including Russia and the United States) express concern that a premature or overly broad definition could limit defense innovation and create competitive advantages for dishonest actors. Russia, in particular, in its documents within the Group of Governmental Experts (GGE) of the CCW, emphasizes the need to maintain "human control" over the use of force, but opposes a total ban on autonomous systems, proposing instead the development of political and technical regulatory measures[7]. The United States takes a similar position, stressing the sufficiency of existing IHL norms, provided they are adapted to new circumstances[8]. At the same time, a number of states and NGOs insist on the development of a legally binding instrument prohibiting fully autonomous systems[9].

The diversity of approaches to defining "military robot" is not merely a theoretical concept. It has serious legal and practical implications for regulating the unlawful use of such devices [Geiss, Lahmann 2017:371-404]. Gaps and contradictions exist within the legal framework, leading to ambiguity in determining the status of various systems. This allows the same objects to fall under regulation in one jurisdiction but not in another. For example, a drone capable of autonomous flight but not equipped with weapons may be considered a military robot in the producing country but a commercial product in the importing country, thereby facilitating its illicit circulation. Dual-use systems and their components, which are actively used in the shadow market, are particularly vulnerable [Bunker, Sullivan 2021]. The uncertainty regarding their status complicates the qualification of actions involving them as unlawful [Malsch 2013:461-486].

Equally significant is the question of the applicability of existing norms. After all, the effective application of fundamental IHL norms, as well as arms control regimes, depends on whether a particular system falls under existing definitions of weapons or military equipment [Schmitt 2013]. Disagreements in approaches create opportunities to circumvent restrictions. For instance, if a system is not classified as a weapon due to the absence of built-in means of destruction, but can be quickly equipped with such means by a non-state actor, existing arms embargoes may prove inapplicable.

In addition, attention must be drawn to the difficulties that arise when developing new regulatory rules [Rosert, Sauer 2019:370-375]. Attempts to create a special international legal instrument to control the circulation of military robots face a serious obstacle – the inability to reach agreement on the subject matter of regulation. Debates within the GGE vividly demonstrate how disagreements over the understanding of a key term impede progress. The absence of a clear definition of "military robot" renders attempts to establish prohibitions or restrictions on its illicit circulation futile.

Furthermore, an important component of the problem is the difficulty of establishing responsibility, as uncertainty in the identification of the object complicates the attribution of liability for unlawful acts involving it [Crootof 2015:1347-1402]. If the status of a system is in doubt, it becomes more difficult to prove a violation of a specific norm regulating the circulation of arms or military equipment.

[7] Mako G. No New Rules Needed: Russia's Minimalist Vision of Human Oversight for LAWS. URL: https://lieber.westpoint.edu/no-new-rules-needed-russias-minimalist-vision-human-oversight-for-laws/ (accessed date: 15.04.2026).

[8] CCW: U.S. Statement on Consideration of the GGE Report on Laws. – *U.S. Mission to International Organizations in Geneva.* URL: https://geneva.usmission.gov/2019/11/20/ccw-u-s-statement-on-consideration-of-the-gge-report-on-laws/#search (accessed date: 15.04.2026).

[9] Human Rights Watch. Statement to Convention on Conventional Weapons Annual Meeting Discussion on Lethal Autonomous Weapons Systems. URL: https://www.hrw.org/news/2024/11/14/statement-convention-conventional-weapons-annual-meeting-discussion-lethal (accessed date: 15.04.2026).

Consequently, the lack of a single, functional, and legally defined concept of "military robot" is not only a theoretical but also a practical problem that hinders effective counteraction to its unlawful use.

This underscores the need to develop a universal definition or, at a minimum, a set of key characteristics (autonomy in performing critical tasks, military purpose, capacity to cause harm, specific risks of uncontrolled proliferation) that could serve as a basis for adapting existing and creating new international legal control mechanisms. At the same time, any definitions must be developed by consensus, taking into account the interests of all groups of states, and not imposed unilaterally.

An examination of existing developments and theoretical approaches has shown that military robotic systems exhibit great diversity. This creates significant difficulties in developing effective legal measures to counter their unlawful use.

One of the key classification criteria directly related to legal risks is the degree of decision-making independence, especially concerning the use of force [Begishev 2021:185-201]. This criterion ranges from systems requiring constant operator control (e.g., most contemporary armed unmanned aerial vehicles) to automated platforms capable of performing tasks without direct human involvement (e.g., certain air defense systems), and even to hypothetical fully autonomous systems that could operate without human intervention. As autonomy increases, the challenges of complying with IHL principles and establishing accountability become more acute, significantly raising the risk that such systems may enter the illicit market.

A key factor influencing the situation is the operational environment. Air systems, particularly lightweight and medium UAVs, dominate illicit circulation. They have become so popular due to their affordability, potential for covert transportation, and versatility. Ground, naval, or space-based robots present other, often more localized, risks.

When considering channels of illicit proliferation, it is important to account for the level of technological sophistication and the origin of the systems. High-tech, specialized military systems, while potentially subject to targeted leaks or theft, are less susceptible to mass shadow market circulation. In the contemporary world, the greatest threat is posed by systems based on commercial dual-use platforms such as civilian drones and robots that can be easily modified for military purposes by adding weapons or specialized software [Springer 2013].

The mass production of such systems, their relatively low cost, the lack of strict accountability, and global supply chains create unique opportunities for non-state actors. This renders existing export control regimes, which were designed for traditional armaments, ineffective. The situation is further complicated by the fact that the functional purpose of these systems remains in the shadows. The international discussion is focused on lethal autonomous systems, while the risks associated with the illicit circulation of reconnaissance or engineering robots remain less studied. These robots could be used to prepare terrorist acts, lay mines, or coordinate unlawful armed groups.

The mass production of these systems, their relatively low cost, and the lack of strict accounting and global supply chains present unique opportunities for non-state actors. This renders existing export control regimes for traditional weapons ineffective. This situation is further complicated by the fact that the actual purpose of these systems is often unclear. The international community primarily focuses on lethal autonomous weapons, while the risks of illegal trafficking in intelligence or engineering robots are often ignored. These robots could be used to plan terrorist attacks, mine fields, or coordinate illegal armed groups.

The diversity and variability in the classification of military robots explain why legal regulation in this field consistently lags behind the requirements of the times. Traditional control methods based on the notion of "weapons" and "military equipment" with clearly defined technical characteristics cannot react quickly to changes in global trends. For example, they fail to account for the possibility of repurposing commercial platforms or altering the level of autonomy of existing systems.

Therefore, the absence of a universally accepted and legally significant classification that takes into account the risks of unauthorized proliferation and use based on level of autonomy, base platform, accessibility, and potential harm is not merely a terminological problem but a serious obstacle to global security.

Without a clear understanding of which systems require restrictions and controls at all stages of their life cycle, any regulatory measures will remain incomplete and vulnerable to circumvention through "grey zones". This underscores the exceptional importance of developing such a classification as a foundation for creating an effective legal mechanism to prevent the illicit circulation of military robotic systems.

III. Legal basis for regulating the turnover of military robots

Currently, international law lacks a single, specialized treaty regulating the circulation of military robots. Instead, there exist scattered norms from various areas of law that only partially, and sometimes indirectly, address certain aspects of the development, transfer, or deployment of such robots. This creates potential opportunities for their illicit trafficking, although the degree of vulnerability of the legal regime remains a subject of debate.

The regulatory foundation rests upon the principles of International Humanitarian Law, in particular the Geneva Conventions of 1949 and their Additional Protocols I and II of 1977 [Sassòli 2019]. Although these instruments do not explicitly mention robots, they apply to all means and methods of warfare, including robotic systems, and impose an obligation to observe the principles of distinction, proportionality, and military necessity when employing them in an armed conflict. There also exists an obligation to assess new weapons, as enshrined in Article 36 of Additional Protocol I[10].

However, IHL possesses a specific characteristic that may limit its ability to directly counter the proliferation of autonomous systems on the black market. This is because IHL is aimed at regulating the application of autonomous systems, rather than controlling their development, production, or cross-border transfer. A more specific, yet still limited, instrument in this field is the Convention on Certain Conventional Weapons (CCW), which was signed in 1981, entered into force two years later, along with its protocols [Cassese 2023:1155-1191]. For instance, Protocol IV on Blinding Laser Weapons established the first precedent for prohibiting a weapon with new, previously unused characteristics. However, it did not ban the further development and stockpiling of such weapons [Egel 2025:720-743].

Since 2014, discussions have continued within the Group of Governmental Experts on Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS) aimed at understanding the challenges associated with autonomy in armed conflict. Progress within the expert discussions of the CCW States Parties has not resulted in legally binding norms. However, the parties have managed to agree on 11 Guiding Principles regarding LAWS, which establish that: (a) IHL remains applicable; (b) responsibility for the use of LAWS cannot be transferred to machines; (c) progress in the use of AI for peaceful purposes must be taken into account. Although non-binding, these principles represent an important consensus and a foundation for further work. At the same time, a definition of LAWS has not been agreed upon, discussion on prohibitions has not yielded consensus, and the primary focus remains on issues of use rather than on the circulation of technology.

Export control regimes, such as the Wassenaar Arrangement, play an important role, but their effectiveness is often called into question. Although they address certain critically important components of military robots (e.g., sensors, guidance systems, and AI elements), their adaptation to modern realities does not always keep pace with technological development and fails to account for mass-market commercial platforms that are easily modified for military purposes [Sánchez-Cobaleda 2022:77-95]. Furthermore, these regimes are voluntary and focus on interstate transfers, thus failing to account for complex transnational supply chains and the activities of non-state actors, who are the main participants in the illicit market.

United Nations Security Council resolutions imposing arms embargoes on specific conflict zones could potentially also cover military robots. However, in practice, this is not always implemented [Biersteker, Brubaker, Lanz 2022:180-202]. The resolutions lack a clear definition of such systems, and specialists tasked with determining and imposing sanctions for violations in this area may lack sufficient expertise to identify them. Moreover, tracking the supply of small arms, especially in small batches such as unmanned aerial vehicles that can be transported in a private car, can be difficult. This results in resolutions not always effectively preventing the illicit trafficking of military robots.

Thus, the existing system of international treaties and regimes is characterized by fragmentation and incomplete coverage. However, it would be incorrect to assert that it is entirely incapable of addressing new challenges. The arguments of states opposing the immediate introduction of new prohibitions (including Russia) are as follows: (1) premature regulation may stifle innovation in defense; (2) existing IHL norms are sufficient, provided they are correctly

[10] International Committee of the Red Cross. Protocols Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949. 2010. URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/en/assets/files/other/icrc_002_0321.pdf (accessed date: 16.01.2026).

implemented; (3) the problem lies less with autonomy per se than with the unlawful acts of humans, which should be prosecuted under existing norms; (4) technical and procedural measures (standardization, marking, data sharing) are more effective than new legal prohibitions that are easily circumvented. These arguments warrant serious analysis and cannot be dismissed without evidence. Conversely, proponents of a new treaty point to the following counterarguments: (a) existing regimes do not account for the specific features of autonomy, particularly concerning the allocation of responsibility; (b) voluntary measures and "soft law" are insufficient to deter non-state actors; (c) experience with other types of weapons (cluster munitions, anti-personnel mines) demonstrates that legally binding prohibitions are what change state behavior.

In our view, the most serious problem is the absence of direct international prohibitions on the transfer of certain types of military robots, especially autonomous ones capable of delivering lethal strikes against an adversary, to non-state actors [Rosert, Sauer 2021:4-29]. Furthermore, there are no universal mechanisms for controlling the supply chains of dual-use components and no uniform identification standards. This legal uncertainty and incompleteness not only hinder the detection of unlawful operations but also contribute to the development of the illicit market. Therefore, the development of a new international agreement (or, as a compromise, a protocol to the CCW) appears desirable, although the authors acknowledge that consensus on such an instrument is unlikely in the foreseeable future.

As an alternative or intermediate approach (one shared, in particular, by the Russian Federation), it is proposed to focus on developing: (a) political declarations on principles of responsible behavior; (b) technical standards and verification procedures; (c) confidence-building and transparency measures; (d) harmonization of national legislation in the areas of export control and criminal liability for illicit trafficking. These measures could be implemented more quickly and with greater consensus than a full-fledged treaty. In this article, however, the authors focus on the treaty path, without denying the value of alternative approaches.

A key aspect of a potential treaty (or protocol) should be the unification of terminology [Jönsson 2024]. A legally binding definition of a "military robot" is necessary, one that accounts for its functional purpose and degree of autonomy in making critical decisions. Moreover, categories of systems should be clearly delineated based on the risk of their illicit proliferation. Without a clear terminological foundation, any subsequent obligations will be vague and difficult to enforce. At the same time, the definition must be sufficiently flexible to avoid becoming obsolete within a few years, yet specific enough to have practical value. One possible solution is to refer to technical annexes that can be updated by a conference of States Parties.

The agreement must be based on clear and unambiguous prohibitions on the transfer of certain types of military robots to non-state structures, including terrorist organizations, unlawful armed groups, and private military companies [Liang 2022:1-24]. Their production, purchase, stockpiling, and use by these structures should also be prohibited. However, control must extend not only to finished systems but also to critical components and dual-use technologies, such as specialized sensors, navigation and targeting systems, artificial intelligence algorithms for autonomous decision-making, and engines of a specified power threshold [Mandle, Pearson 2023: 60-86]. For this purpose, mechanisms for the identification, marking, and tracking of such components in global supply chains need to be developed.

However, the treaty should not be limited solely to imposing prohibitions. It must include the establishment of an effective international mechanism for control, monitoring, and enforcement of the established rules, this being the most complex yet most critical part of the agreement [Silva, Pellens, da Silva 2023]. This implies the creation of a permanent body empowered to collect and analyze data on the circulation of robots, including reports from States Parties on production, export, import, and incidents related to the illicit trafficking of robots and their components. Furthermore, this body should be authorized to conduct investigations of suspicious cases, develop mandatory technical standards for the marking and identification of systems, and facilitate international cooperation, including the exchange of intelligence information and assistance in strengthening national border and customs control capacities.

A key aspect of compliance should be the creation of effective liability mechanisms [Oimann, Salatino 2025:1757-1768]. These mechanisms should include both the international legal responsibility of States for violations of treaty obligations (e.g., for failing to take measures to prevent the illicit movement of robots and their components from their territory) and the obligation for States Parties to criminalize relevant acts in their national legislation and ensure the criminal prosecution of natural and legal persons involved in illicit trafficking.

Despite the complexity of the negotiation process, as evidenced by the protracted discussions within the CCW Group of Governmental Experts on LAWS control, successful existing models such as the Convention on Cluster Munitions or the Arms Trade Treaty (ATT), adapted to the specifics of robotic technologies, could serve as a starting point [Bhaskar, Magoge, Hashimy 2025:222-258]. However, it is important to acknowledge that these models are controversial. For example, the Convention on Cluster Munitions has not been supported by many major military powers (USA, Russia, China). A more realistic analogue might be not a mandatory treaty, but politically binding instruments such as the Ottawa Process on anti-personnel mines, although even that is not universal. The authors recognize that achieving a universal treaty will require significant diplomatic efforts and concessions.

The key distinctive feature of a new treaty should be its ability to stay ahead of its time. It must take into account not only current but also foreseeable technological trends, providing flexible procedures for updating the controlled lists of militarized robots and their components, as well as the criteria for their autonomy and lethality [Sauer 2021:237-250].

The development and adoption of such a targeted treaty is one possible, albeit challenging to achieve, direction. Only a legally binding instrument with a comprehensive mandate, encompassing clear prohibitions, uniform standards, and effective control and enforcement mechanisms, can create a reliable legal barrier against the development of the illicit military robot market. In the absence of such a treaty (which is more likely in the short and medium term), priority should be given to "soft law" measures, technical standards, strengthening national control regimes, and international law enforcement cooperation. Although not ideal, these measures can significantly reduce risks without waiting for an elusive consensus.

Moving from theory to the practical aspects of control, it becomes clear that an effective countermeasure against the illicit trafficking of military robots requires a multi-layered system of interconnected legal mechanisms. This system must be capable of functioning both in the absence of a universal treaty and should such a treaty emerge in the future. National regulatory systems play a key role in this process, and despite their specificities, they must include mandatory certification and licensing procedures for all critical components throughout the entire lifecycle of robots. This applies to all stages, from the development of autonomous targeting algorithms to the production of specialized sensors and final system assembly.

Special attention should be paid to implementing a legally binding digital product passport system for key dual-use components, such as onboard computers, navigation systems, and engines [Abedi, Saari, Hakola 2024:1-9]. This system should consolidate data on component origin, technical specifications, and chain of custody. This would create a technological basis for end-to-end traceability and significantly complicate document forgery in cases of illicit transactions.

Furthermore, strengthening customs controls is critically necessary. This requires the introduction of specialized inspection protocols, including spectral material analysis, firmware scanning for the presence of uncertified military software, and the creation of distributed databases of component "digital fingerprints". This would enable the prompt detection of illicit transit attempts, even for smaller systems.

At the international level, beyond the prospect of a new treaty, the urgent modernization of export control regimes such as the Wassenaar Arrangement and the Missile Technology Control Regime (MTCR) is required. Modernization should include the introduction of dynamic lists that are automatically updated based on machine analysis of patents, scientific publications, and tender data. This would allow for the prompt inclusion of new technologies, such as neuromorphic chips for real-time sensor data processing or swarming algorithms, on restrictive lists.

Specific attention should be directed towards financial and cyber monitoring mechanisms [Levi 2022:225-243]. Banks and payment systems should be required to use AI algorithms to detect suspicious transactions related to the procurement of large batches of commercial drones or specific components in high-risk regions for illicit re-export. Furthermore, international platforms for sharing data on cyberattacks targeting military robot developers aimed at stealing source code or hijacking control should be established.

Among procedural and investigative tools, the development of standardized protocols for forensic analysis of incidents involving military robots is of particular importance, including the extraction and verification of digital logs and the reconstruction of algorithmic decision-making processes [Casey, Bollé 2023]. Also playing a crucial role in this context are the harmonization of national criminal liability norms for smuggling, modification, and unauthorized use of such systems, as well as the formation of

joint investigative teams to probe the cross-border chains of illicit trafficking in robots and components for their manufacture.

The key principle underpinning the effectiveness of this complex system is the principle of "mutual reinforcement". This implies that data from digital marking should be automatically integrated into customs and financial monitoring systems. Information about attempts to circumvent export restrictions should be promptly transmitted to investigative authorities. Results of forensic incident analysis can influence certification standards and cyber defense requirements.

To create a reliable barrier against the illicit trafficking of military robots, it is insufficient merely to establish new prohibitions. It is necessary to create an intelligent control infrastructure that integrates technological advances (digital marking, AI-driven analysis), enhanced procedures (dynamic lists, inspection protocols), and more effective legal instruments (harmonized liability, international investigative mechanisms).

Only such a comprehensive system, operating at the intersection of national and international law, digital security, and operational cooperation, will be able to adapt in a timely manner and stay ahead of the constantly evolving methods used on the shadow market for military robots.

IV. Problems and prospects of development of international legal regulation of illegal trafficking of military robots

Before proceeding to analyze the negative consequences, it is important to note that autonomous military robots carry not only risks but also potential advantages. Proponents of their development point out that such systems may reduce personnel casualties, ensure greater compliance with IHL by eliminating human errors caused by stress or fatigue, enable faster and more effective responses to threats, and operate in environments hazardous to humans. These arguments should not be disregarded when assessing the risks of illicit trafficking. Nevertheless, illicit trafficking exacerbates precisely the negative aspects, thereby nullifying many of the potential benefits.

The uncontrolled proliferation of military robots through illicit channels leads to a number of mutually reinforcing adverse consequences that extend beyond the traditional risks associated with illicit arms trafficking. This creates fundamentally new threats to global security, stability, and the rule of law.

At the operational-tactical level, the most obvious and devastating consequence is the increase in the number of precision strikes against opponents [Plichta, Rossiter 2024:1001-1031]. Non-state actors, such as terrorist groups, organized criminal syndicates, and uncontrolled armed groups, gain access to armed drones and autonomous systems. This enables them to carry out asymmetric attacks with unprecedented accuracy, minimizing risks to perpetrators and reducing the effectiveness of defensive measures. Such technologies not only expand the scale and efficiency of terrorist acts (as demonstrated by the attacks on oil facilities in Saudi Arabia or the use of suicide drones in conflicts worldwide) but also radically alter the nature of urban warfare and the protection of critical infrastructure. Facilities previously considered secure now become vulnerable.

Concurrently, a serious crisis arises in establishing responsibility for resulting harm [Sparrow 2007:62-77]. The autonomy of these systems, particularly in cases of unlawful use, significantly complicates, and sometimes renders impossible, the identification of the specific party responsible for a violation of International Humanitarian Law. The question arises: did the incident result from the deliberate actions of a malicious actor, operator error, an algorithmic malfunction, an external cyberattack, or the unintentional transfer of the system into criminal hands? Such uncertainty jeopardizes the very possibility of accountability, creating a dangerous precedent of impunity and undermining the norms of IHL. States may invoke technical failures or actions by unidentified third parties as a pretext to evade responsibility.

At the strategic level, illicit trafficking in weapons and military equipment can lead to regional destabilization and weaken arms control [Futter 2015]. The widespread emergence of sophisticated military robots among non-state actors or small states lacking professional armed forces may disrupt the existing balance of power, provoke preemptive strikes from both sides of conflicts, and trigger an arms race in robotics and countermeasure technologies. This will divert resources away from sustainable development and increase the risk of escalation, even in local conflicts.

Of particular concern is the illicit trade in technologies, including components for autonomous systems, which allows circumvention of existing non-proliferation regimes for various types of weapons and creates the threat of novel weapons of mass destruction such as, for example, swarms of autonomous drones equipped with chemical or biological agents [Chen, Liu, Guo, Kato 2020:278-283].

The illicit spread of technologies creates new flashpoints and makes conflicts more devastating and unpredictable. The legal consequences of this phenomenon are systemic in nature. The very fact of large-scale illicit trafficking undermines the legitimacy and effectiveness of key branches of international law [Crawford 2013]. The principle of state sovereignty and the duty to ensure security on one's own territory come into conflict with the impossibility of fully controlling rapid technological flows.

The norms governing state responsibility for internationally wrongful acts, as contained in the UN International Law Commission's Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, are becoming increasingly less applicable in the context of autonomous systems used by non-state actors [Murphy, Rubin 2025:159-172]. In particular, questions arise as to the classification as an "armed attack" of an act of aggression committed by an autonomous robot supplied by an unknown non-state intermediary at the behest of another state. This uncertainty may lead either to the unjustified invocation of the right to self-defense or to inaction in the face of a genuine threat.

Furthermore, the long-term socio-technical and ethical implications of using autonomous systems are linked to a profound transformation in the nature of violence and a lowering of the threshold for its use. The ease of acquiring and deploying military robots reduces the psychological and political costs of instigating conflicts. Broad access to the ability to livestream killings from cameras mounted on autonomous systems, combined with the algorithmic distance between the operator/developer and the victim, leads to a deep dehumanization of war. This lowers moral barriers and simplifies decisions to use force [Von Heinegg, Frau, Singer 2018].

The illicit market, which makes military robotics more accessible, contributes to the "normalization" of robotic violence in public consciousness and in the practice of non-state groups. This creates a vicious cycle: the wider the proliferation, the greater the demand and the opportunities for further development of shadow supply chains, which in turn complicates control over the circulation of military robots. This leads to negative consequences for all humanity, creating a new threat paradigm characterized by heightened danger and management complexity. Within this paradigm, technological complexity, legal uncertainty, and ethical degradation converge.

As stated earlier, combating illicit trafficking in military robots requires a comprehensive approach that is not limited solely to legislative restrictions. It is essential to create a dynamic system of proactive and enforcement measures, integrating technological, operational, and humanitarian tools to eliminate the threat at all stages of its emergence and realization. A key element of such a system must be the mandatory ethical certification of algorithms. This should include independent auditing of the source code of autonomous systems for built-in mechanisms preventing unauthorized use, the ability to detect attempts at reprogramming, and compliance with IHL norms. It is also critically important to ensure an open architecture framework for non-lethal components. This would enable international inspectors and national regulators to verify the absence of hidden vulnerabilities or functions that could be exploited in illicit trafficking [Ferenc, Dimić, Lutovac, Vidaković, Kvrgić 2013:89-100].

At the operational response level, the establishment of specialized inter-agency "counter-drone defense" centers is of key importance. These centers would combine the capabilities of air defense, electronic warfare, cyber intelligence, and law enforcement. Their task would be to track, intercept, and neutralize unauthorized use of aerial systems in real time using adapted protocols. Particular attention should be paid to "humanitarian intelligence". This entails the systematic collection and analysis of information from non-governmental organizations, journalists, and local communities regarding suspicious movements of components, makeshift drone assembly workshops, or instances of unknown robotic systems being used in conflict zones. Such data must be promptly verified through satellite monitoring and inter-state information exchange channels.

To counter the shadow market, it is necessary to develop algorithms for analyzing blockchain transactions. These algorithms would track anomalous payment patterns for electronics shipments to regions at high risk of re-export. Furthermore, mandatory declaration of ultimate beneficial owners should be introduced for companies producing critical dual-use components.

In the realm of international cooperation, the creation of investigative teams should play a key role. Such teams would be authorized to conduct searches of digital infrastructure, including cloud servers containing telemetry data and industrial equipment exchanges, upon detection of signs of transnational smuggling. It is also necessary to standardize digital forensics protocols for the accurate attribution of incidents [Eichensehr 2019:213-217]. This would include extracting logs from autonomous systems and reconstructing the algorithmic chain of decision-making.

To reduce demand for military robot components on the illicit market, a global campaign should be conducted to enhance technological literacy among non-state actors. This campaign would explain the legal and operational risks associated with using uncontrolled systems, including the risks of hacking and loss of control. Additionally, an international ethical code for robotics developers should be developed. This code would encourage voluntary withdrawal from projects lacking safeguards against unauthorized militarization.

Beyond the foregoing, modern legal regulation in the field of robotics requires the determination of legal liability for the illicit trafficking of military robots. The complexity of this task stems from the pervasive use of modern technologies and the infliction of harm through them, necessitating a revision of traditional legal constructs in the context of a manifold increase in the number of persons capable of committing offenses using modern AI-based systems.

The main problem lies in the fact that existing international and national liability regimes, which were designed for conventional weapons, are ill-suited for situations where an unlawfully transferred autonomous system independently commits wrongful acts. At the level of state responsibility, the principle persists that a state is responsible for acts occurring on its territory. Under the UN International Law Commission's Draft Articles on State Responsibility [Crawford 2002], problems arise in proving effective control over non-state actors that have gained access to robotic systems through shadow channels. It is also difficult to establish the fact of "tacit consent" to such supplies.

To address this problem, the introduction of an obligation to suppress unlawful transfers of militarized robotics technology is proposed. A more promising direction is the development of the concept of "strict liability" [Wendehorst 2020] for harm caused by military robots exported from the territory of the state where they were manufactured.

For natural and legal persons, the harmonization of criminal legislation is crucial. This includes: defining illicit trafficking in critical components (such as sensors and AI modules) as a form of material support to terrorism, even in the absence of evidence of end use; introducing a so-called "duty of care" [Matthews, Greenspan 2020:211-248] for developers, obliging them to implement technical measures preventing the unauthorized military use of their products; and establishing criminal liability for the deliberate disabling of audit and telemetry systems on commercial platforms.

Establishing causation is particularly complex when autonomous systems involving multiple parties are used: the manufacturer (potentially legitimate), the illegal distributor, the operator with questionable legal status, and the algorithm itself. To resolve this problem, it is necessary to develop an international digital forensics protocol. Such a protocol would mandate the preservation of so-called "black boxes" containing detailed decision-making logs and sensor data; establish independent algorithm verification centers for retrospective incident analysis; and recognize digital evidence, such as blockchain records of robot or component transfers and software hashes, as admissible in court.

An innovative tool could be the introduction of "cascading liability", whereby the burden of proving absence of fault is distributed among all participants in the chain. The exporting state would have to demonstrate compliance with re-export control measures; the developer, the presence of built-in safeguards against unauthorized use; and the end-user, the lawful acquisition of the robotic system.

An additional mechanism would be the creation of an international registry of "critical incidents" related to the unlawful use of military robots. This registry would document violations and contribute to the formation of case law. Universal jurisdiction should be recognized for particularly serious crimes such as genocide and crimes against humanity committed using autonomous systems, regardless of the place of commission or the nationality of the perpetrator. To establish an effective liability regime, it is essential not only to develop new norms but also to adapt existing legal constructs to contemporary realities.

V. Conclusion

The conducted analysis demonstrates that the problem of unlawful traffic in military robots, driven by the rapid development of autonomous technologies and the accessibility of dual-use platforms, has evolved into a serious threat to international security and humanitarian stability. At the same time, as shown in the article, a wide range of opinions exists as to the extent to which existing international law addresses this threat and what measures are necessary. The existing international legal framework, which represents a collection of fragmented and outdated norms of international humanitarian law, limited arms control regimes, and inadequate export restrictions, may prove insufficiently effective in countering this threat.

The regulatory crisis manifests in the fact that legal definitions and classifications do not always correspond to contemporary technological realities. Measures aimed at countering non-state actors and the mass market for commercial unmanned aerial vehicles prove inadequate. Traditional legal mechanisms used to determine responsibility cannot always cope with the distributed nature of harm caused by autonomous systems.

Overcoming this crisis requires a comprehensive set of measures at both the international and national levels. One possible avenue is the development of a specialized international treaty or a protocol to the Convention on Certain Conventional Weapons (CCW). Such a treaty could establish universal definitions, as well as introduce strict prohibitions on the transfer of certain classes of systems to non-state actors. Furthermore, it could regulate the use of dual-use components. It would also be desirable to create an effective verification and monitoring mechanism under the direction of an international supervisory body. At the same time, given the lack of consensus on such a treaty, the priority measures for the foreseeable future should include the harmonization of national legislation in the areas of export control and criminal liability, the introduction of digital marking systems and technical standards, the strengthening of international law enforcement cooperation, and the development of political declarations and codes of conduct.

In addition, a reform of liability institutions is necessary, which may include the harmonization of criminal laws, the establishment of duties for developers, and the recognition of universal jurisdiction for serious crimes. Delay in creating this multi-layered system could lead to irreversible consequences, although the authors acknowledge that technological and political realities make a rapid solution to the problem unlikely. The effectiveness of norms of international humanitarian law may be called into question, the strategic balance may be disrupted, and the concept of war based on the uncontrolled use of robotics may become more widespread.

Only concerted action, encompassing both treaty-based regulation and technologically grounded control measures, as well as enhanced legal mechanisms of collective responsibility, can provide a reliable barrier against this growing threat and preserve the foundations of the international legal order in an era of unprecedented advances in robotics. At the same time, the authors recognize that the ultimate choice between prohibitive and regulatory approaches is a matter of political compromise among states, and this article offers only one possible variant of such a compromise.

References

1. Abedi F., Saari U. A., Hakola L. Implementation and Adoption of Digital Product Passports: A Systematic Literature Review. – *2024 IEEE International Conference on Engineering, Technology, and Innovation (ICE/ITMC).* June 2024. P. 1-9. DOI: 10.1109/ICE/ITMC61926.2024.10794320.
2. Anderson K., Reisner D., Waxman M. Adapting the Law of Armed Conflict to Autonomous Weapon Systems. – *International Law Studies.* 2014. Vol. 90. P. 386-411.
3. Aubin Y., Idiart A. (eds.) *Export Control Law and Regulations Handbook: A Practical Guide to Military and Dual-Use Goods Trade Restrictions and Compliance.* Kluwer Law International BV. 2016. 440 p.
4. Begishev I.R. Kriminologicheskaya klassifikaciya robotov: risk-orientirovannyj podhod [Criminological Classification of Robots: A Risk-Based Approach]. – *Pravoprimenenie [Law Enforcement Review].* 2021. Vol. 5. Issue 1. P. 185-201. DOI: 10.24147/2542-1514.2021.5(1).185-201. (In Russ.)
5. Bhaskar N., Magoge J. S., Hashimy S. Q. Technology Transfer in the Era of Military Conflict: Legal Challenges for International Trade and International Humanitarian Law. – *Journal of Digital Technologies and Law.* 2025. Vol.3. Issue 2. P. 222-258. DOI: 10.21202/jdtl.2025.10.
6. Biersteker T.J., Brubaker R., Lanz D. Exploring the Relationships Between UN Sanctions and Mediation. – *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations.* 2022. Vol. 28. Issue 2. P. 180-202. DOI: 10.1163/19426720-02802002.
7. Boothby W.H. *Weapons and the Law of Armed Conflict.* Oxford University Press. 2009. 412 p.
8. Bunker R. J., Sullivan J. P. (eds.) *Criminal Drone Evolution: Cartel Weaponization of Aerial IEDs.* Xlibris Corporation. 2021.
9. Casey E., Bollé T. Formalising Representation and Interpretation of Digital Evidence to Reinforce Reasoning and Automated Analysis. – *Artificial Intelligence (AI) in Forensic Sciences.* 2023. Vol. 74.
10. Cassese A. Means of Warfare: The Traditional and the New Law. – *Journal of International Criminal Justice.* 2023. Vol. 21. Issue 5. P. 1155–1191. DOI: 10.1093/jicj/mqad054.
11. Chen W., Liu J., Guo H., Kato N. Toward Robust and Intelligent Drone Swarm: Challenges and Future Directions. – *IEEE Network.* 2020. Vol. 34. Issue 4. P. 278–283. DOI: 10.1109/MNET.001.1900521.
12. Crawford J. *State Responsibility: The General Part.* Cambridge University Press. 2013.
13. Crawford J. *The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries.* Cambridge University Press. 2002.
14. Crootof R. War Torts: Accountability for Autonomous Weapons. – *University of Pennsylvania Law Review.* 2015. Vol. 164. P. 1347–1402.

15. Dinstein Y. *The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict. 4th ed.* Cambridge University Press. 2022. DOI: 10.1017/CBO9781316389591.
16. Egel N. Anticipatory Governance and New Weapons of War: Lessons from the Convention on Certain Conventional Weapons. – *Journal of Strategic Studies.* 2025. Vol. 48. Issue 3. P. 720-743. DOI: 10.1080/01402390.2024.2442683.
17. Eichensehr K. E. Decentralized Cyberattack Attribution. – *American Journal of International Law Unbound.* 2019. Vol. 113. P. 213-217. DOI: 10.1017/aju.2019.33.
18. Ferenc G., Dimić Z., Lutovac M., Vidaković J., Kvrgić V. Open Architecture Platforms for the Control of Robotic Systems and a Proposed Reference Architecture Model. – *Transactions of FAMENA.* 2013. Vol. 37. Issue 1. P. 89-100.
19. Futter A. *The Politics of Nuclear Weapons.* SAGE Publications Ltd. 2015. 280 p.
20. Geiss R., Lahmann H. Autonomous Weapons Systems: A Paradigm Shift for the Law of Armed Conflict? – *Research Handbook on Remote Warfare.* Ed. by J. D. Ohlin. Edward Elgar Publishing. 2017. P. 371-404.
21. Glebov I. N. Pravovoe regulirovanie avtonomnykh robotizirovannykh sredstv vedeniia voiny [Legal Regulation of Autonomous Robotic Means of Warfare]. – *Rossiiskoe gosudarstvovedenie* [Russian State Studies]. 2018. № 3. P. 104-116. (In Russ.).
22. Horowitz M. C., Scharre P. *Meaningful Human Control in Weapon Systems.* Center for a New American Security. 2015.
23. Jönsson O. *Transfer of Agency in Warfare: Autonomous Weapon Systems and the Means/Method Divide under IHL*. 2024.
24. Krishnan A. *Killer Robots: Legality and Ethicality of Autonomous Weapons.* Routledge. 2016. 216 p.
25. Levi M. Money Laundering. – *Research Handbook of Comparative Criminal Justice.* Ed. by D. Nelken. Edward Elgar Publishing. 2022. P. 225-243.
26. Liang C. S. Technology and Terror: The New Arsenal of Anarchy. – *Handbook of Security Science.* Ed. by C. S. Liang. Springer. 2022. P. 1-24.
27. Malsch I. The Just War Theory and the Ethical Governance of Research. – *Science and Engineering Ethics.* 2013. Vol. 19. Issue 2. P. 461-486.
28. Mandle L. J., Pearson F. S. International Arms Trade and Transfers: Rising Producers, Advanced Technology, and Adapting Regulations. – *International Journal.* 2023. Vol. 78. Issue 1-2. P. 60-86. DOI: 10.1177/0020702023117905.
29. Matthews P., Greenspan S. Robots in Society: Corporate Responsibilities. – *Automation and Collaborative Robotics: A Guide to the Future of Work.* Apress. 2020. P. 211-248. DOI: 10.1007/978-1-4842-5964-1_7.
30. Murphy D., Rubin L. The Fourth Industrial Revolution and International Security. – *Survival*. 2025. Vol. 67. Issue 1. P. 159-172. DOI: 10.1080/00396338.2025.2459023.
31. Oimann A. K., Salatino A. Command Responsibility in Military AI Contexts: Balancing Theory and Practicality. – *AI and Ethics.* 2025. Vol. 5. Issue 2. P. 1757-1768. DOI: 10.1007/s43681-024-00512-8.
32. Plichta M., Rossiter A. A One-Way Attack Drone Revolution? Affordable Mass Precision in Modern Conflict. – *Journal of Strategic Studies.* 2024. Vol. 47. Issue 6-7. P. 1001-1031. DOI: 10.1080/01402390.2024.2385843.
33. Rosert E., Sauer F. How (Not) to Stop the Killer Robots: A Comparative Analysis of Humanitarian Disarmament Campaign Strategies. – *Contemporary Security Policy.* 2021. Vol. 42. Issue 1. P. 4-29. DOI: 10.1080/13523260.2020.1771508.
34. Rosert E., Sauer F. Prohibiting Autonomous Weapons: Put Human Dignity First. – *Global Policy.* 2019. Vol. 10. Issue 3. P. 370-375.
35. Russell S. Artificial Intelligence and the Problem of Control. – *Perspectives on Digital Humanism.* 2022. P. 19-322. DOI: 10.1007/978-3-030-86144-5_3.
36. Sánchez-Cobaleda A. Defining "Dual-Use Items": Legal Approximations to an Ever-Relevant Notion. – *The Nonproliferation Review.* 2022. Vol. 29. Issue 1-3. P. 77-95. DOI: 10.1080/10736700.2023.2202966.
37. Sassòli M. *International Humanitarian Law: Rules, Controversies, and Solutions to Problems Arising in Warfare.* Edward Elgar Publishing. 2019. 720 p.
38. Sauer F. Lethal Autonomous Weapons Systems. – *The Routledge Social Science Handbook of AI.* Ed. by A. Elliott. Routledge. 2021. P. 237-250.
39. Scharre P. *Army of None: Autonomous Weapons and the Future of War.* W.W. Norton & Company. 2018. 384 p.
40. Schmitt M.N. (ed.) *Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations.* Cambridge University Press. 2013. 215 p.
41. Silva B.T.P., Pellens P.C., da Silva I.D.C.A. *The Arms Trade Treaty and Illicit Trade under International Humanitarian Law.* – Caderno de ANAIS HOME. 2023. 21 p.
42. Sparrow R. Killer Robots. – *Journal of Applied Philosophy.* 2007. Vol. 24. Issue 1. P. 62-77. DOI: 10.1111/j.1468-5930.2007.00346.x.
43. Springer P. J. *Military Robots and Drones: A Reference Handbook*. ABC-CLIO. 2013. 312 p.
44. Ventura M. R. Arms Control and Disarmament: Legitimacy, War, and Peace. *International Studies Honors Projects.* 2018. Vol. 30.
45. Von Heinegg W.H., Frau R., Singer T. *Dehumanization of Warfare.* Springer. 2018. 233 p. DOI: 10.1007/978-3-319-67266-3.
46. Wagner M. The Dehumanization of International Humanitarian Law: Legal, Ethical, and Political Implications of Autonomous Weapon Systems. – *Vanderbilt Journal of Transnational Law.* 2014. Vol. 47. P. 1371-1422.
47. Wendehorst C. Strict Liability for AI and Other Emerging Technologies. – *Journal of European Tort Law.* 2020. Vol. 11. Issue 2. P. 150-180. DOI: 10.1515/jetl-2020-0140.

About the Authors

Ildar R. BEGISHEV
Doctor of Juridical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Chief Researcher at the Scientific Research Institute of Digital Technologies and Law, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

42, Moskovskaya St., Kazan, Russian Federation, 420111

begishev@mail.ru
ORCID 0000-0001-5619-4025

Denis S. KIIKO
Postgraduate student of the Department of Criminal Law and Procedure, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

42, Moskovskaya St., Kazan, Russian Federation, 420111

deniskiiko@yandex.ru
ORCID 0009-0004-5309-6410

Информация об авторах

Ильдар Рустамович БЕГИШЕВ
Доктор юридических наук, член-корреспондент Академии военных наук Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Татарстан, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова

Московская ул., 42, Казань, 420111, Российская Федерация

begishev@mail.ru
ORCID 0000-0001-5619-4025

Денис Сергеевич КИЙКО
Аспирант кафедры уголовного права и процесса, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова

Московская ул., 42, Казань, 420111, Российская Федерация

deniskiiko@yandex.ru
ORCID 0009-0004-5309-6410

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-76-102

Исследовательская статья
УДК: 341.229
Поступила в редакцию: 10.12.2025
Принята к публикации: 19.05.2026

Мариам Романовна ЮЗБАШЯН
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
m_you@mail.ru
ORCID 0000-0003-3231-8489

К ГАРМОНИЗАЦИИ ПОДХОДОВ РОССИИ, КИТАЯ, СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ К МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМУ РЕЖИМУ КОСМИЧЕСКОЙ ПРИРОДОРЕСУРСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ. *Актуальный этап развития космической деятельности в условиях геополитических тенденций объединения государств в конкурирующие блоки представляет значительный научно-практический интерес для стратегического прогнозирования путей развития международного космического права (далее – МКП) и, соответственно, планирования приоритетных из возможных поэтапных действий, в том числе с целью эффективного представления государственных интересов в формирующемся регулировании новых видов деятельности в космическом пространстве. Одним из наиболее показательных в обозначенном контексте, в том числе ввиду его «структурированности», является вопрос о правовом режиме деятельности, связанной с космическими ресурсами. Исследование сообразно посвящено: системному анализу современных тенденций развития соперничества/сотрудничества двух альтернативных международных лунных проектов «Артемида» и «Международная научная лунная станция» (далее – МНЛС) в их правовом измерении (в качестве фактора фундаментального значения в рассматриваемом ракурсе); определению возможных и целесообразных путей, форм, уровней, а также приоритетных направлений гармонизации соответствующих подходов ведущих представителей обоих проектов, США, с одной стороны, и Китая и России, с другой стороны, соответственно, на примере будущего универсального международно-правового режима природоресурсной деятельности в космосе.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Теоретическую основу исследования составляют научные труды юристов-международников, в том числе авторитетных специалистов по МКП; а также для верного отображения и учета вопросов факта для целей правового исследования – профильных специалистов в области космической экономики, науки о космосе и космической техники. В фокусе анализа (помимо принципов и норм международного космического права) система следующих актов и документов: 1) Соглашения «Артемида» и Соглашение по МНЛС в качестве центрального по значению элемента; 2) позиции Китая,*

России и Соединенных Штатов Америки (далее – США) в профильной Рабочей группе Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу как дополнительного элемента для понимания соответствующих подходов, отраженных в указанных соглашениях; 3) национальное законодательство о космических ресурсах, основные акты которого «предшествовали» двум обозначенным выше элементам, для отображения единой картины взаимосвязанных предметных правовых и экономических процессов. Методология включает анализ, синтез, аналогию, а также сочетание сравнительно-правового и системного методов, моделирования и прогнозирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *1. Несмотря на de jure различный статус Соглашений «Артемида» и Соглашения по МНЛС, наличествуют достаточные основания для предметного сопоставления их положений по существу с целью определения приоритетных направлений гармонизации правовых подходов России, Китая и США посредством выявления потенциальных сфер и видов конкурирующей деятельности в обоих международных лунных проектах, а также оценки таковых в ракурсе вероятности приближения к «критической точке». 2. В качестве международно-правовой основы совместной деятельности в преамбулах обоих соглашений обозначены четыре из пяти договоров ООН по космосу (кроме Соглашения о Луне 1979 г.), в которых участвуют Китай, Россия и США. 3. В отсутствие прямой координации конкурирующих видов деятельности востребованными становятся дополнительные механизмы предварительной проработки возможности сближения соответствующих подходов, включая правовые. В настоящее время помимо Рабочей группы по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами (далее – Рабочая группа), такие возможности предоставляют БРИКС, Азиатско-тихоокеанская организация космического сотрудничества (далее – АТОКС); следует ожидать появления новых форматов межсубъектного взаимодействия. 4. Системная национально-законодательная определенность при всестороннем регулировании частной космической деятельности (в пределах, допустимых международными обязательствами) обеспечивает условия для оперативного (не ожидая широкой реализации конкретного вида регулируемой деятельности) достижения значимых экономических результатов. В Китае и России востребованы соответствующие дополнительные законодательные механизмы. 5. Содержание Первоначального проекта свода рекомендуемых принципов Рабочей группы, как и позиций государств по нему, свидетельствует о сложившемся «общем понимании»: деятельность, связанная с космическими ресурсами, Договором по космосу 1967 г. не запрещена и, естественно, им в общем порядке, как и другие виды космической деятельности, регулируется.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *1. Очевидные отличия в статусе Соглашений «Артемида» и Соглашения по МНЛС нивелируются выявленной спецификой последующей имплементации положений Соглашений «Артемида». 2. Соглашение по МЛНС, сопоставимое с Межправительственным соглашением по МКС 1998 г., не содержит положений, определяющих правовой режим связанной с космическими ресурсами деятельности. Соглашения «Артемида», напротив, имеют беспрецедентный для отраслевого развития характер, прежде всего, по подходу государств-участников к установлению «зон безопасности». 3. Востребованным на практике и не противоречащим действующему регулированию (в отличие от «зон безопасности») может стать предложение Китая о создании Секретариатом ООН специального реестра космических объектов на Луне и других небесных телах. Такой дополнительный реестр или, что более рационально, выделение космических объектов на небесных телах в отдельную категорию действующего Международного реестра объектов, запущенных в космическое пространство, мог бы способствовать профильной координации конкурирующих и взаимодополняющих видов деятельности на небесных телах. 4. Соглашения «Артемида», в отличие от Закона США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г., не устанавливает прав собственности в отношении «добытых космических ресурсов». В п. 1 раздела 10 Соглашений отмечено, что «использование космических ресурсов может принести пользу человечеству, обеспечивая необходимую поддержку безопасной и устойчивой работы». Это положение – констатация соотносится с аналогичными положениями Соглашения по МНЛС об использовании лунных ресурсов. 5. При определении вопросов для начальной гармонизации подходов Китая, России, США целесообразно исходить из приоритетов по целям и направлениям космической природоресурсной деятельности (использование лунных ресурсов для поддержания жизнедеятельности*

в космическом пространстве – концепция In-Situ Resource Utilization (далее – ISRU), совпадающим в Соглашениях «Артемида», Соглашении по МНЛС, в Первоначальном проекте свода рекомендуемых принципов Рабочей группы, в соответствующих позициях государств. 6. Основной стимул к трансформации актуального соперничества в эффективное международно-правовое сотрудничество будет исходить из области практических интересов задействованных субъектов недопущения приближения к «критической точке» – невозможности стабильного развития конкурирующих видов природоресурсной деятельности в космосе (в относительно краткосрочной перспективе – в рамках концепции ISRU). 7. Только международный договор сможет обеспечить эффективную координацию деятельности за пределами национальной юрисдикции. Гармонизация предметных подходов Китая, России и США может стать значимым шагом на пути к разработке специального универсального режима.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *международное космическое право; Договор по космосу 1967 г.; международные лунные проекты; соперничество/сотрудничество в космосе; природные ресурсы небесных тел; космические ресурсы; деятельность, связанная с космическими ресурсами; Соглашение Китая и России по Международной научной лунной станции; Соглашения «Артемида»; национальное законодательство о космических ресурсах; Комитет ООН использованию космического пространства в мирных целях; Рабочая группа по правовым вопросам деятельности, связанной с космическими ресурсами; международно-правовой режим космической природоресурсной деятельности; стратегическое прогнозирование*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юзбашян М.Р. 2026. К гармонизации подходов России, Китая, Соединенных Штатов Америки к международно-правовому режиму космической природоресурсной деятельности. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 76–102. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-76-102

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00977, https://rscf.ru/project/23-18-00977/.

SPACE LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-76-102

Research article
UDC: 341.229
Received 10 December 2025
Approved 19 May 2026

Mariam R. YUZBASHYAN
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
m_you@mail.ru
ORCID 0000-0003-3231-8489

REGARDING HARMONIZATION OF THE APPROACHES OF RUSSIA, CHINA, THE UNITED STATES ON THE INTERNATIONAL LEGAL REGIME ON SPACE RESOURCE ACTIVITIES

INTRODUCTION. *In view of global competition/cooperation trends in Moon exploration the current stage of space activities development, provided an effective response to the system "new great challenges", can become a period of not only inevitable objective changes, but also global opportunities for the progressive development of international space law in the interests of all states. One of the most illustrative examples in this context, partly due to its "structured nature" is the question of the legal regime governing space resource activities. The research is accordingly dedicated to: 1) Systemic analysis of contemporary trends in the competition/cooperation between the two alternative international lunar projects, the "Artemis" and the "International Lunar Research Station" (ILRS), in their legal dimension (as a factor of fundamental significance in this regard); 2) Defining possible and appropriate paths, forms, levels, and priority directions for harmonizing relevant approaches of China, Russia, the United States on the example of a future international legal regime for space resource activities.*

MATERIALS AND METHODS. *The theoretical background of this research consists of works of Russian and foreign legal scholars, including leading experts in international space law (ISL); as well as, for matters of fact for the purposes of legal research, of experts in the field of space economics, space science, and space technology. In addition to the ISL principles and rules) the analysis is based on a system of the following acts and documents: 1) the Artemis Accords and the Agreement on the International Lunar Research Station (the ILRS Agreement) as main elements; 2) the positions of China, Russia, and the USA within the relevant Working Group of the Legal Subcommittee of the UN Committee on the Peaceful Uses of Outer Space as an additional element for understanding the respective approaches reflected in the indicated agreements; national legislation on space resources, the main acts of which "preceded" the two elements indicated above, to provide a unified vision of interconnected substantive legal and economic processes. The methodology includes analysis, synthesis, analogy, as well as a combination of comparative legal and systemic methods, modeling, and forecasting.*

RESEARCH RESULTS. *1. Despite the de jure different status of the Artemis Accords and the ILRS Agreement, there are sufficient grounds for a substantive comparison of their provisions in order to determine priority directions for harmonizing the legal approaches of Russia, China, and the USA by identifying potential areas and types of competing activities in both international lunar projects, as well as assessing them in terms of the likelihood of approaching a "critical point". 2. Four of the five United Nations treaties on outer space (except the 1979 Moon Agreement, in which China, Russia, and the United States do not participate) are included in the preambles of both agreements as the international legal basis for joint space activities. 3. In the absence of direct coordination of competing activities, additional mechanisms for preliminary harmonization of the respective approaches, including legal ones, are required. Currently, besides the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities, such opportunities are provided within BRICS, APSCO; emergence of new formats of intersubject interaction should be expected. 4. Comprehensive regulation of private space activities (within the limits permitted by international obligations) provides conditions for the prompt achievement (without waiting for the broad implementation of a specific type of regulated activity) of significant economic results. Corresponding additional legislative mechanisms are in demand in China and Russia. 5. The content of the Initial Draft Set of Recommended Principles for Space Resource Activities of the Working Group, as well as the positions of states on it, indicates an established "common understanding": space resource activities are not prohibited by the 1967 Outer Space Treaty and fall within its scope, like other types of space activities.*

DISCUSSION AND CONCLUSION. *1. The obvious differences in the status of the Artemis Accords and the ILRS Agreement are leveled by the identified specifics of the subsequent implementation of the provisions of the Artemis Accords. 2. The ILRS Agreement (comparable to the 1998 Intergovernmental Agreement on the ISS) does not contain provisions defining the legal regime of space resource activities. The Artemis Accords, on the contrary, have an unprecedented character, primarily in the approach of participating states to establishing "safety zones". 3. A proposal by China to create a special registry of space objects on the Moon and other celestial bodies by the UN Secretariat, which is in demand in practice and do not contradict applicable international law principles and norms (unlike the "safety zones"), may become relevant. Such an additional registry or, more rationally, the allocation of space objects on celestial bodies into a separate category of the existing United Nations Register of Objects Launched into Outer Space could facilitate coordination of competing and complementary types of activities on celestial bodies. 4. The Artemis Accords, unlike the US Space*

Resource Exploration and Utilization Act of 2015, does not establish property rights to the "extracted space resources." Paragraph 1 of Section 10 notes that "the utilization of space resources can benefit humankind by providing critical support for safe and sustainable operations". This provision corresponds with similar provisions of the ILRS Agreement on the use of lunar resources. 5. When defining issues for the initial harmonization of approaches of China, Russia, and the USA, it is advisable to proceed from priorities regarding the goals and directions of space resource activities (use of lunar resources for life support in outer space – the concept of "In-Situ Resource Utilization" (ISRU), that coincide in the Artemis Accords, the ILRS Agreement, the Initial Draft Set of Recommended Principles of the Working Group, and the relevant positions of states. 6) The main incentive for transforming current rivalry into effective international legal cooperation will come from the practical interests of the involved entities to prevent approaching the "critical point" – the impossibility of stable development of competing types of natural resource activities in outer space (in the relatively short term – within the framework of the ISRU concept). 7) Only an international treaty can ensure effective coordination of activities beyond national jurisdiction. Harmonization of the substantive approaches of China, Russia, and the USA can become a significant step towards the development of a special international legal regime.

KEYWORDS: *International space law; the Outer Space Treaty of 1967; international moon projects; competition/cooperation in outer space; natural resources of celestial bodies; space resources; space resource activities; the Intergovernmental Agreement between China and Russia on the International Lunar Research Station; the Artemis Accords; national legislation on space resources; the United Nations Committee on the Peaceful Uses of Outer Space; Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities; international law regime on space resource activities; strategic foresight*

FOR CITATION: Yuzbashyan M.R. Regarding Harmonization of the Approaches of Russia, China, The United States on the International Legal Regime on Space Resource Activities. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 76–102. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-76-102

The author declares the absence of conflict of interest.

Acknowledgements: The research is funded by the grant of the Russian Science Foundation № 23-18-00977, https://rscf.ru/project/23-18-00977/.

1. Введение

Соперничество и/или сотрудничество в космосе: правовое измерение (к целесообразности отраслевого стратегического прогнозирования и планирования)

De jure статус космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, в качестве объекта регулирования МКП был нормативно закреплен спустя десять лет после запуска в Союзе Советских Социалистических Республик (далее – СССР) 4 октября 1957 г. первого искусственного спутника Земли. Это событие произошло 10 октября 1967 г.[1], когда вступил в силу *Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела*[2] (Договор по космосу 1967 г.). *De facto*[3] столь скорые в международно-правовом контексте результаты были достигнуты в условиях острого противостояния сверхдержав того времени. Это суждение, нацеленное

[1] В резолюции 54/68 от 6 декабря 1999 г. Генеральная Ассамблея провозгласила Всемирную неделю космоса, ежегодное событие, которое отмечается в период с 4 по 10 октября, таким образом подчеркнув значение обоих событий.

[2] На май 2026 г. количество государств-участников Договора по космосу 1967 г. – 118. URL: https://treaties.un.org/pages/showdetails.aspx?objid=0800000280128cbd (дата обращения: 14.04.2026).

[3] В обозначенном контексте *de jure* и *de facto* относятся к различным аспектам объекта исследования, прямого противопоставления нет.

на выявление *специфики соотношения и взаимосвязи тенденций соперничества и/или*[4] *сотрудничества в космосе с их правовым измерением*[5], основано на выводах выдающихся ученых и дипломатов, участников переговоров по разработке пяти договоров Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по космосу[6] в составе делегаций государств или председательствовавших на сессиях *Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях* (Комитет ООН по космосу), его *Юридического подкомитета.* Вклад этих личностей в становление и развитие МКП признан мировым сообществом[7]; обратимся к некоторым наблюдениям. Профессор Владимир Копал (Чехия) отмечает сдерживающее влияние Договора по космосу 1967 г., заключенного в период холодной войны (в условиях продолжающегося соперничества СССР и США по достижению Луны), на гонку вооружений в космическом пространстве, которая могла привести к «полному разрушению цивилизации» [Kopal 2008:2, 8]. По оценке доктора Петера Янковича (Австрия), «сильнейшим *стимулом к созданию новой отрасли*[8] международного права стало открытие в космическом пространстве *новой сферы соперничества* и, *возможно, конфронтации двух сверхдержав* того времени, СССР и США» [Jankowitsch 2015:3]. Аналогичные суждения содержатся и в отечественных исследованиях, результаты которых были использованы советской делегацией при разработке проекта Договора по космосу. Так, одно из первых в мировом масштабе научных определений МКП, представленное профессором Юрием Михайловичем Колосовым в 1966 г., отражает историческую специфику исследуемых категорий следующим образом: это «отрасль международного права, представляющая совокупность юридических норм и принципов, регулирующих правоотношения между государствами в процессе их *сотрудничества и соревнования* в освоении и использовании космического пространства исключительно в мирных целях» [Колосов 2014:11-12].

Истории деятельности в космическом пространстве известны случаи, когда в результате своевременного адекватного осмысления противоборствующими субъектами стремительного нарастания (в отсутствие специальных международно-правовых норм и, соответственно, взаимных прав и обязательств) общей угрозы наступления невосполнимого ущерба, *соперничество, в преддверии достижения «критической точки», трансформировалось в сотрудничество в международно-правовом пространстве.* В общеотраслевом плане *в качестве «критической точки»* целесообразно рассматривать *всеобъемлющий ущерб, недопущение наступления которого соответствует интересам всех или большинства субъектов.* Это может быть угроза миру и международной безопасности, невозможность эффективной и стабильной реализации и защиты экономических интересов на территории за пределами национальной юрис-

[4] В указанном смысле «и/или» используется для обозначения потенциала трансформации соперничества в сотрудничество и *vice versa*. Аналогичное значение имеет формулировка «соперничество/сотрудничество».

[5] Здесь и далее, где это уместно по существу, использованы приемлемые по значению понятия и категории, в большей степени свойственные естественно-научному подходу, что обусловлено стремлением автора выявить системное взаимодействие и взаимовлияние элементов и факторов различной природы (очевидный пример – деятельность и право, о более сложных категориях – далее) в современных отраслевых международных процессах с целью повышения эффективности предметного стратегического прогнозирования и потенциально планирования реализуемых поэтапных действий в правовом поле для обеспечения эффективной защиты интересов государства в соответствии с действующими принципами и нормами МКП, с долгосрочной целью его системного прогрессивного развития.

[6] «Пять договоров ООН по космосу» (согласно терминологии Комитета ООН по космосу) включают: *Договор по космосу 1967 г.,* Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1967 г. (*Соглашение о спасании 1968 г.*), Конвенцию о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (*Конвенция об ответственности 1972 г.*), Конвенцию о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство, 1975 г. (*Конвенция о регистрации 1975 г.*), Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. (*Соглашение о Луне 1979 г.*). См. актуальный статус пяти договоров ООН по космосу: Status of International Agreements relating to Activities in Outer Space. URL: https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/status/index.html (дата обращения: 19.11.2025). *Китай, Россия и США участвуют в четырех из пяти договоров. В Соглашении о Луне не участвуют.* О причинах см.: [Колосов, Юзбашян 2015:16].

[7] Подр. см.: [Беркман, Вылегжанин, Юзбашян, Модюи 2018:20-21 и далее], там же о современном значении и актуальном толковании положений Договора по космосу 1967 г.

[8] Здесь и далее при цитировании положений научных работ и правовых документов курсивом выделено автором.

дикции. Сообразно *единственным действенным способом предотвращения наступления такого ущерба или его существенного снижения является установление международно-правового режима деятельности в космическом пространстве.* Этот фактор был учтен профессором Евгением Александровичем Коровиным, одним из основоположников науки МКП[9], при определении статуса космического пространства следующим образом: «исходя из представления о космосе как об объекте общего пользования для всего человечества (*res communis omnium*), следует признать, что *методы и правила общего пользования могут быть установлены по взаимному согласию всех «пользователей», т.е. по международному соглашению*» [Колосов 2014:90-91]. В современной зарубежной доктрине космос аналогично относят к концепции «*обязательной многосторонности*» (mandatory multilateralism) [Criddle, Fox-Decent 2019:281]. Именно этим способом в период успешного нормотворческого сотрудничества государств в Юридическом подкомитете Комитета ООН по космосу был разработан *действующий правовой режим космического пространства и небесных тел, применимый ко всем видам космической деятельности, но естественным образом не учитывающий востребованность в будущем специального регулирования новых ее видов и направлений.*

Одним из вопросов, актуализированных в последнее десятилетие, является использование природных ресурсов небесных тел[10]. Причиной этому преимущественно стали: система обновленных геополитических факторов, профильных начальных экономических и технологических процессов при опережающих деятельность национально-законодательных инициативах, концептуальные положения которых были включены в правовую основу американской программы «Артемида» по освоению Луны и дальнего космоса. В его отношении положение ст. II Договора по космосу 1967 г.[11] не содержит однозначного ответа, распространяется ли отраслевой принцип неприсвоения небесных тел на их природные ресурсы [Юзбашян 2017:74-78; Беркман, Вылегжанин, Юзбашян, Модюи 2018:22-23; Вылегжанин, Юзбашян 2024:151-152; Vylegzhanin, Yuzbashyan, Suvorov 2025:10-19][12]. Это один из вопросов, *подлежащих решению в рамках концепции многосторонности.*

В ретроспективном плане готовности соперников к международно-правовому сотрудничеству способствовало революционное начало деятельности в космосе. Значение *фактора «начала деятельности»* сохраняется, но применительно к перспективным направлениям космической экономики уже в других масштабах как минимум в малых промышленных. Отраслевые инновации возможны, однако вряд ли они будут иметь такое же всеобъемлющее значение, как подвиги первооткрывателей эры практической космонавтики – выдающегося ученого и конструктора Сергея Павловича Королева, первого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина, их коллег и соратников.

Тем не менее *существенные изменения в космической экономике ожидаемы,* и они вновь поставят международное сообщество перед необходимостью разработки специального международно-правового режима соответствующего

---

[9] В начале 1930-х гг., за более чем двадцать лет до открытия космической эры, были опубликованы профильные научные труды пионеров МКП – профессора Е.А. Коровина (подр. см.: [Колосов, Юзбашян 2015:13-15]; Zhukov G.P. *Contribution of corresponding member of the USSR Academy of Sciences Ye. A. Korovin to the science of international space law.* 1962. URL: https://ntrs.nasa.gov/citations/19810014447 (accessed date 23.11.2025) и его чешского коллеги – профессора Владимира Мандля [Pioneers of Space Law. Vladimir Mandl (1899–1941) 2023].

[10] «Природные ресурсы небесных тел» – термин Соглашения о Луне 1979 г.; подр. см.: [Vylegzhanin, Yuzbashyan, Suvorov 2025:18-23]. С учетом того, что к настоящему времени специальный понятийный аппарат для их обозначения находится в процессе проработки в Комитете ООН по космосу, в исследовании в аутентичном значении применено и понятие «космические ресурсы» – основное в актуальных обсуждениях в специальной Рабочей группе Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу; а также другие, как, например, «лунные ресурсы» сообразно контексту. Это же относится к использованию понятий «космическая природоресурсная деятельность», «природоресурсная деятельность в космосе», «деятельность, связанная с космическими ресурсами», «деятельность, связанная с природными ресурсами небесных тел».

[11] Статья II Договора по космосу: «*Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению* ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами».

[12] См. анализ авторитетных специалистов по международному космическому праву – профессоров Ю.М. Колосова и Ф.Г. фон дер Дунка об особенностях применения принципов и норм МКП к природоресурсной деятельности в космосе: [Колосов 2007:238-241; von der Dunk 2018b:142–151; von der Dunk 2018a].

вида космической деятельности. В качестве таких изменений целесообразно рассматривать индустриализацию космоса с «переходом от «производства информации» к материальному производству» в нем, обозначенному еще в 1981 г. профессором Ю. М. Колосовым в качестве современных на то время воззрений о перспективах дальнейшего освоения космического пространства [Колосов 1981:186], что соотносится с современной экономической моделью «Space 3.0.»[13]. Актуальный этап – «Space 2.0»[14] (переходный к «Space 3.0») характеризуется растущими с 80-х годов прошлого столетия тенденциями приватизации и коммерциализации космической деятельности; они сохранят свое значение и впоследствии. Согласно прогнозным оценкам экспертов, представленным в докладе, опубликованном в 2024 г. Всемирным экономическим форумом, к 2035 г. космос может стать ключевой частью глобальной экономики. В качестве условий комплексного развития коммерческой космической деятельности после 2035 г. обозначены: наличие нормативно-правовой основы, обеспечивающей ее безопасность и устойчивость; надежных и рентабельных средств доставки, позволяющих осуществлять транспортировку на низкую околоземную орбиту и обратно; международное и межотраслевое сотрудничество, способствующее оптимизации космической инфраструктуры и услуг. И только при соблюдении этих условий после 2035 г. могут быть реализованы более инновационные решения, от производства энергии (например, солнечной энергии из космоса) до более широкого использования природных ресурсов небесных тел (например, для производства топлива непосредственно в космическом пространстве)[15].

В настоящее время более точное прогнозирование сроков начала масштабной природоресурсной деятельности в космосе объективно преждевременно. Современные правительственные и неправительственные лунные[16] проекты и программы[17] (в некоторых случаях в их сочетании – об этом далее) сфокусированы на получении и анализе достаточных для этих целей естественно-научных данных, проведении экспериментов[18]. Так, в 2024 г. впервые в истории были успешно выполнены две различные лунные миссии: в феврале коммерческий космический корабль американской частной компании совершил посадку на Луну; в марте китайская миссия «Чанъэ-6» доставила на Землю образцы грунта с южного полюса Луны[19]. Соответствующие вопросы, включая предварительную оценку технологических возможностей и экономической целесообразности, также являются предметом профильных научных исследований[20]. Однако, как это подтверждает представленный детально далее анализ актуальных правовых и экономических процессов, *вопрос о режиме космической природоресурсной деятельности* (в относительно ближайшей перспективе – *для обеспечения жизнедеятельности космических экспедиций* (по причине экономической целесообразности

[13] Подробнее про экономическую модель «Space 3.0» см., напр.: Davis M. Towards Space 3.0. 14 Nov. 2019. – *The Strategist*. ASPI. URL: https://www.aspistrategist.org.au/towards-space-3-0/ (accessed date: 23.11.2025).

[14] Подробнее про экономическую модель «Space 2.0» см., напр.: [Pelton 2019, Pyle 2019].

[15] Space: The $1.8 Trillion Opportunity for Global Economic Growth. World Economic Forum Insight Report/In knowledge partnership with McKinsey & Company. April 2024. P. 15. URL: https://www.weforum.org/publications/space-the-1-8-trillion-opportunity-for-global-economic-growth/ (accessed date: 23.11.2025).

[16] О преимуществах освоения Луны см.: Освоение Луны может стать национальной задачей России – академик РАН Лев Зеленый на форуме «Создавая будущее». 07.11.2024. РАН. URL: https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=811204e8-ff30-4551-a80e-73ea25a2e31c&print=1 (дата обращения: 23.11.2025).

[17] Об исследованиях Луны в СССР и России, включая современные программы, см.: [Маров 2023].

[18] Напр., в январе 2025 г. экипаж китайской станции «Тяньгун» успешно провел эксперимент по искусственному фотосинтезу, преобразовав углекислый газ и воду в кислород и компоненты ракетного топлива. China's Tiangong research generates oxygen, rocket fuel in major space exploration leap. South China Morning Post. By Ling Xinin. 20 Jan. 2025. URL: https://www.scmp.com/news/china/science/article/3295452/chinas-tiangong-research-generates-oxygen-rocket-fuel-major-space-exploration-leap (accessed date: 23.11.2025).

[19] Full list of major missions to the Moon. URL: https://science.nasa.gov/moon/missions/ (accessed date: 23.11.2025).

[20] См., напр.: [Брюханов, Легостаев, Лобыкин, Лопота, Сизенцев, Синявский, Сотников, Филиппов, Шевченко 2014; Dallas, Raval, AlvarezGaitan, Saydam, Dempster 2020]; Xie R., Saydam S., Dempster A. A framework for campaign level asteroid mining pre-feasibility study. AIAA SCITECH 2022 Forum. Jan. 3–7, 2022. San Diego. CA. URL: https://www.researchgate.net/publication/357598831_A_framework_for_campaign_level_asteroid_mining_pre-feasibility_study (accessed date: 23.11.2025).

рассматривается в качестве приоритетной задачи), в отдаленной – в коммерческих целях[21]) *требует безотлагательного реагирования.* Это направление в сравнении с другими аспектами космической деятельности (на первый взгляд, более насущными, например, предотвращение антропогенного засорения космического пространства или создание специализированной системы разрешения споров[22]), для которых также востребовано дополнительное специальное международное нормативно-правовое регулирование, характеризуется большей «*структурированностью*», выраженной: 1) с одной стороны, в системе национально-законодательных инициатив, международно-правовых подходов в отсутствие специального универсального международно-правового режима природоресурсной деятельности в космосе; 2) с другой, в *de facto* превалирующем разделении субъектов МКП по критерию приверженности одному из двух предметных правовых подходов в основе современных конкурирующих международных лунных проектов (что сообразно отразилось и на предметных позициях государств, представленных в Комитете ООН по космосу) – возглавляемой США программы «Артемида» или «Международной научной лунной станции» в ведущем сотрудничестве Китая и России. Сообразно *ввиду* обозначенной «*структурированности*», *вопрос о правовом режиме природоресурсной деятельности* для целей исследования *оценивается в качестве одного из наиболее показательных и значимых в контексте понимания возможных и определения целесообразных путей, форматов и механизмов дальнейшего развития*[23]: 1) МКП (при узкоспециальном понимании актуальной отраслевой международно-правовой специфики и глобальных процессов); 2) применимого к космической деятельности *законодательства*, в том числе с целью создания благоприятных условий для развития частного космического сектора национальной экономики, включающего, помимо прочего, и будущую деятельность, связанную с природными ресурсами небесных тел; 3) *приоритетных направлений международно-правового сотрудничества* субъектов с отличающимися природоресурсными правовыми подходами в общем контексте недопущения достижения обозначенной «критической точки».

Сообразно исследование посвящено: системному анализу современных тенденций развития соперничества/сотрудничества двух альтернативных международных лунных проектов в их правовом измерении; определению возможных и целесообразных путей, форм, уровней, а также приоритетных направлений гармонизации соответствующих правовых подходов на примере будущего универсального международно-правового режима природоресурсной деятельности в космосе.

2. Особенности современных международных лунных проектов: американская программа «Артемида» vs российско-китайская «Международная научная лунная станция» (МНЛС)

2.1. Основные вопросы факта для целей правового исследования

Актуальные геополитические тенденции объединения государств в конкурирующие блоки повлияли и на область космической деятельности. Основной особенностью современного этапа исследования и использования космоса является *системный пересмотр субъектов, формата и векторов сотрудничества, а также формирование новых направлений соперничества.* Эти черты, ставшие очевидными в последние годы, формировались постепенно, *de facto* после завершения успешной нормотворческой деятельности Комитета ООН по космосу (после принятия последнего из пяти договоров ООН по космосу – Соглашения о Луне 1979 г.), и последовательно получали сообразное *отражение на международно-правовом и национально-правовом уровнях.* К сущностным изменениям привели и результаты общих эволюционных процессов

[21] Использование местных ресурсов (летучих веществ, включая водород, гелий, и др.) для поддержания жизнедеятельности в космическом пространстве способно значительно снизить затраты на доставку полезной нагрузки с Земли. Эти возможности будут востребованы при запланированном в рамках международных лунных проектов долгосрочном пребывании экипажей на Луне. Использование в коммерческих целях, подразумевающих доставку, например, добытых на астероидах металлов платиновой группы, экономически целесообразным в настоящее время не является [De Zwart, Henderson, Neumann 2023:156].

[22] Подробнее см.: [Юзбашян 2018].

[23] Подробнее о перспективах развития различных элементов системы космического права в обозначенном контексте см.: [Юзбашян 2024].

«космического клуба» [Paikowsky 2017:78-83]. Во-первых, это рост количества государств, осваивающих космическое пространство, в том числе выделяемых по критерию «малых государств в космосе» [Waters 2023:15-16]. Во-вторых, формирование *двух отраслевых конкурирующих блоков* (альтернативных, но не в отсутствие субъектных совпадений – об этом далее) – *современных международных лунных проектов*, ориентированных на обеспечение долгосрочного пребывания экипажей на естественном спутнике Земли (не ранее середины 2030-х – начала 2040-х гг.). *Среди основных целей обоих проектов* – совершение открытий в области лунной геологии, астрономических наблюдений и изучения Солнечной системы с поверхности Луны, проведение экспериментов в сфере фундаментальной науки; а также *использование местных природных ресурсов (In-Situ Resource Utilization)*[24].

С одной стороны, это сотрудничество Китая и России по созданию МНЛС[25]. *Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области создания Международной научной лунной станции (Межправительственное соглашение по МНЛС или Соглашение по МНЛС 2022 г.*[26]*)* было подписано в 2022 г., ратифицировано 12 июня 2024 г.[27], вступило в силу 18 июля 2024 г. По состоянию на апрель 2026 г. участниками проекта «МНЛС» являются 15 государств[28], две международные организации[29], а также более 50 научно-исследовательских институтов[30]. В ближайшее десятилетие запланировано расширение состава партнеров до 50 государств или международных организаций, 500 институтов, а также 5 тыс. ученых со всего мира[31]. *Основные способы оформления сотрудничества с международными партнерами предусмотрены в п. 2 ст. 7 Соглашения по МНЛС* – это отдельные двусторонние соглашения с Государственной корпорацией по космической деятельности «Роскосмос» или Китайской национальной космической

[24] Об исследованиях в области использования ресурсов на месте (In-Situ Resource Utilization (ISRU) см.: в России: Коршунов А. «Пыльная работа: запчасти для лунной техники будут делать прямо на спутнике Земли». 18 сентября 2025 г. URL: https://iz.ru/1956506/andrei-korshunov/pechat-svetom-zapchasti-dlya-lunnoj-tekhniki-budut-delat-pryamo-na-sputnike-zemli (дата обращения: 23.11.2025); в США: In-Situ Resource Utilization (ISRU). URL: https://www.nasa.gov/mission/in-situ-resource-utilization-isru/ (accessed date: 23.11.2025).

[25] В июне 2021 г. на совместной сессии Госкорпорации «Роскосмос» и КНКА состоялась презентация Дорожной карты по созданию МНЛС. URL: https://www.roscosmos.ru/22888/ (дата обращения: 23.11.2025); International Lunar Research Station (ILRS) Guide for Partnership. Date: 2021-06-16. URL: http://www.cnsa.gov.cn/english/n6465652/n6465653/c6812150/content.html (accessed date: 27.11.2025).

[26] Согласно п. 4 ст. 18 Соглашения по МНЛС, оно составлено в двух экземплярах, каждый на русском, китайском и английском (все тексты одинаковой силы). В случае разногласий в толковании положений используется текст на английском языке. Следует отметить, что для обозначения станции на русском используется иная чем на английском последовательность слов: «Международная научная лунная станция» cf. «International Lunar Research Station» (этот вариант используется и в официальных китайских источниках на английском, в том числе в Дорожной карте по МНЛС – ILRS Guide for Partnership). В статье в качестве основного применяется название станции, как в тексте Соглашения на русском. Текст соглашения на трех языках. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/61731/ (дата обращения: 23.11.2025).

[27] О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области создания Международной научной лунной станции : Федеральный закон от 12 июня 2024 г. № 128-ФЗ.

[28] Азербайджан, Беларусь, Боливия, Венесуэла, Джибути, Египет, Китай, Никарагуа, Пакистан, Сенегал, Сербия, Россия, Таиланд, ЮАР, Эфиопия (на официальном сайте КНКА пока отсутствует единый обновляемый раздел о государствах-участниках МНЛС, некоторые данные получены из иных профильных новостных источников, перечисление которых не представляется рациональным).

[29] Среди организаций-партнеров: межправительственная «Азиатско-тихоокеанская организация космического сотрудничества» (АТОКС), объединяющая Бангладеш, Иран, Китай, Монголию, Тайланд, Турцию, Пакистан, Перу; неправительственная «Арабский союз астрономии и космических наук». China announces new partners for International Lunar Research Station. Xinhua. April 24, 2024. URL: http://english.scio.gov.cn/chinavoices/2024-04/24/content_117147609.htm (accessed date: 23.11.2025).

[30] International Lunar Research Station attracts more partners: CNSA. 04.24.2025 Xinhua. URL: https://www.cnsa.gov.cn/english/n6465652/n6465653/c10670178/content.html (accessed date: 23.11.2025).

[31] Lunar station mission possible with global cooperation. China Daily. 27.08.2025. URL: https://global.chinadaily.com.cn/a/202508/27/WS68ae3ed4a3108622abc9d498.html#:~:text=Over%20the%20next%20decade%2C%20China,and%20in%20all%20mission%20programs (accessed date: 23.11.2025). Подр. о достижениях и планах программы Китая по исследованию Луны см.: China's lunar exploration program benefits the world. Source: Xinhuanet. 24.04.2026. URL: http://eng.chinamil.com.cn/2025xb/C_251453/F_251462/16457016.html (accessed date: 14.05.2026).

администрацией (далее – КНКА) в зависимости от того, какое из указанных космических ведомств является ответственным за соответствующую миссию. В 2023 г. было принято решение о создании организации сотрудничества по станции. Обновленный проект программы на период до 2040 г. был представлен Лабораторией по исследованию дальнего космоса КНКА[32] в мае того же года к шестьдесят шестой сессии Комитета ООН по космосу. *Особенностью формирующейся системы участия в проекте МНЛС* является ее *гибкий характер,* предусматривающий различные форматы и уровни взаимодействия, в том числе с юридическими лицами ряда иностранных государств, когда прямому межгосударственному сотрудничеству препятствует одновременное участие в альтернативном проекте. Так, межправительственному сотрудничеству Объединнных Арабских Эмиратыов (далее – ОАЭ) с Китаем воспрепятствовало участие Эмиратов в инициированном США альтернативном проекте, что привело к применимости американского законодательства об экспортных ограничениях в отношении передачи технологий в Китай[33]. Посредством изменения уровня взаимодействия китайско-эмиратское сотрудничество было *de facto* сохранено: в ноябре 2023 г. Лаборатория КНКА заключила с Университетом Шарджи, ОАЭ, Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству по МНЛС[34]. Гибкая, последовательно расширяющаяся система сотрудничества продолжает формироваться. Среди недавних проектных договоренностей следует отметить утверждение в ходе тридцатой встречи глав правительств Китая и России в начале ноября 2025 г. дорожной карты совместного освоения Луны, включая строительство лунной электростанции[35].

С другой стороны, это альтернативная американская программа «Артемида»[36] с сопоставимыми планами, включающими и использование на Луне малого энергетического ядерного реактора[37]. Начало этой программе было положено испытательным запуском беспилотного аппарата на Луну в конце 2022 г.[38]. В апреле 2026 г. состоялся пилотируемый облет Луны[39]. Программа «Артемида» охватывает *сотрудничество Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства США (далее – НАСА)*[40]: 1) с космическими агентствами государств-партнеров: с Европейским космическим агентством, Канадским космическим агентством и Японским агентством аэрокосмических исследований, Космическим центром имени Мухаммеда бен Рашида (ОАЭ) по будущей окололунной станции Gateway; 2) представителями частного космического сектора, включающими и известные компании в качестве основных подрядчиков, и представителей малого бизнеса среди множества поставщиков[41]. В контексте международно-правовых последствий значимым является заключение НАСА с уполномоченными представителями шестидесяти шести[42] (по состоянию на середину мая

---

[32] International Lunar Research Station (ILRS). Deep Space Laboratory of CNSA. May 2024. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/2023/TPs/ILRS_presentation20230529_.pdf (accessed date: 23.11.2025).

[33] Jones A. China loses UAE as partner for Chang'e-7 lunar south pole mission. March 24, 2023. URL: https://spacenews.com/china-loses-uae-as-partner-for-change-7-lunar-south-pole-mission/ (accessed date: 23.11.2025).

[34] Sultan bin Ahmed attends UoS and research institutes MOU signing. Nov. 15, 2023. URL: https://www.sharjah24.ae/en/Articles/2023/11/15/Sultan-bin-Ahmed-attends-UoS-and-research-institutes-MOU-signing (accessed date: 23.11.2025).

[35] Совместное коммюнике по итогам 30-й регулярной встречи глав правительств России и Китая. 4 ноября 2025 г. URl: http://government.ru/news/56833/ (дата обращения: 23.11.2025). См. также: «Роскосмос» и «Росатом» сотрудничают в работе над лунной атомной электростанцией. – *Интерфакс*. 9 апреля 2026. URL: https://www.interfax.ru/russia/1083006 (дата обращения: 14.04.2026).

[36] NASA Artemis Program. URL: https://www.nasa.gov/specials/artemis/ (accessed date: 23.11.2025).

[37] Fission Surface Power. URL: https://www.nasa.gov/exploration-systems-development-mission-directorate/fission-surface-power/ (accessed date: 23.11.2025). См. также: NASA Unveils Initiatives to Achieve America's National Space Policy. Lauren E. Low. March 24, 2026. URL: https://www.nasa.gov/news-release/nasa-unveils-initiatives-to-achieve-americas-national-space-policy/ (accessed date: 14.04.2026).

[38] Artemis I. URL: https://www.nasa.gov/mission/artemis-i/ (accessed date: 23.11.2025).

[39] Artemis II. URL: https://www.nasa.gov/mission/artemis-ii/ (accessed date: 14.04.2026).

[40] NASA (National Aeronautics and Space Administration) – независимое агентство федерального правительства США в прямом подчинении президента США.

[41] Artemis Partners. URL: https://www.nasa.gov/artemis-partners/ (accessed date: 14.04.2026).

[42] Список государств-партнеров: Австралия, Австрия, Ангола, Аргентина, Армения, Бангладеш, Бахрейн, Бельгия, Болгария, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Доминиканская Республика, Израиль, Индия, Испания, Исландия, Иордания, Ирландия, Италия, Канада, Кипр, Колумбия, Латвия, Литва, Лихтенштейн,

2026 г.) государств – партнеров двусторонних *Соглашений «Артемида»*[43] *о принципах сотрудничества в гражданском исследовании и использовании Луны, Марса, комет и астероидов в мирных целях (Соглашения «Артемида»), открытых для подписания 13 октября 2020 г.*[44]

Оба проекта поэтапно развиваются *в отсутствие какой-либо координации будущей деятельности.* Необходимость обеспечения мирного сосуществования, осуществления множества конкурирующих и взаимодополняющих видов деятельности, включая *извлечение и использование местных минеральных веществ и полезных ископаемых,* очевидно, актуализирует вопросы регулирования такой деятельности на Луне и других небесных телах [De Zwart, Henderson, Neumann 2023:155].

2.2. Субъектные пересечения участников альтернативных международных лунных проектов в иных форматах сотрудничества

В отсутствие прямой координации конкурирующих видов деятельности востребованными становятся *дополнительные механизмы предварительной проработки возможности сближения соответствующих подходов, включая правовые.* В качестве таковых целесообразно рассматривать потенциал двух «нейтральных» форматов взаимодействия, включающих ряд представителей обоих блоков. Следует отметить, что возможности, которые предоставляет Комитет ООН по космосу, в указанном контексте не рассматриваются, этот вопрос проанализирован отдельно далее. Речь идет об объединении *БРИКС* и межправительственной организации *АТОКС*. Так, членами *БРИКС* являются три государства-партнера Соглашений «Артемида», Бразилия, Индия и ОАЭ, и четыре государства-участника проекта МНЛС, Египет, Китай, Россия, Эфиопия. В 2022 г. был учрежден Совместный комитет БРИКС по космическому сотрудничеству в соответствии с Соглашением о сотрудничестве в области спутниковой группировки дистанционного зондирования Земли (далее – ДЗЗ) стран БРИКС от 18 августа 2021 г.[45] В июле 2025 г. на XVII саммите БРИКС государства выразили намерение учредить Космический совет БРИКС[46]. В *АТОКС* представлены два государства-участника проекта МНЛС, Китай и Пакистан, а также три государства-партнера Соглашений «Артемида», Бангладеш, Тайланд и Перу. Эти дополнительные возможности с учетом не столь широкого и в некоторых случаях не столь значимого (в контексте современной роли соответствующих партнеров в лунных проектах) субъектного пересечения в двух обозначенных форматах не смогут обеспечить полноценное сближение позиций, но их использование не следует исключать для целей предварительной проработки соответствующих вопросов. Более того, с учетом современных глобальных трансформационных процессов *рационально ожидать появления новых форматов межсубъектного взаимодействия.* В своей совокупности они могли бы дополнительно *способствовать реализации поставленной цели координации деятельности и гармонизации правовых позиций.*

3. Соглашения «Артемида» vs российско-китайское Соглашение по МНЛС

Для комплексного исследования подходов Китая, России и США к международно-правовому режиму космической природоресурсной деятельности в настоящем разделе проведен системный анализ[47] совокупности следующих правовых актов, позиций и процессов: 1) *Соглашения «Артемида» и Соглашение по МЛНС в качестве центрального по значению элемента;* 2) *позиции Китая, России и США* в профильной Рабочей группе Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу *как дополнительного элемента*

Люксембург, Малайзия, Мальта, Мексика, Марокко, Нигерия, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Панама, Парагвай, Перу, Польша, Португалия, Республика Корея, Руанда, Румыния, Саудовская Аравия, Сенегал, Сингапур, Словакия, Словения, Соединенные Штаты Америки, Таиланд, Украина, Уругвай, Филиппины, Финляндия, Франция, Чехия, Чили, Швейцария, Швеция, Эквадор, Эстония, Япония. URL: https://www.nasa.gov/artemis-accords/ (accessed date: 14.05.2026).

[43] Проанализированы предметно в следующем разделе статьи совместно с Соглашением по МНЛС.

[44] The Artemis Accords (Principles for Cooperation in Civil Exploration and Use of the Moon, Mars, Comets, and Asteroids for Peaceful Purposes). URL: https://www.nasa.gov/artemis-accords/ (accessed date: 23.11.2025).

[45] О сотрудничестве БРИКС в космосе. URL: https://www.roscosmos.ru/37809/ (дата обращения: 23.11.2025).

[46] Пункт 63 Декларации Рио-де-Жанейро «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления». Рио-де-Жанейро, Бразилия. 6 июля 2025 г.

[47] Элементы 2 и 3 с учетом основного фокуса исследования рассмотрены тезисно.

для понимания соответствующих подходов, отраженных в указанных соглашениях; 3) *национальное законодательство о космических ресурсах,* основные акты которого «предшествовали» двум обозначенным выше элементам, в качестве вспомогательного элемента *для отображения единой картины взаимосвязанных предметных правовых и экономических процессов.*

3.1. Статус, цель, сфера применения – к обоснованию целесообразности сопоставления двух соглашений различной правовой природы

Прежде всего необходимо отметить *отличия в правовой природе двух соглашений.* Это отчасти усложняет задачу, но целесообразность проведения сравнительно-правового анализа для определения путей сближения соответствующих правовых подходов не исключает. Необходимость своевременного отраслевого стратегического прогнозирования не оставляет возможности ожидать появления очевидно сопоставимых правовых документов единой природы, соответственно, более востребованными становятся инновационные исследовательские подходы. Тем более что, как это будет продемонстрировано далее, очевидные *отличия в статусе двух соглашений нивелируются выявленной спецификой последующей имплементации положений Соглашений «Артемида».*

Итак, *статус Соглашения по МНЛС однозначен – это межправительственное соглашение.* Его цель согласно ст. 1 – «создание *организационно-правовой основы* для *взаимовыгодного сотрудничества* между Сторонами в конкретных областях, относящихся *к созданию Международной научной лунной станции*[48]». В общих чертах оно очевидно сопоставимо[49] с *Межправительственным соглашением по МКС 1998 г.*[50], целью которого согласно ст. 1 также является «создание организационной структуры для долгосрочного международного сотрудничества между партнерами» с тем отличием (отражающим этапную готовность проектов к моменту заключения соответствующих соглашений[51]), что области сотрудничества по МКС помимо создания включают также эксплуатацию и использование «постоянно обитаемой международной космической станции гражданского назначения в мирных целях в соответствии с международным правом». Соглашение по МНЛС предусматривает *трехфазный план создания и эксплуатации МНЛС* (ст. 7) с возможностью заключения: 1) Сторонами (Китаем и Россией) *соглашений с целью определения конкретных прав и обязательств Сторон и (или) участников совместной деятельности*[52], *порядка применения Соглашения;* 2) а также *специальных соглашений (контрактов) между участниками или специальных соглашений непосредственно между Сторонами* (дополнительных соглашений) для определения организационных, финансовых, правовых и технических условий осуществления конкретных программ и проектов сотрудничества в рамках Соглашения по МНЛС. Эффективность системы

[48] «Международная научная лунная станция (МНЛС)» – комплекс исследовательских средств, создаваемый с возможным привлечением международных партнеров на поверхности и (или) на орбите Луны, предназначенный для проведения многоцелевых научно-исследовательских работ, включая исследование и использование Луны, лунные наблюдения, фундаментальные исследовательские эксперименты и проверку технологий, с возможностью длительной беспилотной эксплуатации с перспективой обеспечения присутствия человека на Луне» (ст. 2 Соглашения по МНЛС).

[49] С учетом основного предмета исследования целесообразность сопоставления двух межправительственных соглашений, по МНЛС и по МКС, обозначена в общих чертах. Более детально и комплексно они будут рассмотрены (в том числе в части положений об интеллектуальной собственности, обмене информацией, защите имущества и мер по охране технологий, ответственности, экспортном контроле и др.) в рамках отдельного исследования, сфокусированного на оценке эффективности положений каждого из указанных соглашений, сочетающих различные подходы и элементы системы космического права – МКП, международного частного космического права и соответствующего национального законодательства.

[50] Соглашение между Правительством Канады, Правительствами государств – членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения от 29 января 1998 г. Ратифицировано Федеральным законом РФ № 164-ФЗ от 29 декабря 2000 г., вступило в силу для Российской Федерации 27 марта 2001 г. (Межправительственное соглашение по МКС 1998 г.).

[51] Подробнее о действовавшей к моменту заключения Межправительственного соглашения по МКС 1998 г. системе специальных прав и обязательств см.: Международное космическое право: учебник для вузов. Отв. ред.: Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов. М.: Международные отношения. 1999. С. 176-180.

[52] «Участники совместной деятельности – задействованные Сторонами компетентные органы, назначенные организации, юридические и физические лица» (ст. 2 Соглашения по МНЛС).

сходных соглашений и контрактов была подтверждена при эксплуатации МКС.

Соглашения «Артемида»[53] в соответствии с разделом 1 представляют собой «*политическую приверженность описанным в них принципам,* многие из которых предусматривают выполнение важных обязательств, изложенных в Договоре по космосу и других международных договорах»; при этом *целью Соглашений* является «*формирование общего видения посредством практически применимых принципов, руководств и передовой практики* ("a common vision via a practical set of principles, guidelines, and best practices") *для повышения эффективности управления гражданской деятельностью по исследованию и использованию космического пространства с целью успешной реализации программы «Артемида».* В связи с этим необходимо отметить, что этот не подлежащий обязательной регистрации в Секретариате ООН (раздел 13 Соглашений «Артемида») документ (т.е. не являющийся международным договором), позиционируемый в качестве «многосторонней, не имеющей обязательного характера декларации принципов»[54], содержит механизм, опровергающий заявленный рекомендательный статус. Раздел 2 Соглашений «Артемида» устанавливает, что все заключаемые впоследствии акты, определяющие правовую основу совместной деятельности, включая меморандумы о взаимопонимании, имплементационные соглашения по действующим межправительственным и межведомственным соглашениям и иные документы, регулирующие, среди прочего, вопросы ответственности, интеллектуальной собственности, передачи товаров и технических данных (т.е. *акты, сопоставимые по существу с аналогичными документами, действующими для МКС и предусмотренными к заключению по МНЛС), должны содержать положения, необходимые для реализации принципов Соглашений «Артемида».*

Таким образом, *несмотря на de jure различный статус Соглашений «Артемида» и Соглашения по МНЛС наличествуют достаточные основания:* 1) для предметного сопоставления основных положений обоих соглашений по существу с целью *определения приоритетных направлений сближения правовых подходов* России, Китая и США; 2) а также *выявления потенциальных сфер и видов конкурирующей деятельности* в обоих лунных проектах, *оценки* таковых *в ракурсе вероятности приближения к «критической точке»,* недопущение достижения которой соответствовало бы интересам всех субъектов и могло бы стать стимулом к трансформации актуального соперничества в эффективное международно-правовое сотрудничество.

3.2. Договоры ООН по космосу в качестве основы совместной деятельности по каждому из международных лунных проектов

В качестве международно-правовой основы совместной деятельности в преамбулах обоих соглашений, и по проекту МНЛС, и по программе «Артемида», обозначены следующие *четыре из пяти договоров ООН по космосу, в которых участвуют Китай, Россия и США:* Договор п космосу 1967 г., Соглашение о спасании 1968 г., Конвенция об ответственности 1972 г., Конвенция о регистрации 1975 г. При этом есть и значимое отличие. *Соглашение по МЛНС не содержит положений, определяющих правовой режим деятельности, в отношении которой* подлежащий первичному установлению в рамках МКП *специальный международно-правовой режим отсутствует. Соглашения «Артемида»,* напротив, в этом контексте *имеют беспрецедентный для отраслевого развития характер.* В преамбуле Соглашений обозначено намерение партнеров «выполнять положения Договора по космосу и других соответствующих международных договоров и таким образом *обеспечить политическое взаимопонимание в отношении взаимовыгодных методов дальнейшего исследования и использования космического пространства,* уделяя особое внимание деятельности в поддержку программы «Артемида». Вместе с тем подчеркнуто и значение координации в рамках многосторонних форумов таких, как Комитет ООН по космосу, «для дальнейших усилий, прилагаемых к достижению глобального консенсуса по важнейшим вопросам, касающимся исследования и использования космоса». На практике

[53] Подробнее см.: [Вылегжанин, Юзбашян 2024; Вылегжанин, Юзбашян, Алексеев 2023; Vylegzhanin, Yuzbashyan, Suvorov 2025:23-27].

[54] Littlejohn J. Space unites us. DipNote: Climate and Environment. Official Blog of the U.S. Department of State. 2023, May 5. URL: https://2021-2025.state.gov/dipnote-u-s-department-of-state-official-blog/space-unites-us/ (accesed date: 23.11.2025).

это привело к согласованному продвижению «общего видения» государств-партнеров Соглашений «Артемида» в Комитете. Среди вопросов, по которым Соглашения «Артемида» «обеспечивают политическое взаимопонимание» – *de facto* собственное (ограниченное кругом государств-партнеров) видение в отсутствие специального многостороннего регулирования, следующие: сохранение космического наследия[55] (раздел 9); космические ресурсы (раздел 10) и предотвращение конфликтных ситуаций в процессе космической деятельности (раздел 11) (рассмотрены предметно далее).

3.3. Природоресурсная деятельность в космосе: национальное законодательство, Соглашения «Артемида» и Соглашения по МНЛС

Для отображения целостной картины современных отраслевых правовых и экономических процессов необходимо тезисно обозначить *основные этапы становления и развития законодательства* о космической природоресурсной деятельности ряда государств-участников Соглашений «Артемида» (в Китае и России, как и в других государствах-участниках проекта МНЛС, такое законодательство отсутствует), принятие многих из актов которого предшествовало формированию соответствующих международно-правовых подходов, отраженных как в соглашениях в основе обоих лунных проектов, так и в позициях государств в Комитете ООН по космосу.

Актуализация обсуждений на требуемом с учетом специфики объекта регулирования универсальном международном уровне, прежде всего, в *Комитете ООН по космосу* была *de facto* «спровоцирована» принятием *Закона США об исследовании и использовании космических ресурсов в 2015 г.*[56] (Закон США 2015 г.), провозгласившем *права собственности лиц под национальной юрисдикцией на добытые ими в космосе космические ресурсы и ресурсы астероидов*[57]. В 2021 г. при Юридическом подкомитете Комитета ООН по космосу была учреждена *Рабочая группа по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами*[58] и *в качестве основного в международно-правовых обсуждениях был закреплен термин, введенный в правовой оборот Законом США 2015 г., но не содержащийся в действующих международно-правовых актах*[59]. В условиях взаимодействия и взаимосвязи правовых, экономических и политических процессов [Юзбашян 2017:83] аналогичные по предусмотренным правам законодательные акты были приняты *в 2017 г. в Люксембурге*[60], *в 2019 г. с изменениями 2023 г. в ОАЭ*[61], *в 2021 г.*

---

[55] Этот вопрос составит предмет отдельного исследования.

[56] Анализ заявленного соответствия законодательных положений международным обязательствам США см.: [Tronchetti 2015:6-10; von der Dunk 2018a; Юзбашян 2017:79-80].

[57] Public Law 114-90 – U.S. Commercial Space Launch Competitiveness Act. U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/app/details/PLAW-114publ90 (accessed date:11.10.2025). (Sec. 401, 51 U.S.C. sec. 10101 note, under which Title IV of this Act (51 U.S.C. secs. 51301–51303) (2019) could be cited as *"Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015."*).

Sec. 51303. Asteroid resource and space resource rights

"A United States citizen engaged in commercial recovery of an asteroid resource or a space resource under this chapter shall be entitled to any asteroid resource or space resource obtained, including to possess, own, transport, use, and sell the asteroid resource or space resource obtained in accordance with applicable law, including the international obligations of the United States."

Sec. 51301 (51 USC 51301). Definitions.

"(1) Asteroid resource. The term 'asteroid resource' means a space resource found on or within a single asteroid. "(2) Space resource. (A) In general. The term 'space resource' means an abiotic resource in situ in outer space. (B) Inclusions. The term 'space resource/ includes water and minerals."

Анализ Закона США 2015 г. см.: [Юзбашян 2017:78-80; Вылегжанин, Юзбашян 2024:152-154].

[58] Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities. URL: https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/lsc/space-resources/index.html (accessed date: 23.11.2025).

[59] В Соглашении о Луне 1979 г. (Россия, Китай, США не участвуют) используется термин «природные ресурсы небесных тел». Об особенностях терминологии см.: [Вылегжанин, Юзбашян 2024:150-153].

[60] Loi du 20 juillet 2017 sur l'exploration et l'utilisation des ressources de l'espace. Journal officiel du Grand-Duché de Luxembourg. URL: http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2017/07/20/a674/jo (accessed date: 23.11.2025).

[61] Принятый в 2019 г. Федеральный закон ОАЭ № 12 о регулировании космического сектора (Federal Law No. (12) of 2019 On the Regulation of the Space Sector) в 2023 г. был отменен и заменен Федеральным декретом-законом ОАЭ No. 46 об организации космического сектора 2023 г. (Federal Decree Law No. 46 of 2023 Regarding the Organization of the Space Sector). URL: https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/2129/download (accessed date: 23.11.2025).

в Японии[62], с некоторыми не столь значимыми в контексте основного предмета исследования отличиями в определениях [De Pagter 2022], а также степенью актуальной разработанности и соответственно готовности к применению разрешительной процедуры рассматриваемой деятельности. Следует отметить и недавно принятые законы двух других государств: Бразилии и Италии. *Закон Бразилии № 14946 от 31 июля 2024 г.,* предусматривающий применимые к национальной космической деятельности стандарты, хотя и не устанавливает прав собственности, определяет *«космический ресурс»* как *природный ресурс, источником которого является небесное тело*[63]. Таким образом, Бразилия включила «космические ресурсы» в объекты последующего законодательного регулирования. *13 июня 2025 г.* был принят инновационный в части поддержки развития национальной частной космической деятельности *Закон Италии № 89 «О космической экономике»*[64]. Согласно ст. 2 этого закона космическая деятельность среди других направлений *включает исследование, добычу и использование природных ресурсов в космическом пространстве и на небесных телах в соответствии с правовыми документами, принятыми на международном уровне*[65].

Согласованность космических природоресурсных правовых подходов США, Люксембурга, ОАЭ, Японии, Бразилии и Италии наряду с другими шестьюдесятью шестью государствами подтверждается их участием в инициированных США *Соглашениях «Артемида».*

В анализируемом ракурсе следует отметить и ряд указов президента США, способствующих дальнейшему развитию космического природоресурсного и общеотраслевого подходов этого государства. Заключению Соглашений «Артемида» предшествовало принятие *Указа Президента США «О поощрении международной поддержки разведки, добычи и использования космических ресурсов» от 6 апреля 2020 г.*[66]. *Основная цель указа 2020 г.* согласно разделу 3 – «поощрение международной поддержки государственной и частной разведки, добычи и использования ресурсов в космическом пространстве» посредством соответствующих совместных заявлений, двусторонних и многосторонних договоренностей с зарубежными государствами – *масштабно реализована на практике.* Впоследствии были приняты еще два значимых в общесистемном контексте (в части дальнейшего стимулирования развития коммерческого космического сектора экономики США, включающего среди прочего и будущую космическую природоресурсную деятельность; а также определения приоритетных этапов реализации национальных космических программ, в том числе «Артемиды») подзаконных акта. Первый из них – *Указ Президента США «О содействии конкуренции в коммерческой космической отрасли» от 13 августа 2025 г.*[67]. Его *цель:* обеспечение *отраслевого «первенства США, а не соперников»* (раздел 1 указа), способом достижения которой определено создание «конкурентного рынка запусков и существенное увеличение частоты коммерческих космических запусков и новых видов космической деятельности к 2030 году», в том числе посредством упрощения процедуры выдачи лицензий для операторов под юрисдикцией США (раздел 2).

---

[62] Japan's Act No. 83 of 2021on the Promotion of Business Activities for the Exploration and Development of Space Resources (published in the Official Gazette on June 23, 2021). Текст закона доступен для ознакомления на английском языке (на японском превалирует) в переводе службы Министерства юстиции Японии. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4332/en (accessed date: 23.11.2025).

[63] Lei Nº 14946 DE 31/07/2024. Art. 2. X. XII – "recurso espacial: recurso natural proveniente de corpo celeste". URL: https://www.legisweb.com.br/legislacao/?id=462707 (accessed date: 23.11.2025).

[64] LEGGE 13 giugno 2025, n. 89 Disposizioni in materia di economia dello spazio. (25G00095) (GU Serie Generale n.144 del 24-06-2025). URL: https://www.gazzettaufficiale.it/atto/serie_generale/caricaDettaglioAtto/originario?atto.dataPubblicazioneGazzetta=2025-06-24&atto.codiceRedazionale=25G00095&elenco30giorni=false (accessed date: 23.11.2025).

[65] Ibid. Art. 2. 1. a) Definizioni. 1. "attivita' spaziale": <…> l'esplorazione, l'estrazione e l'uso delle risorse naturali dello spazio extra-atmosferico e dei corpi celesti, in conformita' agli strumenti giuridici adottati a livello internazionale;<…>". Анализ аналогичного положения Закона США 2015 г. в контексте актуальной оценки соответствия космической природоресурсной деятельности «международным обязательствам США» см.: [Юзбашян 2017:79-80].

[66] The Executive Order 13914 of April 6, 2025 "Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources" URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-202000245/html/DCPD-202000245.htm. (accessed date: 23.11.2025). Детальный анализ см.: [Вылегжанин, Юзбашян, Алексеев 2023:15-19].

[67] The Executive Order 14335 of August 13, 2025 "Enabling Competition in the Commercial Space Industry". URL: https://www.govinfo.gov/app/details/DCPD-202500847 (accessed date: 14.04.2026).

Наибольший интерес в контексте основного предмета исследования представляет *раздел 5* указа 2025 г., посвященный *реформированию разрешительной системы для новых видов космической деятельности.* При прямом исключении пилотируемых полетов под ними понимаются те виды, которые «*подпадают под действие ст. VI Договора по космосу 1967 г., но ясно или прямо не регулируются существующими правовыми режимами*». Очевидно, что *к ним относятся непилотируемые миссии с целью использования космических ресурсов* (следуя терминологии применимого законодательства США), в отношении которых специальный международно-правовой режим не установлен и на которые распространяется международная ответственность США за обеспечение их соответствия положениям Договора по космосу, а именно отраслевым принципам МКП им закрепленным. В связи с этим необходимо отметить, что несмотря на то, что инициатором национально-правового установления прав собственности лиц под национальной юрисдикцией на «добытые ими космические ресурсы» в опережение разработки специального международно-правового режима стали *США* в 2015 г., в этом государстве *предметная система лицензирования пока не разработана.* К началу 2026 г. лицензии на космическую природоресурсную деятельность были выданы только согласно впоследствии принятым законам Люксембурга 2017 г. и Японии 2021 г. для исполнения частными субъектами контрактных обязательств перед НАСА по сбору в малых количествах космических ресурсов (лунного реголита) и передаче на них прав собственности управлению в рамках исследовательского направления американской программы «Артемида» по «использованию ресурсов на месте» (ISRU-in situ resource utilization – добыча и переработка местных ресурсов)[68], т.е. с будущей целью поддержания жизнедеятельности космических экспедиций[69]). *С принятием Указа Президента США 2025 г. следует ожидать развития профильного американского законодательства и соответственно поэтапной реализации природоресурсного направления космической деятельности:* 1) *изначально в рамках актуально приоритетных для всех субъектов исследовательских миссий;* 2) в *относительно краткосрочной перспективе – для целей обеспечения жизнедеятельности* космических экспедиций; 3) *в долгосрочной, с подтверждением экономической целесообразности, и в коммерческих целях.* И если в первом случае последствия выдачи лицензий не будут столь критичны[70], то во втором и в третьем – *оптимальным* для исключения международных споров является *установление специального международно-правового режима до начала такой деятельности на основе национальных разрешительных систем.* Второй из недавно принятых подзаконных актов - *Указ Президента США «Об обеспечении американского превосходства в космосе» от 18 декабря 2025 г.*[71] - уточняет сроки реализации этапов программы «Артемида» и определяет меры дальнейшего стимулирования развития коммерческого космического сектора США. Его целью является проведение космической политики, «которая расширит возможности человеческих открытий, обеспечит жизненно важные экономические интересы и интересы безопасности страны, будет стимулировать коммерческое развитие и заложит основу для новой космической эры» (раздел 1). Указ обозначает *приоритеты политики* (раздел 2) и предусматривает соответствующие поручения органам исполнительной власти (раздел 3). В исследуемом ракурсе среди этих приоритетов следует отметить: (a) «мировое лидерство в освоении космоса» посредством (i) «возвращения американцев на Луну к 2028 году в рамках

[68] Две лицензии выданы японской компании ispace Inc. в 2022 г. и 2024 г.; одна в начале 2025 г. ее европейскому подразделению ispace-EUROPE S. A., базирующемуся в Люксембурге. Обе компании заключили в 2020 г. контракты с НАСА. NASA Selects Companies to Collect Lunar Resources for Artemis Demonstrations. URL: https://www.nasa.gov/news-release/nasa-selects-companies-to-collect-lunar-resources-for-artemis-demonstrations/ (accessed date: 14.04.2026).

[69] Аналогичное право предусмотрено п. 2 ст. 6 Соглашения о Луне 1979 г.

[70] Подпадает под право исследования космического пространства, включая небесные тела, согласно ст. I Договора по космосу 1967 г. Впервые образцы лунного грунта были доставлены на Землю 24 сентября советской автоматической станцией «Луна-16». См.: Пятьдесят пять лет назад лунный грунт был впервые доставлен на Землю автоматическим аппаратом. – *Российская Академия Наук.* 24 сентября 2025 г. URL: https://new.ras.ru/activities/news/pyatdesyat-pyat-let-nazad-lunnyy-grunt-byl-vpervye-dostavlen-na-zemlyu-avtomaticheskim-apparatom/ (дата обращения: 23.11.2025).

[71] The Executive Order 14369 of December 18, 2026 "Ensuring American Space Superiority". URL: https://www.govinfo.gov/app/details/DCPD-202501209 (accessed date:14.04.2026).

программы «Артемида», (ii) «создания к 2030 году начальных элементов постоянной лунной базы», (iii) «повышения надежности и экономической эффективности архитектур средств выведения и исследования, включая обеспечение коммерческих услуг по запуску и приоритетное развитие лунных исследований»; (c) «развитие динамической космической экономики» посредством (i) «привлечения не менее 50 миллиардов долларов дополнительных инвестиций на американские космические рынки к 2028 году и увеличение частоты запусков и возвращений в атмосферу»; (d) «разработку и внедрение передовых возможностей и подходов для обеспечения» последующих достижений в космической отрасли посредством (ii) «обеспечения возможности использования космической ядерной энергии в ближайшей перспективе путем развертывания ядерных реакторов на Луне и на орбите, включая лунный реактор, который будет готов к запуску к 2030 году[72]» (соответствующие пункты Раздела 2). Таким образом, последовательно развивается как специальный, так и общеотраслевой законодательные подходы США. Ряд соответствующих международным обязательствам по действующему МКП общеотраслевых мер (например, относительно стимулирования роста национального частного сектора) могут быть востребованы и в космической экономике Китая и России.

Рассмотренное *космическое природоресурсное законодательство регулируемые виды деятельности de facto опережает,* т.е. не имеет в настоящее время масштабного применения (выданы были только три лицензии, деятельность по которым не вступает в прямое противоречие с действующими международно-правовыми нормами). В чем же заключается цель столь оперативного принятия системы аналогичных актов в ряде государств-участников Соглашений «Артемида», многие из которых лишь в последние годы стали активными участниками космической деятельности[73]? *Одна из целей – продвижение «общего видения» на универсальном международно-правовом уровне очевидна,* однако если она и может быть реализована, то лишь в относительно долгосрочном плане с учетом современных сложностей в достижении консенсуса в Комитете ООН по космосу. Существует ли иной мотив, связанный с актуальными благоприятными результатами для соответствующих государств? В связи с этим значимым представляется отмеченный в зарубежном исследовании факт: *в государствах с законодательством о космических ресурсах констатируется общий рост инвестиций в коммерческий космический сектор* [Janikowski 2025], естественно, не ограничивающийся природоресурсным направлением, а включающий комплекс взаимосвязанных отраслевых «товаров, технологий и услуг». *Системная национально-законодательная определенность* в отношении соответствующих прав собственности совместно с иными мерами – всесторонним регулированием частной космической деятельности, снятием чрезмерных административных и регулятивных барьеров и другими правительственными механизмами поддержки развития основных направлений частной космонавтики в этих государствах (в США стабильно и последовательно начиная с 80-х гг. прошлого столетия; в Люксембурге, ОАЭ, Японии, Бразилии, Италии в последние годы) в своей совокупности *обеспечивают условия для оперативного достижения значимых экономических результатов.*

При решении основной исследовательской задачи необходимо прежде всего исходить *из фактической характеристики деятельности,* точнее, *из вероятности и целесообразности реализации в относительно краткосрочной перспективе соответствующего направления космической природоресурсной деятельности в условиях конкурирующих интересов.* В качестве такого направления представляется рациональным рассматривать *использование лунных*

[72] Подробнее см.: White House Releases Space Nuclear Initiative. M. Smith, April 14, 2026. URL: https://spacepolicyonline.com/news/white-house-releases-space-nuclear-initiative/ (accessed date: 14.04.2026). Текст Национальной инициативы по американской космической ядерной энергии от 14 апреля 2026 г. доступен там же.

[73] Показательным является, в частности, пример Люксембурга, в котором закон, определяющий регулирование общих вопросов космической деятельности (Loi du 15 décembre 2020 portant sur les activités spatiales et modifiant: 1° la loi modifiée du 9 juillet 1937 sur l'impôt sur les assurances dite "Versicherungssteuergesetz"; 2° la loi modifiée du 4 décembre 1967 concernant l'impôt sur le revenu. URL: https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2020/12/15/a1086/jo (accessed date: 23.11.2025) был принят спустя три года после принятия Закона Люксембурга «Об исследовании и использовании космических ресурсов» 2017 г.

ресурсов для обеспечения жизнедеятельности при долгосрочном пребывании на Луне (соответствует концепции ISRU[74]). Как было обозначено, *переработка местных ресурсов запланирована в обоих проектах, и МНЛС, и «Артемиде»*. Сообразно можно констатировать наличие достаточных оснований для рассмотрения этого направления *как приоритетного для начальной гармонизации правовых подходов Китая, России и США*.

В *проекте МНЛС* намерение использовать *«лунные ресурсы на месте» (lunar resources in-situ utilization)* было впервые обозначено в качестве одной из научных целей Дорожной карты по созданию станции, опубликованной в июне 2021 г.[75]. В *Соглашении по МНЛС* 2022 г. также содержится аналогичное положение: согласно п. 2 (8) ст. 5 области сотрудничества включают *«использование лунных ресурсов на поверхности (под поверхностью) и (или) на орбите Луны»*. При этом исходя из смысла п. 3 этой же статьи области сотрудничества могут быть дополнены «по взаимному письменному согласию Сторон или их компетентных органов по мере необходимости». В плане создания и эксплуатации МНЛС (ст. 7 Соглашения) без уточнения сроков реализации предусмотрено три фазы: фаза I – исследование; II – создание; III – эксплуатация. *«Исследование, изучение и возможное использование ресурсов, присутствующих на поверхности (под поверхностью) и (или) орбите Луны, и других потенциально общих технологий»* обозначено в качестве цели второго этапа фазы II; освоение Луны с верификацией технологий ‑ цель фазы III. Иных предметных положений Соглашение по МНЛС не содержит, что отражает *приверженность обоих государств подходу о необходимости первичного установления соответствующего правового режима на универсальном международно-правовом уровне.*

Соглашения «Артемида» и относительно космической природоресурсной деятельности характеризуются более «творческим» подходом, выраженным в разделах 10 и 11. При этом *раздел 10, посвященный непосредственно космическим ресурсам, менее неоднозначный в международно-правовом контексте,* чем следующий за ним *раздел 11,* в котором предложено «общее видение» применительно к предотвращению конфликтных ситуаций в процессе космической деятельности. Тем более это очевидно с учетом того, что *раздел 10 Соглашения «Артемида», в отличие от Закона США 2015 г., не устанавливает прав собственности в отношении «добытых космических ресурсов»*. В п. 1 раздела 10 отмечено, что *«использование космических ресурсов может принести пользу человечеству, обеспечивая необходимую поддержку безопасной и устойчивой работы». Это положение-констатацию можно соотнести с рассмотренными положениями Соглашения по МНЛС об использовании лунных ресурсов.* Согласно п. 4 раздела 10 Соглашений «Артемида» «подписавшие стороны намерены использовать свой опыт работы… для содействия многосторонним усилиям по дальнейшему развитию международной практики и норм, применимых к добыче и использованию космических ресурсов, в том числе в процессе постоянной работы в Комитете ООН по космосу». Реализация этого намерения может иметь негативные последствия, в том числе в форме международных споров и конфликтов, в случае если при конкурирующем использовании космических ресурсов специальный международно-правовой режим еще не будет установлен. Такая ситуация может стать более острой при использовании в аналогичных условиях обозначенного далее механизма установления «зон безопасности» согласно разделу 11.

---

[74] ISRU (In-Situ Resource Utilization) — это «концепция и комплекс технологий, предназначенных для добычи и переработки местных ресурсов на других планетах или астрономических объектах. Эти технологии <…> позволяют экспедициям использовать местные ресурсы для производства топлива, воды, кислорода и строительных материалов, минимизируя таким образом количество груза, который необходимо запускать с Земли. *Применение ISRU может значительно сократить стоимость космических миссий и повысить их надежность.* Особенно актуально это для миссий на Луну и Марс, где перевозка каждого килограмма груза обходится в большую сумму». – *Лаборатория геохимии Луны и планет, Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН.* URL: http://portal.geokhi.ru/Lab41/SitePages/%D0%A7%D1%82%D0%BE-%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B5-ISRU-%D0%B8-%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D1%8D%D1%82%D0%BE-%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D1%82-%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8E-%D0%BA%D0%BE%D1%81%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%B0-%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC-.aspx?web=1 (дата обращения: 23.11.2025).

[75] International Lunar Research Station (ILRS) Guide for Partnership. Date: 2021-06-16. URL: http://www.cnsa.gov.cn/english/n6465652/n6465653/c6812150/content.html (accessed date: 27.11.2025).

Общим в обоих предметных разделах Соглашений, 10 и 11, является заявленная приверженность соблюдению положений Договора по космосу 1967 г. Однако и в первом, и во втором случае в отсутствие специальных норм, очевидно, отсутствуют и основания для оценки соответствия деятельности несуществующим специальным нормам. Это утверждение относится не ко всем аспектам заявленного соответствия. С учетом действующих норм можно определить соблюдение общих отраслевых принципов МКП, закрепленных Договором по космосу 1967 г. и применимых ко всем видам деятельности, включая природоресурсную, как, например, в отношении раздела 10 – запрета присвоения космического пространства, включая небесные тела, любыми средствами и любыми субъектами (при совместном толковании статей II и VI Договора по космосу), с оговоркой о том, что и в этом контексте могут возникнуть сложности в отсутствие аутентичного толкования о применимости или неприменимости запрета присвоения к природным ресурсам небесных тел. *В полной же мере отсутствуют основания для оценки заявленного соответствия ст. IX Договора по космосу, прежде всего, по инновационным положениям раздела 11 Соглашений «Артемида» о создании «зон безопасности» (safety zones)* в качестве области, «*в отношении которой предусмотрены уведомление и координация во избежание вредных помех» деятельности любых других субъектов* (п. 7 раздела 11). И хотя участники Соглашений «Артемида» в соответствии с п. 11 раздела 11 «*обязуются соблюдать принцип свободного доступа во все районы небесных тел*», на практике (в отсутствие единого универсального механизма координации, применимого ко всем субъектам лунной деятельности) *установление предусмотренных Соглашениями «зон безопасности»* даже при заявленном намерении блюсти интересы других государств, не участвующих в Соглашениях «Артемида», может со временем лишь *стать причиной невозможности полноценной реализации конкурирующих видов деятельности на Луне*[76] и, соответственно, приближения к «критической точке». Нежелание наступления такого ущерба может способствовать трансформации соперничества двух лунных проектов в предметное международно-правовое сотрудничество изначально Китая, России и США, впоследствии и других субъектов. Очевиден и тот факт, что *основной стимул к установлению сбалансированного специального международно-правового режима космической природоресурсной деятельности будет исходить из практической и даже «прагматической» плоскости.*

3.4. Позиции Китая, России, США в Рабочей группе по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами, Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу

В марте 2025 г. был опубликован *Первоначальный проект свода рекомендуемых принципов осуществления деятельности, связанной с космическими ресурсами* (Первоначальный проект)[77], подготовленный заместителем председателя *Рабочей группы по правовым аспектам деятельности, связанной с космическими ресурсами* (Рабочая группа), профессором Стивеном Фриландом; впоследствии были представлены его обновленные версии, отражающие в режиме редактирования изменения, внесенные в Первоначальный проект в ходе встреч Рабочей группы. Последние обновления были опубликованы в конце апреля 2026 г.[78] по итогам встреч в рамках шестьдесят пятой сессии (15–22 апреля 2026 г.) Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу. *Часть 1* Первоначального проекта включает *преамбулу* и *девять принципов,* по которым в Рабочей группе «*в целом существует общее понимание*» (обновленная версия проекта дополнена принципами под условными номерами; с учетом того, что актуальный текст неокончательный и содержит множество правок, их детальное рассмотрение представляется целесообразным на более позднем этапе деятельности Рабочей группы). При этом *важно разграничивать «в целом существует общее понимание» и консенсус как способ принятия решений в Комитете. Часть 2* содержит предложения некоторых делегаций, по основному содержанию которых (с учетом представленности на иных

[76] См., напр.: Same Moon Landing Sites for USA and China? Shivank Vyas. September 18, 2022. URL: https://spacesecurity.wse.jhu.edu/2022/09/18/same-moon-landing-sites-for-usa-and-china/ (accessed date: 23.11.2025).

[77] Документ ООН A/AC.105/C.2/L.339.

[78] Updated draft set of recommended principles for space resource activities by the Chair and the Vice-Chair of the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities, 28 April 2026. https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/lsc/space-resources/index.html (accessed date: 14.05.2026).

рассмотренных уровнях) можно выявить, от какого государства или группы государств они исходят. Так, *концептуально позиции государств,* представленные как непосредственно к Первоначальному проекту (к середине мая 2026 г. среди рассматриваемых государств позиции представили Китай и Россия), так и ранее по общим вопросам (Китай, Россия, США) в Рабочей группе сущностно *отражают соответствующий предметный подход в основе одного из двух международных лунных проектов,* участниками которого они являются. Соответственно, консенсус относительно «рекомендуемых принципов»[79] будет зависеть и от возможности (в проанализированных выше условиях) сближения правовых подходов Соглашений «Артемида» и Соглашения по МНЛС.

Работа по Первоначальному проекту продолжается. В преамбуле этого документа, как и в рассмотренных соглашениях по проектам «Артемида» и МНЛС, подчеркнуто *краеугольное значение Договора по космосу 1967 г.*, в качестве правовой основы всех видов космической деятельности, включая деятельность, связанную с космическими ресурсами. *Принципы Первоначального проекта,* по которым к настоящему времени «существует общее видение», *преимущественно являются «адаптацией»* (без сущностных инноваций) соответствующих *отраслевых принципов МКП,* установленных Договором по космосу, а также некоторых принятых в последние годы актов рекомендательного характера (в частности, по концепции долгосрочной устойчивости космической деятельности; по основам внутригосударственной разрешительной процедуры космической деятельности во исполнение государствами международного обязательства согласно ст. VI Договора по космосу). В Первоначальном проекте содержатся и некоторые более значимые в контексте основного предмета исследования положения. Так, *приоритеты по целям и направлениям космической природоресурсной деятельности,* выявленные (с учетом значения фактора экономической целесообразности в относительно краткосрочной перспективе) при рассмотрении иных элементов актуальной профильной системы процессов, подходов и правовых актов[80], а именно *использование лунных ресурсов для поддержания жизнедеятельности в космическом пространстве (концепция ISRU), подтверждаются и в преамбуле Первоначального проекта Рабочей группы* следующим образом: «Признавая, что деятельность, связанная с космическими ресурсами, *может заложить необходимую основу для безопасного и устойчивого исследования и использования космического пространства, включая Луну и другие небесные тела».* Значимые в указанном контексте положения содержатся также *в принципе 6* «Приоритет[81] научных исследований и изысканий», согласно п. c) которого: «при разработке концепции, планировании и осуществлении деятельности, связанной с космическими ресурсами, государства отдают *приоритет*[82]: a) *научно-исследовательским и изыскательским проектам,* направленным на защиту интересов всего человечества; b) *деятельности, связанной с космическими ресурсами, способствующей реализации таких проектов».* Очевидно, что *общее понимание по этому принципу отражает актуально приоритетные цели и направления космической природоресурсной деятельности в рамках современных международных лунных проектов.*

Среди положений, которыми была дополнена часть 1 обновленного Предварительного проекта до перечисления девяти принципов, научно-практический интерес представляет раскрывающий следующие понятия раздел «*Определения*»[83]

---

[79] Эффективное регулирование в период активного использования ресурсов способен обеспечить только международный договор.

[80] Предметные констатации и выводы содержатся во введении, разделе 1, п. 3.3. раздела 3.

[81] «Научные исследования и изыскания» в обновленной версии Первоначального проекта от 28 апреля 2026 г.

[82] В качестве варианта «должным образом учитывают», там же.

[83] "For the purposes of these Principles, the following definitions apply:
(a) space resources include extractable and/or recoverable[, tangible or intangible, directly or indirectly value] natural [abiotic] resources [material] [that retain their status as space resources even after being processed, modified, and transformed] [such as minerals, water, ice, other liquids, and gases] located [in situ] in outer space, including [on the surface or in the subsurface of] the Moon and other celestial bodies [and do not include satellite orbits, radio spectrum, solar energy or other resources not of a physical nature]; and
(b) space resource activities include activities carried [on/out] in outer space, including the Moon and other celestial bodies, for the primary purpose of searching for space resources, the extraction of space resources, and the exploration, exploitation and utilization of space resources carried [on/out] in outer space [as well as related activities such as processing [, modification, transformation, storage,] and transportation carried [on/out] in outer space]".

(далее представлен краткий вариант определений без приведения всех редакционных вариантов соответствующих формулировок): (a) «*космические ресурсы*» включают извлекаемые и/или восстанавливаемые природные ресурсы, расположенные в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела [, и не включают спутниковые орбиты, радиочастотный спектр, солнечную энергию или другие ресурсы нефизической природы]; (b) «*деятельность, связанная с космическими ресурсами*» включает деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, с основной целью поиска космических ресурсов, добычи космических ресурсов, а также использования космических ресурсов в космическом пространстве, [а также связанные с этим виды деятельности, такие как переработка [модификация, трансформация, хранение] и транспортировка, осуществляемые [в/из] космического пространства]». Текущая версия определения «деятельности, связанной с космическими ресурсами» согласуется с тезисом о том, что в качестве ее приоритетного направления в относительно краткосрочной перспективе рассматривается использование ресурсов непосредственно в космическом пространстве. При этом не исключается и эксплуатация ресурсов в иных целях в будущем. Обратимся к соответствующим подходам трех рассматриваемых государств.

США представили на рассмотрение Рабочей группы только свое общее видение по основным вопросам в марте 2023 г.[84], предметное по Первоначальному проекту, включая его обновленные версии на май 2026 г. отсутствует. Концептуально Соединенные Штаты отмечают *целесообразность использования космических ресурсов для обеспечения долгосрочного присутствия человека на Луне;* при этом подчеркивают, что при обсуждении правовых вопросов необходимо прежде всего исходить из того, что «человечество находится на самой ранней стадии разведки, эксплуатации и использования космических ресурсов». Остальные положения представленного документа в полной мере *отражают предметный подход США в основе Соглашений «Артемида» и соответствующего национального законодательства*. По мнению США, на современном этапе отсутствует практическое основание для установления международного режима деятельности по использованию космических ресурсов. В качестве обоснования этой позиции обозначено, что для начальных миссий по отработке соответствующих технологий (до широкого использования космических ресурсов) *четыре договора ООН по космосу обеспечивают базовую правовую основу.* При этом прямо целесообразность рассмотрения возможности создания такового режима в будущем США не отрицают. При беспристрастной оценке можно констатировать, что этот подход в полной мере соотносится с тезисом о том, что *основной стимул к установлению специального международно-правового режима будет исходить из «прагматической» плоскости в период дальнейшей широкой реализации космической природоресурсной деятельности в условиях конкурирующих интересов.*

Относительно позиций *Китая и России* целесообразным представляется приведение некоторых положений из более актуальных представленных в мае 2025 г. документов, а именно предметных по Первоначальному проекту свода рекомендуемых принципов.

Россия[85], в сравнении с ранее представленной позицией[86] конкретизировала свое *видение определения «космических ресурсов»,* в последней версии оно *соотносится с содержащимся в обновленном Первоначальном проекте свода рекомендуемых принципов* и рационально более не включает спутниковые орбиты, радиочастотный спектр, солнечную энергию или другие ресурсы нефизической природы. Россия признает *Договор по космосу 1967 г. в качестве правовой основы космической природоресурсной*

Также в обновленном тексте Первоначального проекта представлен альтернативный вариант определений по предложению одного из членов Рабочей группы: "For the purposes of these Principles, the following definitions apply: (a) space resources are mineral resources, liquids and gases, located in outer space, including on celestial bodies, considered accessible and valuable for use or consumption; (b) space resource activities are space activities related to space resources, including but not limited to exploration, exploitation and utilization".

[84] Документ ООН A/AC.105/C.2/2023/CRP.37.

[85] Contribution of the Delegation of the Russian Federation to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities of the Legal Subcommittee of the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space on elements for an initial draft set of recommended principles for space resource activities. 64th LSC, May 2025 – session documentation. URL: https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/lsc/space-resources/index.html (accessed date: 23.11.2025).

[86] Документ ООН A/AC.105/C.2/2023/CRP.20.

деятельности, а также подчеркивает целесообразность принятия во внимание положений Соглашения о Луне 1979 г. при разработке международно-правового регулирования исследования, эксплуатации и использования космических ресурсов. Предложение, которое представляется сложно реализуемым на стабильной основе вне обязательных механизмов при развертывании космической природоресурсной деятельности[87], относится к включению в модернизированной форме положения Соглашения о Луне 1979 г. о справедливом распределении благ, получаемых от ресурсов (даже при условии понимания «справедливого распределения» в качестве соответствующего «усилиям и материальному вкладу тех государств, юридических лиц или физических лиц, которые эксплуатируют космические ресурсы»), в Первоначальный проект свода рекомендуемых принципов. В конце апреля 2026 г. в обновленный Первоначальный проект под условным номером X был включен принцип «Распределение благ», по содержанию которого можно констатировать наличие в нем предметных предложений, впервые озвученных Китаем[88].

Наиболее выверенной в общих положениях является позиция *Китая*[89]. Относительно *определения «космических ресурсов» подходы Китая и России в их актуализированной версии сходны.* Значимым является ряд уточнений Китая о том, что: 1) «космический ресурс» не происходит из Земли и естественным образом не попадает на нее; 2) «деятельность, связанная с космическими ресурсами» включает, но не ограничена исследованием, извлечением, переработкой и транспортировкой. *Китай, как Россия и США, рассматривает Договор по космосу 1967 г. в качестве правовой основы такой деятельности.* Востребованным на практике может стать предложение Китая о создании Секретариатом ООН *специального реестра космических объектов на Луне* и других небесных телах. Представляется, что такой дополнительный реестр или, что может быть более целесообразным, выделение космических объектов на небесных телах в отдельную категорию действующего Международного реестра объектов, запущенных в космическое пространство, *мог бы способствовать профильной координации конкурирующих и взаимодополняющих видов деятельности на небесных телах.* Распределение благ, получаемых от космических ресурсов, в понимании Китая должно быть реализовано, помимо прочего, путем обмена научно-техническими результатами.

Таким образом, *позиции Китая, России и США в полной мере соотносятся с соответствующими подходами Соглашения по МНЛС и Соглашений «Артемида».* В общем ракурсе следует констатировать *наличие достаточных оснований для начальной гармонизации соответствующих предметных подходов этих государств.*

4. Заключение

К целесообразности гармонизации правовых подходов Китая, России и США

Как отметил профессор Юрий Михайлович Колосов в выступлении на Симпозиуме ООН, посвященном пятидесятилетию Комиссии международного права в 1998 г.: «*Катастрофы могут быть предотвращены посредством принятия и применения значимых международно-правовых норм только при условии проведения на непрерывной основе тщательного всестороннего исследования тенденций развития международных отношений и приложения усилий для оперативной и своевременной разработки соответствующих международных договоров или (иных) правовых актов.*» [Kolosov 1998:206].

Актуальный этап развития космической деятельности в условиях современных глобальных трансформационных процессов представляет *научно-практический интерес* не только для целей предиктивной аналитики в области космической экономики, но и, что представляется

[87] Подробнее см.: [Юзбашян 2017:77-78].

[88] Некоторые уточненные предложения по распределению благ, получаемых от деятельности, связанной с космическими ресурсами, содержатся в п. 6. неофициального документа, представленного Китаем в 2026 г. на шестьдесят сессии Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу. Non-paper submitted by China titled "Contribution of the Delegation of China concerning the Principle of Non-Appropriation and Other Principles in the Initial Daft Set of Recommended Principles for Space Resource Activities". 65th LSC, April 2026 – session documentation. URL: https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/lsc/space-resources/index.html (accessed date: 18.04.2026).

[89] Submission by the Delegation of China to the Working Group on Legal Aspects of Space Resource Activities of the Legal Subcommittee of the Committee on the Peaceful Uses of Outer Space64th LSC, May 2025 – session documentation. URL: https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/lsc/space-resources/index.html (accessed date:23.11.2025).

более значимым с учетом отсутствия в течение длительного периода значимых отраслевых международно-правовых новаций, *для стратегического прогнозирования путей развития МКП и планирования приоритетных из возможных поэтапных действий,* в частности, с целью эффективного представления государственных интересов в формирующемся регулировании новых видов деятельности в космосе в пределах, согласующихся с применимыми действующими принципами и нормами и соответствующих цели прогрессивного развития этой отрасли международного права. В соответствии с анализом в основной части исследования на современном этапе развития МКП *одним из наиболее значимых и показательных,* в том числе *ввиду* его обозначенной «*структурированности*», является *вопрос о правовом режиме деятельности, связанной с космическими ресурсами.*

Основной фактор в контексте воздействия на дальнейшее развитие МКП, включая правовой режим природоресурсной деятельности в космосе, а именно *параллельное развитие двух международных, но не универсальных по своей природе подходов в основе соперничающих лунных проектов* – инициированной США «Артемиды» и совместного проекта Китая и России «Международная научная лунная станция», был впервые независимо выявлен в середине 2022 г. в России[90], спустя год – в Китае [Wu 2023], и в настоящее время признается мировым сообществом специалистов. Это лишь первый шаг в системе всестороннего анализа предметных тенденций, факторов и процессов.

В результате актуального исследования обоснована следующая совокупность выводов и прогнозных оценок (детально они представлены в основной части). С учетом специфики деятельности в космическом пространстве единственным эффективным способом обеспечения стабильной реализации конкурирующих ее видов является установление специального универсального международно-правового режима. *Для деятельности, связанной с космическими ресурсами, специальный режим будет востребован на этапе ее широкого развития и потенциального приближения к «критической точке» в форме существенного ущерба, недопущение наступления которого соответствовало бы интересам сначала ведущих субъектов деятельности, впоследствии всех участников.* На современном этапе *оба международных лунных проекта сфокусированы на целесообразности использования местных ресурсов для целей жизнеобеспечения* при запланированном долгосрочном пребывании на естественном спутнике Земли. Этот приоритет имеет сообразное *правовое отражение* на следующих уровнях (с учетом обозначенных в основной части исследования взаимосвязей): 1) *Соглашения «Артемида»* совместно (с учетом определенных отличий) с национальным законодательством ряда государств-участников; *Соглашение по МНЛС* (а также Дорожная карта по созданию МНЛС); 2) *Первоначальный проект свода рекомендуемых принципов Рабочей группы* Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу; соответствующие *позиции Китая, России и США,* а также ряда других государств-участников одного из двух лунных проектов. Следует отметить, что содержание Первоначального проекта, как и позиций государств, свидетельствует о сложившемся «*общем понимании*»: *деятельность, связанная с космическими ресурсами, Договором по космосу 1967 г. не запрещена* и им в общем порядке, как и другие виды космической деятельности, регулируется. С учетом того, что долгие годы этот вопрос оставался дискуссионным в науке и в официальных обсуждениях в Юридическом подкомитете Комитета ООН по космосу, «общее понимание» по нему является значимым достижением деятельности Рабочей группы и, очевидно, необходимым для рассмотрения возможности принятия, в частности, специальных «рекомендуемых принципов». При этом следует подчеркнуть, что *только международный договор сможет обеспечить эффективную координацию конкурирующих видов деятельности за пределами национальной юрисдикции.*

При определении *приоритетных направлений гармонизации соответствующих подходов Китая, России и США* (которую целесообразно также рассматривать в качестве начального этапа на пути будущего установления специального

[90] Yuzbashyan M. Topical Trends in Outer Space Cooperation/Competition and Perspectives on Space Law (2022), presentation delivered at the round table "Cooperation and Competition in Outer Space: Legal Problems and Perspectives" of the Second International Conference "Contemporary Society, State and Law", 16-17 June 2022, Shenzhen, China, SSRN (29 June 2022). URL: https://ssrn.com/abstract=4145994 (accessed date: 23.11.2025).

международно-правового режима) необходимо прежде всего исходить *из фактической характеристики деятельности, точнее, из вероятности и целесообразности реализации в относительно краткосрочной перспективе соответствующего направления космической природоресурсной деятельности в условиях конкурирующих интересов*. Таким предусмотренным в обоих лунных проектах направлением, как было обозначено, является *использование лунных ресурсов для обеспечения жизнедеятельности при долгосрочном пребывании на Луне*. Оба проекта поэтапно развиваются в отсутствие какой-либо координации будущей деятельности. При этом в общем ракурсе следует констатировать наличие *достаточных оснований для начального сближения соответствующих предметных* подходов этих государств. *Основной же стимул к значимому международно-правовому сотрудничеству Китая, России и США будет исходить из области практических интересов – недопущения причинения существенного ущерба деятельности всех задействованных субъектов в отсутствие согласованного сторонами регулирования.*

Исторически своевременное адекватное осмысление и оперативное реагирование на особенности отраслевого соперничества (прежде всего, СССР и США) привело к разработке системы международных договоров ООН по космосу. В этом контексте *актуальный этап, при условии выверенного эффективного реагирования на систему выявленных факторов* («новых больших вызовов» согласно п. 17 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ № 642 от 1 декабря 2016 г.) *может стать периодом* не только неизбежных объективных перемен, но и *глобальных возможностей для прогрессивного развития международного космического права* в интересах всех государств.

Список литературы

1. Беркман П.А., Вылегжанин А.Н., Юзбашян М.Р., Модюи Ж. 2018. Международное космическое право: общие для России и США вызовы и перспективы. – *Московский журнал международного права.* № 1 (106). С. 16-34.
2. Брюханов Н.А., Легостаев В.П., Лобыкин А.А., Лопота В.А., Сизенцев Г.А., Синявский В.В., Сотников Б.И., Филиппов И.М., Шевченко В.В. 2014. Использование ресурсов Луны для исследования и освоения солнечной системы в XXI веке. – *Космическая техника и технологии.* № 1 (4). С. 3-14.
3. Вылегжанин А.Н., Юзбашян М. 2024. Статус природных ресурсов небесных тел: новеллы, обозначенные практикой государств. – *Государство и право.* № 1. С. 147-158.
4. Вылегжанин А., Юзбашян М., Алексеев М. 2023. Международно-правовая космическая политика США: приглашение к уточнению статуса природных ресурсов небесных тел или вызов большинству государств? – *Международные процессы.* № 3 (21). С. 6-30.
5. Колосов Ю.М. 1981. Освоение космического пространства (Глава VIII). – *Глобальные проблемы современности.* Ред. Н.Н. Иноземцев. Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР. Москва: Мысль. 1981. 285 с.
6. Колосов Ю.М. 2014. *Борьба за мирный космос.* 2-е изд. стереотипное. Москва: Статут. 128 с.
7. Колосов Ю.М. 2007. Правовой режим природных ресурсов Луны и других небесных тел. – *Международно-правовые основы недропользования.* Отв. Ред. А.Н. Вылегжанин. Москва: НОРМА. С. 238-241.
8. Колосов Ю.М., Юзбашян М.Р. 2015. Вклад российской (советской) юриспруденции в становление и развитие международного космического права. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 12-34.
9. Маров М.Я. 2023. Исследования Луны автоматическими космическими аппаратами. – *Космические исследования.* Т. 61. № 1. С. 52-77.
10. Юзбашян М.Р. 2018. Актуальные международно-правовые вопросы разрешения споров в области космической деятельности. – *Право и управление. XXI век.* № 2. С. 48-59.
11. Юзбашян М.Р. 2024. Актуальные тенденции сотрудничества/соперничества в космосе и перспективы развития космического права. – *Право и управление. XXI век.* № 1 (20). С. 103-119.
12. Юзбашян М.Р. 2017. Закон США об исследовании и использовании космических ресурсов 2015 г. и международное космическое право. – *Московский журнал международного права.* № 2 (106). С. 71-86.
13. Dallas J.A., Raval, S., Alvarez Gaitan, Saydam S., Dempster A.G. 2020. Mining beyond earth for sustainable development: Will humanity benefit from resource extraction in outer space? – *Acta Astronautica.* Vol. 167. P. 181-188.
14. De Pagter M.M. 2022. "Who Dares, Wins:" How Property Rights in Space Could be Dictated by the Countries Willing to Make the First Move. – *Chicago Journal of International Law Online.* 1.2. URL: https://cjil.uchicago.edu/online-archive/who-dares-wins-how-property-rights-space-could-be-dictated-countries-willing-make (accessed date: 27.09.2025).
15. De Zwart M., Henderson S., Neumann M. Oct. 2023. Space Resource Activities and the Evolution of International Space Law. – *Acta Astronautica.* Vol. 211. P. 155-162.
16. Criddle E.J., Fox-Decent E. 2019. Mandatory Multilateralism. – *American Journal of International Law.* Vol. 113. Issue 2. P. 272-325.
17. Janikowski A. 2025. Bold Steps Forward: The Investment Impact of Enacting Space Resources Legislation. – *Space Policy.* № 72. P. 101675. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0265964624000663#bib50 (accessed date: 11.10.2025).

18. Jankowitsch P. 2015. The Background and History of Space Law. – *Handbook of Space Law.* Eds. by F. von der Dunk, F. Tronchetti. Cheltenham & Northampton: Edward. Elgar Publishing. 1137 p.
19. Kolosov Yu.M. 1998. Overview of the International Law-making Process and the Role of the International Law Commission. – *Making Better International Law: The International Law Commission at 50: Proceedings of the United Nations Colloquium on Progressive Development and Codification of International Law.* New York. United Nations. 464 p.
20. Kopal V. 2008. Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, Including the Moon and Other Celestial Bodies. – *United Nations Audiovisual Library of International Law.* 10 p. URL: https://legal.un.org/avl/ha/tos/tos.html (accessed date: 23.11.2025).
21. Paikowsky D. 2017. *The Power of the Space Club.* Cambridge, UK: Cambridge University Press. 251 p.
22. Pelton J.N. 2019. Space 2.0: Revolutionary Advances in the Space Industry. 1st ed. Springer. 218 p.
23. Pioneers of Space Law. Vladimir Mandl (1899–1941). 2023. Ed. by S. Doyle. – *International Institute of Space Law Directorate of Studies.* 112 p.
24. Pyle R. 2019. Space 2.0: How Private Spaceflight, a Resurgent NASA, and International Partners Are Creating a New Space Age. Dallas. TX: BenBella Books, Inc. 336 p.
25. Tronchetti F. 2015. The Space Resource Exploration and Utilization Act: A Move Forward or a Step Back? – *Space Policy.* Vol. 34. P. 6-10.
26. von der Dunk F.G. 2018a. Asteroid Mining: International and National Legal Aspects. – *Michigan State International Law Review.* Vol. 26.1. P. 83-101.
27. von der Dunk F.G. 2018b. Private Property Rights and the Public Interest in Exploration of Outer Space. – *Biological Theory.* Vol. 13. Issue 2. P. 142-151.
28. Vylegzhanin A., Yuzbashyan M., Suvorov G. 2025. The Legal Regime of Natural Resources of Celestial Bodies: Current State of the Relevant Russian Laws and Perspectives for a Common BRICS Legal Approach. – *BRICS Law Journal.* Vol. 12 Issue 2. P. 5-42.
29. Waters M. 2023. Small States in Space: Space Club Relevancy and National Interest Influence. – *Journal of Indo-Pacific Affairs.* Vol 6. Issue 4. P. 13-47.
30. Wu X. 2023. The International Lunar Research Station: China's New Era of Space Cooperation and Its New Role in the Space Legal Order. – *Space Policy.* 2023. Vol. 65. August 2023. P. 101537.

References

1. Berkman P.A., Vylegzhanin A.N., Yuzbashyan M.R., Mauduit J. Mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo: obshhie dlja Rossii i SShA vyzovy i perspektivy [Outer Space Law: Russia-United States Common Challenges and Perspectives]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law].* 2018. № 1 (106). P. 16-34. (In Russ.)
2. Bryuhanov N.A., Legostaev V.P., Lobykin A.A., Lopota V.A., Sizencev G.A., Sinyavskij V.V., Sotnikov B.I., Filippov I.M., Shevchenko V.V. Ispol'zovanie resursov Luny dlya issledovaniya i osvoeniya solnechnoj sistemy v XXI veke [Use of Natural Resources of the Moon for Solar System Exploration and Exploitation in the 21st Century]. – *Kosmicheskaya tekhnika i tekhnologii [Space Engineering and Technology].* 2014. № 1 (4). P. 3-14.
3. Dallas J.A., Raval S., Alvarez Gaitan, Saydam S., Dempster A.G. Mining beyond earth for sustainable development: Will humanity benefit from resource extraction in outer space? – *Acta Astronautica.* 2020. Vol. 167. P. 181-188.
4. De Pagter M.M. "Who Dares, Wins:" How Property Rights in Space Could be Dictated by the Countries Willing to Make the First Move. – *Chicago Journal of International Law Online.* 1.2. 2022. URL: https://cjil.uchicago.edu/online-archive/who-dares-wins-how-property-rights-space-could-be-dictated-countries-willing-make (accessed date: 27.09.2025).
5. De Zwart M., Henderson S., Neumann M. Space Resource Activities and the Evolution of International Space Law. – *Acta Astronautica.* Vol. 211. Oct. 2023. P. 155-162.
6. Criddle E.J., Fox-Decent E. Mandatory Multilateralism. – *American Journal International Law.* 2019. Vol. 113. Issue 2. P. 272-325.
7. Janikowski A. Bold Steps Forward: The Investment Impact of Enacting Space Resources Legislation. – *Space Policy.* 2025. № 72. P. 101675. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0265964624000663#bib50 (accessed date: 11.10.2025).
8. Jankowitsch P. The Background and History of Space Law. – *Handbook of Space Law.* Eds. by F. von der Dunk, F. Tronchetti. Cheltenham & Northampton: Edward. Elgar Publishing. 2015. 1137 p.
9. Kolosov Yu.M. *Bor'ba za mirnyj kosmos [Struggle for peaceful outer space].* Moscow: Statut. 2014. 128 p. (In Russ.)
10. Kolosov Yu.M. Osvoenie kosmicheskogo prostranstva (Glava VIII) [Exploration of Outer Space (Chapter VIII)]. – *Global'nye problemy sovremennosti [Global Challenges of Modernity].* Red. N.N. Inozemtsev. Institut mirovoj ekonomiki i mezhdunarodnyh otnoshenij AN SSSR [Research Institute of World Economy and International Relations of the Academy of Sciences of the Soviet Union]. Moscow: Mysl. 1981. 285 p.
11. Kolosov Yu.M. Overview of the International Law-making Process and the Role of the International Law Commission. – *Making Better International Law: The International Law Commission at 50: Proceedings of the United Nations Colloquium on Progressive Development and Codification of International Law.* New York, United Nations. 1998. 464 p.
12. Kolosov Yu.M. Pravovoj rezhim prirodnyh resursov Luny i drugih nebesnyh tel [Legal Regime of Natural Resources of the Moon and Other Celestial Bodies]. – *Mezhdunarodno-pravovye osnovy nedropol'zovanija [International Legal Basis for Subsoil Use].* Otv. red. A.N. Vylegzhanin. Moscow: NORMA. 2007. P. 238-241. (In Russ.)
13. Kolosov Yu.M., Yuzbashyan M.R. Vklad rossijskoj (sovetskoj) jurisprudencii v stanovlenie i razvitie mezhdunarodnogo kosmicheskogo prava [Contribution of Russian (Soviet) Jurisprudence to Formation and Development of International Space Law]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law].* 2015. № 2. P. 12-34. (In Russ.)
14. Kopal V. Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, Including the Moon and Other Celestial Bodies. – *United Nations Audiovisual Library of International Law.* 2008.

10 p. URL: https://legal.un.org/avl/ha/tos/tos.html (accessed date: 23.11.2025).
15. Marov M.Ya. Issledovanija Luny avtomaticheskimi kosmicheskimi apparatami [Exploration of the Moon by Automatic (Unmanned) Spacecrafts]. – *Cosmic Research*. 2023. Vol. 61. № 1. P. 52-77.
16. Paikowsky D. *The Power of the Space Club*. Cambridge. UK: Cambridge University Press. 2017. 251 p.
17. Pelton J.N. Space 2.0: *Revolutionary Advances in the Space Industry*. 1st ed. Springer. 2019. 218 p.
18. Pioneers of Space Law. Vladimir Mandl (1899–1941). Ed. by S. Doyle. – *International Institute of Space Law Directorate of Studies*. 2023. 112 p.
19. Pyle R. Space 2.0: *How Private Spaceflight, a Resurgent NASA, and International Partners Are Creating a New Space Age*. Dallas, TX: BenBella Books, Inc. 2019. 336 p.
20. Tronchetti F. 2015. The Space Resource Exploration and Utilization Act: A Move Forward or a Step Back? – *Space Policy*. 2015. Vol. 34. P. 6-10.
21. von der Dunk F.G. Asteroid Mining: International and National Legal Aspects. – *Michigan State International Law Review*. 2018a. Vol. 26.1. P. 83-101.
22. von der Dunk F.G. Private Property Rights and the Public Interest in Exploration of Outer Space. – *Biological Theory*. 2018b. Vol. 13. Issue 2. P. 142-151.
23. Vylegzhanin A.N., Yuzbashyan M. Status prirodnyh resursov nebesnyh tel: novelly, oboznachennye praktikoj gosudarstv [Status of Natural Resources of Celestial Bodies: Novelties Evinced by State Practice]. – *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2024. № 1. P. 147-158. (In Russ.)
24. Vylegzhanin A., Yuzbashyan M., Alekseev M. Mezhdunarodno-pravovaja kosmicheskaja politika SShA: priglashenie k utochneniju statusa prirodnyh resursov nebesnyh tel ili vyzov bol'shinstvu gosudarstv? [International Legal Outer Space Policy of the United States of America: An Invitation to Clarify the Status of the Natural Resources of Celestial Bodies or a Challenge for Majority of States?] – *Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]*. 2023. № 3 (21). P. 6-30. (In Russ.)
25. Vylegzhanin A., Yuzbashyan M., Suvorov G. The Legal Regime of Natural Resources of Celestial Bodies: Current State of the Relevant Russian Laws and Perspectives for a Common BRICS Legal Approach. – *BRICS Law Journal*. 2025. Vol. 12 Issue 2. P. 5-42.
26. Waters M. Small States in Space: Space Club Relevancy and National Interest Influence. – *Journal of Indo-Pacific Affairs*. 2023. Vol. 6. Issue 4. P.13-47.
27. Wu X. The International Lunar Research Station: China's New Era of Space Cooperation and Its New Role in the Space Legal Order. – *Space Policy*. 2023. Vol. 65. August 2023. P. 101537.
28. Yuzbashyan M.R. Aktual'nye tendencii sotrudnichestva/sopernichestva v kosmose i perspektivy razvitija kosmicheskogo prava [Topical Trends in Outer Space Cooperation/Competition and Perspectives on Space Law]. – *Pravo i upravlenie [Journal of Law and Administration]*. 2024. № 1 (20). P. 103-119. (In Russ.)
29. Yuzbashyan M.R. Aktual'nye mezhdunarodno-pravovye voprosy razreshenija sporov v oblasti kosmicheskoj dejatel'nosti [Urgent International Legal Issues of Settling Disputes in the Field of Space Activities]. – *Pravo i upravlenie [Journal of Law and Administration]*. 2018. № 2. P. 48-59. (In Russ.)
30. Yuzbashyan M.R. Zakon SShA ob issledovanii i ispol'zovanii kosmicheskih resursov 2015 g. i mezhdunarodnoe kosmicheskoe pravo [The US Space Resource Exploration and Utilization Act of 2015 and the International Space Law]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2017. № 2 (106). P. 71-86. (In Russ.)

Информация об авторе

Мариам Романовна ЮЗБАШЯН
Кандидат юридических наук, участник гранта РНФ No. 23-18-00977, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

m_you@mail.ru
ORCID 0000-0003-3231-8489

About the Author

Mariam R. YUZBASHYAN
Candidate of Legal Sciences, Participant Russian Science Foundation Project No. 23-18-00977, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

m_you@mail.ru
ORCID 0000-0003-3231-8489

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-103-119

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 15.03.2025
Принята к публикации: 05.06.2026

Виталий Владимирович КЛЮЕВ
Российский университет транспорта
Образцова ул., 9, стр. 9, Москва, 127055, Российская Федерация
Министерство транспорта Российской Федерации
Рождественка ул., 1, стр. 1, Москва, 109012, Российская Федерация
vitaly140962@gmail.com
ORCID 0009-0003-5784-3906

Варвара Александровна ВЫЛЕГЖАНИНА
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
varvarav22@icloud.com
ORCID 0009-0005-4536-5649

ПРАВОТВОРЧЕСТВО МЕЖДУНАРОДНОЙ МОРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НА МОРЕ: ДОСТИЖЕНИЯ И НЕДОЧЕТЫ

ВВЕДЕНИЕ. *Хотя в создании норм международного права, в том числе норм об охране человеческой жизни на море, основную роль по-прежнему играют государства, механизмы международного правотворчества в этой специальной области в последние десятилетия эволюционируют. В них все большую роль играет Международная морская организация (далее – ИМО), действующая не только на основе своей учредительной конвенции, но и в соответствии со многими иными многосторонними международными договорами, состав государств-участников которых несовпадающий.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В статье исследуются применимые к охране человеческой жизни на море нормы универсальных международных договоров, прежде всего, Конвенции о Межправительственной морской организации 1948 г., Конвенции об охране человеческой жизни на море 1974 г., Конвенции Организации Объединенных Наций(далее – ООН) по морскому праву 1982 г. Методологическую базу исследования составляют как общетеоретические методы, в том числе формально-логический, дедукции и индукции, анализа и синтеза, так и специальные методы познания юриспруденции, такие как историко-правовой и сравнительно-правовой.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Проведенный авторами анализ участия государств-членов ИМО в разработке, выполнении и изменении международных конвенций, применимых к охране жизни человека на море, показывает объективно растущий интерес государств к выверенному толкованию международно-*

правовых норм, их эффективному применению в этой области, к созданию все более совершенных правовых основ устойчивого морского судоходства, при неуклонном росте его объемов, и одновременно снижении числа бедствий в море. Международная морская организация вносит сущностный вклад в усовершенствование таких правовых основ на универсальном уровне, которые все больше отвечают наилучшим имеющимся научно-техническим достижениям и практикам. Вместе с тем в статье отмечены и правовые недочеты в деятельности ИМО, прежде всего, перекос акцента с обеспечения безопасности на море на природоохранные задачи.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Международная морская организация создала глобальную площадку для разработки и принятия документов по международному морскому праву, востребованных на данном этапе научно-технического развития, задавая при этом высокие планки профессионализма и специализации. Вместе с тем разрабатываемые и принимаемые в рамках ИМО документы юридически не тождественны, что обусловлено не только известным различием между нормами международного договора и решениями, принимаемыми международными организациями. Один и тот же документ ИМО, принятый организацией в качестве поправки к конвенции, имеет разный статус до и после выражения согласия с ним государствами-участниками конвенции. Дискуссионность сохраняет и вопрос о соотношении норм об охране человеческой жизни на море, обозначенных в общем плане Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., с одной стороны, и, с другой стороны, весьма предметных норм конвенций, разработанных на площадке ИМО. К этому надо добавить, что число государств-участников Конвенции 1982 г. меньше количества государств – участников некоторых конвенций ИМО.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Международная морская организация, охрана человеческой жизни на море, правотворчество ИМО, Конвенция по охране человеческой жизни на море, морское торговое судоходство, морское право, стандарты и руководства ИМО*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Клюев В.В., Вылегжанина В.А. 2026. Правотворчество Международной морской организации в области охраны человеческой жизни на море: достижения и недочеты. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 103–119. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-103-119

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

LAW OF THE SEA

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-103-119

Research article
UDC: 341
Received 15 March 2025
Approved 5 June 2026

Vitalij V. KLYUEV
Russian University of Transport
9, bld. 9, Obrazczova St., Moscow, Russian Federation, 127055
Ministry of Transport of the Russian Federation
1, bld. 1, Rozhdestvenka St., Moscow, Russian Federation, 109012
vitaly140962@gmail.com
ORCID 0009-0003-5784-3906

Varvara A. VYLEGZHANINA
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
varvarav22@icloud.com
ORCID 0009-0005-4536-5649

LAW-MAKING OF THE INTERNATIONAL MARITIME ORGANIZATION IN THE FIELD OF THE PROTECTION OF HUMAN LIFE AT SEA: ACHIEVEMENTS AND SHORTCOMINGS

INTRODUCTION. *Although States continue to play a major role in creating rules of international law, including norms on the protection of human life at sea, the mechanisms of international law-making in this special area have been evolving in recent decades. The International Maritime Organization (IMO) plays an increasingly important role in this process, acting not only based on its founding convention, but also in accordance with many other multilateral international treaties, the composition of the States parties to which is not the same.*

MATERIALS AND METHODS. *The article examines the application of the rules of universal international treaties to the protection of human life at sea, primarily the Convention on the Intergovernmental Maritime Organization of 1948, the Convention on the Protection of Human Life at Sea of 1974, and the United Nations Convention on the Law of the Sea of 1982. The methodological basis of the research consists of general theoretical methods, including formal logical deduction and induction, analysis and synthesis, as well as special methods of cognition of jurisprudence, such as historical-legal and comparative-legal.*

RESEARCH RESULTS. *The authors' analysis of the participation of Members-States of the International Maritime Organization in the development, implementation and amendment of international conventions applicable to the protection of human life at sea shows their objectively growing interest in the verified interpretation of international legal norms, their effective application in this area, and the creation of an increasingly advanced legal framework for sustainable maritime navigation, with steady increase in its volume, and, at the same time, a decrease in the number of disasters at sea. The activities of the International Maritime Organization have made a significant contribution to the improvement of such legal framework at the universal level, which is more in line with the best available scientific and technical achievements and practices. At the same time, the article also notes legal shortcomings in this activity, first of all, the shift in the IMO emphasis from ensuring safety at sea to environmental issues.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *IMO has created a global platform for the development and adoption of documents relating to international maritime law that are in demand at this stage of scientific and technological development, while setting high standards of professionalism and specialization. The documents developed and adopted within the IMO framework are not legally identical, which is due not only to the well-known difference between the rules of an international treaty and decisions taken by international organizations. The same IMO document, adopted by the organization as an amendment to the convention, has a different status: before and after the States parties to the relevant convention express agreement with the document. The issue of relationship between the norms on the protection of human life at sea, outlined in general terms by the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS), on the one hand, and, on the other, the very detailed rules of the conventions developed under the IMO, remains disputable. It should be added that the number of States parties to UNCLOS is less than the number of States parties to some of the IMO conventions.*

KEYWORDS: *International Maritime Organization, safety of human life at sea, IMO law-making, Convention for the Safety of Human Life at Sea, merchant navigation, maritime law, IMO standards and guidelines*

FOR CITATION: Klyuev V.V., VylegzhaninaV.V. Law-Making of the International Maritime Organization in the Field of the Protection of Human Life at Sea: Achievements and Shortcomings. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 103–119. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-103-119

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Международная морская организация (англ. – International Maritime Organization, IMO)[1] до 1982 г. именовавшаяся Межправительственной морской консультативной организацией (англ. – Inter-Governmental Maritime Consultative Organisation, далее – ИМКО), вносит существенный вклад в формирование и совершенствование универсальных норм международного права в такой значимой области, как охрана человеческой жизни на море. В 1959 г. ИМКО получила статус специализированного учреждения ООН. Советский Союз присоединился к Конвенции об ИМКО в 1958 г. и с тех пор принимал активное участие в работе данной международной организации [Иванов 2003:406-416]. Российская Федерация, будучи правопреемником СССР и сохраняя традиции крупной морской державы, конструктивно участвует в деятельности ИМО по обеспечению безопасного судоходства в Мировом океане [Жудро, Джавад 1974:89-92]. Деятельность ИМО нацелена главным образом на совершенствование международных норм, регулирующих торговое мореплавание, в контексте национальных интересов страны[2].

В общетеоретическом плане правотворчество следует рассматривать с точки зрения особенностей процесса создания юридических норм. Компоненты правотворческого процесса ООН, например, составляют весьма формализованный цикл. Правотворческая деятельность нацелена на упорядочение общественных отношений[3], соответственно, правотворчество ориентировано в контексте конкретных общественных взаимодействий на их эффективное юридическое регулирование [Шибаева 1972:39-64]. Хотя основную роль в создании норм международного права играют государства, в науке отмечена необходимость учета также правотворческой деятельности и международных организаций. Профессор Н.Б. Крылов в связи с этим подчеркивает: «Правотворческая деятельность международных организаций отражает их важную и специфическую роль как органов, берущих на себя значительное количество вопросов, по которым до этого отношения между государствами имели непосредственно двусторонний или многосторонний характер» [Крылов 1988:42-47].

Правотворческая деятельность международных организаций происходит в конкретных международных и социально-политических условиях[4]. При этом юридическое равенство государств-членов организации не означает равенства их фактического влияния на формирование организацией правовых норм, на принятие иных документов, не имеющих юридически обязательной силы [Шибаева 1972:76-81, 113-123].

Наделение международной организации полномочиями создавать юридические нормы в науке рассматривается с общетеоретических позиций. Профессор С.С. Алексеев выделяет два типа наделения полномочиями во внутреннем (национальном) правопорядке: а) передача полномочий в процессе одобрения органом государства тех правил, которые сформулированы общественными структурами (такую передачу полномочий автор относит к «предварительному» наделению); б) передача полномочий одним государственным органом другому на создание норм права[5]. Эта констатация из общей теории права вряд ли без адаптации применима для определения юридической природы нормотворчества международных организаций. Здесь международная организация вправе действовать исключительно в пределах, установленных государствами-членами. При этом государства-члены, осуществляющие передачу ей каких-либо полномочий, сохраняют за собой компетенцию и отозвать их. По своей юридической природе, как отмечено в международно-правовой науке, правотворческие функции международной организации представлены теми, которые переданы ей государствами-членами; в отличие от государства (чье нормотворчество основано на его суверенитете) юридическая природа нормотворчества международной организации – это осуществление тех полномочий, которыми

[1] Французское название организации сформулировано не так широко, как русское и английское: Organisation maritime internationale, т. е. Международная организация морского судоходства.

[2] Brown E.D. The International Law of the Sea. Vol. I. Introductory Manual. Dartmouth Publishing Company. 1994. P. 266-268.

[3] Алексеев С.С. *Проблемы теории права*. Свердловск: СЮИ. 1975.Т. 2. С. 11.

[4] Кривчикова Э.С. Основы теории права международных организаций: учебное пособие. М.: МГИМО, 1979. С. 55-65.

[5] Алексеев С.С. Указ. соч. С. 11.

организация expressis verbis наделяется государствами-членами. При этом международная организация вправе действовать лишь в рамках ее компетенции, обозначенной на договорно-согласованном уровне государствами-членами [Ефимов 1969:83-97].

В таком контексте в настоящей статье после введения дается краткая характеристика современной деятельности ИМО. В следующем разделе предложено толкование некоторых положений базового многостороннего договора по обозначенной теме – Конвенции об охране человеческой жизни на море 1974 г. Здесь же обозначены недостатки в деятельности ИМО в этой значимой области. В разделе 4 статьи охарактеризовано содержание других многосторонних договоров, применимых к отношениям государств в области охраны жизни человека на море. В разделе 5 показано, что современные реалии свидетельствуют о целесообразности современного прочтения консультативного заключения Международного Суда ООН по вопросу о значении понятия «государства, обладающее наиболее значительным коммерческим флотом». В разделе 6 статьи рассматривается, как соотносятся нормы о безопасности на море, содержащиеся в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и в конвенциях ИМО. В Заключении предложены обобщающие констатации.

2. Краткая характеристика современной деятельности ИМО

Ключевая цель создания и функционирования ИМО определена в ее учредительном документе ‑ Конвенции о Межправительственной морской консультативной организации 1948 г. В соответствии с резолюциями Ассамблеи этой организации, принятыми в 1975 г. – A. 35B (IX) и в 1997 г. ‑ A. 371 (X), название организации изменено на новое ‑ Международная морская организация. Соответственно, на сайте ИМО представлено в настоящее время новое название Конвенции 1948 г.[6] В этой конвенции цель ИМО сводится главным образом к международному сотрудничеству в сфере морских коммерческих перевозок для обеспечения безопасности морского судоходства и предотвращения загрязнения морской среды судами. Этим же международным договором предусмотрена структура данной международной организации: 1) Ассамблея, в которой представлены все государства-члены (высший орган ИМО); 2) Совет, управляющий работой организации в период между сессиями Ассамблеи и избираемый ею на двухлетний срок, состоящий из 40 государств-членов, в составе которого представлены: а) 10 крупнейших держав в области морских перевозок; б) 10 государств, наиболее активно участвующих в морской торговле; в) 20 государств, не входящих в первые две категории, но вовлеченных в морское судоходство и обеспечивающих сбалансированное представительство всех регионов мира; 3) Секретариат, возглавляемый генеральным секретарем ИМО, являющийся административно-техническим органом. При этом финансирование организации обеспечивается в основном за счет взносов государств-членов, размер которых определяется, исходя из суммарного тоннажа их торгового флота [Иванов 2003:406-416].

Международная морская организация является с 1959 г. одним из специализированных учреждений ООН: ИМО связана Соглашением с одним из главных органов ООН ‑ Экономическим и Социальным Советом. По этому Соглашению ООН вправе давать рекомендации в отношении деятельности ИМО; эти рекомендации направляются Ассамблее и Совету ИМО. В Соглашении 1959 г. предусмотрено также право ИМО запрашивать консультативные заключения Международного Суда ООН [Churchill, Lowe 1999:22-24]. Специализированные учреждения, напомним, занимают особое положение в структуре ООН; ими могут быть только международные организации, основанные на договорах государств; неправительственные международные организации не могут иметь статус спецучреждений ООН [Иванов 2003:412].

Штаб-квартира Международной морской организации расположена в Лондоне. Организация становится универсальной платформой взаимодействия государств в сфере морского судоходства, нацеленной, в том числе на внедрение единых стандартов безопасности на море [Иванов 2003:408-409].

В настоящее время функционируют пять комитетов ИМО: Комитет по безопасности на море;

[6] Конвенция о Международной морской организации 1948 г. URL: https://docs.cntd.ru/document/1900731?ysclid=mh8n1i93z876819564 (дата обращения: 22.02.2026).

Комитет по защите морской среды; Юридический комитет; Комитет по техническому сотрудничеству; Комитет по облегчению формальностей в морском судоходстве. Работе комитетов содействуют девять подкомитетов. Техническое, организационное содействие оказывает Секретариат ИМО, возглавляемый генеральным секретарем ИМО, последний назначается Советом ИМО с одобрения Ассамблеи [Иванов 2003: 409-410].

Вопросы охраны человеческой жизни на море находятся в ведении, прежде всего, *Комитета по безопасности на море и Юридического комитета.* Первый формирует исходные рекомендации для государств-членов по вопросам безопасности мореплавания. В его компетенцию входят все аспекты безопасности навигации, обеспечения радиосвязи, организации спасательных операций, стандартов в области конструкции и оборудования судов, предотвращения пожаров на море, обеспечения безопасности при перевозках грузов, в том числе опасных. *Юридический комитет,* осуществляющий свои функции с 1967 г., рассматривает правовые аспекты деятельности ИМО, разрабатывая, например (совместно с профильными комитетами) проекты международных конвенций. Важнейшим форматом правотворчества ИМО, в том числе в области охраны человеческой жизни на море, являются созываемые данной организацией *конференции государств*[7] для принятия проектов международных морских соглашений, подготовленных комитетами ИМО, или для внесения дополнений, изменений в уже действующие соглашения. Такие документы часто называют международными договорами, разработанными под эгидой ИМО. Их проекты согласовываются как в рамках комитетов ИМО, так и непосредственно на созываемых ею международных конференциях. Как отмечено в научной литературе, на подобных конференциях большинство государств-участников стремятся выглядеть приверженными международному праву, а противники такого развития международного права часто отказываются от официальных возражений в ходе заседаний, конференций, опасаясь остаться в меньшинстве. В результате, например, большинство конференций ООН по вопросам прогрессивного развития международного права завершаются чаще всего одобрением проектов международных документов, компромиссное согласование которых происходило в ходе рабочих контактов [Бекяшев 2023: 85-100].

Основным результатом правотворчества ИМО в сфере охраны человеческой жизни на акваториях Мирового океана стала разработка государствами-членами ИМО следующих универсальных многосторонних договоров: Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г.; Международная конвенция о грузовой марке 1966 г.; Международная конвенция по обмеру судов 1969 г.; Конвенция о международных правилах предупреждения столкновений судов в море 1972 г.; Международная конвенция по безопасным контейнерам 1972 г.; Конвенция о Международной организации морской спутниковой связи 1976 г.; Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 г.; Международная конвенция о поиске и спасании на море 1979 г.; Международная конвенция об удалении остатков кораблекрушений 2007 года. После принятия в 1982 г. Конвенции ООН по морскому праву и ее вступления в силу в 1994 г. (для России – в 1997 г.) на ИМО возложены значимые функции «компетентной международной организации в области судоходства», включая принятие мер по предотвращению загрязнения с судов и в результате захоронения отходов в море[8]. В рамках темы настоящей статьи приоритетное практическое и теоретическое значение имеет анализ первого из перечисленных многосторонних международных договоров.

3. Конвенция об охране человеческой жизни на море 1974 г. (с протоколами к ней 1978 и 1988 г.): некоторые вопросы толкования и применения

Главной задачей ИМО, как уже отмечалось, является согласование на универсальном уровне мер безопасности на море и особенно –

[7] В документе Секретариата ООН отмечено, что «все государства, независимо от их членства в ИМО или в ООН, приглашаются (are invited) участвовать в конференциях (in the IMO conferences), на которых принимаются новые конвенции ИМО (New IMO conventions)». – см. Implications of the UN Convention on the Law of the Sea for the International Maritime Organisation. Study by Secretariat of the International Maritime Organisation LEG/MISC/ 30 January 2014. P. 8.

[8] Implications of the UN Convention on the Law of the Sea for the International Maritime Organisation. Study by Secretariat of the International Maritime Organisation LEG/MISC/ 30 January 2014. P. 7-14.

безопасности судов, их экипажей, пассажиров, в целом охраны жизни человека на море. Соответственно, первоочередной задачей ИМО стала подготовка и согласование новой редакции Международной конвенции по охране человеческой жизни на море (International Convention for the Safety of Life at Sea)[9]. Предыдущие международные документы об охране человеческой жизни на море, принятые в 1914, 1929 и 1948 гг., были вызваны, как известно, конкретными кораблекрушениями (в том числе гибелью таких судов, как «Титаник»). А вот международная конвенция, разработанная в рамках ИМО, стала более обстоятельным реагированием на трагедии в море текстом, созданным по итогам глубокой системной аналитики государствами ‑ членами ИМО. Этот новый международный договор был принят в 1960 г. [Жудро, Джавад 1974:294-300]. В нем усовершенствовалось содержание мер охраны человеческой жизни на море, создана развернутая правовая среда для технического прогресса в безопасном судоходстве[10]. В дальнейшем ИМО продолжила совершенствование конвенционных мер, приняв обновленную редакцию данного международного договора в 1974 г., впоследствии и протоколы к ней – в 1978 и 1988 гг.[Brown 1994:382-383]. В 1988 г. в Конвенцию 1974 г. были внесены поправки, согласно которым обеспечивалось соответствие оборудования на морских судах более современным требованиям безопасности. В 1990-е и в 2000-е гг. в текст Конвенции 1974 г. вносятся многочисленные изменения, принятые на конференциях договаривающихся правительств в 1994, 1995, 1997 и 2002 г., а также отраженные в ряде резолюций Комитета по безопасности на море ИМО (последняя – от 26 июня 2025 г.[11]).

Само содержание[12] действующего текста Международной конвенции по охране человеческой жизни на море отражает масштабную работу государств ‑ членов ИМО по согласованию на универсальном уровне детальных правовых предписаний, нацеленных на обеспечение безопасности в Мировом океане. Уяснение смысла тринадцати статей конвенции не представляет видимых трудностей для юриста, в отличие от объемного Приложения к Конвенции, как ниже будет показано.

Важно, что в Конвенции 1974 г. предусмотрена обязанность государств-участников выполнять «положения настоящей Конвенции и ее Приложение», которое составляет ее «неотъемлемую часть» (ст. 1). Иными словами, подчеркнем, что нарушение обязательств, предусмотренных в Приложении, является нарушением обязательства по Конвенции. Предусмотрена обязанность правительства всякого государства ‑ участника Конвенции 1974 г. передавать в ИМО: a) список организаций, «которые уполномочены» от имени такого государства «осуществлять административные меры по обеспечению охраны человеческой жизни на море»; b) тексты актов законодательства такого государства по вопросам, затрагиваемым Конвенцией; c) «достаточное количество образцов свидетельств», выдаваемых государством-участником согласно Конвенции (ст. III). Предусмотрено, что материалы рассылаются другим государствам-членам организации.

Что касается соотношения норм Конвенции 1974 г. с нормами иных международных договоров, касающихся охраны человеческой жизни на море, то предусмотрено, что, когда положения таких договоров «противоречат положениям настоящей Конвенции, приоритет отдается положениям настоящей Конвенции» (ст. VI). Такая клаузула может создать трудности в ходе ее применения в случае, если одно из государств-участников спора, возникшего по такому поводу, не участвует в Конвенции 1974 г.

Аутентичными текстами Конвенции являются тексты на английском, испанском, китайском, русском и французском языках (ст. XIII).

Основное содержание правовых мер охраны человеческой жизни на море представлено в Приложении, которое названо «Списком изменяющихся документов». Отдельные главы Приложения – это суть обязательные кодексы, детализирующие нормы по конкретным сферам

[9] Implications of the UN Convention on the Law of the Sea for the International Maritime Organisation. Study by Secretariat of the International Maritime Organisation LEG/MISC/ 30 January 2014. P. 15-16.

[10] Бергхольцас И. Балтия. Социально-экономическое развитие, мореходство и международное частное морское право. Часть 1. Рига. 2001. С. 278-279.

[11] Резолюция MSC.572(110) Поправки к главам II-2 и V Международной конвенции СОЛАС, принята 26 июня 2025 года.

[12] Примечательно, что текст этой огромной по объему конвенции (в отличие, например, от Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.) не содержит в его начале структуру конвенции.

регулирования и являющиеся, как отмечалось, составной частью Конвенции. В дополнение к Приложению к Конвенции и к кодексам Комитет по безопасности на море и Ассамблея ИМО принимают резолюции разъяснительного или рекомендательного характера, в юридическом смысле имеющие не обязательный характер, но на практике применяемые государствами флага и контролируемые органами государственного портового контроля.

В главе I Приложения («Общие положения») особенно важно следующее. Правило 1 предписывает, что Конвенция 1974 г., если не предусмотрено иное, «применяется только к судам, совершающим международные рейсы». Это не значит, впрочем, что государство-участник не вправе распространить конвенционные требования и на суда, осуществляющие плавание исключительно в его юрисдикции; такая практика есть. Но такое распространение – это именно право государства, но не обязанность по Конвенции 1974 г. Примечательно конвенционное определение, например, «международного рейса» - как рейса «из страны, к которой применяется настоящая Конвенция, до порта за пределами этой страны». Согласно Конвенции, термин «администрация» означает «правительство государства, под флагом которого судно имеет право плавания». Конвенция в общем случае не применяется к военным кораблям; к судам валовой вместимостью менее 500; к судам, не имеющим механических средств передвижения; к прогулочным яхтам; к рыболовным судам (Правило 3). Предусмотрены правила в отношении проверок и освидетельствования судов (Правила 6-20 данной главы), а также расследования аварий судов (Правила 21-23). Представляет особый интерес Правило 19 Главы I, которым государство порта наделяется правом осуществлять проверки любых судов в своих портах вне зависимости от флага судна с целью установления того, насколько требования Конвенции исполняются судном и судовладельцем. Судно может быть задержано в порту при выявлении существенных нарушений. При этом судно может быть под флагом государства, не являющегося стороной Конвенции.

Стержневое значение в Приложении имеет Глава II-1 («Конструкция – устройство, деление на отсеки. Остойчивость, механические и электрические установки»). Уяснение смысла этих очень объемных, детально прописанных правовых предписаний сопряжено с необходимостью владеть базовыми знаниями об устройстве судна, его мореходности (the sea worthiness), о судовождении. Цитируем, для примера, Правило 2 этой главы: «Длина деления на отсеки (Ls) есть самая большая теоретическая длина проекции судна на уровне или ниже палубы или палуб, ограничивающих вертикальную протяженность затопления при осадке судна, соответствующей самой высокой ватерлинии деления на отсеки». Можно привести и иные примеры такого рода статей Конвенции, в том числе представленные математическими формулами. С одной стороны, такое «погружение» юриста (например, при рассмотрении спора о выполнении конвенционных правил) в профессию судоводителя или кораблестроителя необходимо, когда речь идет о толковании правовых норм о безопасности на море. С другой стороны, в нынешнюю эпоху углубленных специализаций вряд ли реалистично ожидать от судьи, арбитра такого междисциплинарного «погружения»; скорее всего, суд прибегнет к экспертным заключениям, которые, понятно, готовит каждая сторона спора. Тем самым, сфера состязательности сторон при рассмотрении спора еще более расширяется [Бекяшев, Бекяшев, Попова 2022: 197-205].

Часть «А-1» главы II-2 Приложения к Конвенции, предусматривающая требования к конструктивному устройству судов, содержит Правило 3-2: «Защитные покрытия, специально предназначенные для заборной воды балластных танков на судах всех типов и помещений двойного борта на навалочных судах». В Части «В-2» («Деление на отсеки, водонепроницаемость и непроницаемость при воздействии моря») сформулированы предметные требования об устройстве двойного дна и о водонепроницаемых отсеках.

Глава III Приложения к Конвенции («Спасательные средства и устройства») предусматривает детальные правовые предписания, нацеленные на спасание жизни людей в море в случае опасности затопления судна или утраты возможности осуществлять управление движением судна. Важнейшей частью этой главы являются нормы о снабжении судна индивидуальными и коллективными спасательными средствами.

В Главе V («Безопасность мореплавания») особенно значимы правовые нормы о том, что Правительство каждого государства-участника обеспечивает доведение до сведения «всех, кого это касается», информации «о какой-либо опасности». Согласно Правилу 4, это обязательство выполняется путем публикаций «Навигационных предупреждений» (далее - НАВИПы).

В порядке комментария отметим, что в НАВИПах предоставляются сведения не только о навигационных, но и о всяких иных опасностях для судна.

Далее, в этой же главе обращает внимание норма о том, что государства-участники обязаны «принять меры для сбора и составления гидрографических данных», а также для распространения «всей морской информации, необходимой для безопасного мореплавания» (Правило 9). Это значимое обязательство, выполнение которого может предупредить, например, посадку судна на «движущуюся» мель, причиной которой могут быть естественные процессы у побережья одного государства, последствия которых затронут морские районы у берегов другого государства, районы открытого моря и т. д.

Государства ‑ участники Конвенции вправе рекомендовать ИМО установить систему путей движения судов (в том числе – *систему разделения движения судов,* далее ‑ СРД). Система разделения движения судов – это «пути, установленные с целью разделения встречных потоков судов» (Правило 10 Международных правил предупреждения столкновения судов 1972 г.). Как отмечено в научной литературе, установление СРД в 1960-х гг. в морских районах, омывающих Европу, позволило почти в три раза сократить число столкновений судов; в некоторых таких районах особенно интенсивного судоходства, например, в Дуврском проливе, число таких столкновений снизилось более чем в пять раз. Отмечено также, что для обозначения понятия СРД используются два термина: а) «схемы разделения движения» (например, в ст. 22 Конвенции 1982 г.); и б) «системы разделения движения» [Vylegzhanin 1989:514].

Заинтересованные государства-участники вправе инициировать также разработку ИМО систем судовых сообщений, что детально регулируется в этой же Главе V (Правило 11). Предусмотрена обязанность государств ‑ участников Конвенции установить и эксплуатировать надлежащие средства навигационного ограждения (Правило 13).

В Главе VI Приложения к Конвенции 1974 г. содержатся правила «перевозки грузов и нефтяного топлива». Это достаточно объемный свод предписаний, которые должны предметно учитывать капитаны судов, судовладельцы и грузовладельцы.

Заслуживает особого внимания Глава IX Приложения и корреспондирующийся с ней Кодекс по управлению безопасной эксплуатацией судов. Эта глава и Кодекс содержат нормы, адресованные судовладельцам и экипажам судов. Институализирован новый (на момент принятия Главы IX и Кодекса) субъект морского права, именуемый «компания» – лицо, принявшее на себя ответственность за безопасную эксплуатацию судна. Идеология «удобного» флага проникла и на уровень ниже ‑ в виде компании, которая не является ни собственником судна, ни арендатором, ни иным владельцем, а лишь управляющим лицом, техническим менеджером.

Предусмотрен также в рамках «специальных мер по повышению безопасности на море» порядок предоставления государством полномочий в этой области «признанным организациям», которыми обычно выступают классификационные общества – Правило 1 главы XI-1. Логичной выглядит и глава XI-2 («Специальные меры по усилению охраны на море»), инкорпорированная в Приложение к Конвенции в 2002 г. Здесь сделана отсылка к *Международному кодексу по охране судов и портовых средств,* принятому в 2002 г. Положения Части А данного Кодекса квалифицированы Конференцией правительств государств ‑ участников Конвенции 1974 г. «как имеющие обязательную силу», а положения Части В – «как рекомендательные» (Правило 1). Предусмотрено, что Администрации «должны устанавливать уровни охраны» судов, плавающих под их флагом, и предоставлять ИМО соответствующую информацию (Правило 3). Закреплены в документе и требования к судам в части оценки степени опасности для них, а также к тем компаниям, которые обладают «надлежащей компетенцией» в вопросах охраны (Правило 4).

Помимо уже отмеченной несомненно положительной оценки результатов деятельности ИМО в обеспечении охраны человеческой жизни на море, с научных позиций можно обозначить и некоторые критические замечания. Во-первых, в документах ИМО (например, в резолюции Ассамблеи ИМО в 2023 г.) стал использоваться термин “shadow fleet” («теневой флот»), которого нет в универсальных договорных источниках международного морского права[13]. Во-вторых, декларируемый Европейским союзом

[13] В английском тексте документов ИМО используется также термин “dark fleet”. См.: resolution A.1192(33) adopted on 6 December 2023 (agenda item 13) urging member states and all relevant stakeholders to promote actions to prevent illegal operations in the maritime sector by the “dark fleet” or “shadow fleet”. URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/AssemblyDocuments/A.1192(33).pdf (дата обращения: 22.02.2026).

курс на «зеленое судоходство» на деле приводит к искажению приоритетов ИМО, заложенных в ее учредительной конвенции 1948 г.: вместо фокуса на обеспечения безопасности морского судоходства, ИМО все больше «увязает» в природоохранных мероприятиях, причем ориентированных уже не только на защиту морской среды, но и на воздушное пространство, в сочетании с механизмами продвижения природоохранных технологий, разработанных в западных государствах. Создавая на универсальном уровне соответствующие природоохранные требования о внедрении таких технологий, эта международная организация рискует стать коммерческим агентом западных разработчиков. В-третьих, в работе Секретариата ИМО проявляется «административный раж» – стремление нацелить работу организации на избыточное регулирование, не востребованное подлинными интересами безопасности на море. Так, Секретариат ИМО иногда инициирует создание новых правовых документов не потому, что они будут реально способствовать повышению безопасности на море; а потому, что это создаст для ИМО новый «фронт работы», следовательно, требует дополнительного финансирования деятельности ИМО. Например, в главе XIII Приложения к Конвенции 1974 г. («Проверка соответствия») предусмотрено: «Проверка означает систематический, независимый и документированный процесс получения сведений и их объективной оценки». И далее: «Система проверки означает Систему проверки государств – членов ИМО, установленную Организацией с учетом руководства, разработанного Организацией».

В дополнение к этому ИМО Резолюцией А. 1070 (28) приняла еще один документ – *Кодекс по осуществлению документов ИМО.* Надо ли было ИМО заниматься разработкой этого кодекса? Документы ИМО – разные по статусу. Если это международные договоры, разработанные в рамках ИМО, в том числе поправки к таким международным договорам, то они обязательны к выполнению и без всякого кодекса, прежде всего, в силу Устава ООН, Венской Конвенции 1969 г. о праве международных договоров и т. д. И нет необходимости тратить бюджетные средства ИМО на разработку какого-то дополнительного кодекса «по осуществлению документов ИМО». Если же речь идет об осуществлении юридически необязывающих документов ИМО, то и в этом случае нет необходимости в кодексе «по осуществлению» таких документов. Вопросы реагирования государств на принятие таких документов решаются в каждом конкретном случае, в рамках общего международного права, в том числе с учетом известных документов Комиссии международного права ООН о вспомогательных источниках международного права.

4. Характеристика других многосторонних договоров, предусматривающих нормы об охране человеческой жизни на море

Наряду с совершенствованием комплекса норм Конвенции 1974 г. ИМО вносит решающий вклад в создание иных норм, регулирующих отношения государств в области безопасности мореплавания. Так, была разработана *Конвенция о грузовой марке 1966 г.,* нацеленная на принятие мер предупреждения перегруза (overloading) судов. В качестве таких мер в этой конвенции предусмотрены требования к минимальной высоте надводного борта (the minimum free bord), к минимальной осадке судна (the minimum draught). Пересмотрена система определения измерений судов в рамках согласования текста международной конвенции 1969 г.[14] В соответствии с этим многосторонним международным договором установлена унифицированная система измерения валовой вместимости судна, причем, по сравнению с предшествующими системами такого измерения, значительно упрощенная. В 1979 г. при вовлеченности государств – членов ИМО была создана *Международная морская спутниковая организация (далее – ИНМАРСАТ),* нацеленная на улучшение связи в море. В рамках ИМО разрабатывались также и другие международные документы, которые способствуют безопасности морской навигации, принятию мер по более рациональной транспортировке грузов, в том числе контейнеров, насыпных грузов, а также по снижению рисков при перевозке морем нефти и сжиженного газа [Churchill, Lowe 1999:276-278]. В 1990-е гг. ИМО в своей деятельности сосредоточила особое внимание на анализе человеческого фактора при морских авариях[15]. Были приняты резолюции Ассамблеи

[14] Речь идет о разработке Международной конвенции по обмеру судов (International Conventionon Tonnage Measurement) 1969 г.

[15] ИМО: что это такое. Лондон, 2016. URL: https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/About/Documents/IMO%20What%20It%20is%20Russian.pdf. (дата обращения: 22.02.2026).

ИМО, нацеленные на улучшение управления безопасным плаванием морских судов, а также на устойчивое, безаварийное функционирование береговых предприятий, обслуживающих морское судоходство. Раннее согласованный как документ «мягкого права» – *Международный кодекс по управлению безопасностью* – стал юридически обязательным в силу соответствующих изменений в тексте Конвенции 1974 г. Этот кодекс требует от судоходных компаний создания и поддержания на морских судах системы управления безопасностью на море, охватывающей все аспекты деятельности судна: от технического обслуживания до подготовки экипажа[16]. В контексте борьбы с терроризмом, после известных событий в США 11 сентября 2001 г., ИМО приняла дополнительные меры по усилению безопасности морских судов, хотя они в современных геополитических условиях не представляются всегда адекватными. В 2002 г. в Конвенцию 1974 г. были внесены поправки в виде новой главы XI-2, согласно которой *Международный кодекс по охране судов и портовых средств* был интегрирован в действующее международное морское право [Бекяшев 2020:35-40].

Международная морская организация совершенствует также правовые основы развития морской инфраструктуры, морских технологий, включая автоматизацию и цифровизацию судоходства. Организация играет важнейшую роль в совершенствовании международных правил эксплуатации судов без экипажа. Завершена работа над рекомендательной версией Кодекса безопасности морских автономных надводных судов и ожидается, что к 2032 г. этот Кодекс приобретет обязательный статус (посредством внесения поправок к Конвенции 1974 г.).

Вклад ИМО в охрану человеческой жизни на море простирается и на другие значимые сферы, в том числе на подготовку и дипломирование моряков. «*Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты*» устанавливает минимальные стандарты компетентности для моряков различных должностей, а от профессиональной квалификации судоводителей, матросов несомненно зависит, как управляется судно в море, что в конечном счете сказывается и на безопасности мореплавания в целом [Царев, Королева 1988:33-40].

Добавим, что названные конвенции ИМО регулярно обновляются, чтобы соответствовать современным реалиям. Нередко ИМО практикует создание на начальном этапе юридически не обязывающих документов, как было отмечено, – кодексов, руководств, а затем согласовывают нормы об их восхождении на уровень норм международного договора.

Международная конвенция по поиску и спасании на море 1979 г. устанавливает права и обязательства государств по организации и координации поисково-спасательных операций в обозначенных морских «районах ответственности» государств-участников.Международная морская организация также способствует развитию сотрудничества между государствами в этой области, обеспечивая тем самым их эффективное реагирование на бедствия в море[17].

Очень чувствительным для государств форматом правотворчества в ИМО является ее работа по согласованию внесения изменений в учредительные документы ИМО. Один из значимых вопросов, связанных с этим форматом, сводится к следующему: можно ли рассматривать поправки к учредительному документу как самостоятельные акты международного правотворчества? Еще конкретнее, являются ли такие поправки сразу после их принятия ИМО, положениями международного договора? В XX в. процедура внесения поправок в учредительные документы претерпела существенные изменения. Большинство международных организаций отказалось от принципа единогласия. В настоящее время многие международные межправительственные организации имеют двухэтапную процедуру пересмотра их учредительных договоров: сначала организация принимает поправки к таким договорам большинством голосов; а затем они вступают в силу после их ратификации необходимым числом государств-членов.

Учитывая большое число государств – членов ИМО[18], вполне ожидаемо не только совпадение их интересов и согласование позиций,

[16] Международная морская организация: сайт ООН.URL: https://www.un.org/ru/ecosoc/imo/ (дата обращения: 22.02.2026).

[17] Implications of the UN Convention on the Law of the Sea for the International Maritime Organisation. Study by Secretariat of the International Maritime Organisation LEG/MISC/ 30 January 2014. P. 15-16.

[18] На февраль 2026 г. членами ИМО являются 176 государств. URL: https://www.imo.org/ru/ourwork/ero/pages/memberstates.aspx (дата обращения: 22.02.2026).

занимаемых по вопросам, рассматриваемым в ИМО, но также и обозначение различий, даже жесткой состязательности в позициях[19], заявленных в ИМО. Такие разногласия проявились, например, при выборе членов одного из комитетов ИМО – Комитета по безопасности в море. В формально-юридическом плане государства ‑ члены ИМО по-разному толковали один из ключевых терминов, содержащихся в учредительном документе организации – упомянутой раннее Конвенции о создании Межправительственной морской консультативной организации 1948 г. Учитывая резонансное значение этих разногласий, что проявилось в Международном Суде ООН, их анализ предложен ниже в современном контексте.

5. К современному переосмыслению понятия «государства, обладающие значительным коммерческим флотом» в контексте охраны человеческой жизни на море

Напомним, что вопрос об особой роли названных государств возник в связи с запросом ИМКО консультативного заключения Международного Суда ООН о том, какие государства-члены должны быть избраны в состав ее Комитета по безопасности на море, согласно ст. 28 Конвенции 1948 г. Первоначально в состав данного комитета вошли 14 членов, избранных Ассамблеей ИМКО из числа государств ‑ участников данной конвенции, которые имеют «значительный интерес в вопросах морской безопасности». Согласно названной статье, восемь из таких государств должны были обладать «наиболее значительным коммерческим флотом», а остальные государства ‑ избираться из числа тех, которые имеют «важный интерес в области морской безопасности». При этом принимается во внимание необходимость «справедливого географического распределения». В первую группу государств вошли: США, Великобритания, Норвегия, Япония, Италия, Нидерланды, Франция и ФРГ; во вторую — Аргентина, Канада, Греция, Пакистан, СССР и Объединенная Арабская Республика. По инициативе правительств Либерии и Панамы, формально имевших самый большой флот (из-за практики не обремененного формальностями предоставления этими государствами их «удобного флага» судовладельцам)[20] и претендовавших на членство в этом комитете, Ассамблея ИМКО решила обратиться в Международный Суд ООН с вопросом о том, соответствует ли состав Комитета по безопасности на море ИМКО, избранного 15 января 1959 г., положениям ст. 28 Конвенции 1948 г.

Представитель СССР на заседании Ассамблеи ИМКО в связи с избранием Комитета по безопасности на море высказался в том смысле, что национальная принадлежность судна определяется реальной связью между этим судном и государством, флаг которого оно носит, и что этот принцип должен быть применен также при толковании ст. 28 Конвенции 1948 г. Правительства Франции, Либерии, США, Панамы, Швейцарии, Италии, Великобритании, Норвегии, Нидерландов и Индии представили свои письменные соображения по этому вопросу. На поставленный перед Судом вопрос утвердительно ответили Франция, Швейцария, Италия, Великобритания, Норвегия и Нидерланды; ответили отрицательно – Либерия, США, Панама и Индия. В ходе публичных слушаний в Суде представители правительств Либерии, Панамы и США оспаривали правомерность избрания указанного комитета, а представители правительств Италии, Нидерландов, Норвегии и Великобритании считали, что избрание этого комитета соответствовало положениям Конвенции 1948 г. Мнения судей разделились. Большинство посчитало, что при толковании ст. 28 Конвенции 1948 г. должен быть принят во внимание прежде всего и формальный критерий ‑ зарегистрированный тоннаж торгового флота. Согласно имевшимся в тот период данным, Либерия и Панама по тоннажу их флота, соответственно, занимали третье и восьмое место в мире. Таким образом, как утверждалось, они имели значительный интерес в области морской безопасности. А если это так, то они, по мнению большинства судей, должны быть автоматически включены в состав Комитета по безопасности на море ИМКО. Поскольку

[19] Вылегжанин А.Н., Магомедова О.С. Международно-правовая политика государств. М. 2024. С. 102-104.

[20] Под «удобным флагом» в настоящее время осуществляется 46,3% перевозок морем; под флагом государств «с развитой рыночной экономикой (developed market economy)» – намного меньше – 26%; под флагом развивающихся государств – 23,4%; под флагом бывших социалистических государств Восточной Европы – еще меньше – 4,3%. При этом отмечена тенденция к росту числа морских перевозок именно под «удобным флагом» [Churchill, Lowe 1999: 255-256].

они не были включены в состав Комитета, избранного Ассамблеей ИМКО 15 января 1959 г., то, по мнению большинства судей, состав Комитета не соответствовал Конвенции 1948 г. Меньшинство судей, включая советского судью, не было согласно с таким толкованием ст. 28 Конвенции 1948 г. Указывалось на то, что эта статья не содержит никакого упоминания относительно «автоматического» применения Ассамблеей ИМКО сугубо статистического критерия. Ассамблее предоставлено право избирать членов в состав Комитета из числа тех государств, которые, обладая наиболее значительным флотом, имеют «существенный интерес» в вопросах морской безопасности. Именно Ассамблея ИМО компетентна судить о том, кто действительно имеет такой интерес. Одни большинство судей решающее значение при толковании ст. 28 придали принципу дискреционности, который, по их мнению, лежит в основе полномочий Ассамблеи избирать членов Комитета. Некоторые судьи указывали на то, что Ассамблея ИМКО при выполнении своих функций призвана руководствоваться не только статистическими данными, но и учитывать также общепризнанный принцип реальной связи между судном и государством, флаг которого оно носит. Обращалось внимание на то, что этот принцип нашел свое подтверждение в ст. 5 Женевской конвенции об открытом море 1958 г. Если то или иное государство явно отступает от указанного принципа, то правом другого суверенного государства будет адекватное на то реагирование. Как отмечено в международно-правовой науке, нельзя принудить суверенную волю признавать то, что не соответствует фактическим обстоятельствам [Кожевников, Шармазанашвили 1971:129-131]. Вопреки таким доводам, Консультативное заключение Суда ответило отрицательно на поставленный вопрос (девятью голосами против пяти). Иными словами, большинство членов Международного Суда ООН не согласилось с решением Ассамблеи ИМО, а само заключение Суда стало расцениваться как легитимизация практики «удобных флагов». В нынешний период, однако, растет число судовладельцев, осуществляющих морские перевозки под «удобным флагом» по иным причинам, неведомым в 1960-е гг. Некоторые из российских судовладельцев из-за несовершенства отечественного налогового законодательства, а также из-за односторонних ограничительных мер против России регистрируют свои суда под «удобными флагами». В таких политико-правовых условиях целесообразно, как представляется, переосмысление оценки консультативного заключения Международного Суда ООН. Видимо, акцент следует делать на правовую защиту интересов морского торгового судоходства в целом, интересов российских судовладельцев и грузовладельцев от посягательств на свободу судоходства в открытом море, на свободу транзитного (беспрепятственного) прохода судов через международные проливы, вне зависимости от того, под каким флагом судна осуществляют эти свободы [Javits 2013: 223-253].

6. Взаимодействие норм о безопасности на море, содержащихся в Конвенции ООН по морскому праву, и в конвенциях ИМО

Большинство государств ‑ участников Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее Конвенции 1982 г.) являются также участниками Конвенции о Международной морской организации и, соответственно, членами ИМО. Как отмечено в цитируемом документе Секретариата ИМО, «все договорно-правовые документы ИМО вплоть до настоящего времени принимались консенсусом»[21]. Иными словами, такие документы ИМО – это общепринятые документы (в отличие от норм Конвенции 1982 г., в которой не участвует порядка двух десятков государств, в том числе такая крупная морская держава, как США). Соответственно, имеет практическое значение вопрос о взаимодействии норм о безопасности на море, которые предусмотрены Конвенцией 1982 г., с предписаниями, предусмотренными в Конвенциях, принятых под эгидой ИМО [Малинин 1965: 113-123].

Изначально следует обратить внимание на то, что нормы о безопасности на море, содержащиеся в Конвенции 1982 г., сформулированы достаточно обще; кроме того, нередко они отсылают к нормам национального законодательства государств, с указанием на необходимость соответствия такого законодательства «общепринятым» международным нормам. Так, в ее статье 21 п. 2 Конвенции 1982 г. предусмотрено, что законы

[21] "All IMO treaty instruments have so far been adopted be consensus". – Implications of the UN Convention on the Law of the Sea for the International Maritime Organisation. Study by Secretariat of the International Maritime Organisation LEG/ MISC/ 30 January 2014. P. 8.

и правила прибрежного государства о мирном проходе через его территориальное море не могут относиться к проектированию, конструкции, комплектованию экипажа или оборудованию иностранных судов, «если только они не вводят в действие общепринятые международные нормы и стандарты». К последним относятся прежде всего те, которые приняты под эгидой ИМО, как выше пояснялось. В соответствии со ст. 94 Конвенции 1982 г., каждое государство обязано «в отношении судов, плавающих под его флагом», принять «необходимые меры для обеспечения безопасности в море» (п. 3). В следующем пункте этой статьи обозначены некоторые такие меры, включая регулярное инспектирование судов, наличие на борту карт, навигационного оборудования и приборов, необходимых«для безопасного плавания судна», соответствие экипажа судна «по квалификации и численности» типу, размерам, механизмам и оборудованию судна (п. 4). Эта же статья 94 Конвенции 1982 г. предусматривает, что «каждое государство обязано придерживаться общепринятых международных правил, процедур и практики» (п. 5). Под ними, как указано в авторитетном толковании Конвенции 1982 г., понимаются прежде всего те нормы и правила, которые предусмотрены в международных договорах, принятых под эгидой ИМО. Отмечено: «Международная морская организация постоянно разрабатывает и обновляет нормы и правила, относящиеся к безопасности судоходства», именно «в смысле статьи 94 (in the meaning of article 94)» Конвенции 1982 г.[22]

Статьи 21 (п. 4), 39 (п. 2), 54 Конвенции 1982 г., предусматривая в общих формулировках обязанности государства-флага по предотвращению столкновения судов в море, также отсылают к «общепринятым международным правилам». Этими правилами, как определено в цитируемом выше Комментарии Конвенции 1982 г., являются те, «которые приняты в рамках ИМО (are those adopted within the framework of IMO)»[23]. Речь идет, в первую очередь, об уже упомянутых выше Международных правилах предупреждения столкновения судов – части одноименной конвенции, принятой ИМКО в 1972 г. В ст. 22 (п. 3), ст. 41 (п. 4), ст. 53 (п. 9) Конвенции 1982 г. предусмотрено, что прибрежные государства, устанавливая морские коридоры и предписывая схемы разделения движения судов, принимают во внимание «рекомендации компетентной международной организации». Такой организацией, несомненно, является ИМО, как подчеркнуто в упомянутом Комментарии Конвенции 1982 г.: «ИМО признана единственной международной организацией (IMO is recognized as the only international organization), ответственной за разработку и принятие мер на международном уровне, касающихся маршрутирования судов (routing of ships)»[24].

В статьях Конвенции 1982 г., предусматривающих нормы об искусственных островах, установках и сооружениях (ст. 60 и 80), предусмотрена обязанность убирать такие объекты, если они покинуты или более не используются, «в целях обеспечения безопасности судоходства с учетом любых общепринятых международных стандартов, установленных в этой связи компетентной международной организацией» (п. 3 ст. 60). И в этом случае такой организацией, как указано в Комментарии Конвенции 1982 г., «является Международная морская организация (ИМО), которая приняла Руководство по данному вопросу». Далее в Комментарии воспроизведен текст данного Руководства – “Guidelines and standards for the removal of offshore installations and structures of the continental shelf and in the exclusive economic zone” (документпринятРезолюциейИМОА. 672 (16) 19 октября 1989 г.)[25]. В этом контексте возникает значимый в практическом плане вопрос: обязано ли государство – участник Конвенции 1982 г. выполнять всякие правила, принятые в рамках ИМО, в том числе содержащиеся в ее кодексах, руководствах и т. п.? Либо такое государство обязано выполнять только те из них, которые предусмотрены в международных договорах, участником которых это государство является? Далее, не все правила ИМО предусмотрены в международных договорах; соответственно, на практике возникает вопрос о статусе тех из них, которые предусмотрены, например, в Резолюции Ассамблеи ИМО, в Руководстве ИМО, и которые уже исполняются большинством государств. Кроме того, существует

[22] UN Convention on the Law of the Sea. A Commentary. Ed.-in-Chief M. Nordquist. Vol. III. London/Boston. 1995. P. 149-150.
[23] Ibid.P. 203.
[24] Ibid. P. 212.
[25] Ibid. P. 586-593.

и проблема применимости норм международных договоров, принятых под эгидой ИМО, теми государствами, которые не присоединились к таким договорам, но являются стороной Конвенции об ИМО [Коломбос 1975: 329-330].

В пользу юридической обязательности и этих правил высказываются составители цитируемого выше документа Секретариата ИМО: «Все государства – члены ИМО вправе участвовать в принятии тех резолюций Ассамблеи ИМО, Комитета по безопасности на море, Комитета защиты морской среды, которые инкорпорируют рекомендации выполнять технические правила и стандарты, не включенные в договорные нормы ИМО (not included in IMO treaties)». Далее в документе отмечено, что «такие резолюции принимаются, как правило, консенсусом и, соответственно, они отражают глобальное согласие всех членов ИМО (reflect global agreement by all IMO members)». Кроме того, юридически обязывающую силу таким резолюциям ИМО «может добавить еще и национальное законодательство об исполнении таких рекомендаций ИМО»[26].

7. Заключение

Правотворческая деятельность ИМО показала ее востребованность для согласования на универсальном уровне международно-правовых норм охраны человеческой жизни на море, иных составляющих безопасности на море. Будучи одним из авторитетных специализированных учреждений ООН, ИМО создала глобальную международную площадку для разработки и принятия весьма предметных документов по международному морскому праву, задавая при этом высокие планки профессионализма и специализации. Анализ участия государств-членов ИМО в международных конвенциях, применимых к охране жизни человека на море, показывает их растущий интерес к выверенному толкованию и применению международно-правовых норм в этой области, к созданию наиболее адекватных правовых рамок устойчивого морского судоходства, при развитии которого не растет число бедствий в море, стабильно функционируют применимые международные и национальные механизмы, в том числе поиска и спасания терпящих бедствие на море.

Обозначился тренд к повышению заинтересованности государств в более предметном участии в кодификации и прогрессивном развитии морского права, к росту качества регулирования международных отношений в области охраны жизни человека на море, что подтверждается сравнительно-правовыми данными об участии государств – членов ИМО в многосторонних международных договорах, применимых к охране человеческой жизни на море.

Вклад ИМО в совершенствование правового режима охраны человеческой жизни на море, как было показано, действительно многогранный. В системе международного права охрана человеческой жизни рассматривается и как приоритетный объект регулирования, и как междисциплинарная сфера общественных отношений. Меры охраны человеческой жизни на море взаимодействуют с другими составляющими деятельности ИМО. Посредством этого растет эффективность морского судоходства, повышается его безопасность, в том числе путем разработки соответствующих практических стандартов и руководств. Повышается и качество аналитики, осуществляемой Советом ИМО, пятью комитетами, а также ее Секретариатом. Изложенное позволяет оптимистично оценить перспективы устранения отмеченных в статье недочетов в работе ИМО.

Список литературы

1. Бекяшев Д.К., Бекяшев К.А.2020. Итоги 31 сессии Ассамблеи Международной морской организации и международное морское право. – *Рыбное хозяйство*. 2020. № 1. С. 35-40.
2. Бекяшев Д.К. 2023. Современные правовые формы участия государств в деятельности международных организаций. – *Lexrussica (Русский закон)*. Том 76. № 5. С. 85-100.
3. Бекяшев Д.К., Бекяшев К.А., Попова А.Н. 2022. Место внутреннего права международных организаций в системе международного права. – *Вестник Томского государственного университета*. № 475. С. 197-205.
4. Ефимов Г.К. Генеральная Ассамблея ООН. Москва: Международные отношения, 1969. С. 83-97.
5. Жудро А.К., Джавад Ю.Х. 1974. *Морское право*. Москва: Транспорт. 384 с.
6. Иванов Г.Г.2003. Международная морская организация. – *Международное морское право*. Отв. ред.

[26] Implications of the UN Convention on the Law of the Sea for the International Maritime Organisation. Study by Secretariat of the International Maritime Organisation LEG/MISC/ 30 January 2014. P. 10.

С.А. Гуреев. Москва: Юридическая литература. С. 406-416.
7. Кожевников Ф.И., Шармазанашвили Г.В. 1971. *Международный суд ООН: организация, цели, практика.* Москва: Международные отношения. 160 с.
8. Коломбос Д. 1975. *Международное морское право.* Пер. с англ. Под. ред. А.К. Жудро и М.И. Лазарева. Москва. С. 329-330.
9. Крылов Н.Б.1988. Правотворческая деятельность международных организаций. Москва: Наука.170 с.
10. Малинин С.А.1965. О критериях правомерности резолюций Генеральной Ассамблея ООН. – *Правоведение*. № 2. С. 113-123.
11. Шибаева Е.А.1972. *Правовой статус межправительственных организаций.* Москва: Юридическая литература.176 с.
12. Царев В.Ф., Королева Н.Д.1988. *Международно-правовой режим судоходства в открытом море.* Москва: Транспорт.104 с.
13. Brown E.D. 1994. *The International Law of the Sea.* Vol. I. Introductory Manual. Aldershot: Dartmouth Publishing Company. ISBN 1-85521-306-0.
14. Churchill R.R., Lowe A.V.1999. *The Law of the Sea.* 3rd ed. Huntington: Juris Publishing. xlix, 494 p.
15. Javits J.M. 2013. Internal Conflict Resolution at International Organizations. – ABA Journal of Labor & Employment Law. Vol. 28. No. 2. P. 223-253.
16. Vylegzhanin A.N. 1989. Traffic Separation Systems (Schemes): Some International Law Problems/Pacem in Maribus. Convocation XIV. International Ocean Institute. Malta. P. 513-519.

References

1. Bekyashev D.K. Sovremenny`e pravovy`e formy` uchastiya gosudarstv v deyatel`nosti mezhdunarodny`x organizacij [Modern legal forms of state participation in the activities of international organizations]. – *Lex russica [Russian law])*. 2023. Vol. 76. № 5. P. 85-100. (In Russ.)
2. Bekyashev D.K., Bekyashev K.A. Itogi 31 sessii Assamblei Mezhdunarodnoj morskoj organizacii i mezhdunarodnoe morskoe parvo [Results of the 31st Session of the Assembly of the International Maritime Organization and the International Law of the Sea]. – *Ry`bnoe xozyajstvo [Fisheries]*. 2020. № 1. P. 35-40 (In Russ.)
3. Bekyashev D.K., Bekyashev K.A., Popova A.N. Mesto vnutrennego prava mezhdunarodny`x organizacij v sisteme mezhdunarodnogo prava [The place of the internal law of international organizations in the system of international law]. – *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*. 2022. № 475. P. 197-205. (In Russ.)
4. Brown E.D. *The International Law of the Sea.* Vol. I. Introductory Manual. Aldershot: Dartmouth Publishing Company, 1994. ISBN 1-85521-306-0.
5. Churchill R.R., Lowe A.V. *The Law of the Sea.* 3rd ed. Huntington: Juris Publishing. 1999. xlix, 494 p.
6. Efimov G.K. *General`naya Assambleya OON [UN General Assembly].* Moscow: Mezhdunarodny`e otnosheniya. 1969. P. 83-97 (In Russ.)
7. Ivanov G.G. *Mezhdunarodnaya morskaya organizaciya/ Mezhdunarodnoe morskoe pravo [International Maritime Organization/International Maritime Law]*. Otv. red. S.A. Gureev. Moscow: Yuridicheskaya literature. 2003. P. 406-416 (In Russ.)
8. Javits J.M. Internal Conflict Resolution at International Organizations. – *ABA Journal of Labor & Employment Law.* 2013. Vol. 28. No. 2. P. 223-253.
9. Kolombos D. *Mezhdunarodnoe morskoe pravo [International maritime law]*. Perevod s angl. Pod. red. A.K. Zhudro i M.I. Lazareva. M. 1975. P. 329-330 (In Russ.)
10. Kozhevnikov F.I., Sharmazanashvili G.V. *Mezhdunarodnyi sud OON: organizatsiya, tseli, praktika [International Court of Justice: organization, goals, practice].* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1971. 160 p. (In Russ.)
11. Krylov N.B. *Pravotvorcheskaya deyatel'nost' mezhdunarodnykh organizatsii [Law-making activities of international organizations].* Moscow: Nauka. 1988. 170 p. (In Russ.)
12. Malinin S.A. O kriteriyax pravomernosti rezolyucij General`noj Assambleya OON [On the criteria of legality of resolutions of the UN General Assembly]. – *Pravovedenie [Jurisprudence]*. 1965. № 2. P. 113-123 (In Russ.)
13. Shibaeva E.A. *Pravovoi status mezhpravitel'stvennykh organizatsii [Legal status of intergovernmental organizations].* Moscow: Yuridicheskaya literatura. 1972. 176 p. (In Russ.)
14. Tsarev V.F., Koroleva N.D. *Mezhdunarodno-pravovoi rezhim sudokhodstva v otkrytom more [International legal regime of shipping on the high seas].* Moscow: Transport. 1988. 104 p. (In Russ.)
15. Vylegzhanin A.N. Traffic Separation Systems (Schemes): Some International Law Problems/Pacem in Maribus. Convocation XIV. International Ocean Institute. Malta. 1989. P. 513-519.
16. Zhudro A.K., Dzhavad Yu.X. *Morskoe pravo [Maritime law].* Moscow: Transport, 1974. 384 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Виталий ВладимировичКЛЮЕВ
Кандидат юридических наук, профессоркафедры «Морское право и международное право» Юридического института, РУТ (МИИТ)

Образцова ул., 9, стр. 9, Москва, 127994, Российская Федерация

Директор департамента государственной политики в области морского и внутреннего водного транспорта, Министерство транспорта Российской Федерации

Рождественка ул., 1, стр. 1, Москва, 109012, Российская Федерация

vitaly140962@gmail.com
ORCID 0009-0003-5784-3906

Варвара Александровна ВЫЛЕГЖАНИНА
Студент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

varvarav22@icloud.com
ORCID 0009-0005-4536-5649

About the Authors

Vitalij V. KLYUEV
Candidate of Legal Sciences, Professor of the Department of Maritime Law and International Law of Law Institute, RUT (MIIT)

9, bld. 9, Obrazczova St., Moscow, Russian Federation, 127994

Director of the Department of State Policy in the Field of Maritime and Inland Water Transport, Ministry of Transport of the Russian Federation

1, bld. 1, Rozhdestvenka St., Moscow, Russian Federation, 109012

vitaly140962@gmail.com
ORCID 0009-0003-5784-3906

Varvara A. VYLEGZHANINA
Graduate Student, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

varvarav22@icloud.com
ORCID 0009-0005-4536-5649

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-120-133

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 25.01.2026
Принята к публикации: 16.04.2026

Наталия Евгеньевна ТЮРИНА
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Кремлевская ул., 18, Казань, 420008, Российская Федерация
tyurina.natal@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9035-8596

РЕГИОНАЛИЗМ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ: ВЫЗОВ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ?

ВВЕДЕНИЕ. *Тенденция к продолжению роста численности региональных организаций в сфере торгово-экономических отношений стала поводом для научной дискуссии о влиянии данного процесса на состояние мировой экономической системы и о роли международного права (основных принципов и многосторонних договоров) в региональных правопорядках. Актуализируется также вопрос об отношениях этих организаций с третьими государствами и другими международными организациями. Регионализация рассматривается как объективный процесс, открывающий возможности для решения задач, неосуществимых на современном этапе в многостороннем сотрудничестве. В фокусе статьи вопрос о применении основных принципов международного права и положений многосторонних международных договоров (универсального международного права), включая соглашения Всемирной торговой организации (далее – ВТО), к отношениям между членами и внешним отношениям региональных организаций. С этой позиции рассматриваются общие основы регионального сотрудничества государств, получившие закрепление в Уставе Организации Объединенных Наций (далее – ООН), а также в учредительных договорах и иных правовых актах наиболее крупных региональных объединений различных форм и степени интеграции. Отмечается значение универсального международного права для региональных организаций гибридного типа (экономического и политического сотрудничества), а также для регулирования межрегиональных (межинтеграционных) отношений, представляющих собой новую тенденцию в контексте регионализации.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В настоящем исследовании использованы труды как российских, так и зарубежных специалистов в области международного экономического и интеграционного права. Нормативную основу составляют универсальные международные договоры, региональные соглашения и иные международно-правовые акты. Методологическая составляющая исследования включает общенаучные методы познания: анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также специальные юридические методы: формально-юридический, технико-юридический, метод юридической аналогии, сравнительно-правовой метод.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Обращение к текстам Устава ООН, учредительных и иных актов региональных организаций экономической интеграции позволило установить, что создание региональных организаций экономической интеграции осуществляется на базе основных принципов международного права; что региональные акты предусматривают в определенных случаях применение универсального международного права к отношениям между членами организации; что универсальное международное право является регулятором отношений*

данных организаций с третьими государствами и отношений межрегионального (межинтеграционного) сотрудничества.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. *Процессы регионализации осуществляются на основе принципов Устава ООН, применяемых к государствам, образующим интеграционные объединения, как к субъектам международного права. Само объединение в форме международной региональной организации также является субъектом международного права, на которого распространяются указанные принципы. Международный договор как объект регулирования нормами универсального международного права не утрачивает своего значения для межрегионального (межинтеграционного) сотрудничества. Под воздействием регионализации неизбежны изменения в международном праве, возрастает роль «мягкого» права, однако потребность в универсальном регуляторе в международной экономической системе видится неизменной.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *региональные организации, экономическая интеграция, универсальное международное право, ООН, ВТО, интеграция интеграций*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тюрина Н.Е. 2026. Регионализм в международной экономической системе: вызов международному праву? – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 120–133. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-120-133

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL ECONOMIC LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-120-133

Research article
UDC: 341
Received 25 January 2026
Approved 16 April 2026

Natalia E. TYURINA
Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlevskaya St., Kazan, Russian Federation, 420008
tyurina.natal@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9035-8596

REGIONALISM IN INTERNATIONAL ECONOMIC SYSTEM: A CHALLENGE TO INTERNATIONAL LAW?

INTRODUCTION. *The trend to further growth in number of regional organizations in trade and economic area gave rise to the dispute on the effect of this process either on the world economic system, or the effect of International Law (general principles and universal treaties) on regional legal orders, and relations between regional organizations and third states. Regionalism is described as a natural process, providing for achievement the goals inaccessible in plurilateral cooperation. The article focuses on the application of general principles of International Law and provisions of universal treaties, including WTO Agreements, to the relations between members and outer relations of regional organizations. From this point of view the universal foundations for regional cooperation, reinforced in the UN Charter, constituent agreements and other legal acts of most developed regional institutions of different forms and degree or integrity are under discussion. Special attention is paid to regional hybrid organizations (for political and economic cooperation) and to the regulation of interregional (interintegration's) relations, which points out to an emerging trend in the context of regionalism.*

MATERIALS AND METHODS. *The basic scientific materials for this article were publications of Russian and foreign scholars in the field of economic and integration law. International treaties and other international acts form the legal basis of the investigation. Methodological foundation includes general scientific methods, such as analysis, synthesis, induction and deduction; and special methods: formal-legal, technical-legal, legal analogy, comparative legal method.*

RESEACH RESULTS. *As follows from UN Charter, constitutive and other acts of regional organizations of economic integration, the creation of these entities is based on the general principles of International Law. Regional acts contain references to universal rules of International Law to be applied to the relations between members of these organizations in special situations; the universal rules of International Law proved to be the instrument for regulation the relations between regional integrations with third states and the relations of interregional (interintegration's) cooperation.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The processes of regionalism are based on the principles of UN Charter, applied to the states constituting integrations, proceeding from their status of the subjects of International Law. The integrated entity in the form of international regional organization, being the subject of International Law as well, shall follow these principles, getting into relations with other subjects of International Law. Therefore, the rules of Universal International Law do not lose its relevance for interregional (interintegration's) cooperation. Certain changes in International Law, namely the increasing role of "soft" law, are the result of regionalism. However, the need in universal regulator, either "hard" or "soft", in international economic system seems to remain immutable.*

KEY WORDS: *regional organizations, economic integration, Universal International Law, UN, WTO, integration of integrations*

FOR CITATION: Tyurina N.E. Regionalism in International Economic System: a Challenge to International Law? – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 120–133. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-120-133

The authors declare the absence of conflict of interest.

1. Введение

Корреляция универсальной и региональных систем экономического, в частности, торгового права, видится общим вектором развития сотрудничества государств. В данном аспекте вопрос стоит не только о соотношении права ВТО и права региональных организаций экономической интеграции, но и о соотношении регионального и универсального международного права, учитывая, что отношения внутри интеграционных объединений зачастую выходят за рамки торгово-экономических. Существенной предпосылкой для развития регионального сотрудничества служит возрастание численности многосторонних универсальных международных договоров. С одной стороны, такого рода договоры служат укреплению международного правопорядка, отражают тенденцию к глобализации международного права и гармонизации национальных систем права. С другой стороны, при заключении многосторонних договоров согласованные позиции государств представляют собой наименьший общий знаменатель, необходимый для достижения компромисса. При этом интересы, не получившие или не полностью получившие удовлетворения, становятся предпосылкой для поиска партнерства в более узком, более близком по состоянию экономики и политическим позициям кругу государств и находят его в региональном сотрудничестве. «С позиции функциональности РТС превосходят многосторонние соглашения в том, что восполняют имеющиеся в них пробелы, и охватывают более широкий спектр отношений между участниками» [Прогнозы развития … 2026:65]. Так, после образования ВТО региональные торговые соглашения (далее – РТС) получают все большее распространение. Это объективный процесс, обусловленный логикой мирового развития. В данных условиях возникает проблема поддержания целостного качественного правопорядка, решение которой зависит от того, «насколько сбалансированно стыкуются друг с другом более дробные правопорядки» [Международно-правовые … 2024:25].

Регионализм и универсализм в международной торговле получили неоднозначную оценку в зарубежных исследованиях. Данные процессы рассматриваются, с одной стороны, как взаимосвязанные [Redesigning … 2010:417], способствующие устойчивому функционированию глобальной торговой системы [Taifeng 2009:7]; с другой – высказывается опасение, что разделение на региональные блоки может привести к конфликтам между ними [Shongwe 2017:3]. Следует уточнить, что речь идет прежде всего о подходах к интеграции в форме таможенных союзов, которые знаменуют собой не начальный, а продвинутый этап процесса регионализации. На исходной стадии это может быть зона свободной торговли или экономическая организация узкоспециального или гибридного типа, ставящая перед собой не только экономические, но и политические цели. В любом случае становление интеграционного объединения – это длительный процесс, для завершения которого в Европейском союзе (далее – ЕС) потребовалось более 10 лет; для Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) – без малого 20 лет; с момента принятия Бангкокской декларации об учреждении Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН)[1] до образования зоны свободной торговли АСЕАН прошло более 40 лет. В свою очередь развитие интеграционного процесса в таможенных союзах по мере охвата неторговых сфер сотрудничества ведет к образованию гибридных объединений интеграционного типа, что уже наблюдается в лице ЕС и Экономического сообщества западноафриканских государств (далее – ЭКОВАС). С учетом многообразия современных форм регионального сотрудничества представляется целесообразным изучение в дальнейшем процесса регионализации в более широком контексте, нежели его влияние на международную торговлю. На практике неоднократно подтверждалось, что существенным фактором экономического сотрудничества служит совпадение политических позиций государств, а несовпадение – препятствием к его осуществлению. Так, по поводу региональных торговых соглашений США было замечено, что вряд ли США стали бы вести переговоры с Австралией по поводу крупной сельскохозяйственной сделки, если бы Австралия не была активным участником «коалиции добровольцев» в Ираке [Kurz 2008:45].

2. Регионализация в фокусе ООН

Правовые основы регионального сотрудничества получили закрепление в универсальном и общеобязательном договоре – Уставе ООН. В Уставе ООН региональные соглашения рассматриваются с позиции интересов безопасности, и основным требованием к ним является совместимость с целями и принципами Организации, которое относится к любым региональным соглашениям независимо от их целей и сферы сотрудничества. В том же духе содержание Декларации, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/57 от 9 декабря 1994 г.[2] В отношении соблюдения данного требования указывается на мирное разрешение споров. Таким образом, соответствующий принцип, является императивом для региональных отношений. Региональные экономические комиссии, действующие под эгидой Экономического и Социального Совета ООН (далее – ЭКОСОС), также являются показателем заинтересованности ООН в развитии регионального сотрудничества. В докладе Генерального секретаря ООН, представленном ЭКОСОС 16 мая 2025 г., высказывается поощрение сотрудничества между региональными комиссиями[3]. Отмечается, что оно будет иметь ключевое значение для обеспечения слаженности, ускорения хода выполнения взаимосвязанных повесток дня и укрепления многосторонности в условиях быстро меняющейся обстановки в мире. Вопросы, относящиеся к экономической и гуманитарной сфере, входят также в повестку взаимодействия глобальной и региональной систем безопасности (ООН, Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС)) [Бокерия 2019:21-38]. В итоге региональное сотрудничество получило

[1] The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration) Bangkok. 8 Agustus 1967. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Bangkok_Declaration (accessed date: 21.01.2026).

[2] Декларация о совершенствовании сотрудничества между Организацией Объединенных Наций и региональными соглашениями или органами в области поддержания международного мира и безопасности. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cooperat.shtml (дата обращения: 22.01.2026).

[3] Региональное сотрудничество в экономической, социальной и смежных областях. Доклад Генерального секретаря. URL: https://docs.un.org/ru/E/2025/15 (дата обращения: 22.01.2026).

поддержку со стороны всех членов ООН как способ достижения целей Организации в целом, так и, в частности, для решения общих экономических проблем.

3. Международное право в правопорядке организаций экономической интеграции

Цель настоящего исследования – рассмотреть вопросы применения основных принципов международного права и универсальных международных договоров к отношениям по учреждению региональных экономических организаций, о соответствии их целей указанным принципам, о применении данных принципов и договоров к отношениям между членами региональных экономических организаций и к отношениям с третьими государствами и иными международными организациями. Для этого обратимся к нормативно-правовым материалам наиболее крупных региональных интеграционных объединений. Заметим, что речь пойдет о региональных международных организациях, юридической основой которых выступает международный договор. Данный факт уже указывает на неотделимость указанных субъектов международного права от его правовой системы. Конвенция ООН о праве международных договоров 1969 г. как источник, относящийся к категории общего международного права, подлежит применению к международным соглашениям независимо от уровня соответствующего акта, и этим определяется один из существенных аспектов значения универсальных конвенционных норм для обеспечения единства международно-правовой системы. Положения Конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г.[4] в существенной мере совпадают с положениями Конвенции 1969 г., что указывает на универсальный характер данных положений и их применимость независимо от вступления Конвенции 1986 г. в силу. Как отмечает Карл Земанек, Председатель Конференции Организации Объединенных Наций по праву договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями, указанная конвенция, несмотря на свой формальный статус, получила общее признание в качестве применимого права и широко используется в целях практического руководства [Земанек 2010:4].

Европейский союз. В Договоре о Европейском союзе 1992 г. (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.)[5] при определении его целей указано, что к ним относятся, в том числе: а) неукоснительное соблюдение и развитие международного права, особенно соблюдение принципов Устава ООН (ст.3.5); б) соблюдение принципов Устава ООН и международного права (ст.21.1); сохранение и укрепление международной безопасности в соответствии с принципами Устава ООН, равно как и принципами Хельсинского Заключительного акта и целями Парижской хартии, включая те, что относятся к внешним границам (ст. 21.2c). Из пункта «а» следует, что основные принципы международного права закладываются в основу формирования Союза, имеют приоритетное значение для сохранения создаваемой общности и применимы к отношениям между членами ЕС и Союзом, а также к отношениям между членами ЕС, в которых ЕС выступает третьей заинтересованной стороной. ЕС является членом ВТО, имеет статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН, в Международном валютном фонде (далее – МВФ), Международной организации труда (далее – МОТ), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – ОБСЕ)[6]; сотрудничает с Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО), Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (далее – ФАО) [Лившиц 2019:54-67], Гаагской конференцией по международному частному праву, Организацией Исламского сотрудничества, которая имеет статус наблюдателя при ЕС; выстраивает также отношения с региональными организациями. Европейский союз

[4] Конвенция ООН о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 г. (в силу не вступила). URL: https://docs.cntd.ru/document/1901942 (дата обращения: 12.01.2026).

[5] Договор о Европейском Союзе. Маастрихт. 7 февраля 1992 г. (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.). Консолидированная версия. URL: https://base.garant.ru/71672402/ (дата обращения: 12.01.2026).

[6] Отношения ЕС с международными организациями. URL: https://student-servis.ru/spravochnik/otnosheniya-evropejskogo-soyuza-s-mezhdunarodnymi-organizatsiyami/ (дата обращения: 12.01.2026).

принимал участие в заключении Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.[7] Таким образом, Союз существенным образом вовлечен в сферу международно-правового регулирования.

Правоприменительная практика Суда ЕС в аспекте настоящей статьи уже рассматривалась в публикациях российских исследователей, в связи с чем целесообразно остановиться на некоторых выводах, полученных в результате проведенного ими анализа. Так, исследование, специально посвященное роли международных договоров в правопорядке ЕС, послужило основанием для заключения о том, что «право ЕС, несмотря на свой автономный характер, выстроило систему, включившую международные договоры в правопорядок ЕС и позволяющую заявителям ссылаться в Суде ЕС на права, предоставляемые им такими международными договорами» [Энтин 2021:109]. В частности, вопросы, касающиеся границ, решаются в Суде ЕС на основе международного права[8]. В результате изучения автономного характера правопорядка ЕС было сделано заключение о том, что действие норм международного права в данном правопорядке только в соответствии с правилами самого Союза не означает возведения Судом ЕС непреодолимой стены между правом Союза и международным правом. Это лишь означает, что Суду ЕС надлежит в каждом случае определять, насколько международное соглашение Союза или стран-членов способно нанести ущерб автономному характеру права ЕС. Противоречащая принципу автономности норма международного права не подлежит применению в правопорядке ЕС [Исполинов 2022б:272].

Из приведенных выводов следует, что обособленность ЕС и его правовой системы формально не являются критичными с точки зрения целостности международно-правовой системы. Вместе с тем, ссылка на автономность правовой системы ЕЭС (дело Van Gend an Loos 1963) была использована Судом ЕС в апелляционном производстве по делу Kadi как обоснование для отказа от исполнения решения Совета Безопасности ООН. В этом деле примечательно расхождение позиций в Суде Первой Инстанции, где была признана обязательность данного решения, и в апелляционном производстве, где указанная позиция была опровергнута. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что отказ от исполнения обязательств по международному праву в правовой системе ЕС не носит безусловного характера. К тому же, как было отмечено А.С. Исполиновым, ссылка на доктрину автономного правопорядка дала Суду ЕС «возможность утверждать, что он рассматривает не вопросы правомерности решений Совета Безопасности, а только соответствие внутренних актов Евросоюза нормам о защите прав человека» [Исполинов 2022а]. Оговорка такого рода, с одной стороны, все-таки размывает установки на взаимодействие с международным правом, а с другой – это попытка показать, что речь идет о конкретной ситуации, а не об отказе от обязательств по международному праву в целом, что отнюдь не благоприятствовало бы имиджу ЕС в международном сообществе.

Следует также указать на недружественные и нелегитимные действия, которые имеют место в современной практике ЕС по отношению к России. Так, на начало 2026 года был принят уже 19-й пакет антироссийских санкций. Среди них, в частности, 14-й пакет ограничительных мер, затрагивающий интеллектуальную собственность российских заявителей и правообладателей[9], принятый 24 июня 2024 г. Советом Евросоюза вразрез со ст.2 Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. (ред. от 2.10.1979)[10], участни-

[7] Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 12.01.2026).

[8] Case C-457/18 Republic of Slovenia v. Republic of Croatia ECLI:EU:C:2020:65.

[9] Информация Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 9 июля 2024 г. Роспатент: Разъяснения по европейским ограничительным мерам в отношении интеллектуальной собственности. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409233860/ (дата обращения: 12.01.2026).

[10] Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г., пересмотренная в Брюсселе 14 декабря 1900 г., в Вашингтоне 2 июня 1911 г., в Гааге 6 ноября 1925 г., в Лондоне 2 июня 1934 г., в Лиссабоне 31 октября 1958 г. и в Стокгольме 14 июля 1967 г. и измененная 2 октября 1979 г. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/documents/parizhskaya-konvenciya-po-ohrane-promyshlennoy-sobstvennosti (дата обращения: 12.01.2026).

ками которой являются все государства – члены ЕС; ст. 2 (1), 3 (1) Соглашения ВТО по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности[11] о предоставлении национального режима договаривающимся государствам, а также противоречащий принципу Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. (ст. 1)[12] о предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации. Данная практика также не согласуется с приведенными выше положениями Договора о функционировании Европейского Союза (далее – ДФЕС). Из последних событий, характеризующих отношение ЕС к действующему международному праву, – заявление председателя Еврокомиссии на ежегодной конференции послов ЕС 9 марта 2026 года о том, что ЕС больше не должен выступать хранителем «старого мирового порядка»[13]. Заметим, что хотя речь идет не об отказе от международного права как такового, а о наполнении его новым содержанием, по сути, это установка на неисполнение соответствующих обязательств действующего международного права. Принимая во внимание, что ЕС сегодня представляет собой не только экономическое, но и по факту военно-политическое объединение[14], указанная практика и занимаемая позиция Союза должны восприниматься тревожным звонком для международного правопорядка в целом. Тем не менее роль международного права как регулятора отношений в международной системе не подлежит открытому оспариванию.

Евразийский экономический союз. Договор ЕАЭС от 29 мая 2014 г.[15] , как следует из его Преамбулы, заключался государствами на основе принципа суверенного равенства государств, принимая во внимание нормы, правила и принципы Всемирной торговой организации, подтверждая свою приверженность целям и принципам Устава ООН, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права. В нем непосредственно провозглашается уважение принципов суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности (ст. 3). В ст. 6 говорится, что право ЕАЭС, вместе с настоящим договором и международными договорами в рамках Союза, составляют международные договоры Союза с третьей стороной. В соответствии со ст. 50 Статута Суда ЕАЭС Суд при осуществлении правосудия применяет наряду с актами Союза общепризнанные принципы и нормы международного права; Договор ЕАЭС, международные договоры в рамках Союза и *иные международные договоры,* участниками которых являются государства – стороны спора; международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы[16]. Относительно *иных* международных договоров в дальнейшем было сделано уточнение, что они подлежат применению в рамках Союза при наличии двух кумулятивных условий: 1) все государства – члены ЕАЭС являются участниками международного договора; 2) сфера действия международного договора относится к области единой политики в рамках ЕАЭС (п. 5.1.1 решения Апелляционной палаты Суда от 21 июня 2016 г. по делу ЗАО «Дженерал Фрейт»)[17].

О применении *иного* международного договора идет речь в решении Апелляционной палаты Суда от 14 марта 2023 г. по делу ООО «Польские машины» (п. 41), где констатируется, что «Конвенция о ГС (о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 г.) подлежит применению в Союзе», поскольку «все государства – члены ЕАЭС присоединились к Конвенции о ГС, тем самым приняв

[11] Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров. Марракеш, 15 апреля 1994 г. (с изм. и доп.). URL: https://base.garant.ru/4059989/ (дата обращения: 2.02.2026).

[12] Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) от 30 октября 1947 г. URL: https://base.garant.ru/2560614/ от 30 октября 1947 г. (дата обращения: 12.01.2026).

[13] Junge Welt 12.03.2026. URL: https://inosmi.ru/20260312/lyayen-277491457.html (дата обращения: 30.03.2026).

[14] См.: Заявление директора Департамента европейских проблем. 19.12.2025. URL: https://ria.ru/20251219/es-2063076395.html (дата обращения: 30.03.2026).

[15] Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) (с изм. и доп.). URL: https://base.garant.ru/70670880/ (дата обращения: 12.01.2026).

[16] Статут Суда ЕАЭС. Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе, подписанному в Астане 29 мая 2014 г. URL: https://base.garant.ru/70675034/ (дата обращения: 12.01.2026).

[17] Решение Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 г. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/16bn0138/ (дата обращения: 12.01.2026).

на себя обязательства, предусмотренные данным международным договором, а сфера таможенных отношений относится к единой политике в ЕАЭС»[18]. Кроме того, в ЕАЭС получили признание обязательства государств-членов в рамках Всемирной торговой организации (п. 2 Консультативного заключения Большой коллегии Суда от 23 ноября 2021 г. по заявлению Евразийской экономической комиссии)[19].

Евразийский экономический союз является участником 12 договоров с третьими государствами (7 из них вступили в силу)[20], в которых говорится, что основу сотрудничества между ЕАЭС и указанными государствами составляют принципы и нормы ВТО. Связи ЕАЭС с универсальными институциями находятся в стадии становления. В сентябре 2019 г. в ЮНКТАД сформирована неформальная группа стран ‑ членов ЕАЭС. Это первое представительство ЕАЭС на площадке ООН. В настоящее время в процессе рассмотрения находится вопрос о предоставлении ЕАЭС наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН. 7 октября 2025 г. было принято Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии № 147 «О проекте Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Организацией Объединенных Наций»[21]. В рамках осуществления межрегионального сотрудничества ЕАЭС на современном этапе были выделены два основных вектора: азиатский [Королев, Крашенинникова, Пятачкова 2020:79-87] и латиноамериканский [Алексанян 2024:15-19]. В указанных направлениях в основу институционального взаимодействия положено международное «мягкое» право. В качестве перспективного рассматривался вектор ЕАЭС-ВТО [Медведков 2020:112-118], который не утрачивает своего значения и в текущий момент.

В научной публикации, посвященной исследованию практики Суда ЕАЭС, выявлено, что толкование международных договоров с участием членов ЕАЭС требует обращения к универсальному праву, отсылки к которому все чаще можно встретить в особых мнениях судей [Талимончик 2022:18-21]. Можно предположить, что по мере расширения сферы интеграции в рамках ЕАЭС за счет сотрудничества по решению глобальных проблем данный процесс пойдет по нарастающей.

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. В Уставе АСЕАН, который вступил в силу 15 декабря 2008 г., выражено признание основных принципов международного права: суверенитета, равенства, территориальной целостности, невмешательства, мирного урегулирования споров, а также отказ от агрессии и угрозы силой или её применения, от любых других действий, несовместимых с международным правом. Закреплено обязательство соблюдать нормы международного гуманитарного права и многосторонней торговли[22]. Иммунитеты и привилегии постоянных представителей и должностных лиц, выполняющих обязанности в рамках АСЕАН, регулируются Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г. и на основе национального законодательства соответствующего государства ‑ члена АСЕАН. В соответствии с п. 2 ст. 44 и ст. 45 Устава данной организации АСЕАН активно взаимодействует с ООН и специализированными учреждениями ООН, а также состоит в партнерских отношениях с региональными организациями как интеграционного, так и традиционного типа. Среди них: Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна (далее ‑ CELAC), Организация экономического сотрудничества (далее ‑ ОЭС), ЕАЭС, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (далее ‑ ССАГПЗ), Ассоциация регионального сотрудничества стран Индийского океана (далее ‑ АРСИО), Тихоокеанский альянс (далее ‑ ТА), Форум тихоокеанских островов (далее ‑ ФТО),

[18] Решение Апелляционной палаты Суда ЕАЭС от 14 марта 2023 г. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=Z923P0004 (дата обращения: 12.01.2026).

[19] Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 23 ноября 2021 г. О разъяснении положений ст. 92 Договора о ЕАЭС. URL: https://base.garant.ru/403127079/ (дата обращения: 13.11.2025).

[20] ЕАЭС: правовой портал. URL: https://docs.eaeunion.org/documents/238/ (дата обращения: 30.03.2026).

[21] О проекте Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Организацией Объединенных Наций : распоряжение Коллегии ЕЭК от 07.10.2025 № 147. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/25r00147/ (дата обращения 13.11.2025).

[22] The ASEAN Charter, 2008. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf (дата обращения: 13.11.2025).

ШОС, Общий рынок южного конуса (далее – МЕРКОСУР), Южно-азиатская ассоциация регионального сотрудничества (далее – СААРК)[23]. Примером успешного сотрудничества АСЕАН с другими субъектами международных экономических отношений является Соглашение об инвестициях между правительством Специального административного района Гонконг и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, подписанное 30 мая 2018 г. в Джакарте[24]. Инвестиционное сотрудничество по данному соглашению базируется на уважении суверенного равенства и принципах международного экономического права и права ВТО (в частности, наиболее благоприятствуемой нации и предоставления национального режима). Стратегическое партнерство между Российской Федерацией и АСЕАН в соответствии с Заявлением, принятым на третьем Саммите Россия – АСЕАН) 14 ноября 2018 года в Сингапуре[25], основывается на общепризнанных правилах и принципах международного права, взаимном доверии и уважении интересов друг друга, принципах урегулирования споров мирными средствами, неприменения силы или угрозы ее использования, приверженности целям и принципам, закрепленным в Уставе ООН, и уважению международного права [Зварцев 2023:430].

Специфичным для АСЕАН является применение международного права для урегулирования споров между членами Ассоциации. Так, для разрешения территориальных споров стороны прибегают непосредственно к методам, присущим именно международно-правовому полю, но делают это вне региональных площадок, обращаясь в Международный Суд [Сигаури-Горский 2025:71].

Общий рынок стран южного конуса. Правовую основу МЕРКОСУР составляют Договор Асунсьон от 26 марта 1991 г. о создании общего рынка стран южного конуса и Протокол Ору Прету от 17 декабря 1994 г. Применение международного права предусмотрено Протоколом Бразилиа от 17 декабря 1991 г. по урегулированию споров. В соответствии с данным протоколом (ст. 19) спор может быть разрешен на основе положений Договора Асунсьон, соглашений, заключаемых в соответствии с Договором Асунсьон, решений Совета Общего рынка, резолюций Группы Общего рынка, а также принципов и норм международного права[26]. Государства – члены МЕРКОСУР могут обращаться в целях урегулирования споров в Орган ВТО, что уже имело место[27].

Еще одной сферой деятельности МЕРКОСУР, осуществляемой на базе международного права, являются отношения с третьими государствами, с которыми заключаются договоры об экономическом сотрудничестве (Израиль, Перу, Чили), а также преференциальный торговый договор с Индией[28]. Из последних – соглашения о свободной торговле с Египтом (2017) и Сингапуром (2023). К тому же в 2018 г. был подписан Меморандум о торгово-экономическом сотрудничестве МЕРКОСУР с Евразийской экономической комиссией[29]; в 2019 г. – была достигнута договоренность о подписании Соглашения о партнерстве между ЕС и МЕРКОСУР[30], и 17 января 2026 г.

---

[23] External relations – ASEAN Main Portal. URL: https://asean.org/our-communities/asean-political-security-community/outward-looking-community/external-relations/ (дата обращения: 3.02.2026).

[24] О международно-правовом регулировании региональной экономической интеграции: опыт АСЕАН. URL: https://inter-legal.ru/o-mezhdunarodno-pravovom-regulirovanii-regionalnoj-ekonomicheskoj-integratsii-opyt-asean (дата обращения 1.02.2026).

[25] Совместное заявление третьего саммита Российская Федерация – АСЕАН о стратегическом партнёерстве от 14 ноября 2018 г. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5360 (дата обращения: 1.02.2026).

[26] Protocolo de Brasilia para la solución de controversias. URL: https://jusmundi.com/en/document/rule/es-protocolo-de-brasilia-para-la-solucion-de-controversias-en-el-mercosur-1991-protocolo-de-brasilia-mercosur-1991-tuesday-17th-december-1991 (accessed date: 13.11.2025).

[27] WT/DS241 Brazil vs Argentina. URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-argentina-definitive-anti-dumping-duties-on-poultry-from-brazil-report-of-the-panel-tuesday-22nd-april-2003 (assessed date: 3.02.2026).

[28] Preferential trade agreement between MERCOSUR and the Republic of India. URL: https://wits.worldbank.org/GPTAD/PDF/archive/india-mercosur.pdf (accessed date: 3.02.2026).

[29] Меморандум о торгово-экономическом сотрудничестве МЕРКОСУР с Евразийской экономической комиссией. URL: https://base.garant.ru/72134092/ (дата обращения: 2.02.2026).

[30] Совету ЕС представлено на ратификацию торговое соглашение с МЕРКОСУР. URL: https://www.korovainfo.ru/news/istoricheskoe-soglashenie-es-merkosur-put-k-krupneyshey-zone-svobodnoy-torgovli-v-mire/ (дата обращения 13.11.2025).

подписание состоялось[31]. Одновременно между данными организациями было подписано Временное торговое соглашение. Не углубляясь в содержание данных соглашений, которое требует отдельного исследования, необходимо отметить, что они открывают новую страницу в международной экономической системе, положив начало взаимодействию между региональными организациями экономической интеграции. В условиях межрегионального сотрудничества по мере его развития отступает на второй план проблема фрагментации международного права, поскольку оно приобретает функцию регулятора межрегиональных отношений.

Экономическое Сообщество стран Западной Африки. Действующее в настоящее время Соглашение ЭКОВАС от 13 июля 2012 г., которое было принято в целях углубления экономической интеграции, устанавливает (ст.92), что для определения прав и обязанностей стран-членов по Соглашению ЭКОВАС от 28 мая 1975 г. и данному пересмотренному Соглашению должна применяться Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г.[32]

Региональная организация ЭКОВАС представляет собой гибридное образование, которое является политическим и одновременно экономическим союзом. В 2017 г. ЭКОВАС после принятия Таможенного кодекса получил статус таможенного союза. Вместе с тем военно-политический союз ЭКОВАС сотрудничает с ООН в сфере миротворческой деятельности [Ютяева 2022:68-79], борьбы с терроризмом, организованной преступностью, незаконным наркооборотом и коррупцией. Установлено партнерство ЭКОВАС с Управлением по наркотикам и преступности ООН. Политическая составляющая ЭКОВАС обусловливает существенную роль международного права в деятельности данной организации. В основу принципов сотрудничества государств – членов организации, подтверждаемых Соглашением 2012 г., положены основные принципы международного права, в частности: поддержание мира, стабильности и безопасности региона, отсутствие агрессии, мирное разрешение споров, защита прав человека. В области внешнеэкономических (межрегиональных) связей ЭКОВАС, регулируемых международным правом, следует отметить подписание 30 июня 2014 г. Соглашения об экономическом партнерстве между Европейским союзом и Экономическим сообществом западноафриканских государств. Обсуждается вопрос об углублении сотрудничества России с ЭКОВАС[33].

Правовые акты всех рассмотренных региональных организаций экономической интеграции содержат положения, опровергающие обособление регионального правопорядка как угрозу фрагментации международного права. Как показывает практика функционирования данных организаций, каждая из них находится во взаимодействии с другими субъектами международного права (государствами, присоединяющимися к учредительному договору, третьими государствами и международными организациями), которое отвечает парадигме международно-правового регулирования.

Международное межинтеграционное сотрудничество. Межрегиональное взаимодействие на современном этапе достаточно заметно заявило о себе как тенденция международного экономического сотрудничества. Прогнозируется, что дальнейший процесс глобализации примет форму межинтеграционных/межрегиональных связей [Международно-правовые … 2024:32], иными словами, форму «интеграции интеграций»[34] – соглашений не отдельных стран, а целых региональных блоков, что уже имеет место в отношениях между ЕС и МЕРКОСУР. Кроме того, новым феноменом межрегионального сотрудничества становятся объединения государств разных географических регионов с целью установления единого пространства для свободного перемещения товаров без образования

[31] EU and Mercosur sign historic and ambitious partnership. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_26_113 (accessed date: 3.02.2026).

[32] Соглашение ЭКОВАС от 13 июля 2012 г. URL: https://constitutions.ru/?p=7854 (дата обращения: 21.01.2026).

[33] Вступительное слово Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе переговоров с Председателем Комиссии ЭКОВАС О. Туреем «на полях» Второй министерской конференции Форума партнерства Россия – Африка. Каир. 19 декабря 2025 г. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/2067274/ (дата обращения: 21.01.2026).

[34] Концепция «интеграции интеграций» была высказана Президентом России В.В. Путиным в ходе выступления на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64074 (дата обращения: 21.01.2026).

субъекта международного права. К договорам, предусматривающим взаимодействие в данном формате, относятся Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве (далее – ВПСТТП, 2018)[35] и Соглашение о создании Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (далее – ВРЭП, 2020)[36].

Участниками ВПСТТП, заложившего правовые основы зоны свободной торговли, являются пять азиатских стран (Япония, Сингапур, Малайзия, Вьетнам, Бруней), четыре страны американского континента (Канада, Мексика, Чили, Перу), а также Австралия, Новая Зеландия и Великобритания, и еще ряд государств разных регионов выразили намерение присоединиться к данному соглашению. Целью соглашения является содействие экономической интеграции и сотрудничеству.

Соглашение о создании ВРЭП, как и ВПСТТП, учреждает зону свободной торговли, получившую оценку как одно из наиболее перспективных соглашений о сотрудничестве регионального и глобального масштабов [Гаджиев 2022:129]. Соглашения ВРЭП и ВПСТТП пересекаются в целях и составе участников. Общими участниками для обеих организаций являются Австралия, Бруней, Япония, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур, Вьетнам. Кроме того, членами ВРЭП являются КНР, Республика Корея и члены АСЕАН, не входящие в ВПСТТП. По оценкам специалистов, ВРЭП является самой крупной в современном мире зоной свободной торговли товарами и услугами [Наку 2024:60].

В отличие от рассмотренных выше региональных соглашений ВРЭП и ВПСТТП не предусматривают учреждения международной организации, таможенного союза. Тем не менее в самом факте договорных связей и установлении сотрудничества в форме зоны свободной торговли проявляется интеграционное начало. Интегрирующую функцию выполняет также Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации 1994 г. и охваченные им соглашения, представляющие собой общее право для участников ВРЭП и ВПСТТП.

4. Заключение

Процессы региональной интеграции протекают в рамках международной системы при взаимодействии правовых компонентов данной системы. Универсальной основой международного экономического сотрудничества в интеграционных объединениях остаются Устав ООН и многосторонние международные договоры. Существенной частью универсальной основы является Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации 1994 г. и охваченные им договоры, составляющие право ВТО. Это обусловлено участием в данных договорах государств, вступающих в региональные объединения. Факт такого участия не является освобождением от обязательств по иным международным договорам, что отмечается и в текстах актов регионального права. Принципы регионального сотрудничества либо текстуально совпадают с формулировками Устава ООН, либо конкретизируют их применительно к целям региональной организации, либо, отражая специфику задач региональной организации, не вступают в противоречие с ними. Становление регионального партнерства происходит на базе принципа суверенного равенства государств независимо от формы учредительного акта. Роль международного универсального права после учреждения региональной организации на основе международного договора проявляется в определении принципов регионального сотрудничества, в разрешении споров между членами организации и регулировании отношений с третьими государствами и иными международными организациями. По вопросам заключения и толкования региональных договоров не существует альтернативы Венской конвенции 1969 г. Вместе с тем, по мере возрастания численности соглашений между региональными организациями друг с другом и третьими государствами, актуализируется вопрос о вступлении в силу Венской конвенции 1986 г. и об участии в ней международных межправительственных

[35] Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership. URL: https://www.international.gc.ca/trade-commerce/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/cptpp-accessedptpgp/text-texte/cptpp-ptpgp.aspx?lang=eng (accessed date: 21.01.2026).

[36] Regional comprehensive economic partnership agreement. Preamble. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2024/10/Regional-Comprehensive-Economic-Partnership-RCEP-Agreement-Full-Text.pdf (accessed date: 21.01.2026).

организаций, включая организации региональной экономической интеграции.

Наряду с нарастающим процессом регионализации в виде учреждения международных экономических организаций интеграционного типа, охватывающих географически близкие государства, отмечается тенденция к образованию объединений, включающих государства разных географических регионов, участию одного государства одновременно в двух (и, возможно, более) экономических объединениях, к взаимодействию региональных блоков. Что может выступать правовой основой для соответствующих отношений в отсутствие институционального оформления как минимум одного из них – вопрос риторический. Функциональность универсального (общего) права, включая «мягкое» право, является условием для осуществления наметившихся изменений в архитектуре международной экономической системы, которые отражают потребности современного международного сообщества.

Список литературы

1. Алексанян Л.М. 2024. Латиноамериканский вектор международного сотрудничества ЕАЭС (на примере МЕРКОСУР). – *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика.* № 1. С. 15-19. DOI: 10.31249/RVA/2024.01.01.
2. Бокерия С.А. 2019. Взаимосвязь глобальной и региональной систем безопасности (на примере ООН, ОДКБ и ШОС). – *Вестник международных организаций*. Т. 14. № 1. С. 21-38. DOI:10.17323/1996-7845-2019-01-02.
3. Гаджиев Х.А. 2022. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство: принципы и направления сотрудничества. – *Власть*. № 5. С. 129-132. DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9252.
4. Зварцев И.А. 2023. Международный опыт МЕРКОСУР. – *Вестник науки*. Т. 4. № 8 (65). С. 428-431.
5. Земанек К. 2010. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями. URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/vcltsio/vcltsio-r.pdf (дата обращения: 11.01.2026).
6. Исполинов А.С. 2022а. Санкции Совета Безопасности ООН, Суды ЕС и права человека. URL: https://studfile.net/preview/16828076/ (дата обращения: 29.03.2026).
7. Исполинов А.С. 2022б. Принцип автономности права Евросоюза, его внешнее измерение и роль в процессе конституализации ЕС. – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 15. № 5. С. 251-277. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.251.277.
8. Королев А.С., Крашенинникова Л.С., Пятачкова А.С. 2020. Азиатский вектор международного сотрудничества ЕАЭС: взаимодействие с ШОС, АТЭС и АСЕАН, перспективы сопряжения с ЭПШП. – *В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС. Докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества*. Москва: НИУ ВШЭ. С. 72-79.
9. Лифшиц И.М. 2019. Членство Европейского союза в международных организациях в контексте его правосубъектности. – *Московский журнал международного права*. № 1 С. 54-67. DOI: 10.24833/0869-0049-2019-1-54-67.
10. Медведков М.Ю. 2020. ЕАЭС и ВТО – перспективы сближения. – *В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС. Докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества*. Москва: НИУ ВШЭ. С. 112-118.
11. Международно-правовые проблемы современного международного экономического правопорядка. Коллективная монография. 2024. Под. ред. В.М. Шумилова. Москва: ВАВТ. 176 с.
12. Наку А.А. 2024. Транстихоокеанское партнерство и всестороннее региональное экономическое партнерство как международно-правовая модель экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. – *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право.* Т. 26. № 3. С. 55-72. DOI: 10.24866/1813-3274/2024-3/55-72.
13. Прогнозы развития международного экономического права и международного правопорядка в XXI веке. Коллективная монография. 2026. Под ред. В.М. Шумилова. Москва: ВАВТ. 162 с.
14. Сигаури-Горский Е.Р. 2025. Международно-правовые проблемы механизма разрешения споров в АСЕАН в соответствии с Договором о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии 1976 г.: к апологии парадокса. – *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право.* Т. 27. No 4. С. 66-77. DOI: 10.24866/1813-3274/2025-4/66-77.
15. Талимончик В.П. 2022. Применение международных договоров Судом ЕАЭС. – *Евразийский юридический журнал*. № 3 (166). С.18-21. DOI: 10.46320/2073-4506-2022-3-166-18-21.
16. Энтин К.В. 2021. Роль международных договоров и международного обычного права в правопорядке ЕС и ЕАЭС. – *Международное правосудие*. № 1 (37). С. 102-130. DOI: 10.21128/22-26-2059-2021-1-102-130.
17. Ютяева И.Р. 2022. Сотрудничество ООН и ЭКОВАС в сфере миротворческой деятельности. – *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. Вып. 5. С. 68-79. DOI: 10.31857/S086919080019652-4.
18. Kurtz J. 2008. Regional Trade Agreements and the WTO Legal System. – *European Journal of International Law*. April. P. 449-450.
19. *Redesigning the World Trade Organization for the Twenty-First Century*. 2010. Ed. by D.P. Steger. Wilfrid Laurier University Press. 498 p.
20. Taifeng C. 2009. *Regional Trade Agreements vs. Multilateral Trading System: A Study of Chinese Interests and Policy Options*. Norwegian Institute of International Affairs. 46 p.
21. Shongwe M.N. 2017. *The Fragmentation of the Multilateral Trading System: The Impact of Regionalism on WTO Law. Universiteit Amsterdam Faculty of Law*. 39 p. DOI:10.37974/ALF.288.

References

1. Aleksanyan L.M. Latino-amerikanskii vector mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Latin America vector of international cooperation]. – *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 9. Vostokovedenie i afrikanistika [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 9. Oriental and African Studies]*. 2024. No 1. C. 15-19. DOI: 10.31249/RVA/2024.01.01. (In Russ.)
2. Bokeriya S.A. Vzaimosvyaz' global'noi i regional'noi system bezopasnosti (na primere OON, ODKB i SHOS) [Interconnection of global and regional systems of security (by example of UN, CSTO and SCO]. – *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii.* 2019. T. 14. No 1. S. 21-38. DOI:10.17323/1996-7845-2019-01-02. (In Russ.)
3. Entin K.V. Rol' mezhdunarodnykh dogovorov i mezhdunarodnogo obychnogo prava v pravoporyadke ES i EAES [The role of international treaties and international customary law in the legal order of EU and UAEU]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice]*. 2021. No. 1 (37). S. 102-130. DOI:10.21128/22-26-2059-2021-1-102-130. (In Russ.)
4. Gadzhdiev K.A. Vseob"emlushchee regional'noe ekonomicheskoe partnerstvo: printsipy i napravltniya sotrudnichestva [Universal regional economic area: principles and vectors of cooperation]. – *Vlast' [Power]*. 2022. No. 5. S. 129-132. DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9252. (In Russ.)
5. Ispolinov A.S. *Sanktsii Soveta bezopasnosti OON, Sudy ES i prava cheloveka [UN Security Council sanctions, EU Courts and Human rights]*. URL: https://studfile.net/preview/16828076/ (accessed date: 29.03.2026). (In Russ.)
6. Ispolinov A.S. Printsip avtonomnosti prava Evrosojuza, ego vneshnee izmerenie i rol' v protsesse konstitutsializatsii ES [Autonomy of the European Union Law: External dimension and Role in Process of EU Costitutionalization]. – *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2022 Vol. 15. No. 5. S. 251-277. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.251.277. (In Russ.)
7. Iutiaeva I.R. Sotrudnichestvo OON i EKOVAS v sfere mirotvorcheskoi deyatel'nosti. – *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost' [Cooperation between the UN and ECOWAS in the field of peacekeeping]*. 2022. Vyp. 5. S. 68-79. DOI: 10.31857/S086919080019652-4. (In Russ.)
8. Korolev A.S., Krasheninnikova L.S., P'atachkova A.S. Aziatskii vector mezhdunarodnogo sotrudnichestva EAES: vzaimodeistvie s SHOS, ATES i ASEAN, perspektivy sopr'azhdeniia s EPSHP [Asian vector of UAEU international cooperation: relation with SCO, ATES and ASEAN; perspective of conjunction with OROB]. – *V poiskakh novoi arkhitektury i mnogopolyarnosti: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo EAES. Dokl. k XXI Apr. mezhdunnar.nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [In search of a new architecture of multipolarity: international cooperation of the EAEU. Report to the XXI April International Scientific Conference on Economic and Social Development]*. Moscow: NIU VSHE Publ. 2020. P. 72-79. (In Russ.)
9. Kurtz J. Regional Trade Agreements and the WTO Legal System. – *European Journal of International Law*. 2008. April. P. 449-450. DOI: 10.1093/ejil/chn020.
10. Lifshits I.M. Chlenstvo Evropeiskogo Soyuza v mezhdunarodnikh organizatsiyakh v konterste ego pravosub"ektnosty [EU Membership in International Organizations in the Context of Its Personality]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2019. No. 1 P. 54-67. DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-1-54-67. (In Russ).
11. Medvedkov M.Yu. EAES i VTO – perspektivy sblizhdeniya [UAEU and WTO – perspective of rapprochement]. – *V poiskakh novoi arkhitektury i mnogopolyarnosti: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo EAES. Dokl. k XXI Apr. mezhdunnar.nauch.konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [In search of a new architecture of multipolarity: international cooperation of the EAEU. Dokl. to the XXI Apr. international Scientific Conference on the problems of economic and social development]*. Moscow: NIU VSHE Publ. 2020. S.112-118. (In Russ.)
12. *Mezhdunarodno-pravovye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo pravoporyadka: kollektivnaya monografiya*. Pod. red. V.M. Shumilov [International legal problems of modern international economic legal order: a collective monograph. Ed. By V.M. Shumilov. Moscow: Rus. Academy of external trade Publ. 2024. 176 p. (In Russ.)
13. Naku A.A. Transtikhookeanskoe partnerstvo i vsestoronnee regional'noe ekonomicheskoe partnerstvo kak mezhdunarodno-pravovaya model' economicheskoi integratsii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione. – *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo*. 2024. No 3. S. 55-72. DOI: 10.24866/1813-3274/2024-3/55-72. (In Russ.)
14. *Prognozy razvitiya mezhdunarodnogo ekonomicheskogo prava i mezhdunarodnogo pravoporyadka v XXI veke [Development forecasts of International economic law and legal order in XXI century]*. Kollektivnaya monografiya. 2026. Pod red. V.M. Shumilova. Moscow: Rus. Academy of external trade Publ. 2026. 162 p. (In Russ.)
15. *Redesigning the World Trade Organization for the Twenty-First Century*. Wilfrid Laurier University Press. 498 p.
16. Shongwe M.N. *The Fragmentation of the Multilateral Trading System: The Impact of Regionalism on WTO Law. Universiteit Amsterdam Faculty of Law*. 2017. 39 p.
17. Sigauri-Gorskii E.R. Mezhdunarodno-pravovye problemy mekhanizma razresheniya sporov v ASEAN v sootvetstvii s Dogovorom o druzhdbe i sotrudnicgestve v Yugo-Vostochnji Azii 1976 g.: k apologii paradoksa [International legal problems of dispute settlement mechanism in ASEAN according to the Treaty on friendship and cooperation in South-East Asia 1976: to the apology of paradox]. – *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo [Asia-Pacific region: economics, politics, law]*. 2025. T. 27. No. 4. S. 66-77. DOI: 10.24866/1813-3274/2025-4/66-77. (In Russ.)
18. Taifeng C. *Regional Trade Agreements vs. Multilateral Trading System: A Study of Chinese Interests and Policy Options*. Norwegian Institute of International Affairs. 2009. 46 p.
19. Talimonchik V.P. Primenenie mezhdunarodnykh dogovorov Sudom EAES [Application of international treaties by UAEU Court]. – *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal [The Eurasian Law Journal]*. 2022. No. 3 (166). S. 18-21. DOI: 10.46320/2073-4506-2022-3-166-18-21. (In Russ.)
20. Zemanek K. *Venskaya konventsiya o prave dogovorov mezhdu gosudarstvami i mezhdunarodnymi organizatsiyami ili mezhdu mezhdunarodnymi organizatsiyami [The Vienna Convention on the Law of Treaties]*. (In Russ.) URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/vcltsio/vcltsio-r.pdf (accessed date: 11.01.2026).
21. Zvartsev I.A. Mezhdunarodnyi opyt MERKOSUR [International experience of MERKOSUR]. – *Vestnik nauki [Bulletin of Science]*. 2023. No. 8 (65). S. 428-431. (In Russ.)

Информация об авторе

Тюрина Наталия Евгеньевна
Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Кремлевская ул., 18, Казань, 420008, Российская Федерация

tyurina.natal@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9035-8596

About the Author

Natalia E. Tyurina
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of International Law, Kazan (Volga Region) Federal University,

18, Kremlevskaya St., Kazan, Russian Federation, 420008

tyurina.natal@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9035-8596

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-134-155

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 19.01.2026
Принята к публикации: 18.05.2026

Дарья Андреевна ЗАВЕРШИНСКАЯ
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., 20, Москва, 101000, Российская Федерация
dzavershinskaya@hse.ru
ORCID 0009-0006-3856-9376

ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ИНВЕСТИЦИОННОМ АРБИТРАЖЕ И ОРГАНЕ ПО РАЗРЕШЕНИЮ СПОРОВ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ, СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ПРАВОВЫХ ПОДХОДОВ

ВВЕДЕНИЕ. *Защита национальной безопасности как проявление суверенитета приобретает все большую актуальность в сфере международного инвестиционного права. Это связано с тем, что принимающие инвестиции государства все чаще ссылаются на защиту национальной безопасности, чтобы обосновать применение доктрины «полицейских полномочий» (police powers), а также на соответствующие договорные исключения по соображениям национальной безопасности. Таким образом, они стремятся исключить или минимизировать свою международно-правовую ответственность. Особенно ярко эта тенденция прослеживается в инвестиционных спорах, где инвесторы утверждают, что принимаемые против них ограничительные меры (санкции) нарушают стандарты защиты инвестиций, предусмотренные инвестиционным соглашением между государством, применившим санкции, и государством происхождения инвестора. При этом проблематика защиты национальной безопасности имеет межотраслевой характер, не ограничиваясь международным инвестиционным правом. Вопросы о пределах усмотрения государства при введении ограничительных мер, о содержании требований добросовестности и обоснованности применения исключения по соображениям национальной безопасности последовательно развивались в практике Всемирной торговой организации (далее – ВТО) в течение последних семи лет, где сформировался самостоятельный подход к оценке мер, применение которых обосновывается необходимостью защиты национальной безопасности.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Цель данного исследования – провести сравнительный анализ инструментов защиты интересов национальной безопасности в международном инвестиционном арбитраже и Органе по разрешению споров ВТО (далее – ОРС ВТО). В качестве критериев такого анализа автором избраны: степень усмотрения государства при определении интересов национальной безопасности; порог угрозы, необходимый для правомерной ссылки на инструмент; возможность обращения к обычному международному праву при его толковании; а также необходимая степень связи между оспариваемой*

мерой и защитой национальной безопасности. Основное внимание уделяется таким инструментам, как исключения по соображениям безопасности (essential security exceptions) в практике ОРС ВТО и международных инвестиционных арбитражей, а также доктрина «полицейских полномочий» (police powers doctrine) в качестве возможного обоснования односторонних регуляторных мер принимающего инвестиции государства. Методологическая основа включает в себя анализ норм международных инвестиционных соглашений, соглашений ВТО, а также изучение практики инвестиционных арбитражей, ОРС ВТО и Европейского суда по правам человека.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Представленный анализ показал, что в практике как международных инвестиционных арбитражей, так и ОРС ВТО утвердился подход, согласно которому ссылка государства на необходимость защиты национальной безопасности не освобождает оспариваемые меры от объективной проверки юрисдикционными органами. Такой подход служит гарантией против злоупотребления этим правом. Последняя практика особенно подчеркивает: защита национальной безопасности не является универсальным оправданием; следовательно, меры должны применяться индивидуализировано и добросовестно. В то же время наряду с общими тенденциями, на основании выделенных критериев сравнения, наблюдается ряд различий в подходах ОРС ВТО и международных инвестиционных арбитражей.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Во-первых, в международном инвестиционном праве, в отличие от права ВТО, самоподсудность в отношении ссылок государства на необходимость защиты национальной безопасности зависит исключительно от формулировок конкретного договора, а дискреционные полномочия государства ограничиваются требованиями недискриминации и соразмерности. Во-вторых, порог угрозы, необходимый для правомерной ссылки на необходимость защиты национальной безопасности, также варьируется: в ВТО он определяется объективным критерием «чрезвычайной ситуации», тогда как в инвестиционном арбитраже он в большей степени зависит от текста соглашения, что может привести к более низкому порогу допустимости государственных мер, особенно в рамках применения доктрины «полицейских полномочий». В-третьих, наблюдается разница в установлении содержания стандарта «необходимости» оспариваемой меры для защиты национальной безопасности и роли обычного международного права в этом процессе. Инвестиционные арбитражи толкуют критерий «необходимости» непоследовательно: в то время как одни придерживаются строгого требования «единственного возможного решения», привнесенного из обычного международного права, другие толкуют термин, основываясь исключительно на формулировках конкретных соглашений. В практике ОРС ВТО толкование необходимости в контексте исключения по соображениям безопасности полностью основывается на формулировках применимых соглашений ВТО, что во многом обусловлено более ограниченной, чем в инвестиционном арбитраже, ролью международного обычного права. Наконец, хотя как международное инвестиционное право, так и право ВТО требуют наличия прямой связи между оспариваемой мерой и необходимостью защиты национальной безопасности (особенно явно это требование прослеживается в контексте применения доктрины «полицейских полномочий»), содержание этой связи понимается по-разному. В тех случаях, когда инвестиционные арбитражи толкуют исключения по соображениям безопасности, обращаясь к обычному международному праву, они настаивают на том, чтобы оспариваемая мера была единственным возможным способом защиты интересов национальной безопасности. Выявленные различия в подходах создают риск злоупотребления инвесторами правом выбора юрисдикции (forum shopping), а также риск параллельных разбирательств.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *национальная безопасность, инвестиционный арбитраж, суверенитет, исключение по соображениям о безопасности, санкции, полицейские полномочия, необходимость, критерий связи (nexus), объективный пересмотр*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Завершинская Д.А. 2026. Защита национальной безопасности в международном инвестиционном арбитраже и Органе по разрешению споров Всемирной торговой организации: особенности, сходства и различия правовых подходов. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 134–155. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-134-155

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-134-155

Research article
UDC: 341
Received 19 January 2026
Approved 18 May 2026

Daria A. ZAVERSHINSKAIA
National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya St. Moscow, Russian Federation, 101000
dzavershinskaya@hse.ru
ORCID 0009-0006-3856-9376

PROTECTING NATIONAL SECURITY IN INTERNATIONAL INVESTMENT ARBITRATION AND THE WORLD TRADE ORGANIZATION DISPUTE SETTLEMENT BODY: FEATURES, SIMILARITIES, AND DIFFERENCES OF LEGAL APPROACHES

INTRODUCTION. *The protection of national security, as an expression of sovereignty, is acquiring growing significance in the field of international investment law. This is attributable to the fact that host States are increasingly invoking national security considerations both to justify the application of the police powers doctrine and to rely on the corresponding treaty-based national security exceptions. In doing so, they seek to exclude or minimise their international legal responsibility. This trend is particularly pronounced in investment disputes, where investors contend that restrictive measures ("sanctions") adopted against them violate the investment protection standards set forth in the investment agreement concluded between the State imposing the "sanctions" and the investor's home State. Furthermore, the issue of national security protection has an interdisciplinary character and is not confined to international investment law. Questions concerning the limits of State discretion when introducing restrictive measures, the content of the good faith requirement, and the reasonableness of invoking the national security exception have been progressively developed in the practice of the World Trade Organization (WTO) over the past seven years. Within this framework, a distinct approach to assessing measures justified by the need to protect national security has emerged.*

MATERIALS AND METHODS. *The aim of this study is to conduct a comparative analysis of the instruments for protecting national security interests in international investment arbitration and the WTO Dispute Settlement Body (WTO DSB). As the criteria for such analysis, the author has selected the following: the degree of State discretion in defining national security interests; the threshold of threat required for a lawful invocation of the instrument; the possibility of recourse to customary international law in its interpretation; and the requisite degree of connection between the contested measure and the protection of national security. The primary focus is placed on such instruments as the essential security interest exceptions in the practice of the WTO DSB and international investment tribunals, as well as the police powers doctrine as a potential justification for unilateral regulatory measures adopted by the host State. The methodological framework includes an analysis of the provisions of international investment agreements and WTO agreements, as well as an examination of the practice of investment arbitral tribunals, the WTO DSB and the European Court of Human Rights.*
RESEARCH RESULTS. *The presented analysis demonstrates that, in the practice of both international investment tribunals and the WTO Dispute Settlement Body (DSB), an approach has been established*

according to which a State's invocation of the need to protect national security does not exempt the contested measures from objective review by adjudicative bodies. Such an approach serves as a safeguard against the abuse of this right. Recent practice particularly emphasises that the protection of national security is not a universal justification; consequently, measures must be applied in an individualised manner and in good faith. At the same time, alongside common trends, and on the basis of the identified comparative criteria, a number of differences are observed between the approaches of the WTO DSB and international investment arbitral tribunals.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *First, in international investment law, unlike WTO law, the self-judging nature of a State's invocation of the need to protect national security depends exclusively on the wording of the particular treaty, and the State's discretionary powers are limited by the requirements of non-discrimination and proportionality. Second, the threshold of threat required for a lawful invocation of the need to protect national security also varies: in the WTO, it is determined by the objective criterion of an "emergency", whereas in investment arbitration it depends to a greater extent on the wording of the agreement, which may result in a lower threshold for the admissibility of State measures, particularly in the context of the application of the police powers doctrine. Third, a difference is observed in the determination of the content of the "necessity" standard of the contested measure for the protection of national security and the role of customary international law in that process. Investment arbitral tribunals interpret the "necessity" criterion inconsistently: while some adhere to the strict requirement of the "only possible solution" imported from customary international law, others interpret the term solely on the basis of the wording of the specific agreements. In the practice of the WTO DSB, the interpretation of necessity in the context of the national security exception is based entirely on the wording of the applicable WTO agreements, which is largely attributable to the more limited role of customary international law compared to investment arbitration. Finally, although both international investment law and WTO law require a direct link between the challenged measure and the necessity of protecting national security (a requirement particularly evident in the context of the police powers doctrine), the understanding of this link differs. Where investment tribunals interpret security exceptions by reference to customary international law, they insist that the challenged measure be the sole possible means of protecting national security interests. The identified differences in approaches create a risk of investors abusing the right to choose jurisdiction (forum shopping), as well as a risk of parallel proceedings.*

KEYWORDS: *national security, investment arbitration, state sovereignty, security exception, sanctions, police powers, necessity, objective review*

FOR CITATION: Zavershinskaia D.A. Protecting National Security in International Investment Arbitration and the World Trade Organization Dispute Settlement Body: Features, Similarities, and Differences of Legal Approaches. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 134–155. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-134-155

The author declares the absence of conflict of interest.

I. Применение исключений по соображениям национальной безопасности: подход международных инвестиционных арбитражей

Стремясь защитить свои основополагающие интересы безопасности в сфере иностранных инвестиций, государства включают в международные инвестиционные соглашения (далее – МИС) специальные исключения по соображениям национальной безопасности (*essential security interest exceptions*), подобно аналогичному механизму, действующему в рамках ВТО. Эти положения позволяют государствам принимать необходимые меры, не нарушая при этом договорных обязательств перед иностранными инвесторами [Kriebaum, Wagner 2024:219-239].

При этом в международном инвестиционном праве, в отличие от права ВТО, вопрос о самоподсудности исключений по соображениям национальной безопасности не вызывает разночтений, поскольку его решение напрямую зависит от формулировки соответствующего договорного исключения. Таким образом, в зависимости от того, насколько исключения «защищают»

действия государства от внешнего пересмотра, выделяют три ключевых группы [Трунк-Федорова 2025:32-34]. Стандартные исключения, входящие в первую группу, практически дословно воспроизводят формулировки статей Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее – ГАТТ), Генерального соглашения по торговле услугами (далее – ГАТС) и Соглашения по торговым аспектам прав на интеллектуальную собственность (далее – ТРИПС)[1], предусматривающих исключения по соображениям безопасности. Ключевым элементом здесь является фраза «которые оно [государство] считает необходимыми», и в подобных случаях государство-ответчик само решает, что является важным для его национальной безопасности, но при этом возможна проверка некоторых обстоятельств международным инвестиционным арбитражем. Вторую группу составляют положения, не содержащие (несмотря на то что основаны на модели ВТО) слов «которые оно считает необходимыми», т.е. явного указания на субъективную оценку государством принимаемых мер. Характерным примером является ст. X(1) Соглашения между США и Заиром о поощрении и защите инвестиций, где указано, что нормы соглашения не препятствуют применению «*мер, необходимых* на [государственной] территории для поддержания общественного порядка и морали, исполнения обязательств в отношении поддержания и восстановления международного мира и безопасности или защиты существенных интересов безопасности» (*курсив мой*)[2]. Третья группа – это самоподсудные исключения, целью которых является непосредственное ограничение внешней оценки мер государства. Например, в Соглашении между США и Колумбией о поощрении торговли прямо указано: если сторона ссылается на исключение, то решение о том, является ли мера необходимой для защиты интересов безопасности, принадлежит исключительно ей самой[3]. Такая формулировка призвана создать ситуацию, в которой решение о необходимости и правомерности мер, направленных на обеспечение национальной безопасности, относится к исключительной прерогативе этого государства, и арбитры не имеют права пересматривать решение государства по существу.

Что касается порога угрозы, необходимого для правомерной ссылки государства на исключение, в международном инвестиционном праве понятие национальной безопасности изначально толковалось довольно узко и было сосредоточено преимущественно на предотвращении угроз военного характера, т.е. на защите территории и суверенитета государства от внешнего вооруженного вмешательства [Baldwin 1997:5-26]. Данный подход во многом коррелировал со стандартом «чрезвычайной ситуации в международных отношениях», сложившимся в практике ОРС ВТО. Тем не менее со временем это толкование претерпело изменения. Сегодня национальная безопасность толкуется значительно шире, охватывая угрозы, выходящие за рамки вооруженного конфликта.

Подобное изменение подхода во многом обусловлено одной из наиболее заметных тенденций в инвестиционной политике за последнее десятилетие – многие страны ввели новые или усилили существующие механизмы проверки иностранных инвестиций с точки зрения их угрозы национальной безопасности[4]. Например, в Великобритании был принят Закон о национальной безопасности и инвестициях[5], в Европейском

[1] Статья XXI Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) 1994 г., ст. 14 *bis* Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС) 1994 г. и ст. 73 Соглашения по торговым аспектам прав на интеллектуальную собственность (ТРИПС) 1994 г.

[2] Treaty between the United States of America and the Republic of Zaire Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of Investment. 1984. URL: https://edit.wti.org/document/show/3dfe8424-1af0-4ce5- 8ff8-105b52d13547 (дата обращения: 13.01.2026).

[3] United States – Colombia Trade Promotion Agreement. URL: https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade- agreements/colombia-tpa (дата обращения: 13.01.2026).

[4] United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). National Security-Related Screening Mechanisms for Foreign Investment: An Analysis of Recent Policy Developments. Dec. 2019. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaepcbinf2019d7_en.pdf (дата обращения: 13.01.2026); см. также: Leiter M.E. et al. CFIUS Goes Global: New FDI Review Processes Proliferate, Old Ones Expand. – *Skadden Insights*. 19 Jan. 2022. URL: https://www.skadden.com/insights/publications/2022/01/2022-insights/regulation-enforcement-and-investigations/cfius-goes-global (дата обращения: 13.01.2026).

[5] The National Security and Investment Act 2021. C. 25 (U.K.).

союзе (далее – ЕС) – рамочный закон о проверке прямых иностранных инвестиций[6]. Усиленные требования к проверке инвестиций закреплены в Законе о модернизации системы оценки рисков иностранных инвестиций 2018 года в США[7], в Китае в 2020 году был принят ряд мер по проверке иностранных инвестиций на предмет их угрозе национальной безопасности[8]. Организация экономического сотрудничества и развития констатирует, что инвестиционный контроль стал главным инструментом минимизации рисков для безопасности, связанных с иностранными инвестициями[9].

На данный момент существует небольшое число инвестиционных споров, напрямую затрагивающих вопрос национальной безопасности в контексте МИС. Так, серия решений, которые были вынесены на основании МИС между США и Аргентиной в связи с мерами, принятыми аргентинским правительством во время экономического кризиса 2001–2002 гг.[10] имеет непосредственное отношение к исследуемому в настоящей статье вопросу.

Меры Аргентины, направленные на стабилизацию ситуации и предотвращение краха экономики, включали принятие Закона о чрезвычайном положении, который повлек за собой блокирование банковских счетов для снятия и перевода капитала за границу, объявление дефолта и пересмотр внешнего долга, девальвацию национальной валюты, принудительную конвертацию долларовых депозитов в аргентинские песо, а также пересмотр всех контрактов на оказание государственных услуг, заключенных с иностранными инвесторами [Mola 2016:376]. В ответ на эти меры ряд американских инвесторов инициировали арбитражные разбирательства, утверждая, что Аргентина нарушила положения МИС, в частности, предусматривающие стандарты справедливого и равноправного обращения, недискриминации и полной защиты и безопасности инвестиций[11]. Аргентина, в свою очередь, апеллировала к положению применимого МИС об исключении по соображениям национальной безопасности, а также к состоянию необходимости согласно обычному международному праву.

Следует подчеркнуть, что даже при отсутствии в МИС положения, исключающего ответственность государства в интересах национальной безопасности, государство сохраняет за собой право ссылаться на обычное международное право. Эта возможность основана на доктрине необходимости, кодифицированной в ст. 25 Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (далее – СОГ)[12]. Доктрина применяется при условии соблюдения двух ключевых условий: во-первых, если оспариваемая мера является единственным доступным государству средством защиты своих суверенных интересов от серьезной и неминуемой опасности; и, во-вторых, если такая мера не наносит серьезного ущерба существенным интересам государства, перед которым существует обязательство, или международного сообщества в целом[13]. Инвестиционные арбитражи исходят из того, что отсутствие соответствующего положения в МИС не означает отказа договаривающихся сторон от права на защиту, предоставляемую обычным международным правом. Напротив, обычное международное право продолжает применяться, если только государства в явно

[6] Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union. – *Official Journal of the European Union.* 2019. L 79/1.

[7] Foreign Investment Risk Review Modernization Act of 2018 (FIRRMA). Pub. L. No. 115–132. Para. 1701. 132 Stat. 2174 (2018).

[8] Measures for the Security Review of Foreign Investment (Order No. 37) (promulgated by the National Development and Reform Commission of the People's Republic of China and the Ministry of Commerce of the People's Republic of China on 19 Dec. 2020; effective 18 Jan. 2021) (China).

[9] OECD. Economic Security in a Changing World. New Approaches to Economic Challenges. OECD Publishing. Paris. 2025. P. 68. DOI: 10.1787/4eac89c7-en.

[10] *CMS v. Argentina; LG&E v. Argentina; Enron v. Argentina; Sempra v. Argentina; Continental Casualty v. Argentina*; ICSID: El Paso Energy International Company v. The Argentine Republic. 31 October 2011 – ICSID Case No. ARB/03/15, Award.

[11] *Sempra v. Argentina.* Para. 350.

[12] Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния (принят Комиссией международного права ООН 9 августа 2001 г.). – *Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии (23 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2001 г.).* Нью-Йорк: ООН. 2001. С. 43-322. Ст. 25.

[13] Там же.

выраженной форме не исключили его действие для конкретных отношений [Viñuales 2013:35]. Так, арбитры в деле *Unión Fenosa v. Egypt,* в котором применимое соглашение не предусматривало исключения по соображениям национальной безопасности, подтвердили применимость ст. 25 СОГ[14]. Это согласуется с общей тенденцией, согласно которой положения СОГ, в том числе об обстоятельствах, исключающих противоправность международных противоправных деяний, могут быть использованы в качестве защиты в инвестиционных спорах [Lekkas 2024:93-122]. В практике ОРС ВТО сложился противоположный подход. Как следует из смысла ст. 3.2. 7.1 и 11 Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, ОРС ВТО вправе обращаться к международному обычному праву для толкования соглашений ВТО. Однако уже долгое время продолжается дискуссия о том, могут ли нормы международного обычного права применяться напрямую в рамках механизма разрешения споров ВТО[15]. При этом нормы обычного права ни разу не применялись ОРС ВТО, в контексте исключения по соображениям национальной безопасности, как будет показано в части III настоящей статьи.

Положение, на которое Аргентина ссылалась для обоснования своих чрезвычайных мер, принятых во время экономического кризиса, содержалось в Статье XI МИС между США и Аргентиной и гласило: «Настоящий Договор не препятствует применению любой из Сторон мер, необходимых для поддержания общественного порядка, выполнения своих обязательств в отношении поддержания или восстановления международного мира или безопасности, или защиты своих собственных существенных интересов безопасности»[16].

Общая позиция, сформированная международными инвестиционными арбитражами в серии дел против Аргентины, заключается в том, что существенный характер интереса безопасности подлежит объективной оценке с учетом конкретных обстоятельств дела [Galvez 2013:150]. Вместе с тем арбитры не пришли к единому мнению относительно степени тяжести кризиса, необходимой для успешного применения исключения. Так, в делах *CMS Gas Transmission Company v. Argentina* [ICSID: Award. 12 May 2005], *Enron Creditors Recovery Corp. v. Argentina* [ICSID: Award. 22 May 2007], *Sempra Energy International v. Argentina* [ICSID: Award. 28 September 2007] и *El Paso Energy International Company v. Argentina* [ICSID: Award. 31 October 2011] арбитры отклонили ссылку Аргентины на Статью XI МИС в качестве защиты и вынесли решение в пользу инвесторов. Напротив, международные инвестиционные арбитражи в делах *LG&E Energy Corp. v. Argentina и Continental Casualty Company v. Argentina* [ICSID: Award, 5 September 2008] пришли к выводу, что беспрецедентный экономический, политический и социальный кризис в Аргентине угрожал фундаментальному сохранению государства[17].

В частности, арбитры в деле *CMS Gas Transmission Company v. Argentina* постановили, что «ни в обычном международном праве, ни в предмете и цели Договора нет ничего, что само по себе могло бы исключить серьезный экономический кризис из сферы применения Статьи XI»[18]. Однако кризис в Аргентине не был признан достаточно серьезным, чтобы квалифицироваться как угроза существенным интересам безопасности, поскольку «не привел к полному экономическому и социальному разрушению»[19].

В том же ключе арбитры в делах *Enron Creditors Recovery Corp. v. Argentina, Sempra Energy International v. Argentin*e и *El Paso Energy International Company v. Argentina* не поддержали аргументы Аргентины. В частности, международный инвестиционный арбитраж по делу *Enron Creditors Recovery Corp. v. Argentina* счел, что, поскольку МИС не определяет существенные интересы безопасности», необходимо «опираться на требования о состоянии необходимости в соответствии с обычным международным правом, предусмотренным в статье 25 СОГ»[20]. На основании ст. 25 СОГ арбитры постановили,

[14] ICSID. Unión Fenosa Gas S. v. Arab Republic of Egypt. 31 August 2018. – *ICSID Case No.* ARB/14/4, Award. Para. 8.4.
[15] См., напр., [Pauwelyn 2001:535-578].
[16] Treaty Between the Government of the United States of America and the Government of the Argentine Republic Concerning the Reciprocal Encouragement and Protection of Investment. Signed Nov. 14, 1991. 31 I.L.M. 726. 1992. Art. XI.
[17] *LG&E v Argentina.* Para. 238; *Continental Casualty v. Argentina.* Para. 262.
[18] *CMS. v. Argentina.* Para. 359.
[19] Ibid. Para. 355.
[20] *Enron v. Argentina.* Para. 333.

что меры, принятые Аргентиной, не были «единственным возможным решением» преодоления кризиса в связи с наличием альтернативы, что привело к невыполнению первого требования ст. 25 СОГ[21]. Международный инвестиционный арбитраж в деле *Sempra Energy International v. Argentina* поддержал эту аргументацию, также опираясь на обычное международное право, и постановил, что меры не были единственными доступными[22]. Это требование «единственного возможного решения» трудновыполнимо, поскольку государства обычно имеют несколько вариантов преодоления экономического кризиса. При анализе критерия «единственного возможного решения», означающего, что не было иного менее обременительного варианта, арбитры в *LG&E* применили более благоприятное для государства толкование по сравнению с другими решениями, посчитав, что принятый комплекс мер был незаменим для преодоления кризиса[23].

В деле *Continental Casualty Company v. Argentina* арбитры отметили, что «серьезный экономический кризис может подпадать под действие Статьи XI как затрагивающий существенные интересы безопасности в широком смысле»[24], при этом применение этого механизма защиты не требует доказывания «полного коллапса» страны или «катастрофической ситуации»[25].

Таким образом, при определении порога угрозы принципиальное значение имеет выбор арбитрами правового основания, а именно, будут ли они опираться исключительно на обычное значение терминов, содержащихся в договорном исключении, или обратятся к нормам обычного международного права, в частности, к ст. 25 СОГ. В последнем случае, независимо от того, используется ли ст. 25 СОГ как самостоятельный механизм защиты при отсутствии исключения в МИС, как в деле *Unión Fenosa v. Egypt* [ICSID: Award. 31 August 2018], или как инструмент для толкования договорного исключения, как в деле *LG&E Energy Corp. v. Argentina* [ICSID: Decision on Liability. 3 October 2006], для ее успешного применения устанавливается достаточно высокий порог доказывания.

Вопрос о существенных интересах безопасности был также затронут в двух делах против Индии: *CC/Devas (Mauritius) Ltd. v. India* [UNCITRAL: Award. 31 August 2018] и *Deutsche Telekom AG v India* [UNCITRAL: Interim Award. 13 December 2017]. Эти дела представляют особый интерес в контексте анализа необходимой степени связи между оспариваемой мерой и защитой национальной безопасности.

Оба спора были инициированы в связи с идентичными действиями индийского правительства, но основывались на разных МИС. В частности, правительство распорядилось аннулировать соглашения о ранее арендованном электромагнитном спектре на спутниках с иностранными компаниями, мотивируя это необходимостью перераспределения спектра для удовлетворения растущего спроса на военные и коммунальные нужды [Kabra 2019:730]. Иски против Индии подали маврикийский инвестор Devas на основании МИС между Индией и Маврикием[26] и немецкий инвестор Deutsche Telekom на основании МИС между Индией и Германией[27]. Оба МИС содержали положения об исключениях по соображениям национальной безопасности, на которые Индия сослалась для обоснования аннулирования соглашений с инвесторами. Несмотря на сопоставимость фактологической основы, арбитры в деле *CC/Devas v. India* вынесли решение в пользу государства, а арбитры в деле *Deutsche Telekom v. India* – в пользу инвестора. Эти два международных инвестиционных арбитража столкнулись с аналогичными задачами, что и арбитры в делах против Аргентины: определение того, что представляют собой существенные интересы национальной безопасности, и установление того, были ли принятые меры действительно «необходимыми» для их защиты.

Относительно первого вопроса, арбитры в деле *CC/Devas v. India* сочли, что существенные интересы национальной безопасности

[21] *Enron v. Argentina.* Para. 308.
[22] *Sempra v. Argentina.* Para. 350.
[23] *LG&E v Argentina.* Para. 257.
[24] *Continental Casualty v. Argentina.* Para. 178.
[25] Ibid. Para. 180.
[26] Agreement between the Government of the Republic of India and the Government of the Republic of Mauritius for the Promotion and Protection of Investments. Signed 28 March 1998. Art. 11(3).
[27] Agreement between the Republic of India and the Federal Republic of Germany for the Promotion and Protection of Investments. Signed 10 July 1995. 2095 U.N.T.S. 288. Art. 12.

включают в себя «важные» и «безусловно необходимые для» обеспечения национальной безопасности интересы[28]. Арбитры заключили, что «резервирование спектра для нужд обороны и военизированных формирований может быть классифицировано как «направленное на защиту существенных интересов безопасности»[29], и «хотя Индия не сталкивалась с непосредственной военной угрозой или иной угрозой безопасности, ее заявления о том, что она вновь приобретает стратегический ресурс для военных нужд», было достаточно для применения исключения по соображениям национальной безопасности в соответствии с МИС [Ranjan 2021:587]. Арбитры в деле *Deutsche Telekom v. India* заявили, что «обычное значение понятий договора требует наличия интересов, связанных с безопасностью (в отличие от других общественных или социальных интересов), которые являются «существенными», т.е. лежащих в основе («сущности») национальной безопасности»[30]. Признав, что военные потребности Индии в радиочастотном спектре составляют существенный интерес безопасности, арбитры указали, что между такими потребностями и решением об аннулировании соглашения с иностранным инвестором отсутствует прямая связь[31]. Таким образом, оба международных инвестиционных арбитража признали, что военные потребности в радиочастотном спектре могут квалифицироваться как существенный интерес безопасности, даже в отсутствие непосредственной угрозы.

Различие в исходах дел было обусловлено разными требованиями к наличию связи (*nexus*) между расторжением соглашения и целью защиты существенных интересов безопасности, установленными в соответствующих МИС. Арбитры в деле *CC/Devas v. India* истолковали положения МИС Индия – Маврикий о том, что меры должны быть «направленными на» защиту интересов, как равнозначное «связанные с»[32]. Напротив, международный инвестиционный арбитраж в деле *Deutsche Telekom v. India* должен был истолковать более строгое требование «необходимыми для», как сформулировано в МИС Индия–Германия. Международный инвестиционный арбитраж указал, что это положение отличается от нормы обычного международного права о необходимости (требования которой строже)[33] и принял «двуступенчатый тест» для определения значения термина «необходимые для»[34]. Согласно этому тесту, мера должна быть (i) «в основном направлена на» и (ii) «объективно необходима для» защиты существенных интересов безопасности, а также должна отсутствовать разумная, менее ограничительная альтернатива[35]. В результате арбитры пришли к выводу, что меры индийского правительства не были необходимы[36]. Таким образом, несоответствие итогов решений по этим спорам со схожими фактами объясняется более строгими требованиями к связи в МИС Индия – Германия по сравнению с МИС Индия ‑ Маврикий. Представляется, что подобный подход стимулирует практику выбора «наиболее благоприятного договора» (*treaty shopping*), побуждая инвесторов инициировать арбитражные разбирательства на основании тех МИС, в которых требования к связи являются менее жесткими.

Таким образом, толкование исключения по соображениям национальной безопасности государства в инвестиционном арбитраже сочетает как последовательный, так и непоследовательный подходы. Последовательность заключается в том, что, если это не оговорено явно, исключение по соображениям национальной безопасности не является самоподсудным и подлежит объективному рассмотрению арбитрами. Однако ключевые элементы исключения, а именно, «национальная безопасность» и «необходимость», толкуются непоследовательно. Во-первых, арбитры не пришли к единому мнению относительно требуемого порога

[28] UNCITRAL. *CC/Devas (Mauritius) Ltd, Devas Employees Mauritius Private Limited and Telecom Devas Mauritius Limited v. India.* 25 July 2016 – *PCA Case No.* 2013–09. Award on Jurisdiction and Merits. Para. 243 [далее – *CC/Devas v. India*].
[29] Ibid., 354.
[30] UNCITRAL. *Deutsche Telekom AG v. India.* 13 December 2017. – *PCA Case No.* 2014–10. Interim Award. Para. 236 [далее – *Deutsche Telekom AG v. India*].
[31] Ibid. Paras. 281, 284, 290.
[32] *CC/Devas v. India*. Para. 243.
[33] *Deutsche Telekom AG v. India*. Paras. 228-229.
[34] Ibid. Paras. 228-229, 239.
[35] Ibid. Paras. 228–229.
[36] Ibid. Paras. 286.

кризиса для применения данного механизма защиты: в одних случаях требовался почти полный коллапс государства, в других было достаточно лишь *угрозы* его фундаментальному сохранению (*курсив мой*). Во-вторых, основное расхождение связано с критерием наличия связи (*nexus*) между принятой мерой и целью защиты. В то время как некоторые международные инвестиционные арбитражи строго придерживались критерия «единственного возможного решения», взятого из обычного международного права (ст. 25 СОГ), другие, столкнувшись с менее строгими договорными формулировками, принимали защиту государства, как правомерную меру. Таким образом, несмотря на наличие схожих фактических обстоятельств, конечный исход спора зависит от конкретной формулировки исключения в МИС и последующей методологии толкования критерия «необходимости», выбранной арбитрами.

Вместе с тем договорные исключения не являются единственной доступной государству «защитой» в подобных ситуациях. Как будет показано далее, доктрина «полицейских полномочий» представляет собой еще один правовой инструмент, применяемый в этой сфере. Обладая обычной международно-правовой природой, доктрина «полицейских полномочий» может применяться даже при отсутствии соответствующего положения в МИС [Douglas, Pauwelyn, Viñuales 2014:318]. Однако, как будет показано ниже, эта доктрина не предоставляет государству неограниченной свободы усмотрения: ее применение подчиняется требованиям добросовестности и недискриминации, и что наиболее важно наличия прямой связи между конкретной ограничительной мерой и устранением угрозы национальной безопасности.

II. Защита интересов национальной безопасности при помощи доктрины «полицейских полномочий» в международном инвестиционном арбитраже

Согласно доктрине «полицейских полномочий», мера, которая является результатом добросовестного осуществления суверенных регуляторных полномочий государства, не является экспроприацией при соблюдении ряда критериев [Sornarajah 2017:510-515].

Прежде чем приступить к анализу этой доктрины, следует сделать терминологическое пояснение. Последние исследования показывают, что арбитры нередко отождествляют доктрину «полицейских полномочий» с правом государства на регулирование [Kryvoi, Ali, Attanasio, Chan 2025][37]. Однако эти понятия не являются синонимами. Согласно подходу Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, право на регулирование представляет собой «один из основополагающих принципов суверенитета, в соответствии с которым каждое государство вправе устанавливать условия для притока и деятельности иностранных инвестиций с учетом своих международных обязательств, в общественных интересах и с целью минимизации потенциальных негативных последствий»[38]. Если право на регулирование не закреплено в МИС, оно не обладает нормативной силой и само по себе не освобождает государство от ответственности за нарушение инвестиционных обязательств. Напротив, доктрина «полицейских полномочий», обладая обычной международно-правовой природой, имеет самостоятельное нормативное содержание, независимо от ее закрепления в МИС [Douglas, Pauwelyn, Viñuales 2014:318]. Объектом дальнейшего анализа в настоящей статье выступает именно доктрина «полицейских полномочий».

Осуществление «полицейских полномочий», равно как и обращение государства к договорным исключениям в интересах национальной безопасности, не может носить неограниченный характер и полностью находиться в сфере дискреционных полномочий государства[39]. Поэтому необходимо различать осуществление регуляторных полномочий, которое охватывается доктриной «полицейских полномочий», и регуляторную (косвенную) экспроприацию. Регуляторная экспроприация предполагает, что принимающие государства, используя свои законодательные и исполнительные полномочия, принимают меры,

[37] Kryvoi Y., Ali A. H., Attanasio D. L., Chan K.-C. *Empirical Study: International Investment Law Protections in Global Banking and Finance.* London: British Institute of International and Comparative Law (BIICL). 2025. URL: https://www.biicl.org/publications/empirical-study-international-investment-law-protections-in-global-banking-and-finance (accessed: 07.04.2026).
[38] UNCTAD. *Investment Policy Framework for Sustainable Development.* Geneva: United Nations. 2015. P. 30. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diaepcb2015d5_en.pdf (дата обращения: 07.04.2026).
[39] UNCITRAL. *Pope & Talbot Inc. v. The Government of Canada.* 26 June 2000 – Interim Award. Para. 99.

существенно ограничивающие возможность продолжать инвестиционную деятельность либо уменьшающие экономическую ценность вложений инвестора, но при этом формально не изменяют, не отменяют их законные права на активы и не лишают инвесторов контроля над ними [Dolzer, Schreuer 2012:89-92]. В практике международного инвестиционного арбитража выработан подход, основанный на ряде критериев, которые позволяют различать регуляторную экспроприацию и правомерное осуществление суверенных регуляторных полномочий, которое охватывается доктриной «полицейских полномочий».

Во-первых, учитывается степень лишения инвестора экономической ценности его инвестиции, и, как указано в деле *OEG v. Ukraine* [UNCITRAL: Award. 15 April 2021], экспроприация имеет место, когда мера государства приводит к существенному ограничению возможности использования активов или возможности получения выгоды от их вложения[40].

Во-вторых, арбитры также оценивают постоянство и необратимость ограничения возможностей инвестора. Временные ограничения, как правило, не считаются экспроприацией, поскольку, согласно решению в деле *LG&E v. Argentina,* экспроприация должна быть постоянной, если только успешное развитие инвестиции не зависит от действий, которые могут быть реализованы лишь в строго определенные моменты[41].

В-третьих, арбитры анализируют пропорциональность регуляторных мер: хотя государство сохраняет право принимать меры, направленные на общее благосостояние, эти меры не должны быть явно непропорциональны преследуемой цели[42]. Если действие государства, как отмечено в том же деле *LG&E v. Argentina*, чрезмерно обременяет инвестора по сравнению с достигаемым общественным интересом, оно может быть признано экспроприационным[43].

Наконец, ключевым может оказаться наличие специфических обязательств со стороны регулирующего правительства. Если правительство дало иностранному инвестору конкретные гарантии, что оно воздержится от принятия определенного регулирования, как обсуждалось, например, в деле *Methanex Corporation v. United States* [UNCITRAL: Final Award of the Tribunal on Jurisdiction and Merits. 3 August 2005], то последующее нарушение этого обещания посредством принятия регуляторной меры может составлять косвенную экспроприацию, подлежащую компенсации[44].

Таким образом, только одновременный и гибкий анализ этих факторов позволяет в каждом конкретном случае определить, вышло ли принимающее государство за рамки своих «полицейских полномочий».

Поскольку основополагающей целью стандартов защиты инвесторов является создание наиболее благоприятного климата для привлечения иностранных инвестиций [Paparinskis 2013:1-2], помимо критериев, которые позволяют различать неправомерную регуляторную экспроприацию и «полицейские полномочия», в арбитражной практике были выработаны требования к мерам, принимаемые государством при реализации «полицейских полномочий». Так, доктрина «полицейских полномочий» может быть применена, если государственная мера носит добросовестный характер[45]. Это означает, что мера должна быть предпринята в общественно значимых целях, например по вопросам окружающей среды, здравоохранения и в том числе национальной безопасности [Ackermann 2022:217-249].

На практике ключевая сложность для арбитров заключается в проверке добросовестности заявлений государства об угрозах национальной безопасности, которые могут служить прикрытием для протекционизма. Эта проблема усугубляется отсутствием в международном инвестиционном праве единого подхода к определению степени оценки международными инвестиционными арбитражами действий государства в рамках доктрины «полицейских полномочий». Большинство МИС не содержит конкретного стандарта или критериев, что вынуждает

[40] UNCITRAL. *Olympic Entertainment Group AS v. Ukraine.* 15 April 2021 – Award (PCA). Para. 104.
[41] *LG&E v. Argentina.* Para. 193.
[42] Ibid., Para. 195.
[43] Ibid., Para. 195.
[44] UNCITRAL. Methanex Corporation v. United States of America. 3 August 2005. – *Final Award of the Tribunal on Jurisdiction and Merits.* Part IV. Chapter D. P. 4. Para. 7.
[45] UNCITRAL. *Saluka Investments B.V. v. Czech Republic.* 17 March 2006 – Partial Award. Para. 255.

арбитров руководствоваться исключительно собственным усмотрением. В результате, несмотря на то что МИС нового поколения могут закреплять обязанность арбитров учитывать «широкую дискрецию» (*high level of deference*) государства при толковании соответствующих положений, большинство споров возникает на основе устаревших договоров, в которых данный вопрос прямо не урегулирован[46]. Это приводит к тому, что практика инвестиционных арбитражей по данному вопросу остается крайне разнородной.

Стандарты оценки варьируются от полного невмешательства со стороны арбитража (*non-justiciability*) до полного пересмотра (*de novo review*) [Коротков, Маторина, Мурашко, Синицын 2024:23]. Однако в большинстве арбитражных споров отправной точкой анализа остается презумпция уважения к оценке государством своих существенных интересов, которые оно защищает оспариваемыми мерами. Как подчеркивает Г. Борн в особом мнении по делу *PMI v. Uruguay,* существует «презумпция правомерности действий государственной власти в соответствии с обычным международным правом, а также уважение суверенитета государств, особенно в том, что касается законодательных и регулятивных решений по его внутренним вопросам»[47]. Аналогичным образом, арбитры в деле *Muszynianka v. Slovakia* [UNCITRAL: Award. October 2020] указали на обязанность арбитров учитывать право государства самостоятельно определять законные общественные цели[48]. Такой стандарт оценки обусловлен убежденностью арбитров в том, что в условиях нормативной неопределенности именно национальные органы государства способны наилучшим образом определить интерес, подлежащий защите, степень угрозы ему и способ защиты [Henckels 2015:38]. Более того, этот стандарт оценки неразрывно связан с обычно-правовой природой самой доктрины и неотъемлемым правом государства на регулирование (*right to regulate*), которое лежит в её основе [Douglas, Pauwelyn, Viñuales 2014:329; Артамонова 2020:125].

Вместе с тем уважение к мерам государства не должно подменять необходимость аргументированного и всестороннего анализа. От арбитров требуется взвешенный подход, учитывающий природу государственной меры, ее контекст, формулировки и весь контекст применимого соглашения, а также взаимосвязь между мерой и заявленной целью[49]. В деле *Rusoro Mining v. Venezuela* [ICSID: Award. 8 July 2016] при оценке регуляторных мер государства арбитры предложили также учитывать, с одной стороны, действует ли государство произвольным или дискриминационным образом, а, с другой стороны, провел ли инвестор проверку (*due diligence*) перед осуществлением инвестиций, и можно ли его поведение назвать добросовестным[50]. Такой комплексный подход, уравновешивающий суверенные права государства и защиту добросовестных и осуществленных в соответствии с законодательством принимающего государства инвестиций, представляется наиболее обоснованным.

Логическим продолжением данного исследования является рассмотрение того, как государства реализуют защиту своих интересов с помощью доктрины «полицейских полномочий» в практике инвестиционного арбитража в контексте применения ограничительных мер, так как именно они являются одним из наиболее часто используемых государствами механизмов в рамках политики национальной безопасности [Боклан, Коваль 2024:8-9].

Возросшая частота применения односторонних ограничительных мер обусловила повышение популярности международного инвестиционного арбитража как площадки для разрешения споров, связанных с ограничительными мерами [Завершинская, Боклан 2025:69-82; Рачков, Рачкова 2022:84-112]. Один из недавних примеров, это спор, инициированный в 2023 году белорусской компанией Беларуськалия против Литвы, с требованием возместить ущерб в

[46] Treaty between the Republic of Belarus and the Republic of India on Investments. 2018. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/bilateral-investment-treaties/3839/belarus---india-bit-2018 (дата обращения: 13.01.2026).

[47] ICSID. *Philip Morris Brands Sàrl, Philip Morris Products S.A. and Abal Hermanos S.A. v. Oriental Republic of Uruguay.* 8 July 2016. – *ICSID Case No.* ARB/10/7. Concurring and Dissenting opinion Co-Arbitrator Gary Born. Para. 141 [далее – *PMI v Uruguay. Gary Born's opinion*].

[48] UNCITRAL. *Spoldzielnia Pracy Muszynianka v. Slovak Republic.* 7 October 2020 – *Case No.* 2017-08. Award. Para. 546.

[49] *PMI v. Uruguay. Gary Born's opinion.* Paras. 139, 142.

[50] ICSID. *Rusoro Mining Ltd. v. Bolivarian Republic of Venezuela.* 8 July 2016. – *ICSID Case No.* ARB(AF)/12/5. Award. Para. 525.

размере 12 млрд долларов из-за запрета литовских властей осуществлять транзит калийных удобрений через Литву со ссылкой на санкции ЕС и опасения «вторичных санкций» США[51]. Еще один пример: в ноябре 2025 года венская компания Optim Holding GmbH подала иск против Украины в связи с ее экспроприацией из-за включения страны в санкционный список в 2023 году[52].

Масштаб претензий впечатляет: общая сумма поданных и потенциальных исковых требований одних лишь российских инвесторов и связанных с ними компаний в отношении ограничительных мер ЕС, Великобритании, Канады и Украины составляет 62 млрд долларов[53].

До сих пор по этим спорам не сложилась устойчивая практика, так как большинство дел все еще находятся на рассмотрении международных инвестиционных арбитражей. Поэтому недавно опубликованное решение по делу *Qatar Pharma v. Kingdom of Saudi Arabia* (Qatar Pharma) [ICC: Final Award, 23 October 2024] представляет собой своего рода «прецедент» в международном инвестиционном праве, который чётко обозначает границы, в которых защита национальной безопасности может использоваться для оправдания «санкционных» мер, ограничивающих права иностранных инвесторов[54]. Это решение также проясняет вопрос об определении степени связи между оспариваемой мерой и защитой национальной безопасности.

В этом деле инвестор ‑ катарский производитель фармацевтической продукции, который активно инвестировал в Королевство Саудовская Аравия (далее – КСА) и имел в том числе склады и дистрибьюторский центр на его территории, был вынужден полностью прекратить свою деятельность после того, как КСА ввело эмбарго в отношении Катара в 2017 году, ссылаясь на то, что Катар поддерживает терроризм и представляет угрозу национальной безопасности[55]. В результате эмбарго инвестор не смог получить специальные разрешения на продолжение поставок, что лишило его возможности продолжать осуществление своей деятельности.

Международный инвестиционный арбитраж, с одной стороны, признал за КСА широкое дискреционное усмотрение, иными словами, проявил высокую степень уважения к регуляторным мерам КСА и к его суверенному праву на основе собственных оценок вводить общий режим эмбарго для защиты национальной безопасности[56]. Однако, с другой стороны, арбитры установили, что даже действия, предпринятые в рамках защиты национальной безопасности, должны соответствовать критериям разумности, добросовестности и соразмерности[57]. Критика действий КСА со стороны арбитров была направлена не на сам факт введения эмбарго, а на отсутствие связи между конкретной ограничительной мерой (отказом в выдаче лицензии) и заявленной целью обеспечения безопасности, из-за чего международный инвестиционный арбитраж признал несоразмерным решение об отказе в предоставлении инвестору специального разрешения на продолжение ввоза медицинских товаров[58]. Это решение было мотивировано отсутствием доказательств того, что Qatar Pharma, его бенефициары или деятельность (поставка медицинской продукции) были каким-либо образом связаны с предполагаемой угрозой терроризма, на которую ссылалось КСА[59].

В связи с этим решение *Qatar Pharma* имеет важное значение, так как подтверждает, что защита национальной безопасности не может служить универсальным оправданием для любых действий государства, которые ограничивают права иностранных инвесторов. Правомерная

[51] См.: UNCITRAL. *Belaruskali JSC v. Lithuania*. PCA Case No. 2024-03.

[52] См.6: ICSID. *Optim Holding GmbH v. Ukraine*. – ICSID Case No. ARB/25/47.

[53] Frozen Assets, Hot Claims: How Russian oligarchs and other investors sue over sanctions. *European Trade Justice*. December 2025. P. 9. URL: https://europeantradejustice.org/wp-content/uploads/2025/12/FrozenAssetsHotClaims-sanctionsISDS_jointBriefing_Dec2025.pdf (дата обращения: 27.12.2025).

[54] ICC. *Qatar Pharma for Pharmaceutical Industries and Dr Ahmed bin Mohammad Al Haie Al Sulaiti v. Kingdom of Saudi Arabia*. 23 October 2024. – ICC Case No. 25830/AYZ/ELU. Final Award [далее – *Qatar Pharma v. Saudi Arabia*].

[55] Press release of the Saudi Press Agency (SPA). 5 June 2017. URL: https://www.spa.gov.sa/1637298 (дата обращения: 27.12.2025).

[56] *Qatar Pharma v. Saudi Arabia*. Paras. 656-659, 899.

[57] Ibid. Paras. 855, 858–861.

[58] Ibid. Para. 879

[59] Ibid. Para. 876.

защита интересов национальной безопасности предполагает соблюдение всех требований к реализации суверенных полномочий государства, выработанных в практике международных инвестиционных арбитражей..

Еще одним делом, связанным с рассматриваемой проблематикой, является дело *M.S.L., TOV v. Ukraine* [ECHR: Judgment.16 October 2025]. В нем Европейский суд по правам человека (далее – Суд) признал многочисленные нарушения Конвенции в связи с наложением «санкций» на компанию-заявителя, крупного оператора государственных лотерей.

В отношении компании были применены такие ограничительные меры, как заморозка активов, ограничение на международные платежи и переводы, аннулирование лицензий на валютные операции, лимиты на снятие наличных с карт иностранных резидентов. Блокировка банковских счетов сделала невозможным для компании осуществление безналичных расчетов с подрядчиками и выплату денежных призов клиентам.

При этом введение указанных мер не основывалось на каком-либо нарушении заявителем украинских законов[60]. На этом основании заявитель в течение шести лет пытался оспорить меры в судах Украины, а также обращался в Службу безопасности Украины, однако так и не добился успеха.

Суд признал, что в условиях угрозы национальной безопасности Украины формулировки закона о «санкциях» могут быть широкими, поскольку должны охватывать различные формы деятельности, угрожающие национальной безопасности[61]. Однако власти в любом случае обязаны предоставлять убедительные обоснования для каждой меры, независимо от того, как широко сформулирован закон, на основании которого такая мера была введена. В данном же случае решения о «санкциях» против заявителя были немотивированными и не носили индивидуальный характер[62].

III. Применение исключений по соображениям национальной безопасности: подход Всемирной торговой организации

Исключение по соображениям национальной безопасности предусмотрено в трех основных соглашениях ВТО: ГАТТ (ст. XXI), ГАТС (ст. XIV *bis*) и ТРИПС (ст. 73).

Центральным вопросом в применении исключения по соображениям национальной безопасности в рамках ВТО долгое время оставалась природа данного исключения. Суть дискуссии заключалась в том, стоит ли его рассматривать как самоподсудное (*self-judging*), то есть предоставляющее государству исключительное право на определение своих интересов национальной безопасности, или как положение, применение которого подлежит объективной правовой оценке со стороны ОРС ВТО [Boklan, Absaliamov, Kurnosov 2018:18-29]. Хотя самоподсудные нормы действительно предоставляют государству право на субъективную оценку, такое право не равнозначно «неограниченной свободе усмотрения»[63]. Осознавая, что обращение к положениям, толкование которых может стать предметом спора само по себе, способно открыть ящик Пандоры для всей многосторонней торговой системы, члены ВТО долгое время воздерживались от применения исключений по соображениям безопасности [Boklan, Bahri 2019:124].

Стоит отметить, что проблема толкования исключения по соображениям национальной безопасности возникла еще до учреждения ВТО – уже в самом первом докладе третейской группы в рамках ГАТТ 1947 года по делу *США – Ограничения экспорта (Чехословакия),* где третейская группа отметила, что «каждое государство должно быть судьей последней инстанции по вопросам, касающимся его собственной безопасности»[64]. Актуальность данного вопроса

[60] *Qatar Pharma v. Saudi Arabia.* Para. 19.
[61] Ibid. Paras. 95-96.
[62] Ibid. Paras. 98, 102-103.
[63] Гатина Д.Р. Исключения по пруденциальным соображениям в международных торговых и инвестиционных договорах: проблемы толкования и правоприменения. Дис. … канд. юрид. наук. Москва. 2024. С. 62-77.
[64] Panel Report CP.3/SR.22 "US – Export Restrictions (Czechoslovakia)". 1949. URL: http://www.worldtradelaw.net/document.php?id=reports/gattpanels/usexportrestrictions.pdf (дата обращения: 18.10.2025).

была подтверждена и последующей практикой. Например, в деле *США – Торговля с Никарагуа,* США и Канада подчеркивали, что формулировка ст. XXI ГАТТ оставляет обоснованность мер, принятых в интересах национальной безопасности, исключительно на усмотрение члена ВТО, принимающего меры, и, таким образом, исключает возможность пересмотра такой оценки третейской группой[65]. Основой для этого аргумента стала формулировка «которые она считает необходимыми» в ст. XXI(b) ГАТТ. Данный пункт предусматривает: «Ничто в настоящем Соглашении не должно быть истолковано как препятствующее любой договаривающейся стороне предпринимать такие действия, *которые она считает необходимыми* для защиты существенных интересов своей безопасности»[66] (*курсив мой*). Как отмечают эксперты, использование этой формулировки «которые она считает необходимыми» наделяет государство широкой свободой усмотрения, расширяя пределы его самостоятельной оценки собственных интересов безопасности [Boklan, Absaliamov, Kurnosov 2018:18-29]. Однако несмотря на такую свободу усмотрения, государство должно руководствоваться торговыми интересами других членов ВТО, поскольку в ином случае исключение по соображениям национальной безопасности стало бы основой для злоупотреблений. Апелляционный орган ВТО неоднократно подчеркивал, что принцип добросовестности, являясь общим принципом международного права, подлежит применению в спорах ВТО и налагает на государства запрет осуществлять свои права таким способом, который рассматривается как злоупотребление[67]. Кроме того, в деле *О некоторых вопросах взаимной помощи по уголовным делам* Международный Суд прямо указал, что даже в тех случаях, когда положение соглашения «предоставляют весьма значительную свободу усмотрения, осуществление этого усмотрения все же попадает под обязательство добросовестности, закрепленное в Статье 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года»[68]. Следовательно, толкование самоподсудного положения в свете принципа добросовестности требует содержательной проверки со стороны ОРС ВТО [Bossche, Zdouc 2013:1045; Боклан, Мурашко 2023:113]. Эта позиция находит нормативную опору и в формулировке ст. 11 Договоренности о правилах и процедурах разрешения споров, которая обязывает третейскую группу «*объективно* оценить вопрос, поставленный перед ней, включая объективную оценку фактических обстоятельств дела, применимость соответствующих охваченных соглашений и соответствие им»[69] (*курсив мой*).

В споре *Российская Федерация – Меры, ограничивающие транзит (Россия – Транзит)* ОРС ВТО впервые истолковал и применил исключение по соображениям национальной безопасности[70]. Третейская группа выработала компромиссный комбинированный подход, сочетающий субъективный и объективный критерии. Субъективный критерий (основанный на формулировке «которые она считает необходимыми») был применен к определению интересов национальной безопасности и выбору конкретных мер для их защиты – здесь свобода усмотрения осталась за государством [Трунк-Федорова 2025:28-29].

Объективно третейская группа истолковала понятие «чрезвычайной ситуации в международных отношениях». Также важным критерием оценки стало наличие логической связи между рассматриваемой мерой и защитой предполагаемого интереса национальной безопасности[71].

Таким образом, ОРС ВТО сохранил за собой право проверять не само содержание политики национальной безопасности, а добросовестность

[65] Panel Report L/6053 "US – Nicaraguan Trade". 1986. Para. 4.6. URL: http://www.worldtradelaw.net/document.php?id=reports/gattpanels/nicembargo.pdf (дата обращения: 18.10.2025).

[66] Генеральное соглашение по тарифам и торговле, 1994 г. – *СЗ РФ*. 1995. № 39. Ст. 3724. Ст. XXI. П. (b).

[67] WTO. United States – Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products (Recourse to Article 21.5 of the DSU). WT/DS58/AB/RW. Appellate Body Report. 2001. Para. 158; WTO. United States – Tax Treatment for "Foreign Sales Corporations". WT/DS108/AB/R. Appellate Body Report. 2000. Para. 166; WTO. United States – Anti-Dumping Measures on Certain Hot-Rolled Steel Products from Japan. WT/DS184/AB/R. Appellate Body Report. 2001.

[68] ICJ. Certain Questions of Mutual Assistance in Criminal Matters (*Djibouti v. France*) (Merits). – *ICJ Reports*. 2008. Para. 145.

[69] Understanding on Rules and Procedures Governing the Settlement of Disputes (DSU). Art. 11.

[70] WTO: Russia – Measures Concerning Traffic in Transit. WT/DS512/R. Panel Report. 2019 [далее – Russia – Measures Concerning Traffic in Transit].

[71] Ibid. P. 57. Paras. 7.138-7.139.

государства, которое ссылается на исключение по соображениям национальной безопасности, фактические основания его применения и связь между оспариваемой мерой и защитой национальной безопасности.

Комбинированный подход, примененный в споре, *Россия – Транзит,* был использован при толковании исключений по соображениям национальной безопасности и в последующих спорах, а именно: в *Саудовская Аравия – Права интеллектуальной собственности* и *США — Некоторые меры в отношении товаров и стали и алюминия*[72].

Важно подчеркнуть, что третейская группа в споре *Россия — Транзит* применила узкий подход к толкованию термина «чрезвычайная ситуация в международных отношениях», обозначив конкретный перечень объективных критериев, которым должна соответствовать «чрезвычайная ситуация в международных отношениях». В данном споре третейская группа выделила два основных критерия для определения «чрезвычайной ситуации в международных отношениях»: хронологический критерий и характер «чрезвычайной ситуации в международных отношениях» [Боклан, Мурашко 2023:114]. Третейская группа пришла к выводу о том, что чрезвычайная ситуация в международных отношениях включает в себя все военные интересы и интересы, связанные с обороноспособностью, а также обеспечением публичного порядка[73]. Она исключила из сферы «чрезвычайной ситуации в международных отношениях» политические и экономические интересы[74]. Данный подход третейская группа обосновала *контекстом* исключения по соображениям безопасности, указав на то, что все вопросы, затронутые в параграфах ст. XXI(b), связаны с интересами обороны, военными интересами или интересами публичного порядка (*курсив мой*)[75]. По мнению третейской группы, само содержание параграфов ст. XXI(b) и отсылка к войне непосредственно в параграфе (iii) представляют собой *контекст*, в котором необходимо толковать ст. XXI(b)(iii), и этот *контекст* исключает из охвата данной статьи политические и экономические интересы членов ВТО[76] (*курсив мой*).

При этом важно отметить, что третейская группа специально указала на то, что чрезвычайная ситуация в международных отношениях должна «затрагивать государство», которое ссылается на исключение по соображениям национальной безопасности[77]. Для того чтобы определить, затрагивает ли чрезвычайная ситуация в международных отношениях конкретное государство, третейская группа опиралась на такие критерии, как участие государства в чрезвычайной ситуации и влияние ситуации на безопасность на границе между двумя государствами[78]. Третейская группа придала наибольшее значение тому факту, что стороны спора имеют общую границу[79], и подчеркнула, что чем дальше государство находится от ситуации вооруженного конфликта, тем менее очевидна необходимость в защите существенных интересов его национальной безопасности. В таком случае член ВТО должен специально обозначить свои существенные интересы национальной безопасности[80] и продемонстрировать связь меры, ограничивающей торговлю, с существенными интересами национальной безопасности. Наличие такой связи, по мнению третейской группы, является минимальным критерием обязательства добросовестности члена ВТО, ссылающегося на исключение по соображениям национальной безопасности[81].

---

[72] WTO. Saudi Arabia – Measures concerning the Protection of Intellectual Property Rights. WT/DS567/R. Panel Report. 2020. Paras. 7.241-7.255 [далее – Saudi Arabia – Measures concerning the Protection of Intellectual Property Rights]; WTO. United States – Certain Measures on Steel and Aluminium Products (China). WT/DS544/R Panel Report. 2022. Paras. 7.104-7.128; WTO. United States – Certain Measures on Steel and Aluminium Products (Norway). Doc. WT/DS552/R. Panel Report. 2022. Paras. 7.92-7.116; WTO: United States – Certain Measures on Steel and Aluminium Products (Switzerland). WT/DS556/R. Panel Report. 2022. Paras. 7.122-7.146; WTO. United States – Certain Measures on Steel and Aluminium Products (Turkey). WT/DS564/R. Panel Report. 2022. Paras. 7.119-7.143.

[73] Russia – Measures Concerning Traffic in Transit. Para. 7.74.

[74] Ibid. Para. 7.75.

[75] Ibid. Para. 7.74

[76] Ibid. Para. 7.74, 7.75

[77] Ibid Para. 7.76, 7.111

[78] Ibid Para. 7.119

[79] Ibid. Para. 7.137.

[80] Ibid. Para. 7.135.

[81] Ibid. Para. 7.138.

В споре *Саудовская Аравия – Права интеллектуальной собственности* третейская группа использовала тот же подход к толкованию исключения по соображениям национальной безопасности, что и в споре *Россия – Транзит*[82]. При этом для установления наличия чрезвычайной ситуации в международных отношениях третейская группа приняла во внимания факты полного разрыва дипломатических и консульских отношений между Саудовской Аравией и Катаром[83], обвинения Катара со стороны Саудовской Аравии в поддержке терроризма и экстремизма и необходимость защитить территорию и население Саудовской Аравии от этих угроз, а также полный запрет со стороны Саудовской Аравии на въезд граждан Катара на территорию Саудовской Аравии как часть всеобъемлющей политики Саудовской Аравии в отношении Катара[84].

Таким образом, исходя из анализа толкования исключения по соображениям национальной безопасности очевидно, что обе третейские группы применили узкое толкование для данной нормы права ВТО [Боклан, Мурашко 2023:115].

По мнению обеих третейских групп, для оправдания меры, ограничивающей торговлю исключением по соображениям национальной безопасности, ответчику необходимо объективно доказать наличие чрезвычайной ситуации в *двусторонних* отношениях с истцом (*курсив мой*). Для этого третейские группы принимали во внимание только *военные интересы* и интересы, связанные с обеспечением публичного порядка, и исключили из сферы чрезвычайной ситуации в международных отношениях политические и экономические интересы (*курсив мой*). Также указанием на чрезвычайную ситуацию в отношениях между истцом и ответчиком послужили факты наличия у них *общей границы, полного разрыва дипломатических отношений* и наличие *всеобъемлющей политики ответчика,* направленной на предотвращение таких серьезных угроз со стороны истца, как терроризм и экстремизм [Боклан, Мурашко 2022:153] (*курсив мой*).

Описанный сбалансированный и логичный подход был существенно изменен в докладе третейской группы по спору *США – Требования к маркировке.* В отличие от третейских групп в спорах *Россия – Транзит и Саудовская Аравия – Права интеллектуальной собственности,* третейская группа в споре *США – Требования к маркировке* применила широкий подход к толкованию исключения по соображениям безопасности[85] [Боклан, Мурашко 2023:115]. Третейская группа, отойдя от сбалансированного подхода третейских групп в двух указанных ранее спорах, отметила, опираясь на Оксфордский словарь английского языка, что международные отношения охватывают различные сферы, в том числе *политические, экономические, социальные и культурные* обмены (курсив мой)[86]. Такое толкование «международных отношений» является расширительным и противоречит подходам, использованным третейскими группами в спорах, *Россия — Транзит* и *Саудовская Аравия — Права интеллектуальной собственности,* где был использован узкий подход, в соответствии с которым, чрезвычайная ситуация в международных отношениях включает все военные интересы и интересы, связанные с обороноспособностью, а также с обеспечением публичного порядка[87] [Боклан, Мурашко 2023:117].

Более того, в споре *США – Требования к маркировке* третейская группа пошла еще дальше и указала на то, что в толкуемом положении под «международными отношениями» понимаются не только двусторонние отношения между двумя спорящими государствами[88]. Такой подход также не соответствует подходам, использованным третейскими группами в предыдущих спорах. Более того, данный подход влечет серьезные риски злоупотребления исключением по соображениям безопасности, поскольку он позволяет государству, непосредственно не вовлеченному в «чрезвычайную ситуацию в международных отношениях», просто указав на свою «озабоченность», применить любые меры, противоречащие

[82] Panel Report, Saudi Arabia – Measures concerning the Protection of Intellectual Property Rights. Para. 7.242-7.255.
[83] Ibid. Para. 7.258-7.259, 7.266.
[84] Ibid. Para. 7.263, 7.284, 7.286.
[85] Panel Report, United States – Origin Marking Requirement. WT/DS597/R. Circulated on 21 December 2022.
[86] Ibid. Para. 7.280.
[87] Russia – Measures Concerning Traffic in Transit. Para. 7.74; Panel Report, Saudi Arabia – Measures concerning the Protection of Intellectual Property Rights. Para.7.75.
[88] Panel Report, United States – Origin Marking Requirement. WT/DS597/R. Circulated on 21 December 2022 Para. 7.280.

обязательствам такого государства по ГАТТ, ГАТС или ТРИПС [Боклан, Мурашко 2023:118].

Россия придерживается позиции, в соответствии с которой только государство может по своему усмотрению определять, каковы основные интересы его национальной безопасности и какие меры необходимы для их защиты. Это вопросы суверенитета государств, которые не могут быть рассмотрены в рамках организации, созданной для целей регулирования международной торговли[89].

При этом, по мнению России, существование чрезвычайной ситуации в международных отношениях подлежит объективному определению[90]. Россия считает, что третейская группа полномочна установить только два элемента: были ли действия предприняты «во время войны или другой чрезвычайной ситуации в международных отношениях» и является ли достоверным утверждение о том, что член ВТО действительно считает эти действия необходимыми для защиты своих основных интересов национальной безопасности.[91] Таким образом, Россия придерживается позиции о необходимости применения комбинированного подхода к толкованию исключения по соображениям национальной безопасности, примененного третейской группой в споре *Россия – Транзит.*

Расширительное толкование «чрезвычайной ситуации в международных отношениях» влечет риск злоупотребления исключением по соображениям национальной безопасности и оправдания любого нарушения права ВТО со стороны государства, непосредственно не затронутого такой чрезвычайной ситуацией. По мнению автора подход, использованный в деле *США – Требования к маркировке* является очень опасным прецедентом.

IV. Заключение

Как международные инвестиционные арбитражи, так и ОРС ВТО, используют подход, согласно которому ссылка государства на защиту национальной безопасности не освобождает оспариваемые меры от объективной проверки органами по разрешению споров. Как ОРС ВТО, так и международные инвестиционные арбитражи усматривают риск прикрытия протекционистских мер соображениями обеспечения национальной безопасности, указывают на необходимость демонстрации очевидной связи между вводимой ограничительной мерой и защитой национальной безопасности и подчеркивают, что обеспечение национальной безопасности не может служить универсальным оправданием введения ограничительных мер. Как ОРС ВТО, так и инвестиционные арбитражи ограничивают дискрецию государства в контексте ссылки на необходимость защиты национальной безопасности принципом добросовестности.

Вместе с тем проведенный анализ выявляет ряд различий в подходах.

Во-первых, в международном инвестиционном праве, в отличие от права ВТО, решение вопроса о самоподсудности исключений в интересах национальной безопасности зависит исключительно от формулировки соответствующего договорного исключения. По общему правилу, такие исключения не являются самоподсудными, если иное не следует из текста самого исключения. Похожим образом, применение доктрины «полицейских полномочий», несмотря на высокую степень уважения арбитров к решениям национального регулятора, не предоставляет государствам неограниченные дискреционные возможности при определении угроз национальной безопасности.

Во-вторых, порог угрозы, необходимый для правомерной ссылки на соответствующую норму, различается в праве ВТО и международном инвестиционном праве. В частности, в то время, как в практике применения соглашений ВТО требование о наличии «чрезвычайной ситуации в международных отношениях» создает объективный порог для применения исключения, в инвестиционном арбитраже эти условия целиком зависят от формулировок конкретного договора. Следовательно, фактический порог допустимости государственных регуляторных мер может оказаться значительно ниже, чем тот, что установлен в практике ОРС ВТО. Данное обстоятельство приобретает особую значимость, когда речь идет о применении доктрины «полицейских полномочий», поскольку она предоставляет государству защиту для оправдания мер, принятых практически в любых публичных целях.

[89] Saudi Arabia – Measures Concerning the Protection of Intellectual Property Rights. Para 16.
[90] Ibid. Para. 18.
[91] Ibid. Para. 21.

В то же время представляется, что заимствование инвестиционными арбитражами подходов, выработанных в рамках права ВТО, нежелательно по двум ключевым причинам. Во-первых, такой подход был бы методологически несостоятельным. В праве ВТО пороговое значение угрозы определяется контекстуальным толкованием статей ГАТТ, ГАТС и ТРИПС, предусматривающих исключение по соображениям национальной безопасности, в частности, содержанием его параграфа (b) и отсылкой к войне в подпараграфе (iii). Указанный контекст, как правило, отсутствует в исключениях, предусмотренных МИС, кроме случаев, когда они дословно воспроизводят статьи соглашений ВТО. Во-вторых, необходимо учитывать принципиальное различие в составе сторон споров: в ВТО сторонами являются исключительно государства, тогда как в инвестиционном арбитраже – инвестор и принимающее государство. Внедрение более строгого стандарта доказывания, заимствованного из практики ВТО, в международный инвестиционный арбитраж, который и без того характеризуется асимметричной структурой и ориентированным на права инвестора подходом, может иметь негативные системные последствия для осуществления государством своего права на регулирование и вызвать новую волну недовольства среди государств-ответчиков в отношении легитимности системы.

В-третьих, наблюдается разница в установлении содержания стандарта «необходимости» и роли обычного международного права в этом процессе. Инвестиционные арбитражи толкуют критерий «необходимости» непоследовательно: в то время как одни придерживаются строгого требования «единственного возможного решения», привнесенного из обычного международного права, другие – толкуют термин, основываясь исключительно на формулировках конкретных соглашений. Этот вывод представляется обоснованным и с точки зрения доктрины «полицейских полномочий», поскольку арбитры определяют её содержание на основе норм международного обычного права. При этом в практике ОРС ВТО толкование необходимости в контексте исключения по соображениям безопасности полностью основывается на формулировках применимых соглашений ВТО, закрепляющих субъективный подход к толкованию фразы «которые он [член ВТО] считает необходимыми». Это связано с тем, что в отличие от международного инвестиционного права, где обычное международное право применяется как часть применимого права, так и для толкования МИС, в контексте разрешений споров в ОРС ВТО роль обычного международного права ограничена.

В-четвертых, несмотря на то, что и международное инвестиционное право, и право ВТО требуют наличия прямой связи между оспариваемой мерой и необходимостью защиты национальной безопасности (особенно явно это требование прослеживается в контексте применения доктрины «полицейских полномочий»), содержание этой связи понимается по-разному. Как указано выше, в тех случаях, когда инвестиционные арбитражи (в отличие от ОРС ВТО) толкуют исключения по соображениям безопасности, обращаясь к обычному международному праву, они настаивают на том, чтобы оспариваемая мера была единственным возможным способом защиты интересов национальной безопасности.

Выявленные различия в подходах, продиктованные в большей степени ориентацией международных инвестиционных арбитражей на формулировки конкретных соглашений, создают риск злоупотребления инвесторами правом выбора юрисдикции (*forum shopping*), а также риск параллельных разбирательств. В практике уже имели место случаи, когда одни и те же фактологические обстоятельства становились основанием как для разбирательства в ОРС ВТО, так и в инвестиционном арбитраже, например *Philip Morris v. Australia*[92] и *Australia – Tobacco Plain Packaging* (Indonesia)[93]. В условиях продолжающегося кризиса Апелляционного органа ВТО реализация этих рисков, вероятно, будет зависеть от того, сможет ли инвестор убедить государство – члена ВТО выступить в защиту его интересов в рамках соответствующего разбирательства, а также от того, является ли государство происхождения инвестора участником Многосторонней временной договоренности об апелляционном арбитраже (MPIA).

[92] UNCITRAL. Philip Morris Asia Limited v. The Commonwealth of Australia. – PCA Case No. 2012-12.

[93] WTO. Australia – Certain Measures Concerning Trademarks, Geographical Indications and Other Plain Packaging Requirements Applicable to Tobacco Products and Packaging. WT/DS467/23. Panel Report. 2018.

Список литературы

1. Артамонова И.В. 2020. Разграничение косвенной экспроприации и налоговых мер в практике международных инвестиционных арбитражей. – *Международное правосудие*. № 1 (33). С. 125-135.
2. Боклан Д.С., Мурашко Е.Ю. 2023. Опасная практика ВТО: толкование исключения по соображениям безопасности в споре США – Требования к маркировке происхождения. – *Журнал ВШЭ по международному праву*. Т. 1. № 2. С. 111-121. DOI: 10.17323/jil.2023.18199.
3. Боклан Д., Мурашко Е. 2022. Санкции в отношении услуг и национальная безопасность: оправдание или злоупотребление? – *Международное правосудие*. № 3 (43) С. 139-156. DOI: 10.21128/2226-2059-2022-3-139-156.
4. Боклан Д.С., Коваль В.В. 2024. Односторонние санкции в соответствии с международным правом и эффективность блокирования. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 6-23.
5. Коротков М.В., Маторина А.И., Мурашко Е.Ю., Синицын С.А. 2024. Уважение арбитража к праву государств на регулирование в контексте реформы: добавляем ли мы ясности? Рабочий документ. Москва: НИУ ВШЭ, Лаборатория по исследованию защиты публичных интересов при экономических санкциях. С. 23. URL: https://iclrc.ru/storage/publication_pdf/93/Rus_The Right of States to Regulate_22.02.24.pdf. (дата обращения: 17.01.2026).
6. Ксенофонтов К.Е. 2014. Экспроприация собственности иностранного инвестора в международном инвестиционном праве. Дис. … канд. юрид. наук. Москва.
7. Рачков И., Рачкова Е. 2022. Санкции в международном инвестиционном арбитраже (на примере одного из дел). – *Международное правосудие*. № 2 (42). С. 84-112.
8. Трунк-Федорова М. 2025. Международный инвестиционный арбитраж: исключения по соображениям национальной безопасности (на примере спора *Angel Samuel Seda and others v. Colombia*). – *Международное правосудие*. Т. 15. № 4. С. 26-41.
9. Завершинская Д.А., Боклан Д.С. 2025. Доктрина «полицейских полномочий» в инвестиционных спорах, связанных с санкциями: билет, который стоит добросовестного поведения? – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 69-82.
10. Ackermann T. 2022. Security Exceptions. – *The Effects of Armed Conflict on Investment Treaties*. Cambridge Studies in International and Comparative Law. Cambridge University Press.
11. Baldwin D.A. 1997. The Concept of Security. – *Review of International Studies*. Vol. 23. No. 1.
12. Boklan D.S., Absaliamov V.V., Kurnosov Yu.S. 2018. Are Restrictive Measures and Countermeasures Justifiable by WTO Security Exceptions: Objective or Subjective Approach? Responsibility шn International Law. – *Moscow Journal of International Law*. № 3. P. 18-29.
13. Boklan D., Bahri A. 2020. The First WTO's Ruling on National Security Exception: Balancing Interests or Opening Pandora's Box? – *World Trade Review*. Vol. 19. No. 1. P. 123-136.
14. Bossche P. van den, Zdouc W. 2013. *The Law and Policy of the World Trade Organization: Text, Cases and Materials*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Dimitropoulos G. 2020. National Security: The Role of Investment Screening Mechanism. – J. Chaisse, L. Choukroune, S. Jusoh. (eds.). *Handbook of International Investment Law and Policy*. Singapore: Springer.
16. Dolzer R., Schreuer C. 2012. *Principles of International Investment Law*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.
17. Douglas Z., Pauwelyn J., Viñuales J.E. (eds.). 2014. *The Foundations of International Investment Law: Bringing Theory into Practice*. Oxford: Oxford University Press.
18. Galvez C.C. 2013. Necessity, Investor Rights, and State Sovereignty for NAFTA Investment Arbitration. – *Cornell International Law Journal*. Vol. 46. No. 1. P. 127-170.
19. Grieger G. 2017. *EU Framework for FDI Screening*. Brussels: European Parliament, European Parliamentary Research Service (EPRS). URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/603941/EPRS_BRI(2017)603941_EN.pdf (accessed date: 17.01.2026).
20. Henckels C. 2015. *Proportionality and Deference in Investor-State Arbitration*. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Kabra R. 2019. Return of the Inconsistent Application of the "Essential Security Interest" Clause in Investment Treaty Arbitration. – *ICSID Review – Foreign Investment Law Journal*. Vol. 34. No. 3. P. 723-753.
22. Kriebaum U., Wagner M. 2024. Interpretation of Exceptions and General Exceptions in IIAs. In: Fach Gómez K., Titi C. (eds.). *The Award in International Investment Arbitration*. Oxford: Oxford University Press.
23. Lekkas E. 2024. Uses of the Work of International Law Commission on State Responsibility in International Investment Arbitration. – Merkouris P. *Custom and its Interpretation in International Investment Law*. Cambridge: Cambridge University Press.
24. Mola L. 2016. International Investment Arbitration and Serious Economic Crises: Lessons Learned in the Argentinean Crisis of 2000–2001. – *International Investment Law in Latin America*. Brill.
25. Paparinskis M. 2013. *The International Minimum Standard and Fair and Equitable Treatment*. Oxford: Oxford University Press.
26. Pauwelyn J. The Role of Public International Law in the WTO: How Far Can We Go? – *American Journal of International Law*. 2001. Vol. 95. No. 3. P. 535-578.
27. Ranjan P. 2021. Police Powers Doctrine and Indirect Expropriation in International Investment Law. – Bungenberg M., Griebel J., Hobe S., Reinisch A. (eds.). *International Investment Law: A Handbook*. Munich: C.H. Beck; Oxford: Hart Publishing; Baden-Baden: Nomos.
28. Sornarajah M. 2017. *The International Law on Foreign Investment*. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press.
29. Viñuales J.E. 2013. Customary Law in Investment Regulation. – *Italian Yearbook of International Law*. Vol. 23. No. 1.

References

1. Ackermann T. Security Exceptions. – *The Effects of Armed Conflict on Investment Treaties*. Cambridge Studies in International and Comparative Law. Cambridge University Press. 2022.
2. Artamonova I.V. Razgranichenie kosvennoj jekspropriacii i nalogovyh mer v praktike mezhdunarodnyh

investicionnyh arbitrazhej [The distinction between indirect expropriation and taxation measures as derived from arbitration tribunal case-law]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie [International Justice].* 2020. No. 1 (33). P. 125–135. (In Russ.)
3. Baldwin D.A. The Concept of Security. – *Review of International Studies.* 1997. Vol. 23. No. 1. P. 5-26.
4. Boklan D.S., Absaliamov V.V., Kurnosov Yu.S. Are Restrictive Measures and Countermeasures Justifiable by WTO Security Exceptions: Objective or Subjective Approach? Responsibility шn International Law. – *Moscow Journal of International Law.* 2018. № (3). P. 18-29.
5. Boklan D., Bahri A. The First WTO's Ruling on National Security Exception: Balancing Interests or Opening Pandora's Box? – *World Trade Review.* 2020. Vol. 19. No. 1. P. 123-136.
6. Boklan D.S., Murashko E.Yu. Opasnaya praktika VTO: tolkovanie isklyucheniya po soobrazheniyam bezopasnosti v spore SSHA – Trebovaniya k markirovke proiskhozhdeniya [A Dangerous WTO Practice: Interpreting the Security Exception in US – Country of Origin Labelling]. – *Zhurnal VShE po mezhdunarodnomu pravu [HSE University Journal of International Law].* 2023. Vol. 1. No. 2. P. 111-121. (In Russ.)
7. Boklan D.S., Murashko E. Sanktsii v otnoshenii uslug i nacionalnaya bezopasnost: opravdanie ili zloupotreblenie? [Sanctions on trade in services and national security: justification or abuse?]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie [International Justice].* 2022. No. 3 (43) P. 139-156. DOI: 10.21128/2226-2059-2022-3-139-156.
8. Boklan D.S., Koval V.V. Odnostoronnie sanktsii v sootvetstvii s mezhdunarodnym pravom i effektivnost' blokirovaniya [Unilateral Sanctions under International Law and Effectiveness of Blocking]. – *Moskovskij zhurnal po mezhdunarodnomu pravu [Moscow Journal of International Law].* 2024. No. 1. P. 6-23. (In Russ.)
9. Bossche P. van den, Zdouc W. *The Law and Policy of the World Trade Organization: Text, Cases and Materials.* 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. P. 1045.
10. Dimitropoulos G. National Security: The Role of Investment Screening Mechanism. – Chaisse J., Choukroune L., Jusoh S. (eds.). – *Handbook of International Investment Law and Policy.* Singapore: Springer. 2020.
11. Dolzer R., Schreuer C. *Principles of International Investment Law.* 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 2012.
12. Douglas Z., Pauwelyn J., Viñuales J.E. (eds.). *The Foundations of International Investment Law: Bringing Theory into Practice.* Oxford: Oxford University Press. 2014.
13. Galvez C.C. Necessity, Investor Rights, and State Sovereignty for NAFTA Investment Arbitration. – *Cornell International Law Journal.* 2013. Vol. 46. No. 1. P. 127-170.
14. Grieger G. *EU Framework for FDI Screening.* Brussels: European Parliament, European Parliamentary Research Service (EPRS). 2017. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/603941/EPRS_BRI(2017)603941_EN.pdf (accessed date: 17.01.2026).
15. Henckels C. *Proportionality and Deference in Investor-State Arbitration.* Cambridge: Cambridge University Press. 2015.
16. Kabra R. Return of the Inconsistent Application of the "Essential Security Interest" Clause in Investment Treaty Arbitration. – *ICSID Review – Foreign Investment Law Journal.* 2019. Vol. 34. No. 3. P. 723-753.
17. Korotkov M.V., Matorina A.I., Murashko E.Yu., Sinitsyn S.A. *Uvazhenie arbitrazha k pravu gosudarstv na regulirovanie v kontekste reformy: dobavlyaem li my yasnosti? [Deference to the Right to Regulate in the Reform Context: Are We Adding Clarity?]*. Working paper. Moscow: HSE University. 2024. URL: https://iclrc.ru/storage/publication_pdf/93/Rus_The Right of States to Regulate_22.02.24.pdf. (accessed date: 17.01.2026). (In Russ.)
18. Kriebaum U., Wagner M. Interpretation of Exceptions and General Exceptions in IIAs. In: Fach Gómez K., Titi C. (eds.). *The Award in International Investment Arbitration.* Oxford: Oxford University Press. 2024.
19. Ksenofontov K.E. Ekspropriatsiya sobstvennosti inostrannogo investora v mezhdunarodnom investitsionnom prave [Expropriation of a Foreign Investor's Property in International Investment Law]. Candidate of Legal Sciences Diss. Moscow. 2014. (In Russ.).
20. Lekkas E. Uses of the Work of International Law Commission on State Responsibility in International Investment Arbitration. – Merkouris P. *Custom and its Interpretation in International Investment Law.* Cambridge: Cambridge University Press. 2024.
21. Mola L. International Investment Arbitration and Serious Economic Crises: Lessons Learned in the Argentinean Crisis of 2000–2001. – *International Investment Law in Latin America.* 2016. Brill.
22. Paparinskis M. *The International Minimum Standard and Fair and Equitable Treatment.* Oxford: Oxford University Press. 2013.
23. Pauwelyn J. The Role of Public International Law in the WTO: How Far Can We Go? – *American Journal of International Law.* 2001. Vol. 95. No. 3. P. 535-578.
24. Rachkov I.V., Rachkova E.I. Sankcii v mezhdunarodnom investicionnom arbitrazhe (na primere odnogo iz del) [Sanctions in International Investment Arbitration (Based on a Case Study)]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie [International Justice].* 2022. No. 2 (42). P. 84–112. (In Russ.).
25. Ranjan P. Police Powers Doctrine and Indirect Expropriation in International Investment Law. – Bungenberg M., Griebel J., Hobe S., Reinisch A. (eds.). *International Investment Law: A Handbook.* Munich: C.H. Beck; Oxford: Hart Publishing; Baden-Baden: Nomos. 2021.
26. Sornarajah M. *The International Law on Foreign Investment.* 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2017.
27. Trunk-Fedorova M. Mezhdunarodnyi investitsionnyi arbitrazh: isklyucheniya po soobrazheniyam natsional'noi bezopasnosti (na primere spora Angel Samuel Seda and others v. Colombia) [International Investment Arbitration: National Security Exceptions (Case Study: Angel Samuel Seda and Others v. Colombia)]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie [International Justice].* 2025. Vol. 15. No. 4. P. 26-41. (In Russ.)
28. Viñuales J.E. Customary Law in Investment Regulation. – *Italian Yearbook of International Law.* 2013. Vol. 23. No. 1.
29. Zavershinskaja D.A., Boklan D.S. Doktrina «policejskih polnomochij» v investicionnyh sporah, svjazannyh s sankcijami: bilet, kotoryj stoit dobrosovestnogo povedenija? [The Doctrine of «Police Powers» in Various Disputes, the Limits of Sanctions: A Ticket Worth the Price of Good Conduct?]. – *Moskovskij zhurnal po mezhdunarodnomu pravu [Moscow Journal of International Law].* 2025. No. 1. P. 69-82. (In Russ.)

Информация об авторе

Дарья Андреевна ЗАВЕРШИНСКАЯ
Аспирант, факультет права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., 20, Москва, 101000, Российская Федерация

dzavershinskaya@hse.ru
ORCID 0009-0006-3856-9376

About the Author

Daria A. ZAVERSHINSKAIA
Postgraduate student, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics

20, Myasnitskaya St., Moscow, Russian Federation, 101000

dzavershinskaya@hse.ru
ORCID 0009-0006-3856-9376

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-156-176

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 02.03.2026
Принята к публикации: 03.06.2026

Ксения Борисовна ВАЛИУЛЛИНА
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Кремлевская ул., 18, Казань, 420008, Российская Федерация
e-mail: valiullina.ksenia@mail.ru
ORCID 0000-0003-1892-3148

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ. *В современных условиях эволюции общества обеспечение экологической устойчивости приобретает стратегическое значение как на межгосударственном, так и на внутринациональном уровнях регулирования. Программа действий по достижению до 2030 года целей устойчивого развития, принятая в 2015 году, подчеркивает единство подходов различных стран к формированию эффективного механизма международно-правового регулирования защиты природной среды. Вместе с тем сохраняются тревожные тенденции нарастания масштабов загрязнений: распространение аридных зон, ускоренное опустынивание земель, снижение качества пресноводных источников, повышение кислотности океанических вод, потепление водных масс, истощение природного ресурсного потенциала и утрата биоразнообразия становятся общемировыми проблемами. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, существенно обогативший опыт взаимодействия государств в сфере глобальной экологической безопасности, подчеркнул, что решение проблем планетарного масштаба осуществимо лишь посредством согласованных международных усилий, направленных на реализацию целевых установок, зафиксированных в Уставе Организации Объединенных Наций (далее – ООН). Статья представляет собой углубленный научный анализ эволюционных процессов в рамках международно-правового регулирования взаимодействия стран БРИКС, направленного на укрепление природоохранительного сотрудничества и достижение экологической безопасности природных объектов, обусловленного необходимостью комплексного подхода к решению глобальных экологических проблем, вызванных ускоренным экономическим ростом и урбанизацией, интенсивностью промышленного производства и увеличением антропогенной нагрузки на окружающую среду.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Научная методология основывается на применении комплексного подхода, предполагающего многоаспектное исследование рассматриваемых вопросов и выработку оптимальных путей их разрешения. Для достижения указанных целей используется система аналитических инструментов, среди которых особое внимание уделяется следующим методам научного познания: систематическому сравнению реализуемых инициатив и мероприятий, предпринимаемых государствами – членами БРИКС; критическому осмыслению уровня успешности достигнутых соглашений; историко-компаративному анализу процесса принятия соответствующих политических решений;*

тщательному изучению документальной базы, представленной нормативными актами и специализированной литературой. Исследование базируется на принципах интеграции усилий, заложенных в концепции устойчивого развития и сохранения экосистемы нашей Планеты.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Статья направлена на исследование ключевых направлений международно-правового сотрудничества стран БРИКС по всем направлениям экологоориентированной деятельности в целях обеспечения экологической безопасности, включая национальные мероприятия, направленные: на снижение эмиссии парниковых газов; охрану водных ресурсов (включая повышение качества питьевой воды); утилизацию всех видов отходов, включая пластик и его микрочастицы; сохранение биоразнообразия; поиск альтернативных источников энергии; снижение выбросов в атмосферу. В работе отмечаются имеющиеся трудности, связанные в том числе с наличием пробелов в законодательстве, приводящих к стремительному росту различных категорий мусора, возрастанию концентрации выбросов CO2 и иных промышленных загрязнителей, образованным в результате крупномасштабной экономической деятельности государств-членов, в водную среду, почву и атмосферу. В статье уделяется внимание роли Российской Федерации в формировании и внедрении экологической стратегии БРИКС, определены ключевые направления дальнейшего развития и укрепления глобального сотрудничества по вопросам освоения передовых технологий, формирования ответственного подхода к использованию природно-ресурсного потенциала в целях устойчивого экономического роста и обеспечения глобальной и национальной экологической безопасности.*

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. *Ключевым направлением деятельности государств – членов БРИКС в области правового обеспечения экологической безопасности на национальном и глобальном уровнях является создание скоординированной системы взаимодействия по вопросам контроля над выбросами загрязняющих веществ, модернизация инфраструктуры обращения с отходами, внедрение эффективных подходов к водоснабжению и охране водных ресурсов и др. Тем не менее несмотря на положительные результаты ряда проектов, сохраняются важные задачи, обусловленные недостаточной инфраструктурной обеспеченностью и низкой эффективностью отдельных экологических инициатив. Повышение продуктивности требует комплексного подхода, основанного на широком применении современных технологических решений, устранении пробелов в правовом регулировании экологоориентированных проблем, увеличении объема инвестиций в экологическую сферу.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *экологическая безопасность, международно-правовое регулирование, сотрудничество, перспективы развития, БРИКС, окружающая среда, загрязнение, охрана, защита и сохранение*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Валиуллина К.Б. 2026. Международно-правовое сотрудничество стран БРИКС в сфере обеспечения экологической безопасности. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 156–176. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-156-176

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

БЛАГОДАРНОСТИ: *Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение от 22.12.2025 № 12/2025-ПД-КФУ).*

INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-156-176

Research article
UDC: 341
Received 2 March 2026
Approved 3 June 2026

Ksenia B. VALIULLINA
Kazan (Volga region) Federal University
18, Kremlyovskaya St., Kazan, Russian Federation, 420008
Valiullina.Ksenia@mail.ru
ORCID 0000-0003-1892-3148

INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION OF BRICS COUNTRIES IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL SAFETY

INTRODUCTION. *In the current context of human evolution, ensuring environmental sustainability is acquiring strategic importance at both the interstate and national levels of regulation. The Action Plan for Achieving the Sustainable Development Goals by 2030, adopted in 2015, emphasizes the unity of approaches of various countries to the development of an effective mechanism for environmental protection. At the same time, alarming trends in the increasing scale of pollution persist: the spread of arid zones, accelerated desertification, declining quality of freshwater sources, increasing ocean acidity, warming of water masses, depletion of natural resource potential, and loss of biodiversity are becoming global problems. The Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe of 1975, which significantly enriched the experience of state interaction in the field of global environmental security, emphasized that solutions to planetary-scale problems can only be achieved through concerted international efforts aimed at implementing the goals enshrined in the Charter of the United Nations. The article presents an in-depth scientific analysis of evolutionary processes within the framework of international legal regulation of interaction between the BRICS countries, aimed at strengthening environmental cooperation and achieving environmental safety of natural objects, due to the need for an integrated approach to solving global environmental problems caused by accelerated economic growth and urbanization, the intensity of industrial production and the increase in anthropogenic pressure on the environment.*

MATERIALS AND METHODS. *The scientific methodology is based on a comprehensive approach, involving a multifaceted study of the issues under consideration and the development of optimal solutions. To achieve these goals, a system of analytical tools is used, with particular emphasis on the following research methods: systematic comparison of initiatives and activities undertaken by BRICS member states; critical assessment of the success of agreements reached; historical and comparative analysis of the relevant policy decision-making process; and a thorough examination of the documentary base represented by regulations and specialized literature. The research is based on the principles of integrating efforts, embodied in the concept of sustainable development and the preservation of our planet's ecosystem.*

RESEARCH RESULTS. *The article aims to study the key areas of international legal cooperation of the BRICS countries in all areas of environmentally oriented activities in order to ensure environmental safety, including national measures aimed at: reducing greenhouse gas emissions; protecting water resources (including improving the quality of drinking water); recycling all types of waste, including plastic and its microparticles; preserving biodiversity; searching for alternative energy sources; reducing atmospheric emissions. The work notes the existing difficulties associated, among other things, with the presence of*

gaps in legislation leading to a rapid increase in various categories of waste, an increase in the concentration of CO2 emissions and other industrial pollutants generated as a result of large-scale economic activities of the member states, into the aquatic environment, soil and atmosphere. The article focuses on the role of the Russian Federation in the formation and implementation of the BRICS environmental strategy, and identifies key areas for further development and strengthening of global cooperation in the development of advanced technologies, the formation of a responsible approach to the use of natural resource potential for the purpose of sustainable economic growth and ensuring global and national environmental security.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *A key area of activity for BRICS member states in legal support for environmental safety at the national and global levels is the creation of a coordinated system of interaction on issues of pollutant emissions control, modernization of waste management infrastructure, implementation of effective approaches to water supply and water resource protection, and other issues. However, despite the positive results of several projects, significant challenges remain, stemming from insufficient infrastructure and the low effectiveness of certain environmental initiatives. Improving productivity requires a comprehensive approach based on the widespread use of modern technological solutions, addressing gaps in the legal regulation of environmentally relevant issues, and increasing investment in the environmental sector.*

KEYWORDS: *Environmental safety, international legal regulation, cooperation, development prospects, BRICS environment, pollution, protection, conservation and preservation.*

FOR CITATION: Valiullina K.B. International Legal Cooperation of the BRICS Countries in the Field of Environmental Safety. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 156–176. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-156-176

The author declares the absence of conflict of interest.

ACKNOWLEDGMENTS: *This work/publication was funded by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan provided to higher education institutions, scientific and other organizations to support human resource development plans in terms of encouraging their research and academic staff to defend doctoral dissertations and conduct research activities (Agreement No. 12/2025-PD-KFU dated December 22, 2025)*

1. Введение

Природная среда представляет собой неотъемлемую составляющую экологической системы Земли. Ее современное состояние обусловлено целым рядом острых глобальных экологических проблем, среди которых выделяют: истощение озонового слоя и атмосферное загрязнение, трансграничную миграцию вредных веществ, изменение климата, охрану биологического разнообразия, выпадение кислотных осадков, аридизацию территорий, исчерпание природных ресурсов и прочие аналогичные феномены. Данные угрозы приобретают особое значение ввиду своей зависимости от человеческой деятельности, нередко вступающей в конфликт с фундаментальными законами природы.

Ни одна отдельно взятая страна не способна справиться с этими проблемами собственными силами, поскольку их природа носит планетарный характер. Таким образом, действенным решением выступает объединение усилий всего мирового сообщества. Формирование единой международной экологической политики становится приоритетом современности, требующим разработки и применения эффективных правовых инструментов и организационных механизмов [Саранкина 2017:193-199].

Глобальные климатические изменения представляют собой одну из наиболее значимых современных антропогенных угроз человечеству в XXI столетии. Эта проблема тесно связана с процессами преобразования энергетического сектора, транспортной инфраструктуры, промышленного производства, агропромышленного комплекса и финансовой системы, оказывая существенное влияние на развитие международной экономики и формирование межгосударственных взаимодействий [Солнцев 2023:39-53]. Дальнейшие траектории климатических

изменений и экологической трансформации мировой экономики остаются неопределенными и существенно зависят от стратегических решений и действий государств ‑членов объединения БРИКС [Ковалев, Поршнева 2021:64-78].

Международное интеграционное объединение БРИКС, не обладая статусом международной межправительственной организации, [Бекяшев, Бекяшев 2020:199-207] играет важную роль в мировой экономике и геополитике. Как справедливо отмечает в своих трудах Г.Г. Шинкарецкая, это «группа стран, которая не обладает всеми признаками международной организации, в частности у нее нет постоянных органов и автономности. Она может быть квалифицирована как межгосударственная институциональная структура сотрудничества, т.е. как постоянная структура, не достигающая уровня международной межправительственной организации» [Шинкарецкая 2015:140-145]. Международно-правовое сотрудничество БРИКС являет собой стратегический диалог стран-участниц, направленный на продвижение многополярного мира и суверенитета через систему политических деклараций и соглашений. Являясь объединением крупных развивающихся экономик, значимым инструментом международного сотрудничества в условиях затяжного кризиса [Пономаренко 2024:552-558], экономической нестабильности и правовой разрозненности, периода экологических катастроф и в целом хищнического отношения к окружающей природной среде, все более важным становится принятие коллективных решений десяти стран БРИКС. Это связано со следующими причинами.

Во-первых, значимость БРИКС определяется тем, что межгосударственное взаимодействие между странами ‑ членами БРИКС базируются на добровольности, равенстве, взаимном уважении суверенитета и невмешательстве во внутренние дела друг друга [Абашидзе 2024:115-122]. Указанные принципы являются гарантом эффективности и перспективности БРИКС в современных условиях глобальных политических и экономических изменений.

Помимо этого, ключевое значение стран БРИКС обусловлено их масштабностью и динамичным экономическим развитием. Масштабы экономической деятельности приводят к усложнению формата сотрудничества для достижения общих целей и задач партнеров, вследствие чего не случайно, что документы саммитов БРИКС концентрировано закрепляют данную направленность в самом содержании сотрудничества, требующего правового обеспечения [Ануфриева 2019:123-131], с учетом распространения в государственном управлении практики использования в первую очередь правовых средств для решения любых социальных, экономических, демографических, политических, экологических и иных проблем [Хабриева 2019:17-25].

По состоянию на 2024 год совокупный валовый продукт (ВВП) членов группы составляет около трети общемирового показателя, а численность населения превышает половину населения планеты. Более половины мировых эмиссий углекислого газа, образующихся вследствие сгорания углеводородного сырья, приходится именно на государства БРИКС. Лидирующие позиции по объемам выбросов парниковых газов занимают Китай, Индия и Россия, занимающие первое, третье и четвертое места, соответственно. Если учесть экологический след от изменений в земельных ресурсах и лесохозяйственном секторе, то третья позиция перейдет к Бразилии. Таким образом, динамика роста объемов углеродных выбросов в течение последних трех десятилетий была сформирована преимущественно странами БРИКС. За указанный период выбросы, обусловленные потреблением ископаемых видов топлива, возросли в Индии и Китае более чем в четыре с половиной раза, тогда как в Бразилии зафиксирован рост почти вдвое. Россия, в свою очередь, за последние годы продемонстрировала снижение объема эмиссий среди всех крупных экономик мира, сократив уровень загрязнений на 40 %. Данный эффект обусловлен глубокими структурными изменениями, произошедшими в постсоветской экономике в девяностые годы XX века. Однако Китай продолжает оставаться крупнейшим источником прироста общих объемов парниковых газов начиная с 1990 года, а роль Индии, скорее всего, возрастет до максимума в ближайшие два десятилетия (до 2040 года включительно).

Во-вторых, государства БРИКС выступают первопроходцами среди тех, кто стремится преодолеть барьер низких доходов и достигнуть среднего и высокого уровня благосостояния на душу населения в эпоху нарастающего климатического кризиса. Осознавая тот факт, что повторение западных моделей роста и потребительских стандартов неизбежно приведет человечество к быстрому приближению критической точки необратимых климатических

последствий, страны БРИКС решительно обозначили курс на формирование иной парадигмы социально-экономического развития, способной гармонично интегрироваться в условия ограниченности природных ресурсов, экологии и стабильности климата, поскольку традиционные подходы оказываются неэффективными в текущих реалиях. Ярким примером подобного рода взаимодействия является Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия от 16 мая 2024 года, где сделаны акценты на приоритетные сферы и аспекты сотрудничества[1].

В-третьих, страны БРИКС играют ведущую роль в формировании примера для большинства государств развивающегося мира, чьи дальнейшие шаги по достижению благополучия основываются на опыте и практике лидеров БРИКС. В рамках БРИКС проходят ежегодные саммиты (с 2009 года) и встречи на уровне министров иностранных дел и министров финансов, которые сближают государства по ключевым аспектам развития и в рамках мировой политики, способствуют укреплению двустороннего взаимодействия государств - членов БРИКС и расширению сфер взаимодействия в самых различных сферах, как, например, экология [Абашидзе, Солнцев 2012:9-15]. Успех в преодолении проблемы изменения климата этими странами послужит ориентиром для остальных, открывающим возможности адаптации и устойчивого прогресса, в то время как бездействие нанесет существенный удар по перспективам эффективного реагирования человечества на данную угрозу в целом.

В-четвертых, государства БРИКС едины в убежденности относительно необходимости перехода современной международной архитектуры власти к большему уровню инклюзивности и формированию многополюсного мира. Их взгляды предполагают неизбежность реформ ключевых международно-правовых институтов и значимость усиления роли стран Глобального Юга в процессах принятия важных политических решений. В связи с этим государства БРИКС способны предложить действенные механизмы модернизации действующего международного режима противодействия изменению климата, демонстрирующего сложности в реализации программ по борьбе с надвигающимся экологическим кризисом. Новый баланс сил в мировом порядке возникнет исключительно при условии готовности стран БРИКС принять лидерские обязательства, соответствующие масштабу их возможностей и амбиций, направленные на достижение значимой роли в глобальном экономическом развитии и международно-правовом сотрудничестве, в том числе по вопросам внедрения экологоориентированых программ в целях обеспечения национальной и глобальной экологической безопасности.

Как известно, на сегодняшний день детального определения понятия «экологическая безопасность» не дается ни в одном международном документе, равно как и не дается исчерпывающего перечня принципов обеспечения экологической безопасности. Хотя, как представляется, именно на фоне сотрудничества по поводу реализации столь гуманной цели, какой является обеспечение благоприятной, экологически безопасной жизни народов, гораздо легче построить скоординированное взаимодействие между государствами, по сравнению, к примеру, с военной безопасностью, построенной на конкуренции и наращивании военной мощи ряда стран [Кукушкина 2020:218-225]. При этом «экологическая безопасность» раскрывается в национальном законодательстве стран – участниц БРИКС, что позволяет сделать вполне логичный вывод о том, что основное внимание в указанной сфере направлено на создание комплекса национальных материально-правовых и организационных гарантий защищенности природной среды от негативного воздействия источников загрязнения. В качестве примера можно привести Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ[2], Закон «Об охране окружающей среды» Китая (Environmental Protection Law)[3] и др.

[1] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6132?ysclid=mpf7yh1vio959933393 (дата обращения: 01.03.2026).

[2] Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/?ysclid=mp9y6j4bu6447994260 (дата обращения: 01.03.2026).

[3] Environmental Protection Law. 1989. URL: https://leap.unep.org/en/countries/cn/national-legislation/environmental-protection-law (дата обращения: 01.03.2026).

Экологическое направление деятельности стран БРИКС определилось под воздействием множества разнородных обстоятельств, включающих динамику социально-экономического подъема, изменения в структуре населения и усиливающиеся планетарные риски для состояния окружающей среды. Все государства-члены обладают собственным уникальным набором экологических проблем, возникающих вследствие индивидуальных особенностей природного ландшафта и исторического опыта развития. Бразилия и Индия, например, традиционно уделяют основное внимание вопросам сбережения биологического разнообразия и поддержания лесного покрова, тогда как Китай и Россия решают острые проблемы техногенного воздействия на природу и утилизации промышленных остатков. Южная Африка же концентрирует усилия на охранительных мерах относительно уникальных природных объектов и обеспечении доступности питьевых водных запасов [Бондаренко 2024:19-33].

Современная ситуация характеризуется комплексом общих экологических вызовов, которые требуют согласованных действий и значительных финансовых вложений для их преодоления и продвижения принципов устойчивого развития. Среди наиболее острых вопросов остаются последствия климатических изменений, деградация качества воздуха, накопление твердых бытовых и промышленных отходов, а также растущие дефициты воды. Решение указанных проблем требует совместных исследований, внедрения инновационных технологий, совершенствования правовой базы и реализации эффективных мер экологической политики на национальном и межгосударственном уровнях.

2. Приоритеты международно-правового сотрудничества стран БРИКС по вопросам борьбы с изменением климата

Климатический кризис, продолжающийся со второй половины XX века, вынуждает человечество принимать решительные меры. В сентябре 2023 года Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, выразил предположение, что человечество смогло выдержать «сезон кипения» - самое жаркое лето с момента начала наблюдения, тем не менее лето следующего года оказалось теплее на полтора градуса, что превысило так называемую красную линию, установленную Парижским соглашением по климату[4] и поставило государства перед необходимостью к быстрой адаптации по отношению к климатическим изменениям, чтобы к 2035 году объем адаптационного финансирования развивающихся стран соответствовал 1,3 трлн долларов США[5]. И государства БРИКС, договорившиеся о совместном решении вопроса, связанного с изменением климата еще в 2015 году, в ходе седьмого Саммита объединения в Уфе, подтвердили свою готовность решать проблему изменения климата как на глобальном, так и на национальном уровне. С тех пор активность БРИКС в этом направлении только возрастает, и они занимают центральное положение в процессе формирования глобальной климатической повестки. Как отмечают W. Li и J. Wang, увеличение инвестиций в экологические технологии приводит к значительному сокращению выбросов парниковых газов и улучшению качества окружающей среды, особенно в Китае и Индии, где объем таких инвестиций наиболее высок [Li, Wang 2023:120000-120009].

Согласно последним данным, на их долю приходится около трети мирового валового внутреннего продукта и почти половина населения планеты, но в то же время свыше половины совокупных мировых выбросов парниковых газов. Это обстоятельство предопределяет важнейшую роль климатической политики указанных стран в обеспечении успеха усилий всего человечества по минимизации негативных последствий глобального потепления.

Международно-правовое сотрудничество стран БРИКС в сфере изменения климата включает в себя следующие пункты:

- опора на глобальные документы в природоохранной сфере и непосредственно в сфере изменения климата, что способствует принятию скоординированных решений по выполнению обязательств в рамках Рамочной конвенции

[4] Парижское соглашение по климату. 12 декабря 2015 года. URL: https://docs.cntd.ru/document/542655698?ysclid=mpv48hicpo665151444 (дата обращения: 01.03.2026).

[5] БРИКС и климат: совместные действия для устойчивого будущего. URL: https://tvbrics.com/news/briks-i-klimat-sovmestnye-deystviya-dlya-ustoychivogo-budushchego/?ysclid=mpv3zhxds1559434356/ (дата обращения: 01.03.2026).

ООН об изменении климата 1994 года[6], подчеркивая принцип общей, но дифференцированной ответственности;

- имплементация конвенционных положений в национальное законодательство и его расширение;
- принятие совместных деклараций (источников мягкого права);
- общие инициативы по адаптации сельского хозяйства, добыче полезных ископаемых, подготовке и внедрению стандартов низко углеродной энергетики и новейших климатических технологий, информационной оснащенности.

Так, участие государств – членов БРИКС в рамках Парижского соглашения предполагает принятие ими обязательств по существенному снижению объемов эмиссии парниковых газов, направленных на ограничение повышения средней температуры планеты относительно доиндустриальных значений в пределах полутора градусов Цельсия. Достижение столь амбициозных целей требует глубоких преобразований экономических моделей, включающих внедрение новейших технологических решений и последовательный переход к экологически ориентированным сценариям социально-экономического развития. Последние годы свидетельствуют о постепенном осознании членами объединения БРИКС важности активного участия в мероприятиях по смягчению последствий изменения климата [Гаевская 2024:45-49]. Все пять крупнейших участников официально взяли на себя международные обязательства и начали внедрение соответствующих мер регулирования на национальном уровне. Первенство в установлении амбициозной цели достижения углеродной нейтральности принадлежит Южно-Африканской Республике, провозгласившей в рамках собственной стратегии сокращения углеродного следа намерение прийти к нулевому балансу выбросов к середине текущего столетия[7]. Вслед за ней, в 2021 году аналогичный план высказала Бразилия[8], тогда как Россия установила целевой срок на десятилетие позже[9], а Индия на четверть века вперед. Цель Китая, заявленная ранее, совпадает с российским сроком и установлена на 2060 год[10].

Климатическая политика входит в число приоритетов национального развития подавляющего большинства государств БРИКС. Большинство стран-участниц объединения поставили перед собой конкретные цели по достижению углеродной нейтральности в диапазоне сроков от 2050 до 2070 года. Исключение составляют лишь Египет и Эфиопия, а также Иран, не участвующий в Парижском соглашении. Национальные цели по снижению выбросов к 2030 году отличаются друг от друга как формой выражения, так и уровнем поставленных задач. Наибольшую степень амбициозности демонстрируют планы Объединенных Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии, в то время как наименьший уровень притязаний отмечен в программах Ирана, России и Египта. Реализация обязательных механизмов налогообложения углерода осуществляется только в Китае[11] и Южной Африке, причем на региональном уровне аналогичные меры применяются и в России [Komarova, Bondarenko, Gubarev, Ermolaev 2022:409-420.]. Многие страны проявляют активность и на добровольных рынках торговли квотами на выбросы, особенно отличились в этом плане Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия.

Процесс декарбонизации высокоуглеродистых секторов экономики в странах БРИКС характеризуется многообразием используемых

---

[6] Рамочная конвенция ООН об изменении климата. 9 мая 1992 года. URL: https://docs.cntd.ru/document/1901908?ysclid=mpv5weppn7902001373 (дата обращения: 01.03.2026). Ратифицирована Федеральным законом РФ от 4 ноября 1994 года № 34-ФЗ.

[7] South Africa's Low Emission Development Strategy 2050. – *UNFCCC*. 2020. URL: https://unfccc.int/documents/253724 (accessed date: 01.03.2026).

[8] Рамочной конвенции ОНН об изменении климата.

[9] Пленарное заседание международного форума «Российская энергетическая неделя». – *Президент России*. 2021. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/66916 (дата обращения: 01.03.2026).

10 Cabinet approves India's Updated Nationally Determined Contribution to be communicated to the United Nations Framework Convention on Climate Change. – *Press Information Bureau*. 2022. URL: https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1847813 (accessed date: 01.03.2026).

[11] Çetinkaya O.A., Çatik A.N., Balli E. et al. Assessing the influence of green innovation and environmental policy stringency on CO2 emissions in BRICS. Environ Dev Sustain. 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/379539470_Assessing_the_influence_of _green_innovation_and_environmental_policy_stringency_on_CO2_emissions_in _BRICS (accessed date: 01.03.2026).

методов и уровней охвата, однако можно выявить некоторые общие тенденции, включая стремление к повышению энергоэффективности и ресурсообеспеченности. Например, Китай, Южная Африка и частично Индия фокусируют усилия на промышленном сегменте, осуществляя комплекс мероприятий по снижению углеродоемкости производства. Бразилия выделяет приоритетное направление, связанное с борьбой против вырубки лесов и восстановлением экосистем. Эфиопия и Россия видят значительные перспективы в увеличении поглотительной способности лесных насаждений, а Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты предпринимают попытки широкой диверсификации национальной экономики. Общей чертой выступает приверженность принципам энергосбережения, рационального использования ресурсов, стремление к экологизации производства.

Наращивание потенциала низкоуглеродных технологий становится ключевым направлением взаимовыгодного сотрудничества стран БРИКС, учитывая их значительный технологический потенциал в разных областях эколого-технических разработок. Здесь особое место занимает Китай, достигший значительных успехов в создании и распространении низкоуглеродных решений. Помимо Китая, ощутимый прогресс демонстрирует Саудовская Аравия, Индия и Бразилия[12].

Среди совместных инициатив БРИКС в сфере обеспечения экологической безопасности надо выделить созданный в 2012 году «Центр исследований и разработок чистой энергии стран БРИКС» (BRICS Clean Energy Research and Development Cente), который представляет собой международную площадку, предназначенную для консолидации инновационных технологий и эффективных практик в области возобновляемой энергетики и повышения энергетической эффективности. Данная инициатива направлена на стимулирование разработки и внедрения экологичных решений, сокращение объемов выброса углекислого газа и увеличение удельного веса альтернативных энергетических ресурсов. Результатом успешного функционирования Центра стало масштабирование усилий государств-членов организации: так, в 2022 году Китай инвестировал рекордные 145 миллиардов долларов в сектор возобновляемой энергетики, что составило порядка 63 % совокупных капитальных вложений стран-участниц блока. Аналогичным образом отличилась Индия, зафиксировав значительный прирост установленной мощности фотогальванических установок до уровня 40 гигаватт, что свидетельствует о динамичном развитии солнечной энергетики государства и демонстрирует устойчивый темп роста (+20 %) относительно показателей предыдущего периода[13].

Важно обозначить, что длительное время взаимодействие в области климата не входило в круг первоочередных задач объединения БРИКС, не взирая на то, что данная сфера являлась неотъемлемой составляющей Стратегии экономического партнерства до 2025 года, принятой в 2021 году, и представляла важный аспект Повестки в области энергетики и охраны природы.

Сегодня финансирование экологоориентированных проектов устойчивого развития, включающее зеленые инвестиции, реализуется посредством инициатив Нового банка развития (который временно прекратил деятельность на территории нашей страны с 2022 года). Ряд авторов в связи с этим отмечает, что государства, интенсивно вкладывающие средства в экологичные инновационные решения, гораздо быстрее достигают намеченных целей по минимизации объемов выбросов в атмосферу углекислого газа. Целесообразно было бы также привести в пример высказывания специалистов в области природоохранной деятельности S. Mohanty и N. Sethi утверждающих, что зарубежные капиталовложения способны существенно оптимизировать экологическую обстановку при условии целенаправленного финансирования развития экологически чистых технологий [Mohanty, Sethi 2021:19714-19730].

Тем не менее с 2023 года климатический вопрос вошел в число ключевых одновременно с ростом осознания того, что принадлежащие

[12] Макаров И.А., Хлебнова А.Д., Шуранова А.А. На пути к глобальному зеленому лидерству: приоритеты сотрудничества стран БРИКС по вопросам борьбы с изменением климата. НИУ ВШЭ, Центр международных и сравнительно-правовых исследований. 2024. URL: https://iclrc.ru/ru/publications/109; https://we.hse.ru/climate/brics_climate_report (дата обращения: 01.03.2026).

[13] Экологические инициативы стран БРИКС по итогам XVI саммита БРИКС. URL: https://vk.com/@easternspectrum-ekologicheskie-iniciativy-stran-briks-po-itogam-xvi-sammita?ysclid=mm0ebmotie814204805 (дата обращения: 01.03.2026).

им крупные экономические потенциалы и высокий уровень населения наделяют их особым статусом в деле противостояния изменению климата. Развитие нового подхода к экономическому росту, учитывающему ограничения, вызванные изменением климата, позволяет странам БРИКС посредством скоординированного взаимодействия и тесного международно-правового сотрудничества сформировать привлекательную для развивающегося мира модель устойчивого развития и превратить вопросы экологии в сферу своего глобального лидерства [Komarova, Bondarenko, Baibikova 2023:275]. При этом представляется, что лидерство в климатической сфере – это, прежде всего, умение объединять развитые и развивающиеся государства с разными экономическими моделями и уязвимостями, вырабатывая единые направления адаптации, финансирования и справедливого перехода.

3. Основные направления международно-правового сотрудничества стран БРИКС по вопросам утилизации отходов

Сотрудничество стран БРИКС в сфере утилизации отходов строится на принципах многостороннего взаимодействия, координации действий, обмена технологиями и нормативно-правового согласования, что позволяет решать общие экологические вызовы и достигать целей устойчивого развития.

Среди ключевых международно-правовых соглашений и инициатив, на которых базируется взаимодействие стран БРИКС в сфере утилизации отходов можно выделить:

- Глобальный договор о пластиковом загрязнении ООН (находящийся на стадии разработки);
- Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалении от 22 марта 1989 года;
- саммиты и декларации;
- сотрудничество в рамках рабочей группы по окружающей среде по вопросам обмена опыта в сфере циркулярной экономики и утилизации твердых коммунальных и промышленных отходов;
- платформа BEST в сфере производства экологически чистых товаров, направленная на обмен технологиями по обращению с отходами производства;
- Декларация министров окружающей среды стран БРИКС[14], закрепляющая комплексное управление отходами
- национальные программы в рамках каждого отдельного государства – члена БРИКС.

Важным направлением деятельности объединения БРИКС можно назвать утилизацию и вторичную переработку всех категорий отходов производства (включая пластик и его микрочастицы). Так, несмотря на значительный прогресс отдельных участников блока (Китай, Индия) многие государства продолжают испытывать трудности в данном направлении вследствие недостаточно развитой инфраструктурной базы. Например, Южная Африка, несмотря на успешное продвижение проектов по развитию альтернативных энергетических источников, сталкивается с серьезными трудностями в сфере обращения с отходами производства и потребления [Игнатов 2023:124-146]. Тем не менее практика международного сотрудничества ЮАР с иными государствами и обмен опытом в сфере инновационных разработок позволяет эффективно решать подобные проблемы. В частности, взаимодействие Бразилии и ЮАР в рамках Программы Южного Сотрудничества (South-South Cooperation) способствовало значительным улучшениям экологических показателей обоих государств[15]. Благодаря внедрению бразильской технологии компостирования органических остатков было достигнуто сокращение объема отходов, утилизируемых посредством захоронения на четверть, а опыт Южно-Африканской Республики по переработке пластиковых материалов обеспечил увеличение доли вторично используемых полимеров на треть.

Немаловажное значение имеет также индийский опыт, реализуемый совместно с Российской Федерацией в рамках амбициозной программы Swachh Bharat Abhiyan, предусматривающей значительные капиталовложения в инфраструктуру переработки мусора, введение расширенной ответственности производителей за сбор

[14] Ministers approve BRICS Environment declaration. URL: https://brics.br/en/news/ministers-approve-brics-environment-declaration (accessed date: 01.03.2026).

[15] Department of Economic and Social Affairs. URL: https://sdgs.un.org/un-system-sdg-implementation/united-nations-environmentprogramme-unep-49503 (accessed date: 01.03.2026).

и обезвреживание отходов разных категорий, формирование гигиенически грамотного поведения жителей и сокращение количества свалок бытовых отходов. За пять лет функционирования проекта уровень вторичной переработки увеличился примерно на одну пятую, значительно уменьшив нагрузку на действующие полигоны сбора мусора[16].

Китай, в свою очередь, демонстрирует наибольший успех в повышении эффективности системы обращения с отходами благодаря целенаправленным мероприятиям по модернизации инфраструктуры переработки и программам контроля качества поступающего сырья (National Sword, Blue Sky). Так, к концу 2025 года в Китае были введены в эксплуатацию свыше тысячи заводов по переработке мусора, способные ежедневно перерабатывать свыше 1 млн сырья ежедневно. Однако, стоит заметить, что у таких скоростей отмечаются и негативные стороны, выражающиеся в том, что к началу 2026 года на мусороперерабатывающих заводах КНР практически закончился мусор для сжигания. В результате крупные заводы вынуждены не только закупать мусор у зарубежных государств, но и идти на такие крайние меры, как: извлечение со свалок мусора, захороненного несколько десятилетий назад; расширение перечня отходов, ранее не допускаемых к переработке: сельскохозяйственный бытовой мусор, горючие промышленные отходы, твердые органические отходы[17].

Российская Федерация занимает 78-ю позицию среди стран мира по уровню переработки отходов, демонстрируя коэффициент утилизации равный 31,8 %. Из общего объема ежегодно генерируемых твердых коммунальных отходов объемом порядка 85 млн тонн, только 27 млн тонн подвергаются вторичной обработке и вовлечению в хозяйственный оборот. Однако существенным препятствием остается высокий уровень захоронения на полигонах, составляющий 65 % (около 55,2 млн тонн). Согласно международным прогнозам к 2030 году объем образования отходов в мире увеличится до примерно 2,9 млрд тонн, при этом доля глобального уровня переработки возрастет до 27 %. Для достижения целевого показателя в России на уровне 45 % утилизации отходов к указанному сроку потребуется обеспечить устойчивый прирост мощности мусороперерабатывающих предприятий минимум на 3 млн тонн ежегодно[18].

В октябре 2024 года в Республике Татарстан (г. Казань) состоялось знаковое событие – Саммит БРИКС, в рамках которого был рассмотрен целый пласт экологоориентированных вопросов, связанных с реализацией Целей тысячелетия в области устойчивого развития, а также предотвращением процесса деградации природных объектов, опустыниванием и обезлесением, борьбой с глобальным изменением климата. Исследовались вопросы относительно разработки и повышения эффективности природоохранных инициатив, рекультивации мусорных полигонов, внедрения программ утилизации пластика и микропластика, снижения концентрации выбросов в атмосферу ядовитых газов.

В ходе XI Совещания министров по вопросам экологии вышеуказанного Саммита (п. 8, 20 Заявления РГЭ-6, 2015 г., п. 108, 114, 115 Казанской декларации БРИКС, 2024 г.), была создана благоприятная почва для формирования межгосударственного сотрудничества по вопросам переработки отходов, которые во многих государства стоят особенно остро[19]. Так, глава администрации округа Лимпопо Южно-Африканской Республики Ланс Джоэль обозначил заседание Международного форума городов стран БРИКС+, проводимое в Казани, важным этапом взаимодействия, выразив намерение ознакомиться с татарстанским опытом эффективного обращения с отходами производства и потребления. Подчеркнем, что регионы РФ активно

[16] Россия и Индия договорились сотрудничать в сфере обращения с отходами. URL:https://www.interfax.ru/russia/982594 (дата обращения: 01.03.2026).

[17] Мусорный кризис разразился в Китае: в стране неожиданно закончились отходы для сжигания. URL: https://www.mentoday.ru/life/news/15-09-2025/musornyi-krizis-razrazilsya-v-kitae-v-strane-neojidanno-zakonchilis-othody-dlya-sjiganiya/?ysclid=mlzpsnv275709473505 (дата обращения: 01.03.2026).

[18] Статистика переработки мусора 2026: данные по России, ЕС, США, Японии и мировые тренды. URL: https://certification.vnesenie-v-reestr.ru/news/statistika-pererabotki-musora-2025-dannye-po-rossii-es-ssha-yaponii-i-mirovye-trendy?ysclid=mlzqhx0pjh90143292 (дата обращения: 01.03.2026).

[19] XVI Саммит БРИКС Казанская декларация Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности Казань, Российская Федерация 23 октября 2024 года. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

участвуют в развитии многоаспектной деятельности по внедрению инновационных природоохранных технологий во все сферы экономики, в целях реализации международных соглашений, таких как: Базельская конвенция о контроле за трансграничными перевозками опасных отходов и их удалением (Базель, 22 марта 1989 года)[20]; Стокгольмская Конвенция о стойких органических загрязнениях 2001 года (действующая, прежде всего, при эксплуатации мусоросжигательных заводов и прочих объектов термической обработки отходов и пожарах на свалках[21]; Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г.[22] и пр.

Республика Татарстан ведет активную деятельность по организации сбора мусора в целях вторичной переработки. В 2018 году в рамках реализации программы «Чистая страна» началось строительство новейших предприятий по переработке твердых бытовых отходов (далее – ТБО) и запланирован переход на систему раздельного сбора мусора. Сегодня различные виды отходов идут на изготовление предметов первой необходимости, благоустройства городской инфраструктуры (лавочки, скамейки, емкости для хранения мусора). Одновременно с этим власти Республики ведут активную деятельность по оборудованию дворов специализированными площадками для размещения мусорных контейнеров для раздельного сбора отходов [Сахаров 2024:106-128].

Отметим, что к 2026 году на территории нашей страны функционирует более двухсот предприятий по переработке отходов, обеспечивающих утилизацию более шестидесяти процентов всего объема поступающих ТБО, что способствует значительному улучшению состояния окружающей природной среды[23].

Применительно к совместным начинаниям стран БРИКС в области обращения с отходами, невозможно оставить без вниманию эколого-ориентированную Программу - Инициативу стран БРИКС по управлению твердыми бытовыми отходами (BRICS Solid Waste Management Initiative),которая, будучи запущенной в 2016 году, поставила перед собой цель направленную на разработку и имплементацию инновационных моделей обращения с твердыми коммунальными отходами (в соответствии с положениями Стокгольмской Конвенции о стойких органических загрязнениях 2001 году), снижению негативных последствий их аккумулирования и формированию устойчивых практик управления ресурсами [Baptista Martins 2019:153-173].

Данная инициатива охватывает ряд важнейших аспектов:

- разработка целостных концептуальных стратегий и нормативно-правового регулирования в сфере обращения с отходами посредством гармонизации законодательных основ и разработки регламентов эффективного управления. Например, правительство Южной Африки приняло национальный план сокращения объемов отходов на 15 % к 2025 году;
- повышение эффективности существующей инфраструктуры по сбору, обработке и утилизации отходов. Так, начиная с 2016 года, Россия ввела в эксплуатацию свыше 200 высокотехнологичных предприятий по переработке отходов, значительно сократив объемы складирования мусора на полигонах. Государственная программа Индии Swachh Bharat Abhiyan обеспечила рост доли переработанных отходов на 20 %, а Южно-Африканская Республика модернизировала систему раздельного сбора и переработки, улучшив экологическое положение региона и создав новые рабочие места;
- интеграция новаторских идей и технологичных решений в процессы переработки и ликвидации отходов. Опыт Бразилии по производству компоста из органических отходов позволил уменьшить долю захораниваемого мусора почти на четверть. Аналогичные успехи продемонстрировали китайская политика «Национальный меч» (National Sword) и кампания «Голубое небо» (Blue Sky), увеличив долю переработки отходов до 23 %. Благодаря усиленным мерам по внедрению раздельного сбора в России показатель переработки достиг отметки в 60 % к 2023 году [Мунтинян 2025:53-58].

[20] Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением. URL: https://rpn.gov.ru/upload/iblock/23c/as9obdqp053eoxo5mul0cgd9x3ik9t2x/Bazel_konvenzia.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

[21] Стокгольмская декларация о стойких органических загрязнителях (с изм. на 10 мая 2019 года) URL: https://docs.cntd.ru/document/901821036?ysclid=mpwfgfdp5a467985238 (дата обращения: 01.03.2026).

[22] Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния: принята 13 ноября 1979 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/transboundary.shtml (дата обращения: 01.03.2026).

[23] Федеральный проект «Чистая страна». – *Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации*. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/fp-chistaya-strana/ (дата обращения: 01.03.2026).

4. Основные направления международно-правового сотрудничества стран БРИКС по вопросам защиты и сохранения водных объектов

В конце 2016 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция № 71/222, согласно которой десятилетие 2018–2028 годов было объявлено Международным периодом активных мероприятий под названием «Вода для устойчивого развития». Большой вклад в развитие управления водными ресурсами вносят международные организации, действующие в рамках ключевых структур ООН, а именно: Экономический и социальный совет (далее – ЭКОСОС), Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ), Продовольственная и сельскохозяйственная организацию (далее – ФАО), Организация по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО), Детский фонд ООН (далее – ЮНИСЕФ) и Программа ООН по окружающей среде (далее – ЮНЕП). Экологическая безопасность и обеспечение охраны и защиты водных объектов (пресноводных рек, морей и океанов), включая рациональное водопользование, являют собой ключевое направление деятельности государств для реализации одной из ключевых целей устойчивого развития на период до 2030 года[24].

Защита водных объектов является ключевым направлением деятельности всех стран –членов БРИКС, так как позволяет обеспечить возможность долгосрочного сотрудничества между ними на столь демократичной основе. Человечество напрямую зависит от качества и количества пресной воды, которая обеспечивает базовые потребности человека. Снижение запасов пресной воды неминуемо ведет к высокому риску снижения социальной и экономической устойчивости государства, создавая угрозу для жизни и благополучия граждан, становясь инструментом воздействия на международные отношения, существенно увеличивая экономический разрыв между государствами, становясь оружием воздействия на государства [Рубан, Захарченко 2025:48-55].

Реализация целей тысячелетия до 2030 года и концепции устойчивого развития, закрепленная в Повестке дня ООН, играет, безусловно, важную роль в сотрудничестве стран-участниц БРИКС. Как верно подчеркнуто в Казанской декларации 2024 года (п. 13), проблема обеспечения охраны окружающей среды становится все более серьезной угрозой, препятствуя реализации ключевого конституционного права человека. Согласно пункту 89 Декларации, ограничение потенциальных рисков, обусловленных процессами геополитической и геоэкономической дезинтеграции, требует активного межгосударственного взаимодействия. Однако при осуществлении подобного сотрудничества важно учитывать разнообразие условий, возможностей и уровней экономического развития каждой страны, одновременно соблюдая уважение к национальным стратегиям, приоритетам и правовым нормам.

На сегодняшний день в ряде государств – участников БРИКС сложилась неоднозначная и сложно регулируемая проблема, связанная с нехваткой водных ресурсов, включая питьевых. Так, согласно статистике, на начало 2025 год приблизительно 3 млн представителей Южно-Африканской Республики и жителей Индии вынуждены испытывать на себе ужасающие последствия нехватки питьевой воды. Для преодоления сложившейся кризисной ситуации правительство Южной Африки разработало и внедрило комплексную программу сертификации водоочистки под названием Blue Drop Certification. Она направлена на повышение уровня санитарии и безопасности питьевых вод путем оценки соответствия очистительных сооружений установленным национальным стандартам качества. Благодаря данному проекту количество южноафриканцев, получивших свободный доступ к источникам водоснабжения, существенно увеличилось. Если рассматривать временной промежуток начиная с 2019 года по настоящее время, то увеличение составило не менее десяти процентов[25].

Подчеркнем, что удельный объем водных ресурсов заметно варьируется среди членов

[24] Integrated Monitoring Initiative for SDG 6. – *UNWATER*. URL: https://www.unwater.org/our-work/integrated-monitoring-initiative-sdg-6 (accessed date: 01.03.2026).

[25] Water Summit February'22 Green Drop & Blue Drop Certification Programs. Department Water and Sanitation. Republic of South Afrika. URL: https://www.dws.gov.za/Campaigns/NationalWaterSanitationSummit/documents/Green%20Drop%20and%20Blue%20Drop%20Summit%202022%20presentation%20(Commission%206).pdf (accessed date: 01.03.2026).

группы БРИКС ввиду неоднородности физико-географических условий, климатического режима и плотности населения [Rinaldi, Martuscelli 2016:47-56]. Если в Бразилии и России наблюдается высокая обеспеченность водой (благодаря наличию больших водоемов и акваторий), то Индия и Южно-Африканская Республика отличаются ограниченностью водных ресурсов из-за высокого уровня антропогенной нагрузки и аридных климатических характеристик территории.

В то же время, государства – участники объединения, обладающие обширными водными объектами, всегда стремились принимать целый комплекс природоохранных программ с целью сохранения не только внутренних водных объектов, но и морской среды в соответствии с соположениями, закрепленными в Конституции морей – Конвенции ООН по морскому праву 1982 года[26]. Обобщенно говоря, стратегия экологической защиты в странах БРИКС определялась совокупностью внутренних и внешних факторов, среди которых внутренняя политическая воля, экономические возможности и международная правовая среда, а также общемировые тенденции изменений окружающей среды играли значительную роль.

Российская Федерация, будучи одним из важнейших участников блока БРИКС, занимает активную позицию по вопросам формирования и осуществления общей экологической стратегии, направленной на снижение объемов выбросов в атмосферу парниковых газов, защиту водных ресурсов, эффективную утилизацию отходов (включая пластик) и сохранение природного разнообразия [Абдуллин, Валиуллина 2025:44-58]. Подписанное страной Парижское соглашение по климату от 12 декабря 2015 года, обязует Россию снизить объемы выбросов углекислого газа минимум на 30 % относительно показателей 1990 года к рубежу 2030. Реализуя данную цель, государство предпринимает радикальные меры трансформации промышленного сектора, направленные на ускоренный переход к низкоэмиссионным технологиям производства энергии. Это подтверждает предпринятая инициатива по оздоровлению водных объектов России – созданная по Указу Президента РФ В.В. Путина от 7 мая 2024 г. № 309 в рамках реализации национального проекта «Экологическое благополучие», направленная на улучшение условий проживания вблизи водных объектов для 23,2 млн человек к концу 2030 года.

Кроме того, в рамках национального проекта «Экология», запущенного в 2020 году, значительные финансовые средства (порядка 245 млрд р.) были направлены на реализацию мероприятий по восстановлению и поддержанию чистоты водных объектов, это прежде всего три федеральных проекта по улучшению водоемов, а именно «Оздоровление Волги», «Сохранение озера Байкал» и «Сохранение уникальных водных объектов», которые было принято объединять в единый водный федеральный проект. Начиная с 2025 года был запущен процесс по внедрению в сферу действия Проекта еще восьми крупных трансграничных рек, в пределах акваторий которых проживает свыше 85 % населения России. Данные инициативы позволили повысить показатели качества водной среды на 15 и 10 % соответственно, что имеет принципиальное значение для стабильного социально-экономического развития территорий с повышенной концентрацией населения. Кроме того, введение в эксплуатацию в рамках национального проекта «Экология» свыше 90 очистных сооружений на территории 15 волжских регионов, по берегам крупных и мелких рек привели к существенному снижению слива неочищенных сточных вод. Только в 2024 году на финансирование Федерального проекта «Сохранение уникальных водных объектов» в РФ было выделено 13,1 млрд р.

Важно подчеркнуть, что защита и оптимизация управления водными ресурсами является одним из ведущих направлений сотрудничества стран БРИКС. Наиболее заметным проектом в данном направлении выступает форум BRICS Water Forum[27], функционирующий с целью разработки и реализации коллективных усилий по сохранению водных богатств региона.

К числу значимых результатов деятельности форума относятся следующие направления.

1. Программа обмена знаниями и технологиями: начатая в 2014 году инициатива посвящена обмену информацией и методами оптимального управления водными ресурсами.

[26] Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

[27] BRICS Water Forum. – *BRICS Joint Statement*. URL: https://www.brics.com (accessed date: 01.03.2026).

Ключевым достижением стали практические проекты внедрения технологий капельного орошения в Индии и Бразилии, обеспечившие снижение потребления воды на 20 %, при одновременном увеличении продуктивности аграрных отраслей на 15 % [Жариков 2025:98].

2. Совместная система мониторинга водных ресурсов: введенная в эксплуатацию в 2015 году, данная программа предназначена для систематизации сведений о состоянии водных ресурсов и регулярного контроля над качеством воды. Сегодня сеть насчитывает свыше пятисот специализированных пунктов наблюдения, что позволяет осуществлять эффективный мониторинг водных ресурсов.

3. Проект «Чистые реки»: инициированный в 2016 году, этот проект нацелен на очистку крупнейших рек и водоемов стран БРИКС, устранение загрязнений и восстановление их первоначального экологического баланса [Бондаренко 2024:19-33]. В частности, проведенная работа по очистке китайской реки Янцзы снизила содержание загрязнителей на 30 % всего за пять лет. Российская Федерация, в целях реализации указанной программы поставила цель реализовать до 2030 пять экологических целей устойчивого развития, а именно: чистая вода и санитария, ответственное потребление и производство, борьба с изменением климата, сохранение морских экосистем, сохранение экосистем суши.

4. Согласно основополагающим международным документам, таким как Конвенция ООН по морскому праву 1982 года (ст. 192), государства несут морально-правовую ответственность за охрану и сохранение морских экосистем. Исполняя свои обязательства путем гармонизации национального законодательства с нормами указанной Конвенции и взаимодействия на международном уровне, участники стремятся предотвратить деградацию морской среды, наступившую вследствие антропогенного воздействия [Валеев 2012:639]. В рамках Проекта «Чистые реки БРИКС» обеспечивается крупномасштабная деятельность по предотвращению загрязнения Мирового океана пластиком, его микрочастицами и иным мусором. Безусловно, моря и океаны не включены напрямую в Проект, но в тоже время очевидно, что пресноводные артерии несут свои воды в Мировой океан, оказывая затяжное негативное влияние на его воды и ресурсы. В результате чего появляются такие негативные последствия, как: повышение температуры вод, крупномасштабная эвтрофикация (цветение и заболачивание) вод, гибель кораллов, исчезновение популяций и многое др.

5. Инициатива «Устойчивое водоснабжение»: стартовавшая в 2017 году, эта программа ставит своей целью обеспечить население труднодоступных районов стран БРИКС чистой питьевой водой посредством строительства новых водоочистных комплексов и совершенствования системы водоснабжения. Благодаря ее реализации, более десяти миллионов жителей Индии и Южной Африки впервые получили доступ к безопасным источникам питьевой воды. Только в Южной Африке число людей, имеющих постоянный доступ к высококачественным питьевым источникам, выросло более чем на 15 %[28].

6. Программа «Зеленые водоемы», инициированная в 2018 году, направлена на восстановление естественных экосистем водоемов и поддержку биоразнообразия водной фауны. Результаты демонстрируют значительное возрастание численности редких и находящихся под угрозой исчезновения рыбных популяций в бассейнах Китая, Бразилии и России на четверть[29]. Этот эффект достигнут благодаря строгому мониторингу степени загрязненности и формированию оптимальных условий для воспроизводства ценных пород рыб.

5. БРИКС и глобальная борьба за сохранение биоразнообразия

Первоначально сотрудничество государств в рамках БРИКС воспринималась исключительно сквозь призму экономических преобразований и финансового взаимодействия, однако со временем деятельность объединения существенно эволюционировала, охватывая приоритетные направления международного значения, одним из которых стало сохранение биологического многообразия планеты Земля и правовое

[28] Blue Drop Certification. – *Department of Water and Sanitation, South Africa*. URL: http://www.dws.gov.za (accessed date: 01.03.2026).

[29] Bondarenko N.E. Ekologicheskaia politika stran BRIKS v kontekste perekhoda k ustoichivomu razvitiiu. – *Progressivnaia ekonomika*. 2024. № 8. S. 19-33. DOI: 10.54861/27131211_2024_8_19.

регулирование указанного вопроса на всех уровнях взаимодействия государств [Бродский, Сафронова 2017:48-70].

Сегодня перед человечеством остро встает задача предотвращения утраты биоразнообразия, ставшая особенно актуальной ввиду масштабных антропогенных воздействий на окружающую среду. Согласно оценкам Программы ООН по окружающей среде (UNEP), порядка миллиона видов живых организмов оказались под серьезной угрозой полного исчезновения вследствие процессов деградации экосистем, обезлесивания территорий и климатических изменений[30]. Межгосударственное объединение БРИКС включает в себя не только существенные по объему территории, но и обладает богатыми природными ресурсами. Каждое государство – участник объединения являет собой территорию с уникальной экологической спецификой. Так, Россия – кладезь природных ресурсов, владеющая пятой частью всех лесов мира, включая бореальные (таежные) леса, преобладающие в Сибири и на Дальнем Востоке. Бразилия является хранительницей уникальной экосистемы - крупнейшего в мире тропического дождевого леса протяженностью 5 млн. км, аккумулирующей в себе многообразие видов растений и животных. Индия обладает богатейшими природными ресурсами (уголь, железная руда), отличается богатством климата и рельефа, изобилует редкими видами флоры и фауны. Китай занимает ведущие позиции в сфере производства альтернативных источников энергии, тогда как Южная Африка славится своим богатым биологическим разнообразием, привлекающим туристов-экологов со всего света.

Присоединение новых членов, включая Египет, обогатило этот природный колорит, добавив к нему уникальные пустынные ландшафты и ценные морские акватории. Обладая таким значительным природным наследием, государства БРИКС стали ключевыми участниками процесса разработки международной экологической стратегии. Саммит, прошедший в Йоханнесбурге (Южная Африка) в 2023 году, определил перспективные направления межгосударственного взаимодействия в области охраны природы, сосредоточившись на сохранении биологического разнообразия, переходе к чистым источникам энергии и рациональному использованию имеющихся ресурсов [Растопчина, Кашуба 2024:109-117]. В связи с этим, имплементация конвенционных положений в национальное законодательство государств - членов БРИКС, приятие скоординированных национальных природоохранных программ и разработка новых направлений сотрудничества (включая привлечение развивающихся стран) в этом направлении являются вполне обоснованными.

Экодипломатия стран БРИКС основывается на принципах равноправия и уважения национального суверенитета. Так, представители государств-членов активно продвигают идеи справедливых механизмов финансирования мероприятий по адаптации к последствиям климатической нестабильности, настаивая на предоставлении развивающимся странам финансовой помощи, доступного информационного и технологического оснащения, позволяющего интегрировать инновационные решения зеленой экономики без замедления экономического прогресса. Одновременно Российская Федерация инициирует формирование международно-признанных природоохранных коридоров, пересекающих евразийский континент, с целью эффективного сохранения популяций мигрирующих животных.

Проект «Биоразнообразие БРИКС», принятый государствами объединения в 2017 году, демонстрирует общее стремление стран-участниц обеспечить сохранность природных ресурсов, осуществляя совместные мероприятия, направленные на защиту уязвимых видов флоры и фауны, проведение восстановительных работ на деградировавших территориях и реализацию исследовательских программ. Ключевыми задачами проекта являются:

- разработка и внедрение эффективных экологических стратегий путем совершенствования законодательной базы и формирования политики, способствующей защите природного наследия. Примером успешной деятельности в данном направлении служит бразильский закон, принятый для защиты амазонских лесов, благодаря чему уровень вырубки снизил-

[30] World is 'on notice' as major UN report shows one million species face extinction. – *UN News*. URL: https://www.un.org (accessed date: 01.03.2026).
Global perspective Human stories. 6 May 2019. URL: https://news.un.org/en/story/2019/05/1037941?ysclid=mm0hjp9sv4251667741 (accessed date: 01.03.2026).

ся на 15 % в период с 2017 по 2022 годы. Индия разработала национальные стратегии по охране редких представителей растительного и животного мира [Бондаренко 2024:19-33];

– использование инновационных технологических решений для наблюдения и контроля за состоянием экосистем. В качестве примера можно привести: использование спутниковых систем слежения в Китае, позволившее существенно (на 20 %) снизить объемы нелегальной вырубки лесов, а использование беспилотников российскими специалистами-экологами благоприятно отразилось на отслеживании численности популяций редких животных[31];

– развитие сети охраняемых территорий, расширение заповедных зон и национальных парков. В России с момента запуска проекта общая площадь особо охраняемых природных территорий выросла на 20 %; аналогичные меры реализованы в Бразилии, где зоны охраняемого региона Амазонии увеличились на 10 %[32].

Расширение роли БРИКС способно привести к трансформации общепринятых подходов к регулированию вопросов экологии на международном уровне. Эксперты прогнозируют вероятность принятия группой единого документа, подобного Парижскому соглашению по вопросам климата, касающегося проблем биоразнообразия, нацеленного на стимулирование усилий государств-участников по предотвращению массовой вырубки лесов, борьбе с незаконным оборотом диких животных и развитию аграрного сектора, основанного на принципах рациональности и устойчивости [Gladun, Ahsan 2016:8-42].

Особое значение приобретает деятельность Нового банка развития БРИКС (далее – НБР), изначально учрежденного для поддержки инфраструктурного строительства в развивающихся экономиках, но ныне все активнее инвестирующего средства в реализацию проектов зеленой энергетики, интеллектуального земледелия и мер по охране окружающей среды. Планируется направить около 40 % инвестиционного портфеля банка на поддержку инициатив в указанных областях. Присоединение Египта и Объединенных Арабских Эмиратов к обсуждению перспектив НБР отражает повышение внимания к проблемам водоснабжения и поддержания водного баланса в регионах с дефицитом влаги, обостряющимся под влиянием происходящих климатических перемен.

На конференции ООН по вопросам биоразнообразия (COP16) государства – члены БРИКС выразили общую позицию относительно необходимости учреждения глобального фонда, призванного обеспечить сохранность природного разнообразия, принимая во внимание традиционные практики местного населения и обеспечивая права коренных народов на участие в процессе сохранения уникальных экосистем[33]. Особое значение приобретает деятельность НБР, изначально учрежденного для поддержки инфраструктурного строительства в развивающихся экономиках, но ныне все активнее инвестирующего средства в реализацию проектов зеленой энергетики, интеллектуального земледелия и мер по охране окружающей среды [Зинич 2025:1077-1090]. Планируется направить около 40 % инвестиционного портфеля банка на поддержку инициатив в указанных областях. Помимо этого, страны БРИКС приступили к осуществлению транснациональных образовательных программ, совмещающих научную работу с культурно-просветительной деятельностью [Vaishali 2024:128-143]. Подобного рода мероприятия, которые проводятся в рамках БРИКС повсеместно во многих государствах Объединения БРИКС способствуют развитию всеохватывающего международно-правового сотрудничества, включая экологоориентированное; распространению опыта в различных сферах экономики, включая сельское хозяйство; охрану компонентов окружающей среды; утилизацию мусора с применением традиционных и современных инновационных природоохранных подходов.

Подходя к задаче обновления концепции международно-правового партнерства в области охраны природы, БРИКС представляет новую парадигму сотрудничества, базирующуюся на принципе всеобщего участия, солидарной ответственности и разумного продвижения вперед. Каждое высаженное дерево в лесах

[31] United Nations Environment Programme. – *United Nations.* URL: https://sdgs.un.org/un-system-sdg-implementation/united-nations-environment programme-unep-49503 (accessed date: 01.03.2026).

[32] Bondarenko N.E. Op. cit. S. 19-33.

[33] Конференция ООН по биоразнообразию. 21 Oct 2024 to 01 Nov 2024. Кали, Колумбия. URL: https://www.un.org (accessed date: 01.03.2026).

Амазонии, каждая установленная солнечная батарея в индийских поселениях и каждый вновь организованный морской заповедник в территориальных водах Египта наглядно демонстрируют, что экономический подъем вполне возможно сочетать с заботливым отношением к природе нашей планеты.

6. Заключение

Выступая на заседании саммита БРИКС в Рио-де-Жанейро, Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш выразил глубокую обеспокоенность множеством угроз, стоящих перед планетой. Обратив внимание на экологические проблемы, ухудшение состояния здоровья населения и подготовку к предстоящей конференции ООН по вопросам изменения климата (КС-30), он озвучил тревожные предупреждения о серьезных последствиях, угрожающих устойчивости нашей цивилизации, подчеркнув, что природные экосистемы подвергаются беспрецедентному воздействию: земля и вода загрязнены, уровень загрязнений достиг критических значений, а темпы уничтожения биологического разнообразия достигли небывалого масштаба. Все эти факторы усугубляются стремительно усиливающимся климатическим кризисом. Эти явления уже ощутимы повсеместно: население страдает от разрушений инфраструктуры, утраты мест проживания и исчезновения природных ресурсов, что ставит под угрозу достижение целей устойчивого развития человечества.

В связи с этим, обращаясь к странам - членам БРИКС, А. Гутерриш просил продемонстрировать решительность и лидерство в деле противодействия изменениям климата. Эта инициатива должна строиться на принципах справедливости и сотрудничества, обеспечивая стабильность, благополучие и устойчивость будущих поколений[34].

Понимая значимость многостороннего сотрудничества в решении вопросов глобального масштаба, государства БРИКС за минувшее десятилетие добились значительных успехов в развитии альтернативной энергетики и модернизации экологических структур. Вместе с тем сохраняющаяся тенденция увеличения общего объема выброса углекислого газа свидетельствует о первостепенном значении согласованных действий международного сообщества и принятия действенных мер для успешного исполнения обязательств, предусмотренных Парижским соглашением.

Основой экологической стратегии стран БРИКС является улучшение процессов обращения с отходами и внедрение разумных способов водопотребления. В этих целях ежегодно проводятся экологоориентированные проекты и мероприятия, указанные выше. Тем не менее, несмотря на внедрение внушительного количества инновационных природоохранных проектов, многие экологические проблемы ввиду недостаточности информированности, ресурсов, финансирования все еще остаются нерешенными и требуют комплексного, всеобъемлющего подхода, включающего устранение проблем в законодательстве, активного внедрения инноваций, повышения уровня инвестирования в природоохранную сферу.

Отметим, что Российская Федерация, являясь государством - участником БРИКС, уже длительное время занимает активную позицию в вопросах обеспечения экологической безопасности, как важнейшей части национальной безопасности страны и мира. Реализуемые национальные проекты, такие как «Чистый воздух», «Чистая вода» и «Чистая страна», направленные на снижение выбросов парниковых газов; охрану пресноводных водоемов, морей и океанов, озонового слоя, флоры и фауны; создание надежных, экологически чистых технологий очистки мусора (включая пластиковый), базируются на применении передовых технологий и детального мониторинга, использовании новых очистных устройств, способствующих восстановлению нарушенных экосистем, направленных на внедрение экологоориентированных программ во все сферы экономики; и, безусловно, на расширение нормативно-правовой базы и имплементацию конвенционных положений в уже имеющиеся нормы национального законодательства.

Объединение усилий стран БРИКС и совместная координация экологических проблем, позволяет создавать условия для разработки и внедрения устойчивых, долгосрочных, финансово обеспеченных, технически грамотных решений, направленных на предотвращение деградации

[34] Глава ООН на саммите БРИКС: «Наша окружающая среда подвергается нападениям по всем фронтам». URL: https://news.un.org/ru/story/2025/07/1465952?ysclid=mm0x0stfj4184871408 (дата обращения: 01.03.2026).

всех компонентов окружающей среды. Наличие положительной динамики обусловлено укреплением межгосударственного сотрудничества, внедрением новейших технологий, повышением уровня экологического сознания населения, доступом к информации, рациональным природопользованием, что позволяет своевременно справляться с экологическими вызовами

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что будущее объединения БРИКС, включая долгосрочную экологоориентированную стратегию, определяется глубиной заинтересованности в активном международно-правовом сотрудничестве по вопросам внедрения передовых инновационных технологий, заимствования опыта, рационального использования имеющихся финансовых средств на создание эффективной системы обеспечения национальной и глобальной экологической безопасности. Только совместные усилия государств-членов будут способствовать внесению весомого вклада в преодоление глобальных экологических угроз и достижению целей устойчивого развития.

Список литературы

1. Абашидзе А.Х. 2024. БРИКС: международно-правовое измерение. – *Обозреватель = Observer.* №4 (405). С. 115-122.
2. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. 2012. БРИКС – международная квазиорганизация? – *II Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве: Материалы научного семинара.* Москва, 9 октября 2012 г. Отв. ред. и сост. К.М. Беликова Москва: Сенат Пресс. С. 9-15.
3. Абдуллин А.И., Валиуллина К.Б. 2025. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации: происхождение, развитие, современное состояние. – *Московский журнал международного права.* № 3. С. 44-58.
4. Ануфриева Л. П. 2019. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества. – *Актуальные проблемы российского права.* № 12 (109). С. 123-131.
5. Бекяшев К.А, Бекяшев Д.К. 2020. Правовая природа международных интеграционных объединений. – *Вестник Томского государственного университета.* № 455. С. 199-207.
6. Бондаренко Н.Е. 2024. Экологическая политика стран БРИКС в контексте перехода к устойчивому развитию. – *Прогрессивная экономика.* № 8. С. 19-33. DOI: 10.54861/27131211_2024_8_19.
7. Бродский А.К., Сафронова Д.В. 2017. Глобальный экологический кризис: взгляд на проблему через призму биоразнообразия. – *Биосфера*. № 1. С. 48-70.
8. Валеев Р.М. 2012. Международное экологическое право. Москва: Статут. 639 с. ISBN 978-5-8354-0859-7.
9. Гаевская Е.Ю. 2024. Современные экологические инициативы стран БРИКС: правовые аспекты. – *Журнал Бизнес, менеджмент и право.* № 4. С 45-49.
10. Жариков М.В. 2025. Приоритеты сотрудничества в рамках платформы БРИКС+. – *Теория и практика общественного развития.* № 2. С. 96-101.
11. Зинич А.В. 2025. Экологические портфели стран БРИКС: вызовы и перспективы сотрудничества. – *Экономические отношения*. Т. 15. № 4. С. 1077-1090. DOI: 10.18334/eo.15.4.123820.
12. Игнатов А.А. 2023. Проблемы и перспективы реализации политики справедливого энергетического перехода в ЮАР. – *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика.* Т. 18. № 4. С. 124-146.
13. Ковалев Ю.Ю., Поршнева О.С. 2021. Страны БРИКС в международной климатической политике. – *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения.* № 1. С. 64-78.
14. Кукушкина А.В. 2020. Международно-правовые аспекты экологической безопасности на современном этапе. – *Вестник Томского государственного университета.* № 450. С. 218-225.
15. Мунтинян Л.И. 2025. Развитие международного сотрудничества стран БРИКС в области экологической безопасности. – *Ежегодник. Материалы VII международной научно-практической конференции.* В 4-х частях. Москва. С. 53-58.
16. Пономаренко С.В. 2024. БРИКС как инструмент международного сотрудничества в условиях глобальных кризисных ситуаций. – *Актуальные проблемы государства и права.* № 4. С. 552-558.
17. Растопчина Ю.Л., Кашуба А.А. 2024. Партнерские интересы и проблемы сотрудничества стран БРИКС. – *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы.* № 4. С. 109-117. DOI: 10.47576/2949-1894.2024.4.4.013.
18. Рубан Л.С., Захарченко Н.С. 2025. Укрепление природоохранного сотрудничества стран БРИКС в сфере обеспечения экологической безопасности природных водных объектов. – *Вестник УМЦ.* № 2. С. 48-55.
19. Саранкина Ю.А. 2017. Глобальные экологические проблемы современности: характеристика и основные направления преодоления. – *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.* Юридические науки. Т. 3. № 3. С. 193-199.
20. Сахаров А.Г. 2024. Прогресс стран БРИКС в достижении климатических и экологических целей Повестки 2030. – *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика.* № 1. С. 106-128.
21. Солнцев А.М. 2023. Экологическое и климатическое законодательство: сравнительный анализ России и зарубежных стран. – *Страховое право.* № 4. С. 39-53. URL: https://rscf.ru/project/23-28-01280 (дата обращения: 21.05.2026).
22. Хабриева Т.Я. 2019. Конституционное развитие в контексте современных вызовов и глобальных общественных трансформаций. – *Государственная служба.* № 1. С. 17-25.
23. Шинкарецкая Г.Г. 2015. О правовом статусе БРИКС. – *Современное право.* № 10. С. 140-145.

24. Baptista Martins M.A. 2019. The BRICS Commitment on Climate Change: Process Towards an Effective Approach in the Path of Sustainable Development. – *Climate Change and Global Development*. P. 153-173. DOI:10.1007/978-3-030-02662-2_9. URL: https://www.researchgate.net/publication/332952636_The_BRICS_Commitment_on_Climate_Change_Process_Towards_an_Effective_Approach_in_the_Path_of_Sustainable_Development (accessed date: 30.03.2026).
25. Gladun E., Ahsan D. 2016. BRICS countries' political and legal participation in the global Climate change agenda. – *BRICS Law Journal*. № 3. P. 8-42.
26. Komarova, I., Bondarenko N., Baibikova K. 2023. Carbon landfills as a new step towards achieving carbon neutrality of Russian regions in the context of ESG transformation. – *Journal of Law and Sustainable Development*. Vol. 11. № 1. URL: https://ojs.journalsdg.org/jlss/article/view/275 (accessed date: 20.03.2026).
27. Komarova I.P., Bondarenko N.E., Gubarev R.V., Ermolaev S.A. 2022. Carbon unit market: international experience and approaches to forming the Russian model. – *International Journal of Ecosystems and Ecology Science*. Vol. 12. № 3. P. 409-420.
28. Li W., Wang J. 2023. Green development in BRICS: unraveling the effects of environmental technology, R&D spending, and green investment in the context of COP21. – *Environmental Science and Pollution Research*. № 57. P. 120000-120009.
29. Mohanty S., Sethi N. 2021. The energy consumption-environmental quality nexus in BRICS countries: the role of outward foreign direct investment. – *Environmental Science and Pollution Research*. № 29. P. 19714-19730.
30. Rinaldi A.L., Martuscelli P. 2016. The BRICS on climate change global governance. – *Journal of Global Studies*. P. 47-56. DOI:10.20889/M47e17020. URL: https://www.researchgate.net/publication/312544133_The_BRICS_on_climate_change_global_governance (accessed date: 20.03.2026).
31. Vaishali J. BRICS And Climate Change Security Concerns. – *The Journal of International Issues*. Vol. 28. No. 1 (SPRING 2024 (JANUARY – MARCH)). P. 128-143. URL: https://www.jstor.org/stable/48774724 (accessed date: 05.03.2026).

References

1. Abashidze A.H. BRIKS: mezhdunarodno-pravovoe izmerenie [BRICS: international legal dimension]. – *Obozrevatel' = Observer*. 2024. № 4 (405). S. 115-122. (In Russ.)
2. Abashidze A.H., Solncev A.M. BRIKS – mezhdunarodnaya kvaziorganizaciya? – *II Aktualizaciya processa vzaimodejstviya stran BRIKS v ehkonomike, politike, prave: Materialy nauchnogo seminara [II Actualization of the Process of Interaction between BRICS Countries in Economics, Politics, and Law: Materials of the Scientific Seminar]*. Moscow, 9 oktyabrya 2012. Otv. red. i sost. Belikova K.M. Moscow: Senat Press. 2012. S. 9-15.
3. Abdullin A.I., Valiullina K.B. Ehkologicheskaya bezopasnost' v sisteme nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: proishozhdenie, razvitie, sovremennoe sostoyanie [Environmental safety in the national security system of the Russian Federation: origin, development, current state]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2025. № 3. C. 44-58. (In Russ.)
4. Anufrieva L.P. BRIKS: o pravovoj prirode i principah sotrudnichestva BRICS [On the Legal Nature and Principles of Cooperation]. – *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Current Issues in Russian Law]*. 2019. № 12 (109). S. 123-131. (In Russ.)
5. Baptista Martins M.A. 2019. The BRICS Commitment on Climate Change: Process Towards an Effective Approach in the Path of Sustainable Development. – *Climate Change and Global Development*. P. 153-173. DOI:10.1007/978-3-030-02662-2_9. URL: https://www.researchgate.net/publication/332952636_The_BRICS_Commitment_on_Climate_Change_Process_Towards_an_Effective_Approach_in_the_Path_of_Sustainable_Development (accessed date: 30.03.2026).
6. Bekyashev K.A, Bekyashev D.K. Pravovaya priroda mezhdunarodnyh integracionnyh obedinenij [Legal nature of international integration associations]. – *Vestn. Tom. gos. un-ta [Tomsk State University Journal]*. 2020. № 455. S. 199-207. (In Russ.)
7. Bondarenko N.E. Ehkologicheskaya politika stran BRIKS v kontekste perehoda k ustojchivomu razvitiyu [Environmental policy of the BRICS countries in the context of the transition to sustainable development]. – *Progressivnaya ehkonomika [Progressive Economy]*. 2024. № 8. S. 19-33. DOI: 10.54861/27131211_2024_8_19. (In Russ.)
8. Brodskij A. K., Safronova D. V. Global'nyj ehkologicheskij krizis: vzglyad na problemu cherez prizmu bioraznoobraziya [The Global Environmental Crisis: A Biodiversity Perspective]. – *Biosfera [Biosphere]*. 2017. № 1. C. 48-70. (In Russ.)
9. Gaevskaya E.Yu. Sovremennye ehkologicheskie iniciativy stran BRIKS: pravovye aspekty [Current environmental initiatives of the BRICS countries: legal aspects]. – *Zhurnal Biznes, menedzhment i pravo [Business, Management and Law Journal]*. 2024. № 4. C 45-49. (In Russ.)
10. Gladun E., Ahsan D. 2016. BRICS countries' political and legal participation in the global Climate change agenda. – *BRICS Law Journal*. № 3. P. 8-42.
11. Habrieva T.Ya. Konstitucionnoe razvitie v kontekste sovremennyh vyzovov i global'nyh obshchestvennyh transformacij vConstitutional development in the context of contemporary challenges and global societal transformations]. – *Gosudarstvennaya sluzhba [Civil Service]*. 2019. №1 S. 17-25. (In Russ.)
12. Ignatov A.A. Problemy i perspektivy realizacii politiki spravedlivogo ehnergeticheskogo perehoda v YUAR [Challenges and Prospects of Implementing a Just Energy Transition Policy in South Africa]. – Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika [Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy]. 2023. T. 18. № 4. S. 124-146. (In Russ.)
13. Komarova I.P., Bondarenko N.E., Gubarev R.V., Ermolaev S.A. 2022. Carbon unit market: international experience and approaches to forming the Russian model. – *International Journal of Ecosystems and Ecology Science*. Vol. 12. № 3. P. 409-420.
14. Komarova, I., Bondarenko N., Baibikova K. 2023. Carbon landfills as a new step towards achieving carbon neutrality of Russian regions in the context of ESG transformation. – *Journal of Law and Sustainable Development*.

Vol. 11. № 1. URL: https://ojs.journalsdg.org/jlss/article/view/275 (accessed date: 20.03.2026).
15. Kovalev YU.YU., Porshneva O.S. 2021. Strany BRIKS v mezhdunarodnoj klimaticheskoj politike [BRICS Countries in International Climate Policy]. – *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [RUDN University Bulletin. Series: International Relations]*. № 1. S. 64-78.
16. Kukushkina A.V. Mezhdunarodno-pravovye aspekty ehkologicheskoj bezopasnosti na sovremennom ehtape [International legal aspects of environmental safety at the present stage]. – *Vestn. Tom. gos. un-ta [Tomsk State University Journal]*. 2020. № 450. S. 218-225. (In Russ.)
17. Li W., Wang J. 2023. Green development in BRICS: unraveling the effects of environmental technology, R&D spending, and green investment in the context of COP21. – *Environmental Science and Pollution Research*. № 57. P. 120000-120009.
18. Mohanty S., Sethi N. 2021. The energy consumption-environmental quality nexus in BRICS countries: the role of outward foreign direct investment. – *Environmental Science and Pollution Research*. № 29. P. 19714-19730.
19. Muntinyan L.I. Razvitie mezhdunarodnogo sotrudnichestva stran BRIKS v oblasti ehkologicheskoj bezopasnosti [Development of International Cooperation between BRICS Countries in the Field of Environmental Safety]. – Ezhegodnik. Materialy VII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Yearbook. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference]. V 4-h chastyah. Moscow. 2025. S. 53-58. (In Russ.)
20. Ponomarenko S. V. BRIKS kak instrument mezhdunarodnogo sotrudnichestva v usloviyah global'nyh krizisnyh situacij [BRICS as a Tool for International Cooperation in Global Crisis Situations]. – *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava [Actual Problems of State and Law]*. 2024. №4. S. 552-558. (In Russ.)
21. Rastopchina Yu.L., Kashuba A.A. Partnerskie interesy i problemy sotrudnichestva stran BRIKS [Partnership Interests and Challenges of BRICS Countries' Cooperation]. – Innovacionnaya ehkonomika: informaciya, analitika, prognozy [Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts]. 2024. № 4. S. 109–117. https://doi.org/10.47576/2949-1894.2024.4.4.013. (In Russ.)
22. Rinaldi A.L., Martuscelli P. 2016. The BRICS on climate change global governance. – *Journal of Global Studies*. P. 47-56. DOI:10.20889/M47e17020. URL: https://www.researchgate.net/publication/312544133_The_BRICS_on_climate_change_global_governance (accessed date: 20.03.2026).
23. Ruban L.S., Zaharchenko N.S. Ukreplenie prirodoohrannogo sotrudnichestva stran BRIKS v sfere obespecheniya ehkologicheskoj bezopasnosti prirodnyh vodnyh ob'ektov [Strengthening the Environmental Cooperation of the BRICS Countries in Ensuring the Environmental Safety of Natural Water Objects]. – *Vestnik UMC [Bulletin UMC]*. 2025. № 2. C. 48-55. (In Russ.)
24. Saharov A.G. Progress stran BRIKS v dostizhenii klimaticheskih i ehkologicheskih celej Povestki 2030 [Progress of BRICS Countries in Achieving the Climate and Environmental Goals of Agenda 2030]. – *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ehkonomika [Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy]*. 2024. №1. S. 106-128. (In Russ.)
25. Sarankina Yu.A. Global'nye ehkologicheskie problemy sovremennosti: harakteristika i osnovnye napravleniya preodoleniya [Global environmental problems of our time: characteristics and key areas for overcoming them]. – *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences]*. 2017. T. 3. № 3. S. 193-199. (In Russ.)
26. Shinkareckaya G.G. O pravovom statuse BRIKS [On the Legal Status of BRICS]. – Sovremennoe pravo [Modern Law]. 2015. № 10. S. 140-145. (In Russ.)
27. Solncev A.M. Ehkologicheskoe i klimaticheskoe zakonodatel'stvo: sravnitel'nyj analiz Rossii i zarubezhnyh stran [Environmental and climate legislation: a comparative analysis of Russia and foreign countries]. – *Strahovoe parvo [Insurance law]*. 2023. № 4. S. 39-53. URL: https://rscf.ru/project/23-28-01280/ (data obrashcheniya: 01.03.2026).
28. Vaishali J. BRICS And Climate Change Security Concerns. – *The Journal of International Issues*. Vol. 28. No. 1 (SPRING 2024 (JANUARY – MARCH)). P. 128-143. URL: https://www.jstor.org/stable/48774724 (accessed date: 05.03.2026).
29. Valeev R.M. Mezhdunarodnoe ehkologicheskoe pravo. Moscow: Statut. 2012. 639 s. ISBN 978-5-8354-0859-7.
30. Zharikov M.V. Prioritety sotrudnichestva v ramkah platformy BRIKS+ [Priorities for Cooperation within the BRICS+ Platform]. – *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]*. 2025. № 2. S. 96-101. (In Russ.)
31. Zinich A.V. Ehkologicheskie portfeli stran BRIKS: vyzovy i perspektivy sotrudnichestva [Environmental portfolios of BRICS countries: challenges and prospects for cooperation]. – *Ehkonomicheskie otnosheniya [Economic Relations]*. 2025. T. 15. № 4. S. 1077-1090. DOI 10.18334/eo.15.4.123820. (In Russ.)

Информация об авторе

Ксения Борисовна ВАЛИУЛЛИНА
Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Кремлевская ул., 18, Казань, 420008, Российская Федерация

Valiullina.Ksenia@mail.ru
ORCID 0000-0003-1892-3148

About the Author

Ksenia B. VALIULLINA
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University

Kremlyovskaya St., 18, Kazan, Russian Federation, 420008

Valiullina.Ksenia@mail.ru
ORCID 0000-0003-1892-3148

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-177-189

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 05.11.2025
Принята к публикации: 07.04.2026

Дарья Владимировна ПОНОМАРЕВА
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., 9, Москва, 125993, Российская Федерация
dvponomareva@msal.ru
ORCID 0000-0003-0787-0554

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА НЕДИСКРИМИНАЦИИ В СФЕРЕ БИОТЕХНОЛОГИЙ В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

ВВЕДЕНИЕ. *Настоящая статья посвящена актуальной проблеме дискриминации в сфере биотехнологий, которая вызывает глобальную обеспокоенность и стимулирует принятие специализированных законодательных актов на национальном уровне (в частности, в США, Республике Корея, Канаде, Великобритании, Австралии). Анализируются различные проявления генетической дискриминации, включая отказ в трудоустройстве или изменении условий страхования на основании генетической предрасположенности к заболеваниям, а также этические и правовые вопросы, связанные со вспомогательными репродуктивными технологиями, прерыванием беременности по генетическим показаниям. Особое внимание уделяется формированию принципа недискриминации не только в национальном законодательстве, но и в международном праве, включая право международных интеграционных объединений. В данном контексте исследуется роль Организации Американских Государств (далее – ОАГ) – региональной международной организации, для которой проблематика дискриминации является одним из насущных вопросов. В статье проводится анализ ключевых документов ОАГ, затрагивающих реализацию принципа недискриминации в сфере биотехнологий, а также раскрывается роль практики Межамериканской комиссии по правам человека и Межамериканского суда по правам человека в регулировании исследуемой области.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В качестве методологической основы исследования выступили традиционные общенаучные и специальные методы познания правовых явлений: сравнительно-правовой метод; метод научного анализа; формально-юридический метод; метод синтеза социально-правовых явлений.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Правовые основы противодействия дискриминации в рамках ОАГ складываются как в рамках международных договоров общего характера (в частности, Американской конвенции о правах человека 1969 года), так и в рамках специализированных международных договоров, посвященных реализации принципа недискриминации в отношении определенных категорий лиц и в связи с определенными основаниями (пол, состояние здоровья, раса и т.д.). Релевантная практика Межамериканской комиссии по правам человека и Межамериканского суда по правам человека демонстрирует общую тенденцию к унификации на глобальном и наднациональном уровнях положений, посвященных проблематике защиты прав человека в сфере применения новейших технологий (в том числе в области здравоохранения).*

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. *Особое место в системе международных договоров ОАГ в рассматриваемой сфере занимает Межамериканская конвенция о борьбе со всеми формами дискриминации и нетерпимости (далее – Антидискриминационная конвенция), которая содержит соответствующий понятийный аппарат, значимый для толкования принципа недискриминации, включая дифференциацию дискриминационных практик на конкретные виды (прямая и косвенная дискриминация, множественная дискриминация и т.д.). Антидискриминационная конвенция практически полностью соответствует духу и букве ключевых международных документов в области противодействия дискриминации, включая международные договоры ЮНЕСКО в области биоэтики и генетических технологий[1]. Тем не менее терминологический аппарат не всегда демонстрирует стопроцентное совпадение. Так, Антидискриминационная конвенция в качестве разновидности дискриминации упоминает «нетерпимость» (англ. intolerance), в то время как документы ЮНЕСКО оперирует термином «стигматизация» (англ. stigmatization). При этом по своему значению данные термины можно считать близкими.*

Практика Межамериканской комиссии по правам человека, а равно Межамериканского суда по правам человека не может похвастаться большим числом дел, где затрагивается проблема реализации принципа недискриминации в сфере биотехнологий (включая генетические технологии). По сути, речь идет всего лишь о двух делах, которые являются яркой иллюстрацией привлечения к ответственности государства за нарушение запрета дискриминации по множественным основаниям, включая и генетическую дискриминацию. При формулировке выводов были заимствованы подходы, разработанные при рассмотрении похожих дел Европейским судом по правам человека.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *генетическая дискриминация, косвенная дискриминация, множественная дискриминация, биотехнологии, защита прав человека, судебная практика, международный договор, Межамериканская комиссия по правам человека, Межамериканский суд по правам человека, международное право, национальное право, генетическое тестирование, региональная международная организация, трудоустройство, страхование, вспомогательные репродуктивные технологии*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пономарева Д.В. 2026. Реализация принципа недискриминации в сфере биотехнологий в рамках Организации американских государств. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 177–189. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-177-189

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-177-189

Research article
UDC: 341
Received 5 Novembre 2025
Approved 7 April 2026

Daria V. PONOMAREVA
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation, 125993
dvponomareva@msal.ru
ORCID 0000-0003-0787-0554

[1] Прим.: в частности, речь идет о таких документах как Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека 1997 г., Международная декларация ЮНЕСКО о генетических данных человека 2003 г., Всеобщая декларация ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека 2005 г. URL: https://www.unesco.org/ru/conventionslist (дата обращения: 30.01.2026).

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF NON-DISCRIMINATION IN THE FIELD OF BIOTECHNOLOGY WITHIN THE FRAMEWORK OF THE ORGANIZATION OF AMERICAN STATES

INTRODUCTION. *This article examines the pressing issue of discrimination in biotechnology, which is a global concern and has prompted the adoption of specialized legislation at the national level (particularly in the United States, the Republic of Korea, Canada, the United Kingdom, and Australia). It analyzes various manifestations of genetic discrimination, including denial of employment or changes to insurance coverage based on genetic predisposition to disease, as well as ethical and legal issues related to assisted reproductive technologies and termination of pregnancy for genetic reasons. Particular attention is paid to the development of the principle of non-discrimination not only in national legislation but also in international law, including the law of international integration associations. In this context, the role of the Organization of American States (OAS)—a regional international organization for which discrimination is a pressing issue—is examined. The article analyzes key OAS documents affecting the implementation of the principle of non-discrimination in biotechnology and explores the role of the practice of the Inter-American Commission on Human Rights and the Inter-American Court of Human Rights in regulating this area.*

MATERIALS AND METHODS. *The methodological basis of the study was traditional general scientific and specialized methods for understanding legal phenomena: the comparative legal method; the method of scientific analysis; the formal legal method; and the method of synthesizing socio-legal phenomena.*

RESEARECH RESULTS. *The legal foundations for combating discrimination within the OAS are formed both within the framework of general international treaties (in particular, the American Convention on Human Rights of 1969) and within the framework of specialized international treaties devoted to the implementation of the principle of non-discrimination against certain categories of persons and on certain grounds (gender, health status, race, etc.). The relevant practice of the Inter-American Commission on Human Rights and the Inter-American Court of Human Rights demonstrates a general trend toward the unification of provisions at the global and supranational levels devoted to the protection of human rights in the application of new technologies (including in the field of healthcare).*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The Inter-American Convention against All Forms of Discrimination and Intolerance (hereinafter referred to as the Anti-Discrimination Convention) occupies a special place in the OAS system of international treaties in this area. It contains relevant conceptual frameworks relevant for interpreting the principle of non-discrimination, including the differentiation of discriminatory practices into specific types (direct and indirect discrimination, multiple discrimination, etc.). The Anti-Discrimination Convention is almost entirely consistent with the spirit and letter of key international anti-discrimination instruments, including UNESCO international treaties in the fields of bioethics and genetic technology. However, the terminology does not always demonstrate 100% agreement. For example, the Anti-Discrimination Convention mentions "intolerance" as a form of discrimination, while UNESCO documents use the term "stigmatization." However, these terms can be considered closely related in meaning. The practice of the Inter-American Commission on Human Rights, as well as the Inter-American Court of Human Rights, does not boast a large number of cases addressing the issue of implementing the principle of non-discrimination in the field of biotechnology (including genetic technologies). In fact, only two cases are at issue, which vividly illustrate the holding of states liable for violating the prohibition of discrimination on multiple grounds, including genetic discrimination. In formulating their conclusions, approaches developed in the consideration of similar cases by the European Court of Human Rights were adopted.*

KEYWORDS: *genetic discrimination, indirect discrimination, multiple discrimination, biotechnology, human rights protection, judicial practice, international treaty, Inter-American Commission on Human Rights, Inter-American Court of Human Rights, international law, national law, genetic testing, regional international organization, employment, insurance, assisted reproductive technologies*

FOR CITATION: Ponomareva D.V. Implementation of the Principle of Non-Discrimination in the Field of Biotechnology within the Framework of the Organization of American States. – M*oscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 177–189. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-177-189

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Дискриминация в сфере биотехнологий[2] вызывает всеобщую обеспокоенность в значительном количестве государств мира [Лапаева 2022:95]. Отказ работодателя заключить трудовой договор с соискателем по причине наличия у последнего предрасположенности к тому или иному генетическому заболеванию, подтвержденной результатами тестирования [Harden 2023:198], или же уменьшение страховой премии организацией – страховщиком в связи с аналогичной ситуацией привели к принятию органами законодательной власти ряда государств законодательных актов, противодействующих генетической дискриминации [Erwin 2008:870]. Случаи генетической дискриминации включают ситуации, связанные с применением вспомогательных репродуктивных технологий [Rahnasto 2023:5], а также прерыванием беременности, когда результаты генетического тестирования демонстрируют потенциальную возможность возникновения у плода генетического заболевания [Gammon, Neklason 2015:670]. Одними из пионеров в указанной сфере стали Соединенные Штаты Америки, которые в 2008 году приняли Акт о противодействии дискриминации на основании генетической информации (англ. Genetic Information Non-Discrimination Act, GINA)[3], который содержит запрет генетической дискриминации в сфере медицинского страхования и трудоустройства [Hudson, Holohan, Collins 2008:2661][4]. Похожие нормативные акты были приняты в таких государствах как Республика Корея[5], Канада[6], Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии[7], Австралия[8] и т.д. [Ponomareva 2021:131]. Вместе с тем принцип недискриминации в сфере биотехнологий сложился не только на уровне национального законодательства, истоки его мы находим в между-

[2] Прим.: применительно к данному исследованию автор придерживается широкого понимания термина «биотехнология» как использования живых организмов, систем или процессов (см.: Sreenivasulu N.S. Biotechnology and Patent Law: Patenting Living Beings. Noida: Manupatra. 2008. p 249; Koltuniewicz A.B. Sustainable Process Engineering: Prospects and Opportunities. de Gruyter. 2014). До 1971 года термин «биотехнология» использовался, главным образом, в пищевой промышленности и сельском хозяйстве. С 1970 года ученые используют термин в применении к лабораторным методам, таким, как использование рекомбинантной ДНК и культур клеток, выращиваемых in vitro. Именно поэтому термин «биотехнология» применим и к явлению генетической дискриминации.

[3] An Act to prohibit discrimination on the basis of genetic information with respect to health insurance and employment. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-110publ233/pdf/PLAW-110publ233.pdf (дата обращения: 20.01.2025).

[4] Прим.: при этом сфера здравоохранения, уязвимая к проблематике дискриминации по признаку генетического статуса, оказалась вне рамок регулирования данного нормативного акта.

[5] South Korea. Bioethics and Safety Act of 2005. No. 15888. 2018. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=52559&type=part&key=36#:~:text=The%20purpose%20of%20this%20Act,human%20materials%2C%20etc.%20or%20of (дата обращения: 20.01.2025).

[6] An Act to prohibit and prevent genetic discrimination. URL: https://www.parl.ca/DocumentViewer/en/42-1/bill/S-201/royal-assent (дата обращения: 20.01.2025).

[7] Equality Act 2010. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/contents (дата обращения: 20.01.2025).

[8] Disability Discrimination Act of 1992. URL: https://www.legislation.gov.au/C2004A04426/2018-04-12/text (дата обращения: 20.01.2025).

народном праве [Gazina, Teymurov, Zakharova 2022:40][9], включая право международных интеграционных объединений [Косилкин 2023:36]. Особый интерес в данном контексте представляет Организация американских государств (ОАГ, англ. Organization of American states) – региональная международная организация, созданная в 1948 году[10] и способствующая сотрудничеству и защите суверенитета и территориальной целостности своих стран-участниц. Проблематика дискриминации является одним из насущных вопросов, стоящих перед данной международной организацией [Caballero Pérez, Guzmán Rincón 2021:50]. В настоящей статье проанализированы ключевые документы, затрагивающие реализацию принципа недискриминации в сфере биотехнологий, а также роль практики Межамериканского суда по правам человека в исследуемой области.

2. Основная часть

2.1. Общая характеристика межамериканской системы защиты прав человека в рамках ОАГ

Организация американских государств – региональная организация, объединяющая 35 независимых государств американского континента. Согласно ст. 1 Устава ОАГ, организация стремится к достижению порядка, мира и справедливости в регионе и защите суверенитета, территориальной целостности и независимости[11].

Организация американских государств учредила Межамериканскую комиссию по правам человека в 1959 году, полномочия которой вытекают из положений Устава данной организации[12]. Штаб-квартира Комиссии находится в Вашингтоне (США) и состоит из семи независимых членов, выступающих в своем личном качестве. Деятельность Комиссии направлена на поощрение и гарантирование защиты прав человека в американских штатах с использованием комплексного механизма, состоящего из трех компонентов: рассмотрение индивидуальных жалоб; мониторинг ситуации с правами человека в государствах-членах; и сосредоточение усилий на приоритетных тематических областях [Chen, McDonough 2022:600].

Комиссия рассматривает жалобы, содержащие информацию о фактах нарушения Американской конвенции о правах человека[13], которая применяется лишь к тем государствам, которые ее ратифицировали[14]. Государства – члены ОАГ, не ратифицировавшие Американскую конвенцию, опираются на положения соответствующих деклараций. Кроме того, заявитель может ссылаться на нарушение прав, закрепленное в другом действующем договоре, если государство ратифицировало этот документ. При установлении Комиссией факта нарушения прав человека, гарантированными международными договорами, на государство возлагается международно-правовая ответственность. Это влечет за собой публикацию доклада Комиссии с рекомендациями государству-нарушителю.

Комиссия обладает полномочиями по передаче дел на рассмотрение в Межамериканский суд по правам человека. Кроме того, Комиссия задействует и другие механизмы в сфере защиты прав человека, в частности, подготовку отчетов о посещениях государств-членов в целях наблюдения за ситуацией с правами человека, а также принятие мер предосторожности (обеспечение быстрого реагирования Комиссии в серьезных и не требующих отлагательства ситуациях, когда существует риск причинения непоправимого вреда лицам или группам лиц в государства – членах ОАГ).

---

[9] Прим.: так, принцип недискриминации по признаку генетического статуса находит свое отражение в ключевых документах ЮНЕСКО в рассматриваемой области: Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека 1997 года, Международной декларации о генетических данных человека 2003 года, Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека 2005 года.

[10] Прим.: предшественницей ОАГ является Международный союз американских республик, который был преобразован в 1890 г. в Панамериканский союз, а затем в 1948 г. – в Генеральный секретариат Организации американских государств.

[11] Charter of the Organization of American States 1948. URL: https://www.oas.org/dil/1948%20charter%20of%20the%20organization%20of%20american%20states.pdf (дата обращения 22.01.2025).

[12] Ibidem.

[13] American Convention on Human Rights 1969. URL: https://www.oas.org/dil/treaties_b-32_american_convention_on_human_rights.pdf (дата обращения 22.01.2025).

[14] Charter of the Organization of American States 1948. URL: https://www.oas.org/dil/1948%20charter%20of%20the%20organization%20of%20american%20states.pdf (дата обращения 22.01.2025).

Роль Межамериканского суда по правам человека, в том числе в контексте защиты от дискриминации, невозможно недооценить. Он учрежден в 1979 году как независимый судебный орган ОАГ, создание наднационального судебного органа на американском континенте предусматривалось ст. 33b Американской конвенции. Штаб-квартира данного Суда находится в Коста-Рике, в состав Суда входят 7 судей из государств-членов ОАГ, избираемых в личном качестве. Работа Суда сосредоточена на толковании и применении Американской конвенции[15] [Garat 2024:327]. Физические лица не обладают таким прямым правомочием и могут подавать жалобы в Комиссию для прохождения соответствующей процедуры их рассмотрения[16].

2.2. Правовые основы защиты от дискриминации в рамках ОАГ

Понятие защиты от дискриминации (недискриминации), возведенное до уровня принципа, находит свое отражение в ряде международных договоров ОАГ. При этом в системе международных договоров ОАГ, которые относятся к проблематике недискриминации, выделяются договоры общего характера (Американская конвенция о правах человека[17] и Межамериканская конвенция о борьбе со всеми формами дискриминации и нетерпимости (Антидискриминационная конвенция)[18], а также ряд специализированных международных договоров, затрагивающих конкретные группы лиц, в отношении которых реализуются дискриминационные практики[19].

Дискриминация в соответствии с Антидискриминационной конвенцией – «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение в любой области общественной или частной жизни, целью или следствием которых является аннулирование или ограничение равного признания, использования или осуществления одного или нескольких прав человека и основных свобод, закрепленных в международных документах, применимых к государствам-участникам» (п. 1 ст. 1 Конвенции)[20]. Примечательно, что данный международный договор устанавливает открытый список критериев, по которым не допускается дискриминация. Эти критерии включают, в том числе: гражданство, возраст, пол, гендерную идентичность и ее проявления, инвалидность, состояние психического или физического здоровья и т.д.[21]. В качестве возможного основания дискриминации указаны генетические характеристики, что обусловлено участившимися случаями ущемления прав в области социального страхования, трудоустройства и образования, зафиксированными в ряде государств – членов ОАГ[22].

Вместе с тем Антидискриминационная конвенция содержит указания не только на возможные основания дискриминации[23], но и на различные виды дискриминационных практик. Статья 1 Конвенции устанавливает правовую дефиницию косвенной дискриминации. Суть косвенной дискриминации заключается в потенциально дискриминационном эффекте формально нейтральных положений, критериев или практик, которые

---

[15] American Convention on Human Rights 1969. URL: https://www.oas.org/dil/treaties_b-32_american_convention_on_human_rights.pdf (дата обращения: 22.01.2025).

[16] Прим.: подробнее о межамериканской системе защиты прав человека см.: Конь Г.И. *Организационная структура и порядок функционирования Межамериканского суда по правам человека.* Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. Место защиты: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Москва. 2011. 249 с.; Шеремет Н.А. *Международная защита прав женщин в государствах-членах Организации американских государств.* Дис. … канд. юрид. наук: 5.1.5. Место защиты: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Москва. 2024. 234 с.

[17] Там же.

[18] Inter-American Convention against All Forms of Discrimination and Intolerance 2013. URL: https://www.equalrightstrust.org/sites/default/files/ertdocs//INTER-AMERICAN%20CONVENTION%20AGAINST%20ALL%20FORMS%20OF%20DISCRIMINATION%20AND%20INTOLERANCE.pdf (дата обращения: 22.01.2025).

[19] См.: Пономарева Д.В., Сорокина Е.М. *Проблемы генетической дискриминации и геномные исследования: законодательство и практика: монография.* Под ред. Д.В. Пономаревой. М.: Русайнс. 2022. 105 с.

[20] Inter-American Convention against All Forms of Discrimination and Intolerance 2013. URL: https://www.equalrightstrust.org/sites/default/files/ertdocs//INTER-AMERICAN%20CONVENTION%20AGAINST%20ALL%20FORMS%20OF%20DISCRIMINATION%20AND%20INTOLERANCE.pdf (дата обращения: 22.01.2025).

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] См.: Пономарева Д.В., Сорокина Е.М. Проблемы генетической дискриминации и геномные исследования: законодательство и практика. Монография. Под ред. Д.В. Пономаревой. М.: Русайнс. 2022. 105 с.

способны создавать особые условия для отдельных социальных групп. Однако из этого правила предусмотрено исключение: если данные меры преследуют разумную законную цель и их применение соразмерно в контексте международных правозащитных стандартов, они не могут быть квалифицированы как дискриминационные. Иллюстрацией такого вида дискриминации как раз-таки и могут служить случаи дискриминации по признаку генетического статуса, когда предписываемое соискателю прохождение генетического тестирования само по себе может рассматриваться как проявление особой заботы о здоровье будущего работника, в то время правоприменительная практика демонстрирует обратное – предиктивные результаты такого тестирования становятся основанием для принятия решения о приеме соискателя на работу [Joly, Dalpé, Pinkesz 2019:95]. Несоответствующие ожиданиям работодателя результаты могут привести к отказу рассмотрения данной кандидатуры соискателя [Пономарева, Сорокина 2022:10].

Зачастую дискриминационные практики охватывают не одно, а несколько оснований дискриминации [Ponomareva, Kubyshkin 2022:00071], и тогда речь идет о множественной или усугубленной дискриминация (англ. multiple or aggravated discrimination), что по смыслу п. 3 ст. 1 Антидискриминационной конвенции означает любое действие или норма, основанные на совокупности двух или более критериев, закрепленных в международных документах по правам человека, если их целью или прямым результатом является упразднение либо ограничение равного доступа к признанию, реализации или пользованию одним или несколькими правами человека и основными свободами в публичной или частной сфере[24]. Сфера биотехнологий, в частности генетических технологий, демонстрирует уязвимость определенных общественных групп к дискриминационным практикам. Этнические сообщества, будучи частыми участниками соответствующих исследований, нередко испытывают на себе их негативные социальные и этические последствия. [Smith 2016:75]. В данном контексте примечательным является пример из судебной практики США – одного из государств – членов ОАГ, представленный делом *Havasupai Tribe v. Arizona Bd. Regents*[25]. В 2004 году представители племени хавасупай подали в суд на исследователей из Аризонского университета и Попечительского совета штата Аризона, обвинив их в использовании предоставленных племенем образцов ДНК для исследований, не одобренных донорами в рамках полученного информированного согласия. В апреле 2010 года спор был разрешен: племени была присуждена денежная компенсация[26] за неавторизованное вторичное использование генетических данных в научных целях, а все сохраненные образцы возвращены. Указанный прецедент способствовал привлечению внимания к этическим и правовым проблемам в генетических исследованиях с участием коренных малочисленных народов и стимулировал рассмотрение этой проблематики в американском обществе с учетом позиции самих этих сообществ. [Сорокина, Пономарева 2020:42]. Вместе с тем данный случай подчеркнул, что генетическая дискриминация может соседствовать и с дискриминацией по признаку национальной или этнической принадлежности, а также социального статуса и уровня образования [Joly, Dalpe 2022:1321].

Наряду с понятием «дискриминация» рассматриваемый международный договор содержит термин «нетерпимость» (англ. intolerance). В контексте Конвенции, нетерпимость трактуется как отдельные акты, комплекс действий или устные высказывания, свидетельствующие о проявлении неуважения, неприятия или уничижения по отношению к достоинству, индивидуальным особенностям, мировоззрению или взглядам людей, обусловленным их несходством или оппозиционностью. Ее проявлениями служат маргинализация и отстранение групп населения, находящихся в уязвимом положении, от участия в любой сфере публичной или частной жизнедеятельности, либо применение насилия по отношению к ним. По сути, понятие «нетерпимость» сродни используемому в документах ЮНЕСКО понятию «стигматизация», которое вполне может рассматриваться как частный случай проявления дискриминационных практик [Montgomery, Barsevick, Egleston 2013:538].

[24] Inter-American Convention against All Forms of Discrimination and Intolerance 2013. URL: https://www.equalrightstrust.org/sites/default/files/ertdocs//INTER-AMERICAN%20CONVENTION%20AGAINST%20ALL%20FORMS%20OF%20DISCRIMINATION%20AND%20INTOLERANCE.pdf (дата обращения: 22.01.2025).

[25] Havasupai Tribe v. Arizona Bd. Regents, 220 Ariz. 214, 217-18 (Ariz. Ct. App. 2009).

[26] Там же.

Антидискриминационная конвенция сформулировала содержание принципа недискриминации, который, с учетом универсального характера рассматриваемого международного договора, применим и к случаям дискриминации в сфере биотехнологий[27]. Учитывая тесную взаимосвязь категорий «недискриминация» и «равенство», в текст Конвенции вводится ст. 3, определяющая, что каждый человек имеет право на равное признание, пользование, осуществление и защиту как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях прав человека, закрепленных в их внутреннем законодательстве и в международных документах, применимых к государствам-участникам[28].

В рамках Антидискриминационной конвенции на договаривающиеся стороны возлагается функция предотвращения, пресечения, запрета и обеспечения юридической ответственности за любые проявления дискриминации и нетерпимости. Данные действия должны быть реализованы согласно национальному законодательству и предписаниям указанной Конвенции. Детализируя перечень потенциально дискриминационной практики, Конвенция распространяет запрет на исследования или применение их результатов в области генома человека, прежде всего в области биологии, генетики и медицины. Этот запрет распространяется на исследования, направленные на селекцию или клонирование особей, если такие действия подрывают принципы уважения прав человека, основных свобод и достоинства и приводят к любой форме дискриминации по генетическим признакам. Здесь Антидискриминационная конвенция следует положениям ключевых документов ЮНЕСКО (Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) – Всеобщей декларации ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека 1997 года (ст. 9), Международной декларации о генетических данных человека 2003 года (ст. 7), Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека 2005 года (ст. 11). Кроме того, указанная норма Антидискриминационной конвенции обеспечивает ее содержательное сближение с основным региональным актом в области прав человека в медицине – Конвенцией о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенцией о правах человека и биомедицине 1997 года (Конвенция Овьедо).

Конвенция предусматривает ряд обязательств для государств-участников, направленных на обеспечение эффективной реализации принципа недискриминации: принятие необходимых мер для гарантирования осуществления прав и основных свобод лиц или групп, подвергающихся дискриминации или нетолерантному отношению (ст. 5); формирование и внедрение политики, призванной обеспечить равное обращение и создание равных возможностей для всех субъектов, включая образовательную, социальную политику, а также меры в области занятости (ст. 6); принятие законодательных актов, содержащих запрет проявления дискриминации и нетерпимости, распространяющихся на все органы государственной власти, а также на физических и юридических лиц в публичном и частном секторах, с особым акцентом на сферу трудовых отношений (ст. 7); обеспечить, чтобы принятие мер любого рода, включая меры по вопросам безопасности, не приводило к прямой или косвенной дискриминации в отношении лиц или групп (ст. 8); обеспечить жертвам дискриминации и нетерпимости справедливое и недискриминационное обращение, равный доступ к системе правосудия, быстрое и эффективное разбирательство и справедливую компенсацию при рассмотрении и разрешении гражданских и уголовных дел (ст. 10); проводить исследования характера, причин и проявлений дискриминации или нетерпимости в своих странах на местном, региональном и национальном уровнях, и собирать, обобщать и распространять данные о положении групп или лиц, являющихся жертвами дискриминации и нетерпимости (ст. 12)[29] и др. Перечень обязательств, закрепленных за государствами, свидетельствует о том, что основные меры по реализации принципа недискриминации должны приниматься именно на национальном уровне, на национальном уровне должны быть созданы эффективные механизмы защиты

[27] Inter-American Convention against All Forms of Discrimination and Intolerance 2013. URL: https://www.equalrightstrust.org/sites/default/files/ertdocs//INTER-AMERICAN%20CONVENTION%20AGAINST%20ALL%20FORMS%20OF%20DISCRIMINATION%20AND%20INTOLERANCE.pdf (дата обращения: 22.01.2025).

[28] Там же.

[29] Inter-American Convention against All Forms of Discrimination and Intolerance 2013. URL: https://www.equalrightstrust.org/sites/default/files/ertdocs//INTER-AMERICAN%20CONVENTION%20AGAINST%20ALL%20FORMS%20OF%20DISCRIMINATION%20AND%20INTOLERANCE.pdf (дата обращения: 22.01.2025).

граждан государств – участников Антидискриминационной конвенции от любых проявлений дискриминации и нетерпимости, вне зависимости от сфер общественной жизни. Это означает, что и сфера биотехнологий должна быть охвачена «антидискриминационным инструментарием» государств – членов ОАГ. Вместе с тем, помимо внутригосударственных механизмов, Антидискриминационная конвенция предусматривает и международный (региональный) механизм реализации ее положений, основные элементы которого были рассмотрены нами ранее (см. разд. 2.1. настоящей статьи).

2.3. Защита от дискриминации в сфере биотехнологий: практика Межамериканской комиссии по правам человека, Межамериканского суда по правам человека и иных органов

В отношении сферы биотехнологий органы ОАГ, в частности, Межамериканская комиссия по правам человека, а равно Межамериканский суд по правам человека не могут похвастаться обширной правоприменительной практикой, посвященной проблематике противодействия дискриминации исключительно на основании генетических характеристик (черт). Вместе с тем, именно данные органы имеют значимый потенциал для формирования подходов к квалификации генетической дискриминации в рамках действующих механизмов защиты прав человека. Исходя из немногочисленной практики, рассмотренной ниже, можно сделать вывод, что Комиссия и Суд используют расширительное толкование ст. 1(1) Американской конвенции о правах человека 1969 года, которая содержит запрет дискриминации не только по таким традиционным основаниям как раса, пол или возраст, но и по такому основанию как «любое иное социальное условие» (any other social condition)[30]. Представленный подход позволяет рассматривать уязвимое положение, обусловленное генетическими характеристиками как обстоятельство, требующее особой правовой защиты.

Одним из решений, являющихся иллюстрацией развития практики в упомянутой сфере, может рассматриваться дело *Artavia Murillo y otros v. Costa Rica*[31], касающееся международной ответственности Коста-Рики за последствия, возникшие для группы людей в результате введения запрета на проведение экстракорпорального оплодотворения. В 2010 году Комиссия в докладе (№ 85/10) рассмотрела данную проблему, вызванную принятием соответствующего решения Конституционным судом Коста-Рики[32]. Комиссией было установлено, что бесплодие, которое достаточно часто имеет генетическую природу и признается Всемирной организацией здравоохранения в качестве медицинского состояния (состояния здоровья), не может служить основанием для каких-либо ограничений прав. Комиссия квалифицировала запрет на экстракорпоральное оплодотворение, в данном случае, как нарушение прав, гарантированных ст. 11(2) (право на частную жизнь), 17 (право на семью), 24 (право на равную защиту) Американской конвенции о правах человека 1969 года, а также как дискриминационную практику, поскольку запрет затрагивал бесплодные пары и одиноких женщин, которые лишаются доступа к репродуктивным технологиям. В 2012 году Суд вынес решение по данному делу, поддержав позицию Комиссии и обязав государство Коста-Рика отменить запрет на экстракорпоральное оплодотворение. Суд отметил, что дискриминация возникает в тех случаях, когда генетические факторы бесплодия игнорируются в пользу «защиты эмбрионов», что нарушает закрепленные и гарантированные на уровне ОАГ права на личную и семейную жизнь, а также принцип недискриминации. В данном решении Суд продемонстрировал расширительный подход к толкованию запрета дискриминации, отраженного в Американской конвенции о правах человека 1969 года, применив его к обстоятельствам, связанным с генетически обусловленными репродуктивными ограничениями, и подчеркнул обязанность государства обеспечивать равный доступ к достижениям научно-технического прогресса.

Несмотря на критическую позицию ряда исследователей [Ramos-kuri 2020:530], данное дело находится в русле разрешения подобных казусов в рамках мировой судебной практики.

[30] American Convention on Human Rights 1969. URL: https://www.oas.org/dil/treaties_b-32_american_convention_on_human_rights.pdf (дата обращения: 22.01.2025).

[31] Artavia Murillo y otros v. Costa Rica. URL: https://web.archive.org/web/20170619222038/http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_257_esp.pdf (дата обращения: 24.01.2025).

[32] Report № 85/10. Case 12.361. Costa Rica. July 14, 2010. URL: https://worldcourts.com/iacmhr/eng/decisions/2010.07.14_Murillo_v_Costa_Rica.pdf (дата обращения: 24.01.2025).

В данном контексте видится неслучайной ссылка Межамериканского суда по правам человека на акты Совета Европы (в частности, Конвенцию о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 года) и практику Европейского суда по правам человека (в частности, дело *Evans v. UK*[33], дело *Costa and Pavan v. Italy*[34], дело *S.H. and others v. Austria*[35]). В указанном случае практика Европейского суда по правам человека послужила методологической основой и ориентиром для формирования выводов Межамериканского суда по правам человека. Это обусловлено тем, что последний впервые рассматривал дело аналогичной правовой природы.

Еще одним релевантным делом в практике Комиссии является дело *Gonzales Lluy et al. v. Ecuador*[36]. В 2013 году Комиссия представила доклад, в рамках которого был зафиксирован случай заражения трехлетнего ребенка вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) вследствие переливания крови из неконтролируемого банка доноров. Комиссией были установлены нарушения ст. 4 (право на жизнь), 5 (свобода от пыток, право на гуманное обращение), 19 (права ребенка) и 25 (право на судебную защиту) Американской конвенции о правах человека 1969 года. Через два года, в 2015 году, Суд вынес решение, в соответствии с которым Эквадор был признан ответственным за систематические недостатки в обеспечении контроля за безопасностью крови и ее компонентов.

Несмотря на то что в рамках данного дела основное внимание было уделено вопросам ответственности государства за создание ненадлежащей системы оказания медицинских услуг, Комиссия и Суд также указали на уязвимость несовершеннолетних с наследуемыми, генетически обусловленными заболеваниями. ВИЧ, рассматриваемый в контексте вертикальной (генетической) передачи, был проанализирован в рамках специальной защиты, предусмотренной ст. 19 Американской конвенции о правах человека 1969 года Комиссией была применена концепция «множественной уязвимости» (multiple vulnerability), в соответствии с которой ребенок с генетически обусловленным заболеванием рассматривается как находящийся под угрозой дискриминации по различным основаниям (состояние здоровья, возраст, генетические характеристики, которые по смыслу Американской конвенции о правах человека 1969 года охватываются основанием «состояние здоровья»), что требует от государства усиленного контроля за медицинскими рисками и недопущением стигматизации.

Необходимо отметить, что важную роль в формировании подходов к защите прав человека в рамках ОАГ играет Межамериканский юридический комитет, который является одним из главных органов ОАГ, обладающий консультативными полномочиями по правовым вопросам и ответственный за содействие прогрессивному развитию и кодификации международного права, изучению возможности гармонизации законодательства государств ‑членов ОАГ. Комитет публикует ежегодные доклады о состоянии развития нормативного правового регулирования по различным вопросам развития межамериканской интеграции. Относительно проблематики реализации принципа недискриминации в сфере биотехнологий (включая вопросы генетической дискриминации) важно подчеркнуть, что Комитет не публиковал отдельных мнений или позиций по данному вопросу. Данная тема в ежегодных докладах затрагивается лишь косвенно через анализ Американской конвенции по правам человека или Антидискриминационной конвенции, в рамках которого подчеркивается защита генетической информации как части принципа недискриминации на основании генетических характеристик. В докладах 2013–2016 годов[37] Комитет отмечает необходимость гармонизации национального законодательства в отношении запрета на использование генетических данных без согласия, ссылаясь на ст. 5 Американской конвенции о правах человека 1969 года о конфиденциальности личных данных, включая генетические. Комитет отмечает, что запрет на использование генетических данных

[33] Evans v. UK. URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-80046%22]} (дата обращения: 24.01.2025).
[34] Costa and Pavan v. Italy. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22002-6452%22]} (дата обращения: 24.01.2025).
[35] S.H. and others v. Austria. URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-107325%22]} (дата обращения: 24.01.2025).
[36] Gonzales Lluy et al. v. Ecuador. URL: https://corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_298_ing.docx (дата обращения: 24.01.2025).
[37] OAS.org : [сайт]. URL: https://www.oas.org/es/sla/cji/informes_anuales.asp (дата обращения: 29.03.2026).

без согласия необходим для предотвращения дискриминации, в том числе по основанию генетических характеристик. Сходная ситуация сложилась и в отношении Межамериканского комитета по предотвращению и искоренению расизма, расовой дискриминации и всех форм дискриминации и нетерпимости, учрежденного на основании Антидискриминационной конвенции и рассматривающего индивидуальные сообщения и жалобы на нарушения отдельных положений указанного документа. До настоящего времени в данном Комитете также рассматривались жалобы или сообщения, непосредственно посвященные проблеме дискриминации на основании генетических характеристик, а в периодических отчетных документах проблематика противодействия генетической дискриминации раскрывается лишь в общих чертах. Несмотря на то, что в настоящее время данные организационные структуры в своих официальных документах лишь отчасти затрагивают вопросы защиты от дискриминации на основании генетических характеристик, они обладают потенциалом для гармонизации практик государств-членов ОАГ в обозначенной сфере.

3. Заключение

По результатам исследования приходим к следующим выводам.

1. Правовые основы противодействия дискриминации в рамках ОАГ складываются как в рамках международных договоров общего характера, так и в рамках специализированных международных договоров, посвященных реализации принципа недискриминации в отношении определенных категорий лиц и в связи с определенными основаниями (пол, состояние здоровья, раса и т.д.). «Особняком» в системе данных международных договоров стоит Антидискриминационная конвенция, которая содержит соответствующий понятийный аппарат, значимый для толкования принципа недискриминации, включая дифференциацию дискриминационных практик на конкретные виды (прямая и косвенная дискриминация, множественная дискриминация и т.д.);

2. Антидискриминационная конвенция практически полностью соответствует духу и букве ключевых международных документов в области противодействия дискриминации, включая международные договоры ЮНЕСКО в области биоэтики и генетических технологий. Тем не менее, терминологический аппарат не всегда демонстрирует стопроцентное совпадение. Так, Антидискриминационная конвенция в качестве разновидности дискриминации упоминает «нетерпимость» (англ. intolerance), в то время как документы ЮНЕСКО оперирует термином «стигматизация» (англ. stigmatization). При этом по своему значению данные термины можно считать близкими.

3. Антидискриминационная конвенция в качестве возможного основания дискриминации выделяет «генетические черты» (англ. genetic traits), при этом расшифровывая значение запрета дискриминации по указанному основанию. Документ подчеркивает, что дискриминационные практики редко касаются только одного основания, и в данном контексте дискриминация в сфере биотехнологий (дискриминация по признаку генетического статуса) не исключение, поскольку практически всегда связана и с другими основаниями. В таком случае речь идет о множественной или усугубленной дискриминации (как правило, генетическая дискриминация сопряжена с дискриминацией/стигматизаций по признаку пола, имущественному положению, состоянию здоровья).

4. В отношении сферы биотехнологий органы ОАГ, в частности, Межамериканская комиссия по правам человека, а равно Межамериканский суд по правам человека не могут похвастаться обширной правоприменительной практикой, посвященной проблематике противодействия дискриминации исключительно на основании генетических характеристик (черт). Вместе с тем, именно данные органы имеют значимый потенциал для формирования подходов к квалификации генетической дискриминации в рамках действующих механизмов защиты прав человека. Исходя из немногочисленной практики данных органов, можно сделать вывод, что Комиссия и Суд используют расширительное толкование ст. 1 (1) Американской конвенции о правах человека 1969 года, которая содержит запрет дискриминации не только по таким традиционным основаниям как раса, пол или возраст, но и по такому основанию как «любое иное социальное условие» (any other social condition). Представленный подход позволяет рассматривать уязвимое положение, обусловленное генетическими характеристиками как обстоятельство, требующее особой правовой защиты.

Список литературы

1. Косилкин С.В. 2023. Принципы международно-правового регулирования генетических исследований и законодательство Российской Федерации. – *Lex Genetica*. № 2 (2). С. 34-52.
2. Лапаева В.В. 2022. Правовое регулирование в сфере исследований генома человека: история становления, современное состояние и перспективы развития. – *Правосудие*. № 4. С. 93-108.
3. Пономарева Д.В., Сорокина Е.М. 2022. *Проблемы генетической дискриминации и геномные исследования: законодательство и практика*. Монография. Под ред. Д.В. Пономаревой. Москва: Русайнс. 105 с.
4. Сорокина Е.М., Пономарева Д.В. 2020. Права коренных малочисленных народов и геномные исследования в США: дело «Хавасупай». – *Международный правовой курьер*. № 1. С. 40-44.
5. Caballero Pérez A., Guzmán Rincón A.M. 2021. The Inter-American System for the Protection of Human Rights and Persons with Disabilities: challenges and perspectives beyond the nondiscrimination rule. – *Jurídicas*. Vol. 18 (2). P. 43-60.
6. Chen Y., McDonough D. 2022. Upholding Disability Rights in the Americas: the Role of the Inter-American Institutions. – *Georgia Journal of International and Comparative Law*. Vol. 50 (3). P. 599-638.
7. Erwin C. 2008. Legal update: living with the Genetic Information Nondiscrimination Act. – *Genetics in Medicine*. Vol. 10 (12). P. 869-873.
8. Gammon A., Neklason D.W. 2015. Confidentiality & the Risk of Genetic Discrimination: What Surgeons Need to Know. – *Surgical Oncology Clinics of North America*. Vol. 24 (4). P. 667-681.
9. Garat M.P. 2024. The Right to Social Security in the Case Law of the Inter-American Court of Human Rights: Standards and Challenges for its Protection. – *Latin American Legal Studies*. Vol. 12 (1). P. 326-369.
10. Gazina N.I., Teymurov E.S., Zakharova L.I. 2022. International Legal Framework for the Application of Genetic Technologies: Main Features and Issues Open for Discussion. – *Kutafin Law Review*. Vol. 9 (1). P. 39-72.
11. Harden K. 2023. Genetic determinism, essentialism and reductionism: semantic clarity for contested science. – *Nature Reviews Genetics*. Vol. 24 (3). P. 197-220.
12. Hudson K.L., Holohan M.K., Collins F.S. 2008. Keeping pace with the times – the Genetic Information Nondiscrimination Act of 2008. – *The New England journal of medicine*. Vol. 358 (25). P. 2661-2663.
13. Joly Y., Dalpé G., Pinkesz M. 2019. Is Genetic Discrimination Back on the Radar? A Commentary on the Recent Court of Appeal Reference Decision on the Genetic Non-Discrimination Act (GNDA). – *Canadian Journal of Bioethics / Revue canadienne de bioéthique*. Vol. 2 (2). P. 94-96.
14. Joly Y., Dalpe G. 2022. Genetic discrimination still casts a large shadow in 2022. – *European Journal of Human Genetics*. Vol. 30. P. 1320-1322.
15. Montgomery S.V., Barsevick A.M., Egleston B.L. et al. 2013. Preparing individuals to communicate genetic test results to their relatives: report of a randomized control trial. – *Familial cancer*. Vol. 12(3). P. 537-546.
16. Ponomareva D.V. 2021. On the Issue of Discrimination Based on Genetic Status: Legal Approaches in the Judicial Practice of Foreign States. – *Kutafin Law Review*. Vol. 8 (1). P. 129-144.
17. Ponomareva D.V., Kubyshkin A.V. 2022. Genetic discrimination in foreign legislation and law-enforcement practice. – *SHS Web of Conferences*. Vol. 134. P. 00071.
18. Rahnasto J. 2023. Genetic data are not always personal-disaggregating the identifiability and sensitivity of genetic data. – *Journal of Law and the Biosciences*. Vol. 10 (2). P. 1-45.
19. Ramos-kuri M. 2020. Artavia Murillo vs. Costa Rica. Análisis crítico a la Sentencia de la Corte Interamericana de Derechos Humanos en el fallo sobre fertilización in vitro. – *Cuestiones Constitucionales. Revista Mexicana De Derecho Constitucional*. Vol. 1 (42). P. 529-536.
20. Smith B. 2016. Intersectional Discrimination and Substantive Equality: a comparative and theoretical perspective. – *The Equal Rights Review*. Vol. 74 (1). P. 73-99.

References

1. Caballero Pérez A., Guzmán Rincón A.M. The Inter-American System for the Protection of Human Rights and Persons with Disabilities: challenges and perspectives beyond the nondiscrimination rule. – *Jurídicas*. 2021. Vol. 18 (2). P. 43-60.
2. Chen Y., McDonough D. Upholding Disability Rights in the Americas: the Role of the Inter-American Institutions. – *Georgia Journal of International and Comparative Law*. 2022. Vol. 50 (3). P. 599-638.
3. Erwin C. Legal update: living with the Genetic Information Nondiscrimination Act. – *Genetics in Medicine*. 2008. Vol. 10 (12). P. 869-873.
4. Gammon A., Neklason D.W. Confidentiality & the Risk of Genetic Discrimination: What Surgeons Need to Know. – *Surgical Oncology Clinics of North America*. 2015. Vol. 24 (4). P. 667-681.
5. Garat M.P. The Right to Social Security in the Case Law of the Inter-American Court of Human Rights: Standards and Challenges for its Protection. – *Latin American Legal Studies*. 2024. Vol. 12 (1). P. 326-369.
6. Gazina N.I., Teymurov E.S., Zakharova L.I. International Legal Framework for the Application of Genetic Technologies: Main Features and Issues Open for Discussion. – *Kutafin Law Review*. 2022. Vol. 9 (1). P. 39-72.
7. Harden K. Genetic determinism, essentialism and reductionism: semantic clarity for contested science. – *Nature Reviews Genetics*. 2023. Vol. 24 (3). P. 197-220.
8. Hudson K.L., Holohan M.K., Collins F.S. Keeping pace with the times – the Genetic Information Nondiscrimination Act of 2008. – *The New England journal of medicine*. 2008. Vol. 358 (25). P. 2661-2663.
9. Joly Y., Dalpe G. Genetic discrimination still casts a large shadow in 2022. – *European Journal of Human Genetics*. 2022. Vol. 30. P. 1320-1322.
10. Joly Y., Dalpé G., Pinkesz M. Is Genetic Discrimination Back on the Radar? A Commentary on the Recent Court of Appeal Reference Decision on the Genetic Non-Discrimination Act (GNDA). – *Canadian Journal of Bioethics / Revue canadienne de bioéthique*. 2019. Vol. 2 (2). P. 94-96.
11. Kosilkin S.V. Principy mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya geneticheskih issledovanij i zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii [Principles of International Legal Regulation of Genetic Research and Legislation of the Russian Federation]. – *Lex Genetica*. 2023. № 2 (2). S. 34-52. (In Russ.)

12. Lapaeva V.V. Pravovoe regulirovanie v sfere issledovanij genoma cheloveka: istoriya stanovleniya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Legal regulation in the field of human genome research: history of formation, current state and development prospects]. – *Pravosudie [Justice].* 2022. № 4. S. 93-108. (In Russ.)
13. Montgomery S.V., Barsevick A.M., Egleston B.L. et al. Preparing individuals to communicate genetic test results to their relatives: report of a randomized control trial. – *Familial cancer.* 2013. Vol. 12 (3). P. 537–546.
14. Ponomareva D.V. On the Issue of Discrimination Based on Genetic Status: Legal Approaches in the Judicial Practice of Foreign States. – *Kutafin Law Review.* 2021. Vol. 8 (1). P. 129-144.
15. Ponomareva D.V., Kubyshkin A.V. Genetic discrimination in foreign legislation and law-enforcement practice. – *SHS Web of Conferences.* 2022. Vol. 134. 00071.
16. Ponomareva D.V., Sorokina E.M. *Problemy geneticheskoj diskriminacii i genomnye issledovaniya: zakonodatel'stvo i praktika [Problems of genetic discrimination and genomic research: legislation and practice. Monografiya.* Eds. by D.V. Ponomareva. Moscow: Rusajns. 2022. (In Russ.)
17. Rahnasto J. Genetic data are not always personal-disaggregating the identifiability and sensitivity of genetic data. – *Journal of Law and the Biosciences.* 2023. Vol. 10 (2). P. 1-45.
18. Ramos-kuri M. Artavia Murillo vs. Costa Rica. Análisis crítico a la Sentencia de la Corte Interamericana de Derechos Humanos en el fallo sobre fertilización in vitro. – *Cuestiones Constitucionales. Revista Mexicana De Derecho Constitucional.* 2020. Vol. 1 (42). P. 529-536.
19. Smith B. Intersectional Discrimination and Substantive Equality: a comparative and theoretical perspective. – *The Equal Rights Review.* 2016. Vol. 74 (1). P. 73-99.
20. Sorokina E.M., Ponomareva D.V. Prava korennyh malochislennyh narodov i genomnye issledovaniya v SSHA: delo «Havasupaj» [Indigenous Rights and Genomic Research in the United States: The Havasupai Case]. – *Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er [International legal courier].* 2020. № 1. S. 40-44. (In Russ.)

Информация об авторе

Дарья Владимировна Пономарева
Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой практической юриспруденции, доцент кафедры медицинского права, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра правового обеспечения биоэкономики и генетических технологий, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., 9, Москва, 125993, Российская Федерация

dvponomareva@msal.ru
ORCID 0000-0003-0787-0554

About the Author

Daria V. Ponomareva
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Practical Jurisprudence, Associate Professor of the Department of Medical Law, Senior Researcher at the Scientific and Educational Center for Legal Support of Bioeconomics and Genetic Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation, 125993

dvponomareva@msal.ru
ORCID 0000-0003-0787-0554

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-190-202

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 21.02.2025
Принята к публикации: 13.05.2026

Алексей Петрович КЛЕМЕНТЬЕВ
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Мясницкая ул., 20, Москва, 101000, Российская Федерация
aklementiev@hse.ru
ORCID 0000-0002-6598-507X

МЕЖДУНАРОДНАЯ УНИФИКАЦИЯ И ГАРМОНИЗАЦИЯ ЧАСТНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ

ВВЕДЕНИЕ. *Выступая способами сближения правового регулирования такие понятия, как «гармонизация» и «унификация» в настоящее время широко используются в сфере юриспруденции. В отличие от внутренней гармонизации и унификации, сближение права в международном масштабе направлено на устранение противоречий в праве разных государств. Реализации проектов по транснациональной гармонизации и унификации во многом способствовала деятельность международных организаций в сфере частного права, включая Международный институт по унификации частного права, Гаагскую конференцию по международному частному праву и Комиссию Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по праву международной торговли. Усилия этих авторитетнейших организаций, которые можно условно именовать «большой тройкой» в мире частного права, способствовали сближению правового регулирования в глобальном масштабе и в некоторых сферах были весьма успешными. Не стоит забывать и о двухсторонних международных договорах, а также региональной унификации и гармонизации. Процесс сближения правового регулирования, в частности, охватил такие области, как международная купля-продажа товаров, семейное право, защита иностранных капиталовложений, международная перевозка грузов, международный гражданский процесс, международный коммерческий арбитраж и трансграничное банкротство. Коснулись унификационные и гармонизационные процессы и международных рынков финансовых инструментов, которые в понимании российского законодателя представлены рынком эмиссионных ценных бумаг, таких как акции и облигации, и рынком производных финансовых инструментов (деривативов). В последнем случае допустимо вести речь о значительном многообразии договорных конструкций, таких как опционы, свопы, фьючерсы и форварды, а также их аналогах. В настоящей публикации предлагается изучить процесс сближения права в области финансовых рынков применительно к материальному и коллизионному регулированию выпуска и обращения финансовых инструментов.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В качестве основного материала для исследования использовались инструменты унификации и гармонизации права, такие как международные договоры и документы «мягкого» права, включая модельные законы и сборники принципов. Значительную помощь в проведении исследования оказали материалы российской и зарубежной юридической доктрины. Методологическую основу исследования составили как общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция), так и специальные юридические методы. В частности, формальный юридический метод использовался для буквального толкования положений тех или иных инструментов гармонизации права.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *В статье сформулирован и обоснован тезис о том, что процесс сближения правового регулирования на финансовых рынках был крайне неоднороден. Применительно к эмиссионным ценным бумагам под эгидой Международного института по унификации частного права (далее – УНИДРУА) и Комиссии ООН по праву международной торговли (далее – ЮНСИТРАЛ) были разработаны международные договоры, направленные на унификацию материально-правовых и коллизионных подходов. В то же время в отношении производных финансовых инструментов не было предложено каких-либо обязывающих договоров. Вместо этого объединения регуляторов финансовых рынков, профессиональные ассоциации и позднее УНИДРУА публиковали документы мягкого права, направленные на осуществление материально-правовой гармонизации рынка деривативов. Коллизионно-правовые вопросы в данном случае их не интересовали, поскольку все внимание было сосредоточено на порядке удовлетворения требований из договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, в ходе банкротства. При этом авторов инструментов гармонизации права в области деривативов интересовали не только международные аспекты удовлетворения требований по финансовым договорам, но и юридическая судьба чисто внутренних контрактов.*

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Автор приходит к выводу о том, унификационный проект на рынке эмиссионных ценных бумаг потерпел неудачу. В то же время гармонизация правового регулирования рынков деривативов оказалась крайне успешной: возможность досрочного прекращения обязательств по ним с последующим зачетом (неттингом) признается сегодня практически повсеместно. Обращает на себя внимание и тот факт, что основным лоббистом гармонизации деривативного рынка стали отнюдь не международные организации и даже не организации регуляторного сообщества, а объединение профессиональных участников ценных бумаг. По мнению автора успех гармонизации в данном случае кроется в «инициативе снизу» и наличии общего интереса рыночных игроков в сближении права.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *ценные бумаги, деривативы, производные инструменты, PRIMA, ISDA, УНИДРУА, мягкое право, гармонизация, унификация*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Клементьев А.П. 2026. Международная унификация и гармонизация частного права в сфере финансовых рынков. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 190–202. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-190-202

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-190-202

Research article
UDC: 341
Received 21 February 2025
Approved 13 May 2026

Alexey P. KLEMENTIEV
National Research University Higher School of Economics
20, Myasnitskaya St. Moscow, Russian Federation, 101000
aklementiev@hse.ru
ORCID 0000-0002-6598-507X

INTERNATIONAL UNIFICATION AND HARMONIZATION OF PRIVATE LAW IN THE FIELD OF FINANCIAL MARKETS

INTRODUCTION. *Concepts such as "harmonization" and "unification" are currently widely used in the legal field as methods for harmonizing legal regulation. Unlike domestic harmonization and unification, international legal convergence aims to eliminate contradictions in the laws of different states. The implementation of transnational harmonization and unification projects has been greatly facilitated by the activities of international organizations in the field of private law, including the International Institute for the Unification of Private Law (UNIDROIT), the Hague Conference on Private International Law (HCCH), and the United Nations Commission on International Trade Law (UNCITRAL). The efforts of these highly respected organizations, which can be loosely referred to as the "Big Three" in the world of private law, have contributed to the convergence of legal regulation globally and have been quite successful in some areas. Bilateral international treaties, as well as regional unification and harmonization, should not be overlooked. The process of convergence of legal regulation has encompassed such areas as the international sale and purchase of goods, family law, the protection of foreign investments, the international carriage of goods, international civil litigation, international commercial arbitration, and cross-border bankruptcy. Unification and harmonization processes have also affected international financial instrument markets, which, in the understanding of Russian law, are represented by the market for issued securities, such as stocks and bonds, and the market for derivative financial instruments. In the latter case, it is permissible to speak of a significant variety of contractual structures, such as options, swaps, futures, forwards, and their analogues. This publication proposes to study the process of convergence of law in the field of financial markets in relation to the substantive and conflict of laws regulation of the issue and circulation of financial instruments.*

MATERIALS AND METHODS. *The primary research material utilized legal unification and harmonization instruments, such as international treaties and soft law documents, including model laws and collections of principles. Materials from Russian and foreign legal doctrine provided significant assistance. The methodological basis of the study included both general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction) and specialized legal methods. Specifically, the formal legal method was used for a literal interpretation of the provisions of various legal harmonization instruments.*

RESEARCH RESULTS. *This article formulates and substantiates the thesis that the process of regulatory convergence in financial markets has been extremely uneven. Regarding equity securities, international treaties aimed at unifying substantive and conflict-of-laws approaches were developed under the auspices of UNIDROIT and UNCITRAL. However, no binding treaties were proposed for derivative financial instruments. Instead, associations of financial market regulators, professional associations, and later UNIDROIT published soft law documents aimed at substantive harmonization of the derivatives market. Conflict-of-laws issues were of no interest to them in this case, as their focus was on the procedure for satisfying claims under derivative contracts during bankruptcy proceedings. Furthermore, the authors of the instruments for harmonizing derivatives law were interested not only in the international aspects of satisfying claims under financial contracts but also in the legal fate of purely domestic contracts.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The author concludes that the unification project in the securities market has failed. At the same time, the harmonization of legal regulation in derivatives markets has proven extremely successful: the possibility of early termination of obligations with subsequent netting is now recognized almost universally. It is also noteworthy that the main lobbyists for derivatives market harmonization were not international organizations or even regulatory bodies, but rather an association of professional securities participants. According to the author, the success of harmonization in this case lies in the "initiative from below" and the shared interest of market players in legal convergence.*

KEYWORDS: *securities, derivatives, derivative instruments, PRIMA, ISDA, UNIDROIT, soft law, harmonization, unification*

FOR CITATION: Klementiev A.P. International Unification and harmonization of Private Law in the Field of Financial Markets. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 190–202. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-190-202

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Участие в международных процессах сближения правового регулирования отношений частного характера имеет в России давние традиции. Достаточно отметить, что власти Российской империи стояли у истоков создания Гаагской конференции по международному частному праву (далее – ГКМЧП). В настоящее время Российская Федерация выступает участником всех организаций, образующих так называемую Большую Тройку, в которую наряду с ГКМЧП входит УНИДРУА и ЮНСИТРАЛ.

В рамках настоящей статьи процессы гармонизации и унификация права будут рассмотрены применительно к рынку финансовых инструментов, представленных эмиссионными ценными бумагами, такими как акции и облигации, а также производными финансовыми инструментами (деривативами). Именно эти области являются сосредоточением инноваций, имея при этом трансграничную природу. Ни для кого не секрет, что индустрия эмиссионных ценных бумаг, а также производных финансовых инструментов (деривативов) носит глобальный характер. Финансовый капитал свободно перетекает из одной страны в другую, а наличие санкционных ограничений (односторонних ограничительных мер) ведет лишь к переориентации этих потоков, а не к их полному истощению.

2. Российская и иностранная правовая наука о процессах гармонизации и унификации

По мнению профессора Г.К. Дмитриевой [Дмитриева 2022:156], унификация и гармонизация выступают двумя гранями процесса сближения права, который обусловлен углублением интернационализации и глобализации правового регулирования. Хотя данные явления тесно взаимосвязаны, между ними все же имеются определенные различия. Критерием для разграничения унификации и гармонизации выступает степень схожести норм права, затронутых тем или иным видом сближения, а также наличие обязательности в ходе внедрения сходных норм в национальное законодательство.

С точки зрения Г.К. Дмитриевой, для унификации характерным является наличие международного договора и, как следствие, принятие на себя обязательств международного характера по внедрению унифицированных норм в национальное право. Гармонизация же осуществляется посредством публикации документов мягкого права, не отличаясь обязательным характером. Мыслящие в той же парадигме Т.К. Примак и О.А. Серова [Примак, Серова 2015:72], отмечают, что унификации присуща универсальность норм, а характерной чертой гармонизации выступает их согласованность. Следовательно, конечный результат унификации более единообразен, чем результаты, приносимые гармонизацией.

Стоит отметить, что далеко не все отечественные ученые считают целесообразным выделение в научном обороте обеих рассматриваемых категорий. Например, Н.Г. Доронина полагает, что отличительной чертой гармонизации регулирования иностранных инвестиций является гармоничное взаимодействие норм административного регулирования в области внешнеэкономической деятельности [Доронина 1998:54]. Исходя из этого гармонизация является частью процесса унификации, понимаемого в широком смысле. Развивая эту логику, М.М. Богуславский не пользуется термином «гармонизация», предпочитая ему понятие «унификация» [Богуславский 2020:306]. Ученый говорит об унификации даже в тех случаях, когда между разнонациональными сторонами этого процесса отсутствует международный договор.

Е.А. Крутий не возражает против применения обоих терминов, но отмечает, что унификация выступает лишь разновидностью гармонизации [Крутий 2012:7]. Особенностью унификации выступает идентичность конечного результата, т.е. унификация является гармонизацией с нулевыми различиями [Крутий 2012:7]. С Е.А. Крутий согласна Е.А. Хоррманн, для которой унификация есть полное устранение правовых различий [Хоррманн 2012:139]. В качестве примера унификации Е.А. Хоррманн приводит действие регламентов, применяемых в Европейском союзе (далее - ЕС), в то время как на гармонизацию нацелены директивы, предполагающие принятие местного законодательства на национальном уровне стран - членов ЕС. В схожем ключе высказывается Дж. Голдринг, для которого гармонизация в противовес унификации ведет к созданию максимально близких норм, насколько это возможно [Goldring 1978: 289].

Однако такое мнение не является общепринятым в иностранной литературе. К примеру, А. Бриггз, рассуждая о принятии регламентов в ЕС, ориентированных на регулирование

договорных и внедоговорных обязательств в трансграничном контексте, констатирует, что эти инструменты являются частью большого проекта по гармонизации, а не унификации, коллизионных норм в государствах, являющихся членами ЕС [Briggs 2013:2014]. Налицо использование термина «гармонизация» в контексте, в котором было бы более ожидаемо говорить об унификации права. Г. ван Галстер наряду с термином «гармонизация» применяет термин «конвергенция» и полагает, что гармонизация может быть осуществлена при помощи международного договора [Van Galster 2016:16]. П. Стоун также говорит о гармонизации посредством международных договоров, в частности, подготовленных в рамках ГКМЧП [Stone 2010:3].

Следовательно, для сферы сближения частного права в международном контексте характерным является плюрализм мнений относительно содержания терминов «унификация» и «гармонизация», а также методов, которыми достигается сближение права в каждом конкретном случае. По нашему мнению, оптимальным все же является подход Г.К. Дмитриевой, предполагающий четкое разграничение между используемыми терминами. В таком прочтении гармонизация не равна унификации, а оба процесса являются равноправными частями сближения права, соотносясь с ним как частное и общее. Критерием различия для нас здесь выступает заключение международного договора (в случае унификации) или его отсутствие (применительно к гармонизации).

В то же время мы не можем согласиться с тем, что унификация в отличие от гармонизации всегда ведет к появлению идентичных норм в праве разных государств. Не стоит забывать о том, что при присоединении к международным договорам страны-участники могут делать оговорки. Наличие оговорок предусматривается международным публичным правом, а именно Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г. Оговоркой согласно этому международному договору выступает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему, посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству.

Представим себе, что в процессе сближения права на базе международной конвенции участвует три государства: государство A, B и C. При этом сама конвенция разработана международной организацией в сфере унификации частного права, к примеру одной из организаций Большой Тройки. Государство A присоединяется к конвенции в ее изначальной редакции, в то время как государство B делает это с оговорками. Государство C не присоединяется к конвенции вовсе, но имплементирует ее положения в неизменном виде в национальное законодательство. В этом случае в трансграничных отношениях с третьими странами положения конвенции найдут фактическое применение, если соответствующая коллизионная норма укажет на право страны C.

Таким образом, унификация по общему правилу ведет к большему сходству правовых норм, чем гармонизация. Однако говорить об абсолютной идентичности норм в результате унификации, значит, выдавать желаемое за действительное. В ходе гармонизации, которая осуществляется на основе типовых законов, модельных правил, сборников принципов и руководств для законодателя, не требуется делать оговорок. Имплементирующие государства абсолютно свободны в объемах и средствах достижения целей гармонизации. На первый взгляд, такая свобода должна привести к полной разобщенности, однако в дальнейшем настоящее исследование покажет, что гармонизация может быть более эффективным способом сближения права, чем правовая унификация, основанная на обязывающем международно-правовом соглашении.

3. Сближение коллизионных и материальных норм в сфере эмиссионных ценных бумаг

Рассмотрим процессы сближения права, затронувшие рынок эмиссионных ценных бумаг. Российский законодатель под такого рода ценными бумагами понимает финансовые инструменты, отвечающие трем признакам[1]. Во-первых, эти ценные бумаги удостоверяют определенные права. Во-вторых, они размещаются выпусками. В-третьих, объем и сроки осуществления прав

[1] См.: О рынке ценных бумаг: федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ, ст. 2. – *СЗ РФ*. № 17. 22.04.1996. Ст. 1918.

внутри выпуска являются одинаковыми. Два последних признака отличают эмиссионные ценные бумаги от неэмиссионных, которые существуют в единственном, уникальном экземпляре, имея характеристики индивидуальной вещи. Родовой характер эмиссионных ценных бумаг делает возможным их биржевое обращение.

К эмиссионным ценным бумагам по российскому законодательству относятся акция, облигация, опцион эмитента и российская депозитарная расписка. Эмиссионные ценные бумаги выпускаются в России в бездокументарной форме, а их выпуск подлежит государственной регистрации, за некоторыми исключениями. На неэмиссионные ценные бумаги не распространяется законодательство о рынке ценных бумаг, а их обращение регулируется непосредственно Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) или же отраслевым законодательством. Примерами неэмиссионных ценных бумаг выступают вексель, чек, закладная, коносамент, депозитный (сберегательный) сертификат и складские ценные бумаги.

Отметим, что унификация правового регулирования неэмиссионных ценных бумаг насчитывает не одно десятилетие. К числу унификационных инструментов в этой области следует отнести Женевские вексельные[2] и чековые конвенции[3], а также международные договоры в сфере морских перевозок, содержащие положения о коносаментах[4]. Парадоксальным образом рынок эмиссионных ценных бумаг, интенсивно развивавшийся во второй половине XX в. и появившийся в России в 1990-х гг., не был затронут процессами сближения права. Как справедливо отметил профессор Ч. Муни, сближение законодательства в области финансовых рынков в принципе является непростой задачей [Mooney 2010: 813].

Действительно, правовой режим ценных бумаг в континентальном и англо-саксонском праве является различным. В последнем случае для инвестиционных ценных бумаг используется отдельная конструкция securities, в то время как документарные ценные бумаги известны как оборотные инструменты (negotiable instruments). Тем не менее, по свидетельству К. Бернаскони и Т. Кейзера, потребность в универсальных правилах в отношении владения, передачи и использования ценных бумаг в качестве обеспечения в определенный момент назрела [Bernasconi, Keijser 2012:549]. Этому во многом способствовало и то обстоятельство, что прямое владение ценными бумагами уступило место опосредованному владению, что усложнило отношения сторон на финансовом рынке.

Благодаря усилиям ведущих организаций в области унификации и гармонизации частного права, которыми являются ГКМЧП и УНИДРУА, начало этой работы было положено в 2000-х гг. В это время международный рынок ценных бумаг оказался затронут несколькими фундаментальными процессами, среди которых следует отметить дематериализацию, посредничество и централизацию. Иными словами, появилась тенденция к отказу от бумажных носителей для эмиссионных ценных бумаг. Также произошел переход к владению ценными бумагами через посредника. Наконец, в целом ряде юрисдикций начали создаваться центральные депозитарии. На фоне этих тенденций УНИДРУА и ГКМЧП изначально сделали ставку на международную унификацию. Однако, как мы в дальнейшем увидим, выбор способа сближения законодательств о ценных бумаг, подразумевающий наличие международного договора в качестве унификационного инструмента, оказался неудачным.

Под эгидой ГКМЧП был разработана Конвенция о праве, применимом к отдельным правам в отношении ценных бумаг, хранящихся у посредника 2006 г. (далее – Гаагская конвенция)[5]. Гаагская конвенция носит ярко выраженную коллизионную направленность, поскольку этот международный инструмент находит применение в случаях, когда владение ценной бумагой затрагивает право более чем одной страны и возникает вопрос о выборе применимого статута. Хотя работа над этим инструментом

[2] См., напр.: Конвенция о Единообразном Законе о переводном и простом векселе. – *Собрание Законов.* 1937. Отд. II. № 18. Ст. 108.

[3] Convention Providing a Uniform Law for Cheques, done at Geneva, enacted 1931-03-19. URL: https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/09/9-03/law-cheques.html (accessed date: 21.02.2026).

[4] Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте: заключена в г. Брюсселе 25.08.1924 (с изм. от 21.12.1979).

[5] Convention du 5 juillet 2006 sur la loi applicable à certains droits sur des titres détenus auprès d'un intermédiaire. URL: https://assets.hcch.net/docs/6850455b-3ff2-4c89-b48b-083b84fd43c7.pdf (accessed date: 21.02.2026).

была начата еще в начале 2000-х гг., этот международный договор вступил в силу лишь 1 апреля 2017 г. При этом количество участников Гаагской конвенции остается крайне ограниченным. В настоящее время в ней участвует три государства: США, Швейцария и Маврикий.

Гаагская конвенция ставит перед собой задачу унификации коллизионных норм, относящимся к вопросам «права на бумагу», которые в классическом международном частном праве относятся к сфере действия вещного статута. При этом «право на бумагу» определяется по Гаагской конвенции в отношении целого ряда финансовых инструментов, к числу которых относятся акции и облигации. Важнейшим условием применения Гаагской конвенции является наличие фигуры посредника (intermediary), на счете которого осуществляется учет ценных бумаг. Центральной коллизионной привязкой Гаагской конвенции, применяемой в отношении опосредованного учета ценных бумаг, является так называемая PRIMA+, также известная как модифицированная PRIMA (modified PRIMA).

Этот коллизионный принцип стал дальнейшим развитием введенной в право ЕС привязки PRIMA (place of the relevant intermediary approach). Она нашла воплощение в Директиве об окончательности расчетов 1998 г.[6] и Директивы о финансовом обеспечении 2002 г.[7] При сохранении автономии воли сторон модифицированная PRIMA позволяет учесть специфику выполнения посреднических функций на рынке ценных бумаг. По общему правилу применяется право, указанное в договоре о ведении счета ценных бумаг, заключенного с посредником. Условием для его применения выступает наличие в соответствующей стране офиса посредника. Если применимое право не указано в соглашении сторон, но из договора о ведении счета следует, что посредник заключил его через определенный офис, то коллизионный вопрос решается со ссылкой на право офиса места нахождения релевантного посредника. Если же в договоре отсутствует указание на применимое право, а также указание на офис посредника, то применяется право страны, в которой релевантный посредник инкорпорирован или иным образом учрежден.

По мнению А.В. Канашевского, положенная в основу Гаагской конвенции коллизионная норма является излишне сложной [Канашевский 2011:90]. Этой же точки зрения придерживается и Пленум Верховного суда РФ. В опубликованном в 2019 г. и получившим широкую известность руководстве для судей члены Пленума Верховного Суда РФ предпочли более простую отсылку к стране ведения счета ценных бумаг без использования сложных субсидиарных коллизионных привязок, столь характерных для Гаагской конвенции[8]. Однако в практике самой ГКМЧП модифицированная PRIMA по-прежнему считается удачной и достаточно сбалансированной. Так, на прошедшей под эгидой ГКМЧП в 2022 г. конференции CODIFI обсуждался вопрос об использовании модицифицированной PRIMA в отношении цифровых активов, учитываемых на счете посредника[9]. В этом качестве модифицированная PRIMA рассматривается и зарубежными юристами, практикующими в сфере финансовых рынков[10]. Эта дискуссия является актуальной и в отечественном контексте в свете необходимости разрешения трансграничных споров, связанных с цифровыми финансовыми активами [Дмитриева 2019: 122].

В отличие от ГКМЧП, УНИДРУА в ходе своей деятельности сделал акцент на унификации и гармонизации материальных норм в сфере финансовых рынков. В частности, институтом была разработана Конвенция УНИДРУА 2009 г. «О материально-правовом регулировании ценных бумаг, хранящихся у посредника» (далее –

---

6 Directive 98/26/EC of the European Parliament and of the Council of 19 May 1998 on settlement finality in payment and securities settlement systems. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex%3A31998L0026 (accessed date: 21.02.2026).

7 Directive 2002/47/EC of the European Parliament and of the Council of 6 June 2002 on financial collateral arrangements. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2002/47/oj/eng (accessed date: 21.02.2026).

8 См.: О применении норм международного частного права судами Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 п. 18. – *Бюллетень Верховного Суда РФ.* № 10. Октябрь, 2019.

9 CODIFI Agenda v. 13 September 2022. URL: https://assets.hcch.net/docs/655b8a67-a1c8-4308-b753-96d37e74575d.pdf (accessed date: 21.02.2026).

10 Digital Assets: Governing Law and Jurisdiction 6 June 2024 by Financial Markets Law Committee. URL: https://fmlc.org/wp-content/uploads/2024/06/Report_Digital-Assets-Governing-Law-and-Jurisdiction.pdf (accessed date: 21.02.2026).

Женевская конвенция). Как и Гаагская конвенция, она касается эмиссионных ценных бумаг, к числу которых отнесены акции, облигации, другие финансовые инструменты или финансовые активы. Основные положения Женевской конвенции затрагивают обязанности лица, ведущего опосредованные счета, механику передачи прав на ценные бумаги, а также реализацию обеспечения в виде ценных бумаг.

Продолжая попытку выработки эффективных механизмов трансграничного регулирования в области эмиссионных ценных бумаг, УНИДРУА в дальнейшем опубликовал инструмент «мягкого права», которым стал Путеводитель по законодательству о ценных бумагах, находящихся во владении у посредника 2017 г. (далее – Путеводитель УНИДРУА). В нем собраны основные принципы и правила функционирования систем опосредованного владения ценными бумагами, описаны основные риски и проблемы таких систем, а также дан обзор применения правового регулирования, предложенного Женевской конвенцией и Принципами УНИДРУА о действии положений о компенсации за прекращение 2013 г. (далее – Принципы компенсации УНИДРУА)[11].

Представляется, что Путеводитель УНИДРУА направлен на упрощение работы с упомянутыми источниками, а также обозначает поворот от унификации к гармонизации в деятельности УНИДРУА на финансовых рынках. Такого рода поворот был вызван фактическим провалом Женевской конвенции. Несмотря на прогрессивный характер этого инструмента, он оказался невостребованным: единственной страной, присоединившейся Женевской конвенции, стал Бангладеш[12]. При этом страны с развитым рынком ценных бумаг фактически проигнорировали Женевскую конвенцию. Отметим, что такой результат выглядит скромным даже на фоне Гаагской конвенции, насчитывающей лишь трех участников.

4. Гармонизация в сфере деривативов (производных финансовых инструментов)

Публикация Принципов компенсации УНИДРУА и Путеводителя УНИДРУА следует рассматривать в контексте процесса сближения правового регулирования рынка деривативов (производных финансовых инструментов). В отличие от эмиссионных ценных бумаг, деривативы, как правило, существуют в форме договоров, зачастую имеющих трансграничный характер. Именно поэтому российский законодатель применяет в отношении деривативов термин «договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами». К их числу на подзаконном уровне отнесены такие договорные конструкции как фьючерсы, свопы, форварды и опционы[13]. Объем рынка деривативов является колоссальным: по статистике Банка для международных расчетов он измеряется триллионами долларов, превышая совокупный годовой валовый внутренний продукт всех стран мира, взятых вместе[14].

На наш взгляд, коллизионные аспекты деривативных договоров не являются чем-либо уникальным и требующим своего гармонизационного или унификационного инструмента. Как правило, стороны этих соглашений самостоятельно делают выбор права, применимого к договору, тем самым определяя договорный статут. Свобода выбора права, применимого к коммерческим договорам воплощена сегодня как в национальных законодательствах, так и в целом ряде инструментов гармонизации и унификации частного права. В качестве примеров поощрения принципа автономии воли в национальном законодательстве можно привести ст. 1210 ГК РФ, а также Закон Швейцарии о международном частном праве[15]. Международными источниками, основанными на тех же принципах, выступают Римская конвенция о праве, применимом

[11] Principes d'UNIDROIT concernant l'applicabilité des clauses de résiliation-compensation. URL: https://www.unidroit.org/fr/instruments/marches-financiers/resiliation-compensation/ (accessed date: 21.02.2026).

[12] См.: О рынке ценных бумаг: федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ, ст. 2. – *СЗ РФ*. № 17. 22.04.1996. Ст. 1918.

[13] См.: О видах производных финансовых инструментов: указание Банка России от 16.02.2015 № 3565-У. – *Вестник Банка России*. № 28. 31.03.2015.

[14] OTC derivatives statistics. URL: https://data.bis.org/topics/OTC_DER (accessed date: 21.02.2026).

[15] Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1988/1776_1776_1776/de (accessed date: 21.02.2026).

к договорным обязательствам 1980 г.[16], Регламент № 593/2008 Европейского парламента и Совета ЕС «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам»[17], а также Принципы выбора права в международных коммерческих контрактах ГКМЧП[18].

Как правило, международные операции на рынке производных финансовых инструментов совершаются на основе стандартной документации Международной ассоциации свопов и деривативов (l'Association Internationale des Swaps et Dérivés) (далее – ISDA). ISDA была создана в качестве некоммерческой корпорации в 1985 г. [Šimunović 2017: 874] с целью унификации договорных практик, существующих на стремительно развивавшемся в то время рынке свопов. Ее типовые соглашения содержат положения о применимом праве, которые будут признаваться в большинстве юрисдикций при отсутствии противоречия национальному публичному порядку. В то же время разработанные ISDA стандартные договоры предполагают возможность без каких-либо ограничений прекратить обязательства по сделкам, заключенным на их основе, при наступлении событий неисполнения (events of default) и событий прекращения (termination events) с дальнейшим вычислением суммы компенсации, которая причитается одной из сторон финансовых сделок.

Результатом такого прекращения обязательств выступает возникновение нетто-обязательства, подлежащего уплате одной из сторон в зависимости от баланса взаимных требований. Термин «нетто-обязательство» используется в отечественном законодательстве о банкротстве, однако его легальная дефиниция в нем не приводится[19]. Механизм прекращения требований, ведущий к возникновению нетто-обязательства, известен в профессиональной среде как ликвидационный неттинг (англ. close-out netting, нем. Liquidationsnetting). Сам по себе этот способ прекращения обязательств, как правило, допускается большинством правопорядков в силу принципа свободы договора. Однако ситуация осложняется тем, что одним из событий неисполнения выступает банкротство стороны стандартного договора. Более того, в случае наступления иных оснований досрочного прекращения, вероятность рассмотрения нетто-обязательства в ходе банкротных процедур является крайне высокой.

В то же время признание ликвидационного неттинга управляющим в ходе банкротства противоречит целому ряду принципов правового регулирования несостоятельности, включая недопустимость преимущественного удовлетворения требований определенных кредиторов, запрет на зачет накануне банкротства и автоматическое расторжение договора при банкротство (*ipso facto clause*). В связи с этим положения о ликвидационном неттинге договоров ISDA оказывались уязвимыми всякий раз, когда в отношении стороны стандартного договора этой ассоциации возбуждались процедуры банкротства. Осознавая необходимость реформы, ISDA приступила к разработке модельного законодательства, публикация которого началась в 1996 г. [Borowicz 2021:80]. Модельные акты ISDA, обновленные в 2002, 2006 и 2018 г., стали сосредоточением лоббистких усилий этой организации [Horst 2019:32].

Принципы компенсации УНИДРУА стали очередным этапом в данном процессе, поскольку этот акт мягкого права ставит перед собой те же цели, что и модельное законодательство ISDA. Однако подход УНИДРУА к вопросам привилегий для производных финансовых инструментов оказался более сбалансированным, чем тот, что продвигала ISDA в своем модельном законодательстве. ISDA в основном ориентировалась на законодательство о банкротстве США, в котором исключения из обычного режима несостоятельности для финансовых контрактов начали появляться еще в 1978 г. [Janger 2015:2].

[16] Convention on the Law Applicable to Contractual Obligations. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/treaties-agreements/agreement/?id=1988024 (accessed date: 21.02.2026).

[17] Rome I Regulation (Regulation (EC) No 593/2008 Rome I Regulation (Regulation (EC) No 593/2008. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32008R0593&from=EN (accessed date: 21.02.2026).

[18] Principles on Choice of Law in International Commercial Contracts. URL: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=135 (accessed date: 21.02.2026).

[19] Путем толкования соответствующих положений можно определить его как денежное обязательство, образующееся в порядке и в срок, предусмотренный генеральным соглашением, правилами организованных торгов или правилами клиринга. См.: О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 09.04.2026), п. 1 ст. 4.1. – СЗ РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

Однако такой подход стал одной из причин крупнейшего финансового кризиса, разразившегося в 2007–2008 гг. [Roe 2011:541], потрясшего мировую экономику и вызвавшего проблемы в первую очередь у инвестиционных банков и других финансовых институтов. Для многих наблюдателей стало очевидным, что неограниченное применение ликвидационного неттинга не только способствует уменьшению финансовых рисков, но и может увеличивать их [Janger 2015:6]. По этой причине в Принципах компенсации УНИДРУА содержится правило о том, что прекращение обязательств по производным финансовым инструментам в рамках ликвидационного неттинга применительно к финансовым институтам может быть ограничено[20].

Стоит отметить, что УНИДРУА стала не единственной международной организацией, чьи усилия оказались направленными на признание требований при прекращении сделок с производными финансовыми инструментами. Процесс прекращения обязательств по деривативным контрактам с дальнейшей компенсацией в размере нетто-суммы, представляющей разницу между оценкой взаимных требований, получил поддержку со стороны ключевых регуляторных органов, таких как Базельский комитет по банковскому надзору (далее – БКБН) и Международная организация комиссий по ценным бумагам (далее – ИОСКО). В частности, БКБН признал благоприятное влияние указанных положений о прекращении на капитал коммерческих банков, а ИОСКО призвала к проведению законодательной реформы с целью предоставления юридической защиты таким положениям. По свидетельству Дж. Далхойзена, в этой сфере также были активны Международный валютный фонд и Всемирный банк [Dalhuisen 2016:372].

Однако акты этих организаций скорее относятся к сфере публичного, а не частного права. В некоторой степени вопросы частного права применительно к процедурам прекращения с компенсацией в условиях банкротства затронуты в Путеводителе по законодательной деятельности по праву несостоятельности ЮНСИТРАЛ 2005 г. (Guide législatif de la CNUDCI sur le droit de l'insolvabilité; далее – Руководство ЮНСИТРАЛ). Рекомендации 101–107 второй части Руководства ЮНСИТРАЛ предусматривают, что в контексте финансовых контрактов (contrats financiers) должна признаваться возможность быстрого прекращения сделок с вычислением суммы компенсации. Мотивацией для подобного признания выступает необходимость снижения системного риска (risque systémique), несущего угрозу для экономики в целом. При этом финансовые контракты должны быть определены предельно широко, дабы покрыть все новые типы финансовых сделок при их появлении (рекомендация 107), а стороной финансовых контрактов не обязательно должны выступать финансовые организации (рекомендация 106). В отличие от модельного законодательства ISDA, рекомендуемые ЮНСИТРАЛ условия о прекращении с компенсацией не должны выступать частью какого-либо рамочного договора и могут существовать в любой иной форме.

В случае наличия моратория на прекращение сделок или ограничения действия положений об автоматическом прекращении обязательств при наступлении банкротства такие положения не должны распространяться на финансовые контракты. Кроме того, рекомендация 102 Руководства ЮНСИТРАЛ содержит важное положение о неприменении запретов на осуществление зачета до и после начала процедур банкротства. Также Руководство ЮНСИТРАЛ предусматривает нераспространение правил об оспаривании сделок (avoidance provisions), совершенных накануне банкротства, на процедуры прекращения с компенсацией. Таким образом, Руководство ЮНСИТРАЛ исходило из максимально широкой поддержки участников финансовых рынков, ограничивая введение моратория при банкротстве и возможности для оспаривания и не устанавливая при этом субъектные ограничения для правоотношений по прекращению с компенсацией.

Соединение усилий ISDA и УНИДРУА оказалось довольно успешным. Оно выразилось в том, что в процессе принятия Принципов компенсации УНИДРУА ISDA принимала непосредственное участие в их разработке. Представители ISDA входили в рабочую группу по подготовке Принципов компенсации УНИДРУА в качестве наблюдателей[21]. Кроме того, при разработке

[20] См.: принцип 8 Принципов компенсации УНИДРУА.

[21] Principes concernant l'applicabilite des clauses de resiliation compensation. URL: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/netting-French.pdf (accessed date: 21.02.2026).

модельного закона 2018 г.[22] ISDA сочла необходимым сделать документ УНИДРУА приложением к своему типовому акту. За те годы, что прошли с момента принятия Принципов компенсации УНИДРУА, их положения были имплементированы в таких странах как Катар[23], Китай[24], Саудовская Аравия[25] и Объединенные Арабские Эмираты[26].

Конечно, степень сближения законодательства оказалась различной. Обычно особенности функционирования и локальные требования к процессам ликвидационного неттинга излагаются в юридических заключениях, которые готовятся юридическими фирмами по заказу ISDA. Но несмотря на местные особенности, эта ассоциация считает, что в настоящее время около 100 стран являются дружественными по отношению к неттингу. Исходя из этого можно отметить, что кампания по гармонизации рынка производных финансовых инструментов, начатая в середине 1990-х гг. по инициативе ISDA, увенчалась успехом. Не в последнюю очередь этот успех обусловлен непосредственным участием в процессе гармонизации международных организаций «Большой Тройки», включая УНИДРУА и ЮНСИТРАЛ.

5. Заключение

В настоящей статье мы поддержали целесообразность выделения двух граней процесса сближения права: гармонизации и унификации. Различие между ними пролегает по признаку наличия или отсутствия международного договора о ходе и содержании процесса сближения права. При этом идентичность имплементируемых правовых норм является не столь релевантной, поскольку при гармонизации удается добиться сходного результата сближения, нежели чем при унификации.

На примере деятельности ведущих организаций в области международного частного права мы обосновали, что унификация порой не позволяет добиться поставленных перед этими организациями задач. В частности, международные договоры в области унификации обращения эмиссионных ценных бумаг, подготовленные УНИДРУА и ЮНСИТРАЛ, широкого распространения не получили, оказавшись на периферии современных регуляторных процессов. Эти локальные неудачи заставили УНИДРУА пересмотреть концепцию своей работы на международных финансовых рынках. От Женевской конвенции, типичного акта унификации, УНИДРА перешел к разработке и внедрению инструментов мягкого права, которыми стали Принципы компенсации УНИДРУА и Путеводитель УНИДРУА.

В последнем случае УНИДРУА во многом ориентировался на успешность деятельности ISDA, объединив с ней усилия в области гармонизации правового регулирования ликвидационного неттинга. Эта работа уже принесла свои плоды, что подтверждается имплементацией модельных норм в праве нескольких государств. Представляется, что частичный отказ УНИДРУА от разработки многосторонних международных договоров является свидетельством перехода от унификации к гармонизации права как предпочтительному способу достижения целей сближения правового регулирования в сфере коммерческих отношений.

Список литературы

1. Богуславский М.М. 2020. *Международное частное право*. Москва: Норма: Инфра-М. 704 с.
2. Дмитриева Г.К. 2022. *Международное частное право*. Москва: Проспект. 1216 с.
3. Дмитриева Г.К. 2019. Цифровые финансовые активы: проблемы коллизионного регулирования. – *Актуальные проблемы российского права*. № 5. С. 120-128.
4. Доронина Н.Г. 1998. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции. – *Журнал российского права*. № 6. С. 53-67.

[22] 2018 ISDA Model Netting Act. URL: https://www.isda.org/book/2018-model-netting-act-and-guide/ (accessed date: 21.02.2026).

[23] An introduction to netting and set-off – Qatar and Qatar Financial Centre. URL: https://turtl.tamimi.com/story/an-introduction-to-netting-and-set-off-qatar-and-qatar-financial-centre/page/1 (accessed date: 21.02.2026).

[24] Publishes China Netting Opinion as FDL Comes Into Effect. URL: https://www.isda.org/a/dfagE/ISDA-Publishes-China-Netting-Opinion-as-FDL-Comes-Into-Effect.pdf (accessed date: 21.02.2026).

[25] ISDA publishes Saudi arabia netting opinions. URL: https://www.isda.org/2025/06/30/isda-publishes-saudi-arabia-netting-opinions/ (accessed date: 21.02.2026).

[26] Cliffordchance.com. URL: cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2025/01/new-uae-netting-law.pdf (accessed date: 21.02.2026).

5. Канашевский А.В. 2011. Коллизионное регулирование ценных бумаг: состояние и перспективы. – *Журнал российского права.* № 9 (177). С. 87-94.
6. Крутий Е.А. 2012. Соотношение понятий унификации и кодификации в современном международном частном праве. – *Международное публичное и частное право.* № 3. С. 7-10.
7. Примак Т.К., Серова О.А. 2015. Гармонизация, унификация, стандартизация в доктрине, правообразовании и правоприменении. – *Юридический вестник Самарского университета.* № 3. С. 71-78.
8. Хоррманн Е.А. 2012. Некоторые аспекты гармонизации и унификации частного права в Европейском союзе. – *Московский журнал международного права.* № 4. С. 35-149.
9. Briggs A. 2013. *The Conflict of Laws.* 3rd ed. Oxford: Oxford University Press. 393 p.
10. Borowicz K.M. 2021. Contracts as Regulation: the ISDA Master Agreement. – *Capital Markets Law Journal.* Vol. 16. No.1. P. 72-94.
11. Dalhuisen J.H. 2016. *Dalhuisen on Transnational and Comparative Commercial, Financial and Trade Law.* Vol. 5. Oxford: Hart Publishing. 532 p.
12. Goldring J. 1978. "Unification and Harmonisation" of the Rules of Law. – *Federal Law Review.* Vol. 9. P. 284-325.
13. Horst J. 2019. *Transnationale Rechtserzeugung Elemente einer normativen Theorie der Lex Financiaria.* Tubingen: Mohr Siebeck. 265 s.
14. Janger E. 2015. Symposium Introduction: Treatment of Financial Contracts in Bankruptcy and Bank Resolution. – *Brooklin Journal of Corporate, Financial & Commercial Law.* Vol. 10. Issue 1. P. 1-13.
15. Mooney Ch. W. 2010. Private Law and the Regulation of Securities Intermediaries: Perspectives under the Geneva Securities Convention and United States Law. – *Uniform Law Review.* No. 3/4. P. 801-813.
16. Roe M.T. 2011.The Derivatives Market's Payment Priorities as Financial Crisis Accelerator. – *Stanford Law Review.* Vol. 63. No. 3. P. 539-585.
17. Šimunović L. 2017. Legal Issues Regarding Netting in the Croatian Legal System. – *Zbornik PFZ.* 67(5). P. 867-894.
18. Stone P. 2010. *EU Private International Law. Second edition.* Cheltenham, Northampton: Edward Elgar. 562 p.
19. Van Galster G. 2016. *European Private International Law. Second Edition.* Portland: Hart Publishing. 520 p.

References

1. Briggs A. *The Conflict of Laws.* 3rd ed. Oxford: Oxford University Press. 2013. 393 p.
2. Boguslavskij M.M. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [Private international law].* 7-e izd. Moscow: Norma; Infra-M. 2020. 704 p. (In Russ.)
3. Borowicz K.M. Contracts as Regulation: the ISDA Master Agreement. – *Capital Markets Law Journal.* 2021. Vol. 16. No.1. P. 72-94.
4. Dalhuisen J.H. *Dalhuisen on Transnational and Comparative Commercial, Financial and Trade Law.* Vol. 5. Oxford: Hart Publishing. 2016. 532 p.
5. Dmitrieva G.K. *Mezhdunarodnoe chastnoe parvo [Private international law].* Moscow: Prospekt. 2022. 1216 p. (In Russ.)
6. Dmitrieva G.K. Tsifrovye finansovye aktivy: problemy kollizionnogoregulirovaniya [Digital financial assets: problems of conflict-of-law regulation]. – *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual problems of Russian law].* 2019. № 5. P. 120–128. (In Russ.)
7. Doronina N.G. Unifikatsiya i garmonizatsiya prava v usloviyakh mezhdunarodnoj integratsii [Unification and harmonization of law in the context of international integration]. – *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law].* 1998. № 6. P. 53–67. (In Russ.)
8. Goldring J. "Unification and Harmonisation" of the Rules of Law. – *Federal Law Review.* 1978. Vol. 9. P. 284-325.
9. Horst J. *Transnationale Rechtserzeugung Elemente einer normativen Theorie der Lex Financiaria.* Tubingen: Mohr Siebeck. 2019. 265 s.
10. Janger E. Symposium Introduction: Treatment of Financial Contracts in Bankruptcy and Bank Resolution. – *Brooklin Journal of Corporate, Financial & Commercial Law.* 2015. Vol. 10. Issue 1. P. 1-13.
11. Kanashevskij A.V. Kollizionnoe regulirovanie tsennykh bumag: sostoyanie i perspektivy [Conflict-of-law regulation of securities: current state and prospects]. – *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law].* 2011. № 9 (177). P. 87-94. (In Russ.)
12. Khorrmann E.A. Nekotorye aspekty garmonizatsii i unifikatsii chastnogo prava v Evropejskom soyuze [Some aspects of harmonization and unification of private law in the European Union]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow journal of international law].* 2012. № 4. P. 35-149. (In Russ.)
13. Krutiy E.A. Sootnoshenie ponyatij unifikatsii i kodifikatsii v sovremennom mezhdunarodnom chastnom prave [Correlation between the concepts of unification and codification in contemporary private international law]. – *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [International public and private law].* 2012. № 3. P. 7-10. (In Russ.)
14. Mooney Ch.W. Private Law and the Regulation of Securities Intermediaries: Perspectives under the Geneva Securities Convention and United States Law. – *Uniform Law Review.* 2010. No. 3/4. P. 801-813.
15. Primak T.K., Serova O.A. Garmonizatsiya, unifikatsiya, standartizatsiya v doktrine, pravoobrazovanii i pravoprimenenii [Harmonization, unification and standardization in doctrine, law-making and law enforcement]. – *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta [Legal bulletin of Samara University].* 2015. № 3. P. 71-78. (In Russ.)
16. Roe M.T. The Derivatives Market's Payment Priorities as Financial Crisis Accelerator. – *Stanford Law Review.* 2011. Vol. 63. No. 3. P. 539-585.
17. Šimunović L. Legal Issues Regarding Netting in the Croatian Legal System. – *Zbornik PFZ.* 2017. 67(5). P. 867-894.
18. Stone P. *EU Private International Law. Second edition.* Cheltenham, Northampton: Edward Elgar. 2010. 562 p.
19. Van Galster G. *European Private International Law.* Second Edition. Portland: Hart Publishing. 2016. 520 p.

Информация об авторе

Алексей Петрович КЛЕМЕНТЬЕВ
Кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования бизнеса факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Мясницкая ул., 20, Москва, 101000, Российская Федерация

aklementiev@hse.ru
ORCID 0000-0002-6598-507X

About the Author

Alexey P. KLEMENTIEV
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the School of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, National Research University Higher School of economics (HSE University)

Myasnitskaya St., 20, 101000, Moscow, Russian Federation

aklementiev@hse.ru
ORCID 0000-0002-6598-507X

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-203-226

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 21.02.2026
Принята к публикации: 23.06.2026

Константин Александрович КОСОРУКОВ
Министерство иностранных дел Российской Федерации
Смоленская-Сенная пл., 32/34, Москва, 119200, Российская Федерация
kakosorukov@mid.ru

КРИЗИС МЕХАНИЗМОВ РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ В КОНТЕКСТЕ «ЮРИДИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ»: НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ АРБИТРАЖНОГО РЕШЕНИЯ ВСЛЕДСТВИЕ ПРЕДВЗЯТОСТИ АРБИТРОВ И НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ПРОЦЕДУРЫ ПРИ ИХ НАЗНАЧЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА ПО «КЕРЧЕНСКОМУ ИНЦИДЕНТУ»)

ВВЕДЕНИЕ. *Система международного правосудия сталкивается с новым вызовом. В борьбе за международную легитимность государства все чаще обращаются к органам разрешения международных споров как инструменту внешней политики. В ряде случаев это приобретает характер «юридической войны» – злоупотребления механизмами разрешения международных споров в политических целях.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В статье уделено особое значение принципу независимости и беспристрастности органов международного правосудия – международных судов, арбитражей, квазисудебных инстанций. Рассмотрение спора независимым и беспристрастным составом судей (арбитров) является одним из ключевых условий согласия государства на такое рассмотрение, что в свою очередь представляет собой непременное требование для изначального возникновения полномочия рассматривать этот спор. От выполнения этого условия напрямую зависит легитимность самого суда или арбитража, а также действительность вынесенных им решений.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Проведенное автором научное исследование позволяет рассмотреть вопросы существования, содержания и соблюдения принципа независимости и беспристрастности арбитров, выполнения связанных с этим правил процедуры и оснований для признания арбитражного решения недействительным на примере межгосударственного арбитража ad hoc, учрежденного на основе Приложения VII к Конвенции Организации Объединенных Нация*

(далее – ООН) по морскому праву 1982 года для разрешения спора между Российской Федерацией и Украиной по так называемому Керченскому инциденту.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Путем изучения соответствующих правовых доктрин и анализа материалов дела выявлены несколько конкретных проблем, связанных с процедурой назначения арбитров, имеющих как локальное значение для арбитражей в рамках Приложения VII, так и более широкое, глобальное значение для ситуации в международном правосудии. Предложены конкретные варианты преодоления этих проблем в целях предупреждения политизации международных арбитражей, сохранения их беспристрастности и равноудаленности, что является незаменимым компонентом реализации принципа мирного урегулирования международных споров.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *принцип независимости и беспристрастности, международное правосудие, «юридическая война», легитимность, арбитраж, арбитр, назначение арбитров, предвзятость, отвод арбитра, Конвенция ООН по морскому праву, Международный Суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, правила процедуры, юрисдикция, недействительность*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Косоруков К.А. 2026. Кризис механизмов разрешения международных споров в контексте «юридической войны»: недействительность арбитражного решения вследствие предвзятости арбитров и нарушения правил процедуры при их назначении (на примере российско-украинского межгосударственного арбитража по «керченскому инциденту»). – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 203–226. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-203-226

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

PEACEFUL SETTLEMENT OF INTERNATIONAL DISPUTES

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-203-226

Research article
UDC: 341
Received 21 February 2026
Approved 23 June 2026

Konstantin A. KOSORUKOV
The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
32/34, Smolenskaya-Sennaya Sq., Moscow, Russian Federation, 119200
kakosorukov@mid.ru

CRISIS OF INTERNATIONAL DISPUTE RESOLUTION MECHANISMS IN THE CONTEXT OF "LAWFARE": RENDERING AN ARBITRAL DECISION NULL AND VOID AS A CONSEQUENCE OF ARBITRATOR BIAS AND BREACH OF RULES OF PROCEDURE REGULATING APPOINTMENT OF ARBITRATORS,

BY EXAMPLE OF THE "KERCH INCIDENT" INTER-STATE ARBITRATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND UKRAINE

INTRODUCTION. *The system of international justice faces a new challenge. In the struggle for international legitimacy States are increasingly turning to international dispute settlement bodies as an instrument of foreign policy. In a few cases it takes the form of "lawfare" – the abuse of international dispute settlement mechanisms for political purposes.*

MATERIALS AND METHODS. *The article highlights maintaining the independence and impartiality of international justice bodies – international courts, arbitrations, and quasi-judicial bodies – are of particular importance. Consideration of a dispute by an independent and impartial panel of judges (arbitrators) is one of the key conditions for the State's consent to such consideration, which in turn is an indispensable requirement for the initial emergence of the authority to consider this dispute. The legitimacy of the court or arbitration tribunal itself, as well as the validity of its decisions directly depends on the fulfillment of this condition.*

RESEARCH RESULTS. *Author's research spots the existence, content and observance of the principle of independence and impartiality of arbitrators, the execution of relative rules of procedure and the grounds for invalidating an arbitration award using the example of interstate ad hoc arbitration established on the basis of Annex VII to the 1982 UN Convention on the Law of the Sea to resolve a dispute between the Russian Federation and Ukraine related to the so-called "Kerch incident".*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Through examination of the relevant legal doctrines and analysis of the case materials, several specific problems of the procedure for the appointment of arbitrators have been identified, having both local significance for Annex VII arbitrations and broader, global significance for the situation in international justice. Options for overcoming these problems are proposed to prevent the politicization of international arbitrations, maintain their impartiality and equidistance, which is an indispensable component of the implementation of the principle of the peaceful settlement of international disputes*

KEYWORDS: *inter-state arbitration, principle of independence and impartiality, international justice, "lawfare", legitimacy, ad hoc, arbitrator, bias, challenge to arbitrator, International Tribunal for the Law of the Sea, rules of procedure, jurisdiction, null and void*

FOR CITATION: Kosorukov K.A. Crisis of International Dispute Resolution Mechanisms in the Context of "Lawfare": Rendering an Arbitral Decision Null and Void as a Consequence of Arbitrator Bias and Breach of Rules of Procedure Regulating Appointment of Arbitrators, by Example of the "Kerch Incident" Inter-State Arbitration between the Russian Federation and Ukraine. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 203–226. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-203-226

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Механизмы разрешения международных споров перед вызовом «юридической войны»

Мирное разрешение международных споров – важнейшая предпосылка, условие и гарантия мирного сосуществования и дружественного сотрудничества государств; свободный выбор средств мирного разрешения споров, включая международный арбитраж, служит делу укрепления международного правопорядка. В Гаагской конвенции о мирном решении международных столкновений 1907 г. провозглашалось, что «в вопросах юридического свойства и преимущественно в вопросах толкования или применения международных договоров третейский суд признается договаривающимися Державами самым действенным

и вместе с тем самым справедливым средством решения споров, не улаженных дипломатическим путем» (ст. 38)[1].

В то же время из общепризнанного принципа международного права о суверенном равенстве государств проистекает неоспоримое и безусловное требование согласия государства на разрешение споров с другими государствами[2] [Вылегжанин, Зинченко 2018:11-12], в том числе путем арбитража – это затвержено в решениях Постоянной палаты международного правосудия[3] [Вылегжанин 2016:272, 279, 287], и Международного Суда ООН[4], которые, являясь вспомогательными средствами для определения правовых норм[5] [Вылегжанин, Алферьева 2016:32], зачастую отражают нормы международного обычного права (широкий обзор соответствующих доктринальных источников, свидетельствующий о сложившемся в этом отношении консенсусе, приведен в работе А.Н. Вылегжанина, написанной в соавторстве с Р.А. Каламкаряном) [Вылегжанин, Каламкарян 2012:23-26]. Такое согласие, оформляемое в виде арбитражного соглашения (compromis d'arbitrage)[6], имеет необходимым условием порядок назначения арбитров[7], именно назначение арбитров в особом порядке по соглашению сторон характерно для международной арбитражной процедуры, в отличие от судебной[8]. Отмечается, что наличие в арбитражном соглашении двусмысленностей и лакун рискует «подорвать все разбирательство»[9].

К сожалению, международные механизмы разрешения споров все чаще становятся предметом злоупотреблений и политизации. Министр иностранных дел Российской Федерации (далее – МИД России) С.В. Лавров в обращении к II Международно-правовому форуму Содружества Независимых Государств 13 мая 2026 г. заявил: «В отношении государств, защищающих свой суверенитет, проводящих национально ориентированный внутри- и внешнеполитический курс, развернута полномасштабная „юридическая

---

[1] Гаагская конвенция о мирном решении международных споров. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51535/ (дата обращения: 01.09.2025).

[2] "Consent is a fundamental principle of international dispute settlement, according to which no State may be party to a case before the Court unless it has given its agreement. Equal and sovereign, States cannot be brought before an international court or tribunal against their will; they are free to decide whether to settle a dispute and, if so, to choose judicial settlement, negotiation, mediation, conciliation, arbitration or any other peaceful means of resolution they consider appropriate." The International Court of Justice: 80 Years in the Service of Peace and Justice. ICJ/UnitedNations. 2026. P. 47.

[3] Консультативное заключение Постоянной палаты международного правосудия от 23 июля 1923 г. по вопросу о статусе Восточной Карелии, п. 33. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/permanent-court-of-international-justice/serie_B/B_05/Statut_de_la_Carelie_orientale_Avis_consultatif.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

[4] См. напр.: Application of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism and of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (Ukraine v. Russian Federation). Preliminary Objections. Judgment. – *I.C.J. Reports*. 2019. P. 577. Par. 33. P. 584. Par. 57; Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia), Preliminary Objections. – *I.C.J. Reports*. 1996. P. 615. Par. 30; Immunities and Criminal Proceedings (Equatorial Guinea v. France). Preliminary Objections. Judgment. – *I.C.J. Reports*. 2018. P. 307. Paras. 42, 46-47.

[5] Ст. 38 Статута Международного Суда ООН.

[6] Стоит отметить, что согласие на арбитраж может оформляться как в виде отдельного документа (compromis), так и быть частью международного договора (как в случае с соответствующими положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.), именуясь тогда compromissory clause (т.е. буквально «положение о compromis»); данные термины применяются и к соглашениям о юрисдикции международных судебных органов, таких, как Международный Суд ООН. В некоторых случаях «компромиссорные» положения в основном тексте договора носят рамочный характер и дополняются либо специальными приложениями (как Приложения VII, VIII к Конвенции ООН по морскому праву), либо отдельным compromis, заключаемым между сторонами, где обычно прописываются более детальные правила, касающиеся назначения арбитров и иные существенные элементы процедуры.

[7] Цит. по: Комментарий к проекту конвенции об арбитражном процессе, принятом Комиссией международного права ООН на ее пятой сессии. Документ ООН A/CN.4/92. С. 35. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_92.pdf (дата обращения: 01.09.2025). См. также: ст. 2 Образцовых правил арбитражного процесса, разработанных Комиссией международного права ООН. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/10_1_1958.pdf; русский текст: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/arbitral_procedure.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

[8] "Arbitration, in general, is constituted by mutual consent of the States parties to a specific dispute where such parties retain considerable control over the process through the power of appointing arbitrators of their own choice." URL: https://legal.un.org/cod/books/handbookonpsd.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

[9] "Ambiguities cause conflict and delay and may often wreck the whole structure of settlement." (Feller)

война“»[10]. Главной целью «юридической войны» (lawfare), инициированной странами западного лагеря, является Россия – об этом свидетельствует множество претензий, выдвинутых против нашей страны в различных международных инстанциях[11]. Не стал исключением и межгосударственный арбитраж.

Совсем недавно было оглашено финальное решение арбитража *ad hoc*[12] по российско-украинскому спору о правах прибрежного государства в Черном море, Азовском море и Керченском проливе[13]. Данное дело, рассмотренное в полном соответствии с правилами процедуры, завершилось убедительной победой Российской Федерации[14]. Однако параллельно в межгосударственном арбитраже шло еще одно разбирательство между Россией и Украиной, путь которого оказался более тернистым.

21 августа 2025 г. Российская Федерация заявила о своем выходе из арбитражного процесса по Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. о задержании в Черном море в ноябре 2018 г. трех украинских военных кораблей и их экипажей. В настоящей статье рассматриваются правовые основания, причины и последствия такого шага российской стороны.

Согласно заявлению МИД России, «причиной выхода стали грубые процедурные нарушения при проведении разбирательства и нелегитимный состав арбитражного трибунала»[15]. Действительно, как представляется, в ходе разбирательства были нарушены существенные положения правил процедуры арбитража, а также принцип независимости и беспристрастности международных арбитров. Как будет показано ниже, подобного рода серьезные нарушения являются основанием для признания решений арбитража недействительными.

Сейчас, спустя почти год, данный арбитраж до сих пор находится в состоянии стагнации. Последовательная отставка цепочки арбитров препятствует продолжению разбирательства. В сумме из арбитража по различным причинам выбыли уже шесть его членов. Однако даже если процесс будет продолжен, его результат уже предопределен: ввиду допущенных нарушений никакое решение не будет иметь юридической силы.

2. Фабула дела и начальные этапы разбирательства

Фабула дела. Так называемый Керченский инцидент произошел 24–25 ноября 2018 г., когда Погранслужбой Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ России) были задержаны три украинских корабля (малые артиллерийские катера «Бердянск» и «Никополь», рейдовый буксир «Яни Капу») с их экипажами при попытке прорыва через Керченский пролив в Азовское море. 1 апреля 2019 г. Украина обжаловала действия российской стороны в рамках процедуры урегулирования споров Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Согласно ст. 287 Конвенции, государства-участники могут выбрать одну из нескольких процедур урегулирования споров, среди которых обращение в Международный Суд ООН, Международный трибунал по морскому праву, арбитраж *ad hoc* в рамках Приложения VII к Конвенции, или специальный арбитраж в рамках Приложения VIII. Если государства не сделали совпадающего выбора, тогда задействуется арбитраж *ad hoc* по Приложению VII. Именно этот порядок является преобладающим среди участников Конвенции, включая Россию и Украину.

[10] Видеообращение Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на II Международно-правовом форуме СНГ. Москва. 13 мая 2026 г. URL: https://mid.ru/ru/press_service/video/posledniye_dobavlnenniye/2108168/ (дата обращения: 15.05.2026).

[11] См. материалы секции «Международное правосудие: реалии „юридической войны“» XIV Петербургского международного юридического форума (ПМЮФ-2025). URL: https://legalforum.info/programme/business-programme/7740/; URL: https://tass.ru/politika/23983679 (дата обращения: 01.09.2025).

[12] Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/99649 (accessed date: 01.09.2025).

[13] Dispute Concerning Coastal State Rights in the Black Sea, Sea of Azov, and Kerch Strait (Ukraine v. the Russian Federation). URL: https://pca-cpa.org/en/cases/149/ (accessed date: 01.09.2025).

[14] См.: МИД России. Сообщение для СМИ от 15 июня 2026 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2118929 (дата обращения: 15.06.2026).

[15] Заявление МИД России в связи с выходом Российской Федерации из арбитражного процесса по «керченскому инциденту» 25 ноября 2018 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2042453/(дата обращения: 01.09.2025).

Рассмотрение Международным трибуналом по морскому праву (далее – МТМП) вопроса об обеспечительных мерах. Первым шагом в данном разбирательстве, оказавшем затем влияние на его дальнейшую судьбу, стало решение МТМП по ходатайству о временных мерах, поданному украинской стороной 16 апреля 2019 г. Согласно п. 5 ст. 290 Конвенции, до формирования специального арбитража *ad hoc* вопросы о назначении временных мер уполномочен решать МТМП. В мае 2019 г. большинством голосов (за исключением российского судьи Р.А. Колодкина[16]) трибунал поддержал украинское ходатайство[17]. Россия возражала против наличия у трибунала юрисдикции по данному делу[18]. В итоге украинские моряки были переданы на Украину в рамках обмена удерживаемыми лицами 7 сентября 2019 г.[19]; в ноябре того же года были возвращены и корабли.

Примечательно, что среди вынесших решение членов МТМП были исландец Томас Хейдар и танзаниец Джеймс Катека. Они голосовали против России, поддержав позицию большинства по принципиальным вопросам, имевшим значение и для рассмотрения дела по существу.

Формирование первого состава арбитража. Согласно ст. 3 Приложения VII, арбитраж состоит из пяти арбитров, двое из которых назначаются сторонами спора. Украина назначила британского юриста К. Гринвуда, бывшего судью Международного Суда ООН; Россия – профессора МГИМО и МГУ В.В. Голицына, бывшего судью МТМП. Оставшиеся три арбитра должны были назначаться по согласию сторон, а в случае отсутствия такого согласия в течение двух месяцев со дня уведомления о возбуждении дела – по назначению Председателя МТМП (п. "d" и "e" ст. 3). Поскольку согласия с Украиной достичь не удалось, 8 июля 2019 г. эти три арбитра были назначены Председателем МТМП Пайк Чжин Хюном (Республика Корея). Ими стали профессор Дональд Макрей (Канада), судья Рудигер Вольфрум (ФРГ) и судья Гудмундур Эйрикссон (Исландия).

Первым делом арбитраж принял собственные правила процедуры[20], которые сыграют большую роль в дальнейших событиях. Затем, рассмотрев предварительные возражения российской стороны[21], большинство арбитров пришло к выводу о наличии юрисдикции разрешить данный спор[22]. С аргументацией сторон можно подробно ознакомиться в опубликованных письменных материалах,[23] однако этот аспект разбирательства не является предметом настоящей статьи. Подчеркнем лишь, что российская сторона не согласилась с аргументацией решения и сохранила позицию об отсутствии у арбитража юрисдикции[24].

После решения о юрисдикции в составе арбитража начали происходить серьезные изменения. 26 марта 2023 г. ушел из жизни российский арбитр, юрист и дипломат В.В. Голицын[25]. Российская сторона выдвинула в состав арбитража профессора МГИМО А.Н. Вылегжанина. А вскоре после этого Российская Федерация обратилась в арбитраж с заявлением об отводе (recusal) арбитров Д. Макрея и Р. Вольфрума в связи с нарушением ими принципа независимости и беспристрастности[26].

---

[16] Dissenting Opinion of Judge Kolodkin. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/26/published/C26_DissOp_Kolodkin.pdf (accessed date: 01.09.2025).

[17] Case Concerning the Detention of Three Ukrainian Naval Vessels (Ukraine v. Russ.), Provisional Measures, Case No. 26 (May 25, 2019). URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/26/published/C26_Order_20190525.pdf (accessed date: 01.09.2025).

[18] См. заявление МИД России от 16 апреля 2019 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1458560/; Меморандум Российской Федерации от 7 мая 2019 г. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/26/published/C26_Memorandum_RF.pdf (дата обращения: 101.09.2025).

[19] История обмена удерживаемых лиц между Россией и Украиной в 2019 году. – *Редакция сайта ТАСС*. 07.09.2019. URL: https://tass.ru/info/6857363 (дата обращения: 01.09.2025).

[20] Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/5785 (accessed date: 01.09.2025).

[21] Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/32146 (accessed date: 01.09.2025).

[22] Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/38096 (accessed date: 01.09.2025).

[23] Writtensubmissions (страница арбитражного разбирательства). – *ППТС* : [сайт]. URL: https://pca-cpa.org/en/cases/229/ (accessed date: 01.09.2025).

[24] См.: сообщение МИД России от 25 мая 2019 г. URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3659504 (дата обращения: 01.09.2025).

[25] О кончине В.В. Голицына. URL: https://mid.ru/ru/activity/shots/vnutrivedomstvennye_novosti/nekrologi_pamyati_kolleg/1862122/ (дата обращения: 01.09.2025).

[26] См. текст заявления: Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/53142 (accessed date: 01.09.2025).

3. Нарушение принципа независимости и беспристрастности арбитров

Существование стандарта независимости и беспристрастности международных судей и арбитров. Принцип независимости, беспристрастности и добросовестности международного судьи закреплен в ст. 2 и 20 Статута Международного Суда ООН и считается общепризнанным в международно-правовой доктрине [Khan 2019:480]. Как указывает Т.Н. Нешатаева, «[в] отличие от национальных судов, которые обладают длительной историей и традициями, пользуются доверием, международные суды находятся в сложной ситуации: они должны доказать свою независимость и беспристрастность <…>» [Нешатаева 2019:27]. Независимость и беспристрастность «являются отличительной чертой любого судебного механизма, внутреннего или международного, основанного на идее верховенства закона»; их цель ‑ обеспечить «объективность и справедливость судопроизводства, гарантируя, что деятельность судей, как при разрешении конкретного спора, так и при содействии дальнейшему развитию права, определяется только самим законом, а не внешними, неправовыми факторами, будь то финансовые, политические, идеологические или личные» [Dunoff, Giorgetti, Hamamoto, Nottage, Ratner, Schill, Waibel 2019:1].

Согласно ст. 2 Приложения VII к Конвенции ООН по морскому праву, назначаемые для разрешения споров арбитры должны «пользоваться самой высокой репутацией справедливого, компетентного и честного человека». По сложившемуся мнению комментаторов, требование независимости и беспристрастности арбитров «является обязательным, от которого стороны не могут отступать» [Ameli 1999:90]. Данное требование «вытекает из основополагающего принципа естественного правосудия, признанного почти в каждой правовой системе, согласно которому нельзя быть судьей собственного дела (*nemo judex in sua causa*), а также из знаменитого принципа, выведенного лордом Хьюартом, согласно которому «важно, чтобы правосудие не только совершалось, но чтобы его свершение было явно и несомненно видимым» [Papayannis 2016:33-52].

Долг беспристрастности «налагает на арбитра обязанность рассматривать дело, отстранившись от всех предубеждений и интересов, связанных с объектом судебного разбирательства, и при необходимости взять самоотвод» [Papayannis 2016:33-52].

В российской правовой науке вопрос независимости и беспристрастности арбитров рассматривался в основном в контексте международных коммерческих арбитражей, но в целом выражаются аналогичные взгляды [Киселева 2025:154-163; Илькевич 2019:151-159] .

Данный устоявшийся принцип был отражен и в правилах назначения арбитров, принятых для российско-украинского арбитража по «Керченскому инциденту»[27]. Согласно п. 4.7 правил, члены арбитражного трибунала «должны заявить, что являются и останутся беспристрастными и независимыми… [они] обязаны незамедлительно уведомлять Стороны и других арбитров о любых впоследствии возникающих обстоятельствах, которые могут вызвать обоснованные сомнения в их беспристрастности или независимости».

Среди критериев беспристрастности в доктрине называются «отсутствие эмоциональной привязанности к делу», «прямого личного интереса» и «твердых политических взглядов по нему», отсутствие «этнических, расовых и религиозных предубеждений», а также наличие способности рассмотреть дело «свежим взглядом», отсутствие предварительной вовлеченности в его рассмотрение в качестве юриста [Megret 2011:43-44]. Считается, что «суть роли арбитра, помимо выполнения роли беспристрастной третьей стороны, разрешающей споры, заключается в том, чтобы избегать отражения личных пристрастий, предвзятости и предубеждений в законе, который им поручено применять и охранять, а также не подчиняться соображениям личной или политической целесообразности» [Hernández 2012:183-207].

В известном арбитраже между Маврикием и Великобританией о морском охраняемом районе архипелага Чагос стандарт непредвзятости арбитров был сформулирован следующим образом: «Сторона, оспаривающая полномочия арбитра, должна продемонстрировать и доказать, опираясь на применимые к межгосударственным разбирательствам стандарты, наличие

[27] С правилами назначения арбитров (Terms of Appointment) в данном деле можно ознакомиться по адресу: Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/5786 (accessed date: 01.09.2025).

обоснованных сомнений в независимости и беспристрастности данного арбитра в конкретном деле»[28]. Данный стандарт широко подтверждается межгосударственной арбитражной практикой[29] и, как будет показано ниже, использовался во всех случаях оспаривания полномочий арбитров в арбитражном разбирательстве между Россией и Украиной по делу о «Керченском инциденте».

Таким образом, можно говорить о существовании в доктрине консенсуса: арбитры должны отвечать определенным минимальным требованиям независимости и беспристрастности. Если же эти требования не соблюдаются, арбитры должны взять самоотвод или могут быть отведены Сторонами [Cleis 2017:183].

Право требовать отвода международных арбитров и судей в случае наличия оснований для сомнения в их непредвзятости является устоявшимся, хотя далеко не все арбитражные соглашения содержат соответствующие прямые положения [Hackworth 1943:83][30]. Специальное положение, посвященное отводу арбитров, было включено в Образцовые правила арбитражного процесса, разработанные в 1958 г. Комиссией международного права ООН (ст. 6; далее - КМП)[31]; согласно комментарию Секретариата КМП, это было сделано именно в целях заполнения существовавшей на тот момент лакуны в традиционных текстах арбитражных соглашений[32].

Данные правила стали во многом образчиком для последующей разработки Приложения VII к Конвенции ООН по морскому праву [Nordquist et. all 2002:421]. В то же время, по сравнению с документом КМП, Приложение VII было заметно сокращено. Так, в нем отсутствует положение об отводе арбитров, аналогичное ст. 6 Образцовых правил КМП. Тем не менее право затребовать отвод арбитра в связи с предвзятостью не подвергалось сомнению ни одной из сторон в рассматриваемом деле.[33] Оно также нашло отражение в разработанных ППТС факультативных правилах для межгосударственных арбитражей (ст. 12).[34]

Отвод Д. Макрея и Р. Вольфрума. Причиной для требования об отводе данных арбитров стала публикация в сборнике Института международного права (Institut de Droit International, IDI) списка членов Института, голосовавших за принятую этой организацией 1 марта 2022 г. «Декларацию об агрессии на Украине»[35]. В списке значились фамилии двух действующих арбитров – профессора Дональда Макрея и судьи Рюдигера Вольфрума.

Сперва российская сторона предложила Д. Макрею и Р. Вольфруму взять самоотвод. Однако оба арбитра отказались это сделать,

---

[28] "[A] party challenging an arbitrator must demonstrate and prove that, applying the standards applicable to inter-State cases, there are justifiable grounds for doubting the independence and impartiality of that arbitrator in a particular case." Chagos Marine Protected Area. Дело ППТС № 2011-03. Решение об оспаривании полномочий арбитра от 30 ноября 2011 г.. Пар. 166. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/1792 (accessed date: 01.09.2025).

[29] См.: ARA Libertad Arbitration (Argentina v. Ghana). Ст. 6(1) Правил процедуры; South China Sea Arbitration. Ст. 7(1) Правил процедуры; MOX Plant Case (Ireland v. UnitedKingdom). Ст. 6(1) Правил процедуры. См. также: Chagos Marine Protected Area Arbitration (Mauritius v. United Kingdom). Reasoned Decision on Challenge. 30 November 2011. Пар. 140-151.

[30] См. напр.: Hackworth G.H. Digest of International Law (Washington, 1943). Vol. 6. P. 83: "In the general run of protocols and in the Hague Conventions… no provision whatever is made for challenging either arbitrators or umpires because of unfitness, personal prejudice, interest in the subject-matter, or otherwise". Цит. по: Комментарий к проекту конвенции об арбитражном процессе, принятом КМП ООН на пятой сессии. – *Commentary on the Draft Convention on Arbitral Procedure Adopted by the International Law Commission at its Fifth Session.* UN document A/CN.4/92. P. 31.

[31] Model Rules on Arbitral Procedure.Yearbook of the International Law Commission. 1958. Vol. II. P. 84. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/10_1_1958.pdf (accessed date: 01.09.2025). Русский текст см.: Образцовые правила арбитражного процесса. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/arbitral_procedure.pdf (accessed date: 01.09.2025).

[32] Commentary on the Draft Convention on Arbitral Procedure Adopted by the International Law Commission at its Fifth Session. UNdocument A/CN.4/92. P. 32.

[33] См.: ответное письмо украинской стороны на требование об отводе Д. Макрея и Р. Вольфрума: «пытаясь оспорить своевременность и обоснованность российского требования, Украина при этом не оспаривает принципиальную возможность такого требования». URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/53144 (accessed date: 15.04.2026).

[34] Docs.pca-cpa.org : [сайт]. URL: https://docs.pca-cpa.org/2016/01/Optional-Rules-for-Arbitrating-Disputes-between-Two-States_1992.pdf (accessed date: 15/04/2026).

[35] Institute of International Law Yearbook. Vol. 83. 2022–2023. 81st Session of Angers. 2023. P. 21.

и Россия официально затребовала их исключение из состава арбитража.

Основание для отвода – прямая поддержка Декларации, носившей откровенно антироссийский характер. В документе, с текстом которого можно ознакомиться на веб-сайте IDI, Институт прямо заявил, что действия Российской Федерации якобы являются «агрессией», влекущей «ответственность по международному праву». При этом Институт проигнорировал юридическую позицию Российской Федерации о применении права на индивидуальную и коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН, а также о реализации ДНР и ЛНР права на самоопределение. Институт оставил без внимания множество фактов, среди которых антиконституционный вооруженный переворот в Киеве, последовавший восьмилетний внутренний вооруженный конфликт в Донбассе, Минские соглашения, поддержанные Советом Безопасности ООН, многочисленные жертвы среди гражданского населения в результате ударов ВСУ и зверств неонацистских батальонов, тотальная блокада региона со стороны Украины, и другие ключевые обстоятельства.

Стоит учесть, что Институт ни ранее, ни впоследствии не принимал столь жестких деклараций. Даже действия нацистской Германии во время Второй мировой войны не вызвали у членов Института подобного осуждения. В заявлении по поводу американского вторжения в Ирак, скромно названном «Декларация о применении силы»[36], не упоминаются ни США, ни Ирак, и действия США не квалифицируются как нарушение международного права. Более того, напоминая о принципе неприменения силы, Институт «равным образом» указал, что «акты терроризма, независимо от их источника, запрещены международным правом и составляют международное преступление» – тем самым фактически оправдывая вооруженное вмешательство Вашингтона. Ни малейшей реакции Института не вызвали военные действия США и НАТО против Югославии, Ливии, Сирии. В декларации по поводу военной операции США и Израиля против Ирана, принятой 31 марта 2026 г.[37], Институт не назвал эти действия «агрессией», а лишь отметил, что они «бросают вызов» (“challenge”) «основополагающим принципам… международного правопорядка, включая запрещение агрессии». При этом Институт не заявил о международной ответственности США, а напротив, обстоятельно изложил позицию Вашингтона о реализации права на самооборону, поставив Иран в положение «государства-агрессора», от которого США «принимают оборонительные меры». Одновременно Институт осудил Иран за якобы нарушения прав человека и поставил под сомнение право Ирана на ответные удары по базам США и НАТО на территориях третьих государств.

Действия Израиля в Палестине, являющиеся предметом разбирательства в Международном Суде ООН в связи с обвинениями в нарушении Конвенции о геноциде, вовсе не были прямо прокомментированы Институтом. В «Декларации о ситуации на Ближнем Востоке» от 19 ноября 2023 г.[38] Институт воздержался от какой-либо критики в адрес конкретных государств, ограничившись обезличенным призывом к соблюдению норм международного права.

Столь явная предвзятость Института, придерживающегося откровенно избирательного подхода в своих оценках соответствия действий государств международному праву, отражала позиции большинства его членов, проявляющих ангажированность при формулировании документов IDI и голосовании за них. В числе таких членов Института оказались арбитры Д. Макрей и Р. Вольфрум.

Примечательно, что члены Института, являвшиеся арбитрами по другому российско-украинскому спору (о прибрежных правах) – британец В. Лоу и южнокореец Ч.Х. Пайк – не стали участвовать в голосовании, прямо заявив, что это противоречило бы их статусу как арбитров. Также поступили и некоторые другие члены Института, являющиеся международными судьями, арбитрами, или адвокатами, в том числе

[36] Bruges Declaration on the Use of Force. September 2, 2003. URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/2003_bru_en.pdf (accessed date: 15.04.2026).

[37] Declaration of the Institute of International Law on the Military Operation against Iran. March 31, 2026. URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2026/04/20260331-Declaration-Iran-FINAL-EN.pdf (accessed date: 15.04.2026).

[38] Declaration of the Institute of International Law on the Present Situation in the Middle East. November 19, 2023. URL: https://www.idi-iil.org/en/declaration-de-linstitut-de-droit-international-sur-la-situation-presente-au-moyen-orient/ (accessed date: 01.09.2025).

по российско-украинским делам. Часть из них сделали заявления, где прямо указали, что должны проявить осмотрительность при голосовании за подобные документы.

Неосмотрительность Д. Макрея и Р. Вольфрума в демонстрации антироссийских взглядов и сокрытии этого факта от арбитража оказалась роковой не только для их статуса как арбитров, но и для судьбы всего арбитража с их участием.

Поскольку ни Приложением VII, ни собственными правилами процедуры арбитража не был установлен порядок рассмотрения заявлений об отводе арбитров, арбитраж решением № 8 от 15 декабря 2023 г. установил для этого специальную процедуру[39]. Вопрос о дисквалификации арбитров должен был решаться тремя оставшимися членами трибунала без участия профессора Макрея и судьи Вольфрума.

6 марта 2024 г. решением арбитража ходатайство России о дисквалификации арбитров было удовлетворено[40]. Как указано в п. 101 решения, «после тщательного изучения декларации IDI и обстоятельств ее принятия, арбитраж приходит к выводу, что голосование профессора Макрея и судьи Вольфрума в поддержку декларации IDI вызывают обоснованные сомнения в их непредвзятости в данном арбитражном разбирательстве». При этом арбитраж отвел все возражения украинской стороны. Арбитр от Украины К. Гринвуд заявил о своем особом мнении[41].

В своем решении арбитраж опирался на стандарт непредвзятости, установленный в указанном выше деле по архипелагу Чагос[42]. На тот же прецедент в части стандарта непредвзятости арбитров ссылались российская[43] и украинская[44] стороны, а также К. Гринвуд[45]. Д. Макрей и Р. Вольфрум не были допущены к голосованию по решению.

Немаловажный момент с точки зрения практики: по требованию украинской стороны арбитраж рассмотрел вопрос своевременности оспаривания, придя к выводу, что исходя из принципа добросовестности заявления об отводе арбитров должны подаваться своевременно, без излишней задержки. Арбитраж при этом не согласился с позицией Украины о применимости 30-дневного срока на обжалование, предусмотренного в Факультативных правилах Постоянной палаты третейского суда, отметив, что, даже если предположить знание российской стороны о факте голосования Д. Макрея и Р. Вольфрума до 1 сентября 2023 г. (как утверждала Украина), все равно шесть недель, прошедшие с этой даты до подачи Россией заявления об отводе (17 октября 2023 г.) являются разумным сроком.[46] Тем не менее данное требование необходимо брать на заметку, хотя оно релевантно и не для всех межгосударственных разбирательств (так, в Международном Суде ООН нет столь жестких ограничений на срок подачи заявлений об отводе судей).

Данное решение арбитража в целом является знаменательным: был создан **важный прецедент, закрепляющий, что публичная поддержка антироссийских заявлений несовместима со статусом независимого и беспристрастного арбитра**.

4. Существенное нарушение процедуры назначения арбитров

Наличие пробела в правилах процедуры по вопросу о назначении новых арбитров в случае отвода.

Правилами процедуры арбитража[47] (ст. 5) было предусмотрено, что процедура назначения арбитров регламентируется ст. 3 Приложения VII к Конвенции ООН 1982 г. В свою очередь, согласно подп. “d” ст. 3 Приложения VII назначение трех арбитров из пяти происходит по соглашению сторон спора. Если же в течение 60 дней после получения уведомления об инициировании разбирательства (ст. 1 Приложения VI) стороны

[39] Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/51176 (accessed date: 01.09.2025).
[40] Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/52784 (accessed date: 01.09.2025).
[41] Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/52785 (accessed date: 01.09.2025).
[42] См. п. 89–90 Решения по оспариванию полномочий арбитров (Decision on the Challenges).
[43] Statement of Challenges. para. 7; Reply. Paras. 3–5. Citing Chagos Marine Protected Area Arbitration (Mauritius v. United Kingdom). PCA Case No. 2011-03. Reasoned Decision on Challenge of 30 November 2011. Para. 166.
[44] Response. P. 1–2. Citing Chagos Marine Protected Area Arbitration (Mauritius v. United Kingdom). PCA Case No. 2011-03. Reasoned Decision on Challenge. 30 November 2011. Paras. 151, 166; Rejoinder. P. 2.
[45] См.: п. 2 Особого мнения судьи Гринвуда URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/52785 (accessed date: 01.09.2025).
[46] См. подп. 97–99 решения арбитража от 6 марта 2024 г.
[47] Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/5785 (accessed date: 01.09.2025).

не смогли достичь договоренности о назначении одного или более членов арбитража, назначаемых по соглашению, или о назначении председателя, то оставшееся назначение или назначения по просьбе одной из сторон в споре производятся в соответствии с подп. "e" ст. 3 Председателем МТМП. Такая просьба представляется не позднее двух недель после истечения вышеуказанного 60-дневного срока. При этом согласно подп. "f" ст. 3 «[в]акантные должности заполняются в том же порядке, который установлен для первоначальных назначений».

Как указала российская сторона[48], поскольку обращение к Председателю МТМП возможно только в течение двух недель после истечения 60-дневного срока со дня уведомления о начале разбирательства (что речь именно об этом дне, а не каком-либо ином, подтверждается авторитетным Вирджинским комментарием к Конвенции ООН по морскому праву под ред. М. Нордквиста [Nordquist et. al 2002:428]), данная процедура не может быть применена – ведь со дня получения уведомления об инициировании разбирательства (1 апреля 2019 г.) прошло уже значительно более 60 дней.

Нарушение же указанного срока при назначении арбитров, согласно Вирджинскому комментарию, является основанием для прекращения арбитража. Как прямо указано в комментарии, если Председателю МТМП поступает обращение от одной из сторон о назначении арбитра, но при этом пропущены процессуальные сроки, установленные подп. "c" и "d" ст. 3 (две недели после истечения, соответственно, 30 или 60 дней со дня инициирования разбирательства), он обязан обратиться к другой стороне, и если эта другая сторона либо возразит против назначения (как сделала Российская Федерация), либо оставит обращение без ответа, «Председатель [МТМП] не сможет продолжить [назначение] и сторона, инициировавшая разбирательство, должна будет начинать процесс заново, строго соблюдая процессуальные сроки» [Nordquist et. al 2002:428-429]).

Специально на этот случай собственными правилами процедуры арбитража было предусмотрено, что «в случае самоотвода, неспособности осуществлять функции арбитра, или смерти арбитра… вакансия будет заполнена в том же порядке, который установлен для первоначального назначения соответствующего арбитра согласно статье 3 Приложения VII к Конвенции, *с тем пониманием, что сроки, установленные в указанной статье, будут исчисляться начиная с даты уведомления Сторон о самоотводе, неспособности выполнять свои функции или смерти арбитра*» (ст. 6 Регламента; курсив наш. – *К.К.*).

Тем самым лакуна, существовавшая в Приложении VII, была заполнена специальными правилами процедуры арбитража, однако не полностью, поскольку ст. 6 не охватывала случаи дисквалификации арбитров после оспаривания их полномочий. Таким образом, пробел в правилах процедуры сохранялся именно в отношении обстоятельств, сложившихся в рассматриваемом деле. Существование этого пробела подтверждается практикой межгосударственных арбитражей, где известны случаи принятия специальных правил, заполняющих данную лакуну – включая вышеупомянутый знаковый арбитраж по архипелагу Чагос[49].

По мнению российской стороны, наличие пробела означало, что арбитраж должен самостоятельно определить процедуру назначения арбитров, задействуя предоставленное ему п. 2 ст. 1 Регламента право разрешать любой процедурный вопрос в случае, если он не урегулирован ни самим Регламентом, ни Приложением VII: "To the extent that any question of procedure is not expressly governed by these Rules or by Annex VII to the Convention or other provisions of the Convention, the question shall be decided by the Arbitral Tribunal after ascertaining the views of the Parties". Эта возможность могла быть использована арбитражем, чтобы обеспечить максимальную нейтральность и беспристрастность новых арбитров – например, путем достижения согласия сторон с помощью более гибкого метода выбора арбитров через «открытые списки».

Украина, однако, заняла иную позицию, и со ссылкой на п. "f" ст. 3 Приложения VII заявила о возникновении у нее права обратиться к Председателю МТМП через 60 дней после отвода

[48] Письма российской стороны от 29 июня 2024 г., 9 августа 2024 г. и 6 декабря 2024 г.

[49] См.: Chagos Marine Protected Area Arbitration (Mauritius v. United Kingdom). Rules of Procedure (29 March 2012). Article 7. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/1567 (accessed date: 01.09.2025).

Д. Макрея и Р. Вольфрума, смешав самоотвод (withdrawal) и дисквалификацию в результате оспаривания полномочий (removal as a result of successful challenge)[50].

18 июля 2024 г. арбитраж вынес процедурное решение № 9[51], в котором фактически согласился с позицией российской стороны по двум ключевым вопросам:

1) уведомление, о котором идет речь в п. "d" ст. 3 Приложения VII – это действительно уведомление об инициировании разбирательства, в данном деле полученное 1 апреля 2019 г., и, следовательно, «тот же порядок», предусмотренный п. "f" ст. 3 Приложения VII, не может включать сроки, которые начинают течь с этого момента;

2) ст. 6 собственных правил процедуры арбитража не охватывает случаи дисквалификации арбитров после успешного оспаривания их полномочий, будучи numerus clausus (ограниченным перечнем) и включая только случаи самоотвода, неспособности выполнять свои функции или смерти арбитра[52].

Однако, даже выявив эту критическую лакуну в правилах процедуры, арбитраж не предпринял действий по ее заполнению, несмотря на наличие у него не просто полномочия, но обязанности это сделать в соответствии с п. 2 ст. 1 Регламента. Вместо этого арбитры К. Гринвуд и Г. Эйрикссон проголосовали против удовлетворения просьбы России об определении специальной процедуры назначения арбитров взамен ранее отведенных. Без объяснения причин арбитры заявили, что поставленный Россией вопрос о наличии пробела в процедуре назначения арбитров «утратил актуальность» (*become moot*)[53]. Российский арбитр, профессор А.Н. Вылегжанин приложил к решению свое особое мнение[54].

Решение арбитража тем более вызывает удивление, что ранее этот же арбитраж уже принимал решения об определении особой процедуры ввиду пробела в правилах процедуры: именно таким образом решился вопрос о порядке рассмотрения заявления российской стороны об отводе Д. Макрея и Р. Вольфрума.

Как было впоследствии указано в заявлении МИД России, арбитраж тем самым «отказался выполнить свою прямую обязанность, закрепленную в Правилах процедуры – определить специальный порядок назначения новых арбитров»[55].

В результате Украина в одностороннем порядке, со ссылкой на п. "f" и "e" ст. 3 Приложения VII, обратилась к Председателю МТМП с требованием назначить двух арбитров взамен Д. Макрея и Р. Вольфрума.

Назначение Председателем МТМП Томасом Хейдаром новых арбитров не соответствовало правилам процедуры.

Несмотря на многочисленные и обоснованные возражения России, 8 июля и 19 июля 2024 г. Украина направила обращения о назначении арбитров к Председателю Международного трибунала по морскому праву, которым к тому времени стал исландец Томас Хейдар, ранее голосовавший против России при рассмотрении данного дела на стадии обеспечительных мер.

8 августа 2024 г. Т. Хейдар, не проведя очных консультаций со сторонами и не отреагировав на обращения российской стороны с указанием на необоснованность украинского ходатайства, возложил на своего соотечественника Г. Эйрикссона председательство арбитража, а новыми арбитрами взамен отведенных назначил Джеймса Катеку (Танзания) и Джоанну Моссоп (Австралия).

Назначение Т. Хейдаром новых арбитров было оценено российской стороной как нарушающее два ключевых положения правил процедуры арбитража. Во-первых, Т. Хейдар не учел отсутствие основания для применения п. "e" и "f" ст. 3 Приложения VII, поскольку обращение к Председателю МТМП за назначением новых

---

[50] Письмо украинской стороны от 6 мая 2024 г. (цит. по: Письмо российской стороны от 6 декабря 2024 г. С. 8. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/88709 (дата обращения: 01.09.2025)); письмо украинской стороны от 8 июля 2024 г. (цит. по: Процедурное решение арбитража № 9. С. 8. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/58182 (accessed date: 01.09.2025)).

[51] Процедурное решение арбитража № 9. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/58182 (accessed date: 01.09.2025).

[52] Процедурное решение арбитража № 9. П. 40, 44.

[53] Процедурное решение арбитража № 9. П. 47.

[54] Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/66628 (дата обращения: 01.09.2025).

[55] Заявление МИД России в связи с выходом Российской Федерации из арбитражного процесса по «Керченскому инциденту» 25 ноября 2018 г. – *МИД РФ : [сайт]*. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2042453/ (дата обращения: 22.08.2025).

арбитров могло быть подано только в течение двух недель после истечения 60-дневного срока с момента начала арбитражного разбирательства, и этот срок давно истек, а установить новую процедуру арбитраж отказался. Как указывается в доктрине, «ничто в статье 3 Приложения VII не дает Председателю МТМП безусловного права удовлетворять ходатайства о назначении арбитра… Председатель МТМП может произвести назначение лишь при выполнении всех условий, установленных в Приложении VII» [Gao 2017:732].

Во-вторых, Т. Хейдар не провел с российской стороной консультаций, требуемых согласно п. "e" ст. 3 Приложения VII. Председатель МТМП сперва поставил заведомо нереалистичные сроки очной встречи, затем отказался от проведения встречи в сроки, предложенные российской стороной, и в одностороннем порядке заявил о проведении консультаций в письменной форме по переписке[56]. Следует отметить, что письменная форма консультаций Председателя МТМП со сторонами если и применялась в межгосударственной арбитражной практике, то лишь когда одна из сторон не участвовала в арбитраже[57] [Gao 2017:745-746].

На этом основании **9 августа 2024 г. Российская Федерация заявила о нелегитимности нового состава арбитража и о приостановлении своего участия в разбирательстве**[58].

5. Предвзятость новых арбитров, назначенных председателем МТМП

Назначенные Т. Хейдаром новые арбитры также проявляли признаки предвзятости и ангажированности против Российской Федерации. Казалось бы, после столь громкого решения об отводе двух арбитров ввиду их предвзятости против России, можно было ожидать, что новые арбитры будут назначаться с учетом необходимости обеспечить их нейтральную позицию как по отношению к России в целом, так и по отношению к конкретным обстоятельствам дела. К сожалению, этого не произошло: оба назначенных Т. Хейдаром новых арбитра имели практически те же основания для сомнений в их непредвзятости, что и ранее отведенные.

Австралийка Д. Моссоп в 2022 г. голосовала за антироссийскую декларацию Австралийского и Новозеландского Общества международного права (ANZSIL), аналогичную декларации IDI, за поддержку которой были отведены Д. Макрей и Р. Вольфрум[59]. Об этом факте ни Т. Хейдар, ни сама Д. Моссоп не информировали стороны разбирательства. Однако 13 августа 2024 г. профессор Моссоп заявила о своем решении отказаться от статуса арбитра. В качестве причины был назван «конфликт интересов»[60].

28 октября 2024 г. Т. Хейдар – вновь в нарушение правил процедуры арбитража – назначил на место Д. Моссоп судью из Ямайки Кэти-Энн Браун.

Что касается Д. Катеки, он был членом IDI и принимал участие в голосовании по антироссийской декларации Института. Хотя в отличие от Д. Макрея и Р. Вольфрума, он воздержался при голосовании, однако сделал заявление, раскрывающее его принципиальную поддержку основных антироссийских тезисов декларации.

Кроме того, Д. Катека в социальных сетях распространил сообщение, квалифицирующее действия России на Украине как «неоколониализм». Наконец, как уже отмечалось, Д. Катека выступал в качестве судьи МТМП при разбирательстве ходатайства Украины о введении временных мер по данному делу, и вместе с Т. Хейдаром голосовал против Российской Федерации, в том

---

[56] См.: письмо Посла по особым поручениям Г.В. Кузьмина от 21 августа 2025 г. П. 64. С. 18. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/89647 (дата обращения: 01.09.2025).

[57] В качестве примеров можно назвать арбитражи по Южно-Китайскому морю (Филиппины против КНР), "Arctic Sunrise" (Нидерланды против Российской Федерации) и "Duzgit Integrity" (Мальта против Сан Томе и Принсипи). См. соотв. исследование: Gao J. Appointment of Arbitrators by the President of the ITLOS pursuant to Article 3 of Annex VII to the LOS Convention: Some Tentative Observations. – *Chinese Journal of International Law*. 2017. Par. 34. P. 745-746.

[58] С соответствующим письмом российской стороны можно ознакомиться по адресу: Pcacases.com : [сайт]. https://pcacases.com/web/sendAttach/88705 (accessed date: 01.09.2025).

[59] Anzsil.org.au : [сайт]. URL: https://anzsil.org.au/resources/Statement%20of%20Concern%20on%20the%20Conflict%20in%20Ukraine%20from%20Members%20and%20Supporters%20of%20the%20Australian%20and%20New%20Zealand%20Society%20of%20 International%20Law.pdf (access date: 01/09/2025).

[60] См.: письмо российской стороны от 21 августа 2025 г. С. 8.

числе по вопросам, имеющим значение для разрешения дела по существу[61].

Российская сторона опротестовала назначение Д. Катеки в качестве арбитра. В письмах Посла по особым поручениям Г.В. Кузьмина от 6 сентября и 6 декабря 2024 г. подробно изложена соответствующая аргументация[62]. Воздержание Д. Катека при голосовании по декларации Института международного права, по мнению России, не означало его беспристрастности – ведь в своем сопроводительном заявлении он возразил лишь по некоторым формулировкам текста (например, предложил заменить термин «агрессия» на «применение силы»), однако в остальном согласился со всеми основными посылами декларации. Ретвит арбитром Катекой поста с явной риторикой против одной из сторон спора также не должен оцениваться как самостоятельное явление, а рассматриваться в совокупности с его выступлением по вопросу голосования за декларацию IDI.

Однако двое из трех действовавших тогда арбитров – назначенный Украиной британец К. Гринвуд, и бывший коллега Д. Катеки и Т. Хейдара по МТМП исландец Г. Эйрикссон – в решении от 11 апреля 2025 г. не поддержали отвод танзанийского арбитра[63].

В том, что касается стандарта непредвзятости, арбитраж вновь использовал формулу дела по архипелагу Чагос[64], однако применил ее непоследовательно, проигнорировав явно выраженную политико-юридическую ангажированность Д. Катеки по отношению к событиям на Украине и действиям Российской Федерации. Российский арбитр профессор А.Н. Вылегжанин, голосовавший в пользу отвода, приложил к решению свое особое мнение, в котором указал, в частности, что «существует фундаментальная разница между простым воздержанием при голосовании и воздержанием, которое сопровождается заявлением, которое согласуется с большей частью формулировок и всем содержанием принятого документа»; при применении стандарта беспристрастности следует учитывать не только формальные действия (как, например, акт голосования), но и фактическое выражение мнения арбитром[65].

В итоге состав арбитража складывался следующим образом:

1) все три арбитра, не назначенные сторонами, были назначены Председателем МТМП исландцем Т. Хейдаром, голосовавшим против России по данному делу на стадии временных мер, с нарушением правил процедуры и без консультаций с российской стороной;

2) председателем арбитража Т. Хейдар назначил своего соотечественника Г. Эйрикссона;

3) Два других арбитра, назначенных Т. Хейдаром – Д. Моссоп и Д. Катека – публично поддерживали антироссийские заявления, аналогичные декларации IDI, при этом Д. Моссоп была вынуждена взять самоотвод;

4) В целом пять назначенных арбитров происходили из государств Западного лагеря (Австралия, Великобритания, Исландия, Ямайка) и/или делали антироссийские заявления в контексте конфликта на Украине (Д. Моссоп, Д. Катека).

Решение арбитража по возражению Российской Федерации против назначения новых арбитров. Существенные процедурные нарушения при назначении арбитров были обжалованы российской стороной, оспорившей наличие у арбитража юрисдикции[66]. Однако новый состав арбитража 29 июля 2025 г. большинством голосов отклонил российские возражения[67]. Фактически новоназначенные арбитры Д. Катека и К.-Э. Браун выступили «судьями в собственном деле», проголосовав в пользу законности своего назначения и отсутствия процедурных нарушений со стороны Т. Хейдара. Их поддержали назначенный Украиной британец К. Гринвуд (ранее голосовавший против оспаривания полномочий

[61] Case Concerning the Detention of Three Ukrainian Naval Vessels (Ukraine v. Russ.). Provisional Measures. Case No. 26. May 25, 2019. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/26/published/C26_Order_20190525.pdf (accessed date: 01.09.2025).

[62] Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/70778; https://pcacases.com/web/sendAttach/88709 (accessed date: 01.09.2025).

[63] Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/70802 (accessed date: 01.09.2025).

[64] См.: п. 82–83 Решения арбитража от 11 апреля 2025 г.

[65] Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/70803 (accessed date: 01.09.2025).

[66] С полным изложением соответствующей аргументации можно ознакомиться в письмах российской стороны от 9 августа, 6 сентября и 6 декабря 2024 г. URL: https://pca-cpa.org/en/cases/229 (дата обращения: 01.09.2025).

[67] Pca-cpa.org : [сайт]. URL: https://pca-cpa.org/en/cases/229/ (accessed date: 01.09.2025).

Д. Макрея и Р. Вольфрума) и председатель арбитража исландец Г. Эйрикссон (соотечественник Т. Хейдара). Российский арбитр А.Н. Вылегжанин заявил свое особое мнение, в котором обосновал несправедливость данного решения[68].

Мнение российской стороны об этом решении детально изложено в письме представителя Российской Федерации – Посла по особым поручениям Г.В. Кузьмина в адрес арбитража, опубликованном на веб-сайте ППТС[69].

Ключевой вывод арбитража – в случае замены арбитров после дисквалификации назначение новых арбитров автоматически осуществляется в соответствии с п. "e" ст. 3 Приложения VII, т.е. Председателем МТМП. Этот вывод был сделан несмотря на существование явного пробела в ст. 3, ранее констатированного тем же арбитражем.

По мнению арбитров, голосовавших против России, предлагаемое российской стороной толкование якобы сделало бы ст. 3 (п. "f") неэффективной. Однако нельзя не заметить, что именно толкование, данное арбитражем, лишило практического смысла всю процедуру назначения арбитров, закрепленную в ст. 3 Приложения VII, во всех случаях замены арбитров после дисквалификации, поскольку исключило применение п. "d" ст. 3, нивелируя главный способ назначения арбитров – по согласию сторон. Таким образом, назначение арбитров по согласию сторон, по мнению арбитража, вообще не должно осуществляться в ситуации назначения новых арбитров взамен дисквалифицированных, если последних назначал Председатель МТМП.

При этом арбитраж вновь уклонился от очевидной возможности разрешить проблему путем заполнения лакуны в правилах процедуры установлением специальной процедуры назначения арбитров согласно п. 2 ст. 1 Регламента. Повторно, и опять без объяснения причин, арбитры объявили вопрос о наличии пробела и необходимости его заполнения «утратившим актуальность»[70].

Это необоснованное, на наш взгляд, расширение полномочий Председателя МТМП, при уклонении арбитража от выполнения своих обязанностей, не только нарушило права ответчика, но и создало новое препятствие в реализации задачи обеспечения беспристрастности и независимости международных арбитров при решении споров в рамках Конвенции ООН по морскому праву.

6. Основания для признания последующих решений арбитража недействительными

Грубые процедурные нарушения и выявленная предвзятость ряда арбитров являются основанием для признания нового состава арбитража нелегитимным, а его решений – лишенными юридической силы.

Как еще в XVII в. писал С. фон Пуфендорф в своем фундаментальном трактате "De Jure Naturaeet Gentium", опиравшемся на труды Г. Гроция и Т. Гоббса, «к заявлению о том, что нужно подчиниться решению арбитра, независимо от того, справедливо оно или нет, следует относиться скептически. Ибо как мы не можем отказаться от решения, вынесенного против нас, хотя бы мы и возлагали большие надежды на наше дело, так и его решение, конечно, не будет для нас обязательным, если совершенно очевидно, что он потворствовал другой стороне, или был подкуплен подарками от нее, или заключил соглашение, чтобы обмануть нас. Ибо кто явно склоняется к той или иной стороне, тот непригоден и дальше выступать в роли арбитра» [Pufendorf 1688:829]).

В XIX в. И. Блюнчли указывал, что «решение третейского суда может быть признано недействительным: а) в случае превышения третейским судом своей компетенции; б) в случае недостаточной преданности долгу и попрания правосудия со стороны арбитров; в) если арбитры отказались заслушать стороны или нарушили любой другой основополагающий принцип процедуры; г) если арбитражное решение противоречит международному праву»[71]. В. Холл, перечисляя основания для «оставления без внимания» арбитражного решения, называл среди них явное превышение полномочий,

[68] Pcacases.com : [сайт]. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/82305 (accessed date: 01.09.2025).

[69] Решение арбитража от 29 июля 2025 г. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/89647 (дата обращения: 01.09.2025).

[70] Там же. Подп. 137, 140.

[71] Bluntschli, Johann Kaspar. Le droit international codifie (Paris, 1886). Sect. 495. P. 289. Qtd in: Commentary on the Draft Convention on Arbitral Procedure Adopted by the International Law Commission at its Fifth Session, prepared by the Secretariat. A/CN.4/92. April 1955. United Nations Publication. Sales No.: 1955. Vol. 1. P. 55-56.

предоставленных арбитражным соглашением [Hall 1924:420].

Классики международного права XX в. подтверждали эту позицию. Р. Дженнингс называл два основания недействительности: «во-первых, то, которое вытекает из совершения юридического правонарушения, и, во-вторых, то, которое вытекает из попытки достичь законной цели вне пределов требуемого способа или процедуры или за рамками определенных пределов компетенции» [Jennings 1965:72]. Э. Лаутерпахт прямо заявлял, что «решение, вынесенное арбитром за рамками условий арбитражного соглашения… является недействительным *ab initio* и не является обязательным для сторон», подчеркивая, что данная точка зрения является преобладающей в доктрине [Lauterpacht 1965:89-90]. По мнению Лаутерпахта, основаниями для оспаривания действительности арбитражного решения являются: «явное *ultra vires*, например, решение по вопросу, который не был передан на рассмотрение в арбитраж; ошибка в толковании положений арбитражного соглашения; неприведение оснований решения; или серьезное отклонение от фундаментального правила процедуры»[Lauterpacht 1965:92].Процедурные нарушения (*error in procedendo*) влекут недействительность арбитражного решения, когда приводят к лишению стороны разбирательства фундаментального права и нарушению ее материального интереса [Carlston 1945:38-39].

Мнение, что нарушение процедуры может «с одной стороны… дать основание для весьма серьезного сомнения, напрямую касающегося изначальной ценности судебного решения, а с другой стороны, повлечь последствия, подрывающие сам авторитет решения и его способность служить основой для урегулирования спора», высказывалось судьями Международного Суда ООН в деле Гвинеи-Биссау против Сенегала[72]. Сам Суд в своем решении указал, что аннулирование арбитражного решения допустимо в случаях, когда арбитраж действует в явном противоречии со своей компетенцией, возложенной на него арбитражным соглашением, выходя за пределы или отказываясь от выполнения своих полномочий. Согласно решению Суда, подобное грубое нарушение возможно, когда арбитраж неверно применяет правила интерпретации положений арбитражного соглашения, регулирующих его полномочия. При этом Суд подчеркнул, что арбитраж в первую очередь должен стремиться действовать согласно прямому и обычному значению этих положений, и придерживаться условий арбитражного соглашения, которые представляют собой часть его объекта и цели, поскольку лишь на этих условиях стороны согласились уполномочить арбитраж на разрешение спора[73]. В результате Суд базировал свое решение именно на букве арбитражного соглашения между сторонами.

В числе таких процедурных нарушений, несомненно, следует рассматривать невыполнение надлежащего порядка назначения арбитров. Международный Суд ООН в консультативном заключении о мирных договорах с Болгарией, Венгрией и Румынией подчеркнул, что арбитраж может приобрести свою «изначальную легитимность» (initial validity), только если «формирование его состава произошло в соответствии с волей сторон, выраженной в арбитражном соглашении»[74]. В доктрине отмечают, что процедуру назначения арбитров, предусмотренную соглашением об арбитраже, не следует сбрасывать со счетов, holus bolus, как несущественную. … …необходимо приложить все усилия, чтобы оставаться в рамках форм, предписанных арбитражным соглашением, поскольку таковое является выражением воли сторон.

Данные принципы нашли отражение в международных договорах и их проектах, касающихся международных арбитражей. Особо следует подчеркнуть, что в этих документах зачастую прямо указывается на нарушение правил формирования арбитража как основание для отмены арбитражного решения. Так, согласно

[72] "On the one hand, […] give rise to a very serious doubt directly affecting the intrinsic value of a judicial decision while, on the other hand, produc[e] effects that undermine the very authority of the Award and its capacity to serve as a basis for dispute settlement." Arbitral Award of 31 July 1989 (Guinea-Bissau v. Senegal). Judgment of 12 November 1991. Joint Dissenting Opinion of Judges Aguilar Mawdsley and Ranjeva. Пар. 7.

[73] Case Concerning The Arbitral Award Of 31 July 1989 (Guinea-Bissau v. Senegal) Judgment of 12 November 1991. – *I.C.J. Reports.* 1991. P. 53. С. 69-70. Подп. 47-49. См. также: Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area, Judgment. – *I.C.J. Reports.* 1984. P. 266. Пар. 23.

[74] Interpretation of Peace Treaties (second phase). Advisory Opinion. – *ICJ Reports.* 1950. P. 229. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/8/008-19500718-ADV-01-00-EN.pdf (accessed date:15.04.2026).

ст. V Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., решение арбитража не признается и не исполняется, если «состав арбитражного органа или арбитражный процесс не соответствовали соглашению сторон» ("The composition of the arbitral authority or the arbitral procedure was not in accordance with the agreement of the parties"). Аналогичное положение содержится в ст. 34 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже. В Конвенции 1965 г. о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (ICSID)[75] в качестве оснований для аннулирования арбитражного решения приводятся, среди прочих: если арбитраж был сформирован ненадлежащим образом; если он явно превысил свои полномочия; если имела место коррупция арбитра; если произошло серьезное отступление от существенного правила процедуры[76].

В упомянутых выше Образцовых правилах арбитражного процесса Комиссии международного права ООН среди оснований для признания арбитражного решения недействительным указаны следующие: арбитраж превысил свои полномочия (excess of power); имела место коррупция арбитра; и «серьезное отступление от какой-либо основополагающей процессуальной нормы» (ст. 35)[77].

Под «коррупцией арбитра» понимается «не только получение денег за вынесение определенного решения… но и вообще любые действия, которые приведут, или с высокой долей вероятности могут привести, к отходу от непредвзятости члена суда или арбитража» [Oellers-Frahm 2023:5]. Отступление от фундаментальных правил процедуры подразумевает «пренебрежение такими принципами, как равенство сторон и принцип *audiatur et altera pars,* а также беспристрастности судей» [Oellers-Frahm 2023:5].

В целом в современной доктрине уже говорится о наличии «общего единогласия по основным причинам для аннулирования международного судебного решения» [Oellers-Frahm 2023:1]. Согласно официальным комментариям к проекту Конвенции об арбитражной процедуре КМП, «арбитражное решение, вынесенное в нарушение подобных основополагающих принципов, не является юридически обязывающим для сторон. Теория и практика всецело подтверждают, что, когда одно или более условий для действительности арбитражного решения отсутствуют, государство не обязано выполнять это решение»[78].

Как представляется, нарушение порядка назначения арбитров, предусмотренного арбитражным соглашением, приводящее к систематическому назначению арбитров, предвзятых против одной из сторон, является нарушением всех этих принципов.

Несоблюдение согласованного сторонами порядка назначения арбитров, приводящее к систематическому назначению арбитров, предвзятых против одной из сторон спора, несомненно, может рассматриваться в качестве такого фундаментального нарушения.

Как пишет Д. Тамада, превышение полномочий (excès de pouvoir) может иметь форму *ultra petita* (выход за пределы полномочий) и *infra petita* (отказ от выполнения полномочий) [Tamada 2018:252].

В рассматриваемом деле *отказом от выполнения полномочий,* как представляется, являлось решение арбитража по ходатайству Российской

[75] Convention on the settlement of investment disputes between States and nationals of other States. Opened for signature at Washington, on 18 March 1965. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20575/volume-575-I-8359-English.pdf (accessed date:15.04.2026).

[76] Хотя данные документы касаются коммерческого арбитража или государственно-частных споров и сами по себе не применяются к межгосударственным арбитражам, в данном случае их положения можно рассматривать как отражающие развитие общих принципов арбитража. Однако следует учесть, что в межгосударственных арбитражах важны прежде всего документы и практика, касающиеся межгосударственных споров: на это, в частности, обратил внимание арбитраж при рассмотрении требования об отводе арбитров в деле об архипелаге Чагос, отказавшись принимать во внимание документы, связанные с частными арбитражами, такие, как руководство IBA по конфликту интересов (см. пар. 165 решения от 30 ноября 2011 г.).

[77] Model Rules on Arbitral Procedure. – *Yearbook of the International Law Commission.* 1958. Vol. II. P. 86. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/10_1_1958.pdf (accessed date: 15.04.2026). Русский текст см.: Образцовые правила арбитражного процесса. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/arbitral_procedure.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

[78] См.: комментарий к статье 30 проекта Конвенции об арбитражной процедуре. Документ A/CN.4/92. С. 105. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_92.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

Федерации об определении правил назначения новых арбитров взамен отведенных. Вопреки явному наличию пробела в правилах Приложения VII, арбитраж отказался выполнить свою прямо установленную регламентом функцию о заполнении таких пробелов путем определения процедуры *ad hoc.* Вместо этого арбитраж дважды, и без адекватного пояснения, объявил данный вопрос «утратившим актуальность».

Далее, *выходом за пределы полномочий* стало назначение Т. Хейдаром новых арбитров, несмотря на отсутствие у него права это делать ввиду невыполнения условий, предусмотренных Приложением VII, и подтверждение арбитражем легитимности этих назначений. Вынося такое решение, арбитры сослались на якобы нарушение строгим толкованием норм Приложения VII принципа эффективности (effetutile) – хотя фактическая корректность этого толкования была ранее подтверждена самим арбитражем. Однако помимо упомянутой выше абсурдности данного утверждения (ведь альтернативная интерпретация, предложенная арбитражем, «лишает эффективности» целый ряд других норм, касающихся порядка назначения арбитров), Международный Суд ООН при рассмотрении дел об обжаловании арбитражных решений в связи с невыполнением правил о назначении арбитров отводил соображения, основанные на этом принципе.

Так, в вышеупомянутом консультативном заключении о толковании мирных договоров Суд прямо указал, что «принцип интерпретации, выраженный в максиме: *Ut res magis valeat quam pereat,* часто называемый правилом эффективности, не может стать Суду оправданием для придания положениям об урегулировании споров в Мирных Договорах значение, которое, как было сказано выше, противоречило бы их букве и духу»[79]. Суд заключил, что «полномочие назначить [члена Комиссии по урегулированию спора] проистекает исключительно из соглашения сторон, выраженного в положениях Договоров, посвященных разрешению споров; по самой своей природе подобное положение должно толковаться строго и может применяться лишь в прямо предусмотренных [этими положениями] случаях»[80]. Как указывал Ш. Розен, вынося это решение, Международный Суд исходил из того, что неспособность одной из сторон назначить своего арбитра не подразумевала полномочий сторонней инстанции (в том случае – Генсекретаря ООН) назначить этого арбитра, даже если эта инстанция обладала подобным полномочием в иных предусмотренных правилами процедуры случаях [Rosenne 1993:303]. Хотя в рассматриваемом деле правила процедуры, разумеется, отличаются, сохраняется общий принцип: соображения «эффективности» не могут преобладать над буквальными положениями соглашения о порядке назначения арбитров.

Согласно Вирджинскому комментарию к Конвенции ООН по морскому праву, неверное применение статьи 3 Приложения VII может дать основание для заявления о неправомерном формировании арбитража *ab initio* [Nordquist et al. 1989:429].

Как следствие, в качестве превышения полномочий следует рассматривать, по всей видимости, все решения, вынесенные арбитражем в его нелегитимном составе, начиная с решения по вопросу об оспаривании юрисдикции, и включая, разумеется, возможное эвентуальное решение по существу дела. Необходимо подчеркнуть, что все арбитры, которые могут быть назначены Т. Хейдаром в будущем в нарушение порядка, установленного Приложением VII и собственными правилами процедуры арбитража, также не будут иметь легитимного статуса.

Многочисленные нарушения, допущенные арбитражем и Председателем МТМП, дали российской стороне основание заявить, что спор будет рассматриваться «органом, сформированным нелегитимно и без участия Российской Федерации, члены которого откровенно настроены против России». Согласно заявлению МИД России, к моменту выхода Россией уже «была представлена обширная и убедительная доказательственная база юридического и фактологического характера, подтверждающая отсутствие в действиях российских органов каких-либо нарушений международного права»[81].

---

[79] "The principle of interpretation expressed in the maxim: *Ut res magisvaleat quam pereat,* often referred to as the rule of effectiveness, cannot justify the Court in attributing to the provisions for the settlement of disputes in the Peace Treaties a meaning which, as stated above, would be contrary to their letter and spirit."

[80] Interpretation of Peace Treaties (second phase). Advisory Opinion. – *I.C.J. Reports.* 1950. P. 228-229. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/8/008-19500718-ADV-01-00-EN.pdf (accessed date: 01.09.2025).

[81] Заявление МИД России в связи с выходом Российской Федерации из арбитражного процесса по «керченскому инциденту» 25 ноября 2018 г. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2042453/ (дата обращения: 01.09.2025).

Высказав свою позицию, **российская сторона прекратила дальнейшее участие в процессе ввиду отсутствия у нелегитимного состава арбитража полномочий продолжать рассмотрение дела**[82].

Впоследствии о своем выходе из арбитража объявил российский арбитр А.Н. Вылегжанин[83]. Назначенный вместо него Т. Хейдаром (все с тем же нарушением процедуры) вьетнамский дипломат и юрист-международник Нгуен Хонг Тхао (Nguyen Hong Thao) после тщательного ознакомления с материалами дела также принял решение о сложении с себя полномочий арбитра. В настоящее время работа арбитража приостановлена до его реконституции. Однако, как было указано выше, никакие новые назначения уже не изменят сложившуюся реальность нелегитимности данного арбитража и недействительности его решений.

7. Вскрытые проблемы в процедуре урегулирования споров в рамках Конвенции ООН по морскому праву, их первопричины и возможные методы их решения

Данное дело вскрыло существенные проблемы в процедуре формирования арбитражей по спорам в рамках Конвенции ООН по морскому праву. Делегирование полномочий по назначению арбитров Председателю МТМП в случае отсутствия согласия сторон себя не оправдало – в сумме шестеро назначенных Председателями МТМП арбитров в данном деле оказались предвзятыми и/или происходили из антагонистичных по отношению к России государств (Д. Макрей, Р. Вольфрум, Д. Катека, Д. Моссоп, Г. Эйрикссон и К.-Э. Браун). Председатель МТМП Т. Хейдар имел гражданство Исландии – государства ‑ члена НАТО, недружественного по отношению к Российской Федерации[84], и даже зная о причинах отвода арбитров Макрея и Вольфрума назначил арбитрами Катеку и Моссоп, имевших аналогичные признаки предвзятости, а председателем арбитража выбрал своего соотечественника Г. Эйрикссона. Решение арбитража о том, что Председатель МТМП получает автоматическое право назначать арбитров взамен отведенных, если отведенные арбитры также ранее назначались Председателем МТМП, представляет собой грубое нарушение Приложения VII к Конвенции, необоснованно расширяя полномочия Председателя МТМП и усугубляя проблему в случае его предвзятости.

Таким образом, были вскрыты **пять существенных проблем в процедуре назначения арбитров, негативно влияющих на соблюдение принципа независимости и беспристрастности:**

1) неурегулированность в Приложении VII вопроса о назначении арбитров взамен отведенных, и неготовность арбитража заполнить эту лакуну путем выработки специальной процедуры. Данную проблему можно решить в будущих арбитражах путем четкой регламентации данного вопроса в правилах процедуры самого арбитража;

2) полномочия Председателя МТМП по назначению трех из пяти арбитров в случае отсутствия согласия сторон по их кандидатурам. Если Председатель МТМП оказывается предвзятым против одной стороны и в пользу другой, это означает, что **четыре арбитра из пяти** окажутся настроенными против этой стороны (трое назначенные Председателем, и один назначенный другой стороной);

3) неоправданное расширение полномочий Председателя МТМП. Трудно согласиться с решением арбитража о том, что Председатель МТМП автоматически имеет право назначать новых арбитров взамен ранее отведенных, если отведенные арбитры также были в свое время назначены Председателем МТМП. Необходимо иметь в виду обязательное условие, закрепленное в Приложении VII, о назначении арбитров по согласию сторон, когда это возможно, и задействовании Председателя МТМП только как вспомогательного механизма назначения;

4) недостаточный учет политико-географической представленности – когда в политически напряженном споре подавляющее большинство

[82] См.: письмо Посла по особым поручениям Г.В. Кузьмина от 21 августа 2025 г. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/89647 (дата обращения: 01.09.2025).

[83] См.: пресс-релиз ППТС от 5 января 2026 г. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/91508 (дата обращения: 15.04.2026).

[84] См.: Перечень иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р (ред. от 29.10.2022).

арбитров составляют лица, связанные с государствами, принадлежащими к одному геополитическому лагерю, поддерживающему одну из сторон спора;

5) назначение арбитрами судей МТМП, ранее уже рассматривавших данное конкретное дело и выносивших по нему решение на иной стадии разбирательства, т.е. уже имеющих сформировавшуюся позицию по многим обстоятельствам дела, в том числе, возможно, решающим для существа дела.

Данные проблемы не являются уникальными для дел с участием Российской Федерации. Как уже было сказано, феномен «юридической войны» затрагивает не только нашу страну, но и другие страны многополярного мира, проводящие суверенную политику. Государства западного лагеря активно используют органы международного правосудия для оказания давления на своих геополитических оппонентов. Ими были поданы иски в Международный Суд ООН против Ирана[85] и Республики Беларусь[86]. Значительный резонанс имело разбирательство в международном арбитраже *ad hoc,* инициированное Филиппинами против КНР по вопросу о статусе Южно-Китайского моря. Тогда позицию Филиппин поддержал ряд стран Запада, в поддержку же КНР выступили страны Глобального Юга и центры силы многополярного мира, включая Россию[87]. Согласно тщательно обоснованной правовой позиции, высказанной китайскими юристами, арбитраж не обладал юрисдикцией для рассмотрения данного спора[88]. Отдельное внимание было уделено формированию состава арбитража, который был признан предвзятым, нерепрезентативным и не учитывающим особенности международно-правовой практики в Азиатско-Тихоокеанском регионе[89]. В особенности отмечалось, что председатель МТМП С. Янай, назначивший четырех из пяти арбитров, происходил из государства, исторически и политически занимавшего антикитайскую позицию по тематике Южно-Китайского моря; по мнению авторов позиционного документа КНР, это должно было повлечь его самоотвод. В результате же его действия поставили под сомнение непредвзятость арбитров и легитимность арбитража[90].

На этих основаниях КНР отказалась от участия в разбирательстве и заявила о недействительности финального арбитражного решения[91].

Стоит отметить, что характерной чертой претензий Филиппин была формулировка вопроса, де-факто касающегося делимитации морских границ и государственной принадлежности морских пространств, таким образом, чтобы обойти заявление КНР об исключении подобных вопросов из обязательной юрисдикции согласно ст. 298 Конвенции ООН по морскому праву. Арбитраж пошел на поводу у филиппинской стороны и согласился с этой трактовкой, расширив тем самым свою компетенцию за пределы согласия КНР на юрисдикцию[92]. Подобная «маскировка» (camouflage) неподсудных вопросов принадлежности территорий, применения силы и т.д. под другие, с целью распространения на них юрисдикции в рамках обязательных процедур рассмотрения споров, активно применялась оппонентами Российской Федерации в Международном Суде ООН и межгосударственных арбитражах; однако российская сторона достаточно успешно

---

[85] Aerial Incident of 8 January 2020 (Canada, Sweden, Ukraine and United Kingdom v. Islamic Republic of Iran). URL: https://www.icj-cij.org/case/190 (accessed date: 01.09.2025).

[86] Alleged Smuggling of Migrants (Lithuania v. Belarus). URL: https://www.icj-cij.org/case/200 (accessed date: 01.09.2025).

[87] Путин: Россия солидарна с КНР, не признавшей решение суда по Южно-Китайскому морю. – *ТАСС*. 5 сентября 2016 г. URL: http://tass.ru/politika/3595565 (дата обращения: 01.09.2025).

[88] Position Paper of the Government of the People's Republic of China on the Matter of Jurisdiction in the South China Sea Arbitration Initiated by the Republic of the Philippines, 7 December 2014. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1217147.shtml (accessed date: 01.09.2025).

[89] Там же. Подп. 902-916. С. 624-629.

[90] Там же. П. 911. С. 627.

[91] Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on the Award of 12 July 2016 of the Arbitral Tribunal in the South China Sea Arbitration Established at the Request of the Republic of the Philippines, 2016-07-12. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367334.html (accessed date: 01.09.2025).

[92] Position Paper of the Government of the People's Republic of China on the Matter of Jurisdiction in the South China Sea Arbitration Initiated by the Republic of the Philippines, 7 December 2014. Paras. 112-124. См. также: Кошкин В. Решение международного арбитража по Южно-Китайскому морю: обзор позиций китайских экспертов. – *Международное правосудие*. № 2 (30). С. 38-39.

обороняется от этих попыток[93]. В арбитраже по ЮКМ был применен и иной прием, характерный для современной «юридической войны»: массовое вмешательство в процесс третьих государств, выступивших в качестве якобы нейтральных «наблюдателей», а на деле поддерживающих одну из сторон спора[94]; аналогичным образом страны Запада пытались оказать давление на Международный Суд ООН путем так называемой массовой интервенции в российско-украинское разбирательство по Конвенции о геноциде[95]. Наряду с предвзятостью и нерепрезентативностью состава арбитража, эти средства свидетельствуют о целенаправленной политике злоупотребления судебными и арбитражными процедурами.

Первопричины и методы решения выявленных проблем. По всей видимости, возникновение этих проблем объясняется «разбалансировкой» мировой «системы сдержек и противовесов», когда с окончанием Холодной войны страны Запада решили добиваться своей гегемонии через установление «порядка, основанного на правилах», формулируемых согласно их собственным интересам.

Как указал Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров: «Сейчас ооноцентричная система переживает глубокий кризис. Первопричиной стало стремление отдельных членов Организации подменить международное право и Устав ООН неким „порядком, основанным на правилах“». [Лавров 2023:72-81]. Безусловно, это касается и международного правосудия. Те структуры и институты, которые в период после Второй мировой войны, под влиянием представлений о добросовестном сотрудничестве, создавались и функционировали с опорой на баланс двух систем, подвергаются переформатированию под интересы только одного глобального игрока. В результате ими может быть утрачена нейтральность и равноудаленность, затрудняя их использование в качестве инструментов разрешения международных споров или их ключевых элементов (в том числе механизмов назначения независимых и беспристрастных арбитров). На примерах МУС, ЕСПЧ и других дискредитировавших себя структур (таких, как Совет Международной организации гражданской авиации) мы видим, к чему приводит политизация – к отказу от базовых принципов правосудия.

Наделение международных институтов, подвергающихся давлению и политизации, односторонними полномочиями по назначению арбитров создает угрозу политизации межгосударственных арбитражей. Как представляется, следует вернуться к основам арбитража – добровольности и воле сторон в определении состава арбитров и правил процедуры. Необходимо увеличивать представленность в мировом пуле арбитров ‑ специалистов из стран многополярного мира, проводящих суверенную политику, обеспечивать их назначение в арбитражи, затрагивающие права и интересы этих стран.

Принцип беспристрастности и независимости должен распространяться не только на самих арбитров, но и на призванные быть нейтральными механизмы их назначения. Иначе этот принцип выхолащивается и обессмысливается. Так, в ситуации предвзятости Председателя МТМП при назначении арбитров в рамках Приложения VII к Конвенции ООН по морскому праву, *четверо из пяти* арбитров, т.е. 80 % состава арбитража, рискуют оказаться также предвзятыми против одной из сторон (трое, назначаемые Председателем МТМП, и один, назначаемый другой стороной). Причем даже в случае успешного отвода кого-то из них, взамен Председателем будут назначены столь же ангажированные фигуры – как и произошло в российско-украинском деле с назначениями Д. Моссоп и Д. Катеки после отвода Д. Макрея и Р. Вольфрума. Сходная ситуация сложилась ранее в арбитраже

[93] См. напр.: решение Международного Суда ООН от 2 февраля 2024 г., согласно которому были отклонены все выдвинутые Украиной обвинения в якобы нарушении Российской Федерацией Конвенции о геноциде, на основании отсутствия юрисдикции для их рассмотрения. Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation: 32 States intervening), Preliminary Objections, Judgment. – *I.C.J. Reports.* 2024. Par. 151 (2). P. 422. См. также: решения международного арбитража *ad hoc* от 22 апреля 2025 г. по российско-украинскому делу о правах прибрежного государства в Черном море, Азовском море и Керченском проливе. URL: https://pcacases.com/web/sendAttach/99649 (accessed date: 01.09.2025).

[94] Position Paper of the Government of the People's Republic of China on the Matter of Jurisdiction in the South China Sea Arbitration Initiated by the Republic of the Philippines. December 7, 2014. Подп. 916–920. С. 629-632. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1217147.shtml (accessed date: 01.09.2025).

[95] Icj-cij.org : [сайт]. URL: https://www.icj-cij.org/case/182/intervention .

по Южно-Китайскому морю, где, как указывалось выше, назначение Председателем МТМП четырех из пяти арбитров имело признаки предвзятости.

Видимо, это требует пересмотра подхода к реализации арбитражной процедуры в рамках Конвенции. Необходимо заполнить лакуны, выявленные в Приложении VII. Оптимально было бы сделать это путем корректировки текста Приложения, но поскольку это потребовало бы внесения поправок в Конвенцию, данный вариант выглядит малоперспективным. Остается возможность заполнения лакун через принятие соответствующих правил процедуры арбитража. Если члены арбитража не будут согласны заполнить эти явные пробелы, это поставит под сомнение их объективность.

Далее, должна существовать возможность отвода Председателя МТМП от выполнения функции по назначению арбитров, если имеются разумные сомнения в его непредвзятости. Отсутствие соответствующего прямого положения в Приложении VII не должно исключать такую возможность, точно так же как не исключается возможность отвода арбитров, хотя она прямо и не предусмотрена Приложением VII. Кроме того, в п "e" ст. 3 Приложения VII уже заложена определенная основа под такую возможность: «Если Председатель не может предпринять действия в соответствии с настоящим подпунктом или если он является гражданином одной из сторон в споре, назначение производится следующим по старшинству присутствующим членом Международного трибунала по морскому праву, который не является гражданином какой-либо из сторон в споре». Фразу «не может предпринять действия в соответствии с настоящим подпунктом» ("unable to act under this subparagraph") можно интерпретировать как охватывающую ситуации предвзятости Председателя.

При отсутствии такой возможности для отвода, в ситуации, когда формирование объективного и непредвзятого состава арбитража становится невозможным ввиду предвзятости назначающего органа, а механизма обжалования решений не предусмотрено, арбитраж должен считаться утратившим свою легитимность, а его решения – не имеющими юридической силы, на основании невыполнения фундаментального требования об объективности и непредвзятости арбитров. Иначе межгосударственные арбитражи, обладающие обязательной юрисдикцией согласно ст. 287 Конвенции ООН по морскому праву, рискуют превратиться из механизма добросовестного урегулирования разногласий в инструмент «юридической войны».

Проблема «юридической войны» и связанных с ней злоупотреблений международной юстицией является универсальной. Как представляется, в интересах всех здравомыслящих государств – не допустить политизации органов международного правосудия, имеющих критическое значение для реализации принципа мирного разрешения международных споров.

Список литературы

1. Вылегжанин А.Н., Алферьева К.Е. 2016. Вклад Международного Суда ООН в развитие международного экономического права. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 31-48.
2. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. 2012. Значение международного обычая в современном международном праве. – *Московский журнал международного права*. № 2. С. 5-29.
3. Вылегжанин А.Н., Зинченко О.И. 2018. Юрисдикция Международного Суда ООН: некоторые теоретические вопросы. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 6-32.
4. Илькевич А.А. 2019. Беспристрастность арбитров как основа профессионального стандарта их деятельности. – *Вопросы российской юстиции*. № 2. С. 151-159.
5. Лавров С.В. Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах». – *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 4. С. 72-81.
6. Нешатаева Т. 2019. Международный судья: ничего личного. – *Международное правосудие*. № 1 (29). С. 23-42.
7. Ameli K. 1999. Impartiality and Independence of International Arbitrators. – *Revue de Recherche Juridique*. No. 27-28. Universite Chahid Behechti. P. 89-109.
8. Carlston K.S. 1945. Procedural Problems in International Arbitration. – *American Journal of International Law*. Vol. 39. P. 38-39.
9. Cleis M.N. 2017. *The Independence and Impartiality of ICSID Arbitrators: Current Case Law, Alternative Approaches and Improvement Suggestions*. Leiden: Brill Nijhoff. 302 p.
10. Dunoff J., Giorgetti Ch., Hamamoto Sh., Nottage L., Ratner St., Schill St., Waibel M. 2019. *Lack of Independence and Impartiality of Arbitrators*. University of Amsterdam. UvA-DARE (Digital Academic Repository). P. 1.
11. Gao J. 2017. Appointment of Arbitrators by the President of the ITLOS pursuant to Article 3 of Annex VII to the LOS Convention: Some Tentative Observations. – *Chinese Journal of International Law*. Vol. 16. № 4. P. 723-749.
12. Gleider I. Hernández. 2012. Impartiality and Bias at the International Court of Justice. – *Cambridge Journal of International and Comparative Law*. Vol. (1) 3. P. 183-207.

13. Hackworth G.H. *Digest of international law.* Washington, D.C.: U.S. G.P.O. 1940-1944. Vol. VI (1943). P. 83.
14. Hall W.E. 1924. *A Treatise on International Law.* 8th ed. Oxford.
15. Jennings R.Y. 1965. *Nullity and Effectiveness in International Law.* Cambridge Essays in International Law. London, Stevens & Sons. Dobbs Ferry. New York. Oceana Publications. Inc. P. 64-88. P. 72.
16. Khan D.-E., Zimmermann A., Tams Ch.J. 2019. *The Statute of the International Court of Justice: A Commentary.* 3rd ed., OUP. P. 480.
17. Lauterpacht E. 1965. *The Legal Effect of Illegal Decisions of International Organizations.* Cambridge Essays in International Law. London, Stevens & Sons. Dobbs Ferry. New York. Oceana Publications, Inc. P. 88-122. P. 89-90. P. 92.
18. Megret F. 2011. International Judges and Experts' Impartiality and the Problem of Past Declarations. – *Law and Practice of International Courts and Tribunals.* Vol. 10. No. 1. P. 31-66.
19. Nordquist M.H. et al. 1989. *United Nations Convention on the Law of the Sea: A Commentary.* Vol. VI. P. 421, 428-429.
20. Oellers-Frahm K. 2023. Judicial and Arbitral Decisions, Validity and Nullity. – *Oxford Public International Law.* Oxford University Press. P. 5. Paras. 3, 10, 12.
21. Papayannis D.M. 2016. Independence, Impartiality and Neutrality in Legal Adjudication. – *Revus: Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law.* Vol. 28. P. 33-52.
22. Pufendorf S.V. 1934. *De Jure Naturaeet Gentium. Oldfather Translation.* 1688 ed. Oxford. Vol. II. Book V. Chap. XIIII. Sect. 4. P. 829. Цит. по: Commentary on the Draft Convention on Arbitral Procedure Adopted by the International Law Commission at its Fifth Session, prepared by the Secretariat. A/CN.4/92. April 1955. United Nations Publication. Sales No.: 1955. V. 1. P. 106.
23. Rosenne S. 1993. The International Court of Justice and International Arbitration. – *Leiden Journal of International Law.* Vol. 6. P. 297-322.
24. Tamada D. 2018. Applicability of the Excess of Power Doctrine to the ICJ and Arbitral Tribunals. – *The Law and Practice of International Courts and Tribunals.* Vol. 17. № 2. P. 251-270.

References

1. Ameli K. Impartiality and Independence of International Arbitrators. – *Revue de Recherche Juridique.* 1999. No. 27-28. Universite Chahid Behechti. P. 89-109.
2. Carlston K.S. Procedural Problems in International Arbitration. – *American Journal of International Law.* 1945. Vol. 39. P. 38-39.
3. Cleis M.N. *The Independence and Impartiality of ICSID Arbitrators: Current Case Law, Alternative Approaches and Improvement Suggestions.* Leiden: Brill Nijhoff. 2017. 302 p.
4. Dunoff J., Giorgetti Ch., Hamamoto Sh., Nottage L., Ratner St., Schill St., Waibel M. *Lack of Independence and Impartiality of Arbitrators.* University of Amsterdam. UvA-DARE (Digital Academic Repository). 2019. P. 1.
5. Gao J. Appointment of Arbitrators by the President of the ITLOS pursuant to Article 3 of Annex VII to the LOS Convention: Some Tentative Observations. – *Chinese Journal of International Law.* 2017. Vol. 16. № 4. P. 723-749.
6. Gleider I. Hernández. Impartiality and Bias at the International Court of Justice. – *Cambridge Journal of International and Comparative Law.* 2012. Vol. (1) 3. P. 183-207.
7. Hackworth G.H. *Digest of international law.* Washington, D.C.: U.S. G.P.O. 1940-1944. Vol. VI (1943). P. 83.
8. Hall W.E. *A Treatise on International Law.* 8th ed. Oxford. 1924.
9. Ilkevich A.A. Bespristrastnost arbirtov kak osnova professionalnogo standarta ih deyatelnosti [Impartiality of arbitrators as a basis of professional standard of their activity]. – *Voprosy rossijskoj justitsii [Issues of Russian Justice].* 2019. № 2 (In Russ).
10. Jennings R.Y. *Nullity and Effectiveness in International Law. Cambridge Essays in International Law.* London, Stevens & Sons. Dobbs Ferry. New York. Oceana Publications. Inc. 1965. P. 64-88.
11. Khan D.-E., Zimmermann A., Tams Ch.J. *The Statute of the International Court of Justice: A Commentary.* 3rd ed., OUP. 2019. P. 480.
12. Lauterpacht E. *The Legal Effect of Illegal Decisions of International Organizations.* Cambridge Essays in International Law. London, Stevens & Sons. Dobbs Ferry. New York. Oceana Publications, Inc. 1965. P. 88-122.
13. Lavrov S.V. Podlinnaya mnogostoronnost' i diplomatiya protiv «poryadka, osnovannogo na pravilakh» [Genuine Multilateralism and Diplomacy vs the "Rules-Based Order"]. – *Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs].* 2023. T. 21. № 4. S. 72-81. (In Russ).
14. Megret F. International Judges and Experts' Impartiality and the Problem of Past Declarations. – *Law and Practice of International Courts and Tribunals.* 2011. Vol. 10. No. 1. P. 31-66.
15. Neshataeva T. Mezhdunarodnyy sud'ya: nichego lichnogo [The International judge: nothing personal]. – *Mezhdunarodnoe pravosudie [International Justice].* 2019. Vol. 9. No.1. P. 23-42 (In Russ).
16. Nordquist M.H. et al. *United Nations Convention on the Law of the Sea: A Commentary.* 1989. Vol. VI. P. 421, 428-429.
17. Oellers-Frahm K. Judicial and Arbitral Decisions, Validity and Nullity. – *Oxford Public International Law.* 2023. P. 5. Paras. 3, 10, 12.
18. Papayannis D.M. Independence, Impartiality and Neutrality in Legal Adjudication. – *Revus: Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law.* 2016. Vol. 28. P. 33-52.
19. Pufendorf S.V. *De Jure Naturaeet Gentium. Oldfather Translation.* 1688 ed. Oxford. 1934. Vol. II. Book V. Chap. XIIII. Sect. 4. P. 829. Цит. по: Commentary on the Draft Convention on Arbitral Procedure Adopted by the International Law Commission at its Fifth Session, prepared by the Secretariat. A/CN.4/92. April 1955. United Nations Publication. Sales No.: 1955. V. 1. P. 106.
20. Rosenne S. The International Court of Justice and International Arbitration. – *Leiden Journal of International Law.* 1993. Vol. 6. P. 297-322.
21. Tamada D. Applicability of the Excess of Power Doctrine to the ICJ and Arbitral Tribunals. – *The Law and Practice of International Courts and Tribunals.* 2018. Vol. 17. № 2. P. 251-270.
22. Vylegzhanin A.N., Alfer'eva K.E. Vklad Mezhdunarodnogo Suda OON v razvitie mezhdunarodnogo ekonomieskogo prava [Contribution of the International

Court of Justice to the Development of International Economic Law]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2016. No. 3. S. 31-48 (In Russ).
23. Vylegzhanin A.N., Kalamkaryan R.A. Znachenie mezhdunarodnogo obychaya v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Role of International Custom in the Contemporary International Law]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2012. No. 2. S. 5-29 (In Russ).
24. Vylegzhanin A.N., Zinchenko O.I. Yurisdiktsiya Mezhdunarodnogo Suda OOH: nekotorye teoreticheskie voprosy [The jurisdiction of the International Court of Justice: some theoretical issues]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2018. No. 4. S. 6-32 (In Russ).

Информация об авторе

Константин Александрович КОСОРУКОВ
Заместитель директора Правового департамента, Министерство иностранных дел Российской Федерации

Смоленская-Сенная пл., 32/34, Москва, 119200, Российская Федерация

kakosorukov@mid.ru

About the Author

Konstantin A. KOSORUKOV
Deputy Director of Legal Department, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

32/34, Smolenskaya-Sennaya Square, Moscow, Russian Federation, 119200

kakosorukov@mid.ru

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-227-238

Исследовательская статья
УДК: 341.1/8
Поступила в редакцию: 19.03.2026
Принята к публикации: 15.06.2026

Иван Андреевич ПИНЧУК
Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации
Воробьевское шоссе, 6а, Москва, 119285, Российская Федерация
vano.pinchuk@gmail.com
ORCID 0009-0000-5909-8960

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ
Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации
Воробьевское шоссе, 6а, Москва, 119285, Российская Федерация
VShumilov@vavt.ru
ORCID 0000-0002-5247-6284

СОЧЕТАНИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕЖИМОВ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК ГРУЗОВ

ВВЕДЕНИЕ. *В статье раскрывается взаимодействие международно-правовых режимов морских перевозок с транснациональным регулированием, создаваемым частными операторами. В действительности нормы международных договоров образуют базовый каркас порядка на рынке морских перевозок, тогда как повседневная коммерческая практика регулируется другими нормативными блоками, преимущественно транснациональными нормами, создаваемыми западными корпорациями, зачастую монопольно или разделив между собою рынки. В первую очередь это касается сфер фрахтования и страхования морских перевозок. Таким образом, глобальный рынок морских перевозок и порядок на нем состоит как минимум из двух уровней управления: международно-правового и транснационального регулирования. При этом «нижний» уровень более переменчив и политизирован: он способен как укреплять общий порядок перевозок, так и ослаблять и даже существенно дезорганизовать его. Свою часть воздействия на порядок в сфере перевозок оказывают также политические нормы и национальное законодательство.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Исследование построено на сочетании формально-юридического и системного методов, позволяющих проанализировать нормы Конвенции Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по морскому праву 1982 г. и актов ИМО (SOLAS, MARPOL, ISM Code, IMDG Code) не изолированно, а в их функциональном единстве. Дополнительно применялись сравнительно-правовой метод (для сопоставления подходов к регулированию фрахтования и страхования) и метод правового*

моделирования (при анализе формирования «смешанных режимов» транзита). Особое внимание уделено методу анализа конкретных ситуаций, который на примере Ормузского пролива и антироссийских санкций позволил выявить механизмы трансформации транснационального регулирования под воздействием политических факторов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Показательно, что антироссийские санкции со стороны западных государств и поведение находящихся под их контролем корпораций в части морских перевозок грузов иллюстрируют, как транснациональное регулирование, подчиняясь политическим интересам, утрачивает стабилизирующую функцию и само становится источником рисков. Результатом исследования является выявление конкретного узла правовой неопределенности: в вопросах транзитного прохода через стратегические проливы рамки Конвенции ООН по морскому праву (ч. III, ст. 37–44) вступают в сложное соотношение с фактом неучастия отдельных прибрежных государств (на примере Ирана) и с неоднозначностью обычных норм. На примере Ормузского пролива показано, что приоритет логики национальной безопасности и контрмер может формировать локальный «смешанный режим» транзита, где одновременно действуют международные договоры, обычаи, национальные предписания и политические решения.*

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. *Сложившаяся ситуация на глобальном рынке морских перевозок ведет к выводу о необходимости усиления межгосударственного регулирования, в том числе через создание региональных нормативных комплексов в рамках незападных объединений (БРИКС, Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС)), способных составить конкуренцию доминирующим транснациональным корпорациям в деле регулирования рынков перевозок.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *международное право; транснациональное регулирование; морские перевозки; порядок морских перевозок; фрахтование; страхование; системные риски; БРИКС*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пинчук И.А., Шумилов В.М. 2026. Сочетание транснационального регулирования и норм международного права в обеспечении режимов морских перевозок грузов. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 227–238. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-227-238

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-227-238

Research article
UDC: 341.1/8
Received 19 March 2026
Approved 15 June 2026

Ivan A. PINCHUK
Russian Foreign Trade Academy Ministry
of Economic Development
6a, Vorobyovskoe Highway, Moscow, Russian Federation, 119285
vano.pinchuk@gmail.com
ORCID 0009-0000-5909-8960

Vladimir M. SHUMILOV
Russian Foreign Trade Academy Ministry
of Economic Development
6a, Vorobyovskoe Highway, Moscow, Russian Federation, 119285
VShumilov@vavt.ru
ORCID 0000-0002-5247-6284

INTERACTION OF TRANSNATIONAL REGULATION AND NORMS OF INTERNATIONAL LAW IN ENSURING THE REGIMES OF MARITIME CARRIAGE OF GOODS

INTRODUCTION. *This article explores the interaction between international legal regimes for maritime transport and the transnational regulation established by private operators. It demonstrates that the norms of international treaties form the foundational framework for order in the maritime transport market, while day-to-day commercial practice is governed by other normative blocks, predominantly transnational rules created by Western corporations, often operating in monopolistic or oligopolistic market structures. This is particularly evident in the spheres of chartering and insurance. Consequently, the global maritime transport market and its order are structured on at least two levels of governance: international legal regulation and transnational regulation. The "lower" level is more volatile and politicized; it can either reinforce the overall transport order or weaken, and even substantially disrupt, it. Political norms and national legislation also exert their own influence on order within the transport sector.*

MATERIALS AND METHODS. *The study is built on a combination of formal-legal and systemic methods, which allow for the analysis of the norms of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea and IMO instruments (SOLAS, MARPOL, the ISM Code, and the IMDG Code) not in isolation, but in their functional unity. Additionally, the comparative legal method was applied (to compare approaches to regulating chartering and insurance) along with the legal modeling method (for analyzing the formation of "mixed regimes" of transit). Special attention is given to the case-study method, which, using the examples of the Strait of Hormuz and anti-Russian sanctions, made it possible to identify the mechanisms of transformation of transnational regulation under the influence of political factors.*

RESEARCH RESULTS. *Illustratively, the anti-Russian sanctions imposed by Western states and the conduct of corporations under their control in the sphere of maritime cargo transport demonstrate how transnational regulation, succumbing to political interests, loses its stabilizing function and itself becomes a source of risks. The result of this study is the identification of a specific nexus of legal uncertainty: concerning the transit passage through strategic straits, the framework provided by the UN Convention on the Law of the Sea (Part III, Arts. 37–44) enters into a complex relationship with the non-participation of certain coastal states (using Iran as an example) and the ambiguity of customary norms. The case study of the Strait of Hormuz demonstrates that the priority given to national security logic and countermeasures can lead to the formation of a local "mixed regime" for transit, where international treaties, customary law, national regulations, and political decisions operate concurrently.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The current situation in the global maritime transport market leads to the conclusion that there is a need to strengthen inter-state regulation, including through the creation of regional normative complexes within non-Western associations (BRICS, EAEU) capable of competing with the dominant transnational corporations in regulating transport markets.*

KEYWORDS: *international law; maritime transport; transnational regulation; Strait of Hormuz; chartering; insurance; systemic risks; BRICS*

FOR CITATION: Pinchuk I.A. Shumilov V.M. Interaction of Transnational Regulation and Norms of International Law in Ensuring the Regimes of Maritime Carriage of Goods. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 227–238. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-227-238

The authors declare the absence of conflict of interest.

Введение

Морские перевозки грузов издавна регулируются на межгосударственном уровне международными договорами, формирующими международно правовые режимы судоходства. Согласно данным ЮНКТАД [UNCTAD 2025:131-151], они обеспечивают свыше 90% мировой торговли. Эти режимы охватывают вопросы безопасности мореплавания, охраны морской среды, правового статуса морских пространств, а также прохода через проливы, используемые для международного судоходства.

Вместе с тем фактический порядок осуществления перевозок не исчерпывается договорными правилами и политическими нормами [Шумилов 2017: 72–78]. Существенная часть повседневной организации перевозочного процесса обеспечивается правилами трансграничного действия, создаваемыми и поддерживаемыми негосударственными, частными структурами, в основном корпорациями западных государств. В первую очередь обращают на себя внимание сферы фрахтования и страхования морских судов и перевозимых грузов, где давно уже сложились правила, источниками которых являются профессиональные обыкновения и обычаи, типовые договоры, акты органов транснациональных корпораций (далее – ТНК), корпоративные нормы. В международной торговле совокупность подобных негосударственных норм традиционно обозначается термином *lex mercatoria.* Развивая эту доктринальную традицию, для обозначения специфического нормативного режима, складывающегося в сфере морских перевозок грузов (фрахтование, страхование, типовые проформы чартеров), предлагается использовать термин *lex comportatio* (от лат. *comportatio* – перевозка, транспортировка). Данный термин призван подчеркнуть отраслевую обособленность транснационального регулирования в морском транспорте и избежать смешения с общей категорией *lex mercatoria,* охватывающей международные коммерческие отношения в целом. Специфика такого регулирования состоит в том, что он основано на правилах, создаваемых частными участниками отношений международного характера в тех сферах, которые не регулируются ни международным правом, ни национальным правом, либо регулируются по принципу «разрешено все, что прямо не запрещено». Таким образом, транснациональное регулирование заполняет пробелы в указанных системах права и служит неким нормативным дополнением к ним в решении задачи наведения порядка. Международное право, совместно с национальным правом и с транснациональным регулированием в итоге обеспечивают единый *порядок* перевозок, единообразие и предсказуемость коммерческой практики [Лукашук 2010:178-181].

В совокупность нормативных актов, нормы которых из разнородных режимов исторически создавали и создают целостное единство всего глобального порядка морской перевозки грузов, попадают, наряду с Конвенцией ООН по морскому праву (1982):

- Международная конвенция по унификации некоторых правил, связанных с коносаментом, или Гаагские правила (1924); Конвенция унифицировала практику, касающуюся коносаментов и ответственности перевозчиков;
- Гаагско-Висбаденское дополнение, расширившее Гаагские правила (1968);
- Конвенция ООН о морских грузовых перевозках, или Гамбургские правила (1978), заменившая предыдущее регулирование более жесткими правилами;
- Роттердамские правила (2008), обновившие Гамбургские, с учетом новейших технологических возможностей.

Сравнительный анализ этих режимов проведен в работах Ф. Берлингьери [Берлингьери 2009:5-12], а также И.А. Русинова и Н.В. Щербинина [Rusinov, Shcherbinin 2024:38-47], а также А.Г. Чепурного [Чепурной 2025:45-53] и В.Н. Коваля [Коваль 2022].

Унифицированные правила, наработанные практикой частных перевозчиков, касаются различных сторон всей картины перевозок грузов разнородными судами: перевозки внавалку, контейнерами, крупногабаритными грузами; заключения контрактов (договоров), в том числе на фрахт и страхование судов и грузов; маршрутов; цен за услуги; типов груза и его доставки; контроля над судном; взаимоотношений с отправителями; прав и обязанностей сторон; требований к оформлению и документации; вопросов безопасности, нанесения ущерба и ответственности; форс-мажорных обстоятельств и минимизации рисков. Специально оговариваются особые риски: военные, политические риски, связанные с пиратством. В настоящее время происходит переход на электронные документы и на цифровизацию процессов перевозки [Колосовский 2025:105-115].

Цель данной статьи – показать взаимодействие международно правовых режимов морских перевозок с транснациональным регулированием в сопредельных сферах посредством норм, созданных и применяемых транснациональными корпорациями (в частности, и прежде всего в сфере фрахтования и страхования). Сочетание различных методов регулирования отношений в сфере морских перевозок, с одной стороны, создает в итоге более или менее устойчивый глобальный нормативный режим перевозок, а с другой стороны, часто нарушает (дезорганизует) этот режим волею транснациональных корпораций, находящихся под контролем и защитой западных государств.

Фактор международно-правового регулирования морских перевозок

В сложившемся глобальном симбиозе норм многосторонних международных договоров и норм транснационального регулирования международное право играет роль основополагающего регулятора всей сложившейся системы морских перевозок грузов, ее фундамента. В результате сформировался глобальный институт международного права, содержащий базовые правила торгового мореплавания и перевозок, включая линейное и трамповое судоходство: перевозки различными типами судов: контейнеровозами, танкерами, балкерами и т.п., разнообразных видов грузов: наливных, сыпучих, генеральных и др. Этот международно-правовой *порядок* морских перевозок как система базовых рамок и гарантий обеспечивается государствами. Поддержание глобального порядка международных перевозок – это цель и итог взаимодействия государств в данной сфере.

Комплексный анализ достижений и проблем Конвенции ООН по морскому праву представлен в коллективной монографии под редакцией Т. Каминьски и К. Карски [Kaminski, Karski 2025:120-145], а также в работе Н. Кляйн [Klein 2022:85-102].

В состав международно-правового института морских перевозок входят нормы, касающиеся: (1) безопасности мореплавания и технических стандартов; (2) предотвращения загрязнения с судов и экологических требований; (3) правового статуса морских пространств и свободы судоходства; (4) специальных режимов для отдельных зон и коммуникаций, включая проливы, используемые для международного судоходства. В этом же ряду стоят многосторонние международные договоры, которые унифицируют национальное законодательство государств в части морских перевозок грузов[1]. В то же время в частноправовой сфере отношений международного характера функционируют нормативные режимы, не унифицированные в национальном праве государств, в частности режимы фрахтования, страхования морских перевозок [Черчилль, Лоу 1999].

Главная проблема, которая стала очевидной в XXI в., заключается сегодня в обнаружившейся недостаточности и пробельности международного права (как отмечено в [Шумилов 2020]) применительно к глобальному режиму морских перевозок. Международно-правовой каркас порядка перевозок казался стабильным и эффективным, пока рядом, как придаточные ремни, исправно функционировали внешне незаметные нормативные блоки, в рамках которых определялась «технология» коммерческой перевозки, то есть существенная часть условий перевозочного процесса: коммерческие ставки, распределение части рисков, стандартные условия договоров.

[1] Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС-74): заключена в Лондоне 1 ноября 1974 г. – *United Nations Treaty Series.* Vol. 1184. P. 2. Вступила в силу 25 мая 1980 г.; Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ-73/78): заключена в Лондоне 2 ноября 1973 г. – *United Nations Treaty Series.* Vol. 1340. P. 184. С изм. и доп. от 17 февраля 1978 г.; Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте (Гаагские правила): заключена в г. Брюсселе 25 августа 1924 г. – *League of Nations Treaty Series.* Vol. 120. P. 155. Вступила в силу 2 июня 1931 г.; Протокол 1968 г. к Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаменте 1924 г. (Правила Висби): подписан в Брюсселе 23 февраля 1968 г. – *United Nations Treaty Series.* Vol. 1412. P. 128. Вступил в силу 23 июня 1977 г.; Конвенция ООН о морской перевозке грузов (Гамбургские правила): заключена в Гамбурге 31 марта 1978 г. – *United Nations Treaty Series.* Vol. 1695. P. 3. Вступила в силу 1 ноября 1992 г.; Конвенция ООН о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов (Роттердамские правила): заключена в Роттердаме 23 сентября 2008 г. – *Официальный сайт ООН.* URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/transportgoods (дата обращения: 15.03.2026); Конвенция о кодексе поведения линейных конференций: заключена в Женеве 6 апреля 1974 г. – *United Nations Treaty Series.* Vol. 1334. P. 15. Вступила в силу 6 октября 1983 г.

Однако теперь, в условиях трансформации международной системы [Прогнозы развития … 2026:6-21], ясно, что придаточные нормативные блоки, созданные преимущественно западными транснациональными корпорациями, перестали выполнять прежние вспомогательные и автономные функции поддержания единого порядка на рынке перевозок, подрывая и международно-правовой порядок.

Фактор транснационального регулирования морских перевозок

Итак, другой – как бы «нижней» – частью нормативной надстройки, управляющей порядком в глобальной системе морских перевозок грузов, является инструментарий транснационального регулирования, т.е. нормы, созданные соответствующими транснациональными корпорациями, регулирующие отношения международного характера за пределами юрисдикции государств [Галенская 2022:5]. В отличие от международного права, эти правила не образуют иерархичной системы; это скорее совокупность разнородных норм, объединяемых лишь общим источником (частные корпорации) и сферой действия (морские перевозки). Наиболее заметными сферами, обладающими такой нормативной автономией, является деятельность по фрахтованию морских судов и по страхованию судов и грузов [Косовская 2020:46]. Каждая из сфер почти монопольно управляется конгломератом «нормотворцев», давно специализирующихся на профессиональной деятельности на данных рынках коммерческих услуг. В случае коллизий норм национального права для их разрешения применяются соответствующие международные договоры. Спорные ситуации по контрактам (договорам) разрешаются традиционным в таких случаях способом ‑ в арбитражном порядке или в национальных судах.

В сфере *фрахтования* морских судов наиболее известны такие судоходные компании, как: Maersk (Дания); MSC ‑ Mediterranean Shipping Company (Швейцария); Hapag-Lloyd (Германия); HMM (Южная Корея); FESCO (Россия).

В сфере страхования морских судов и грузов наиболее известны и влиятельны компании: Gard (Норвегия); NorthStandard (Великобритания); The UK P&I Club (Великобритания).

Именно эти и такие многонациональные предприятия (ТНК) выступают основными субъектами отношений по морской перевозке грузов, фрахтованию судов и страхованию судов и грузов, руководствуясь, международными обыкновениями и обычаями, унифицированными правилами, договорами и собственными актами [Шмелева 2018:136]. Организационно-нормативное управление данными компаниями рынков услуг по морским перевозкам привело к формированию целого ряда институтов транснационального права.

Природа и роль негосударственных регуляторов, включая *lex mercatoria* и мягкое право, раскрываются в исследованиях И.Д. Соболева [Соболев 2023:138-142], а также В.Н. Коваля, С.А. Васильева и Е.В. Годованик [Koval, Vasiliev, Godovanik 2025]. В отличие от общей *lex mercatoria, lex comportatio* фокусируется именно на морских перевозках, включая типовые проформы чартеров, правила P&I клубов и новые реалии: цифровизацию, санкционные ограничения.

Частные компании как субъекты транснационального регулирования

Глобальные линейные перевозчики, будучи ключевыми игроками в морских перевозках, не являются субъектами международного права несмотря на то что такую правосубъектность или намеки на нее встречаются в научной правовой литературе [Никитина, Михайлова 2019: 380-386]. ТНК не участвуют в создании норм международного права, не обладают привилегиями и иммунитетами, а споры с их участием разрешаются национальными судами или арбитражами [Шмелева 2018:138].

Частные корпорации, осуществляющие свою деятельность в сфере морских перевозок, находятся, по сути, в двух нормативных режимах. Первый – это национальные нормы соответствующих государств, унифицированные указанными международными договорами для отношений международного характера (в случае коллизий национальных норм используются нормы международного частного права). Второй – это нормы, созданные самими корпорациями для регулирования отношений между собой, со своими партнерами, клиентами, участниками перевозок, – по тем вопросам, которые никак не регулируются ни национальным правом, ни международным правом. Этот нормативный блок – *lex comportatio* – не относится к мягкому праву (*soft law*) в классическом понимании: его обязательность проистекает не из государственного

признания, а из рыночной власти и контрактной практики создателей. При этом *lex comportatio* не претендует на статус системы в строгом юридическом смысле: это совокупность правил, порожденная множеством независимых нормотворцев (судоходных компаний, страховых клубов, отраслевых ассоциаций) и не обладающая внутренней иерархией или единством. Отдельные аспекты правосубъектности ТНК и унификации договоров фрахтования рассмотрены в трудах Л.Н. Галенской [Галенская 2022:150-160], В.А. Косовской [Косовская 2020:46-54], а также А.П. Никитиной и А.Д. Михайловой [Никитина, Михайлова 2019:380-386] и В.А. Шмелевой [Шмелева 2018:135-138], а также в исследовании деятельности линейных конференций [Русинов, Гаврилова, Нелогов 2016:56–66]. Систематическое изложение правового регулирования договоров морской перевозки грузов, фрахтования судов и коносаментов содержится в учебнике под редакцией Д.К. Лабина и В.Н. Коваля [Лабин, Коваль 2026:232-283].

Урок антироссийских санкций и военных действий на Ближнем Востоке для глобального регулирования морских перевозок

В настоящее время страны Запада осуществляют беспрецедентные ограничительные меры (санкции) против России по всем линиям отношений [Ратникова, Беликова 2024:68-81]. В мире идет трансформация всей международной системы и смена миропорядка, изменение баланса сил в международных отношениях. Уроки данных событий и процессов заключаются в том, что транснациональное регулирование, осуществляемое западными корпорациями, оказывается ненадежным и нестабильным в «трудные времена», во время чрезвычайных обстоятельств и в условиях резкой политической напряженности. Западные корпорации обслуживают интересы прежде всего «своих» государств, и как только наступает угроза этим интересам, корпорации сами нарушают тот *порядок*, который был создан их усилиями. Дезорганизация в сфере транснационального регулирования неизменно сказывается на дезорганизации международно-правового режима перевозок в целом. Становится очевидной связь политического, международно-правового и транснационального регулирования одной и той же сферы международных отношений.

Антироссийские санкции выливаются, среди прочего, в ограничения в области экспортно-импортных отношений, в финансовой сфере (платежи и расчеты), в области морских перевозок. Российские участники перевозочной деятельности столкнулись с отказом в обслуживании и заключении контрактов/договоров на перевозку и страхование судов и грузов [Цветкова, Прошина, Лешедько 2024:300]. Политические и нормативные установки недружественных государств и практические действия ТНК по регулированию (дерегулированию) морских перевозок «работают» в одном пакете.

Другой пример ненадежности сложившихся рынков услуг морской перевозки, находящихся в сфере транснационального регулирования, дает развернувшаяся на Ближнем Востоке (март 2026) военный конфликт между США, Израилем и Ираном. Иран предпринял ответные военные действия и контрмеры: перекрыл транзитное судоходство через Ормузский пролив – наиболее оживленную транспортную артерию, по которой осуществляется около трети объемы морских перевозок, в основном энергоносителей (нефти и газа)[2].

Сфера транснационального регулирования, таким образом, отступила на второй план перед непосредственным воздействием государств на режим морских перевозок: вся деятельность по организации и осуществлению перевозок частными участниками данных отношений дезорганизована. В острые периоды возрастают риски, в частности, для морской перевозки, а они ведут к дополнительным переговорам, договорам, нормам, касающимся надбавок за возросший (военный) риск, пересмотру страхового покрытия и т.д. При отсутствии компенсирующего воздействия государств нестабильность рынков морских перевозок усиливается многократно.

Закрытие Ормузского пролива Ираном выдвигает на повестку и вопрос о регулировании государствами транзитного прохода через пролив. Согласно Конвенции ООН по морскому праву (ч. III; ст. 37–44) режим транзитного

[2] Blackwell S. The International Law of the Sea, the Straits of Hormuz and regional security. – *Rsdi.ae.* 2025. URL: https://rsdi.ae/en/publications/the-international-law-of-the-sea-the-straits-of-hormuz-and-regional-security (accesed date: 04.03.2026).

прохода не может быть приостановлен и предполагает свободу судоходства исключительно для целей непрерывного и быстрого транзита. Иран не является участником Конвенции и в силу неясности ситуации с международными обычаями в части транзита через Ормузский пролив, толкует ситуацию исходя из своей международно-правовой позиции и политических реалий. Так, в 2019 году Иран задержал в Ормузском проливе британский танкер Stena Impero по причине столкновения его с другим судном и неоказания помощи. Иран заявил о необходимости расследования инцидента. Таким образом проявилась иранская юрисдикция над Ормузским проливом и право Ирана толковать режим транзита по проливу. Можно сделать вывод, что в отдельных частях земных пространств, включая Океан, складываются локальные институты международно-правового, политического и транснационального регулирования, в данном случае привязанные к Ормузскому проливу. В более широком контексте проблема регионализации правового регулирования и ее взаимодействия с универсальными режимами освещена в работе В.Н. Коваля, С.А. Васильева и Е.В. Годованик [Koval, Vasiliev, Godovanik 2025], а также в исследованиях по фрагментации международного права [Дьяченко 2024:24-43].

О роли государственного регулирования ряда аспектов режима морских перевозок

Пробельные сферы отношений, как только они начинают задевать существенные интересы государств, заполняются государственным (национальным) регулированием и международными политическими нормами. Эта закономерность характерна и для режимов морских перевозок. Так, Федеральная морская комиссия США осуществляет надзор за отдельными категориями перевозчиков, находящихся под контролем государства, и применяет к ним специальные регуляторные требования. Комиссия вправе реагировать на тарифные практики, если они не отвечают критериям справедливости и разумности[3]. Хотя данный механизм ориентирован на внутренний рынок США, он демонстрирует принципиальную возможность публичного воздействия на ценообразование крупных перевозчиков в отношениях международного характера (о проблемах экстерриториального действия права см. [Рубанов 2024:88-97]). Учитывая, что законодательные акты США во многих случаях рано или поздно воспринимались международным правом (в частности, в праве ВТО), не исключено, что законодательная практика США в сфере морских перевозок положит начало соответствующему международно-правовому регулированию. А международно-правовое регулирование «отодвинет в сторону» транснациональное регулирование или заменит его.

Другой пример государственно-правового воздействия – это усиление контроля в государствах Европейского союза в отношении инвестиционного климата и режима портов: иностранным компаниям ограничено участие в капитале портовых терминалов (как это случилось в Гамбурге на основании решения правительства Германии по мотивам защиты общественного порядка и безопасности[4]).

Эти примеры показывают, что национальное законодательство также находится в довольно жесткой корреляции с международно-правовым, политическим и транснациональным регулированием.

В конкуренцию транснациональному регулированию как методу обеспечения порядка усиливается межгосударственное регулирование. В связи с этим целесообразно выделить некоторые направления деятельности в сфере морских перевозок, в которых возможно, желательно и целесообразно усиление именно международно-правового регулирования, дальнейшее развитие соответствующих институтов:

- предсказуемость судоходства в зонах повышенного риска, в том числе в отдельных регионах; это должны быть режимы обмена информацией, связи, взаимодействия при инцидентах (включая досмотры, задержания, предотвращение опасных сближений) и т.п.;
- формирование региональных нормативных институтов в сфере фрахта и страхования;

[3] FMC Designates China's Anji Shipping as a State-Controlled Shipping Line. – *The Maritime Executive*. 2024. URL: https://maritime-executive.com/article/fmc-designates-china-s-anji-shipping-as-a-state-controlled-shipping-line (accesed date: 04.03.2026).

[4] Cosco case shows: foreign direct investments are under increased scrutiny in Germany. – *Pinsent Masons*. 2022. URL: https://www.pinsentmasons.com/out-law/news/investoren-aus-dem-ausland-werden-haeufiger-ueberprueft (дата обращения: 04.03.2026).

– страховое обеспечение рисков, связанных с применением силы;

– унификация договоров перевозки грузов в части надбавок за военный риск и в кризисных ситуациях.

В незападной части нового миропорядка необходимо создавать и/или развивать нормативные институты и, соответственно, для этого:

– разработать региональные типовые проформы чартеров и страховых оговорок, учитывающих интересы местных перевозчиков и грузовладельцев;

– создать межгосударственные страховые пулы для покрытия военных и политических рисков в соответствующих регионах;

– гармонизировать правила торгового мореплавания на двусторонней и многосторонней основе.

В перспективе такие региональные режимы способны не только дополнить, но и составить конкуренцию универсальным нормативным режимам, повышая устойчивость глобальной системы за счет ее диверсификации.

Региональные нормативные комплексы как альтернатива транснациональному регулированию

Управление рынками морских перевозок долгое время осуществлялось преимущественно западными транснациональными корпорациями. Их практика, как показали антироссийские санкции, обнаружила высокую степень политизированности. Для государств, остающихся вне западной нормативной орбиты, это порождает необходимость поиска собственных регуляторных механизмов. Одно из возможных решений – создание региональных нормативных комплексов в рамках незападных объединений, в первую очередь БРИКС и ЕАЭС.

В состав таких комплексов могут войти:

– разработка региональных типовых проформ чартеров и страховых оговорок, ориентированных на интересы перевозчиков и грузовладельцев из стран-участниц;

– формирование межгосударственных страховых пулов (по модели западных P&I клубов, но с независимым управлением [Гаврилина 2023:52–60]);

– взаимное признание классификационных свидетельств и сертификатов соответствия;

– гармонизация правил торгового мореплавания на двусторонней и многосторонней основе.

В отличие от универсальных транснациональных норм, выстроенных под эгидой западных корпораций, региональные комплексы потенциально более устойчивы к внешнему политическому давлению и способны лучше обеспечить суверенные интересы участников. Отдельные элементы таких механизмов уже обсуждаются на площадках БРИКС (независимая расчетно-депозитарная инфраструктура, перестраховочная компания) и ЕАЭС (технические регламенты, дорожные карты общего транспортного пространства). Последовательное развитие этих институтов позволит создать конкуренцию доминирующим транснациональным нормам и повысить устойчивость глобальной системы морских перевозок за счет ее диверсификации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. *Порядок* на глобальном рынке морских перевозок обеспечивается сочетанием международно-правового, политического и транснационального регулирования в жестком взаимодействии с национальным законодательством. В условиях раскола миропорядка эффективность транснационального регулирования заметно ослабевает. Можно спрогнозировать, что международно-правовая компонента в этом сочетании будет возрастать.

2. Транснациональное регулирование как автономная система, с одной стороны, помогает международно-правому регулированию в поддержании устойчивости и прогнозируемости порядка на рынке морских перевозок, а с другой стороны, будучи конъюнктурным, практико-ориентированным и политизированным явлением, способно быстро дезорганизовать порядок по «заказу» и/или в интересах контролирующих государств.

3. Государства, стоящие «за спиной» транснациональных компаний, управляющих рынками перевозок (включая фрахтование и страхование) наработали практику сочетания международно-правового, политического и транснационального регулирования рынка в своих интересах. Российскому государству следовало бы также освоить эту практику в своих интересах.

4. Транснациональное регулирование любой сферы и любого аспекта морских перевозок может конкурировать с международно-

правовым, политическим и национально-правовым регулированием, однако роль и зоны действия транснационального регулирования будут постепенно уменьшаться, и не только по основаниям национальной безопасности и военных действий, но и по другим основаниям.

5. Ситуация с нормами морского права, касающимися Ормузского пролива и толкованием этих норм Ираном, позволяет сделать выводов, что глобальный режим морских перевозок дифференцирован и фрагментирован; в Ормузском проливе, как и в других регионах мира, идет образование и/или развитие особых – смешанных – режимов транзита: действуют «в пакете» нормы международного морского права, международные обычаи, нормы национального регулирования и политические нормы, опирающиеся на национальную безопасность Ирана, при приоритете норм Ирана в случаях военных действий.

Конкретные направления формирования региональных нормативных комплексов (типовые проформы, страховые пулы, взаимное признание, гармонизация правил) сформулированы в разделе «Региональные нормативные комплексы как альтернатива транснациональному регулированию». Их последовательное развитие способно составить конкуренцию доминирующим транснациональным нормам и повысить устойчивость глобальной системы морских перевозок за счет ее диверсификации.

Список литературы

1. Берлингьери Ф. 2009. *Сравнительный анализ Гаагско-Висбийских правил, Гамбургских правил и Роттердамских правил.* Доклад на Генеральной ассамблее AMD. Марракеш. 5–6 ноября.
2. Галенская Л.Н. 2022. *Правовое регулирование транснациональных отношений*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ. 316 с.
3. Гаврилина И.А. 2023. Роль P&I клубов в системе страхования морских перевозок. – *Страховое право*. № 3. С. 52-60.
4. Дьяченко А.С. 2024. Фрагментация международного права и морские перевозки. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 24-43.
5. Каминski Т., Карски К. (ред.). 2025. 40 лет Конвенции ООН по морскому праву: оценка и перспективы. Лондон: Routledge. 450 с.
6. Кляйн Н. (ред.). 2022. Нетрадиционное правотворчество в морском праве. Оксфорд: Oxford University Press. 368 с.
7. Коваль В.Н. 2022. Правовое регулирование морских перевозок грузов в условиях глобализации. Москва: КНОРУС. 288 с.
8. Коваль В.Н., Васильев С.А., Годованик Е.В. Международно-правовое регулирование деятельности государств в Большом Средиземноморском регионе. – *Russian Journal of World Politics and Law of Nations*. 2025.
9. Колосовский А.В. 2025. Международно-правовые аспекты цифровизации морских перевозок. – *Вестник международного права*. № 4. С. 105-115.
10. Косовская В.А. 2020. Эффективность современного международно-правового регулирования морских перевозок грузов. – *Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки»*. № 1. С. 46-54.
11. Лабин Д.К., Коваль В.Н. (ред.). 2026. Международное морское право: публичное и частное. Москва: КНОРУС. 412 с.
12. Лукашук И.И. 2010. Международное право. Общая часть. Москва: Волтерс Клувер. 432 с.
13. Никитина А.П., Михайлова А.Д. 2019. Организация морских перевозок по договору фрахтования морского судна. – *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. Т. 5 (71). № 3. С. 380-386.
14. Прогнозы развития международного экономического права и международного правопорядка в XXI веке. Коллективная монография. 2026. Под ред. В.М. Шумилова. Москва: ВАВТ. 163 с.
15. Ратникова Т.Н., Беликова Н.А. 2024. Антироссийские санкции в международной торговле. – *Российский внешнеэкономический вестник*. № 7. С. 68-81.
16. Рубанов А.А. 2024. Экстерриториальное действие права в сфере морских перевозок. – *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. № 6. С. 88-97.
17. Русинов И.А., Гаврилова И.А., Нелогов А.Г. Деятельность линейных конференций накануне принятия Конвенции ООН о Кодексе поведения линейных конференций. – *Вестник Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова*. 2016. № 2 (36). С. 56-66.
18. Русинов И.А., Щербинин Н.В. 2024. Международная практика регулирования линейных контейнерных перевозок в транспортной системе. – *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. Т. 18. № 1. С. 38-47.
19. Соболев И.Д. 2023. Lex mercatoria and soft law as part of non-state sources of international sea transportation regulation. – *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*. № 5. С. 138-142.
20. Цветкова Д.Д., Прошина О.М., Лешедько Э.А. 2024. Оценка влияния антироссийских санкций на деятельность предприятий морского транспорта. – *Молодой ученый*. № 11 (510). С. 300-303. URL: https://moluch.ru/archive/510/112008 (дата обращения: 20.03.2026).
21. Черчилль Р.Р., Лоу А.В. 1999. *Морское право*. 3-е изд. Манчестер: Изд-во Манчестерского университета. 517 с.
22. Чепурной А.Г. 2025. Эволюция правового регулирования ответственности морского перевозчика: от Гаагских к Роттердамским правилам. – *Международное публичное и частное право*. № 2. С. 45-53.

23. Шмелева В.А. 2018. Вопрос правосубъектности транснациональных корпораций в международном праве. – *Эпомен*. № 16. С. 135-138.
24. Шумилов В.М. 2017. Глобальная нормативная система и ее составляющие. – *Государство и право.* № 4. С. 72-78.
25. Шумилов В.М. 2020. *Международное право.* Москва: Юстиция. 508 с.
26. ЮНКТАД. Обзор морского транспорта, 2025: сохранение курса в турбулентных водах. 2025. Нью-Йорк: ООН. 154 с.

References

1. Berling'eri F. *Sravnitel'nyj analiz Gaagsko-Visbijskih pravil, Gamburgskih pravil i Rotterdamskih pravil [Comparative Analysis of the Hague-Visby Rules, the Hamburg Rules, and the Rotterdam Rules].* Doklad na General'noj assamblee AMD. Marrakesh. 5–6 noyabrya. 2009. (In Russ.)
2. CHepurnoj A.G. Evolyuciya pravovogo regulirovaniya otvetstvennosti morskogo perevozchika: ot Gaagskih k Rotterdamskim pravilam [Evolution of Legal Regulation of Maritime Carrier Liability: From the Hague to the Rotterdam Rules]. – Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [International Public and Private Law]. 2025. № 2. S. 45-53. (In Russ.)
3. CHerchill' R.R., Lou A.V. *Morskoe pravo [Maritime Law].* 3-e izd. Manchester: Izd-vo Manchesterskogo universiteta. 1999. 517 s. (In Russ.)
4. Cvetkova D.D., Proshina O.M., Leshed'ko E.A. Ocenka vliyaniya antirossijskih sankcij na deyatel'nost' predpriyatij morskogo transporta [Assessing the impact of anti-Russian sanctions on the activities of maritime transport enterprises]. – Molodoj uchenyj [Young scientist]. 2024. № 11 (510). S. 300-303. URL: https://moluch.ru/archive/510/112008 (data obrashcheniya: 20.03.2026). (In Russ.)
5. D'yachenko A.S. Fragmentaciya mezhdunarodnogo prava i morskie perevozki [Fragmentation of International Law and Maritime Transport]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law].* 2024. № 1. S. 24-43. (In Russ.)
6. Galenskaya L.N. *Pravovoe regulirovanie transnacional'nyh otnoshenij [Legal Regulation of Transnational Relations].* Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU. 2022. 316 s. (In Russ.)
7. Gavrilina I.A. Rol' P&I klubov v sisteme strahovaniya morskih perevozok [The Role of P&I Clubs in the Marine Insurance System]. – *Strahovoe pravo [Insurance Law].* 2023. № 3. S. 52-60. (In Russ.)
8. Kaminski T., Karski K. (red.). *40 let Konvencii OON po morskomu pravu: ocenka i perspektivy [40 Years of the UN Convention on the Law of the Sea: Assessment and Prospects].* London: Routledge. 2025. 450 s. (In Russ.)
9. Klyajn N. (red.). *Netradicionnoe pravotvorchestvo v morskom prave [Unconventional Lawmaking in the Law of the Sea].* Oksford: Oxford University Press. 2022. 368 s. (In Russ.)
10. Kolosovskij A.V. Mezhdunarodno-pravovye aspekty cifrovizacii morskih perevozok [International legal aspects of the digitalization of maritime transportation]. – *Vestnik mezhdunarodnogo prava [International Law Bulletin].* 2025. № 4. S. 105-115. (In Russ.)
11. Kosovskaya V.A. Effektivnost' sovremennogo mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya morskih perevozok gruzov [The effectiveness of modern international legal regulation of sea freight transportation]. – *Vestnik MGPU. Seriya «YUridicheskie nauki» [Moscow State Pedagogical Univ. Series "Legal Sciences"].* 2020. № 1. S. 46-54. (In Russ.)
12. Koval' V.N. *Pravovoe regulirovanie morskih perevozok gruzov v usloviyah globalizacii [Legal regulation of sea freight transportation in the context of globalization].* Moscow: KNORUS. 2022. 288 s. (In Russ.)
13. Koval' V.N., Vasil'ev S.A., Godovanik E.V. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti gosudarstv v Bol'shom Sredizemnomorskom regione [International legal regulation of the activities of states in the Greater Mediterranean region]. – *Russian Journal of World Politics and Law of Nations*. 2025. (In Russ.)
14. Labin D.K., Koval' V.N. (red.). *Mezhdunarodnoe morskoe pravo: publichnoe i chastnoe [International Maritime Law: Public and Private].* Moscow: KNORUS. 2026. 412 s. (In Russ.)
15. Lukashuk I.I. *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast' [International Law. General Part].* Moscow: Volters Kluver. 2010. 432 s. (In Russ.)
16. Nikitina A.P., Mihajlova A.D. Organizaciya morskih perevozok po dogovoru frahtovaniya morskogo sudna [Organization of Maritime Transportation under a Contract of Chartering a Seagoing Vessel]. – *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo YUridicheskie nauki [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences].* 2019. T. 5 (71). № 3. S. 380-386. (In Russ.)
17. *Prognozy razvitiya mezhdunarodnogo ekonomicheskogo prava i mezhdunarodnogo pravoporyadka v XXI veke [Forecasts for the Development of International Economic Law and International Legal Order in the 21st Century].* Kollektivnaya monografiya. Pod red. V.M. SHumilova. Moscow: VAVT. 2026. 163 s. (In Russ.)
18. Ratnikova T.N., Belikova N.A. Antirossijskie sankcii v mezhdunarodnoj torgovle [Anti-Russian Sanctions in International Trade]. – *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik [Russian Foreign Trade Bulletin].* 2024. № 7. S. 68-81. (In Russ.)
19. Rubanov A.A. Eksterritorial'noe dejstvie prava v sfere morskih perevozok [Extraterritorial Effect of Law in the Sphere of Maritime Transport]. – *ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law].* 2024. № 6. S. 88-97. (In Russ.)
20. Rusinov I.A., Gavrilova I.A., Nelogov A.G. Deyatel'nost' linejnyh konferencij nakanune prinyatiya Konvencii OON o Kodekse povedeniya linejnyh konferencij [Activities of Liner Conferences on the Eve of the Adoption of the UN Convention on the Code of Conduct for Liner Conferences]. – *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta morskogo i rechnogo flota imeni admirala S.O. Makarova [Bulletin of the Admiral S. O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping].* 2016. № 2 (36). S. 56-66. (In Russ.)
21. Rusinov I.A., SHCHerbinin N.V. Mezhdunarodnaya praktika regulirovaniya linejnyh kontejnernyh perevozok v transportnoj sisteme [International practice of regulating liner container shipping in the transport system]. – *Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika [Eurasian integration: economics, law, politics].* 2024. T. 18. № 1. S. 38-47. (In Russ.)

22. SHmeleva V.A. 2018. Vopros pravosub"ektnosti transnacional'nyh korporacij v mezhdunarodnom prave [The Issue of Legal Personality of Transnational Corporations in International Law]. – *Epomen*. № 16. S. 135-138. (In Russ.)
23. SHumilov V.M. Global'naya normativnaya sistema i ee sostavlyayushchie [The Global Normative System and Its Components]. – *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2017. № 4. S. 72-78. (In Russ.)
24. SHumilov V.M. *Mezhdunarodnoe parvo [International Law]*. Moscow: YUsticiya. 2020. 508 s. (In Russ.)
25. Sobolev I.D. mercatoria and soft law as part of non-state sources of international sea transportation regulation [Lex mercatoria and soft law as part of non-state sources of international sea transportation regulation]. – *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo [Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and law]*. 2023. Lex № 5. S. 138-142. (In Russ.)
26. YUNKTAD. Obzor morskogo transporta, 2025: sohranenie kursa v turbulentnyh vodah [UNCTAD. Maritime Transport Review 2025: Staying on Course in Turbulent Waters]. New York: UN. 2025. 154 s. (In Russ.)

Информация об авторах

Иван Андреевич ПИНЧУК
Соискатель, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

Воробьевское шоссе, 6а, Москва, 119285, Российская Федерация

vano.pinchuk@gmail.com
ORCID 0009-0000-5909-8960

Владимир Михайлович ШУМИЛОВ
Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

Воробьевское шоссе, 6а, Москва, 119285, Российская Федерация

VShumilov@vavt.ru
ORCID 0000-0002-5247-6284

About the Authors

Ivan A. PINCHUK
Postgraduate student, Russian Foreign Trade Academy Ministry of Economic Development

6a, Vorobyovskoe Highway, Moscow, Russian Federation, 119285

vano.pinchuk@gmail.com
ORCID 0009-0000-5909-8960

Vladimir M. SHUMILOV
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of International Law, Russian Foreign Trade Academy Ministry
of Economic Development

6a, Vorobyovskoe Highway, Moscow, Russian Federation, 119285

VShumilov@vavt.ru
ORCID 0000-0002-5247-6284

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-239-250

Исследовательская статья
УДК: 341.01
Поступила в редакцию: 02.04.2026
Принята к публикации: 15.06.2026

Андрей Андреевич ДАНЕЛЬЯН
Дипломатическая академия МГИМО МИД России
Остоженка ул., 53/2, стр. 1, Москва, 119021, Российская Федерация
danel1@mail.ru
ORCID 0000-0001-5771-0888

Константин Вадимович КАНЦЕРОВ
Дипломатическая академия МГИМО МИД России
Остоженка ул., 53/2, стр. 1, Москва, 119021, Российская Федерация
kantserov.sop@list.ru
ORCID 0009-0004-2421-8757

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ВВЕДЕНИЕ. *Предметом исследования выступает конституционная модель взаимодействия международного и национального права Республики Казахстан, претерпевшая изменения в результате принятия новой редакции Конституции на референдуме 15 марта 2026 года. Актуальность обусловлена необходимостью теоретического осмысления отказа от ранее закрепленного приоритета ратифицированных международных договоров над законами и перехода к модели, в которой международные обязательства сохраняются в структуре действующего права, но их применение опосредуется законодательством и подчиняется верховенству Конституции.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Материалами послужили тексты Конституции Республики Казахстан в редакциях 1995 и 2026 годов, нормативные постановления Конституционного Суда и Верховного Суда, отраслевое законодательство (уголовное, уголовно-процессуальное), универсальные и региональные международные договоры с участием Казахстана, доктринальные источники. Методологическую основу составили формально-юридический метод (анализ нормативных текстов), сравнительно-правовой метод (сопоставление доктринальных концепций монизма, дуализма, координации), метод доктринального толкования и анализа судебной практики.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *В содержании статьи раскрывается эволюция конституционной модели Казахстана: от закрепленного в прежней редакции приоритета ратифицированных международных договоров над законами к новой конструкции, в которой международные договорные обязательства остаются частью действующего права, но их внутригосударственное действие в большей степени опосредуется законом и подчинено верховенству Конституции. Установлено, что новая Конституция (ст. 5) включает международные договорные обязательства в состав действующего права, но при этом закрепляет верховенство Конституции и определяет, что порядок применения международных договоров устанавливается законом. Ратифицированные договоры сохраняют приоритет над законами (но не над Конституцией), однако их непосредственное действие ограничено необходимостью*

законодательного опосредования в случаях, требующих детализации. Выявлено, что предложенная модель не противоречит Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, поскольку оставляет за государством свободу выбора внутригосударственных механизмов имплементации. На примере участия Казахстана в базовых международных договорах в сфере противодействия преступности показано, что успешная имплементация требует согласования международных норм с национальным уголовным и уголовно-процессуальным законодательством.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. *Новая Конституция Казахстана фиксирует не отказ от международно-правовой открытости, а переход к конституционно упорядоченной модели выполнения международных обязательств, в рамках которой международные договоры реализуются через четко определенные внутригосударственные процедуры и под контролем Конституционного Суда. Такая модель повышает уровень правовой определенности, позволяет сохранять структурную целостность национальной правовой системы и одновременно задает перспективу дальнейшего развития механизмов имплементации, направленного на преодоление разрывов между конституционными установлениями и реальной правоприменительной практикой.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *взаимодействие, международное право, национальное право, Республика Казахстан, Конституция 2026 года, имплементация, суверенитет, правовая система, международное сотрудничество по противодействию преступности*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Данельян А.А., Канцеров К.В. 2026. Конституционная реформа и международное право в правовой системе Республики Казахстан. – *Московский журнал международного права.* № 2. С. 239–250. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-239-250

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-239-250

Research article
UDC: 341.01
Received 2 April 2025
Approved 15 June 2026

Andrey A. DANELYAN
MGIMO Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
53/2, bld. 1, Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation, 119021
danel1@mail.ru
ORCID 0000-0001-5771-0888

Konstantin V. KANTSEROV
MGIMO Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
53/2, bld. 1, Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation, 119021
kantserov.sop@list.ru
ORCID 0009-0004-2421-8757

CONSTITUTIONAL REFORM AND INTERNATIONAL LAW IN THE LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

INTRODUCTION. *The subject of the study is the constitutional model of interaction between international and national law in the Republic of Kazakhstan, which underwent changes because of the adoption of the new version of the Constitution in the referendum of March 15, 2026. Relevance is determined by the need for theoretical reflection on the abandonment of the previously enshrined priority of ratified international treaties over laws and the transition to a model where international obligations remain part of the current law, but their application is mediated by legislation and subordinated to the supremacy of the Constitution.*

MATERIALS AND METHODS. *The materials include the texts of the Constitution of the Republic of Kazakhstan in the 1995 and 2026 versions, normative resolutions of the Constitutional Court and the Supreme Court, sectoral legislation (criminal, criminal procedure), universal and regional international treaties to which Kazakhstan is a party, and doctrinal sources. The methodological basis comprises the formal-legal method (analysis of normative texts), the comparative-legal method (comparison of doctrinal concepts of monism, dualism, coordination), and the method of doctrinal interpretation and analysis of judicial practice.*

RESEARCH RESULTS. *The content of the article reveals the evolution of Kazakhstan's constitutional model: from the priority of ratified international treaties over laws enshrined in the previous version, to a new construction in which international treaty obligations remain part of the current law, but their domestic effect is to a greater extent mediated by legislation and subordinated to the supremacy of the Constitution. It is established that the new Constitution (Article 5) includes international treaty obligations in the current law, while at the same time affirming the supremacy of the Constitution and stipulating that the procedure for applying international treaties is determined by law. Ratified treaties retain priority over laws (but not over the Constitution); however, their direct effect is limited by the need for legislative mediation in cases requiring specification. It is revealed that the proposed model does not contradict the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties, as it leaves the state free to choose domestic implementation mechanisms. Using the example of Kazakhstan's participation in basic international treaties in the field of crime counteraction, it is shown that successful implementation requires the alignment of international norms with national criminal and criminal procedure legislation.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The new Constitution of Kazakhstan does not signify a rejection of international legal openness, but rather a transition to a constitutionally ordered model of implementing international obligations, in which international treaties are applied through clearly defined domestic procedures and under the supervision of the Constitutional Court. Such a model enhances legal certainty, preserves the structural integrity of the national legal system, and at the same time sets the perspective for further development of implementation mechanisms aimed at overcoming gaps between constitutional provisions and actual law enforcement practice.*

KEYWORDS: *interaction, international law, national law, the Republic of Kazakhstan, the 2026 Constitution, implementation, sovereignty, legal system, international cooperation in combating crime*

FOR CITATION: Danelyan A.A., Kantserov K.V. Constitutional Reform and International Law in the Legal System of the Republic of Kazakhstan. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 239–250. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-239-250

The authors declare the absence of conflict of interest.

Введение

Проблема соотношения международного и национального права относится к числу фундаментальных проблем современной юридической науки, поскольку именно от ее решения зависит характер включения международных обязательств государства во внутригосударственный правопорядок, пределы их действия, способы толкования и применения, а также устойчивость всей системы правового регулирования[1]. В современной доктрине подчеркивается, что обеспечение верховенства

[1] Бирюков П.Н., Галушко Д.В. *Сравнительное правоведение.* Учебник. Москва: Проспект, 2020. С. 48-49.

права на национальном и международном уровнях предполагает «необходимость взаимодействия международного и внутригосударственного права, гармоничного развития международной и национальных правовых систем» [Осминин 2014:106]. От того, насколько последовательно выстраивается такое взаимодействие, во многом зависит не только степень реального выполнения международных обязательств, но и уровень доверия со стороны других государств и дальнейшее развитие международного сотрудничества и интеграции[2].

Основная часть

В международно-правовых исследованиях данная проблема традиционно связывается с монистической и дуалистической моделями, каждая из которых по-своему отвечает на вопрос о том, являются ли международное и национальное право частями единого правопорядка либо самостоятельными системами, требующими особого механизма взаимосвязи [Каширкина 2009]. Как отмечается, «позднее была выдвинута теория координации в качестве попытки устранить недостатки предыдущих концепций, однако и она не смогла отразить многоаспектность соотношения этих правовых систем. Современные процессы взаимодействия международного права и национального права настолько сложны и разноплановы, что о дуализме, монизме и координации можно говорить лишь применительно к определенному случаю или уровню анализа» [Интернационализация … 2017:38]. В наибольшей степени это проявляется в государствах, где международные договоры включаются во внутренний правопорядок в соответствии с конституционными установлениями: международно-правовые нормы реципируются (трансформируются), при необходимости с оговорками и изменениями, и в итоге применяются национальными субъектами права в рамках закрепленного Основным Законом порядка имплементации [Вельяминов 2015:102].

В правовой системе Республики Казахстан проблема соотношения международного и национального права имеет давний и устойчивый характер, что неоднократно подчеркивается в казахстанской науке и практике конституционного правосудия [Кембаев 2013]. Конституция Республики Казахстан 1995 года закрепила норму, согласно которой международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, имеют приоритет перед ее законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует необходимость издания закона для его применения[3]. Данная формула, закрепленная в п. 3 ст. 4 Конституции, стала одной из ключевых конституционных конструкций, определивших место международного договора в системе источников права Казахстана и обеспечивших высокий уровень открытости национального правопорядка международному праву[4]. В научной литературе подчеркивается, что данная норма одновременно выражает уважение к международно-правовым обязательствам государства и закрепляет механизм их непосредственного действия во внутригосударственной сфере, что сближает казахстанскую модель с монистическими подходами, но не исключает элементов дуализма, особенно в тех случаях, когда для реализации договора требуется специальное законодательное оформление [Абайдельдинов 2006:14-15]. Однако, как отмечают исследователи, «Казахстан не придерживается какой-либо концепции соотношения международного и национального права полностью» [Ракишева 2014:215].

Значение указанной конституционной нормы состоит не только в признании приоритета ратифицированных международных договоров перед законами, но и в том, что она создала основу для прямого обращения судов и иных правоприменительных органов к международно-правовым положениям как к действующим нормам национальной правовой системы. Именно это позволило в казахстанской доктрине закрепиться подходу, согласно которому международный

[2] Галушко Д.В. Теория и практика правового регулирования интеграционных процессов в свете вызовов Брекзита. Дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2023. 544 с.

[3] Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с изм. и доп.). – *ИПС «Әділет»*. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 20.03.2026).

[4] См., напр.: Международные договоры в правовой системе Республики Казахстан. – *Портал нормативных правовых актов Республики Казахстан*. 15.06.2025. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=33073223 (дата обращения: 20.03.2026).

договор рассматривается как особый источник права, обладающий двойственной природой: с одной стороны, он выступает актом международного права, с другой – после ратификации и вступления в силу для Республики Казахстан включается в национальный правопорядок и действует в нем как внутренняя норма[5]. Такая двойственность особенно заметна в тех сферах, где договорные положения непосредственно затрагивают права и свободы человека, а также вопросы международного сотрудничества в сфере противодействия преступности.

Особое значение в данном контексте имеет официальное толкование п. 3 ст. 4 Конституции Республики Казахстан, данное Конституционным Советом Республики Казахстан. В нем разъясняется, что ратифицированные Республикой Казахстан международные договоры подлежат непосредственному применению и обладают приоритетом перед законами, однако не могут противоречить Конституции как акту высшей юридической силы и применяются только в ее конституционных пределах[6]. Это толкование закрепило важнейший принцип: международный договор включается в правовую систему государства, но действует в ней в конституционно определенных пределах. Принцип приоритета положений международных договоров закреплен и в отраслевом, специальном законодательстве. Так, в ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан установлено, что если международным договором, ратифицированным Республикой Казахстан, установлены иные правила, чем те, что содержатся в настоящем Кодексе, то применяются правила международного договора[7]. Аналогичные нормы содержатся в Уголовном кодексе (ст. 1)[8] и других кодексах.

Именно поэтому в казахстанской доктрине подчеркивается, что при анализе соотношения международного и национального права необходимо учитывать не только сам факт ратификации международного договора, но и его соотношение с конституционными положениями и действующим законодательством, особенности содержания соответствующей международной нормы и характер регулируемых ею отношений; решение о включении такой нормы во внутреннее право должно приниматься применительно к каждому конкретному нормативному акту, с одновременным установлением общих механизмов предотвращения коллизий и расхождений в регулировании схожих правоотношений [Абыласимов 2021:96].

Имплементация норм права международных договоров не сводится к простому дублированию их текста во внутреннем законодательстве: она предполагает согласование международных обязательств с действующей системой нормативных правовых актов, учет особенностей национальной правовой системы, а также выработку механизмов их реализации и контроля на внутригосударственном уровне, прежде всего, в уголовно-правовой сфере, в области противодействия преступности. Для Казахстана это особенно важно, поскольку, как справедливо отмечается в доктрине, именно от качества национального правового механизма имплементации зависит реальная эффективность международных договоров в правовой системе Республики Казахстан [Мусин 2018].

Конституционная реформа 2025–2026 годов, завершившаяся принятием новой редакции Основного закона на референдуме 15 марта 2026 года, изменила архитектуру этих отношений[9].

По официальному тексту новой Конституции, в соответствии с п. 1 ст. 5, действующее право Республики Казахстан теперь включает, наряду с Конституцией, законами, нормативными постановлениями Конституционного суда и Верховного суда, также международные договорные обязательства Республики Казахстан. Однако

[5] Сафонова О.Н. Новации в гражданском праве Республики Казахстан под влиянием международного права. – *Zakon.kz*. 2012. URL: https://www.moluch.ru/archive/89/17842 (дата обращения: 20.03.2026).

[6] См.: Об официальном толковании пункта 3 статьи 4 Конституции Республики Казахстан: Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 11 октября 2000 г. № 18/2. – *ИПС «Әділет»*. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S000000018_ (дата обращения: 20.03.2026).

[7] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан : Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 (дата обращения: 20.03.2026).

[8] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=2529;-43#pos=2529;-43 (дата обращения: 20.03.2026).

[9] Конституция Республики Казахстан : принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 г. – *ИПС «Әділет»*. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000 (дата обращения: 28.03.2026).

одновременно Конституция прямо закрепляет, что именно она обладает высшей юридической силой и прямым действием (п. 2 ст. 5), а порядок применения международных договоров на территории страны определяется законом (п. 3 ст. 5). В этом видится важнейший сдвиг от прежней формулы приоритета ратифицированных международных договоров над законами к формуле, в которой международные договорные обязательства остаются частью действующего права, но их внутригосударственное действие более жестко опосредуется законодательством и конституционным контролем. Следовательно, речь идет не об отказе от международных обязательств, а о перераспределении компетенций между Конституцией, законодателем и судебной властью в пользу более отчетливого утверждения государственного суверенитета.

С точки зрения международного права подобная корректировка не противоречит Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Статья 27 Конвенции прямо устанавливает, что государство не может ссылаться на положения своего внутреннего права в оправдание неисполнения договора[10]. Однако это положение адресовано международной ответственности государства и не предписывает конкретной внутригосударственной техники имплементации. Иными словами, Конвенция требует результат – добросовестное исполнение договора, но не навязывает средство – прямое действие, трансформацию, инкорпорацию или иные способы внутреннего осуществления договорных норм. Поэтому, если Казахстан в новой Конституции усиливает роль закона как посредника между международным обязательством и внутренним правопорядком, это само по себе не означает нарушения международного права, при условии, что по существу обязательства выполняются надлежащим образом. В доктрине это хорошо согласуется с тем, что государства свободны определять внутренние механизмы исполнения международных норм, если они не используют внутреннее право как оправдание их невыполнения [Dörr, Schmalenbach 2018].

Особое значение для оценки новой конституционной модели имеет то, что Казахстан сохраняет международные договоры в структуре действующего права, а суды по-прежнему обязаны руководствоваться ими при рассмотрении дел. Это означает, что международное право не выталкивается из правовой системы, а сохраняет нормативное присутствие и функциональную значимость. В действительности новое регулирование не ликвидирует международно-правовую составляющую национального правопорядка, а переводит ее в режим, в котором парламент и иные национальные органы получают большую ответственность за корректную и своевременную имплементацию международных обязательств. С практической точки зрения это особенно важно для тех сфер, где международные нормы требуют детализации, конкретизации и институционального сопровождения, – прежде всего, для уголовного права, уголовного процесса, вопросов международного сотрудничества по противодействию преступности[11].

С теоретической точки зрения казахстанскую модель взаимодействия международного и национального права можно охарактеризовать как конституционно организованную трансформацию международных обязательств во внутренний правопорядок. Такая характеристика позволяет избежать упрощенного противопоставления монизма и дуализма. В действительности Конституция Казахстана использует элементы обеих концепций: с одной стороны, международные договоры включаются в действующее право и могут применяться судами; с другой стороны, порядок их применения, пределы действия и соотношение с конституционными положениями определяются внутренним правом. Это означает, что международная норма становится частью национального правопорядка не автоматически, а через конституционно и законодательно оформленный механизм признания и имплементации. В классическом варианте приоритет международного договора над законом часто рассматривался как знак безусловной международно-правовой открытости

[10] Венская конвенция о праве международных договоров (Заключена в г. Вене 23.05.1969). – *Организация Объединенных Наций : [сайт]*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 28.03.2026).

[11] О применении норм международных договоров Республики Казахстан» : (в ред. нормативного постановления Верховного Суда РК от 28.11.2024 № 3 : нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 10 июля 2008 г. № 1. – *ИПС «Әділет»*. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P08000001S_ (дата обращения: 20.03.2026).

государства. Однако казахстанский опыт показывает, что такой приоритет может быть встроен в модель, где Конституция остается верховным критерием допустимости, а международные договоры признаются преимущественно в качестве инструмента согласования внутреннего права с международными обязательствами. Иначе говоря, международное право не «вытесняет» национальное право, а действует через него, усиливая его способность к адаптации и интернационализации.

Особое место в этом механизме занимает ратификация. Для казахстанского права именно она выступает тем юридическим фактом, который придает международному договору особый статус и связывает его с конституционной формулой приоритета над законами. Без ратификации договор может иметь международно-правовое значение, но не получает той внутренней силы, которая позволяет ставить его выше закона. Следовательно, здесь проявляется одна из центральных черт казахстанской системы: международное право становится частью внутреннего права не в силу своей внешней природы, а в силу признания государством через конституционно установленную процедуру. Этот механизм является своего рода фильтром, через который государство принимает на себя международные обязательства и одновременно сохраняет контроль над их внутренним действием.

Важнейшим элементом новой конституционной логики является сохранение верховенства Конституции. Хотя международные договоры имеют приоритет над законами, они не могут преодолеть прямое конституционное предписание. Это положение имеет фундаментальное значение для всей системы источников права. Оно означает, что международное право в Казахстане не является надконституционным и не способно отменять саму конституционную основу государства. Такое решение нельзя считать аномалией: напротив, оно соответствует распространенной в современной правовой теории идее о том, что международная интеграция должна соотноситься с внутренней конституционной идентичностью государства. Иными словами, государство может принимать на себя международные обязательства, но их применение не может разрушать базовые параметры конституционного строя [Айтхожин 2017].

Данная установка особенно важна применительно к сфере прав и свобод человека. Казахстан участвует в целом ряде универсальных международных договоров, и именно в этой сфере возникает наибольший массив вопросов о непосредственном применении норм международного права. С одной стороны, международные стандарты прав человека должны служить ориентиром для национального судопроизводства, правоприменения и правотворчества. С другой стороны, сами эти стандарты нередко сформулированы в общем виде и требуют точного соотнесения с национальными процессуальными и материальными нормами. Отсюда возникает постоянная задача: обеспечить такой уровень имплементации, при котором международные гарантии реально защищают личность, но не разрушают целостность правовой системы [Shangirbayeva 2022].

На практике этот баланс определяется не только текстом Конституции, но и официальными толкованиями, данными Конституционным Советом, а также последующей судебной практикой. Конституционный Совет разъяснял, что нормы ст. 4 следует понимать системно: международные договоры входят в действующее право, но их применение подчинено законодательной и конституционной рамке, а приоритет над законами не означает отмены конституционного верховенства. В другом разъяснении было указано, что вопрос исполнения решений международных организаций и их органов также должен решаться с учетом ст. 4 Конституции и законодательства Республики. Эти позиции важны не только как акты официального толкования, но и как источник устойчивой правовой доктрины, влияющей на всю практику правоприменения[12].

Именно через такую практику проявляется подлинный смысл новой конституционной редакции. Если прежняя формула допускала восприятие международных обязательств как преимущественно декларативного ориентира, то теперь на первый план выходит защита

[12] Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов : нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 5 ноября 2009 г. № 6. – *ИПС «Әділет»*. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S090000006_ (дата обращения: 28.03.2026).

целостности и внутренней согласованности национального права. Международный договор рассматривается не как самодостаточный внешний регулятор, а как источник, который может действовать во внутреннем правопорядке лишь в той мере, в какой он вписан и адаптирован к национальной правовой системе. Это особенно важно в ситуациях, когда договорные обязательства затрагивают сложные межотраслевые сферы, в том числе международное сотрудничество в противодействии преступности, где несбалансированное «вторжение» внешних норм способно нарушить внутреннюю архитектуру конституционного и отраслевого регулирования [Жунусканов 2024:556].

В казахстанской доктрине международное право в целом и международные договоры в частности рассматриваются как один из важнейших факторов развития и модернизации национальной правовой системы. Принятие международного обязательства означает для государства не только внешнеполитическую, но и внутреннюю правовую ответственность за обеспечение его выполнения средствами национального права, что требует формирования эффективных механизмов имплементации и согласования международных норм с внутренним законодательством. В этом контексте имплементация международного права в Казахстане понимается не как разовый акт перенесения договорных положений в текст закона, а как длительный и многоуровневый процесс, направленный на достижение целей, заложенных в международных нормах, и предполагающий участие законодателя, органов исполнительной власти и судебной системы [Мырзаханова, Абайдельданов 2019:115-116].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о месте международных договоров в сфере уголовной юстиции и международного сотрудничества по противодействию преступности. Договорная практика Республики Казахстан в сфере международного сотрудничества по уголовным делам отличается значительным разнообразием, широким географическим охватом и растущей интенсивностью, хотя и развивалась на протяжении лет неравномерно и волнообразно: периоды активного присоединения к универсальным и региональным соглашениям сменялись этапами более углубленной имплементации и корректировки национального законодательства, что хорошо прослеживается на примере последовательного реформирования уголовного и уголовно-процессуального законодательства [Канцеров 2025].

Именно договорная форма в соответствии с международным правом резюмирует, что все ее содержание обладает юридической силой [Джунусова 2010]. В связи с этим следует отметить, что Казахстан участвует в ряде базовых как универсальных, так и региональных международных договоров, направленных на борьбу с транснациональной организованной преступностью, коррупцией, терроризмом и иными видами преступлений, имеющих трансграничный характер, например: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (UNTOC)[13], Конвенция ООН против коррупции (UNCAC)[14], Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.[15], Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.[16], Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г.[17], Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе

[13] Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 20.03.2026).

[14] Конвенция ООН против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 20.03.2026).

[15] Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/illicit_drugs.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

[16] Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 20.03.2026).

[17] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Заключена в г. Минске 22 января 1993 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/ (дата обращения: 20.03.2026).

с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г.[18] и др.

Данные международные договоры требуют от государства не только формального присоединения, но и разработки внутреннего механизма их реализации, включая нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права [Адилов 2025а]. В научных работах справедливо отмечается, что именно в уголовно-правовой сфере наиболее отчетливо проявляется необходимость согласования международных и национальных подходов, поскольку здесь особенно остро встает вопрос о балансе государственного суверенитета, прав личности и международного сотрудничества [Адилов 2025б]. В этих условиях критически важно, чтобы внутригосударственные нормы не только формально не противоречили международным обязательствам, но и были способны обеспечивать их реальное и эффективное воплощение в правоприменительной практике. Иначе само по себе наличие международного договора не превращается в его действенность внутри страны. Для Казахстана это означает, что качество имплементации международных норм в уголовно-правовой сфере выступает одним из ключевых индикаторов зрелости и эффективности всей национальной правовой системы.

Новая Конституция Республики Казахстан, таким образом, не просто подтверждает существующую ориентацию на международно-правовую открытость, но и задает более строгие рамки для ее реализации. Как отмечает профессор В.А. Малиновский, проект новой Конституции сохраняет принцип, согласно которому ратифицированные международные договоры остаются частью действующего права Республики Казахстан и подлежат применению в национальной правовой системе. При этом исключение положения о приоритете международных договоров над законами не создает угрозы для ранее ратифицированных соглашений, поскольку ключевым остается не формальный вопрос приоритета источников, а реальное соблюдение международных обязательств в правоприменительной практике[19].

Это выражается в сохранении верховенства Конституции, в уточнении приоритета ратифицированных договоров над законами (но не над Конституцией), в усилении значения законодательства о международных договорах и в повышении роли официального толкования и судебной практики. Как отмечает директор Института дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан Алексей Волков, в проекте новой Конституции Республики Казахстан закрепляется сбалансированный подход: международные договоры являются обязательными к исполнению, применяются напрямую, если не требуют принятия специальных законов, и имеют приоритет над законами, но не над Конституцией. Важным элементом является также возможность проверки международного договора на соответствие Конституции до его ратификации, а также право Конституционного Суда, в соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 73 новой Конституции, давать официальное толкование международных договоров вплоть до признания невозможности применения отдельных их положений внутри страны. Такая модель, по его мнению, обеспечивает баланс между международной ответственностью страны и ее государственным суверенитетом[20].

Член Конституционной комиссии, доктор юридических наук Е.Э. Дуйсенов поясняет, что отказ от конституционного закрепления примата международного права продиктован необходимостью защиты суверенитета: любое влияние, в том числе через международные договоры, которые не устраивают ни традиционное общество, ни государство, — это в определенной степени потеря суверенитета. При этом базовые международные правовые акты, такие как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных

[18] Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/53417/ (дата обращения: 20.03.2026).

[19] Малиновский В.А. Международные договоры сохраняются частью действующего права Казахстана. – *Liter.kz.* 2026. 9 февраля. URL: https://liter.kz/v-proekte-novoi-konstitutsii-predlagaiut-chetko-razgranichit-prava-cheloveka-i-grazhdanina-viktor-malinovskii-1770638189/ (дата обращения: 20.03.2026).

[20] Волков А. Проект новой Конституции закрепляет баланс между международными обязательствами и суверенитетом – эксперт. – *Актюбинский Вестник.* 2026. 8 февраля. URL: https://avestnik.kz/proekt-novoj-konstituczii-zakreplyaet-balans-mezhdu-mezhdunarodnymi-obyazatelstvami-i-suverenitetom-ekspert/ (дата обращения: 20.03.2026).

и культурных правах, сохраняют свое значение[21]. При этом дальнейшее развитие правовой системы Казахстана будет зависеть от того, удастся ли обеспечить единообразие имплементации международных норм и последовательно преодолеть разрывы между конституционной формулой и реальной правоприменительной практикой[22].

Заключение

В конечном счете соотношение международного и национального права Казахстана в контексте новой Конституции следует рассматривать как процесс поэтапного укрепления конституционно упорядоченной модели их взаимодействия, который не означает отказа от международных обязательств, но одновременно исключает и механическое провозглашение их безусловного приоритета над национальным правом. Напротив, он отражает стремление государства к правовой зрелости, при которой международное право признается, но применяется через четкие внутренние процедуры, а национальная правовая система сохраняет структурную целостность. Именно в этой точке и проявляется современный смысл конституционного развития Казахстана: не в противопоставлении международного и национального права, а в их согласованном и юридически выверенном взаимодействии.

Новая Конституция Республики Казахстан, таким образом, не просто подтверждает существующую ориентацию на международно-правовую открытость, но и задает более строгие рамки для ее реализации. Это выражается в сохранении верховенства Конституции, в уточнении приоритета ратифицированных договоров над законами, в усилении значения законодательства о международных договорах и в повышении роли официального толкования и судебной практики. Подобная модель представляется достаточно сбалансированной: она позволяет выполнять международные обязательства, не разрушая внутреннюю иерархию правовых источников. При этом дальнейшее развитие правовой системы Казахстана будет зависеть от того, удастся ли обеспечить единообразие имплементации международных норм и устранить разрывы между конституционной формулой и реальной практикой применения.

Список литературы

1. Абайдельдинов Е.М. 2006. *Соотношение международного и национального права Республики Казахстан (проблемы становления приоритетности)*. Алматы: Юридическая литература. 190 с.
2. Абыласимов М.Н. 2021. Некоторые конституционно-правовые аспекты соотношения внутригосударственного и международного права. – *Вестник Атырауского университета имени Х. Досмухамедова*. № 3 (62). С. 94-103. DOI: 10.47649/vau.2021.v62.i3.11.
3. Адилов С.А. 2025а. Досудебное расследование в Республике Казахстан и Республике Узбекистан по уголовным делам, проводимым в условиях оказания правовой помощи: теоретические и прикладные проблемы. – *Центральноазиатский журнал академических исследований*. Т. 3. № 12 (Part 3). С. 67-72. URL: https://in-academy.uz/index.php/cajar/article/view/70808 (дата обращения: 20.03.2026).
4. Адилов С.А. 2025б. Перспективные направления в сфере укрепления международного сотрудничества между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан при оказании правовой помощи в досудебном расследовании и их адаптация к современным реалиям. – *Центральноазиатский журнал академических исследований*. № 12-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-v-sfere-ukrepleniya-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-mezhdu-respublikoy-kazahstan-i-respublikoy (дата обращения: 20.03.2026).
5. Айтхожин К.К. 2017. О верховенстве Конституции в системе действующего права республики Казахстан. – *Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан*. № 2. С. 32-43.
6. Вельяминов Г.М. 2015. К вопросу о соотношении международного права и национальных правовых систем. – *Государство и право*. № 5. С. 99-102.
7. Джунусова А.О. 2010. Международный договор как юридическое основание экстрадиции лиц, совершивших преступления. – *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. № 1 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-dogovor-kak-yuridich-

[21] Дуйсенов Е. Новая Конституция: историческая преемственность, баланс властей и защита суверенитета. – *ZANMEDIA*. 2026. 27 февраля. URL: https://zanmedia.kz/erkin-dujsenov-novaya-konstitucziya-istoricheskaya-preemstvennost-balans-vlastej-i-zashhita-suvereniteta/ (дата обращения: 20.03.2026).

[22] Байрамов А. Референдум и новая Конституция: как Казахстан меняется для мира – взгляд эксперта. – *Tengrinews.kz*. 2026. 11 марта. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/referendum-novaya-konstitutsiya-kazahstan-menyaetsya-mira-594414/ (дата обращения: 20.03.2026).

eskoe-osnovanie-ekstraditsii-lits-sovershivshih-prestupleniya (дата обращения: 20.03.2026).
8. Dörr O., Schmalenbach K. (eds.). 2018. *Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 1544 p.
9. Жунусканов Т. 2024. Конституционное законодательство Нового Казахстана: новые проблемные вопросы структуры. – *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* Т. 15. № 2. С. 544-560. DOI: 10.21638/spbu14.2024.216.
10. *Интернационализация конституционного права: современные тенденции*. 2017. И.А. Алебастрова, Н.В. Варламова, Т.А. Васильева [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН. 224 с. ISBN 978-5-8339-0169-4.
11. Канцеров К.В. 2025. Международное сотрудничество в противодействии преступности как императив уголовной политики Казахстана. – *Международный правовой курьер*. № 7-8 (32-33). С. 63-70.
12. Каширкина А.А. 2009. Доктринальные подходы к соотношению международно-правовых и национальных норм. – *Журнал российского права*. № 6 (150). С. 3-13.
13. Кембаев Ж.М. 2013. Действие международных договоров в Республике Казахстан. – *Право и государство*. № 3 (60). С. 84-89.
14. Мусин К.К. 2018. Имплементация норм права международных договоров в национальное законодательство Республики Казахстан. – *Путь права*. № 3 (45). С. 45-54.
15. Мырзаханова А.К., Абайдельданов Е.М. 2019. Имплементация норм международного права в национальное законодательство Республики Казахстан. – *Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Право*. Т. 127. № 2. С. 113-123. DOI: 10.32523/2616-6844-2019-127-2-113-123.
16. Осминин Б.И. 2014. Конституционные принципы и взаимодействие международного и внутригосударственного права. – *Журнал российского права*. № 5 (209). С. 105-117. DOI: 10.12737/3467.
17. Ракишева А.Ш. 2014. Теоретические концепции и особенности взаимодействия международного и национального права Республики Казахстан. – *Вестник Карагандинского университета. Серия: Право*. № 3 (35). С. 212-218.
18. Shangirbayeva B. 2022. Theoretical Background and Legislative Framework for Implementation of the International Covenant on Civil and Political Rights in Kazakhstan. – *Central Asian Yearbook of International and Investment Law and Regulation*. Vol. 1. No. 1. P. 178-197. DOI: 10.5553/CAYILIR/277314562022001001009.

References

1. Abaydel'dinov E.M. *Sootnoshenie mezhdunarodnogo i natsional'nogo prava Respubliki Kazakhstan (problemy stanovleniya prioritetnosti) [Correlation of International and National Law of the Republic of Kazakhstan (Problems of Establishing Priority)]*. Almaty: Yuridicheskaya literatura Publ. 2006. 190 p. (In Russ.)
2. Abylasimov M.N. Nekotorye konstitutsionno-pravovye aspekty sootnosheniya vnutrigosudarstvennogo i mezhdunarodnogo prava [Some Constitutional and Legal Aspects of the Correlation between Domestic and International Law]. – *Vestnik Atyrauskogo universiteta imeni Kh. Dosmukhamedova [Bulletin of Atyrau University named after H. Dosmukhamedov]*. 2021. No. 3 (62). P. 94-103. DOI: 10.47649/vau.2021.v62.i3.11. (In Russ.)
3. Adilov S.A. Dosudebnoe rassledovanie v Respublike Kazakhstan i Respublike Uzbekistan po ugolovnym delam, provodimym v usloviyakh okazaniya pravovoy pomoshchi: teoreticheskie i prikladnye problemy [Pretrial Investigation in the Republic of Kazakhstan and the Republic of Uzbekistan in Criminal Cases Conducted under Legal Assistance: Theoretical and Applied Problems]. – *Tsentral'noaziatskiy zhurnal akademicheskikh issledovaniy [Central Asian Journal of Academic Research]*. 2025*a*. Vol. 3. No. 12 (Part 3). P. 67-72. URL: https://in-academy.uz/index.php/cajar/article/view/70808 (accessed daye: 20.03.2026). (In Russ.)
4. Adilov S.A. Perspektivnye napravleniya v sfere ukrepleniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva mezhdu Respublikoy Kazakhstan i Respublikoy Uzbekistan pri okazanii pravovoy pomoshchi v dosudebnom rassledovanii i ikh adaptatsiya k sovremennym realiyam [Promising Directions for Strengthening International Cooperation between the Republic of Kazakhstan and the Republic of Uzbekistan in Providing Legal Assistance in Pre-trial Investigation and Their Adaptation to Modern Realities]. – *Tsentral'noaziatskiy zhurnal akademicheskikh issledovaniy [Central Asian Journal of Academic Research]*. 2025*b*. No. 12-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-v-sfere-ukrepleniya-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-mezhdu-respublikoy-kazahstan-i-respublikoy (accessed date: 20.03.2026). (In Russ.)
5. Aitkhozhin K.K. O verkhovenstve Konstitutsii v sisteme deystvuyushchego prava respubliki Kazakhstan [On the Supremacy of the Constitution in the System of the Current Law of the Republic of Kazakhstan]. – *Vestnik Akademii pravookhranitel'nykh organov pri General'noy prokurature Respubliki Kazakhstan [Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan]*. 2017. No. 2. P. 32-43. (In Russ.)
6. Dörr O., Schmalenbach K. (eds.). *Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 2018. 1544 p.
7. Dzhunusova A.O. Mezhdunarodnyy dogovor kak yuridicheskoe osnovanie ekstraditsii lits, sovershivshikh prestupleniya [International Treaty as a Legal Basis for Extradition of Criminals]. – *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan [Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan]*. 2010. No. 1 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-dogovor-kak-yuridicheskoe-osnovanie-ekstraditsii-lits-sovershivshih-prestupleniya (accessed date: 20.03.2026). (In Russ.)
8. *Internatsionalizatsiya konstitutsionnogo prava: sovremennye tendentsii [Internationalization of Constitutional Law: Current Trends]*. Alebastrova I.A., Varlamova N.V., Vasil'eva T.A. et al. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN Publ. 2017. 224 p. ISBN 978-5-8339-0169-4. (In Russ.)
9. Kantserov K.V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v protivodeystvii prestupnosti kak imperativ ugolovnoy politiki Kazakhstana [International Cooperation in Crime Counteraction as an Imperative of Criminal Policy of

Kazakhstan]. – *Mezhdunarodnyy pravovoy kur'er [International legal courier]*. 2025. No. 7-8 (32-33). P. 63-70. (In Russ.)
10. Kashirkina A.A. Doktrinal'nye podkhody k sootnosheniyu mezhdunarodno-pravovykh i natsional'nykh norm [Doctrinal Approaches to the Correlation of International Legal and National Norms]. – *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2009. No. 6 (150). P. 3–13. (In Russ.)
11. Kembaev Zh.M. Deystvie mezhdunarodnykh dogovorov v Respublike Kazakhstan [Effect of International Treaties in the Republic of Kazakhstan]. – *Pravo i gosudarstvo [Law and the state]*. 2013. No. 3 (60). P. 84-89. (In Russ.)
12. Musin K.K. Implementatsiya norm prava mezhdunarodnykh dogovorov v natsional'noe zakonodatel'stvo Respubliki Kazakhstan [Implementation of International Treaty Rules into the National Legislation of the Republic of Kazakhstan]. – *Put' prava [The path is right]*. 2018. No. 3 (45). P. 45-54. (In Russ.)
13. Myrzakhanova A.K., Abaydel'danov E.M. Implementatsiya norm mezhdunarodnogo prava v natsional'noe zakonodatel'stvo Respubliki Kazakhstan [Implementation of International Law Norms into the National Legislation of the Republic of Kazakhstan]. – *Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N. Gumilyova. Seriya: Pravo [Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University]*. 2019. Vol. 127. No. 2. P. 113-123. DOI: 10.32523/2616-6844-2019-127-2-113-123. (In Russ.)
14. Osminin B.I. Konstitutsionnye printsipy i vzaimodeystvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava [Constitutional Principles and Interaction of International and Domestic Law]. – *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2014. No. 5 (209). P. 105-117. DOI: 10.12737/3467. (In Russ.)
15. Rakisheva A.Sh. Teoreticheskie kontseptsii i osobennosti vzaimodeystviya mezhdunarodnogo i natsional'nogo prava Respubliki Kazakhstan [Theoretical Concepts and Features of Interaction between International and National Law of the Republic of Kazakhstan]. – *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of Karaganda University. Series: Law]*. 2014. No. 3 (35). P. 212-218. (In Russ.)
16. Shangirbayeva B. Theoretical Background and Legislative Framework for Implementation of the International Covenant on Civil and Political Rights in Kazakhstan. –*Central Asian Yearbook of International and Investment Law and Regulation*. 2022. Vol. 1. No. 1. P. 178-197. DOI: 10.5553/CAYILIR/277314562022001001009.
17. Vel'yaminov G.M. K voprosu o sootnoshenii mezhdunarodnogo prava i natsional'nykh pravovykh sistem [On the Correlation of International Law and National Legal Systems]. – *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. 2015. No. 5. P. 99-102. (In Russ.)
18. Zhunuskanov T. Konstitutsionnoe zakonodatel'stvo Novogo Kazakhstana: novye problemnye voprosy struktury [Constitutional Legislation of the New Kazakhstan: New Structural Issues]. – *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Bulletin of St. Petersburg University. Right]*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 544-560. DOI: 10.21638/spbu14.2024.216. (In Russ.)

Информация об авторах

Андрей Андреевич ДАНЕЛЬЯН
Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Дипломатическая академия МГИМО МИД России

Остоженка ул., 53/2, стр. 1, Москва, 119021, Российская Федерация

danel1@mail.ru
ORCID 0000-0001-5771-0888

Константин Вадимович КАНЦЕРОВ
Аспирант, Дипломатическая академия МГИМО МИД России

Остоженка ул., 53/2, стр. 1, Москва, 119021, Российская Федерация

kantserov.sop@list.ru
ORCID 0009-0004-2421-8757

About the Authors

Andrey A. DANELYAN
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law, MGIMO Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

53/2, bld. 1, Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation, 119021

danel1@mail.ru
ORCID 0000-0001-5771-0888

Konstantin V. KANTSEROV
Postgraduate Student, MGIMO Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

53/2, bld. 1, Ostozhenka St., Moscow, 119021, Russian Federation

kantserov.sop@list.ru
ORCID 0009-0004-2421-8757

CC BY

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-251-263

Исследовательская статья
УДК: 347.635.3
Поступила в редакцию: 28.02.2026
Принята к публикации: 10.06.2026

Мария Юрьевна ЗЕЛЕНЦОВА
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
zelentsovam@inbox.ru
ORCID 0009-0006-6913-3620

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АЛИМЕНТНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В ПРАВЕ РОССИИ, ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ

ВВЕДЕНИЕ. *Вопрос правовой природы алиментного обязательства традиционно вызывает споры как в отечественной, так и зарубежной науке. Дискуссия касается аспекта его отраслевой принадлежности и места в системе обязательств. Эта статья представляет собой сравнительный анализ теорий правовой природы алиментного обязательства в праве России, Германии и Австрии и попытку определения его положения в системе обязательственных правоотношений упомянутых правопорядков.*

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *В исследовании приводится анализ сложившихся в российской, германской и австрийской доктрине подходов к определению правовой природы алиментного обязательства и его места в системе обязательств. Предметом анализа являются диссертационные исследования, статьи, монографии на русском и немецком языках, а также материалы судебной практики. Используются как общенаучные (синтез, анализ, индукция, дедукция), так и частнонаучные методы исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой).*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. *Проведенный анализ позволяет утверждать отсутствие научного консенсуса по вопросу правовой природы алиментного обязательства в праве России и Германии и наличии относительного научного консенсуса в праве Австрии. Несмотря на это, концепция смешанной правовой природы алиментного обязательства на сегодняшний день является наиболее популярной в российской и германской науке.*

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. *Относительный научный консенсус в австрийской доктрине проявляется в превалирующем понимании алиментного обязательства как гражданско-правового обязательства. В рамках этой концепции правовой природы алиментного обязательства австрийскими исследователями выдвигаются дополнительные гипотезы, такие, как наличие синаллагмы в алиментном обязательстве. В статье также обосновывается вывод, что в праве России и Германии алиментное обязательство представляет собой строго целевую установленную законом обязанность, в то время как в праве Австрии оно квалифицируется в качестве гражданско-правового обязательства. Помимо этого, по результатам исследования можно сделать вывод о том, что во всех рассматриваемых юрисдикциях сложилось понимание алиментного притязания как обычного требования кредитора к должнику в обязательственном правоотношении.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *алиментное обязательство, правовая природа, гражданско-правовое обязательство, семейно-правовая обязанность, долженствование, синаллагма, алиментное притязание*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зеленцова М.Ю. 2026. Правовая природа алиментного обязательства в праве России, Германии и Австрии. –

Московский журнал международного права. № 2. С. 251–263. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-251-263

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-251-263

Research article
UDC: 347.635.3
Received 28 February 2026
Approved 10 June 2026

Maria Yu. ZELENTSOVA
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
zelentsovam@inbox.ru
ORCID 0009-0006-6913-3620

LEGAL NATURE OF ALIMONY OBLIGATION IN RUSSIAN, GERMAN AND AUSTRIAN LAW

INTRODUCTION. *The question of the legal nature of alimony obligations has traditionally been a subject of discussion in both Russian and foreign science. The debate concerns both the law branch affiliation of this institution and its place in the system of civil legal relations. This article presents a comparative legal analysis of existing theories of the legal nature of alimony obligations in Russian, German, and Austrian law and attempts to determine the position of the institution in the system of civil legal relations in the legal systems thereof.*

MATERIALS AND METHODS. *The article provides an analysis of the approaches developed in Russian, German, and Austrian doctrine on the matter. The subject of the analysis is Ph.D and doctoral theses, articles, monographs and case law. The article uses both general scientific (synthesis, analysis, induction, deduction) and specific scientific research methods (formal-legal, comparative-legal).*

RESEARCH RESULTS. *In accordance with the conducted analysis, there is no scientific consensus reached on the matter of legal nature of alimony obligations in Russian and German law. The concept of the mixed legal nature of alimony obligations is currently the most popular in Russian and German academia. In Austrian law there is a relative scientific consensus.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The relative scientific consensus in Austrian doctrine is reflected in the prevailing understanding of alimony as a civil law obligation. Within the framework of this concept of the legal nature of alimony obligations, Austrian researchers put forward additional hypotheses, such as the existence of synallagma in alimony legal relations. The article also substantiates the conclusion that in Russian and German law, alimony obligation is a strictly targeted relationship established by law, while in Austrian law, this institution is a civil law obligation. In addition, the results of the study suggest that in all the jurisdictions, alimony claims are claims of a creditor against a debtor in a civil legal relationship.*

KEYWORDS: *alimony obligation, legal nature, civil law obligation, family law obligation, duty, synallagma, family maintenance claim*

FOR CITATION: Zelentsova M.Yu. Legal Nature of Alimony Obligation in Russian, German and Austrian Law. – *Moscow Journal of International Law.* 2026. No. 2. P. 251–263. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-251-263

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Проблема правовой природы алиментного обязательства является одним из основополагающих вопросов, до сих пор не получивших универсального понимания в российской и зарубежной науке семейного права. С одной стороны, оно представляет собой одну из важнейших гарантий права нуждающегося члена семьи на достойное жизнеобеспечение и тесно связан с личностью сторон ввиду четко определенного законом субъектного состава, что исключает его определение в качестве гражданско-правового. С другой стороны, имущественный характер и исполнение преимущественно в денежной форме не позволяют отрицать присущих ему признаков гражданско-правового обязательства. Полагаем, что попытка разрешения данной проблемы должна подразумевать не только выделение признаков алиментного обязательства в контексте его отраслевой принадлежности, но и поиск ответа на вопрос о его квалификации в качестве обязательства или обязанности.

2. Доктринальные воззрения по вопросу отраслевой принадлежности алиментного обязательства

Вопрос отраслевой принадлежности алиментного обязательства традиционно является дискуссионным. В российской науке данная тенденция во многом обусловлена научной проблемой отраслевой самостоятельности семейного права. В соответствии с доминирующей точкой зрения, которая автором также разделяется, семейное право является самостоятельной отраслью права ввиду особого предмета и метода регулирования, который можно охарактеризовать как императивно-диспозитивный и ситуационный [Микрюков 2011][1]. Тем не менее влияние гражданского права на семейное значительно. Во-первых, субсидиарное применение к семейным отношениям гражданского законодательства предусмотрено ст. 4 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)[2]. Во-вторых, тесная связь гражданского и семейного законодательства явно проявляется в регулировании отдельных институтов семейного права (применение общих оснований недействительности сделок к брачному договору и соглашению об уплате алиментов, установленные гражданским законодательством запреты уступки права требования алиментов и т.д.).

Несмотря на тесное взаимодействие отраслей, институты семейного права обладают бесспорной спецификой ввиду особенностей регулируемых им отношений. Так, А.И. Пергамент, автор фундаментального диссертационного исследования, посвященного алиментным обязательствам в праве СССР, рассматривала данный институт исключительно в качестве семейно-правового и определяла его как «установленную законом обязанность одних членов семьи содержать несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных членов своей семьи»[3]. С.Н. Братусь также указывал на специфику алиментных обязательств, отмечая, что лежащий в их основе факт родства не позволяет относить их к «имущественным правоотношениям, опосредствующим экономический оборот» [Братусь 1963:68]. Идеи семейно-правовой природы алиментного обязательства придерживается и А.М. Нечаева, поскольку оно, по ее мнению, является правовой предпосылкой жизнеобеспечения управомоченных на получение алиментов лиц и соответствует фундаментальной обязанности членов семьи заботиться друг о друге [Нечаева 2007]. На необходимость учета семейно-правовой специфики алиментного обязательства, несмотря на его «генетическую» связь с гражданско-правовым обязательством, обращает внимание Б.М. Гонгало [Гонгало 2021:121-122]. Тезис о семейно-правовой принадлежности алиментных обязательств выдвигается также в диссертационном исследовании О.Ю. Косовой, в котором алиментное обязательство определяется как «возникающая при наступлении указанных в законе обстоятельств семейно-правовая связь, в силу которой одна сторона обязана содержать другую сторону (алиментировать),

[1] См. также: Давыдова О.А. *Правовое регулирование алиментных отношений в семейном праве РФ.* Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2005. С. 30-32.

[2] Семейный Кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. – *СЗ РФ*. 1996. № 1. Ст. 16.

[3] Пергамент. А.И. *Основы законодательства о браке и семье*. Учебное пособие. Москва: Знание. 1969. С. 53.

а другая – вправе требовать предоставления алиментов (содержания)». Исследователем также отмечается, что, несмотря на выполняемую алиментным обязательством функцию перераспределения материальных благ, приравнять их к экономическим отношениям гражданского оборота не представляется возможным ввиду специфики семейно-правового статуса сторон алиментного обязательства и оснований его возникновения[4]. По мнению Чашковой С.Ю., в алиментных обязательствах проявляются все отраслевые признаки семейных правоотношений, за исключением свойства доверительности. Согласно исследователю, ключевым отличием алиментных правоотношений от гражданско-правовых является лежащая в их основе установленная законом обязанность содержания нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи [Чашкова 2022]. Аналогичную позицию по вопросу правовой природы алиментного обязательства можно наблюдать в исследованиях М.А. Данилян[5], Е.Ю. Костюченко[6], В.А. Микрюкова [Микрюков 2021], А.А. Серебряковой[7]. Тем не менее в науке встречается альтернативная точка зрения, согласно которой алиментное обязательство представляет собой разновидность гражданско-правового обязательства. Так, согласно данной М.М. Агарковым классификации, алиментное обязательство относилось к категории обязательств, «непосредственно направленных на социалистическое распределение» [Агарков 1940:170]. Идеи гражданско-правовой природы алиментного обязательства придерживался также О.С. Иоффе [Иоффе 2009:523, 642]. Л.А. Лунц относил его к денежным обязательствам, а именно к такому их виду, которые имеют своим предметом предоставление определенной выраженной в деньгах ценности для достижения определенных экономических целей. Применительно к алиментному обязательству такой целью выступает «предоставление управомоченному лицу известной покупательной способности, необходимой для поддержания существования» [Лунц 1926:23]. В исследованиях современного периода концепция гражданско-правовой природы алиментного обязательства также получила распространение. Так, в качестве гражданско-правового обязательства особого вида алиментное обязательство рассматривается в исследованиях О.А. Давыдовой[8], Н.Д. Петровой[9], Е.Д. Умновой[10]. Как отмечает Л.Ю. Михеева, данный подход к определению правовой природы алиментного обязательства, разработанный еще в советской науке, до сих пор не потерял своей актуальности [Михеева 2020]. Таким образом, несмотря на существующую дискуссию, в советской и современной доктрине превалирующим является понимание исследуемого правоотношения как особой разновидности гражданско-правового обязательства с присущей семейно-правовой спецификой. Данная специфика проявляется в первую очередь в его субъектном составе и строго целевом назначении, состоящем в материальном жизнеобеспечении нуждающихся членов семьи.

В германской доктрине проблеме правовой природы алиментного обязательства также было уделено значительное внимание, во многом по причине его уникальности как имущественного правоотношения членов семьи[11]. На общую специфику субъективных частных прав, вытекающих из семейных отношений в целом, еще в 1925 г.

---

[4] Косова О.Ю. *Семейно-правовое регулирование отношений по предоставлению содержания членам семьи.* Дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 2005. С. 80, 213, 218-219.

[5] Данилян М.А. *Алиментные обязательства родителей по содержанию несовершеннолетних детей и ответственность за их нарушение.* Дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2014. С. 11.

[6] Костюченко Е.Ю. *Алиментные обязательства родителей и детей по законодательству России и Германии: сравнительно-правовой анализ.* Дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2007. С. 33.

[7] Серебрякова А.А. *Правоотношение алиментирования как способ обеспечения потребности алиментополучателя.* Дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 2022. С. 329.

[8] Давыдова О.А. *Правовое регулирование алиментных отношений в семейном праве РФ.* Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2005. С. 43.

[9] Петрова Н.Д. *Институт алиментных обязательств в советской системе прав и обязанностей граждан: историко-правовое исследование.* Дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. 2021. С. 64.

[10] Умнова Е.Д. *Особенности гражданского судопроизводства по делам, возникающим из алиментных обязательств.* Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2021. С. 30.

[11] Васильев Е.А., Вершинина Е.В., Коновалов Д.В., Фокина А.Д. Г*ражданское и торговое право зарубежных государств.* Учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. Отв. ред. проф. А.С. Комаров, проф. А.А. Костин, проф. О.Н. Зименкова, доц. Е.В. Вершинина. Москва: Статут. 2020. § 7, Глава 18 «Семейное право». С. 648-673.

указывал германский цивилист П. Эртманн, отмечая, что они не могут быть типизированы на основе разработанной в континентальной традиции дихотомии абсолютных и относительных прав. Так, обязанность неограниченного круга лиц воздерживаться от вмешательства в организацию семейных отношений указывает на значимость «внешнего действия» семейных прав, что придает им свойство абсолютности. С другой стороны, закон наделяет семейными правами только тех субъектов, которые обладают определенным семейным статусом, которым обусловлена связь субъектов друг с другом. В этом аспекте семейным правам присущи черты относительных прав, где решающее значение, напротив, имеет их «внутреннее действие». Другим аргументом, который П. Эртманн приводил в пользу особой природы семейных прав, является направленность вытекающих из них притязаний. Многие семейно-правовые притязания не подразумевают принудительную реализацию прав на чужое поведение, а имеют целью установление определенного семейно-правового состояния (например, установление отцовства). Существуют, однако, и те из них, которые соответствуют сути обязательственного притязания в его традиционном понимании, целью которых является имущественное предоставление со стороны должника. К таковым П. Эртманн относит алиментные притязания [Oertmann 1925:129-160]. К институтам обязательственного права алиментное обязательство (нем. Alimentationsverbindlichkeit) относили и представители пандектного учения, в частности, Б. Виндшайд [Windscheid 1887:830-837] и Г. Ф. Пухта, который, как и Эртманн, считал, что притязание из нарушения алиментного обязательства подразумевает принудительную реализацию прав на чужие действия (нем. Rechte an Handlungen) [Puchta 1855:180-183]. Г.К. Нойнер по данному поводу также подчеркивал, что этот вид семейно-правовых обязанностей посредством закрепления в законе превращается из естественно-нравственного долга ("…an die Stelle eines bisherigen bloß natürlichen officium") в классическое гражданско-правовое обязательство с точно определенным содержанием ("…solche pecuniäre Leistungen erst jetzt ein genau bestimmtes, durch die Behörde festgesetztes, einer bürgerlichen Obligation entsprechendes quale und quantum erhalten") [Neuner 1866:38-39]. Тем не менее научный консенсус по вопросу правовой природы алиментного обязательства в германской пандектистике достигнут не был. К примеру, А. фон Бринц и Г. Дернбург придерживались идеи семейно-правовой природы алиментного обязательства. А. фон Бринц, в частности, предлагал, в отличие от Г.К. Нойнера, сопоставлять его скорее с римским officium [Дыдынский 1896:310], нежели obligatio, поскольку именно такая интерпретация объясняет существование алиментной обязанности родственников по нисходящей линии по отношению к родственникам по восходящей линии ("Eine Alimentationspflicht…gegenseitig zwischen Descendenten und Ascendenten") [von Brinz 1889:777-778]. В свою очередь Г. Дернбург отмечал, что требование об уплате алиментов представляет собой обычное денежное притязание (нем. Geldanspruch), однако само алиментное обязательство, по его мнению, обладает спецификой, обусловленной природой отношений родства, в которых значительную роль играют представления нравственности. По данной причине Г. Дернбург называет алиментные обязанности «обязанностями почтения» (нем. Pietätspflichten) [Dernburg 1892:70]. Помимо этого, частыми аргументами в пользу семейно-правовой природы алиментного обязательства являлись ограничение его размера имущественным положением должника, а также особенности, связанные с переходом обязанности по наследству [Schulz 2017:26]. Исследователи современного периода отмечают, что в науке закрепился компромиссный взгляд на правовую природу алиментного обязательства, в соответствии с которым ему присущи признаки как обязательственно-, так и семейно-правового института. Так, согласно Д. Мартини, дополнительным доводом в пользу семейно-правовой природы алиментного обязательства является возможность его исполнения в натуральной форме, которое, как правило, производится не путем реализации права требования, а в процессе самоорганизации внутрисемейных отношений. Тем не менее игнорировать тесную связь алиментного обязательства с обязательственным правом не представляется возможным. Несмотря на то что Германское гражданское уложение (далее – ГГУ) не содержит указания на непосредственное применение общей части обязательственного права к семейным правоотношениям, в германской науке сложился консенсус, в соответствии с которым к алиментным обязательствам следует применять положения, устанавливающие общие правила

исполнения обязательств (§ 241-292 ГГУ)[12]. Более того, применение норм о просрочке должника и возмещении убытков, вызванных неисполнением алиментного обязательства, следует из буквального толкования норм ГГУ о ретроактивном взыскании алиментов (абз. 1, 3 § 1585b, абз. 2 §1586 и абз. 1 § 1613 ГГУ). Необходимо отметить, что применение норм обязательственного права к алиментному обязательству допускается лишь в той мере, в которой это не противоречит его особой природе и отдельным положениям семейного законодательства [Unterhaltsrang und -rückgriff 2000:26-27]. Ключевой особенностью алиментного обязательства, по мнению многих исследователей, является его особый субъектный состав, подразумевающий наличие у его сторон семейно-правового статуса, а также возможность предоставления натурального содержания в процессе автономной организации семейных отношений. Таким образом, алиментное обязательство в германской науке, несмотря на явную близость данного семейного правоотношения к обязательственному в традиционном понимании, рассматривается в качестве института двойственной правовой природы (нем. Doppelnatur).

В австрийской науке превалирует позиция (Р. Болленбергер, П. Быдлински), в соответствии с которой алиментное обязательство рассматривается в качестве гражданско-правового обязательства, возникающего на основании закона (нем. auf Gesetz beruhende Obligationen) [Koziol, Bydlinski, Bollenberger 2010:784]. В рамках данной парадигмы имеют место теории, объясняющие особенности данного обязательственного правоотношения. В частности, Т. Шодитч и В. Фека, обращая внимание на то, что в правоотношениях родителей и детей, включая алиментные, отсутствует характерное для гражданского права равенство сторон, отмечают, что последним все же свойственна ограниченная синаллагматичность (нем. beschränkt synnalagmatisches Schuldverhältnis) [Schoditsch, Feka 2021:85]. Аргументация данного утверждения основана на применении известной теории «долженствований» (нем. Obliegenheiten), разработанной германским исследователем Р. Шмидтом [Егоров 2011b:241-250]. Так, авторы концепции придерживаются мнения, что алиментное обязательство родителей и детей не является односторонним, так как в нем обязанностям родителей по уплате содержания соответствуют «долженствования» со стороны детей. Согласно Р. Шмидту, разница между обязанностью (нем. Rechtspflicht) и долженствованием заключается в том, что нарушение первой является основанием возникновения притязания о возмещении убытков, а второе приводит лишь к «ухудшению правового положения» (нем. Rechtsverlust) нарушителя. Следуя данной логике, нарушение детьми долженствований, например, обязанности моральной поддержки (нем. Beistand), установленной § 137 Всеобщего гражданского уложения Австрии (далее – АГУ) или послушания (нем. Gehorsam, § 161 АГУ)[13], не может быть основанием наступления гражданско-правовой ответственности, однако может привести к определенным негативным последствиям для их правового положения. Подобные последствия предусмотрены АГУ применительно к наследственным правам детей. Так, грубое нарушение семейных обязанностей по отношению к наследодателю входит в перечень оснований признания недостойным наследником (§ 541, 770 АГУ). Помимо этого, § 776 АГУ предусматривает право наследодателя уменьшить причитающуюся наследнику по закону долю в случае отсутствия между ними в течение длительного периода до его смерти близких родственных отношений, которые обычно имеют место между членами семьи. Данные нормы, по мнению исследователей, подтверждает свойство взаимообусловленности прав и обязанностей в алиментных правоотношениях родителей и детей [Schoditsch, Feka 2021:3-7].

Таким образом, в рассматриваемых правовых системах сложились различные теории по вопросу отраслевой принадлежности алиментного обязательства: гражданско-правовая, семейно-правовая и смешанная. Смешанная теория на сегодняшний день превалирует в германской науке и также получила обширное распространение в российской. Относительный консенсус

[12] Bürgerliches Gesetzbuch vom 18. August 1896 in der Fassung der Bekanntmachung vom 2. Januar 2002 (BGBl. I S. 42, 2909; 2003 I S. 738), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 14. März 2023 (BGBl. 2023 I Nr. 72) geändert worden ist. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html#BJNR001950896BJNE157611308 (accessed date: 27.02.2026).

[13] Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch für die gesammten deutschen Erbländer der Österreichischen Monarchie. Vom 1. Juni 1811. StF: JGS Nr. 946/1811, zuletzt geändert durch Gesetz vom 30.06.2025. URL: https://www.ris.bka.gv.at (accessed date: 27.02.2026).

можно заметить в австрийской науке, в которой алиментное обязательство квалифицируется как гражданско-правовое обязательство, возникающее на основании закона. Более того, в австрийской доктрине имеет место выделение характерных черт алиментного обязательства через призму традиционно цивилистических теорий, например, концепция «ограниченной синаллагмы» в алиментном обязательстве.

3. Алиментное правоотношение в системе обязательств

Дискуссия относительно правовой природы алиментного обязательства в российской науке во многом объяснима существующей многозначностью понятия «обязательство». Так, В.С. Толстой еще в 1973 г. обращал внимание на смешение в законодательстве понятий «обязательство» и «обязанность», выделяя четыре значения первого:

- «документ, выдаваемый должником кредитору;
- отдельная обязанность;
- обязанность с соответствующей ей правомочием;
- совокупности обязанностей с соответствующими правомочиями, объединенных по тем или иным признакам».

Отрицая тождество данных терминов, В.С. Толстой определял обязательство как «относительное гражданское правоотношение, содержание которого составляют одна или несколько обязанностей (с соответствующими правомочиями) совершить положительные действия». В свою очередь обязанность, по мнению исследователя, всегда возникает как составная часть обязательственного или иного правоотношения [цит. по Егоров 2011а:26-27]. Видится целесообразным предпринять попытку определить, является ли алиментное обязательство самостоятельным односторонним обязательством, подпадая под определение В.С. Толстого, или обязанностью в составе иного регулятивного правоотношения.

А.И. Пергамент, будучи сторонником семейно-правовой принадлежности алиментного обязательства, предлагала рассматривать его исключительно как «установленную законом обязанность»[14]. Действительно, у алиментного обязательства есть ряд особенностей, не позволяющих рассматривать его в качестве гражданско-правового обязательства в классическом понимании. Так, ключевыми отличиями алиментного обязательства от гражданско-правового являются:

1) особые основания возникновения (несовершеннолетний возраст, нетрудоспособность, нуждаемость) и заранее определенный законом субъектный состав, включающий в себя:
   - супругов и бывших супругов;
   - родителей и детей;
   - бабушек/дедушек и внуков;
   - братьев и сестер;
   - воспитанников и фактических воспитателей;
   - отчима/мачеху и пасынка/падчерицу;
2) алиментное обязательство относится к категории строго личных, что исключает применение к нему таких гражданско-правовых институтов, как уступка права требования, зачет, новация, перевод долга. Права и обязанности из алиментных правоотношений неотчуждаемы и непередаваемы, не могут переходить в порядке наследования, быть предметом дарения или залога;
3) алиментное обязательство является строго целевым и направлено на жизнеобеспечение нуждающегося лица;
4) согласимся с мнением исследователей о свойстве безвозмездности алиментных обязательств, поскольку они не подразумевают встречного имущественного предоставления со стороны алиментополучателя[15]. Тем не менее необходимо отметить, что всем алиментным обязательствам, за исключением алиментных правоотношений воспитанников и фактических воспитателей, а также отчима/мачехи и пасынка/падчерицы (ст. 96, 97 СК РФ), свойственна взаимность;

[14] Пергамент А.И. *Основы законодательства о браке и семье.* Учебное пособие. Москва: Знание, 1969. С. 53.

[15] См., напр., Данилян М.А. *Алиментные обязательства родителей по содержанию несовершеннолетних детей и ответственность за их нарушение.* Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2014. С. 23; Костюченко Е. Ю. Алиментные обязательства родителей и детей по законодательству России и Германии: сравнительно-правовой анализ. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2007. С. 30.

5) при определении размера алиментов имеет значение материальное положение должника;

6) на охранительной стадии алиментное обязательство может быть сопряжено с комплексом мер государственного принуждения, установленных семейным, гражданским, административным и уголовным законодательством;

7) право требования из алиментных правоотношений не погашается давностью.

8) алиментное обязательство представляет собой длящееся правоотношение. Оно возникает с момента, когда лицо получает статус члена семьи, управомоченного на получение алиментов, и прекращается по основаниям, установленным в ст. 120 СК РФ.

Перечисленные особенности позволяют поставить под сомнение квалификацию алиментного обязательства в качестве гражданско-правового. Представляется, что алиментное обязательство является составной частью правоотношения по семейному содержанию. Эта точка зрения находит подтверждение в науке[16]. Более того, как следует из практики Конституционного суда РФ, алиментное обязательство выполняет функцию конкретизации данного правоотношения[17]. Видится необходимым обратить внимание на п. 2.1 Определения Конституционного Суда РФ от 17 января 2012 г. № 122-О-О «По жалобе гражданина Гниломедова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав подпунктом „о“ пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей»: «Закрепляя обязанность родителей заботиться о детях, Конституция Российской Федерации не устанавливает конкретный порядок исполнения данной обязанности, что <…> обусловливает необходимость установления в отраслевом законодательстве соответствующих правил, определяющих, в частности, порядок исчисления и взыскания с родителей алиментных выплат на содержание несовершеннолетних детей»[18]. Исходя из буквального толкования данного положения, можно утверждать о следующем соотношении обязанностей в имущественных правоотношениях родителей и детей:

- конституционная обязанность родителей заботиться о детях;
- обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей;
- алиментная обязанность.

Данное соотношение объясняется следующим образом: ст. 80 СК РФ, закрепляющая обязанность родителей по содержанию несовершеннолетних детей, направлена на реализацию положений ч. 2 ст. 38 Конституции Российской Федерации (обязанность родителей заботиться о детях)[19]. В свою очередь обязанность, установленная в ст. 80 СК РФ, как следует из толкования Конституционного суда РФ, по своей сути шире алиментного обязательства. Так, ее исполнение презюмируется добровольным, что включает в себя предоставление содержания на уровне самоорганизации участников соответствующего

---

[16] См., напр., Серебрякова А.А. *Правоотношение алиментирования как способ обеспечения потребности алиментополучателя*. Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2022. С. 329.

[17] См., напр., Постановление Конституционного суда РФ от 6 октября 2017 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 115 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.К. Костяшкина». – *СПС «КонсультантПлюс»*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_279737/ (дата обращения: 27.02.2026); Постановление Конституционного суда РФ от 1 февраля 2019 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности подпункта „п“ пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, в связи с жалобой гражданина Г.А. Белоскова». – *СПС «КонсультантПлюс»*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317320/ (дата обращения: 27.02.2026).

[18] Определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2012 г. № 122-О-О «По жалобе гражданина Гниломедова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав подпунктом „о“ пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей». – *СПС «КонсультантПлюс»*. URL: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=126129&cacheid=AAEF3BB8B4F81F4D0246D2F45FFCBFAF&mode=splus&rnd=FHGukg#dyZvkFVxRMLjI5P6 (дата обращения: 27.02.2026).

[19] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – *Российская газета.* 2020. 4 июля; Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты РФ – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 27.02.2026).

правоотношения[20]. Алиментное обязательство, напротив, в большинстве случаев сопряжено с принудительным исполнением обязанности по содержанию несовершеннолетних детей и преследует функцию ее конкретизации.

Фундаментальное значение алиментных обязательств прослеживается применительно к правоотношениям не только родителей и детей, но и остальных членов семьи. Так, большинство обязанностей по семейному содержанию установлены по принципу взаимности, и это, как отмечается в доктрине[21], имеет важное социально-правовое значение в свете положений ст. 7 Конституции Российской Федерации. Разделяя данное мнение, можно утверждать, что алиментное обязательство не может быть квалифицировано в качестве разновидности гражданско-правового обязательства, иначе это противоречило бы тому назначению, которым его наделил законодатель – конкретизация прав и обязанностей правоотношения по семейному содержанию. Таким образом, алиментное обязательство представляет собой установленную семейным законодательством одностороннюю имущественную обязанность, целью которой является жизнеобеспечение нуждающегося члена семьи.

Более того, эта обязанность является составной частью правоотношения по семейному содержанию, что позволяет утверждать о следующей структуре последнего:

1) обязанность одного члена семьи содержать другого по указанным в норме основаниям (основная обязанность), которая в зависимости от формы исполнения подразумевает две производные обязанности:

- обязанность предоставления содержания в натуральной форме;
- обязанность предоставления содержания в денежной форме (алиментная обязанность).

В свою очередь право требования исполнения алиментной обязанности по своей сути соответствует обычному денежному притязанию кредитора к должнику, что позволяет утверждать о наличии ее тесной связи с обязательственным правом только на этапе принудительного исполнения.

Обращение к проблеме правовой природы алиментного обязательства в праве Германии и Австрии также предваряет вопрос о многозначности понятия обязательственного правоотношения. Так, А.В. Егоров отмечает, что в германской юридической литературе наблюдается использование различных терминов для обозначения обязательства (нем. Schuldverhältnis) и обязанности (нем. Verpflichtung, Schuld) [Егоров 2011a:27]. Применительно к обозначению установленных законом обязанностей чаще всего встречается отдельный термин (нем. Pflicht). В германской науке именно он используется для обозначения алиментного правоотношения [von Brinz 1889:777-778; Dernburg 1892:70]. Так, фундаментальное исследование Роберта Бюнгнера «О теории и практике алиментной обязанности» (нем. “Zur Theorie und Praxis der Alimentationspflicht”) определяет алиментное обязательство как «обязанность предоставления содержания, установленную сделкой либо соответствующим положением закона». При этом к основаниям возникновения данной обязанности по закону Р. Бюнгнер относит причинение вреда, (нем. Beschädigung) родство (нем. Verwandtschaft) и брак (нем. eheliche Verhältnis) [Buengner 1879:1]. Учитывая цель данной статьи, далее будет уделено внимание алиментным правоотношениям, возникающим на основании факта родства. В праве Германии, аналогично праву России, обязанностям алиментирования свойственна взаимность. Тем не менее субъектный состав данного правоотношения является отличным, ограничиваясь супругами и родственниками по прямой линии. На основании специфики семейных отношений, лежащих в основе правоотношения алиментирования, в исследованиях более позднего периода также можно заметить его квалификацию в качестве установленной семейным законодательством обязанности. Так, Д. Фолкер определяет правоотношение по содержанию члена семьи как «установленную законом обязанность одного лица посредством оказания поддержки полностью обеспечить удовлетворение жизненных потребностей другого лица или иным образом облегчить бремя его жизнеобеспечения»

[20] Серебрякова А.А. П*равоотношение алиментирования как способ обеспечения потребности алиментополучателя.* Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2022. С. 23-24.

[21] Данилян М.А. *Алиментные обязательства родителей по содержанию несовершеннолетних детей и ответственность за их нарушение.* Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2014. С. 44.

("Die gesetzliche Verpflichtung, einem anderen Menschen durch Unterstützung die Befriedigung seiner Lebensbedürfnisse zu ermöglichen oder zu erleichtern") [Unterhaltsberechnung … 1986:13]. Д. Мартини также рассматривает данное правоотношение в качестве обязанности (нем. Unterhaltsverpflichtung). В германской правовой системе, как и в российской, обязанность по семейному содержанию (алиментное обязательство) нельзя приравнять к гражданско-правовому обязательству не только по причине их особого субъектного состава, но и ряда других особенностей.

1. Тесная связь с конституционными гарантиями. Так, Конституционный суд ФРГ в своих решениях неоднократно отмечал, что нормы о семейном содержании направлены на реализацию положений ст. 3 и ст. 6 Основного Закона ФРГ, в частности, принципов защиты брака и семьи (нем. Schutz von Ehe und Familie), ответственности родителей за детей (нем. Elternverantwortung), гендерного равенства (нем. Gleichberechtigung der Geschlechter), равенства детей, рожденных в браке и вне брака (нем. Gleichstellung nichtehelicher Kinder).

2. Как и в праве России, алиментное обязательство в праве Германии имеет строго целевое назначение. Его цель состоит в обеспечении жизненных потребностей нуждающегося лица посредством предоставления содержания обязанным лицом ("…die Sicherung des Lebensbedarfs des Bedürftigen durch eine Unterhaltsleistung des Verpflichteten") [Unterhaltsrang und -rückgriff … 2000:11, 14-22, 25]. Предоставление содержания (нем. Unterhaltsleistung) может производиться как в натуральной, так и в денежной форме (нем. Natutal- und Barunterhalt).

3. Данное обязательство имеет особые основания возникновения – родство по прямой линии (нем. Verwandtschaft in gerader Linie) нуждаемость (нем. Bedürftigkeit) управомоченного лица и платежеспособность (нем. Leistungsfähigkeit) обязанного лица.

4. Алиментное правоотношение является длящимся и прекращается смертью одной из сторон либо моментом, когда основания возникновения обязанности (родство, нуждаемость, платежеспособность) более не имеют места.

5. В регулировании обязанностей по семейному содержанию лежит публичный интерес [Staudingers Kommentar 1906:458]. По данной причине установлен ряд законодательных ограничений, исключающих применение к алиментным обязательствам некоторых институтов обязательственного права, в частности, запрет на отказ от права на алименты в будущем (абз. 1 § 1614) и общий запрет ареста на имущество, полученное в качестве исполнения обязанности по семейному содержанию (абз. 1 § 850b ГПУ). Алиментные притязания по общему правилу также неотчуждаемы (§ 400 ГГУ) и не могут погашаться зачетом (§ 394 ГГУ).

Таким образом, в праве Германии алиментное обязательство, согласно превалирующему подходу, рассматривается в качестве установленной семейным законодательством обязанности. Более того, данная обязанность представляет собой так называемое базовое правоотношение по семейному содержанию (нем. unterhaltsrechtliches Grundverhältnis) [Unterhaltsberechnung … 1986:13]. Такое обозначение обусловлено германской традицией разграничения основополагающего отношения, регулируемого частным правом, и вытекающим из него притязанием (нем. Anspruch), которое носит обязательственный характер. В соответствии с данным пониманием, право требования семейного содержания идентично притязанию кредитора к должнику в обычном гражданско-правовом обязательстве.

В праве Австрии терминология для обозначения обязательства и обязанности совпадает с используемой в германской науке. Аналогичным образом алиментному обязательству в австрийской правовой системе свойственен ряд особенностей, обусловленных природой регулируемых отношений:

1) субъектный состав. Так, перечень субъектов алиментных обязательств включает в себя супругов и бывших супругов (абз. 2 § 55a и § 66-80 Закона о браке), родителей и детей, а также внуков и дедушек/бабушек (§ 140, §§ 231-235 АГУ);

2) законодательное закрепление алиментных обязательств по принципу взаимности;

3) Учет нуждаемости (нем. Bedürftigkeit) управомоченного и платежеспособности (нем. Leistungsfähigkeit) обязанного лица при определении размера алиментов [Unterhaltsrang und -rückgriff … 2000:152];

4) строго целевое назначение, состоящее в обеспечении жизненных потребностей (нем. Lebensbedarf) управомоченного лица;

5) алиментное правоотношение является длящимся, прекращается моментом достижения управомоченным лицом способности к самообеспечению, либо его смертью[22].

Тем не менее место алиментного обязательства в системе обязательств в австрийской доктрине понимается иначе. Так, согласно сложившемуся консенсусу, алиментное обязательство надлежит квалифицировать как гражданско-правовое обязательство, возникающее на основании закона [Koziol, Bydlinski, Bollenberger 2010:784]. Примечательно, что в исследованиях австрийских специалистов, посвященных данной проблематике, преимущественное внимание уделено особенностям не самого алиментного обязательства, а вытекающего из него притязания (нем. Unterhaltsanspruch)[23] [Kerschner 2010:142-143; Schoditsch, Feka:2021], которое, как и в праве России и Германии, приравнивается к обязательственному праву требования. Таким образом, в праве Австрии алиментное обязательство квалифицируется в качестве установленного законом гражданско-правового обязательства, основное значение которого проявляется на этапе принудительной реализации обязанности должника.

4. Выводы

Анализ российских и германских исследований по вопросу правовой природы алиментного обязательства позволяет утверждать, что в праве России и Германии наибольшее распространение получила концепция смешанной природы алиментного обязательства, однако утверждать о научном консенсусе не представляется возможным. Анализ австрийских исследований демонстрирует наличие относительного консенсуса в праве Австрии по указанному вопросу (превалирует теория гражданско-правовой природы алиментного обязательства). Более того, в рамках превалирующей концепции правовой природы алиментного обязательства австрийскими исследователями выдвигаются дополнительные гипотезы, в частности, теория «ограниченной синаллагмы» в алиментном обязательстве.

Применительно к вопросу места алиментного правоотношения в системе обязательств анализ правового регулирования, доктрины и судебной практики позволят прийти к выводу, что в праве России и Германии алиментное обязательство представляет собой установленную семейным законодательством обязанность, имеющей своей целью жизнеобеспечение нуждающегося члена семьи.

В праве Австрии алиментное обязательство, несмотря на аналогичное целевое назначение, квалифицируется как гражданско-правовое обязательство, установленное законом.

Во всех рассматриваемых юрисдикциях (Россия, Германия, Австрия) притязания из алиментных правоотношений приравниваются к обычному обязательственному праву требования.

Список литературы

1. Братусь С.Н. 1963. *Предмет и система советского гражданского права.* Всесоюз. ин-т юрид. наук. Курс советского гражд. права. Москва: Госюриздат. 197 с.
2. Гонгало Б.М. 2021. *Избранное. В 5 т. Т. 5. Семейное право. Наследственное право.* Международное частное право. Москва: Статут. 310 с.
3. Дыдынский Ф.М. 1896. *Латинско-русский словарь к источникам римского права.* Варшава. 464 с.
4. Егоров А.В. 2011. Многозначность понятия обязательства: практический аспект. – *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. № 4. С. 23-42.
5. Егоров А.В. 2011. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России. – *Вестник гражданского права*. № 3. С. 241-250.
6. Иоффе О. С. 2009. *Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права».* 3-е изд., испр. Москва: Статут. 782 с.
7. Лунц Л.А. 1926. *Деньги и денежные обязательства.* Москва. 33 с.
8. Микрюков В.А. 2021. *Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров.* Москва: Статут. – СПС «КонсультантПлюс».
9. Михеева Л.Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий. – *Семейное и жилищное право.* 2020. № 3; СПС «КонсультантПлюс».

[22] За исключением обязанности детей по содержанию родителей, которая в соответствии с § 234 АГУ прекращается смертью любой из сторон и не переходит в порядке наследования. – *М.З.*

[23] Felber A. *Unterhaltsanspruch wegen Betreuung eines nichtehelichen Kindes im Vergleich Deutschland – Österreich: Vorschlag für einen Systemwechsel im Recht des deutschen und österreichischen Betreuungsunterhalts.* Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktorin der Rechtswissenschaften. Universität Salzburg. Salzburg, 2018. 133 s.

10. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. Москва: Юрайт-Издат, 2007. – *СПС «КонсультантПлюс».*
11. *Обязательство по советскому гражданскому праву.* 1940. М.М. Агарков. Москва: Юридическое изд-во. 171 с.
12. Чашкова С.Ю. 2022. Проблемы алиментного обязательства родителей и детей: частноправовой и публично-правовой аспекты. – *Закон*. № 1; СПС «КонсультантПлюс».
13. Buengner R. 1879. *Zur Theorie und Praxis der Alimentationspflicht*. Leipzig. 182 s.
14. Dernburg G. 1892. *Pandekten*. 3. Band. Berlin. 380 s.
15. Kerschner F. *Bürgerliches Recht. Band V. Familienrecht.* Springer: Wien, 2010. 176 s.
16. *Kurzkommentar zum ABGB.* Hrsg. Von H. Koziol, P. Bydlinski. R. Bollenberger. Springer, Wien. 2328 s.
17. Neuner G.K. 1866. *Wesen und Arten der Privatrechtsverhältnisse.* Kiel. 240 s.
18. Oertmann. P. 1925. Zur Struktur der subjectiven Privatrechte. – *Archiv für die zivilistische Praxis.* 123. Bd., Heft 2. S. 129-160.
19. Puchta G. F. 1855. *Vorlesungen über das heutige römische Recht.* 2. Band. Leipzi. 612 s.
20. Schoditsch Th., Feka V. 2021. *Der Unterhaltsanspruch des Kindes und seine Grenzen.* Monographie. Wien: Verlag Österreich. 109 s.
21. Schulz M.F. 2017. *Alimenta consanguineorum. Das Unterhaltsrecht unter Verwandten in der Rechtsprechung des 19. Jahrhunderts unter Berücksichtigung der zeitgenössischen Literatur.* Berlin: Duncker & Humblot. 290 s.
22. *Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch und seinen Nebengesetzen. Das Familienrech.* 1906. von D. Opet und W. von Blume. Berlin.
23. *Unterhaltsberechnung nach Quoten und Tabellen. Zur Geschichte und Methode der Konkretisierung unterhaltsrechlicher Generalklauseln.* von Volker Diedrich. Berlin: Duncker und Humblot, 1986. 138 s.
24. *Unterhaltsrang und -rückgriff: Mehrpersonenverhältnisse und Rückgriffsansprüche im Unterhaltsrecht Deutschlands. Österreichs, der Schweiz, Frankreichs, Englands und der Vereinigten Staaten von Amerika.* 2000. D. Martiny. Tübingen: Mohr Siebeck. 1372 s.
25. von Brinz A. 1889. *Lehrbuch der Pandekten* (Bd.3, Abt.2, Lfg. 2). Leipzig. 896 s.
26. Winscheid B. 1887. *Lehrbuch des Pandektenrechts.* 2. Band. Frankfurt. 622 s.

References

1. Bratus' S.N. *Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava. Vsesojuz. in-t jurid. nauk. Kurs sovetskogo grazhd. prava [Subject matter and system of the Soviet civil law. All-union Institute of legal sciences. Course of the Soviet civil law]*. Moscow: Gosjurizdat. 1963. 197 p. (In Russ.)
2. Buengner R. *Zur Theorie und Praxis der Alimentationspflicht.* Leipzig. 1879. 182 s.
3. Chashkova S.Ju. Problemy alimentnogo objazatel'stva roditelej i detej: chastno-pravovoj i publichno-pravovoj aspekty [Issues of the alimony obligations of parents and children: private law and public law aspects]. – *Zakon [Law]*. 2022. № 1; SPS «Konsul'tantPljus». (In Russ.)
4. Dernburg G. *Pandekten*. 3. Band. Berlin. 1892. 380 s.
5. Dydynskij F.M. *Latinsko-russkij slovar' k istochnikam rimskogo prava [Latin-Russian dictionary to the sources of the Roman law]*. Warsaw. 1896. 464 p. (In Russ.)
6. Egorov A.V. Mnogoznachnost' ponjatija objazatel'stva: prakticheskij aspekt [Polysemy of the concept of obligation: practical aspect]. – *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii [Herald of the High Court of Arbitration of the Russian Federation]*. 2011a. № 4. P. 23-42. (In Russ.)
7. Egorov A.V. Struktura objazatel'stvennogo otnoshenija: narabotki germanskoj doktriny i ih primenimost' v Rossii [Structure of the obligation relationship: insights of the german legal doctrine and their applicability in Russia]. – *Vestnik grazhdanskogo prava [Herald of civil law]*. 2011. № 3. P. 241-250. (In Russ.)
8. Gongalo B.M. *Izbrannoe. V 5 t. T. 5. Semeĭnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo [Selected papers: in 5 volumes. Vol. 5: Family law. Inheritance law. Private international law]*. Moscow: Statut. 2021. 310 p. (In Russ.)
9. Ioffe O.S. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii civilisticheskoĭ mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «hozjaĭstvennogo prava» [Selected civil law papers: From the history of civil law thought. Civil legal relations. Criticism of the theory of "economic law"]*. 3-e izd., ispr. Moscow: Statut. 2009. 782 p. (In Russ.)
10. Kerschner F. *Bürgerliches Recht. Band V. Familienrecht.* Springer: Wien. 2010. 176 s.
11. *Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch und seinen Nebengesetzen. Das Familienrech.* von D. Opet und W. von Blume. Berlin. 1906.
12. *Kurzkommentar zum ABGB.* Hrsg. Von H. Koziol, P. Bydlinski. R. Bollenberger. Springer, Wien. 2328 s.
13. Lunc L.A. *Den'gi i denezhnye objazatel'stva [Money and pecuniary obligations]*. Moscow, 1926. 33 p. (In Russ.)
14. Miheeva L.Ju. Perspektivy razvitija semejnogo prava na rubezhe desjatiletij [Future prospects of the family law at the turn of the decade]. – *Semejnoe i zhilishhnoe pravo [Family and housing law]*. 2020. № 3; SPS «Konsul'tantPljus». (In Russ.)
15. Mikrjukov V.A. *Analogija zakona i analogija prava v praktike razreshenija semejno-pravovyh sporov [Analogy of legislation and law in the practice of resolution of family law disputes]*. Moscow: Statut. 2021. – SPS «Konsul'tantPljus». (In Russ.)
16. Nechaeva A.M. *Semeĭnoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki [Family law: current theoretical and practical issues]*. Moscow: Juraĭt-Izdat, 2007. SPS «Konsul'tantPljus». (In Russ.)
17. Neuner G.K. *Wesen und Arten der Privatrechtsverhältnisse.* Kiel. 1866. 240 s.
18. *Objazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Obligation in accordance with the Soviet civil law]*. M.M. Agarkov. Moscow: Juridicheskoe izd-vo. 1940. 171 p. (In Russ.)
19. Oertmann. P. Zur Struktur der subjectiven Privatrechte. – *Archiv für die zivilistische Praxis.* 1925. 123. Bd., Heft 2. S. 129-160.
20. Puchta G. F. *Vorlesungen über das heutige römische Recht.* 2. Band. Leipzi. 1855. 612 s.
21. Schoditsch Th., Feka V. *Der Unterhaltsanspruch des Kindes und seine Grenzen.* Monographie. Wien: Verlag Österreich. 2021. 109 s.
22. Schulz M.F. *Alimenta consanguineorum. Das Unterhaltsrecht unter Verwandten in der Rechtsprechung des 19.*

Jahrhunderts unter Berücksichtigung der zeitgenössischen Literatur. Berlin: Duncker & Humblot. 2017. 290 s.
23. *Unterhaltsberechnung nach Quoten und Tabellen. Zur Geschichte und Methode der Konkretisierung unterhaltsrechlicher Generalklauseln.* von Volker Diedrich. Berlin: Duncker und Humblot. 1986. 138 s.
24. *Unterhaltsrang und -rückgriff: Mehrpersonenverhältnisse und Rückgriffsansprüche im Unterhaltsrecht Deutschlands. Österreichs, der Schweiz, Frankreichs, Englands und der Vereinigten Staaten von Amerika.* D. Martiny. Tübingen: Mohr Siebeck. 2000. 1372 s.
25. von Brinz A. *Lehrbuch der Pandekten* (Bd.3, Abt.2, Lfg. 2). Leipzig. 1889. 896 s.
26. Winscheid B. *Lehrbuch des Pandektenrechts.* 2. Band. Frankfurt. 1887. 622 s.

Информация об авторе

Мария Юрьевна ЗЕЛЕНЦОВА
Аспирант кафедры международного частного и гражданского права им С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

zelentsovam@inbox.ru
ORCID 0009-0006-6913-3620

About the Author

Maria Yu. ZELENTSOVA
Postgraduate student at the Department of International Private and Civil Law named after S.N. Lebedev, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

zelentsovam@inbox.ru
ORCID 0009-0006-6913-3620

Издательский дом МГИМО, переплетая Запад и Восток, продолжает традиции Типографии Лазаревского института восточных языков, основанной в 1829 году

МГИМО

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

1829

УЧЕБНАЯ И НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПО ТЕМАМ:

- международные отношения
- страны и регионы мира
- мировая экономика
- международное право
- иностранные языки

mgimo.ru/id

vk.com/mgimoid

books@inno.mgimo.ru